А. Н. ОСТРОВСКИЙ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ 9

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

9

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1978

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

9

ПЕРЕВОДЫ И ПЕРЕДЕЛКИ
(1865—1886)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1978

Р1
О-77

Подготовка текста
и комментарий
В. И. Маликова
Н. Б. Томашевского

Редактор тома
В. И. Маликов

Оформление
Т. П. Винокуровой
Л. И. Орловой
А. М. Юликова

В оформлении переплета использована литография из серии «Виды Замоскворечья». Вторая половина XIX века

О $\frac{70600\text{-}174}{025(01)\text{-}78}$ подписное

А. Н. Островский
Конец 50-х — начало 60-х годов

ПЕРЕВОДЫ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Издавая мои «Драматические переводы и переделки», я считаю нужным сделать небольшую оговорку относительно намерений, которыми я руководствовался при выборе пьес для перевода.

Русская оригинальная драматическая литература в своих пьесах положительно бедна ролями, написанными талантливо и с твердым знанием дела, так что, несмотря на большое количество новых пьес, артисты имеют полное право жаловаться, что им мало дела, мало приятного труда. В этом отношении в иностранных репертуарах, при отсутствии в настоящее время произведений вполне художественных, есть все-таки много хорошего и пригодного для нашей сцены. Не останавливаясь на пьесах, богатых внешними эффектами, я, с единственною целью доставить нашим талантливым артистам полезное упражнение, избирал для перевода только те пьесы, в которых роли написаны умно и представляют какие-нибудь художественные задачи.

Удачен ли был мой выбор и насколько я достиг своей цели, судить не мне — я могу говорить только о моих намерениях.

Успешное исполнение на московской сцене некоторых ролей в этих переводах убеждает меня, что мои труды для артистов не пропали даром.

Перевод комедии Гольдони «Кофейная» не был игран, да и едва ли может иметь успех на сцене. Я перевел «Кофейную» для того, чтобы познакомить нашу публику с самым известным итальянским драматургом в одном из лучших его произведений. В этой пьесе, длинной и переполненной голою моралью (которую я по возможности сокращал), тип дон Марцио показывает, что Гольдони был большой художник в рисовке характеров.

Комедия
в пяти
действиях
У. ШЕКСПИРА
Перевод
с английского

УСМИРЕНИЕ СВОЕНРАВНОЙ

THE TAMING OF THE SHREW

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БАПТИСТА,
богатый падуанский дворянин.

ВИНЧЕНЦИО,
старый дворянин из Пизы.

ЛЮЧЕНЦИО,
сын его, влюбленный в Бьянку.

ПЕТРУЧИО,
дворянин веронский, жених Катарины.

ГРЕМИО, ГОРТЕНЗИО — *женихи Бьянки.*

ТРАНИО, БИОНДЕЛЛО — *слуги Люченцио.*

ГРУМИО, КУРТИС — *слуги Петручио.*

СТАРЫЙ ПЕДАНТ,
представляющий Винченцио.

КАТАРИНА, БЬЯНКА — *дочери Баптисты.*

ВДОВА.

ПОРТНОЙ И РАЗНОСЧИК.

СЛУГИ БАПТИСТЫ И ПЕТРУЧИО.

Действие происходит частью в Падуе, частью в загородном доме Петручио.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В ПРОЛОГЕ

ЛОРД.

ХРИСТОФОР СЛЯЙ,
пьяный медник.

ХОЗЯЙКА.

ПАЖ.

АКТЕРЫ.

ОХОТНИКИ И СЛУГИ,
сопровождающие лорда.

ПРОЛОГ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

У дверей кабачка. Открытая местность.
Входят хозяйка и Сляй.

Сляй. Ей-богу, я тебя отдую.

Хозяйка. В колодки бы тебя, мошенника!

Сляй. Ах, ты, сволочь! Сляи никогда не были мошенниками; справься со старыми летописями: мы пришли в Англию с Ричардом Завоевателем. Поэтому — paucas pallabris [1]; пускай все идет своим чередом! sessa! [2]

Хозяйка. Так ты не заплатишь мне за разбитую посуду?

Сляй. Ни денежки. Ступай, ради святого Иеронима, ложись в холодную постель и погрейся там.

Хозяйка. Ну, так я знаю средство: я приведу десятского. *(Уходит.)*

Сляй. Хоть десятского, хоть сотского, хоть тысяцкого: я знаю, что отвечать по закону. Я, братец, ни на вершок не сдвинусь с места! Пусть их приходят на здоровье. *(Ложится на землю и засыпает.)*

Слышен звук охотничьих рогов.
Входят лорд в охотничьем платье, слуги и охотники.

Лорд

Ты, доезжачий, береги собак-то!
Веселый гончий выбился из сил;

---

[1] Поменьше слов.— Сляй коверкает испанский язык; правильно: pocas palabras *(Прим. пер.)*
[2] Заткнись! *(Искажен. франц.)*

А Злобного сосворить бы с Горланом.
А видел ты, как Серебро махнул
В углу у тына уж остывшим следом?
Давай мне двадцать фунтов — не продам.

1-й охотник

Ну, право, лорд, Звонок ничем не хуже:
Он лаял, даже потерявши след,
И находил его опять два раза.
Поверьте, лорд, он — лучшая собака.

Лорд

Ты, братец, глуп. Будь Эхо побыстрей —
Он стоил бы двенадцати Звонков.
Корми их лучше, вообще, заботься:
Мы завтра тоже едем на охоту.

1-й охотник

Не беспокойтесь, лорд.

Лорд

А это что?
Мертвец иль пьяный? Дышит, посмотри-ка!

2-й охотник

Он дышит, лорд. Но, не нагрейся пивом,
В такой постели крепко не заснуть бы.

Лорд

Беспутный скот: разлегся, как свинья.
О, смерть, подобие твое так гадко!
Ребята, надо пошутить с пьянчугой!
Что, если б вы снесли его в постель —
Да в тонкое белье,— на пальцы перстни,
К кровати ближе добрую закуску,
А подле — слуги. Нищий наш, проснувшись,
Пожалуй, и себя узнать не сможет?

1-й охотник

Да, непременно. Верьте, не узнает.

2-й охотник

Вот странное-то будет пробужденье!

Лорд

Мечтаньем, сном покажется ему.
Берите ж — и ведите шутку тоньше:
Снесите тихо в лучший мой покой;
Развесьте соблазнительных картинок;
Башку ему водой обмойте теплой;
Смолой пахучей надушите в спальне.
Готовьте музыку — и лишь проснется,
Чтоб издавала сладостные звуки.

Лишь рот разинет, все вы в струнку живо,
И с низким и почтительным поклоном
Скажите: «Что угодно вашей чести?»
Тот с тазом стой серебряным, наполнив
Его цветами с розовой водой,
Другой кувшин неси; салфетку третий —
Мол, «не угодно ль вашей чести мыться?»
Один внесет роскошные одежды
И спросит: «Что надеть угодно будет?»
Другие скажут про собак, про коней
И что его болезнь жену печалит.
Сказать ему, что он с ума сходил,
А вспомнит, кто он,— говорить, что бредит,
Что он не кто другой, а славный лорд.
Устройте это хорошенько, братцы!
Отличная у нас забава будет,
Коль вы скромнéнько дело поведете.

1-й охотник

Милорд, поверьте, мы сыграем роли
С такою скромностью, что он поверит,
Что он тот самый, как ему сказали.

Лорд

Берите же, несите полегоньку —
И по местам, лишь только он проснется.

Сляя уносят. Трубы.

Что там за трубы — погляди поди!
Уж, верно, лорд какой-нибудь желает
Здесь отдохнуть, проездивши весь день.

Входит слуга.

Ну, кто же?

Слуга

С позволенья вашей чести,
Актеры предлагают вам услуги.

Лорд

Ну, пусть они войдут.

Входят актеры.

Здорово, братцы!

Актеры

Благодарим покорно вашу милость.

Лорд

Хотите вы здесь на ночь оставаться?

Актеры

Угодно ль вам, а мы служить готовы.

Лорд

Я рад. Мне помнится, вот этот парень
Играл однажды фермерского сына:
Ты волочился, помнишь, за дворянкой.
Забыл, как звать тебя, но в этой роли
Играл ты просто и с большим талантом.

1-й актер

Вы говорить изволите про Сото.

Лорд

Да, правда. Ты сыграл его отлично.
Как раз вы вовремя ко мне попали;
Тем более что я придумал шутку,
В которой вы мне можете помочь.
Вы будете играть пред важным лордом;
Но я боюсь, друзья, за вашу скромность,
Что, видя странные его поступки,—
Он никогда не видывал театра —
Вы не удержите себя от смеха
И тем его обидите; вы знайте,
Что он рассердится при вашем смехе.

1-й актер

Не бойтесь, ваша честь, не засмеемся,
Будь он чудак, забавнейший на свете.

Лорд

Эй, малый, проведи их до буфета
И угости, как можно, порадушней!
Что есть у нас — давай им без отказу.

Актеры и один из слуг уходят.

А ты скажи пажу, Варфоломею,
Чтоб одевался в женскую одежду;
Когда ж оденется, веди к пьянчуге,
Зови «madame» и будь с ним поучтивей.
Скажи, что если заслужить он хочет
Любовь мою, чтоб вел себя важнее;
Как замечал он в благородных дамах,
Как те ведут себя перед мужьями,
И он бы так же обходился с пьяным.
Пусть скажет нежным голосом, учтиво:
«Что приказать угодно вашей чести,
Чтобы могла я, нежная супруга,
Исполнить долг и доказать любовь?»

Пусть, нежно обнимая, и целуя,
И голову склонив к нему на грудь,
Он проливает радостные слезы,
Что муж избавился от той болезни,
В которой он считал себя напрасно
Два семилетия беднейшим нищим.
А если мальчик не имеет женской
Способности когда угодно плакать,
Головка луку очень помогает:
В платок его припрятать хорошенько,
Тогда глаза заплачут поневоле.
Смотри же, кончи поскорей, как можно,
Потом еще получишь приказанье.

Слуга уходит.

Я знаю, мальчик очень ловко примет
И женский вид, и поступь, и наружность.
Послушать бы, как пьяницу он будет
Звать мужем; как от смеха удержаться
Стараться будут люди, угождая
Почтительно простому мужику.
Пойду еще их поучу: со мною
Они умерят лишнюю веселость,
А то, пожалуй, выйдут из границ.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Спальня в доме лорда.
Сляй — в роскошном халате; кругом слуги: один держит платье, другие — таз, рукомойник и принадлежности. Входит лорд, одетый слугою.

Сляй
О, ради бога, кружку пива мне!

1-й слуга
Лорд, не угодно ль сладкого вина?

2-й слуга
Варенья вашей чести не угодно ль?

3-й слуга
Какое платье вам надеть угодно?

Сляй. Я Христофор Сляй — не зовите меня ни лордом, ни вашей честью. Я в жизни моей не пил сладкого

вина, а что касается варенья, то дайте мне варенья из говядины. Не спрашивайте меня никогда, какое платье я надену, потому что у меня кафтанов не больше, чем спин, чулок столько, сколько икр, а башмаков — сколько ног; да еще иногда ног бывает больше, а то так башмаки такие, что сквозь них пальцы видны.

Л о р д

О, небо, прекрати его безумство!
Могучий лорд известнейшего рода,
С таким владением, с таким почетом —
И о себе так низко помышляет!

С л я й. Что такое? Вы хотите свести меня с ума. Разве я не Христофор Сляй, сын старого Сляя, из Буртонской пустыни, родом разносчик, по воспитанию чесальщик, по обстоятельствам вожак медведей, а теперь медник? Спросите Мариану Гаккет, толстую целовальничиху в Винкоте, знает ли она меня. Если она не считает за мной четырнадцати пенсов за пиво, то считайте меня самым лживым мерзавцем во всем христианстве. Не с ума же я сошел! Вот...

1-й с л у г а

Вот это и печалит вашу леди.

2-й с л у г а

Вот оттого и слуги ваши плачут.

Л о р д

Вот отчего не ездят к вам родные,
Испуганные вашим сумасбродством.
Вы вспомните свое происхожденье,
Возьмите, лорд, ваш прежний образ мыслей
И прогоните эти сны пустые.
Взгляните, лорд: готовы ваши слуги —
Все по местам, ждут вашего кивка.
Вам музыки? — так слушайте, играет
Сам Аполлон, и соловьи поют.

Музыка.

Угодно спать? — проводим вас в постелю,
Которая и мягче, и покойней
Семирамиды сладострастных лож.
Гулять угодно? — мы цветы рассыплем;
Кататься? — на коня седло наденем
И с жемчугами золотую сбрую.

Поехать с соколом? — они готовы
И понесутся жаворонков выше.
Охотиться? — собаки громким лаем
Наполнят воздух, а пещеры — эхом.

1-й слуга

Гонять зверей? — борзые ваши скоры,
Быстрей оленей, легче диких коз.

2-й слуга

Картины любите? — мы вам покажем
Над ручейком журчащим Адониса
И Цитере́ю в гибком тростнике,
Который движется ее дыханьем,
Как на игривом ветерке осока.

Лорд

Покажем Ио: нежная девица
Взята обманом и обольщена.
Написано так живо, как на деле.

3-й слуга

Иль Дафну, как бежит в лесу тернистом:
Вот кажется, что брызнет кровь из ног —
И плачет Аполлон при этом виде:
Так живо писаны и кровь, и слезы.

Лорд

Вы знатный лорд и ничего другого.
У вас жена красивее гораздо
Других всех женщин в этот век упадка.

1-й слуга

Покуда слезы о болезни вашей
Еще лица ее не наводняли,
Она была прекрасней всех на свете,
Да и теперь едва ль кому уступит.

Сляй

Я лорд? и у меня жена такая?
Или я грежу? иль я прежде грезил?
Нет, я не сплю: я слышу, говорю,
Я чую запах, осязаю ложе.
Ей-богу, я и в самом деле лорд.
Не медник же, не Христофор же Сляй!
Так приведите на глаза супругу
И все ж таки подайте кружку пива.

2-й слуга

Угодно вашей чести вымыть руки?

Слуги подносят таз, рукомойник и полотенце.

О, как мы рады, видя вас здоровым!
О, если б вы опять пришли в себя!
Пятнадцать лет во сне вы проводили
И, просыпаясь, были, как во сне.

Сляй

Пятнадцать лет! Ей-богу, сон недурен;
Но разве я не говорил ни слова?

1-й слуга

Как можно! Только странны были речи.
Вы, лежа в этой комнате прекрасной,
Сказали, будто вас толкали в шею
На улицу, ругалися с хозяйкой
И в суд ее потребовать хотели;
Что у нее посуда без печатей;
Упоминали про Сесилью Гаккет.

Сляй

А, это девушка из кабачка.

1-й слуга

Ни девка, ни кабак вам неизвестны,
И ни один из тех, что называли,
Ни Стефан Сляй, ни старый Джон Напс-Грис,
Ни Питер Торф, ни Генри Пимпернель
И больше двадцати имен подобных.
Их нет на свете, и никто не знает.

Сляй

Я поправляюсь — ну и слава богу!

Все

Аминь.

Сляй *(слуге)*.

Спасибо, и тебе не будет хуже.

Входит паж в женском платье.

Паж

Здоровье ваше, благородный лорд?

Сляй

Да ничего; кругом еды довольно.
А где ж жена?

Паж

Здесь, благородный лорд. Что вам угодно?

Сляй

Вы мне жена, а не зовете мужем.
Для слуг я точно лорд, а вам — хозяин.

Паж

Владыка мой и муж, муж и владыка,

Я ваша всепокорная жена.

С л я й

Да, знаю. А как звать-то их?

Л о р д

Madame.

С л я й

Да как madame-то? Элисс иль Джоен?

Л о р д

Madame — и только: так зовут все лорды.

С л я й

Madame-жена, вот говорят — я грезил
И спал без малого пятнадцать лет.

П а ж

Мне это время за́ тридцать казалось,
Изгнаннице супружеского ложа.

С л я й

Уж это слишком! Слуги, нас оставьте!
Так раздевайтесь и ложитесь рядом.

П а ж

О, трижды благородный лорд, прошу вас
Меня уволить на одну-две ночи
Или хоть только до заката солнца.
Мне доктора велели непременно,
Чтоб не подвергнуть вас болезни прежней,
Чтоб я не разделяла с вами ложа.
Надеюсь, извинительна причина.

С л я й. Ну, в настоящем положении мне довольно трудно ждать, но мне не хотелось бы впасть в прежнюю болезнь, поэтому подождем, несмотря на нашу плоть и кровь.

Входит с л у г а.

С л у г а

Актеры, слыша, будто вам полегче,
Пришли сыграть веселую пиесу —
Так приказали ваши доктора,
Заметя, что печаль вам кровь сгущает,
А скука к помешательству ведет;
Они советуют игру послушать
И праздному веселью отдаваться,
Что бережет и продолжает жизнь.

С л я й. Хорошо, пускай играют. Что такое — «пиреса», рождественский фарс или скоморошество?

Паж

Нет, их материя повеселее.

Сляй

Какая же матерья — скатерть, что ли?

Паж

Какая-то история, милорд.

Сляй

Ну, поглядим! Madame-жена, со мной садитесь.
Раз в жизни молоды. Пусть будет то, что будет.

Садятся.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Падуя. Площадь.
Входят Люченцио и Транио.

Люченцио

Ты знаешь, Траньо, следуя желанью
Увидеть Падую, наук питомник,
В цветущую Ломбардию я прибыл,
Веселый сад Италии великой.
Любовь и позволение отца,
Его согласие с моим желаньем,
Твое сообщество, слуга мой верный,
Испытанный, напутствием служили
В моей дороге: здесь мы поселимся
И в добрый час занятия начнем.
Я свет увидел в Пизе, знаменитой
Граждáнами почтенными, и там же
Живет отец, богач из первых в мире.
Винченцио, из рода Бентиволи.
Винченцьо сын, воспитанник Флоренцьи,
Обязан оправдать его надежды
И добрыми делами увенчать
Его богатство. С этой целью, Траньо,
Решился я своих занятий время
Ученью добродетели отдать
И мудрости, которая нас учит
Чрез добродетель счастья достигать.
Что скажешь ты? Я в Падую приехал,
Покинув Пизу, как пловец отважный,

Который в глубь летит из мелководья,
Чтобы полнее жажду утолить.

Т р а н и о

Mi perdonate [1], мой синьор. Я тоже
Согласен с вами; даже очень рад,
Что вы решились мудрости сладчайшей
Всей сладостью насытиться; однако
Остережемся, добрый мой синьор,
Чтоб, нравственную мудрость изучая,
Не стать ни стоиками, ни столбами,
Чтоб, Аристотелю вполне отдавшись,
Овидия проклятью не предать.
Не угнетайте логикой друзей,
В простые разговоры не пускайте
Риторики прикрас. Одушевляйте
Поэзией и музыкой себя,
А метафизикой — без принужденья —
И математикой вы занимайтесь:
Что неприятно, то и неполезно.
Тому учитесь, что по сердцу вам.

Л ю ч е н ц и о

Спасибо, Траньо: твой совет хорош.
Будь Бионделло здесь, уж мы давно бы
Устроились и наняли квартиру
Приличную, чтоб принимать друзей,
Которых в Падуе приобрету я.
Постой! Гляди, что зá люди подходят?

Т р а н и о

Не выслал ли их город к нам для встречи?

Отходят.
Входят Б а п т и с т а, К а т а р и н а, Б ь я н к а, Г р е м и о и Г о р т е н з и о.

Б а п т и с т а

Нет, господа, вы мне не докучайте!
Вы знаете, что я решился твердо
Дочь младшую не выдавать дотоле,
Пока я старшей мужа не найду.
Когда бы вы любили Катарину,
Я, зная вас, с охотой бы дозволил
Ухаживать за ней, как вам угодно.

---

[1] Простите меня *(итал.)*.

Гремио

Ухаживать? Ее бы — уходить!
Нет, для меня она сурова очень.
А вот Гортензьо — не возьмет ли он?

Катарина

Скажите мне, какая вам охота
Меня приманкой ставить женихам?

Гортензио

Да, женихам, да только что не вашим.
Вот если б вы милей, любезней были..

Катарина

Нет, вы, синьор, меня не опасайтесь:
Вы далеки от сердца моего;
А будь вы близки, я б похлопотала,
Чтоб голову вам стулом причесать
И, как шуту, вам рожу расписать.

Гортензио

Господь, храни от дьявола такого!

Гремио

Да и меня помилуй, бог!

Транио

Смотрите-ка, да это презабавно!
Она иль дура, или своенравна.

Люченцио

Зато в безмолвии другой мне ясны
Все прелести души ее прекрасной.
Потише, Траньо!

Транио

Вы правы — тише! Досыта глядите!

Баптиста

Уж у меня — что сказано, то свято:
За словом дело. Ну, ступай же, Бьянка,
К себе в покои. Ты не огорчайся:
Моя любовь к тебе не уменьшится.

Катарина

Овечка кроткая, она заплачет;
О чем заплакать-то, не знает только.

Бьянка

Сестрица, радуйся моей печали.
Вам, батюшка, охотно повинуюсь.
Мне общество заменят — лютня, книги:
Я в одиночестве займуся ими.

Люченцио

О Транио, я в ней Минерву слышу!

Г о р т е н з и о

Синьор, для нас поступки ваши странны.
Мне очень больно, что любовью нашей
Мы огорченье доставляем Бьянке.

Г р е м и о

Как, запереть ее, синьор? За что же?
За дьявола? За злой язык одной
Наказывать другую?

Б а п т и с т а

Успокойтесь.
Мое решенье будет неизменно.
Поди, дитя.

Б ь я н к а уходит.

Поверьте мне, она со всей любовью
Поэзией и музыкой займется.
Я приглашу учителей, способных
Образовать их юность. Если вы,
Гортензио и Гремио, найдете
Такого человека, то пришлите.
Я знающему буду очень рад
И ничего не пожалею, только б
Образовать прилично дочерей.
Прощайте! Ты останься, Катарина,
А я пойду да потолкую с Бьянкой.
(Уходит.)

К а т а р и н а

Ну как же! Вот еще! И я пойду: вот мило!
Так временем моим располагать, как будто
Не знаю я, что делать, что не делать! Га!
(Уходит.)

Г р е м и о. Поди хоть к чертовой бабушке! Ты так мила, что никто тебя удерживать не захочет. Любовь наша не так горяча, Гортензио, чтоб нам дуть на пальцы. Попостимся. Пирог не доспел еще с обеих сторон. Прощайте. Как бы то ни было, я так люблю прекрасную Бьянку, что отыщу человека, способного преподавать предметы, изучение которых ей нравится, и пошлю его к отцу ее.

Г о р т е н з и о. Я сам хочу то же сделать, синьор Гремио. Но позвольте еще одно слово. Хотя соперничество наше и не допускало нас до разговоров, но вот вам мой совет, касающийся нас обоих: для того, чтоб снова иметь свободный доступ к прекрасной

нашей Бьянке и быть счастливыми соперниками в любви к ней, мы необходимо должны похлопотать об одном.

Г р е м и о. Позвольте спросить, о чем же?

Г о р т е н з и о. Да о том, чтобы добыть мужа сестре ее.

Г р е м и о.

Какого мужа? Разве черта?

Г о р т е н з и о

Нет, мужа, говорю я.

Г р е м и о. А я говорю — черта! Неужели вы думаете, Гортензио, что, при всем богатстве отца ее, найдется такой дурак, который женится на аде?

Г о р т е н з и о. Полноте, Гремио! Из того, что ни вы, ни я не можем выносить ее крика, еще никак не следует, чтоб не нашлось молодца, который за большое приданое не побоится взять ее при всех ее недостатках. Стоит только напасть на такого.

Г р е м и о. Ну, не скажу. Для меня это все равно что взять приданое с условием, что каждое утро будут тебя сечь у позорного столба.

Г о р т е н з и о. Оно, конечно, что за выбор между гнилыми яблоками! Теперь помеха эта сблизила нас, потому будем дружны, пока сыщем мужа для старшей дочери Баптисты и дадим младшей свободу выйти замуж. Тогда опять за дело! О, милая Бьянка! Кто счастливее, тому она и достанется. Кто скачет быстрее, тот скорее попадает в цель. Что вы скажете на это, синьор Гремио?

Г р е м и о. Я согласен. Я подарил бы лучшую лошадь в Падуе тому, кто осмелился бы выехать на это сватовство, кто решился бы жениться на ней, разделить с нею ложе и избавить от нее этот дом. Идемте!

Уходят.

Т р а н и о *(выходя)*.

Помилуйте, синьор, возможно ль это,
Чтобы любовь так скоро к вам пристала?

Л ю ч е н ц и о

О, Транио, пока не испытал,
Я думал сам, что это невозможно.
И вот, пока стоял я беззаботно,
Над беззаботностью всю силу страсти
Узнал. Тебе призна́юсь: ты мне близок,
Как Анна королеве карфагенской.

Горю я, Траньо, тлею — я погибну,
Коль не достану этой кроткой девы.
Советуй мне: советовать ты можешь;
И помогай: ты хочешь помогать.

Транио

Синьор, бранить бы вас теперь, да поздно:
Любви не выбранишь из сердца. Если
Вы так затронуты любовью, вот что:
Redime te captum quam queas minimo [1].

Люченцио

Благодарю. Ну, продолжай! Я вижу,
Ты мне поможешь — ты благоразумен.

Транио

Синьор, глядели на нее вы долго,
А главное-то видели аль нет?

Люченцио

О, да! Я в ней такую прелесть видел,
Какой дочь Агенора покорила
Юпитера, когда он берег критский
Коленями своими лобызал.

Транио

И только-то? Вы разве не видали,
Как старшая шумела? Эта буря
Для уха смертного невыносима.

Люченцио

Кораллы уст я видел; благовонным
Ее дыханьем воздух наполнялся:
В ней все божественно, прекрасно было.

Транио

Пора его в себя привесть. Очнитесь,
Синьор! Уж если полюбили вы,
Так ухитритесь, как добыть. Вот дело
Какого рода: старшая сестра
Чертовски зла; пока отец не сбудет
Ее из дома, вашей в девках быть;
А для того, чтобы не докучали
Ей женихи, ее он запер в доме.

Люченцио

О, Транио, как он жесток! Но разве
Ты не заметил, что старик ей хочет
Искусного учителя найти?

---

[1] Выкупи себя из плена как можно дешевле *(латин.)*.

Т р а н и о
Ну, как же, слышал; я и план составил.
Л ю ч е н ц и о
Я тоже.
Т р а н и о
Кажется, синьор, мы оба
Придумали одну и ту же штуку.
Л ю ч е н ц и о
Скажи свою.
Т р а н и о
В учители хотите,
В наставники к возлюбленной попасть —
Не так ли?
Л ю ч е н ц и о
Так. Да будет ли возможность?
Т р а н и о
Ну, нет, синьор, нельзя. А кто же будет
Здесь, в Падуе, за вас Винченцьо сыном,
Хозяйничать, учиться, принимать,
И посещать друзей, и угощать их?
Л ю ч е н ц и о
Я все придумал — basta [1], успокойся!
Нас здесь пока никто еще не знает;
А по лицу никак не распознаешь,
Кто барин, кто слуга. Ну и выходит,
Что барином ты будешь за меня
И управлять всем домом и слуга́ми,
А я другим прикинусь: флорентинцем,
Пизанцем или неаполитанцем.
За словом дело! Ну, снимай же платье,
Бери мой плащ и шляпу; Бионделло
Твоим слугою будет; как приедет,
Поворожу, так будет молчалив.
Т р а н и о *(меняясь платьем с Люченцио)*.
Ну, будь по-вашему. Вы так хотите,
А я во всем повиноваться должен.
«Служи ему»,— сказал мне ваш отец,
Когда в дорогу отпускал нас с вами.
Конечно, он сказал не в этом смысле,
Но я с охотой сделаюсь Люченцьо,
А потому, что я люблю Люченцьо...

---

[1] Довольно *(итал.)*.

Люченцио
И потому, что и Люченцьо любит,—
В рабы пойду для девы, взор которой
Очаровал мне раненое сердце.

Входит Бионделло.

Вот и мошенник здесь! Ну где ж ты был?
Бионделло
Где был-то? Вы скажите, где вы сами?
У вас ли Траньо, вы ли у него
Украли плащ, иль друг у друга, что ли?
Люченцио
Да ты не разговаривай, мерзавец:
Некстати шутки. Знай, на все есть время.
Товарищ твой, спасая жизнь мою,
Надел мой плащ, а я, чтобы спастися,
Надел его. Лишь только я приехал,
Как вышла ссора — и убил я в драке
Здесь человека. Я боюсь быть узнан.
Служи ему, как мне,— вот мой приказ;
А я для своего спасенья скроюсь.
Ну, понял?
Бионделло *(в сторону)*.
Ровнехонько ни слова.
Люченцио
О Транио чтоб не было ни слова:
Теперь в Люченцио он превратился.
Бионделло
Тем лучше для него; я сам не прочь бы.
Транио
И я не прочь, лишь только бы Люченцьо
Умел достать меньшую дочь Баптисты.
Не для себя прошу — для господина,
Чтоб в обществе ты был со мной учтивей;
Наедине с тобой — я тот же Траньо,
А при людя́х я господин, Люченцьо.
Люченцио
Пойдем же, Траньо! Стой, еще есть дело,
Которое исполнить ты обязан:
Ты должен тоже женихом явиться.
Зачем? ты спросишь — после объяснится.

1-й слуга. Милорд, вы спите? Вам не до пиесы?

С л я й. Нет, я смотрю, клянусь святой Анной! Славная история, право! А что, много еще осталось?

П а ж. Лишь только начали, милорд.

С л я й. Ведь история важная, madame-жена! Кабы только конец поскорее.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Перед домом Гортензио.
Входят П е т р у ч и о и Г р у м и о.

П е т р у ч и о

С Вероной я простился: повидаться
С друзьями в Падуе хочу и больше
Всех с лучшим и вернейшим другом мне,
Гортензио. Кажись, что этот дом
Его. Валяй-ка, Грумио, у двери.

Г р у м и о. Валять, синьор? Мне валять? Да разве здесь кто обидел вашу милость?

П е т р у ч и о. Мерзавец, разве ты не понимаешь меня?

Г р у м и о. Вас, синьор? Да как же это, синьор? Кто же я такой, чтоб вас колотил, синьор?

П е т р у ч и о

Мерзавец, колоти скорей, да шибче,
Иль береги свою холопью рожу.

Г р у м и о

Мой господин драчун. Ударь-ка я хоть раз,
Так после самому мне не уйти от вас.

П е т р у ч и о

Дождусь ли я? О, черт возьми, не хочешь
Ты колотить? Я на своем поставлю
И sol и fa тебя тянуть заставлю.
(Дерет его за уши.)

Г р у м и о

Ой, помогите! Барин мой взбесился.

П е т р у ч и о

Ты колоти, когда велят, бездельник!

Грумио становится на колени.
Входит Г о р т е н з и о.

Г о р т е н з и о. Что тут такое? В чем дело? Старый друг, Грумио, и мой добрый друг, Петручио! Ну, как вы там в Вероне?

Петручио

На нашу ссору вышли вы, не так ли?
Con tuto il cuore bentrovato[1], вам скажу я.

Гортензио. Alla nostra casa ben venuto, molto honorato signor mio Petrucio[2]. Встань, Грумио, встань. Мы сейчас помирим вас.

Грумио. Нет, латынь его тут не доказательство. Неужели ж и теперь я не имею законной причины отказаться от места? Видите ли, синьор, он велел мне поколотить его, да поколотить хорошенько; а разве прилично слуге обращаться так с господином? Ему уж за тридцать, уж не пьян ли он, чего доброго.
Ей-богу, жаль, что не был я смелее:
Поколотить его — так сам бы был целее.

Петручио

Безмозглый шут! Любезнейший Гортензьо,
Я приказал стучаться негодяю
У двери вашей и не мог добиться.

Грумио. У двери вашей? О, небеса! Да не сами ли вы сказали мне: «Колоти меня, да пошибче, бездельник». А теперь вот говорите, что приказали мне стучаться в двери.

Петручио

Молчи иль прочь поди — вот мой совет.

Гортензио

Оставь, Петручьо. Я вступлюсь за Грумьо.
У вас тут что-то странное случилось,
Между тобой и старым верным Грумьо.
Скажи же мне, какой счастливый ветер
Вас из Вероны в Падую занес?

Петручио

А тот, который молодежь разносит
Искать Фортуны вдалеке от дома,
Где опытность растет довольно туго —
Короче, друг Гортензьо, вот в чем дело:
Отец мой умер; в этот лабиринт
Я кинулся искать себе невесту
Да попытать — не будет ли удачи.
В кармане кроны есть, в дому довольство —
Вот я и вздумал света поглядеть.

---

[1] От всего сердца — счастливая встреча.
[2] Добро к нам пожаловать, многоуважаемый синьор Петручио.

Гортензио

А что, Петручьо, если б я посватал
Жену тебе и злую, и дурную,
Ты за нее спасибо мне не скажешь?
Добавить нужно, что она богата,
Богата очень. Впрочем, мы так дружны,
Что я тебе ее не пожелаю.

Петручио

Между друзьями много слов не нужно —
И если на примете ты имеешь
Богатую невесту для меня,
Чей свадебный припев одно богатство,
Будь так гадка, как рыцаря Флорентья
Любезная, летами, как Сивилла,
И, как Сократова Ксантиппа, зла
И даже хуже — это не изменит
Моих намерений, и пусть суровей
Адриатического моря будет,
Приехал я, чтоб выгодно жениться.
Женюсь — так, значит, я приехал к счастью.

Грумио. Видите ли, синьор, он вам откровенно говорит, как он думает об этом предмете. Ему дайте только золота и жените хоть на кукле, хоть на марионетке, хоть на старой карге, у которой нет ни одного зуба, а болезней столько, сколько у пятидесяти двух кляч,— что ж, ему все под стать, только б деньги были.

Гортензио

Петручьо, так как мы зашли далеко,
Я доскажу тебе, что начал в шутку.
Петручьо, я могу тебе доставить
Жену богатую и молодую,
Красавицу, с дворянским воспитаньем.
Один порок у ней, но стоит многих:
Капризна, зла, сердита до того,
Что, будь мои дела гораздо хуже,
Я не женюсь за золотой рудник.

Петручио

Молчи: ты силы золота не знаешь!
Скажи, как звать отца — с меня довольно.
Я все-таки хочу на ней жениться,
Греми она, как гром в осенних тучах.

Гортензио

Отец ее — Баптист Минолла, добрый

И очень обходительный старик.
Ей имя Катарина; всем известен
Здесь в Падуе ее язык задорный.

Петручио

Ее не знаю, а отец известен:
Он был знаком с моим отцом покойным.
До той поры, пока я не увижу
Ее, я не засну. Вы извините
За неучтивость: я оставлю вас.
Или меня проводите вы сами.

Грумио. Синьор, пусть он идет, благо есть охота. Вот вам честное слово: узнай она его так хорошо, как я, она догадается, что бранью его не возьмешь. Скажи она ему хоть двадцать раз «мошенник» или что-нибудь подобное, это ему ровно ничего. А уж когда он примется, так переберет все брани. Я вам скажу, если только она свяжется с ним, он ей пустит в лицо такую фигуру и так ее обесфигурит, что ей, как кошке, придется смотреть на свет, прищурившись. Вы не знаете его, синьор.

Гортензио

Постой, Петручьо: я пойду с тобой.
Назаперти́, под стражей у Баптисты,
Мое богатство, бриллиант души —
Меньшая дочь, прелестнейшая Бьянка.
Он от меня ее теперь скрывает
И от других, соперников моих.
Он рассудил, что невозможно будет
Ему найти для Катарины мужа
При недостатках, о которых слышал
Ты от меня. Ну, вот он и придумал,
Чтоб Бьянку не видал никто, покуда
Не сбудет с рук проклятой Катарины.

Грумио

Проклятой Катарины! Это слово
Для девушки не очень-то здорово.

Гортензио

Петручьо, друг мой, окажи услугу!
Я поскромней оденусь; ты ж Баптисте
Представь меня хорошим музыкантом
И предложи в учители Биянке.
При этой хитрости мне будет можно
Искать любви ее и волочиться,
Ни в ком не возбуждая подозренья.

Г р у м и о *(в сторону)*. Разве это не плутни? Посмотрите, как молодежь сговаривается обмануть стариков.

Входят Г р е м и о *и переодетый* Л ю ч е н ц и о *с книгами под мышкой.*

Синьор, синьор! Оглянитесь: кто-то идет.

Г о р т е н з и о
Потише, Грумьо: это мой соперник.
Петручьо, отойдемте к стороне.

Г р у м и о
Какой еще молокосос, влюбленный!

Отходят.

Г р е м и о
Прекрасно! Я прочел весь этот список.
Отдайте переплесть как можно лучше.
Одни любовные читайте книги —
Смотрите же — и никаких других.
Вы поняли? К тому, что даст Баптиста,
Добавлю щедро: вы вполне довольны
Останетесь. Бумаги надушите,
Да хорошенько: та, которой руки
Коснутся их, самих благоуханий
Приятнее. Вы что читать начнете?

Л ю ч е н ц и о
Что б ни читал, для вас стараться буду
Как покровителя — вы мне поверьте —
И точно так же, будто бы вы сами;
И даже, может быть, успею больше,
Коль сами вы не очень из ученых.

Г р е м и о
Ученость! О, какая это вещь!

Г р у м и о
Ах ты, кулик! Какой же ты осел!

П е т р у ч и о
Молчи, дурак!

Г о р т е н з и о
Молчи! *(К Гремио.)* Синьору Гремьо!

Г р е м и о
Рад видеть вас, Гортензьо. Угадайте,
К кому идти сбираюсь я? К Баптисте.
Я обещал ему, что позабочусь
Найти учителя прекрасной Бьянке;
И вот, по счастью, встретил человека,
Который по способностям достоин

Быть ей учителем: поэтов знает
И разные другие книги. Верно.

Гортензио

Прекрасно! Вот и мне попался тоже
Приятель и взялся мне отыскать
В учители для Бьянки музыканта.
Вот, значит, мы друг другу не уступим
В готовности служить любимой Бьянке.

Гремио

Любимой мной — дела мои докажут.

Грумио *(в сторону).*

И кошелек.

Гортензио

Теперь не время хвастать
Любовью нашей. Выслушайте только,
И я вам сообщу такую новость,
Которая важна для нас обоих.
Вот дворянин: мы встретились случайно;
Он согласился сватать Катарину,
Коли она ему придет по вкусу,
Лишь было бы приданого довольно.

Гремио

Вот хорошо, кабы за словом дело!
А вы сказали про ее пороки?

Петручио

Задорная, крикливая, я слышал.
Ну, если только — я беды не вижу.

Гремио

Отлично, друг! А вы откуда родом?

Петручио

Я родился в Вероне, сын Антоньо.
Отец мой умер, но живет богатство,
И я хочу жить хорошо и долго.

Гремио

С такой женою? Это очень странно!
Но если вкус такой у вас, так с богом,
Я вам помощник. Нет, вы в самом деле
Хотите свататься за эту кошку?

Петручио

Хочу ль я жить — спросите у меня.

Грумио *(в сторону)*

Он женится — не то ее повесить.

Петручио

Зачем же ехал я, как не за этим?

Ужель от женских криков я оглохну?
Да не слыхал я разве львов рыканья
Иль бурею всклокоченного моря,
Когда оно, как дикий вепрь, ярится?
Иль не слыхал я на полях пальбы,
Иль в тучах гром небесной канонады?
Иль не слыхал я кликов страшной битвы,
И ко́ней ржанья, и звучанья труб?
О женском языке вы говорите?
Да он трещит слабее, чем каштаны,
Когда их мызник жарит на огне.
Пугайте пугалами ребятишек.

Грумио *(в сторону).*
А он не побоится пугал.

Гремио
Чует
Душа моя, Гортензьо, что он прибыл
Для нас к добру и также для себя.

Гортензио
Я обещал, что мы ему поможем
И на себя возьмем издержки свадьбы.

Гремио
И я согласен, только б он женился.

Грумио *(в сторону).*
Я в том уверен больше, чем в обеде.

Входят Транио, в богатой одежде, и Бионделло.

Транио
Синьоры, здравствуйте! Беру я смелость
Спросить у вас: какой дорогой ближе
Пройти мне к дому, где живет Баптиста?

Гремио
Отец прекрасных дочерей — не так ли?
Его вам нужно?

Транио
Да. Эй, Бионделло!

Гремио
Вы не за ней ли уж, синьор, пришли?

Транио
За ним, за ней ли,— вам какое дело?

Петручио
Прошу, синьор, бранчивую не трогать.

Транио
Мне злых не надо. Бионделло, в путь!

Л ю ч е н ц и о *(тихо, Транио).*

Начало хорошо.

Г о р т е н з и о

Синьор, позвольте:
Вы свататься хотите — так иль нет?

Т р а н и о

А хоть бы так, что ж за беда такая?

Г р е м и о

Да ничего, коль вы и прочь сейчас же.

Т р а н и о

А отчего? Здесь улицы свободны
Для вас и для меня.

Г р е м и о

Но не она.

Т р а н и о

Да отчего?

Г р е м и о

Ну, если знать хотите,
Она предмет любви синьора Гремьо.

Г о р т е н з и о

Она предмет любви Гортензьо также.

Т р а н и о

Синьоры, тише! Если вы дворяне,
Прошу меня прослушать терпеливо.
Баптиста, благородный дворянин,
С моим отцом знаком давно, и если б
Еще прелестней дочь имел и больше
Искателей, мог быть и я в числе их:
Их тысячу имела Леды дочь,
Одним пусть будет больше и у Бьянки.
Пусть сам Парис захочет здесь явиться,
Люченцио не прочь поволочиться.

Г р е м и о

Вот чудо! Он заговорит нас всех.

Л ю ч е н ц и о

Вы дайте волю — он сейчас заврется!

П е т р у ч и о

Гортензио, к чему все эти речи?

Г о р т е н з и о

Осмелюсь я спросить у вас, синьор,
Случалось ли вам видеть дочь Баптисты?

Т р а н и о

Нет. Но я слышал, у него их две

И что одна бранчивостью известна,
Другая ж скромностью и послушаньем.

Петручио

Не троньте первую: она моя.

Гремио

Оставим этот подвиг Геркулесу:
Он всех двенадцати важнее будет.

Петручио

Синьор, поймите вы: Баптиста запер
От женихов дочь младшую, которой
Вы добиваетесь, и он не выдаст
Ни за кого ее, пока не выйдет
Сестра ее в замужество; вот тогда уж
И младшая свободна, но не прежде.

Транио

Ну, если так — и вы хотите точно
Нам помогать, так старшую берите,
Чтоб младшую для нас освободить;
И тот из нас, кому поможет счастье
Взять младшую, поверьте, вежлив будет
И не останется неблагодарным.

Гортензио

И сказано, и понято прекрасно.
Но, как жених, вознаградить должны
Вы с нами вместе этого синьора,
Которому обязаны мы столько.

Транио

Я не замедлю. Чтоб вам доказать,
Прошу я всех провесть со мною вечер:
Мы выпьем за здоровье наших дам,
Как стряпчие, которые бранятся
В суде и, как друзья, потом пируют.

Грумио и Бионделло

Ну, вот отлично! Господа, пойдемте!

Гортензио

Недурно предложение. Да будет!
(К Петручио.)
Гортензио твой ben venuto[1] будет.

Уходят.

---

[1] Добрый спутник *(итал.)*.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме Баптисты.
Входят Катарина и Бьянка.

Бьянка
Не тронь меня! Себя ты унижаешь,
Со мною поступая, как с рабой.
Мне только это больно; что ж до тряпок,
Ты развяжи мне руки — я сама
Все платья сброшу, до последней юбки.
Все сделаю, что только ты прикажешь:
Я знаю, как повиноваться старшим.

Катарина
Так вот скажи: кого ты больше любишь
Из женихов своих, да не скрывай.

Бьянка
Поверь, сестра, из всех людей доселе
Не встретила еще ни одного я,
Которого могла бы предпочесть.

Катарина
Ты, душка, лжешь! Гортензио — наверно?

Бьянка
Его ты любишь: так, клянусь, я буду
Сама стараться, чтоб он был твоим.

Катарина
Ну, значит, ты мечтаешь о богатстве:
Ты хочешь Гремио, чтоб жить роскошно.

Бьянка
Ужели ты ко мне его ревнуешь?
Да нет, ты шутишь; да, я понимаю:
Ты это все со мной шутила только.
Прошу, сестрица, развяжи мне руки.

Катарина
А, это шутки! Так и это шутка!
(Бьет ее.)

Входит Баптиста.

Баптиста
Что это? Что ты? Что в тебе за дерзость!
Уйди же, Бьянка! Бедная, как плачет!
Займись шитьем, не связывайся с нею.
Стыдись ты, дьявол, обижать сестру,

Которая тебя не огорчает.
Обидела ль она тебя хоть словом?

Катарина

Я за молчанье ей отмстить хочу.
(Бросается к Бьянке.)

Баптиста

И при моих глазах! Поди же, Бьянка.

Бьянка уходит.

Катарина

Вы ненавидите меня. Я вижу;
Она сокровище; ей надо мужа,
А мне босой плясать у ней на свадьбе,
В аду придется нянчить обезьян.
Молчите: я сидеть и плакать буду,
Пока найдется случай отомстить.
(Уходит.)

Баптиста

Нет дворянина горестней меня!
Но кто-то входит.

Входят: Гремио с переодетым Люченцио, Петручио с переодетым Гортензио, Транио и Бионделло с лютней и книгами.

Гремио *(Баптисте)*.

Здравствуйте, синьор!

Баптиста. Здравствуйте, сосед Гремио! Здравствуйте, синьоры!

Петручио

Благодарю. Синьор, есть дочь у вас
Прекрасная синьора Катарина?

Баптиста

Есть дочь, синьор, ей имя — Катарина.

Гремио

А вы не вдруг: начните по порядку.

Петручио

Да нет уж, Гремио, позвольте мне.
Синьор, я, дворянин веронский, много
Наслышавшись о красоте, уме,
Любезности и скромности стыдливой
И тихом нраве вашей Катарины,
Осмелился явиться к вам незваным,
Чтоб самому проверить все рассказы,

Которых я наслушался довольно.
И вот, синьор *(подводя Гортензио)*, для первого знакомства,
Позвольте вам представить человека —
И математика, и музыканта,
Чтоб научить ее вполне наукам,
Которые, я слышал, ей знакомы.
Отказом вы обидите меня.
Из Мантуи он родом, имя — Личьо.

Баптиста

Я рад вас видеть, также и его.
Но что до дочери до Катарины,
Она, к несчастью, будет не по вас.

Петручио

Я вижу, вам с ней жалко расставаться,
А может быть, и я не нравлюсь вам.

Баптиста

Нет, вы не то... Я дело говорю.
Как ваше имя? Вы откуда родом?

Петручио

Меня зовут Петручьо, сын Антоньо;
Он человек в Италии известный.

Баптиста

Ну, как не знать! Синьор, я рад вам очень.

Гремио

Синьор Петручьо, вы не осердитесь:
Я перебью вас. Надо же нам, бедным,
Сказать хоть слово: вы уж очень скоры.

Петручио

Мне кончить бы хотелось — извините.

Гремио

Я верю вам, но после не тужите.

Я уверен, что предложение Петручио вам приятно. Чтоб не уступить ему в любезности, и я, обласканный вами более других, смело представляю вам этого молодого ученого. *(Подводит Люченцио.)* Он долго учился в Реймсе, знает греческий, латинский и другие языки, так же как он музыку и математику. Его имя Камбио. Прошу вас принять его услуги.

Баптиста.

Тысячу благодарностей вам, синьор Гремио! Очень рад вам, любезный Камбио! *(Обращаясь к Транио.)* Но вы, синьор, вы мне незнакомы. Осмелюсь спросить причину вашего прихода.

Транио

Синьор, прошу простить меня за дерзость,
Что в вашем городе я, незнакомый
И чужестранец, прихожу к вам прямо
Просить руки прекрасной, кроткой Бьянки.
Синьор, я знаю — вы хотите прежде
Отдать в замужество старшую сестру.
Я одного прошу, чтоб вы, узнавши
Мое происхожденье, не лишили
Меня расположенья, как и прочих,
И позволенья посещать ваш дом.
Для ваших дочерей я приношу вам
Вот этот инструмент и эту связку
Латинских книг и греческих. И если
Вы примете, они получат цену.

Баптиста

Люченцьо ваше имя? Вы откуда ж?

Транио

Из Пизы я, синьор, Винченцьо сын.

Баптиста

Он в Пизе сильный человек; я слышал
О нем довольно. Очень рад вас видеть.
(К Гортензио.)
Возьмите лютню.
(К Люченцио.)
Вы возьмите книги.
Сейчас покажут ваших учениц.
Эй, кто-нибудь!

Входит слуга.

Ты к дочерям проводишь
Господ учителей. Да ты скажи им,
Чтобы они их приняли прилично.

Слуга, Гортензио, Люченцио и Бионделло уходят.

Пойдемте в сад, синьоры, погуляем —
Потом обедать. Очень рад вас видеть,
В чем вы не сомневаетесь, надеюсь.

Петручио

Дела мои не терпят: не могу я
К вам каждый день со сватовством являться.
Отца вы знали, а по нем — меня,
Наследника богатства и владений;

Я не расстроил, а устроил их.
Ну, если ваша дочь меня полюбит,
Скажите мне, вы что за ней дадите?

Б а п т и с т а

Умру, так из именья половину;
Теперь получишь двадцать тысяч крон.

П е т р у ч и о

А я за то ей завещаю все,
На случай, если бы вдовой осталась,
Недвижимость и движимость мою.
Напишем же подробно эту запись,
И пусть она для нас контрактом служит.

Б а п т и с т а

Я думаю, что приобресть вам надо
Ее любовь — вот главное-то дело.

П е т р у ч и о

О, это вздор, отец мой! Уверяю,
Она горда, я также непреклонен;
А где два сильные огня сойдутся,
Они сжигают все, что их питало.
Хоть слабый ветер раздувает пламя,
Но очень сильный вихрь задует сразу.
Вот так и я — и мне она уступит:
Мужчина я, а не грудной ребенок.

Б а п т и с т а

Ну, сватайся! Будь счастлива поспешность
Твоя; но ты услышишь много брани.

П е т р у ч и о

Ну вот! Стоят же горы против ветра,
Не покачнутся — дуй хоть беспрестанно.

Входит Г о р т е н з и о с прошибленной головой.

Б а п т и с т а

Что с вами, друг мой? Отчего вы бледны?

Г о р т е н з и о

С испуга бледен — уверяю вас.

Б а п т и с т а

Что дочь моя? Видна ли в ней артистка?

Г о р т е н з и о

Она похожа больше на солдата:
Ей надобно не лютню, а булат.

Б а п т и с т а

Вы, значит, с лютней толку не добились?

Гортензио
Она добила лютню об меня.
Я указал лады, согнув ей руку,
Чтоб показать, как расставляют пальцы;
Вдруг на меня накинулась, как дьявол:
«Так вот лады; ну, я тебя налажу!»
И лютней так по голове хватила,
Что голова прошла сквозь инструмент.
С минуту я, как столб, стоял, из лютни,
Как из колодки, глядя; а она-то
Честит меня гудочником безмозглым
И разными позорными словами,
Как будто их нарочно подбирала,
Чтобы меня больнее оскорбить.

Петручио
Вот мило-то! Ну, мне теперь она
Раз в десять больше нравится, чем прежде.
О, как бы мне с ней поболтать хотелось!

Баптиста *(к Гортензио)*.
Вы успокойтесь — и пойдемте вместе.
Вы с младшей занимайтесь: эта любит
Занятия и будет благодарна.
Петручио, вы с нами? Или разве
Не лучше ли послать к вам Катарину?

Петручио
Я вас прошу. Я буду дожидаться.

Баптиста, Транио, Гремио и Гортензио уходят.

Пускай придет: возьмусь за дело храбро.
Ругаться станет — я скажу на это,
Что распевает, точно соловей;
Нахмурится — а я скажу, что взоры
Ее нежнее розы под росою;
А замолчит — тогда хвалить я стану
За разговорчивость ее: скажу ей,
Что красноречие ее прелестно.
Попросит вон — начну благодарить,
Как будто на неделю оставляет;
Откажет — день я попрошу назначить
Для оглашенья в церкви и венчанья.
Ну, вот идет. Петручьо, говори!

Входит Катарина.

Здорово, Катя, — так ведь ваше имя?

Катарина

Вы плохо слышали: вы, верно, глухи.
Меня зовут не Катей — Катариной.

Петручио

Ей-богу, лжете вы! Зовут вас Катей,
Прелестной Катенькой, сердитой Катей,
Но все же Катей, в целом христианстве
Милейшей Катей. Ты из Катей Катя.
Мне слаще всех конфект такая Катя.
Узнай же, Катя, радость, жизнь моя,
Что слава громкая, гремя повсюду
О доброте и красоте твоей
(Но все ж не столько, сколько б надо было)
Посвататься подвинула меня.

Катарина

Подвинула? Так пусть, кто вас подвинул,
И выдвинет отсюда. Я и вижу:
Вы — движимость.

Петручио

Я — движимость? Какая?

Катарина

Скамейка.

Петручио

Верно. Сядь поди скорее.

Катарина

Осел и создан, чтобы нас носить.

Петручио

И женщина ведь создана на то же.

Катарина

Что до меня, так я не такова.

Петручио

Ну, я тебя обременять не стану:
Я знаю: ты легка и молода.

Катарина

Я так легка, что олуху такому
И не поймать, и все же не тяжеле
Я веса своего.

Петручио

Не легче пчелки.

Катарина

Как сыч понятлив!

П е т р у ч и о

Этот сыч поймает
Тебя, голубку.

К а т а р и н а

Берегись, однако,
А то голубка заклюет сыча.

П е т р у ч и о

Ну, полно ж, осочка: ты очень зла.

К а т а р и н а

Оса? Так ты остерегайся жала.

П е т р у ч и о

Я знаю средство: взять его да вырвать.

К а т а р и н а

Да нужно знать, дурак, где это жало.

П е т р у ч и о

Где жало у осы? Да кто ж не знает?
В хвосте.

К а т а р и н а

Нет, в языке.

П е т р у ч и о

В чьем языке?

К а т а р и н а

У вас хвосты на языке — так в вашем.
Прощайте.

П е т р у ч и о

Мой язык в твоем хвосте?
Нет, стой: я дворянин.

К а г а р и н а

А вот увидим.

(Бьет его.)

П е т р у ч и о

Ударь еще, так я отколочу.

К а т а р и н а

Тогда герба лишишься. Ты ударишь
Меня, тогда не будешь дворянином,
И, значит, у тебя герба не будет.

П е т р у ч и о

Геральдик ты, так запиши мой герб.

К а т а р и н а

У вас на шлеме что — петуший гребень?

П е т р у ч и о

Без гребня хоть, лишь будь моей молодкой.

К а т а р и н а

Не для меня, петух, кричишь цыпленком.

Петручио
Зачем так морщиться? Ну, полно, Катя!

Катарина
От яблоков лесных всегда я морщусь.

Петручио
Да нет их здесь, с чего ж глядеть так кислс?

Катарина
Нет, есть.

Петручио
Ну, где?

Катарина
Жаль, зеркала-то нету.

Петручио
Так это я?

Катарина
Ты молод, а догадлив.

Петручио
Клянусь Георгом, для тебя я молод.

Катарина
Поблек.

Петручио
С заботы.

Катарина
Мне-то нет заботы.

(Хочет уйти.)

Петручио
Постой же, Катя! Нет, ты не уйдешь.

Катарина
Мне оставаться — только вас сердить.

Петручио
Не думай! Я нашел, что ты любезна.
Сказали мне, что ты груба, дика,
Сурова — нет, я вижу, что обманут:
Любезна ты и ласкова, шутлива;
Тиха, зато приятна, как цветочек.
Ты не умеешь хмуриться, коситься
И не кусаешь губ, как злые девки.
Противоречить ты не любишь, кротко
Ты с женихами разговор ведешь,
Учтиво, мило необыкновенно.
С чего же взяли, будто ты хромаешь?
О, сплетники! Орешины прямее,
Стройнее Катя и смуглей ореха,

И зернышка его гораздо слаще.
Пройдись, пройдись: ужели ты хромаешь?

Катарина

Приказывай, дурак, кому ты платишь.

Петручио

Диана рощей так не украшала,
Как эту комнату ты украшаешь, Катя.
Будь ты Дианой, а Диана — Катей,
Ты — целомудренной, она — шутливой.

Катарина

Откуда вы таких речей набрались?

Петручио

Экспромты всё; от матушки достались.

Катарина

Сострила мать, коль родила такого.

Петручио

Я разве прост?

Катарина

Конечно, прост, и скоро
Совсем простынешь ты.

Петручио

Ну, нет, едва ли
Я под бочком твоим простыну. Катя,
Оставим шутки. Коротко и ясно:
Отец твой мне отдать тебя согласен;
Приданое назначено — и хочешь
Или не хочешь — а моей ты будешь.
Я по тебе: тебе такого нужно.
Клянуся светом, при котором видел
И полюбил я красоту твою,
Что я тебя не уступлю другому.
Я с тем рожден, чтоб усмирить тебя.
Поверь мне, Катя, что из дикой Кати
Я сделаю хорошую хозяйку.
Идет отец: не вздумай «нет» сказать!
Хочу и должен взять я Катю замуж.

Входят Баптиста, Гремио и Транио.

Баптиста

Ну что, поладили, синьор Петручьо,
Вы с дочерью?

Петручио

Еще бы не поладить!
Да разве можно нам с ней не поладить?

Б а п т и с т а
С чего же, дочь моя, ты так печальна?
К а т а р и н а
Вы дочерью меня зовете? Вижу
Родительскую нежность вашу: выдать
За сумасшедшего меня хотите,
За наглого, который так уверен,
Что он всего добиться может бранью.
П е т р у ч и о
Вот дело в чем, отец: весь свет и ты —
Вы, говоря о ней, всё только лгали.
Вот сердится, а это только хитрость!
Она не сердится, она — что голубь;
Не вспыльчива, а, как луна, тиха;
Терпением она Гризельда будет,
Стыдливостью — Лукреция-римля́нка.
Короче: так мы нравимся друг другу,
Что в воскресенье будет наша свадьба.
К а т а р и н а
Повесить бы тебя до воскресенья.
Г р е м и о
Петручьо, слышишь ты? До воскресенья.
Т р а н и о
Так вот как вы! Теперь прощай все дело!
П е т р у ч и о
Синьоры, стойте! Я избрал ее.
Она довольна — что же вам за дело?
Мы здесь уговорились с ней нарочно,
Чтоб при лю́дях она казалась злой.
Ну, просто вам сказать, невероятно,
Как полюбила. Нежная девица!
Висит на шее, поцелуи градом
И клятвы сыплются, и всё так быстро,
Что в миг один меня и покорила.
Вы новички, а сто́ит посмотреть,
Как самый слабый покорить сумеет
Капризную, сам-друг оставшись с ней.
Дай ручку, Катя! Я сейчас уеду
В Венецию за платьем к нашей свадьбе.
Вы бал готовьте да гостей зовите —
И Катя будет всех милей — я знаю.
Б а п т и с т а
Не знаю, что сказать! Подайте руки.
Дай бог вам счастья! Дело решено.

Гремио и Транио
Аминь. А мы свидетелями будем.
Петручио
Отец, невеста, вы, друзья, прощайте —
В Венецию! До воскресенья близко.
Безделок нужно разных и колец.
Целуй: мы в воскресенье под венец!

Петручио и Катарина уходят в разные стороны.

Гремио
Как неожиданно сошлись! Скажите!
Баптиста
Я в этой свадьбе роль купца играю —
И наудачу свой товар пускаю.
Транио
Лежал да портился; теперь вам прибыль
Он принесет или потонет в море.
Баптиста
Мне прибыль — мир и тишина меж ними.
Гремио
Счастлива будет — в этом нет сомненья.
Теперь, Баптиста, разговор о младшей.
Уж близок день, которого мы ждали;
Я ваш сосед, из женихов я первый.
Транио
А я люблю сильнее, чем словами
Сказать возможно или даже вздумать.
Гремио
Ты юн и так любить, как я, не можешь.
Транио
Ты сед, ты холоден.
Гремио
А ты кипишь.
Назад, прыгун! За стариком сытее.
Транио
За молодым зато для жен милее.
Баптиста
Синьоры, стойте: я решу ваш спор.
Награда по делам. Кто завещает
Из вас, на случай смерти, больше Бьянке,
Того и Бьянка будет — вот и все!
Скажите, Гремьо, что вы дать хотите?

Гремио

Вы знаете, во-первых, дом, снабженный
Серебряной и золотой посудой
Для умыванья рук ее прекрасных,
Обит обоями из тирских тканей;
Набиты кронами ларцы из кости,
А в кипарисных сундуках ковры,
Наряды, пологи, белье, завесы
И с жемчугом турецкие подушки,
Шитье венецианцев золотое
И медная посуда — все, что нужно
Для дома и хозяйства; да на мызе
Коров молочных сотня, да по стойлам
Быков сто двадцать жирных; остальное
Все в этих же размерах. Я, признаться,
Теперь уж в лéтах, и умри хоть завтра —
Ее все будет, только б согласилась
Моею быть, пока я жив еще.

Транио

Не будь последнего, так хорошо бы!
Я по отце единственный наследник,
И если ваша дочь моею будет,
Я завещаю три-четыре дома
В богатой Пизе, ни один не хуже
Того, что Гремьо в Падуе имеет;
Да каждый год две тысячи дукатов
На часть ее с своих земель даю.
Что, Гремьо, вас задело за живое?

Гремио

Еще с земель две тысячи дукатов?
Мои все земли ровно столько стоят.
Ну, я еще прибавлю ей корабль,
Который в гавани теперь в Марсели.
Ну, что, синьор, я кораблем задел вас?

Транио

Известно всем, что у отца их три,
И все нагружены, и две галеры,
Гребных судов двенадцать: все за нею
Даю и вдвое, что б ни предложили.

Гремио

Я предложил ей все, что я имею,
И больше этого иметь нельзя ей.
Я нравлюсь — так себя и все отдам.

Т р а н и о

Она моя теперь пред целым светом:
Вы обещали. Я даю ей больше.

Б а п т и с т а

Согласен: ваше предложенье лучше —
Но пусть за вас поручится родитель,
Тогда отдам; а нет, так извините.
Умрете вы — она при чем же будет?

Т р а н и о

Одна придирка. Он старик, я молод.

Г р е м и о

И молодые мрут, как старики.

Б а п т и с т а

Синьоры, вот последнее решенье:
Известно вам, что в это воскресенье
Я Катарину замуж отдаю.
В другое воскресенье выдам Бьянку
За вас, когда вы актом укрепите,
Что обещали; нет — отдам за Гремьо.
Прощайте, я благодарю обоих.
(Уходит.)

Г р е м и о

Прощай, сосед. Ну, друг, ты мне не страшен,
Не будет глуп отец твой, не откажет
Тебе всего, чтобы потом под старость
К тебе идти на хлебы. Подождешь:
Лисицу старую не проведешь.
(Уходит.)

Т р а н и о

Чтоб над твоей башкой беда стряслася!
Со мной играешь, так туза получишь.
Я барину сумею услужить.
И отчего б поддельному Люченцьо
Не взять отца, поддельного Винченцьо?
Вот странно! Все отцы добыть хлопочут
Детей себе, а я отца добуду.
Не промахнусь — так молодец я буду!
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Падуя. Комната в доме Баптисты.
Входят Люченцио, Гортензио и Бьянка.

Люченцио
Оставьте же! Вы стали очень дерзки!
Вы скоро позабыли угощенье,
Которым встретила вас Катарина.

Гортензио
Педант задорный, видите: пред нами
Сама богиня музыки небесной,
А потому вы уступить должны.
Сначала час мы музыкой займемся,
Потом вы столько же займетесь чтеньем.

Люченцио
Осел безмозглый! Вы читали мало;
На что нам музыка — вам неизвестно.
Она дана, чтоб освежать наш ум,
Ученьем иль трудами утомленный.
И потому пустите нас заняться
Науками, а забавляйтесь после.

Гортензио
Я вашей брани слушать не намерен.

Бьянка
Обидно мне: вы ссоритесь, синьоры,
О том, что вовсе не от вас зависит.
Не школьник я: меня нельзя заставить
Учиться по часам. Как мне угодно,
Так я и буду заниматься с вами;
Чтоб кончить спор, мы с вами сядем здесь,
А вы возьмите лютню и играйте.
Пока мы кончим, вам и не настроить.

Гортензио
Вы кончите, лишь только я настрою?

Люченцио
Ну, этого не будет. Впрочем, стройте.

Бьянка
Мы где остановились?

Люченцио
Здесь, синьора.

Hac ibat Simois; hic est Sigeia tellus;
Hic steterat Priami regia celsa senis[1].

Бьянка

Переведите мне.

Люченцио. Hac ibat — как я уж вам сказал, Simois — я, Люченцио, hic est — сын Винченцио из Пизы, Sigeia tellus — переодетый для того, чтобы снискать любовь вашу, hic steterat — а Люченцио, что явился женихом, Priami — мой слуга Транио, regia — представляет меня и носит мое имя, celsa senis — чтобы провести старого Панталона.

Гортензио

Синьора, у меня готова лютня.

Бьянка

Послушаем. Фи, как дискант фальшивит!

Люченцио

Поплюйте на колки да снова стройте.

Бьянка

Теперь я вам сама переведу.
Hac ibat Simois — я вас не знаю, hic est Sigeia tellus — я вам не верю, hic steterat Priami — берегитесь, чтоб он не услыхал, regia — не будьте очень самонадеянны, celsa senis — и не отчаивайтесь.

Гортензио

Теперь готово.

Люченцио

Только бас фальшивит.

Гортензио

Нет, бас-то верен; это ты фальшивишь.
(В сторону.)
Однако он горяч и дерзок очень.
Клянусь, что он волочится за нею,
Да ведь и я присматривать умею.

Бьянка

Быть может, после; но теперь не верю.

Люченцио

Не сомневайтесь. Эакид все то же,
Что и Аякс: он назван так по деду.

Бьянка

Учителю должна во всем я верить,
А будь иначе, я бы сомневалась.

---

[1] Там текла река Симоент, здесь Сигейская страна; здесь стоял высокий дворец старого Приама. (Цитата из Вергилия.) *(Прим. пер.)*

Довольно с вами. Личио, начнемте.
Вы не сердитесь, господа, однако,
Что я себе шутливость позволяю.

Гортензио

Ты можешь прочь идти и нас оставить:
Здесь трехголосной музыки не будет.

Люченцио

Вы очень строги.
(В сторону.)
Лучше я останусь,
Да присмотрю за ним, а то сдается,
Что наш прекрасный музыкант влюблен.

Гортензио

Синьора, прежде чем коснетесь лютни
И прежде чем начнете ставить пальцы,
Я объясню вам первые начала
Искусства нашего от самой гаммы,
Короче, и приятней, и понятней,
Успешней, чем другие музыканты.
Вот гамма, переписанная четко.

Бьянка

Уж гамму я давно прошла — и знаю.

Гортензио

А я, чтоб вы мою прочли, желаю.

Бьянка *(читает)*.

«Я — гамма всей гармонии основа!
A-re, Гортензьо Бьянку умоляет:
B-mi, возьми его своим супругом;
C-fa, тебя одну он обожает.
D-sol-re — ключ один, но в нем две ноты;
E-la-mi, сжалься, иль убьешь его ты».
И это гамма ваша? Нет, я больше
Ту, старую люблю. Не легковерна
И старого на новость не меняю.

Входит слуга.

Слуга

Вас просит батюшка оставить книги
И комнату убрать помочь сестрице.
Вы знаете, что завтра будет свадьба.

Бьянка

Любезные учители, прощайте.

Бьянка и слуга уходят.

Л ю ч е н ц и о

А если так, мне нечего здесь делать.
(Уходит.)

Г о р т е н з и о

А мне так есть: тебя подозревать.
Мне кажется, он смотрит, как влюбленный;
Но если, Бьянка, ты себя унизишь
И заглядишься на кого,— не надо,
Иди к кому угодно; коль замечу,
Что ветрена, так сам таков же буду.
(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Перед домом Баптисты.

Входят Б а п т и с т а, Т р а н и о, К а т а р и н а, Б ь я н к а, Л ю ч е н ц и о и с л у г и.

Б а п т и с т а

Синьор Люченцьо, вот и день настал,
День свадьбы Катарины и Петручьо,
А и помину нет еще о зяте.
Что люди скажут? Что за срам такой!
Священник ждет, готов обряд венчальный
Он совершить, а наш жених не едет.
Что скажете вы о таком позоре?

К а т а р и н а

Позор лишь мне! Меня вы против воли
Принудили идти за грубияна,
Капризного, который скор лишь сватать,
А женится — когда ему досужно.
Я говорила, что наглец бесстыдно
Обиды грубой шуткой прикрывает,
И, чтоб его за чудака считали,
Он будет свататься и день назначит,
Сзовет гостей на бал, объявит в церкви,
А сам и не подумает жениться.
Все будут пальцами на Катарину
Показывать и говорить: «Смотрите:
Жена Петручьо! Жаль, что не женился».

Т р а н и о

Баптиста, Катарина, успокойтесь!
Петручьо не обманет — жизнь порукой.
Его случайность только задержала.

Хоть он чудак, но он умен — я знаю;
Хоть он чудак, но честный человек.

Катарина
Уж лучше б вовсе не видать его мне!
(Уходит, плача, с Бьянкой и слугами.)

Баптиста
Поди — тебя не упрекну за слезы.
Такой обиды не снесет святая,
А ты и без того нетерпелива.

Входит Бионделло.

Бионделло
Синьоры, новость! Старая вам новость!
Такая новость... Сроду не слыхали!

Баптиста
И старая и новость — это чудо!

Бионделло. А разве не новость — весть о том, что Петручио едет?

Баптиста. Он приехал?

Бионделло. Нет, синьор.

Баптиста. Так как же?

Бионделло. Он едет.

Баптиста. Скоро ли же он будет тут?

Бионделло. А вот когда будет стоять здесь, где стою, и видеть вас там.

Баптиста. Ну, какие же там старые новости?

Бионделло. А вот: Петручио едет сюда в новой шляпе и в старой куртке; брюки старые, раза три вывороченные; сапоги на нем прежде служили ящиками для свечей; один из них с пряжкой, а другой с завязками; старый, заржавленный меч из городского арсенала, с изломанным эфесом и без ножен и с разорванными ремнями, на хромой лошади; седло старое, изъеденное молью, а стремена разные. Лошадь же сопата, и кажется, что на спине у нее скоро вырастет мох. Кроме того, она больна насосом, паршива, с желтухой, изуродована заушницей и подкожными червями и страдает головокружением; удила изломаны, узда из бараньей шкуры и вся в узлах: видно, он ее часто натягивал, чтобы не дать лошади упасть, отчего она и разрывалась; подпруга сшита из шести кусков; нахвостник бархатный, с дамского седла, с двумя именными буквами, великолепно вынизан гвóздиками и местами связан веревками.

Б а п т и с т а. Кто с ним едет?

Б и о н д е л л о. Его слуга, синьор, — и, клянусь вселенной, убран точно так же, как и лошадь: одна нога в чулке, а другая в шерстяном штиблете; одна подвязана синей, а другая красной покромкой; на голове изношенная шляпа, в которую вместо пера воткнуто «Сорок любовных песен». Чудовище, просто чудовище, и не похож на слугу христианина и дворянина.

Т р а н и о. Какая-нибудь особенная причуда заставила его это сделать. Он часто одевается неприлично.

Б а п т и с т а. Я рад, что он придет, в каком бы виде ни пришел.

Б и о н д е л л о. Да он не придет.

Б а п т и с т а. Да не ты ли сейчас сказал, что придет?

Б и о н д е л л о. Кто придет? Петручио?

Б а п т и с т а. Да, Петручио.

Б и о н д е л л о. Нет, синьор, придет-то его лошадь, а он сидит на ней.

Б а п т и с т а. Это все одно.

Б и о н д е л л о

Клянусь Иаковом
И ставлю целый пенс,
Что конь и человек
Хоть больше одного,
А все ж не двое.

Входят П е т р у ч и о и Г р у м и о (оба одетые в фантастическое отрепье).

П е т р у ч и о

Ну, где же эти франты? Кто же дома?

Б а п т и с т а

Синьор, здорово.

П е т р у ч и о

Не совсем здорово.

Б а п т и с т а

Вы не хромаете?

Т р а́ н и о

Не так одеты,
Как следует.

П е т р у ч и о

А что ж! И в лучшем платье
Все тот же самый я Петручьо буду.
А где же Катя? Где моя невеста?
Что, батюшка? Что вы, друзья, надулись?
И отчего, друзья мои, скажите,

Все общество так смотрит, будто видят
Во мне комету иль какое чудо?

Б а п т и с т а

Вы знаете, что нынче ваша свадьба!
Мы беспокоились, что вас не будет.
Вы хуже поступили, так одевшись.
Долой лохмотья! Как же вам не стыдно?
Они позорят наше торжество.

Т р а н и о

Скажите нам, какой же важный случай
Вас задержал так долго и представил
Теперь сюда ни на́ что не похожим?

П е т р у ч и о

Рассказ велик, и слушать будет скучно.
Довольно с вас: дал слово и — приехал.
Хоть я от слова отступил немного,
Но на досуге в этом оправдаюсь —
Вы будете довольны совершенно.
Где Катя? Я и так замешкал долго.
Проходит утро — нам пора быть в церкви!

Т р а н и о

Вы не кажитесь ей в таком наряде.
Зайдем ко мне: перемените платье.

П е т р у ч и о

Ну, нет, не надо: я явлюсь к ней в этом.

Б а п т и с т а

Не так же вы пойдете с ней венчаться?

П е т р у ч и о

Так именно. Оставьте разговоры.
Со мной венчаться будет, а не с платьем.
Вот если б мог я подновить себя
Так скоро и легко, как это платье,
Для ней бы лучше, а уж мне — так вдвое.
Что ж я, дурак, затолковался с вами!
Пора идти к невесте — поцелуем
Мои права над ней запечатлеть.
(Уходит.)

Т р а н и о

Он с умыслом такой наряд надел.
Однако ж надо будет постараться,
Чтоб он перед венчаньем переделся.

Б а п т и с т а

Пойти и посмотреть, что дальше будет.
(Уходит.)

Т р а н и о *(к Люченцио).*
Одной любви, синьор, тут мало — нужно
Согласие отца, и с этой целью,
Как вашей милости уже известно,
Я приискать стараюсь человека —
И кто б он ни был, мы его настроим,
И будет он Винченцио из Пизы
И в Падуе поручится за вас
Гораздо больше, чем мы обещали.
И вы спокойно насладитесь счастьем
И женитесь на Бьянке по согласью.

Л ю ч е н ц и о
Вот если б музыкант не так старался
Подсматривать за каждым шагом Бьянки,
Нам можно б было обвенчаться тайно.
Потом пускай весь свет со мной заспорит,
Свое я право отстоять сумею.

Т р а н и о
Нет, мы устроим это помаленьку
И осторожно дело поведем,
Перехитрим и Гремио седого,
И близорукого отца Миноллу,
И музыканта Личио обманем.
И все для вас, мой господин Люченцьо.

Входит Г р е м и о.

А, Гремьо! Вы вернулися из церкви?

Г р е м и о
И рад, как будто вырвавшись из школы.

Т р а н и о
А молодые муж с женой уж вышли?

Г р е м и о
Какой он муж — мужик он безобразный!
Она узнает, в чьи попала лапы!

Т р а н и о
Он бешеней ее? Нет, невозможно!

Г р е м и о
Ну, нет, он дьявол — дьявол, сатана!

Т р а н и о
Ведь и она-то дьявол, дьявол тоже!

Г р е м и о
Она пред ним овца, голубка, крошка.
Ну, слушайте! Когда спросил священник,

Согласен ли он Катарину взять,
«Кого ж еще!» — он крикнул и божился
Так громко, что от страху поп и книгу
Не удержал, и лишь было нагнулся,
Чтобы поднять ее, как сумасшедший
Такой пинок ему, что покатились
И поп, и книга. «Пусть их подымает
Теперь, кто хочет»,— он добавил громко.

Т р а н и о
А что ж невеста? Что-нибудь сказала?

Г р е м и о
Она тряслась, он топал и ругался,
Как будто пастырь чем его обидел;
Когда обряд венчанья отошел,
Он попросил себе вина и громко
Здоровье крикнул, будто после бури
Он пьянствовал на корабле с друзьями.
Он разом выпил мускатель; остатки ж
Он кистеру плеснул в лицо за то,
Что тот, тряся своей бородкой тощей,
Пока он пил, как бы просил подачки.
Потом схватил невесту за затылок
И так ее он чмокнул прямо в губы,
Что раздалось по церкви. Я от срама,
Увидя это, выбежал из церкви,
И, вероятно, все почти за мною.
Ну, нет, подобной свадьбы не бывало!
Чу, слышите? Играют музыканты.

Музыка.
Входят П е т р у ч и о, К а т а р и н а, Б ь я н к а, Б а п т и с т а, Г о р т е н з и о, Г р у м и о, с л у г и и с в и т а.

П е т р у ч и о
За хлопоты, друзья, благодарю вас!
Со мною вы хотите пообедать
И приготовили мне пир роскошный;
Но я спешу: дела мои не терпят,
И должен я сейчас проститься с вами.

Б а п т и с т а
Ужели вы хотите ехать на ночь?

П е т р у ч и о
Нет, даже прежде, чем наступит вечер.
Не удивляйтесь! Если бы вы знали

Дела мои, меня вы гнали б сами.
Благодарю, честные господа.
Вы видели, как сам себя я отдал
И кроткой, и прекраснейшей из женщин.
Обедайте ж и выпейте с отцом,
А я сейчас уеду. Ну, прощайте!

Транио
Мы просим вас — останьтесь пообедать.

Петручио
Никак нельзя.

Гремио
И я прошу остаться.

Петручио
Я не могу, нельзя.

Катарина
Ну, я прошу вас.

Петручио
Я очень рад.

Катарина
Вы рады здесь остаться?

Петручио
Я рад, что просите меня остаться.
А не останусь, сколько б ни просили.

Катарина
Любя меня, останьтесь!

Петручио
Лошадей!

Грумио
Они готовы, и овес уж съеден.

Катарина
Как хочешь ты, но нынче не поеду,
Ни завтра я, пока не захочу.
Ворота отперты, а вот дорога —
Ступай, покуда крепки сапоги,
А я останусь, сколько мне угодно.
Сейчас и видно — вы хороший муж:
Вы с самого начала доказали.

Петручио
Ну, полно, Катя, не сердись, прошу я.

Катарина
Хочу сердиться! Вам какое дело?
Он здесь останется — вы успокойтесь.

Гремио
Теперь, синьор, пойдет у них работа.

Катарина
Прошу за стол, синьоры! Да, я знаю,
Что женщину недолго одурачить,
Когда она противиться не в силах.
Петручио
Они пойдут, послушаются Катю.
Синьоры, повинуйтесь новобрачной:
Повиноваться нужно ей. Ступайте,
Пируйте, пейте за ее невинность
Безумно, весело, иль убирайтесь!
А что до Кати, так она уедет.
Ты не косись и не ворчи, не топай!
Ты собственность моя, я твой владыка.
Моя земля ты, дом и двор, посуда,
Ты поле, житница, моя ты лошадь,
Мой вол, осел — ну, словом, все мое.
Вот здесь она: ну тронь ее, кто смеет!
Я проучу того, кто загородит
Мне в Падуе дорогу с нею. Грумьо,
Бери свой меч: разбойники напали —
Спаси синьору, если ты мужчина.
Тебя не тронут, Катя, ты не бойся:
Я отобьюсь хоть против миллиона.

Петручио, Катарина и Грумио уходят.

Баптиста
Ну и ступайте с богом! Вот так пара!
Гремио
Ну, не уйди — я умер бы со смеху!
Транио
Подобного безумства не бывало.
Люченцио
Что скажете, синьора, о сестрице?
Бьянка
Что сумасшедший свел ее с ума.
Гремио
Нет, разве он окатаринен ею.
Баптиста
Соседи и друзья, на нашем пире
Не будет молодой и молодого,
Зато не будет недостатка в блюдах.
Люченцьо, вы на место жениха
Садитесь, Бьянка сядет за невесту.

Т р а н и о

Чтоб приучалась Бьянка быть невестой.

Б а п т и с т а

А почему ж не так? Идем, синьоры!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в загородном доме Петручио.
Входит Г р у м и о.

Г р у м и о. Черт возьми всех усталых кляч, всех бешеных бар и все гадкие дороги! Был ли кто так избит, так забрызган грязью? Уставал ли когда так человек? Меня послали вперед разводить огонь, а они приедут греться. Не имей я способности, как все маленькие горшки, согреваться вдруг, мои губы примерзли бы к зубам, язык — к нёбу, а сердце — к брюху, прежде чем я успел бы развести огонь, чтоб оттаять себя. Но, раздувая огонь, я сам поразогреюсь. Судя по этой погоде, не то что я, а и большой человек может простудиться. Эй, Куртис!

Входит К у р т и с.

К у р т и с. Кто зовет меня так холодно?

Г р у м и о. Кусок льду; если ж сомневаешься, можешь скатиться с плеча моего к пяткам — и не надо тебе больше разбегу, как от головы до шеи. Огня, добрый Куртис!

К у р т и с. А что, Грумио, наш барин с молодой женой едут?

Г р у м и о. Да, Куртис, и потому — огня, огня! Ты давай огня, а не переливай из пустого в порожнее.

К у р т и с. А что, она в самом деле так горяча и зла, как о ней рассказывают?

Г р у м и о. Да, добрый Куртис, была горяча до этого мороза. Но ты знаешь, зима укрощает и мужчину, и женщину, и скотину; поэтому она укротила и старого барина, и новую барыню, и меня, брат Куртис.

К у р т и с. Убирайся ты, трехвершковый дурак! Я-то уж не скотина.

Г р у м и о. Я трехвершковый? Да в твоих рогах фут и во мне — столько же росту, по крайней мере. Будешь ты разводить огонь, или мне пожаловаться на тебя барыне? Хоть она и сама под рукой, а тебе от ее руки будет холодно за твою неисправность в горячей должности.

К у р т и с. Расскажи-ка лучше, Грумио, что делается на свете?

Г р у м и о. В свете все холодно, добрый Куртис, кроме твоей должности — и потому ты давай огня! Делай должное и бери должное. Барин с барыней чуть до смерти не замерзли.

К у р т и с. Вот тебе огонь. Теперь — новости, добрый Грумио.

Г р у м и о *(напевает)* «Ну, Джек! ну, малый!» Столько новостей, сколько тебе угодно!

К у р т и с. Ты все шутишь. Ох ты, продувной!

Г р у м и о. Да, меня продуло не на шутку, потому я и просил тебя раздуть огонь. Где повар? Готов ли ужин? Убран ли дом? Посыпаны ли полы, обметена ли паутина, а прислуга в новом ли платье и белых чулках, и все ли в свадебном наряде? Рюмки и стаканы вымыты ли и снутри, и снаружи? Разостланы ли ковры, и все ли у вас в порядке?

К у р т и с. Все готово! Сделай милость, рассказывай новости.

Г р у м и о. Во-первых, знай, что моя лошадь устала, а господин и госпожа упали.

К у р т и с. Как?

Г р у м и о. С седел в грязь. Тут целая история.

К у р т и с. Так рассказывай, добрый Грумио.

Г р у м и о. Дай-ка сюда ухо!

К у р т и с. На, вот.

Г р у м и о *(бьет его по уху)*. На, вот!

К у р т и с. Да этак чувствуешь новость, а не слышишь.

Г р у м и о. Оттого рассказ и называется чувствительным. Впрочем, этот удар для того, чтобы разбудить твое внимание. Начинаю: imprimis[1], мы съезжали с грязного пригорка; барин позади барыни.

К у р т и с. Оба на одной лошади?

Г р у м и о. А тебе что за дело?

К у р т и с. Да лошади-то каково!

---

[1] Во-первых *(латин.)*.

Г р у м и о. Ну, так сам и рассказывай эту историю. Не перебей ты меня, ты услыхал бы, как ее лошадь упала, а она под лошадь; услыхал бы, в каком это грязном месте было, как она загрязнилась, как он оставил лежать ее под лошадью; как колотил меня за то, что ее лошадь споткнулась; как она шлепала по грязи, чтоб оттащить его от меня; как он ругался, а она, до сих пор не просившая никого, просила его; как я орал, а лошади разбежались; как изорвалась ее уздечка, а я потерял подпругу. Ты услыхал бы еще много других замечательных вещей, которые теперь умрут в забвении, а ты сойдешь в могилу, не зная ничего этого.

К у р т и с. Так, выходит, он еще сердитей ее?

Г р у м и о. Еще бы! А вот и ты, и все вы узнаете это, как он приедет. Да что я толкую! Позови Нафанаила, Иосифа, Николая, Филиппа, Вальтера, Блюдолиза и прочих: пусть они причешут головы поглаже, вычистят синие колеты, подвяжут чулки свои разноцветными подвязками, чтобы они становились на левое колено и не смели касаться даже к хвосту лошади господина, пока не поцелуют рук их. Все ли они готовы?

К у р т и с. Готовы.

Г р у м и о. Зови их.

К у р т и с. Слышите! Эй вы! Вам надо встретить барина, чтоб показать барыне приличный вид.

Г р у м и о. Зачем же ей? У ней свой есть.

К у р т и с. Да кто ж этого не знает?

Г р у м и о. Да ты; потому что собираешь людей, чтоб показать вид.

К у р т и с. Я сзываю, чтоб показать ей доверие.

Г р у м и о. Да она едет не за тем, чтоб занимать у вас.

Входят слуги: Н а ф а н а и л, Ф и л и п п, И о с и ф и Н и к о л а й.

Н а ф а н а и л. С приездом, Грумио.

Ф и л и п п. Как ты поживаешь, Грумио?

И о с и ф. Здоров ли ты, Грумио?

Н и к о л а й. Ну, как ты, Грумио?

Н а ф а н а и л. Что нового, старый шалун?

Г р у м и о. Здравствуй, ты! Ну, а ты! Ты что? Ты, товарищ! Ну и будет с вас. Теперь, нарядные друзья мои, все ли готово? Все ли у вас в порядке?

Н а ф а н а и л. Все. А что, далеко еще наш барин?

Грумио. Здесь, под носом, уж соскочил, я думаю, с лошади, а потому... А, черт возьми! Молчите! Я слышу голос его.

Входят Петручио и Катарина.

Петручио
Где ж олухи? Ни одного в воротах:
Ни стремя подержать, ни взять коня!
Нафанаил, Филипп, Григорий, где вы?

Слуги
Мы здесь, синьор, мы здесь, синьор, мы здесь!

Петручио
«Мы здесь, синьор, мы здесь, синьор, мы здесь!»
Болваны, ни малейшего вниманья,
Ни уваженья должного! А где же
Тот бестолковый, что вперед был послан?

Грумио
Я здесь — и все такой же бестолковый!

Петручио
Болван, поганец, кляча, не тебе ли
Я приказал, чтоб ты нас встретил в парке
И взял с собой всех этих негодяев?

Грумио
Нафанаилу куртка не готова,
Гавриле не подшиты башмаки,
А у Петра не вычернена шапка,
У Вальтера же шпага без ножен;
Одеты только Ральф, Адам, Григорий,
Другие же, как нищие, в лохмотьях;
А впрочем, все собрались встретить вас.

Петручио
Мерзавцы, ужинать скорей давайте!

Слуги уходят.

(Поет.)
«*Где ж ты, жизнь моя, моя прежняя!*»
Да где ж вы там?
Садись же, Катя, милости прошу.
Ух-ух-ух-ух!

Слуги вносят ужин.

Да ну же, Катя, будь повеселее!
Эй, негодяи, сапоги стащите!
(Поет.)

«Жил да был монах убогой,
Он пошел путем-дорогой...».
Разбойник, прочь: ты выдернул мне ногу!
(Бьет его.)
А вот, чтоб ты не оторвал другую.
Да веселей же, Катя! Эй, воды мне!
А где Троил, собака? Эй, болван!
Зови скорее брата Фердинанда.
Ты, Катя, с ним должна поцеловаться.
А туфли где? Дадут ли нам воды?

Подают воду.

Мой руки, Катя,— и покорно просим.

Слуга роняет рукомойник.

Мерзавец, урони еще, попробуй!
(Бьет его.)

Катарина
Ну, успокойся: он ведь не нарочно.

Петручио
Мерзавец, вислоухий негодяй!
Садись же, Катя: ты проголодалась.
Сама прочтешь молитву или мне?
А это что? Баранина?

1-й слуга
Так точно.

Петручио
Кто подал?

1-й слуга
Я.

Петручио
Она подожжена —
И все подожжено. Что за собаки!
Где повар-негодяй? И как вы смели
Подать такую гадость! Вам известно,
Что не стерплю. Долой тарелки, рюмки!
(Сбрасывает со стола кушанье и посуду.)
Безмозглые, беспечные болваны!
Как, вы ворчать еще! Так я же вас!

Катарина
О, друг мой, я прошу вас — успокойтесь!
Недурно кушанье — вам показалось.

Петручио
Нет, Катя, подожженное, сухое,

А это строго мне запрещено:
И развивает желчь, и гнев вселяет.
Уж лучше мы немного поговеем,
Чем есть горелое, сухое мясо.
И без того с тобой мы оба желчны.
Ты потерпи: мы утром наведем,
А ночью уж поститься вместе будем.
Пойдем, я в спальню провожу тебя.

Петручио и Катарина уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Другая комната.
Входят: Нафанаил, Петр и Грумио по одному.

Нафанаил
Ну, Петр, видал ли ты такие штуки?

Петр
Ее ж орудием ее ж и бьет.

Входит Куртис.

Грумио
Ну, где он?

Куртис В спальне проповедь читает
О воздержании и сам бранится,
Клянется, бесится; она ж, бедняжка,
Не знает, где ей стать, куда смотреть,
Что говорить: сидит как бы впросонках.
Уйдем, уйдем, он сам идет сюда!

Петручио возвращается.

Петручио
Над ней господство я искусно начал;
Надеюсь, что и кончу я с успехом.
Теперь мой сокол навострен порядком;
Пока к рукам привыкнет, корма меньше:
Как зоб набьет, тогда плоха охота.
Еще есть средство приручить ее,
Заставить подходить и знать мой голос:
Мешать ей спать, как коршуну мешаем,
Когда не слушает, клюет и бьется.
Она не ела нынче и не будет;
Той ночью не спала, не спать и в эту.
Как в кушанье, так точно и в постели
Найду я небывалый недостаток;

Сюда подушки, а туда перину,
Направо полог, простыню налево,
И покажу ей в этом самом шуме,
Что из любви все это происходит;
А кончу тем, что не заснет и нынче.
Задремлет — я кричать и бесноваться
И громким криком прогоню ей сон.
Вот способ уморить жену любовью!
Но я убью лишь бешеный характер.
Кто знает лучше усмирять капризных,
Пусть скажет нам: ведь это будет благо.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Падуя. Перед домом Баптисты.
Входят Транио и Гортензио.

Т р а н и о
Возможно ль, друг, чтоб Бьянка полюбила
Кого-нибудь другого — не Люченцьо?
Я пользуюсь ее расположеньем.

Г о р т е н з и о
Я докажу вам. Станемте к сторонке —
И слушайте, чему ее он учит.

Отходят к стороне. Входят Бьянка и Люченцио.

Л ю ч е н ц и о
Ну, как вам нравится мое ученье?

Б ь я н к а
Чему вы учите, вы мне скажите.

Л ю ч е н ц и о
Одно искусство знаю я — любить.

Б ь я н к а
А вы владеете искусством этим?

Л ю ч е н ц и о
А вы владеете моей душою.

Отходят.

Г о р т е н з и о
Каков успех! Что скажете теперь?
А вы осмелились сказать, что Бьянка
Лишь только одного Люченцьо любит.

Т р а н и о
Любовь коварная! Непостоянство!
Нет, это удивительно, друг Личьо.

Гортензио
Не заблуждайтесь больше: я не Личьо,
Я не учитель музыки; мне стыдно,
Что из любви пред ней я притворялся.
Она пренебрегает дворянином —
И любит низкого простолюдина:
Узнайте же — меня зовут Гортензьо.

Транио
Синьор Гортензьо, много я наслышан
Про вашу преданность синьоре Бьянке.
Уверившись в ее непостоянстве,
Мы вместе с вами, если вы согласны,
Откажемся от Бьянки наотрез.

Гортензио
Смотрите, как целуются! Люченцьо,
Вот вам рука моя: я вам клянусь,
Что от нее отказываюсь вовсе.
Она не стоит той любви горячей,
Которую я тратил так безумно.

Транио
И я клянусь, что не женюсь на ней;
Навязывайся хоть сама — не надо!
Смотрите, как любезничают зверски!

Гортензио
Ее бы бросить всем: пусть он при ней!
А я, чтобы верней исполнить слово,
В три дня, не позже, на вдове богатой
Женюсь: она меня любила даже,
Когда любил я гордое созданье.
Синьор Люченцио, прошу прощенья!
Одной любовью нежной, а не взглядом
Мою любовь приобрести возможно.
Прощайте! Я останусь верен клятве.

Люченцио и Бьянка подходят.

Транио
Синьора Бьянка, счастья вам желаю
И всяких радостей, любви взаимной!
Ха-ха! Я подсмотрел все ваши шашни,
И мы от вас с Гортензьо отказались.

Бьянка
Вы шутите! Ужели отказались?

Транио
Да, оба.

Люченцио

Личьо больше не опасен.

Транио

На вдовушке веселенькой он хочет
Посвататься и в тот же день жениться.

Бьянка

Дай бог им радости!

Транио

Поверьте,
Он усмирит ее.

Бьянка

Он сам сказал?

Транио

За тем пошел он в школу усмиренья.

Бьянка

Да разве есть такая школа?

Транио

Есть.
Петручьо в ней учителем, синьора.
Он учит, как капризных усмиряют
И язычок привязывают им.

Вбегает Бионделло.

Бионделло

Синьор, синьор, я сторожил так долго,
Что хуже пса устал, и наконец-то
Подметил старикашку. Он с горы
Спускается. Такой годится.

Транио

Кто он?

Бионделло

Купец или педант — синьор, наверно,
Не знаю я. По виду, по наряду
И по всему отец он настоящий.

Люченцио

Ну что ты, Транио, об этом скажешь?

Транио

Коль он доверчив и поверит сказке,
Я сделаю, что будет рад назваться
Винченцио и даже поручиться
Перед Баптистой, как и сам Винченцьо.
А для успеха вы меня оставьте.

Люченцио и Бьянка уходят. Входит педант.

Педант

Здоровы будьте!

Транио

Здравствуйте, синьор!
Вы остаетесь здесь или в дорогу?

Педант

Я погожу неделю или две,
А там опять в дорогу, в Рим и дальше,
И в Триполи, коль, бог даст, доживу.

Транио

Откуда вы?

Педант

Из Мантуи я родом.

Транио

Из Мантуи? О, сохрани вас бог!
Вы в Падуе — и вам за жизнь не страшно?

Педант

За жизнь? Да что же? Это что-то страшно.

Транио

Всех мантуанцев в Падуе казнят —
Ужель не знали вы? Венецианцы
Задерживают ваши корабли:
Дож, с вашим герцогом враждуя лично,
Такое повеленье объявил.
Мне странно! Если бы пришли вы прежде,
Вы б услыхали это приказанье.

Педант

Синьор, дела мои выходят плохи!
Я из Флоренции для перевода
Взял векселя — их нужно предъявить.

Транио

Чтоб вам, синьор, услугу оказать,
Вот посоветовать что вам теперь могу я:
Скажите мне, бывали ли вы в Пизе?

Педант

Да, как же, я бывал там часто. Пиза
Своими гражданами знаменита.

Транио

А вы Винченцио там не знавали?

Педант

Я знать не знал; зато слыхал частенько:
Купец, один из самых богатейших.

Транио

Он мой отец, синьор — и по обличью

Вы на него значительно похожи.

Б и о н д е л л о *(в сторону)*

Как яблоко на устрицу — не больше!

Т р а н и о

Чтоб вашу жизнь спасти, синьор, желаю
Я в этой крайности вам услужить.
Я полагаю, что с Винченцьо сходство
Поможет вам немало в этом деле.
Возьмите имя и кредит его.
Вы у меня найдете помещенье.
За дело принимайтесь хорошенько.
Вы поняли, синьор? — И безопасно
Вы все дела здесь можете окончить.
Принять услугу эту вы согласны?

П е д а н т

О, с благодарностью — и вас считаю
Спасителем я жизни и свободы.

Т р а н и о

Ну, так пойдемте и уладим дело;
Однако же я вас предупреждаю,
Что сб дня на день ждем отца сюда
Для заключенья брачного контракта
Меж мной и младшей дочерью Баптисты.
Я обо всем подробно расскажу вам.
Пойдемте! Надо вам переодеться.

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

*Комната в загородном доме Петручио.
Входят К а т а р и н а и Г р у м и о.*

Г р у м и о

Нет, я не смею — я клянусь вам жизнью!

К а т а р и н а

Чем мне обидней, тем и он жесточе.
Он взял жену, чтоб с голоду морить.
И нищий, что просил у нашей двери,
Подачу получал, а коль откажут,
Так он в других находит состраданье;
А я и не умела, и не знала
Нужды просить. Я голодом томлюся
И мучусь жаждой сна — он прогоняет
Мой сон проклятьями, а бранью кормит.
И что больнее мне, что все под видом

Любви ко мне, как будто бы сказали
Ему, что если я усну, поем,
Так захвораю иль умру наверно.
Ну, принеси ж мне что-нибудь скорее;
Мне все равно, была бы только пища.

Грумио
Что скажете насчет телячьей ножки?

Катарина
Ну и прекрасно. Подавай скорее!

Грумио
Да я боюсь, чтоб вас не раздражило.
Вот разве жирных жарсных кишок?

Катарина
Я их люблю. Ступай за ними, Грумьо!

Грумио
Боюсь: они подействуют на желчь.
Вот разве уж говядины с горчицей?

Катарина
Да, это блюдо я люблю, и очень.

Грумио
Но ведь горчица будет горячить.

Катарина
Говядину подай мне без горчицы.

Грумио
Ну нет, нельзя, синьора: без горчицы
Говядины вам Грумьо не подаст.

Катарина
Говядину одну или с горчицей.

Грумио
Так лучше без говядины горчицы.

Катарина
Поди же вон сейчас! Ты лгун, насмешник:
Названиями кушаньев ты кормишь.
Проклятие тебе и всей ватаге,
Которая моей беде так рада!
Вон, говорю я, с глаз моих долой!
(Бьет его.)

Входят Петручио *с блюдом кушанья и* Гортензио.

Петручио
Как поживаешь, Катя? Что печальна?

Гортензио
Как поживаете?

К а т а р и н а Донéльзя худо!

П е т р у ч и о

Повеселее будь; взгляни получше.
Ты видишь, как я о тебе забочусь:
Состряпал сам и сам принес к тебе.
(Ставит блюдо на стол.)
Я думаю, сказать спасибо можно;
А ты ни слова — стало быть, невкусно —
И хлопотал я для тебя напрасно?
Возьмите! Эй!

К а т а р и н а

Ах, нет! Прошу, оставьте!

П е т р у ч и о

Благодарят и малую услугу.
Не тронь, пока не скажешь мне спасибо.

К а т а р и н а

Синьор, я вас благодарю за это.

Г о р т е н з и о

Петручьо, стыдно! Не срамись! Синьора,
Я к вам подсяду — и начнемте вместе.

П е т р у ч и о *(тихо, к Гортензио)*.

Ты съешь один, коли меня ты любишь.
Ну, кушай, Катя, дай бог на здоровье!
Скорее кушай! Миленькая Катя,
Мы возвратимся к нашему отцу:
Там попируем и пощеголяем
В шелках, в брыжáх, и в шапочках, и в кольцах,
В манжетах, фижмах, шарфах, веерами,
Браслетами, янтарным ожерельем
И множеством других подобных вздоров.
Уж ты сыта? Портной там ожидает,
Чтобы покрыть тебя шумящим платьем.
Портной, войди!

Входит п о р т н о й.

Кажи свою работу!
Давай-ка платье!

Входит р а з н о с ч и к.

Ты с каким товаром?

Р а з н о с ч и к

Вот шапочка по вашему заказу.

П е т р у ч и о

Да ты никак ее с кастрюли сделал?

Да это миска! Фи, как неприлично!
Как скорлупа ореховая точно,
Или раку́шка — гадость, мерзость, дрянь!
Ребячья шапка! Прочь! Побольше сделай!

Катарина
Я больше не хочу: такие в моде,
Теперь такие точно носят дамы.

Петручио
И у тебя, коль ты любезней будешь,
Такая ж будет.

Гортензио *(в сторону).*
Будет, да нескоро.

Катарина
Я думаю, мне можно говорить;
Я говорить хочу — я не ребенок;
И лучше вас, да слушали меня.
А не хотите, так заткните уши.
Язык мой выскажет негодованье,
Которое на сердце накопилось,
Иль сердце разорвется. Я желаю
Теперь в словах своих иметь свободу.

Петручио
Вот правда! Шапка эта не годится!
Паштет, игрушка, шелковый пирог!
Не нравится тебе? Люблю за это!

Катарина
Мне нравится, люби иль не люби;
Ее хочу, иль никакой не надо.

Петручио
Про платье ты? Портной, подай-ка платье!
О, боже мой, да что ж за маскарад?
А это что? Рукав? Ну, нет — мортира...
Защипано, как яблочный пирог.
А складок-то, а вырезок, прорезов —
Ну, точно у цирюльника в курилке.
Ах, черт возьми! Портной, ты что же это?

Гортензио *(в сторону).*
Не будет ей ни шапочки, ни платья.

Портной
Вы приказали сшить мне хорошенько
И — чтобы было по последней моде.

Петручио
Так сшить же, ты припомни, хорошенько!
Я не велел тебе по моде портить.

Пошел же вон! Ступай к себе домой
И на меня ты больше не работай:
Не надо дряни. Убирайся вон!

Катарина
Я никогда не видывала платья
Красивее и более со вкусом.
Вам хочется, чтоб я оделась куклой.

Петручио
Да, нарядить тебя он хочет куклой.

Портной. Она говорит, что ваша милость хочет нарядить ее куклой.

Петручио
Чудовищная дерзость! Лжешь ты, нитка,
Наперсток, мел, аршин, подкладка, четверть,
Три четверти аршина, пол-аршина,
Вершок, блоха, сверчок! Моталка ниток
Смеется надо мной в моем же доме!
Так вон же, лóскут! Вон, тряпье, остаток,
Иль смерю я тебя твоим аршином —
И ты всю жизнь уже не будешь врать.
Я говорю, что ты изгадил платье.

Портной
Вы, ваша честь, ошиблись. Платье сшито,
Как вы хозяину велели. Грумьо
Нам отдал приказание, как сделать.

Грумио
Я не приказ — материю вам отдал.

Портной
Но вы сказали тоже, как и шить.

Грумио
Вот хорошо! Как шить? Иголкой с ниткой.

Портной
Вы разве не назначили покроя?

Грумио
И много платьев ты перекроил?

Портной. Да.

Грумио. Ты не вздумай и меня перекроить по-своему. Одеть — ты оденешь, а поддеть меня — не подденешь. Я велел твоему хозяину выкроить платье, а не говорил, чтоб он искроил его в мелкие куски: ergo[1] — ты врешь!

---

[1] Следовательно *(латин.)*.

Портной. Да вот и записка, как сшить его; она докажет вам.

Петручио. Читай!

Грумио. Записка врет, если говорит, что я говорил так.

Портной *(читает)*. «Imprimis: широкое платье...».

Грумио. Синьор, если я когда-нибудь говорил: «широкое платье», так зашейте меня в подол его и бейте мотком ниток до тех пор, пока я издохну. Я сказал: «платье»...

Петручио. Далее!

Портной *(читает)*. «С маленьким, кругленьким воротничком...».

Грумио. Воротничок — так.

Портной *(читает)*. «С коротким рукавом...».

Грумио. С двумя рукавами.

Портной *(читает)*. «Красиво вырезанными...».

Петручио. Вот это-то и гадко!

Грумио. Врет записка, синьор! Я сказал, чтоб рукава выкроили, а потом пришили, и я это докажу тебе, хоть твой палец и в наперстке.

Портной. Все, что я говорил,— правда, и встрень я тебя не здесь, ты бы узнал меня!

Грумио. Что ж, я не прочь! Дай мне свой аршин, а сам возьми эту записку и не жалей меня.

Гортензио. Полно, Грумио! Бой будет неравен.

Петручио

Сказать короче, платье не по мне.

Грумио

Да, сшито не по вас — по госпоже.

Петручио *(бросает платье)*.

Ну, подымай! И как хозяин хочет...

Грумио. Негодяй, берегись! Поднять платье моей госпожи для твоего хозяина!

Петручио. Вот что выдумал! Что хочешь ты сказать?

Грумио. Нет, синьор, это дело гораздо важнее, чем вы полагаете. Поднять платье нашей госпожи для его хозяина — фи! фи!

Петручио *(тихо, к Гортензио)*.

Скажи портному, что ему заплатят.
(Громко, портному.)
Что толковать! Бери и убирайся!

Г о р т е н з и о *(тихо, портному).*
Тебе заплатят завтра. Ты молчи,
На брань его не обращай вниманья,
Ступай домой! Хозяину поклон!

П о р т н о й уходит.

П е т р у ч и о
Так едем, едем, Катя! Ты поедешь
К отцу в простом, обыкновенном платье.
Хоть платье бедно, да в кармане много;
Душой богато только наше тело.
Сквозь черных туч просвечивает солнце;
Под рубищем заметно благородство.
Ужель сорока жаворонка лучше
Лишь оттого, что перьями пестрее?
Не лучше разве угорь, чем змея,
Хоть кожа у змеи для глаз приятней?
Нет, Катя, нет — и мы не будем хуже,
Будь твой наряд и прост, и даже беден;
А если думаешь, что это стыдно,
Ты на меня скажи. Будь веселей:
Мы пировать и праздновать поедем.
Скажи, чтоб люди наготове были:
Мы едем — лошадям стоять за тыном;
Мы там и сядем, а туда — пешком.
Мне кажется, что нет еще семи,
И, стало быть, к обеду мы поспеем.
К а т а р и н а
Теперь уж два, синьор; я уверяю,
Едва ли мы и к ужину поспеем.
П е т р у ч и о
Ну, до семи я не поеду. Видишь,
Что ни скажи, ни сделай, ни задумай —
Ты все напротив. Нынче я не еду —
И не поеду я, пока не будет
Тот самый час, какой угодно мне.
Г о р т е н з и о *(в сторону).*
Вот это так! И солнцем править хочет!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Падуя. Перед домом Баптисты.
Входят Т р а н и о и п е д а н т.

Т р а н и о
Вот дом Баптисты. Можно постучать?
П е д а н т
Стучите! Если я не ошибаюсь,
Меня синьор Баптиста должен вспомнить:
Тому лет двадцать, мы стояли вместе
С ним в Генуе, в гостинице Пегаса.
Т р а н и о
Ну, хорошо! Выдерживайте роль
Важнее, строже, как отцу прилично.

Входит Б и о н д е л л о.

П е д а н т
Не беспокойтесь. Да не худо б было
Вам своего слугу предупредить.
Т р а н и о
О нем не беспокойтесь. Бионделло,
Не забывайся. Ты представь себе,
Что это сам Винченцьо настоящий.
Б и о н д е л л о
Меня не бойтесь: я за все отвечу.
Т р а н и о
Исполнил ли мое ты порученье?
Б и о н д е л л о
Сказал, что из Венеции день за день
Мы ожидаем вашего отца.
Т р а н и о
Ты славный малый: вот тебе на водку!
Вот и Баптиста! Будьте посмелее.

Входят Б а п т и с т а и Л ю ч е н ц и о.

Синьор Баптиста, очень рад вас видеть.
Синьор, вот тот, о ком мы говорили.
Прошу вас, будьте истинным отцом:
Взамен наследства мне отдайте Бьянку.
П е д а н т
Ты тише, сын мой, тише!
(Баптисте.)
Я, с позволенья вашего, приехал
К вам в Падую, чтобы собрать долги —

И услыхал я здесь о важном деле:
О том, что сын мой любит вашу дочь.
Про вас, синьор, я слышал очень много
Хорошего; про их любовь друг к другу
Я тоже знаю. Как отец хороший,
Я не хочу томить их и согласен
На этот брак — и если вы, синьор,
Не против этого, то я сейчас же
Готов контракт их брачный подписать —
Условия от вас зависеть будут.
По уважению, что я имею
К особе вашей, я не смею спорить.

Баптиста

Вы извините речь мою, синьор.
Мне прямота и откровенность ваша
Понравились. О, дочь мою он любит;
Да и она его, иль разве оба
Они, притворствуя, в любовь играют.
Ну, если вы, как следует отцу,
Согласны укрепить, на случай смерти,
За дочерью приличное наследство,
Так дело кончено — и свадьбе быть —
Пусть женится на дочери моей.

Транио

Благодарю, синьор. Скажите только,
Где будет лучше совершить контракт
По нашим обоюдным соглашеньям?

Баптиста

Не у меня. Ты знаешь, в нашем доме
У стен есть уши, дворня велика,
И Гремио-старик все насторо́же.
Они еще, пожалуй, помешают.

Транио

Угодно у меня? Гораздо лучше;
Там и отец живет. Сегодня ночью
Мы кончим дело тихо, без помехи.
Пошлите Камбио за вашей Бьянкой,
А я слугу за маклером пошлю.
Жаль одного, что времени немного
И угощенье будет незавидно.

Баптиста

Пожалуй. *(К Люченцио.)* Камбио, ступай домой.
Скажи, чтоб Бьянка собралась скорее.
Ну, расскажи, пожалуй, если хочешь,

Что в Падую отец Люченцьо прибыл
И что она женой Люченцьо будет.

Л ю ч е н ц и о

Молю богов, чтоб это так и было!

Т р а н и о

Ну, что тут боги? Ты ступай скорее!
Синьор, угодно следовать за мною?
Что делать: ужин будет небогатый,
Но мы поправим в Пизе.

Б а п т и с т а

Ну, идемте!

Т р а н и о, п е д а н т и Б а п т и с т а уходят.

Б и о н д е л л о. Камбио!

Л ю ч е н ц и о. Что, Бионделло?

Б и о н д е л л о. Видели вы, как господин мой вам кивал головой и смеялся?

Л ю ч е н ц и о. Что ж из этого, Бионделло?

Б и о н д е л л о. Ничего. Он поручил мне передать вам смысл его намеков.

Л ю ч е н ц и о. Ну, так передавай.

Б и о н д е л л о. Вот, видите ли, Баптиста подобру-поздорову болтает теперь с ложным отцом ложного сына.

Л ю ч е н ц и о. Ну что ж?

Б и о н д е л л о. А вас послал привести дочь к ужину.

Л ю ч е н ц и о. Потом?

Б и о н д е л л о. Старый поп церкви святого Луки к вашим услугам, когда угодно.

Л ю ч е н ц и о. Ну, что ж из всего этого?

Б и о н д е л л о. Не знаю. Впрочем, пока они хлопочут о подписании ложного контракта, почему ж вам не сделать настоящего контракта cum privilegio ad imprimendum solum [1]? Ступайте в церковь да захватите с собой попа и достаточное число порядочных свидетелей. Если не хотите, так мне нечего и говорить больше.

А вам, синьор, и нечего здесь ждать,
И век весь со днем Бьянки не видать.

Л ю ч е н ц и о. Послушай, Бионделло.

Б и о н д е л л о. Нет, мне некогда ждать. Я знаю, что одна девушка обвенчалась в самый полдень, когда

---

[1] С единоличным авторским правом *(латин.)*.

пошла в сад за петрушкой для начинки кролика. И вы делайте то же, синьор — и прощайте, синьор. Мне надобно сбегать еще в церковь святого Луки, сказать попу, чтоб он готов был встретить вас, когда явитесь вы с придачей. *(Убегает.)*

Люченцио

Я так и сделаю, коль согласится;
Что ж согласится, в этом нет сомненья.
Скажу ей прямо, и пускай как хочет.
Ужель напрасно Камбио хлопочет.
(Уходит.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Большая дорога.
Входят Петручио, Катарина, Гортензио и слуги.

Петручио

Скорей, скорее — ведь к отцу мы едем!
О, боже мой, как ярко светит месяц!

Катарина

Не месяц — солнце; месяцу не время.

Петручио

Я говорю, что это месяц светит.

Катарина

Я говорю, что это солнце светит.

Петручио

Клянуся сыном матери моей,
А этот сын — я сам, что это месяц,
Что это звезды — все, что мне угодно,
Иль я не еду. Эй, ворочать коней!
Противоречит — все противоречит!

Гортензио *(Катарине).*

Будь по его, иначе — не поедем.

Катарина

Нет, ради бога! Мы почти уж дома.
Будь месяц, солнце — все, что вам угодно,
Коли хотите, ночником зовите —
Я обещаю, что согласна буду.

Петручио

Я говорю, что месяц.

Катарина

Да, я знаю.

П е т р у ч и о
Неправда: благодетельное солнце.
К а т а р и н а
И точно — благодетельное солнце.
А скажешь, что не солнце — так не солнце,
Луна изменится, коль ты захочешь.
И что ты скажешь, так оно и есть
И тем останется для Катарины.
Г о р т е н з и о *(тихо, к Петручио)*.
Петручио, в путь: ты одержал победу.
П е т р у ч и о
Теперь вперед, друзья! Вот так! По склону
И должен шар катиться, а не в гору.
Потише, стойте: кто-то к нам подходит!

Входит В и н ч е н ц и о.

(К Винченцио.)
Бог помочь вам, синьора! Как спешите!
Скажи мне, Катя, по душе, видала ль
Когда-нибудь ты девушку прекрасней?
Как с белизною спорит в ней румянец!
Нет, звезды неба так не украшали,
Как эти глазки, нежное лицо.
Еще поклон тебе, краса-девица.
Поди же, Катя, обними ее.
Г о р т е н з и о. Он взбесит этого человека, превращая его в женщину.
К а т а р и н а
О, юная прекрасная девица,
Куда идешь теперь и где живешь ты?
Как счастливы родители тобою;
Но тот, кому тебя назначат звезды
В подруги взять,— еще счастливей будет!
П е т р у ч и о
Помилуй, Катя, ты с ума сошла!
Да это старец, дряхлый, изможденный
И сморщенный, а не девица вовсе.
К а т а р и н а
Прости, отец, глазам моим ошибку!
Сиянье солнца ослепило их —
И мне теперь все кажется зеленым.
Теперь я вижу: ты почтенный старец.
Прости меня за глупую ошибку!

Петручио
Прости ее, старик. Скажи-ка нам,
Куда идешь? Коль будет по дороге,
Так твоему товариществу рады.

Винченцио
Синьор и вы, шутливая синьора,
Меня своим приветом удивили.
Меня зовут Винченцьо; я из Пизы
Приехал в Падую, чтоб повидаться
С сынком, которого давно не вижу.

Петручио
Как звать его?

Винченцио
Люченцио, синьор.

Петручио
Для сына твоего счастлива встреча.
Теперь тебя не только что по летам,
Могу назвать отцом и по закону:
Твой сын теперь женился на сестре
Жены моей, прекрасной этой дамы.
Не удивляйся и не огорчайся:
Она красива и с большим приданым;
По роду ж своему, по воспитанью
Не осрамит любого дворянина.
Позволь обнять тебя, Винченцьо. Вместе
Поедем к сыну. Как он будет рад!

Винченцио
Да правда ли? Вы шутите опять?
Дорожные нередко позволяют
Себе такие шутки меж собой.

Гортензио
Нет, уверяю вас, синьор, что правда.

Петручио
Ну, так поедем — и уверься сам:
От наших шуток стал ты недоверчив.

Петручио, Катарина и слуги уходят.

Гортензио
Спасибо, друг: ты духу придал мне.
Теперь — к вдове. Благодаря науке
Уж я теперь ей не поддамся в руки.
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Падуя. Перед домом Люченцио.
С одной стороны входят Бионделло, Люченцио и Бьянка.
Гремио прохаживается по другой стороне.

Бионделло. Тихонько и поскорее, синьор: пастор вас ждет.

Люченцио. Лечу, Бионделло; но ты, может быть, понадобишься дома, потому оставь нас.

Бионделло. Нет; прежде вы будете в церкви, а потом побегу я к господину как можно скорее.

Люченцио, Бьянка и Бионделло уходят.

Гремио. Странно, что Камбио до сих пор не приходит!

Входят Петручио, Катарина, Винченцио, Грумио и слуги.

Петручио
Вот двери дома, где ваш сын живет;
Мой тесть живет вон там, поближе к рынку.
Я вас оставлю: у меня есть дело.

Винченцио
Синьор, для встречи разопьем бутылку.
Надеюсь, здесь я то же, что хозяин:
Найдется нам и закусить кой-что.
(Стучит.)

Гремио. Там чем-нибудь заняты: надо стучать посильнее.

Педант показывается из окошка.

Педант. Кто это так колотит, как будто хочет выломать двери?

Винченцио. Дома синьор Люченцио?

Педант. Дома, синьор, но нельзя его видеть.

Винченцио. Ну, а если бы кто-нибудь принес ему сто или двести фунтов на удовольствия?

Педант. Поберегите эти сто фунтов для себя. Он не будет нуждаться в деньгах, пока я жив.

Петручио. Я сказал вам, что сына вашего любят в Падуе. *(Педанту.)* Но послушайте, синьор! Без дальних разговоров скажите Люченцио, что его отец при-

ехал из Пизы и ждет его у дверей, чтобы поговорить с ним.

Педант. Ты лжешь! Отец его приехал из Пизы и теперь смотрит из окна.

Винченцио. Разве ты отец его?

Педант. Да, синьор, так говорила его мать, если только верить ей.

Петручио *(к Винченцио)*. Что это значит, друг? Плоская шутка — брать на себя чужое имя.

Педант. Схватите негодяя! Он хочет кого-нибудь надуть здесь под моим именем.

Входит Бионделло.

Бионделло. Я видел их в церкви вместе. Дай им бог счастливого плавания!.. Это что? Мой старый господин Винченцио! Ну, попались мы — и конец нам всем!

Винченцио *(к Бионделло)*. Поди-ка сюда, пеньковая мычка!

Бионделло. Надеюсь, что я имею свою волю.

Винченцио. Подойди, говорю тебе! Как, бездельник, разве ты забыл меня?

Бионделло. Вас забыть? Нет, синьор, я не мог вас забыть, потому что никогда в жизни вас не видывал.

Винченцио. Как! Ты, разбойник, никогда не видал отца твоего господина, Винченцио?

Бионделло. Что? Моего старого, почтенного господина? О нет! Вон он смотрит из окна.

Винченцио *(бьет его)*. Это ты вправду?

Бионделло. Помогите, помогите! Какой-то сумасшедший хочет убить меня! *(Убегает.)*

Педант. Помогите! Сын мой! Синьор Баптиста! *(Отходит от окна.)*

Петручио. Катя, станем к сторонке и посмотрим, чем кончится эта история.

Отходят в сторону.
Педант, Баптиста, Транио и слуги выходят на улицу.

Транио. Что вы за человек, синьор, что смеете бить моего слугу?

Винченцио. Кто я? Нет, кто ты? Бессмертные боги! О бездельник! Шелковая куртка, бархатные штаны, пурпуровый плащ, остроконечная шляпа! Я разорен,

разорен! Я хлопочу дома, как добрый хозяин, а сын мой и слуга проматывают здесь все.

Т р а н и о. Что такое? Про что вы это?

Б а п т и с т а. Что он — лунатик, что ли?

Т р а н и о. Синьор, по наружности и по платью вы, кажется, степенный человек, а по речам вы сумасшедший. Какое вам дело, что я ношу жемчуг и золото? Благодаря доброму отцу я имею средства на это.

В и н ч е н ц и о. Твой отец! О, негодяй! Твой отец работает паруса в Бергамо.

Б а п т и с т а. Вы ошибаетесь, вы ошибаетесь, синьор! А как, по вашему мнению, его имя?

В и н ч е н ц и о. Как его имя? Мне ли не знать его имени? Я воспитал его с двух лет; его имя Транио.

П е д а н т. Поди ты, безумный осел! Его имя Люченцио; он единственный сын и наследник всего моего, то есть синьора Винченцио, имения.

В и н ч е н ц и о. Люченцио? О, он убил своего господина! Возьмите его — приказываю вам именем герцога! Сын мой! Сын мой! Скажи, разбойник, где сын мой Люченцио?

Т р а н и о. Позвать полицию.

С л у г а уходит.

Ведите этого сумасшедшего в тюрьму. Батюшка Баптиста, потрудитесь присмотреть, чтоб его отправили.

В и н ч е н ц и о. Меня отправить в тюрьму?

С л у г а возвращается с п о л и ц е й с к и м.

Г р е м и о. Остановитесь, господин офицер! Он не пойдет в тюрьму.

Б а п т и с т а. Оставьте, синьор Гремио; я вам говорю, что он пойдет в тюрьму.

Г р е м и о. Берегитесь, синьор Баптиста, чтоб вам не запутаться в этой истории. Я готов вам поклясться, что это настоящий Винченцио.

П е д а н т. Ну, клянись, если смеешь.

Г р е м и о. Нет, не смею.

Т р а н и о. Пожалуй, ты скажешь, что и я не Люченцио?

Г р е м и о. Нет, я знаю, что ты синьор Люченцио.

Б а п т и с т а. Прочь этого старого дурака! В тюрьму его!

Винченцио. Вот как притесняют и обижают здесь иностранцев! О, чудовище! Злодей!

Входят Бионделло, Люченцио и Бьянка.

Бионделло. О, мы погибли! Вот он! Откажитесь от него, отрекитесь от него, или мы все погибли!

Люченцио *(на коленях)*.

Простите, батюшка!

Винченцио Ты жив, мой сын?

Бионделло, Транио и педант убегают.

Бьянка *(Баптисте)*.

Меня простите!

Баптиста В чем ты виновата?

А где Люченцио?

Люченцио Я, я Люченцьо,

Я настоящий сын отца Винченцьо.
Мы с вашей дочкой тайно обвенчались,
Пока с поддельными вы оставались.

Гремио. Ну, так ловкой же шуткой они нас надули!

Винченцио

Что ж Транио, мошенника, не видно?
Он мне в глаза смеялся преобидно.

Баптиста *(к Люченцио)*.

Скажите мне, да разве вы не Камбьо?

Бьянка

Из Камбио в Люченцьо превратился.

Люченцио

Все это чудо сделала любовь:
Я отдал Транио свое прозванье —
И вот, пока он представлял меня,
Я к пристани благополучно прибыл
И счастие желанное нашел.
Здесь Траньо делал, что ему велели.
Вы для меня, синьор, его простите.

Винченцио. Я разобью нос этому мошеннику, который хотел меня отправить в тюрьму.

Баптиста. Но, послушайте, синьор, вы женились на моей дочери, не спрося у меня позволения.

Винченцио

Не бойтесь, вы останетесь довольны.
А все-таки за дерзость накажу я.
(Уходит.)

Б а п т и с т а
А толку все-таки не нахожу я.
(Уходит.)
Л ю ч е н ц и о *(Бьянке).*
Ты не бледней: сердиться он не будет.

Уходят.

Г р е м и о *(уходя).*
Пропало все; но я к ним в дом войду;
Хоть в дураках, а ужин там найду.

Петручио и Катарина подходят.

К а т а р и н а
Посмотрим, друг, чем кончится все это!
П е т р у ч и о
Пойдем, но прежде поцелуй меня.
К а т а р и н а. Как, посреди улицы?
П е т р у ч и о. Что ж, ты стыдишься меня?
К а т а р и н а. Нет, клянусь богом! Но мне стыдно целовать.
П е т р у ч и о
Ну, так домой! Эй, вы! Скорей назад сбирайтесь!
К а т а р и н а
Нет, поцелую я; прошу тебя остаться.
(Целует его.)
П е т р у ч и о
Ну, чем же худо? Катя, лучше поздно,
Чем никогда; раз лучше, чем ни разу.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Там же. Комната в доме Люченцио. Посредине накрытый стол. Входят Л ю ч е н ц и о, Б ь я н к а, П е т р у ч и о, К а т а р и н а, Б а п т и с т а, В и н ч е н ц и о, Г р е м и о, п е д а н т, Г о р т е н з и о и ж е н а его. Т р а н и о, Б и о н д е л л о, Г р у м и о и другие прислуживают.

Л ю ч е н ц и о
Ну, вот мы, после долгих несогласий,
Сошлись в созвучие; война проходит,
И мы смеемся миновавшим страхам.
Проси же, Бьянка, моего отца,
Я твоего просить с почтеньем буду.
Петручьо-брат, сестрица Катарина,

Синьор Гортензио и вы, синьора,—
Я очень рад — пируйте, веселитесь!
Мы в заключенье этого обеда
Устроим пир. Я вас прошу садиться:
Здесь можно и болтать, и кушать вместе.

Петручио
И все сидеть да есть, сидеть да есть.

Баптиста
Известна Падуя гостеприимством.

Петручио
Все в Падуе приветливы — я знаю.

Гортензио
Для нас бы хорошо, коль это правда.

Петручио
Клянусь, Гортензьо за жену боится!

Жена Гортензио
Нет, я, синьор, совсем не боязлива.

Петручио
Понятливы, а поняли не так.
Хочу сказать: Гортензьо вас боится.

Жена Гортензио
Кто угорел, пред тем весь свет кружится.

Петручио
Кругло́ отвечено.

Катарина
Вы что сказали?

Жена Гортензио
Сказала я, что поняла его.

Петручио
Вы поняли меня? Ну и прекрасно!
Гортензио, мы поняли друг друга.

Гортензио
Твои слова, конечно, поняла.

Петручио
Поправился. Его вы поцелуйте.

Катарина
«Кто угорел, пред тем весь свет кружится» —
Я вас прошу мне это объяснить.

Жена Гортензио
Ваш муж от вашей злости закружился
И тужит о моем, что он женился.
Вот мысль мою вы знаете теперь!

Катарина
Мысль жалкая!

Ж е н а Г о р т е н з и о

Я думала о вас.

К а т а р и н а

Конечно, я жалка в сравненьи с вами.

П е т р у ч и о

Смелее, Катя!

Г о р т е н з и о *(жене).*

Милая, смелей!

П е т р у ч и о

Держу сто марок: Катя верх возьмет.

Г о р т е н з и о

Ну, нет, синьор, уж это наше дело.

П е т р у ч и о

Ты деловой, так за твое здоровье!
(Пьет.)

Б а п т и с т а

Что, Гремьо, каково они болтают?

Г р е м и о

Ну да, они бодаются отлично.

Б ь я н к а

Бодаются? Уж вы себе оставьте
Рогатые способности свои.

В и н ч е н ц и о

Ай, молодая! И она проснулась.

Б ь я н к а

Но без испуга; я опять засну.

П е т р у ч и о

Мы не дадим. Вы начали, так ждите,
Что и на вас две-три насмешки будут.

Б ь я н к а

Но если вы в меня стрелять хотите,
Как в птицу, я перелечу в кусты:
Вот и ловите. Господа, прощайте!

Б ь я н к а, К а т а р и н а и ж е н а Г о р т е н з и о уходят.

П е т р у ч и о

Не дождалась ответа. Бедный Траньо
По этой птичке метился — да мимо.
Здоровье всех, кто промахи дает!

Т р а н и о

Я был собакой своего синьора.
А гончие для господина ловят.

П е т р у ч и о

Сравненье складное, хоть и собачье.

Т р а н и о

Пеняйте на себя; на вас олень
Уставился и ходу не дает.

Б а п т и с т а

Ого, Петручьо! Он в тебя попал.

Л ю ч е н ц и о

Ну, Транио, спасибо за насмешку.

Г о р т е н з и о

Ну, признавайся, он тебя задел.

П е т р у ч и о

Я признаюсь, что он задел немного;
Но в десять раз закладую — задела
Меня стрела, а вас насквозь пробила.

Б а п т и с т а

Но, к моему прискорбью, сын, Петручьо,
Мне кажется, твоя жена всех злее.

П е т р у ч и о

Так нет же, говорю. Я докажу вам:
Попробуйте, за женами пошлите —
Пусть каждый за своей — и тот, чья прежде
Послушает и выйдет, пусть берет
Заклад, который мы сейчас назначим.

Г о р т е н з и о

Согласен я. Какой заклад?

Л ю ч е н ц и о

Крон двадцать.

П е т р у ч и о

Как, двадцать крон? Да я держу по стольку
За сокола и за мою собаку,
А за жену я в двадцать раз держу.

Л ю ч е н ц и о

Ну, сто?

Г о р т е н з и о

Пожалуй.

П е т р у ч и о

Ну, идет, идет!

Г о р т е н з и о

А кто начнет?

Л ю ч е н ц и о

Да я. Эй, Бионделло!
Скажи жене, чтобы сюда явилась.

Б и о н д е л л о
Иду.
(Уходит.)
Б а п т и с т а
Я в половине, что придет.
Л ю ч е н ц и о
Зачем делиться? Я один отвечу.

Б и о н д е л л о возвращается.

Что нового?
Б и о н д е л л о
Синьора вам велела
Сказать, что занята и быть не может.
П е т р у ч и о
Вот так-то: «Занята и — быть не может».
Ответ ли это?
Г р е м и о
Да — и прелюбезный.
Смотрите, вам, синьор, ответят хуже.
П е т р у ч и о
Ну, нет; я думаю, что будет лучше.
Г о р т е н з и о *(к Бионделло)*
Поди проси жену мою прийти
Ко мне сейчас.

Б и о н д е л л о уходит.

П е т р у ч и о
Ага! «Поди проси!»
Ну, как ей не прийти?
Г о р т е н з и о
Ну да; а вашу
И просьбами-то даже не упросишь.

Б и о н д е л л о возвращается.

Ну, где жена?
Б и о н д е л л о
Она сказать велела,
Что шутите, что не пойдет она,
И просит вас пожаловать самих.
П е т р у ч и о
Что дальше — хуже. Как, идти не хочет!
Да это низко! Это нестерпимо!

Поди же, Грумьо, и скажи жене,
Что я приказываю ей явиться.

Грумио уходит.

Гортензио

Ответ я знаю.

Петручио

Ну?

Гортензио

«Я не пойду».

Петручио

Тем будет хуже для меня — и все тут.

Входит Катарина.

Баптиста

Владычица! Она идет сюда!

Катарина

Что нужно вам, синьор? Зачем вы звали?

Петручио

А где ж сестра? И где жена Гортензьо?

Катарина

Они сидят, болтают у камина.

Петручио

Поди веди их; если ж не хотят,
Тогда гони к мужьям чем ни попало.
Ступай и посылай их непременно.

Катарина уходит.

Люченцио

Вот чудо, если чуда нужно вам!

Гортензио

Да, чудо! Только что оно пророчит?

Петручио

Пророчит мир, любовь и тишину,
Покорность и почтительный порядок.
Ну, словом, все, что счастием зовут.

Баптиста

Так будь же счастлив, добрый мой Петручьо!
Ты выиграл заклад, а я прибавлю
К закла́дным деньгам двадцать тысяч крон.
Другая дочь — приданое другое;
Она не та — совсем другая стала.

Петручио

Два раза я бы выиграл заклад...

Хотите, вам еще раз покажу я,
Какой она покорной, кроткой стала?

Катарина возвращается с Бьянкой и женой Гортензио.

Петручио
А вот ведет и ваших жен, как пленниц
Красноречивых женских убеждений.
Послушай, Катя, шапочка такая
Нейдет к тебе. Брось под ноги ее.

Катарина бросает шапочку.

Жена Гортензио
О, господи, храни меня, покуда
Не сделаю подобного безумства!

Бьянка
Фи! Стыдно! Что за глупая покорность!

Люченцио
Уж лучше б ты была покорна глупо!
От умной непокорности твоей
Я проиграл за ужином сто крон.

Бьянка
Так глупы вы, надеясь на покорность.

Петручио
Тебе я поручаю, Катарина,
Растолковать им, своенравным женам,
Обязанности их к своим мужьям.

Жена Гортензио
Оставьте: нам проповедей не нужно.

Петручио
Ну, Катя, прямо начинай с нее!

Жена Гортензио
Не станет.

Петручио
Станет. Начинай с нее!

Катарина
Фи! Стыд! Разгладь наморщенные брови
И гневных взглядов не бросай на мужа
И господина: он твой повелитель.
Твой гнев чернит красу твою, как холод
Чернит луга и затемняет славу,
Как вихорь почки. Дурно, неприлично!
Во гневе женщина — источник мутный,

Лишенный красоты и чистоты —
И как бы жажда ни была велика
У человека, он его минует.
Твой муж — твой господин; он твой хранитель,
Он жизнь твоя, твоя глава, твой царь;
Он о твоем печется содержаньи,
Он переносит тягости труда
На суше, в море, в бурю, в непогоду,
А ты в тепле, в покое, безопасна —
И никакой не требует он дани,
А лишь любви, покорности и ласки —
Ничтожной платы за его труды!
Как подданный перед своим монархом,
Так и жена должна быть перед мужем;
Но если же упряма, своенравна,
Сурова, зла и непокорна воле,
Тогда она — преступный возмутитель,
Изменница пред любящим владыкой.
Стыжусь за глупость вашу. Вам бороться ль,
Тогда как вы должны молить о мире.
Хотите властвовать — а ваше дело
Услуживать, любить, повиноваться.
Зачем же тело наше нежно, слабо,
Так неспособно выносить труды?
Не для того ль, чтобы сердца и души
С наружностью согласовались нашей?
Оставьте дерзость и безумство, черви!
Мой дух был так же точно непреклонен,
Такое ж сердце было, как у вас,
И больше вас имела я причины
На дерзость дерзостью ответить мужу;
Но я увидела, что копья наши —
Соломинки, что сила наша — слабость
Безмерная; чем выше мы, тем ниже.
Смирите гордость: толку мало в ней!
Склоните головы к ногам мужей!
Скажи мой муж — и я пред ним готова
Свою покорность доказать вам снова.

Петручио

Целуй меня! Вот это так жена!

Люченцио

Ты счастлив, друг: она усмирена.

Винченцио

Как весело, что дети так покорны!

Л ю ч е н ц и о

Как горько нам, что жены так упорны!

П е т р у ч и о

Пойдем-ка спать; мы здесь позаболтались.
Женаты трое — двое уж попались;
Сегодня выиграл я с вас немало —
Затем покойной ночи. Наше взяло.

П е т р у ч и о и К а т а р и н а уходят.

Г о р т е н з и о

Ступай: перед тобой капризница смирилась.

Л ю ч е н ц и о

Вот чудо! Как она переменилась!

Комедия
в двух
частях

ИТАЛО
ФРАНКИ

Перевод
с итальянского

ВЕЛИКИЙ БАНКИР

L'ORIGINE DI UN GRAN BANCHIERE

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

(22 октября 1792 г.)

ЛИЦА:

НАТАН ГОТШИЛЬД.

МАРКИЗ ДЕ СЕН-КАСТ.

ИОНАФАН БЕН-МАНАССИЯ.

ЛЕОНИД.

ГОРАЦИЙ КОКЛЕС БРИКАБРАК.

МАРК ЮНИЙ БРУТ.

ИСААК.

РИТА,
жена Натана.

Действие происходит в еврейском квартале во Франкфурте.

Бедная комната в нижнем этаже, темная и сырая, в квартире Натана, в еврейском квартале, во Франкфурте; в глубине окно готической архитектуры, дверь на улицу, отворяемая во внутрь; там же справа старая лавочная скамья и подле нее колесо для гранения драгоценных камней; налево немного античных стульев из резного дерева, массивных, без подушек, древняя медная лампада, висящая на цепи над колесом; налево же большое кресло и подле него люлька; за люлькой, ближе к авансцене, большой старинный очаг, или камин, который примыкает к лестнице, ведущей в верхний этаж; дверка с противоположной стороны, ведущая тоже на улицу. По стенам полки с пивными немецкими кружками, с горшками и другой кухонной посудой.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ионафан (*один входит из средней двери с запечатанным конвертом в руках*). Натан еще не за работой. А бывало в восемь часов утра уж наверное застанешь его за гранильным колесом; но с тех пор, как он женился, драгоценные камни с ним в разводе... Бедняга! *(Вынимает из кармана маленький сверток с деньгами.)* Вот и деньги,— я получил их за бриллиантовую пряжку, которую мне вчера Натан поручил продать за него. Какими судьбами, черт возьми, попала к нему эта пряжка? Он хотел меня уверить, что это поручение от его друга... Да, как бы не так, знаем мы этих друзей-то. *(Взвешивая на*

руке конверт.) Вот еще конверт, который я принял за него на почте. *(Читает адрес.)* «Гражданину Бон-Анфан, у Натана Готшильда, в еврейском квартале, во Франкфурте...». Что там? Он-таки тяжеленек. *(Оглядывается.)* Натан все нейдет! Между тем французы уж входят в город, и мне не хочется пр пустить это зрелище! Натан! *(У боковой двери.)* Эй! Натан Готшильд!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Натан, выходя из двери на верху лестницы, и Ионафан.

Натан. Шш!.. *(Делает знак Ионафану, чтобы он говорил тише.)* Ионафан, шш!..— разбудите девочку. *(Идет проворно к люльке.)* Нет, нет, крепко спит, бедное созданьице! *(Вздыхает горько.)* Ох! Если бы так же могли спать ее родители!

Ионафан. Гм! А раввин сердится, что вы крепко спите.

Натан. Я знаю, что он хочет сказать этими намеками. Он всегда неумолим ко мне! Чем более заповедано любви в религии, тем жесточе главные ее ревнители.

Ионафан. Друг Натан, я в эти дела не мешаюсь. Говорит ли раввин про тот сон, который закрывает глаза, или про тот, который усыпляет совесть: мне это все равно; и я готов служить ему так же, как и вам, если мне дают поручения. Вы вчера дали мне поручение продать пряжку *(дает ему завернутые деньги)*; вот и получайте деньги, но мне надо же взять что-нибудь за труды.

Натан *(жадно принимая деньги)*. Сколько? Сколько? *(Считает.)* Пятнадцать талеров! Я клянусь вам, что она стоит тридцать...

Ионафан. Вы мне говорили, что нужно продать ее поскорее, что пряжка не ваша.

Натан. Нет, но она у меня на комиссии, по три гроша за талер; таким образом я потерял сорок пять грошей... а может быть, и пятьдесят... Клянусь Моисеем! Я в том уверен...

Ионафан. Зачем сами не пошли на торговую площадь?

Натан. Зачем? *(С глубокой ненавистью и как будто обращаясь к другим, а не к Ионафану.)* А ведь знает, что нет еврея, который бы хотел подать руку Натану Готшильду! Медики утверждают, что проказа ис-

чезла между нами. Это — ложь, Ионафан. Разве я не прокаженный во Франкфурте? Разве моя рука не в проказе, разве мое дыхание не ядовито, разве мои деньги не заразительны? И вы хотите, чтобы я торговал сам? Благодарю, Ионафан бен-Манассия, благодарю за добрый совет.

Ионафан. На кого тут жаловаться, Натан? Вы сами этого захотели,— вы знаете наш закон и все-таки...

Натан. И все-таки я женился на христианке, и за то вы меня отвергли от общения с вами, от ваших сборищ, от ваших законов, от торговли... Я этого хотел, это правда, да! И если бы все пророки вместе обещали возвратить мне то, что́ я утратил, только с условием, чтобы я отказался от жены моей, я бы не согласился...

Ионафан. Оно правда, что ваша Рита создание доброе, хотя и христианка.

Натан. Доброе создание! Я торговал всю мою жизнь драгоценными камнями, Ионафан, и могу сказать, что этот камень стоит того, что я на него истратил... а это большая сумма. *(Вздыхает.)*

Слышны звуки оружия и народные крики.

Что это за тревога?

Ионафан. Это крики и демонстрации, которыми народ встречает солдат французской республики. Я иду тоже покричать в честь наших освободителей. *(Уходя.)* Ах! Я и забыл отдать вам этот пакет, который я получил за вас на почте. Прощайте, Натан! Виват! *(Уходя.)* Да здравствует свобода! Да здравствует братство! *(Уходит крича.)*

Крики на улице продолжаются еще несколько времени.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Натан *(один)*. Как Адонаи! Ишь орут! Чтобы ваша глотка лопнула! Еще немного, и они разбудят мою дочку. *(Указывая на люльку.)* Свобода! Братство! Хорошо, если бы эти слова звучали правдой! Тогда дворяне не притесняли бы евреев, не было бы у евреев жестоких законов над евреями. Если бы в этих словах звучала правда: для нашего бедного племени наступило бы освобождение, равное освобождению Моисея! Нет более рабства, нет более

отвержения, люди уж не прячутся от людей, как звери от собак.

При последних словах вбегает маркиз де Сен-Каст, *как будто преследуемый, в дверь, которую Ионафан оставил незатворенной.*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Маркиз де Сен-Каст и Натан.

Натан *(оглянувшись)*. Кто там?

Маркиз сбрасывает на стул плащ, в котором был завернут до глаз.

Гражданин Бон-Анфан...

Маркиз. Взгляните за дверь, мой друг!

Натан выходит за дверь.

Я надеюсь, что успел скрыть следы свои от этих тощих санкюлотов. И сознаться, что мы рождены в одной земле, я и эта сволочь... *(С отвращением.)* Фи!

Натан *(возвращается, заперши дверь железным болтом)*. Улица пуста; весь квартал бросился встречать французское войско. Вам бы тоже надо бежать, гражданин.

Маркиз. Я не хочу притворяться, господин Натан: я ненавижу крики черни.

Рукоплескания на улице.

Натан. Слышите? Да здравствует свобода, братство, равенство! И ваше сердце не бьется от радости при таких криках?

Маркиз. Бьется, но не от радости. Если бы вам привелось слышать столько этой музыки, сколько я ее слышал, и при том с непременным припевом: «à la lanterne» [1], вы бы не приходили в такой восторг. *(Оглянувшись и посмотрев в окно.)* Однако, мой превосходный друг, будем играть в открытую: вы не имеете ли какого подозрения на мой счет?

Натан. Нет, я знаю наверное.

Маркиз *(встрепенувшись)*. Что же?

---

[1] «На фонарь» *(франц.)*.

Н а т а н. Что вы эмигрант, аристократ; что вы пробираетесь к войску принцев, которые хотят с помощью оружия возвратиться в страну, из которой изгнаны. Я знаю наверное, что вас, против вашей воли, задерживает во Франкфурте недостаток денег. Случай вас привел в мое бедное жилище, вы хотели продать вещицу и воспользовались моим посредничеством. И с того дня несколько раз загоняла вас ко мне нужда в деньгах. *(Рассматривая булавку, которой заколот воротник маркиза.)* Вот хорошенький бриллиант, хорошей воды и хорошо оправлен. Клянусь Мишной! Подумаешь, есть же люди, которые гуляют в бриллиантах! Ну, что вы возьмете за эту безделку? А? Я думаю, что можно будет найти покупщика, который даст пятьдесят талеров, а за комиссию мне особо.

М а р к и з. Благодарю! Пока у меня голова на плечах, этот бриллиант останется там, где он есть. Это предсмертный подарок моего отца.

Н а т а н. Все это прекрасно. Но мне кажется, что для вас лучше будет обратить его в деньги, в которых вы нуждаетесь.

М а р к и з. И, кроме того, по этой булавке меня могут узнать санкюлоты, которые вошли сегодня во Франкфурт с генералом Нейвингером.

Н а т а н. Для того чтобы попасться к ним в руки — сегодняшнее торжество представляет очень благоприятный случай, маркиз...

М а р к и з. Маркиз?

Н а т а н. Де Сен-Каст.

М а р к и з. Ах, нет! нет! Извините! Титулы теперь уничтожены, и я называюсь просто гражданин Бон-Анфан.

Н а т а н. Да, на адресе письма, которое вы мне поручили взять с почты, это так, но на вашей пряжке вырезано было: маркиз де Сен-Каст. Вам бы, маркиз, нужно было как можно тщательнее уничтожать свое имя на вещах, прежде чем отдавать их в еврейский квартал. Но успокойтесь, я был осторожнее вас... Вот деньги, пятнадцать талеров, сочтите; я вычел за комиссию по три гроша с талера.

М а р к и з *(помолчав)*. Я в ваших руках! Вы, вероятно, думаете о том, за сколько можете предать меня. Вы скажите мне откровенно сумму, тогда мы по-

смотрим; может быть, вам будет выгоднее помогать мне.

Натан. А вот этот конверт поможет нам сделать этот расчет. *(Показывает конверт, принесенный Ионафаном.)*

Маркиз. Конверт на мое имя? Я ожидал его. Да *(с притворным равнодушием)*, тут мои семейные бумаги. *(Протягивает руку за конвертом.)*

Натан. Нет, извините. Тут банковые билеты.

Маркиз *(с презрением)*. Вы его распечатывали?

Натан. О, нет! Мне достаточно только пощупать; мои пальцы так чувствительны.

Маркиз *(открывает конверт)*. Да, вы правы. Вы привычнее меня в этих делах... без управляющего моего я ничего не понимаю... Скажите мне, какую сумму представляют эти билеты? *(Отдает ему конверт.)*

Натан *(перебирая билеты с проворством кассира)*. По курсу на Гамбург — двести тысяч талеров, несколько грошей более или менее; по курсу на Лондон — около трех тысяч талеров меньше. *(Развязно.)* Маркиз, у вас мильон франков; вы видите теперь, что ваша голова стоит довольно дорого. *(Отдает пакет.)*

Маркиз. Прекрасно! Но с тем, кто захочет торговать моей головой, я разочтусь вот этой монетой. *(Показывает на пару пистолетов.)*

Натан. Уберите, уберите оружие!

Маркиз. А! Вы боитесь?

Натан *(оправившись)*. Я боюсь, чтобы вы не разбудили бедную мою дочку... Нет, господин маркиз, не беритесь за оружие; моя жизнь не стоит и малейшей части этих денег... да и ваша тоже...

Маркиз. Вы сами видели, сколько у меня денег!

Натан. Да, а как вы думаете, много ли останется из них на мою долю, если я вас предам? Да потом — это дурное дело... предавать на расстреляние своих доверителей?

Маркиз. Но вы, мне кажется, партизан г⟨осподина⟩ Робеспьера и компании! Вы знаете теперь, кто я: эмигрант-аристократ, человек вне покровительства законов.

Натан. Для меня вы прежде всего доверитель, клиент. Мои предки обожали золотого тельца; обожаю

деньги и я, но деньги трудовые. Деньги, запятнанные кровью, ведут к разорению. Я не изменю вашей тайне. *(Подходит к люльке.)*

Маркиз. Чем же мне заплатить вам за это?

Натан. Будьте помилостивее к своему ближнему, к еврею, с которым имеете дело... и... потом... *(Из движений Натана видно, как первоначальное благородное и бескорыстное чувство, внушенное ему женой, уступает жадности к деньгам и к прибыли.)* Если бы вы решились расстаться с этим бриллиантом *(указывая на булавку)* и не поскупились бы прилично заплатить мне за комиссию, например, грошей двадцать за талер...

Маркиз. Я об этом попомню в другой раз; сегодня я должен ехать из Франкфурта в Кобленц. Позвольте мне предложить вам это малое вознаграждение за ваши услуги. *(Дает ему банковый билет.)*

Натан *(недоверчиво рассматривая его)*. Билет в тысячу франков?

Маркиз. Вы меня огорчите, если откажетесь. Ну, зачем вы колеблетесь?

Натан. Это билет французский... именной... без передаточной надписи: он бесполезен для меня.

Маркиз *(идет к столу, делает надпись на билете и отдает Натану)*. Вот... вашей дочке на память обо мне.

Натан. Благодарю, благодарю! Она в этом очень нуждается, бедненькая, и мы тоже, все мы. *(Переходя налево.)* Мы так бедны! Так бедны!

Маркиз. А теперь, друг, благодарю вас, прощайте! *(Протягивает ему руку.)*

Натан. Как! Вы не боитесь подать руку прокаженному? Вы, маркиз, христианин? Между тем как мои братья не хотят пожать ее! *(Пожимает.)* Храни вас Иегова! Благословение еврея не сделает вреда христианину. *(Отворяет дверь и смотрит на улицу.)*

Маркиз завертывается в плащ и хочет перешагнуть через порог. Натан быстро удерживает его и заставляет спрятаться за дверь, которую затворяет, чтобы лучше скрыть маркиза, а сам становится в дверях, почти на улице. Слышится грохот барабанов, потом проходят солдаты французской республики, дурно одетые и оборванные.

(Тихо, маркизу.) Французы! Молчите, если жизнь дорога вам. *(Кричит в дверь.)* Свобода, братство,

равенство! Да здравствуют наши освободители! *(Смотрит вслед за толпой.)* Ушли избавители! *(Запирает дверь.)*

Маркиз. Палачи!.. Да, если бы я попался к ним в руки!

Натан. Минута прежде — и вы бы попали в средину их... *(Смотрит опять.)* Делают привал на нашей площади... ставят ружья в сошки. Измаил Вольф несет им вина... Ставят часовых в улицах.

Маркиз. Я должен пройти мимо их, чтобы воротиться в гостиницу... что, если меня остановят?..

Натан. По языку вас примут за француза, по обращению — за дворянина... вас обыщут... Имеете при себе билет гражданина?

Маркиз. Нет! Разбойники! Я знаю их пароль... Кошелек или жизнь.

Натан. Нет, и кошелек и жизнь! Для вас таков будет пароль; вы никак не можете скрыть вашего сословия...

Маркиз. Как же мне уйти? Я не забочусь о жизни, но эти деньги...

Натан. Браво! Вы правы! Заботьтесь о деньгах!

Маркиз. Тут все наследство, которое я оставлю жене и сыну. *(После краткого размышления.)* Натан, могу я ввериться вам?

Натан. Немного поздно теперь спрашивать об этом.

Маркиз. Да, правда, я должен довериться вам... Вы уже доказали мне свою честность, вы могли присвоить себе все, что́ я имею... Я вам вверяюсь совершенно; имейте попечение об этом пакете до моего возвращения.

Натан. Вы доверяете бедному еврею зараз и деньги и голову?

Маркиз. Нет другого средства, и притом же я вам вполне верю. Я должен воротиться в гостиницу «Белого Коня». Надо уничтожить важные бумаги, которые могут компрометировать «наше дело».

Натан. То есть, ваше...

Маркиз. Уничтожив их...

Натан. А если вас уничтожат прежде?

Маркиз. Что делать! Я иду на риск: деньги я оставлю в безопасности — это касается меня; а жизнь свою я не задумаюсь пожертвовать — это касается моего короля. *(Хочет идти.)*

Натан *(про себя, пожимая плечами)*. Странные пра-

вила у этих христиан! Подождите! *(Закрывает ему плащом грудь и шею.)* Закрывайте ваш бриллиант; можете ввести в искушение...

Маркиз. О, да! Вы правы, друг! Равенство, братство, так же как и женщины, не могут устоять против бриллиантов. *(Уходит.)*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Натан *(один. Аккуратно запирает дверь и смотрит в окно)*. Видно, и против вина тоже устоять не могут. Мне кажется, что наши освободители уж порядочно пьяны. Если так будет продолжаться, то они к ночи осушат последнюю бочку у Измаила Вольфа. В каком-то положении теперь маркиз? В настоящую минуту он в опасности. Ну, вот хорошо; он миновал стражу спокойно. Браво, браво! Запахивайте плащ! *(Делает знаки.)* А! Сержант его останавливает, кладет ему руку на плечо. Ай, ай, ай! Дело плохо! Предлагает ему выпить. Ах, господин маркиз! Как должно быть вам приятно пить с разбойниками, как вы называете их. Но это нужно для вашего спасения, значит, нечего и толковать... Он идет дальше... Он свободен! И он, и его прекрасные банковые билеты теперь в безопасности. Вот они, голуби мои обожаемые! *(Закрывает окно и, прижавши билеты у своей груди, возвращается на авансцену.)* А ведь я доволен тем, что он вырвался из когтей наших освободителей. Про меня нельзя сказать, чтобы я не желал этого. Только злые люди могут так думать обо мне. Он учтиво подал мне руку, а уж давно, кроме Риты, никто этого не делал. Однако, убрать эти драгоценные бумаги. *(Глядя на них.)* Все это переводы... И все на евреев... Великий народ в денежных оборотах! Вот подпись Мейера! Вот Оппенгейма! Вот Мендельсона! Все это банки, в которых всегда золота столько, сколько его нужно. А векселя христиан! Фуй! *(С презрением, потом взвешивая конверт и разглядывая его.)* Человеку с головой можно смело идти на биржу с таким капиталом в руках; время теперь благоприятно для больших оборотов. Ценности и фонды государственные подымаются и опускаются, как волны на море во время бури... Теперь ловкому человеку

чистые деньги могут принести пятьдесят процентов. *(Целует переводы.)* О! Святые ангелы! Если бы вы были мои, какую бы цену я умел дать вам! *(Молчание.)* Святые пророки! *(Вскрикивает с удивлением и восторгом.)* Сумасшедший, ушел, не взяв с меня расписки!.. он даже не спросил ее!.. Вот как христиане разоряются! А его голова может слететь каждую минуту. Ни расписки! Ни свидетеля!.. И моя бедная Рита, которая столько раз голодала со мной... и наша дочка... *(Конвульсивно сжимая векселя.)* Нет! нет! прочь от меня! На каждом этом листе печать Вельзевула... *(Завертывает билеты.)* Их нужно сейчас запечатать, хорошенько запечатать! *(Идет к очагу, чтобы зажечь свечку.)* Бедненькие!.. Запереть их! А как было бы хорошо пустить их летать по свету и приносить сто на сто. *(Хочет запечатать билеты.)* Ах! взгляну еще раз на эту красоту. *(Считает билеты.)* «Заплатить пять тысяч талеров через три месяца. Оппенгейм». «Заплатить предъявителю шесть тысяч пятьсот. Рейзель». Это христианин, но хороший банкир, солидный человек. «Десять тысяч...».

Рита входит из боковой двери с корзиной в руке, бледна и испугана. Натан, углубившись в рассматривание билетов, не примечает ее.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Рита и Натан.

Рита *(подходя к люльке)*. Слава богу, крик не разбудил ее.

Натан *(обернувшись, быстро невольным движением прячет билеты)*. Рита! Ах! *(Переводя дух.)* Что ж, продала ты свое вышиванье?

Рита. Да, вот деньги, Натан! *(Отдает ему деньги; он их кладет в кошелек и прячет в карман.)* Надо было идти продавать на самый конец Франкфурта, там меня еще не знают.

Натан *(подбегая к ней, встревоженный)*. Что с тобой, моя милая? Ты бледна, ты нездорова?

Рита. Нет, это все пройдет через минуту. Я видела одно происшествие, Натан. Французские солдаты...

Натан. Наши освободители.

Рита. Освободители! Ах, Натан! Печальна свобода,

которая приходит с грустными речами на губах, со скотским опьянением в глазах и с кровью на руках.

Натан. С кровью?

Рита. Когда я шла по улице Фаро, они убивали какого-то несчастного. *(Закрывает лицо руками.)* Мне кажется, что я его еще и теперь вижу.

Натан. Убили? Улица Фаро, рядом с гостиницей «Белого Коня»! *(Глубоко задумывается.)* Скажи, Рита, он француз, да?

Рита. Да, говорят, эмигрант.

Натан *(привскакивая)*. Эмигрант!.. Средних лет, в большом плаще, с булавкой на вороте рубашки, отличный бриллиант?

Рита. Я не рассматривала. Я увидела кровь и бросилась бежать без ума. Какой ужасный вид!

Натан *(про себя)*. Если это маркиз! Нужно идти удостовериться! В улице Фаро, говоришь ты? *(Уходя.)* Я побегу, Рита, и сейчас ворочусь.

Рита. Не оставляй меня одну, Натан, не оставляй меня одну! Они могут прийти сюда.

Натан. Ну, милости просим! Они наши братья; они всем братья, кроме тиранов и притеснителей.

Рита. Все евреи считаются богатыми, а богатые, по их мнению, притеснители.

Натан *(про себя)*. Да, это правда, и билеты тогда перейдут в их руки... Рита, душа моя, могу я довериться тебе?

Рита *(изумившись)*. Натан!

Натан. Твоему сердцу я могу довериться; но ты так боязлива.

Рита. Я не боязлива, когда ты со мной. Притом же глупо думать, что солдаты могут прийти сюда... Здесь взять нечего...

Натан *(грозя пальцем)*. Тс... смотри! *(Показывает билеты.)*

Рита. Что это?

Натан *(с сильным выражением)*. Мильон!

Рита. Переводы! В твоих руках банковые билеты, Натан?

Натан. Сейчас только их оставил мне один француз, эмигрант, роялист; кто знает: не его ли ты видела, не его ли убивали?

Рита. О, нет! Дай бог, чтобы это был не он!

Н а т а н. То же и я скажу, но... а если?.. *(Под влиянием жадности.)* Между нашим нищенством и богатством есть преграда... и эта преграда... может быть, не существует.

Р и т а. Скажи, Натан, этот француз оставил деньги в твое полное распоряжение?

Н а т а н. Даже не попросил у меня и расписки.

Р и т а. А ты ему и не напомнил об этом... Ах, Натан, Натан! *(С упреком и жалобой переходит на другое место и плачет.)*

Н а т а н *(ласкает ее, а она с сердцем и грустью уклоняется)*. Ну, не плачь же, моя милая Рита; ты знаешь, что я не могу видеть, как ты плачешь. Разве ты не имеешь ко мне доверия?

Р и т а. А вы сами-то имеете к себе доверие?

Н а т а н *(несколько сердито)*. Ну, а если он не воротится? Кто ж тогда имеет право на эти деньги?

Р и т а. Мы меньше всякого имеем право на них.

Н а т а н. Но, миленькая моя, нельзя же деньгам лежать без пользы. Переводы и билеты не за тем сделаны, чтоб их запечатывать и прятать, как мумии египетские. О! Я сумел бы извлечь пользу из них, пока не явится законный их владелец... с подлинными документами, конечно... И все наши бедствия окончились бы; оставим Франкфурт, переменим имя, отправимся в Париж, в Амстердам, в Лондон... всюду, где есть биржи, чтобы торговать банковыми билетами и богатеть... мы скоро бы разбогатели.

Р и т а. Натан, дьявол — хитрый искуситель, и самая сильная приманка его есть золото.

Н а т а н. Нет, нет, не то, что ты думаешь... Я не хочу совсем присвоить себе деньги; я только пущу их в дело, чтобы взять на них пользу... для тебя, для тебя, моя Рита.

Р и т а. И любовь тоже может служить дьяволу приманкою.

Н а т а н. Ну, для нашего ребенка! *(С умоляющим видом.)*

Р и т а *(с постоянною твердостью и важностью)*. Искуситель может явиться также и под видом этого невинного ребенка. *(Решительно.)* Перестань колебаться, Натан! Мой Натан! *(Нежно.)* Ты должен найти этого человека и отдать ему деньги.

Н а т а н. Ну, да! Для того чтоб через минуту у него их украли! Это грех, это грех...

Рита. По крайней мере если ты берешься сохранить для него деньги, дай ему расписку и проси, чтобы он тебе ясно объяснил, кому отдать деньги в случае его смерти... или долгого отсутствия. Иди сейчас, мой добрый Натан...

Он тихо подвигается, она тихо толкает его, ласково и нежно.

Постой, дай мне пакет, пока ты воротишься. *(Протягивает руку.)*

Натан *(быстро кладет билеты за пазуху и прижимает к груди)*. Нет, дай мне подержать их здесь... на груди. Уж давно я не чувствовал теплоты от хорошей пачки банковых билетов.

Рита *(важно)*. Натан, когда я полюбила тебя, меня называли сумасшедшей за то, что я отдала сердце еврею — человеку, для которого деньги дороже семьи, жены и детей. Я не поверила этим разговорам, вышла за тебя: для тебя оставила отца и мать, сестер, братьев, все. Узнала нищету и презрение, и с тобой, Натан, мне приятно было горе. До этого дня я не раскаивалась в своем выборе. Натан, Натан, неужели сегодня я должна раскаиваться?

Натан *(долго борется; потом отдает пакет жене)*. Возьми, Рита, возьми и спрячь; не отдавай мне, если б я просил его даже на коленях. Лучше любовь и доверие в бедности, чем деньги, которые могут помрачить наше согласие, моя Рита.

Рита *(целует его с увлечением)*. Вот мой Натан!.. Ну, ступай за французом.

Натан. Подожди, я теперь припоминаю! Он говорил, что пойдет в гостиницу «Белого Коня»; я найду его там, если ему удалось избежать от преследования.

Слышен стук в дверь.

(Умоляющим и задыхающимся голосом.) Билеты, билеты...

Рита прячет на груди пакет.

(Дрожащим голосом.) Кто там?

Маркиз *(за сценой)*. Гражданин Бон-Анфан. Скорее отоприте!

Натан *(Рите)*. Маркиз! *(Осторожно отворяет дверь и аккуратно запирает ее за маркизом.)*

Рита. Благодарение богу, он жив!

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Маркиз де Сен-Каст и те же.

Маркиз *(выходя на авансцену).* Да, жив... пока... *(Увидя Риту.)* Женщина! *(Кланяется Рите.)*

Натан *(становясь между них).* Это жена моя, можете довериться ей, так же, как мне... больше, чем мне... она все знает.

Маркиз. Экой болтун! Черт его возьми! *(Рите.)* Мужья-христиане гораздо менее доверчивы к женам! Я спасся от санкюлотов тем, что выпил с сержантом какого-то отряда. Бумаги, которые неудобно держать при себе, я уничтожил, а другие здесь, в этом маленьком ящике. *(Показывает ей ящик, который спрятан у него под плащом.)* Я нанял карету, она ждет меня за воротами Ганау... Я воротился, чтобы оставить вам адрес, по которому вы можете пересылать в Кобленц все письма и бумаги, которые придут сюда на имя гражданина Бон-Анфан.

Рита. А как вы думаете распорядиться деньгами?

Маркиз. Поберегите их... Когда я буду в безопасности, я вам напишу.

Рита. Мой муж все беспокоится, что не дал вам расписки... Хорошо, что вы воротились... Пиши, Натан.

Натан *(сидит задумчиво).* А? Что? Расписка? *(Сбирается с мыслями и отвечает более спокойно.)* Вы у меня ее не требовали... а я позабыл вам напомнить. *(Несколько подумавши.)* Но если ее найдут у вас, это может стоить жизни... вам и мне...

Маркиз. Я, как старый заговорщик, имею с собой разные снаряды. *(Достает маленькую склянку.)* Вот симпатические чернила: они невидимы, пока их не поднесут к огню; пишите расписку ими.

Натан *(пишет и прочитывает).* «По предъявлении сего обязуюсь заплатить маркизу де Сен-Каст или кому он прикажет двести тысяч талеров, которые получил от него на сохранение. Натан Готшильд».

Рита *(подходит к нему).* Я подпишусь свидетелем и поставлю число. «22 октября, 1792. Удостоверяю и обязуюсь. Рита Готшильд».

Натан *(берет билеты и садится у огня).* Подождите. Позвольте, я еще раз пересчитаю билеты, чтобы удостовериться, точно ли ту сумму они представляют... Я хоть переберу их еще раз. *(Считает*

билеты и так углубляется в это занятие, что не слышит разговора между женой и маркизом.)

Маркиз. Это лишняя формальность; но так как вы настаиваете, друзья мои, я прячу, как вы видите, вашу расписку в секретный ящик этой шкатулки. *(Показывает Рите великолепный несессер, который он держал под плащом. Обертывается в плащ с изяществом того времени.)* Миленький несессер, не правда ли? Это подарок жены моей,— у нее два одинаковых: один с моим портретом,— тот она оставила себе,— а мне отда́ла со своим, вот он... на крышке. *(Вздыхает.)*

Рита. Ваша жена теперь в безопасности?

Маркиз. Дай-то бог! Я принужден был оставить ее с сыном на французской границе. Кто знает, увидимся ли мы! Прощайте, мои добрые, мои лучшие друзья! *(Хочет идти.)*

Рита *(удерживая его)*. Одну минуту! *(Зажигает свечу.)* Натан, кончил ли ты считать?

Натан *(перестал считать)*. Да, Рита, да!

Рита. Дай мне эти бумаги! Нужно сделать новый конверт и запечатать.

Натан *(печально)*. Вот они.

Рита *(делает конверт)*. Теперь, господин маркиз, запечатайте сами. *(Подает маркизу, который запечатывает перстнем.)* Если же вы не воротитесь за этим, священным для нас, залогом, скажите по крайней мере, куда переслать его вашей жене.

Маркиз. В таком случае... адресуйте письмо...

Натан. Нет, нет, не говорите... Насилием от нас могут выведать... Напишите бумажку, мы спрячем.

Маркиз. Вы правы. *(Пишет.)* Вот вам адрес жены моей. *(Кладет листок на стол.)* Прощайте!

Слышны шаги солдат, барабан и шум.

Ах, позаботьтесь об этих деньгах! тут все, что я могу оставить моему сыну.

Рита. Не бойтесь! Я провожу вас безопасной дорогой до самых городских ворот. Пойдемте со мной. *(Берет его за руку и уводит в ту дверь, в которую прежде вошла.)*

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Н а т а н *(один)*. О, женщины, женщины! Уж слишком они совестливы и всегда помешают поймать счастье на лету. Но Рита... Да, Рита всегда права... Он оставил бумагу. *(Видит на столе адрес, но не читает его.)* Это адрес его жены! Нет, лучше не читать! Положу его в пакет с билетами... Рита будет беречь все это... Ах, не взяла ли она его с собой? Я так бы охотно подержал их еще в руках! Добрая женщина! С ней маркиз будет цел... *(Вздыхая, с дурно скрытым огорчением.)* Большое счастье, что его не убили прежде, чем он взял от нас расписку.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Ионафан и Натан.

И о н а ф а н *(за дверью)*. Натан! Натан!

Н а т а н. Ионафан бен-Манассия! *(Бежит отпирать ему дверь.)* Что там? Не горит ли синагога?

И о н а ф а н. А кто ее знает. Надо полагать, что она загорится первая. Французы теперь распоряжаются в городе, как настоящие хозяева, то есть братаются с народом, как они говорят.

Н а т а н. И с евреями так же, как и со всеми, Ионафан? О, равенство!

И о н а ф а н. Никому не дают преимущества. У кого есть съестное, тот выставляй его на улицу; деньги и вещи конфискуются без малейшей разности, с удивительным равенством.

Н а т а н. Но ведь наша обязанпость сделать хороший прием нашим освободителям. Если же они и возьмут что-нибудь лишнее, можно ли на это обижаться?

И о н а ф а н. У вас в доме, конечно, им поживы немного... Но, во всяком случае, будьте уверены, Натан, что они навестят и вас. Уж сильно поговаривают, что они хотят грабить еврейский квартал... Они захватили с собой шпиона... этого собаку Исаака. Он обещал им разыскать все наши ларцы. Ах, Натан, как вы счастливы, что у вас нет ларцов, а если и есть, так пустые!

Н а т а н. Да, пустые! Все пусто в бедном домишке Натана Готшильда... ларцы и ящики... комнаты и чуланы... Скажите это Исааку; скажите, что он

может избавить меня от своего посещения... он только потеряет напрасно и время и труд.

И о н а ф а н. Что́ мне говорить ему? Он мне не поверит.

Н а т а н. Да и я не верю тому, что вы говорите. Как! Сыновья великой республики, апостолы свободы, унизились до грабежа? Это ложь!

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Те же и Рита.

Р и т а *(останавливаясь на пороге)*. Это правда, французы уж начали грабить евреев. Уж двое вошли в вашу лавку, Ионафан.

И о н а ф а н. О, святой пророк Авраам! Все трудовые деньги там, в моей конторке. Клянусь Мельхиседеком! Если они приберут их к рукам, я чист. Ах, раввин правду говорит! Теперь такое время, что с пустым кошельком спишь спокойно.

Слышен стук выбиваемых дверей и стекол.

Слышите, как они работают! Кто знает, может быть, они уж выломали мои двери. Ох!.. *(В отчаянии, хватаясь за голову, то выбегает на улицу, то возвращается в квартиру Натана.)* Виват французы!

Новый шум в комнате.

Адское исчадие! *(Выбегает за дверь.)* Свобода, братство или смерть! *(Возвратившись.)* Злые собаки, дети Ваала! Да здравствуют наши освободи... Сломали у меня... Сломали лавку! О, собаки! О, дикие звери! *(Убегает.)*

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Натан и Рита.

Н а т а н *(запирая двери за Ионафаном)*. Неужели ты уж успела проводить маркиза до ворот Ганау?

Р и т а. Он заставил меня воротиться, лишь только мы вышли из нашего квартала.

Н а т а н. Но пакет с собой, не так ли?

Р и т а. Вот он. *(Вынимает из-за лифа и показывает ему.)*

Н а т а н. Дай сюда. *(Хочет взять, но Рита не отдает.)* Нужно его спрятать. Куда? Куда? *(С беспокойством бегает по комнате.)*

Р и т а. Сюда, в подполье.

Н а т а н. Нет, нет, Исаак Соломонов знает это место. Он сам торговал прежде в этой лавке.

Р и т а. В секретный ящик под колесом. *(Показывая его.)*

Н а т а н. Постучат ружьями и узнают, что тут есть ящик. *(Конвульсивно ломая руки.)* О, бумаги! Драгоценные бумаги!

Шум шагов на улице.

Р и т а. Тише! Вот они! Они у дверей!

Н а т а н *(как помешанный бродит по комнате, оглядывая все углы)*. Что делать? Куда спрятать такое сокровище? Если они найдут у тебя билеты, они убьют тебя! Дай мне: пусть лучше убьют меня! О! я сумею сберечь их.

Сильные удары в дверь.

Р и т а. Нет, нет! *(Прижимает пакет к груди.)*

Г о р а ц и й *(с улицы)*. Отоприте, именем республики, единой и нераздельной!

Н а т а н. А! Нашел! Сюда, в люльку. Жизнь ребенка священна!

Рита кладет пакет в люльку; вынимает из мешка, который у нее сбоку, работу и, садясь подле люльки, вяжет кружево. Она и Натан стараются сохранить спокойствие и равнодушие. Натан отпирает дверь. Входят ф р а н ц у з с к и е с о л д а т ы и И с а а к С о л о м о н о в.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Л е о н и д, Г о р а ц и й К о к л е с и разные с о л д а т ы ф р а н ц у з с к и е, запыленные и оборванные. И с а а к С о л о м о н о в, который их ввел, отходит к стороне и оглядывает комнату. Р и т а и Н а т а н.

Н а т а н *(встречая солдат почтительно и униженно)*. Милости просим в мою бедную хижину, господа...

Л е о н и д *(с одной стороны)*. Господа! Это слово подозрительно.

Г о р а ц и й *(с другой стороны)*. Больше чем подозрительно, гражданин Леонид: оно преступно и, как таковое, дает право к немедленной конфискации всего движимого и недвижимого имущества преступника. Да, госпожа... *(Рите.)* То есть, гражданка... *(Кланяется Рите по-военному.)* Гораций Коклес, первого легиона, легкой пехоты... Прискорбно мне, что мы беспокоим гражданку... но разговор этого...

Рита. Он мой муж.

Гораций. Гм!.. *(Подходит близко к Рите.)* Хвалю вкус преступника! *(Подходит к Натану вплоть.)* Но не могу похвалить вкуса гражданки. Утверждаю и присуждаю, что преступные речи сего лица в соединении с отягчающими обстоятельствами, что он долго держал за дверьми и не впускал единую и нераздельную республику, подают повод к более сильным подозрениям. Исаак, делай свое дело!

Исаак подходит. Гораций берет его за ворот.

Веди единую и нераздельную республику в сундук этого преступника.

Натан *(сопровождая их)*. Поверьте мне, господин...

Гораций и Леонид, косясь на него, ударяют в землю прикладами ружей.

Достойные граждане! Доблестные освободители! Если найдете во всем доме более полуталера, я даю голову на отсечение. *(Исааку.)* Не хлопочи указывать дорогу, мой добрый друг, я вам все покажу. Смотрите, граждане, смотрите: не удастся ли хоть вам найти того, что мне не удается, то есть немножко денег. Смотрите, обыщите все. *(Открывает ящики.)* Я — бедный еврей, отвергнутый своими единоверцами... Нет у меня товаров, нет дорогих вещей, только кой-что из кухонной посуды да каменное колесо... Господа граждане... Мы нищие, неимущие, Иегова вам свидетель.

Солдаты ищут повсюду.

Исаак. Ты забыл, Натан, что прежде тебя я занимал эту лавочку и потому знаю все норки. Вот тут есть маленькое подполье.

Натан. Позволь, я покажу его нашим благородным освободителям, душа моя, милейший мой Исаак. *(Открывает западню подполья.)* Видите, кроме пыли и паутины, там ничего нет. У друга моего, Исаака, тут было все полно, а у меня нет и двух грошей, чтоб положить их там рядом, для компании.

Солдаты щупают штыками в подполье.

Леонид. Пусто, как в моем ранце.

Гораций. Это ужасно! Так-то ты вознаграждаешь своих освободителей?

Натан *(с унижением)*. Все, что я имею, все это ваше... Я совершенно убит, что у меня всего так мало.

Исаак. Ты забыл ящик под колесом, мой добрый Натан.

Натан *(поспешно идет к колесу и учтиво отклоняет Исаака)*. Нет, позволь ты мне самому показать нашим чудесным освободителям, как тронуть пружинку, мой несравненный Исаак. *(Распускает пружину.)*

Гораций *(Леониду)*. Вот так дружба, товарищ! Эти два еврея живут душа в душу.

Натан *(открывает ящик, солдаты запускают туда штыки)*. Ищите, граждане, ищите, я искал долго и не нашел там ничего.

Солдаты, кроме Леонида и Горация, идут в боковые комнаты. Натан поглядывает на люльку. Исаак это замечает.

Исаак *(идя к люльке)*. Иногда и в занавесах люльки можно спрятать кой-что.

Натан дрожит. Гораций идет к люльке.

Рита *(с грациозной улыбкой)*. Гражданин, может быть, сам отец и не захочет разбудить мою дочку.

Гораций *(шаг назад)*. Нет, sacrè mille tonneres!..[1] У меня есть маленький Гораций Коклес собственного производства, и я знаю, как это приятно, если он вдруг заведет свою музыку. Пусть маленькая гражданка спит в своих пеленках и будет надеяться, что из нее выйдет Лукреция... только не римская.

Леонид *(выходя вперед)*. А если я пощупаю немного штыком под малюткой?

Рита *(идя ему навстречу)*. А если я пощупаю немного своими когтями твое лицо, гражданин? Люди ли вы? Отцы ли? Имейте уважение к единственному сокровищу матери. Прочь!

Гораций *(становясь между Ритой и Леонидом)*. Храбрая гражданка! Я даю тебе позволение употребить в дело твое природное орудие: оборонительное и наступательное. Стыдись, гражданин Леонид! Республика единая и неразделимая уважает детей... которые спят.

Рита *(целует его с благодарностью)*. Сержант, вы хо-

---

[1] Тысячу молний (ударов грома) на вашу голову *(франц.)*.

роший человек, получите от меня поцелуй в знак братства.

Г о р а ц и й. С удовольствием. А ты получи от меня другой в знак равенства. *(Натану, который выходит вперед.)* Что ты зеленеешь, безнадежный гражданин? Ты и так уж лимонного цвета. Твоя половина теперь под моим покровительством! Я оставлю у ваших дверей почетную стражу. С этого времени вы можете спать спокойно под покровом республики, единой и нераздельной... Дайте-ка мне огонька закурить трубку.

Рита идет к очагу зажечь свечу; солдаты возвращаются из комнат, не найдя ничего. Из средней двери, которая оставалась растворенной, входит М а р к Ю н и й Б р у т.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

М а р к Ю н и й Б р у т и т е ж е.

М а р к. Эй, товарищи! Хороша ли у вас добыча?

Л е о н и д. Ни одного су,— вот как, Марк Юний Брут! Нищета и тряпки!

Г о р а ц и й. А прекрасные губки гражданки! Я ценю их по крайней мере во сто франков ассигнациями...

М а р к. Что ж вы, дурацкая порода, даром время теряете! А на улице отличная охота за дичью: переодетые аристократы, эмигранты, которые ускользают у нас из-под носу, чтоб присоединиться к принцам. Нет еще и десяти минут, как мы захватили одного за воротами Ганау.

Р и т а приносит зажженную свечу и останавливается пораженная.

Славная фигурка, вышитые манжеты, белые ручки, улыбающаяся физиономия, сжатые зубы... все признаки предателя...

Р и т а *(подает дрожащей рукой огснь Горацию)*. Вот закуривайте трубку, господин сержант.

Г о р а ц и й. Благодарю, гражданка! А сказал он свое имя?

М а р к. Никаких бумаг, никакого документа! Ему хотелось уверить нас, что его называют гражданином Бон-Анфан.

Рита и Натан переглядываются.

Г о р а ц и й. Вымышленное имя — это ясно... Огня! *(Рите.)* Ты дрожишь, гражданка!

Н а т а н *(берет у нее из рук свечу)*. Она с некоторых пор чувствует припадки... болезни.

Г о р а ц и й. Дьявол! Окаянный! Поставь свечку, я не люблю копченого табаку, я сам закурю. *(Идет к камину, замечает на столе бумагу, на которой маркиз написал адрес.)* А, писаная бумага!

М а р к. Что там?

Н а т а н *(Рите)*. Адрес, оставленный маркизом... мы погибли.

М а р к *(берет бумагу и поворачивает)*. Что за крючки?

Р и т а *(тихо, Натану)*. Возьми у них листок.

Н а т а н *(тихо, Рите)*. Это будет еще подозрительнее.

Р и т а *(тихо)*. Не умеют читать.

Н а т а н *(тихо)*. Исаак умеет.

Г о р а ц и й *(сложив бумагу в виде закурки)*. Это ненужная бумага, гражданин, не так ли?

И с а а к *(выходя)*. А вот посмотрим.

Н а т а н *(берет бумагу у Горация, проворно зажигает на свечке, которая стоит на столе)*. Ничего не значащая бумажка; вот, сержант: закуривайте трубку. *(Учтиво подает Горацию.)*

Р и т а *(принимает от Натана свечу, несет ее на камин и шепчет мужу с печальным упреком)*. Последнее свидетельство уничтожено... Ох, Натан!

Н а т а н. Оно принесено в жертву за спасение нашей жизни.

Г о р а ц и й. Как же вы поступили с пленником? *(Курит.)*

М а р к. Точно так же, как обыкновенно поступаем с предателями: умер, как гадина, изрыгая яд... Вот моя доля его шкуры. *(Показывает бриллиантовую булавку.)*

Н а т а н *(тихо, Рите)*. Бриллиант маркиза.

Р и т а. Убит!

М а р к. Ты гранишь бриллианты... Тебе говорят, еврейская собака! *(Натану.)* Ты должен знать цену этого камня... Сколько дашь? *(Отдает Натану, который принимает дрожа.)* Что еще с тобой? Паралич, что ли, тебя расшиб?

Н а т а н. Он замаран кровью. *(Отдает ему.)*

М а р к. Какое цыплячье сердце! *(Передразнивая Натана, Леониду и Горацию, которые пожимают плечами*

с презрением.) Что ты мне дашь за нее, глупая скотина?

Н а т а н. Может быть, я найду приятеля, который вам даст за нее тридцать талеров; у меня нет денег... что знают и эти госпо...

Г о р а ц и й *(с гневом)*. Что?

Н а т а н. Что известно и этим превосходным гражданам

И с а а к *(становясь между Натаном и Марком)*. Дайте. я посмотрю. *(Берет бриллиант и рассматривает, про себя.)* Он стоит тысячу, а Натан хотел купить, за тридцать, разбойник. Я дам за него пятьдесят.

М а р к. Идет за пятьдесят! Эге! Шкура этих аристократов стоит недешево.А кто знает, что еще было у него там, в ящике.

Л е о н и д. В каком ящике?

М а р к. У этого беглеца был спрятан под плащом ящик. Его взял себе капитан.

Л е о н и д. Львиная доля, по обычаю.

М а р к. Да, свобода и равенство... только там, где нет чинов... Он говорил, что в нем только бумаги, и запечатал его до приезда генерала.

Г о р а ц и й. Ну, не хотел бы я быть на месте тех, о которых упоминается в этих бумагах.

Л е о н и д. Шесть пуль в живот, и покойной ночи.

Н а т а н *(дрожа, Рите)*. Если найдут расписку, эти шесть пуль достанутся мне.

М а р к. Идем, товарищи; за углом есть гостиница: Исаак поставит нам, вместо магарыча, пару бутылок.

И с а а к. Пожалуй, хоть четыре. *(Про себя.)* Да и больше, чтоб у тебя в глазах двоилось и чтоб ты двадцать пять талеров принял за пятьдесят.

Г о р а ц и й. Браво, Марк Юний Брут! У меня горло пересохло, как обгорелая бумага. Прощай, прекрасная гражданка!

С о л д а т ы уходят с И с а а к о м. Гораций с Леонидом остаются.

Р и т а. Прощайте, сержант... Исполните же обещание.

Г о р а ц и й *(на пороге)*. Обещание? Что я, черт возьми, обещал тебе?

Р и т а. Освободить нас от другого посещения единой и нераздельной республики.

Г о р а ц и й. А, хорошо! Вот и подтверждение обещания. *(Целует ее.)* Давай, Леонид, перо, чернила и чернильницу.

Леонид достает из кармана кусок мелу.

Вот это: перо, чернила и чернильница. *(Отворяет дверь и пишет большой нуль.)* Вот и бумага. Мое правописание не обширно, зато очень понятно. Нуль — это значит ничего; все войско поймет, что тут взять нечего. *(Натану, с презрением.)* Еврей с пустым сундуком!.. Я теперь верю, что ты отвергнут, как недостойный сын Израиля. *(Уходя.)* Стыд! Искали, искали — и ни одного су! Принимать республику с пустыми руками! Стыд!

Натан *(провожая)*. Ах, сержант, ах, ах! *(Хохочет.)* Какой вы шутник! Доброго дня вам и всякого счастья! Ха-ха-ха! *(Ждет, пока они удалятся, и тщательно запирает дверь.)*

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Рита и Натан.

Натан *(поспешно возвращается и берет Риту за руку)*. Рита, если найдут мою расписку, мы погибли. Буди и одевай ребенка! Нужно бежать в эту ночь... сейчас... Счастье наше, что мы теперь имеем средства...

Рита. Какие же средства мы имеем, Натан?

Натан. Как же; а билеты...

Рита. Они не наши, Натан.

Натан. А чьи же? Чьи? Маркиз убит... Адрес, по которому можно было найти его жену, сожжен... Не я ли сжег его... нет, Рита... то есть, да... но я был принужден, чтобы тем спасти нашу жизнь... Не правда ли, Рита? Видишь, что это правда, ты не отвечаешь, ты всегда мне противоречишь.

Рита. Что я могу отвечать? Инстинкт самосохранения врожден в человеке и сильнее голоса чести...

Натан *(нетерпеливо ходит по комнате)*. Да, это так... гораздо сильнее... О! И гораздо сильнее.

Рита. А если притом еще жадность к золоту,— что значит тогда честь, Натан?

Натан *(собирая посуду и мелкие вещи)*. Я вижу, что не должен был брать этих денег.

Рита. Но ты должен был спрятать и эту бумагу.

Натан. Ну, что сделано, то сделано. Моисей свидетель, что я хотел ее спрятать, но торопливость, страх... И притом, сама посуди, как же мне было положить

эту бумагу вместе с другими, когда ты унесла с собою пакет с билетами? Во всяком случае, гораздо лучше, что деньги в наших руках, чем у этих кровожадных чудовищ.

Рита. Да, лучше, потому что мы постараемся отыскать тех, кому они принадлежат по праву. Не правда ли, Натан, мы сыщем...

Натан. О, да, да... если можем.

Рита. Можем, если захотим, мой Натан.

Натан. Но мы теряем драгоценное время... Теперь могут найти расписку. И надо же тебе было заставить меня сделать эту глупость. Немного огня, пепла, наши имена выдут на бумаге и... шесть пуль... Ты слышала? Идем, надо бежать скорее! Скорей, Рита, дай мне мой плащ, сбери в узел свои платья, все остальное брось... Вот книга закона, это книга моего отца; я не должен оставлять ее...

Рита сидит спокойно подле люльки.

Рита, что за глупости! Зачем ты меня задерживаешь?

Рита. Я пойду, Натан *(встает)*; обязанность и любовь заставляют меня следовать за тобой. Но прежде я хочу сказать тебе кое-что. Натан, ты меня любишь?

Натан. Можешь ли ты сомневаться?

Рита. Я хочу испытать тебя. При всех моих страданиях я никогда не жаловалась, не правда ли, Натан?

Натан. Никогда, никогда, бедная женщина! Я видел, как ты терпела оскорбления отвержения от своих, голод... и всегда с ясным лицом. Ты была бледна и болезненна, но улыбалась мне, чтоб поддержать во мне бодрость, и говорила мне, что ты счастлива.

Рита. Я и теперь счастлива, хотя иногда имею предчувствие, что должна буду скоро вас оставить, тебя и нашу малютку...

Натан. Не говори этого, не говори, Рита.

Рита. Если богу так угодно, пусть так и будет; моя религия и твоя учат нас полагаться на волю провидения. Но буду ли я жить долго, или умру скоро, я надеюсь, мой Натан, что ты не захочешь сделать, чтобы жизнь была для меня жестокой пыткой, а смерть еще более ужасным мучением. Поклянись мне, Натан, что ты не разрушишь ту веру, которую возлагает на тебя твоя Рита, живая и мертвая, что ты употребишь все старания найти законных на-

следников этих денег! Клянись мне, что, когда ты найдешь их, ты отдашь им все в целости. *(Берет у него книгу.)* Клянись мне, Натан, над книгой закона, которую оставил тебе отец... *(кладет в люльку в головах дочери)* над головой нашего ребенка...

Натан. Я сделаю это, Рита, когда мы будем в безопасности.

Рита. Нет, здесь, теперь! *(Ведет его к люльке.)* Я не уйду... не сделаю одного шага без твоей клятвы... Когда я умру, я знаю, что не останется на земле ни одного свидетеля твоей клятвы; но судия живых и мертвых... видел... и будет видеть тебя всегда. Клянись, Натан! *(С глубоким чувством и торжественностью.)*

Вдали слышна музыка.

Натан *(становится на колени у люльки, потом встает; мало-помалу опускает руку на книгу, преклоняет голову и произносит тихим, но важным голосом.)* Клянусь!

Занавес

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(4 апреля 1814 г.)

ЛИЦА:

НАТАН ГОТШИЛЬД.

ИОНАФАН БЕН-МАНАССИЯ.

ВИКТОР,
сын маркиза де Сен-Каст.

РОБЕРТС.

ЖЮСТИН БРИКАБРАК.

ДАВИД.

РИТА,
дочь Натана.

Действие происходит на даче Натана, близ Лондона.
Дача банкира Готшильда в расстоянии одной мили от Лондона. Великолепная зала в нижнем этаже, выходящая в сад. Всюду цветы. Роскошная мебель. На правой стороне письменный стол с ящиком, над ним портрет Риты во весь рост — в том платье, в каком она была в первой части.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Давид вводит Робертса.

Робертс. Все отговорки бесполезны, мне нужно его видеть. *(Проходит вперед.)*

Давид. Я рискую потерять свое место. Мисс Рита дала сегодня особенный приказ, чтобы не пускать никого с делами к ее отцу.

Робертс. Мисс Рита дала приказ!

Входит Рита.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Рита и те же.

Рита. Так точно, господин Робертс; и этому приказу надо повиноваться; нынче день моего рождения; на двадцать четыре часа я царица и не хочу, чтобы говорили с отцом о делах в продолжение моего царствования.

Робертс. Мисс Рита, примите мое поздравление и мое извинение; но я непременно должен видеть вашего отца.

Рита. Непременно! Нынче на нашей даче только я могу говорить так решительно. Завтра, когда отец вернется в банк, в Сити, в Лондон,— говорите, что хотите. Отец принял мои условия, а банкир должен держать свое слово.

Робертс. Мисс Рита, дело, о котором идет речь, нельзя отложить. Вы не можете представить, как оно важно.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Натан и те же.

Рита *(бежит навстречу отцу)*. Папа, папа, прогони скорее этого несносного! Скажи ему, что банк закрыт, что счетная книга под ключом, конторщики пошли гулять, что нынче день рождения твоей Риты и что никто другой, кроме ее, не имеет права говорить с тобой.

Натан *(очень нежно)*. Бог да благословит тебя, обожаемое создание. Но ведь ты знаешь, что мухи всегда летают над медом.

Робертс. Я очень огорчен, что мешаю вам, господин Готшильд, но нужда не знает законов, потому с позволения мисс Риты...

Рита. Я не даю позволения, грубый человек... *(Становится между ними.)*

Натан. Вы видите, что эта барышня сегодня не принимает никаких резонов. Это в самом деле важный день. Она дело говорит... Торжественная годовщина! Это не только воспоминание дня ее рождения, но также и того времени, когда я сделался человеком.

Робертс. Как, господин Готшильд? Разве вы не всегда были человеком?

Натан. Да разве бедняки — люди? Да, черт возьми! Двадцать один год тому назад, я в этот день высадился в Лондоне... и, уверяю вас, Робертс, у меня ничего не было, ни денег, ни кредита и даже, увы! семейного счастья. Моя бедная жена умерла на дороге, в Амстердаме, где мы были проездом, и я приехал сюда бедный, одинокий, вдовый, без друзей, с маленькой сироткой на руках. *(Показывает на Риту.)*

Робертс. И в двадцать один год вы из низкого положения возвысились до положения одного из самых больших банкиров Лондона.

Натан. Да, так называют меня, Робертс: «самый большой лондонский банкир»! Правда, что, когда я вступил на берег Темзы, я был не с пустыми руками: у меня был ничтожный капитал, пустяки — двести тысяч талеров. Как вы видите, этот капитал вырос, как вырос я, как выросла моя Рита... потолстел, как я. Вы видите, я имел основание сказать, что с того времени я стал человеком, я перестал быть рабом, нищим... я сам распоряжаюсь своим...

Рита. Эх! Если б я была тоже человеком, как бы я умела распорядиться своим! Сколько счастливых я бы сделала!

Натан. Мотовка! Кто знает, по каким улицам разбежались бы мои миллионы.

Рита *(переменив тон)*. Ну, господин Робертс, ступайте! Нынче нет прозы в нашем доме, нет цифр, нет дел...

Робертс. Я в огорчении, мисс Рита, но господин Готшильд должен меня выслушать: наша фирма находится в большой опасности.

Натан *(с насмешкой)*. Как! Знаменитый дом Лакер-

штейн и компания! Черт возьми! Серьезная вещь, в самом деле.

Р о б е р т с. Ах, не шутите, господин Готшильд! Вы говорили, что мы можем иногда переводить платежи на вас.

Н а т а н. Ну, и скажите это вашим клиентам! Говорить ничего не стоит ни вам, ни мне.

Р о б е р т с. Ведь вы же нам советовали все ваши операции. Вы заставили нас скупить все бумаги на бирже; теперь у нас нет денег и нам придется реализировать их с большой потерей, если мы не можем удержать их, пока они подымутся.

Н а т а н. Держите их в портфеле! Держите их под замком! Вы знаете, мой друг, что я тоже скупаю все и везде.

Р и т а *(которая стояла подле двери в сад)*. Вот предательство! Сметь говорить о делах в моем присутствии...

Р о б е р т с. Сделайте милость, мисс Рита, позвольте нам поговорить, если не хотите, чтоб наш дом обанкрутился.

Р и т а *(важно)*. Обанкрутился! Прошу у вас извинения, господин Робертс. Я шутила, потому что не знала, что у вас разговор о таких важных делах. Извините меня за легкомыслие! Оставляю вас — говорите на свободе. Прощай, папа! Прощай на четверть часа. Ты позовешь меня, чтобы снова сделать царицей, не правда ли?

Н а т а н. Да, да, ангел мой.

Робертс отходит.

Р и т а. Ты смотри, помоги господину Робертсу и его хозяевам... Ты ему поможешь? Мне грустно видеть бедного старика в таком беспокойстве. А я еще недавно его так мучила... *(Пожимает руку отцу.)* Обещай мне, что ты сделаешь для него все, что можешь.

Н а т а н *(целуя ее)*. Все, что ты хочешь, моя Рита.

Р и т а. Это мне нравится, папа. *(Робертсу.)* Прощайте, господин Робертс. *(Тихо.)* Я сказала за вас словечко... Смелее, смелее! Все будет хорошо. *(Уходит в сад.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Натан и Робертс.

Натан *(быстро и изменив физиономию)*. Скажите мне, в каком состоянии ваша касса? Говорите яснее и короче!

Робертс. Действуя по вашим советам, наша касса купила на двести тысяч фунтов стерлингов бумаг Веллингтоновского займа. Теперь эти бумаги упали на десять с половиной процентов. Если продавать их, мы пропали, а если мы удержим эти бумаги, у нас не хватит пятидесяти тысяч фунтов стерлингов для нынешних и завтрашних платежей.

Натан. В каком состоянии расчеты мои с вашим домом? Посмотрим! *(Думает.)*

Робертс. Вот, в главной книге... *(берет толстую книгу, которую, входя, положил на стол)* счет того, что вы нам выдали.

Натан. К черту ваши книги! Не думаете ли вы, что я считать не умею?

Робертс. Ну, хорошо, посмотрите у себя. Где ваши счеты?

Натан *(указывая на лоб)*. Здесь, в моей главной книге. Итог суммы, которую я вам ссудил третьего дня, был двести восемьдесят тысяч фунтов, двенадцать шиллингов и шесть пенсов.

Робертс *(смотря в книгу)*. Именно так. Какая голова у вас, господин Готшильд!

Натан *(холодно)*. Если вы принуждены будете кончить дела, какие условия вы можете представить кредиторам?

Робертс. О, господин Готшильд, что вы говорите? Кончить дела, обанкрутиться!

Натан. Как же еще говорить! Сколько за сто?

Робертс. Самое большое — двадцать пять на сто.

Натан. В таком случае я потеряю шестьдесят тысяч фунтов, три шиллинга и полтора пенса. Нужно вас поддержать, нечего делать. Я дам вам еще пятьдесят тысяч фунтов двенадцать шиллингов и шесть пенсов. Какое обеспечение вы можете мне дать?

Робертс. Вот билеты банка.

Натан. Хорошо! Я беру их.

Р о б е р т с. Но знайте, что они упали на восемь процентов.

Н а т а н. Хорошо, хорошо. *(Берет их.)* Потом?

Р о б е р т с. Вот эти лучше... пятипроцентные бумаги ирландские; они стоят аль-пари.

Н а т а н. Нет, нет, не надо!

Р о б е р т с. Странный человек!.. Мне нечего более предложить вам, как только бумаги займа главнокомандующего лорда Веллингтона; но вы знаете лучше меня, они упали на десять с половиной, и если и не будет хороших известий из лагеря... упадут совсем...

Н а т а н. Хорошо, я их беру, беру. Вот вам приказ моему кассиру на пятьдесят тысяч фунтов. *(Идет к письменному столу и прикладывает подпись к листку.)* Вы заплатите мне всю сумму через месяц. Вот здесь ваши билеты и бумаги...

Р о б е р т с *(удивленный)*. О, добрый господин Готшильд... Вы спасли честь нашего дома! Чем мы можем благодарить вас?

Н а т а н. Чем? Вы заплатите мне пятнадцать процентов.

Р о б е р т с *(удивленный и опечаленный)*. Пятнадцать?

Н а т а н. Если вы не согласны на мои условия, ищите денег в другом месте.

Р о б е р т с *(умоляющим голосом)*. Господин Готшильд, возьмите десять процентов.

Н а т а н. Вы меня принимаете за ростовщика. Я не торгуюсь. Или пятнадцать, или я разрываю приказ кассиру. *(Показывает.)*

Р о б е р т с. Нет, нет, господин Готшильд! вы получите пятнадцать. Будь по-вашему. Вы спасли дом... Еще такое же спасение — и мы разоримся совершенно. *(Раскланивается.)*

СЦЕНА ПЯТАЯ

Н а т а н *(один. Ходит взад и вперед, потирая руки)*. Славные времена! Славные времена! Желанное время для того, чтобы ловить миллионы в мутной воде европейских бирж. «Союзники взяли Шалон». Курсы повышаются! «Блюхер отступил от Жанвильера». И заем нашего главнокомандующего бежит вниз, сломя голову. «Император взял Шалон». Английские, прусские, австрийские фонды гибнут; спа-

сайся, кто может. «Шварценберг отбил Труа». Вот снова английские фонды в гору. И вот мы, большие ловцы, с полными сетями, а маленькие рыбачьи лодочки идут ко дну, ко дну... и пропадают навсегда. *(Сильнее потирая руки и ускоряя шаги.)* И говорят еще об игорных домах, о фараоне, о красном и черном... Это игрушки, бедные детские игрушки!.. Нет, дайте мне биржу Лондона, биржу Парижа в конвульсиях, как родильницу! Вот это игра! Вот это жизнь! Вот опьянение! Нынче владетель миллиона, завтра — на пороге нищеты, но всегда с лицом спокойным, с душой невозмутимой, всегда с кредитом, с уважением, с общим почетом и с титулом короля банкиров и банкира королей! Кто не подаст теперь руки Натану Готшильду, кто ему не поклонится при встрече с ним? И как торопятся его единоверцы дать ему первое место в синагоге! А между тем, если не бедная жена его, которую они, злые люди, гнусные марионетки, заставили умереть от трудов и огорчений, то его дочь, тоже христианка, как и в то время, когда вы плевали в след этому отверженцу, который просил себе только места под солнцем. А теперь, если бы пришла ему охота плевать на вас в свою очередь, сколько бы из вас сочли это для себя украшением! И все это, этот триумф, эта слава, которая теперь возросла гигантски, вышло отсюда. *(Ударяя себя по лбу.)* И из бедных двухсот тысяч талеров, оставленных мне французским беглецом... О, люди, как вы мелки! О, деньги, как вы велики, всемогущи, дивны!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Д а в и д, потом И о н а ф а н Б е н - М а н а с с и я и Н а т а н.

Д а в и д. Ваш первый приказчик, он приехал из Лондона.

Н а т а н. Мой старый Манассия! Пусть войдет!

Д а в и д уходит в боковую дверь.

Вот золотой приказчик! Получает шесть тысяч франков жалованья, а заслуживает ста тысяч! Если б он знал... Но он не знает! Он был всегда нищ духом

относительно своих выгод. Свет делится так: одни служат, а другие заставляют себе служить.

Входит И о н а ф а н и почтительно кланяется.

Ну, старик Ионафан, что фонды?

И о н а ф а н. Все падают; вот вам курсы в полдень. *(Подает «Биржевой Листок».)* Как вы думаете, не пора ли нам поберечься, пока дела не пошли еще хуже?

Н а т а н. О, нет, старик Ионафан, еще не время. Посмотрим, не можем ли мы выдержать еще дня два. Сообщи мне, каковы слухи. Я не читаю журналов, хотя и плачу за них много. Если пойдешь за журналистами, так собьешься с пути.

И о н а ф а н. Сегодня новости очень дурные для союзников. Наполеон отрезал войско Шварценберга от пруссаков при Сен-Дизье. Кажется, он хочет разбить их порознь. *(С довольным видом.)* Вы увидите, что союзники должны будут отступить от Парижа.

Н а т а н *(ходя)*. Ты веришь, Ионафан?

И о н а ф а н. Так же верю, как приговору синедриона.

Н а т а н. А я, оставляя синедрион в покое, этому не верю. Видишь, Ионафан, есть звезды, которые когда начинают выходить, то уж более не показываются на горизонте. И я знаю одну такую звезду; великое светило, блестевшее два года тому назад, теперь, в 1814 году, имеет вид падучей звезды. Кстати, в банк придет первый приказчик фирмы Лакерштейн; я дал приказ выдать ему пятьдесят тысяч фунтов. Вот залог, который я взял с них. *(Идет к письменному столу и дает ему билеты и проч.)*

И о н а ф а н *(качая головой)*. Все эти бумаги падают.

Н а т а н. Потому я их и взял. Скоро ты увидишь, что они подымутся, и будешь благословлять судьбу, что мы имеем их. Ионафан, скажи нашим агентам, чтобы покупали, покупали; когда придет час продавать их, все бросятся к нам, а мы будем держать высоко золотую приманку. *(Взяв его за подбородок.)* Ну, что ты скажешь, простачок?

И о н а ф а н. Господин Готшильд, все это хорошо, но я ничего не понимаю.

Н а т а н. В том-то и разница между нами: ты ничего не понимаешь, а я понимаю! Ступай, Ионафан!

И о н а ф а н уходит, качая головой.

Н а т а н. Подожди! *(Таинственно.)* Видел ты человека с птичьего рынка?

И о н а ф а н. Продавца голубей?

Н а т а н. Ну, да. Велел ты ему идти с ружьем на дуврскую дорогу?

И о н а ф а н. Да.

Н а т а н. Хорошо. *(С добродушием.)* Мне хочется голубей с той стороны пролива.

И о н а ф а н. Странное желание!

Н а т а н. Чего ж тебе? Вкусные! Ступай теперь, Ионафан, и помни хорошенько: покупай бумаги союзников по всякой цене.

И о н а ф а н. Великий человек! Приятно смотреть, как вы бросаете сто тысяч фунтов стерлингов.

Н а т а н. С уверенностью превратить их в триста, если подымутся фонды.

И о н а ф а п. А если не подымутся?

Н а т а н. Тогда... *(После минутного молчания.)* Тогда, мой добрый Ионафан, вернемся во Франкфурт вместе: я — гранить драгоценные камни, а ты — продавать старое платье, как двадцать лет тому назад. Помнишь ты это, Ионафан бен-Манассия?

И о н а ф а н. Так, как вчера. Мне все кажется, что французы грабят мою лавку. Этот день был днем моего разорения.

Н а т а н. И моего счастья. Ты один из моих единоверцев меня не покинул, и я не позабыл тебя, Ионафан! Я взял тебя с собой в Англию, одел, как господина, жирно кормил тебя, учу тебя, как вести дела! И я еще не все сделал для тебя... тебя ждет лучшее, Ионафан! *(Взвешивая слова и ударяя по плечу каждый раз при произнесении имени Ионафана.)* Если дела пойдут счастливо, Ионафан, я прибавлю тебе жалованья... Ионафан, двадцать фунтов в год, Ионафан.

И о н а ф а н. И в прошлом году вы мне то же обещали, а все-таки...

Н а т а н. Как! Обещал, а потом забыл? Ионафан, на этот раз не забуду. При первом займе прусского короля или австрийского императора — если он состоится — дам тебе две тысячи фунтов, Ионафан, две тысячи фунтов ровно, без учета. Теперь ступай, Ионафан, ступай...

Ионафан хочет идти. Натан продолжает ходить взад и вперед; когда Ионафан уже у входа, Натан его кличет.

Кстати, Ионафан, был ты у французского купца на базаре, подле Лестер-сквера?

Ионафан. Где мисс Готшильд отобрала вчера несколько вещей? Был и велел ему прийти сюда со всем, что у него есть лучшего.

Натан. Я хочу к тому, что она выбрала, прибавить кой-что, чтобы показать ей, что не забыл дня ее рождения.

Ионафан. Как можете вы думать о мелочах, когда биржа в таком положении и наша касса утекает...

Натан. Мелочи — рождение моей Риты? Ты говоришь пустяки, несчастный сын Израиля! *(Хватает с сердцем его за галстук.)* Или нет у тебя сердца? Или не было у тебя ни жены, ни детей?

Ионафан делает отрицательные знаки.

Разве ты не знаешь, что я, для удовольствия моей Риты, решился остаться здесь в заключении на целый день, и в какой еще день? Когда биржа призывает меня тысячью голосов сирены, когда идет дело о моем Аустерлицком сражении.

Ионафан. Аустерлиц? Да, если фонды подымаются... а если не подымутся?

Натан. Падение, банкротство, бегство... *(Холодно.)*

Ионафан. И вы говорите об этом хладнокровно? Святые пророки!

Натан. И император, говорят, никогда не бывает так спокоен, как накануне большого сражения. А мои миллионы мне дороже, чем ему войска... А вот слушай. *(Трогает пульс.)* Я спокоен, пульс бьется правильно, я могу заниматься подарками для дня рождения моей милой Риты, этого живого портрета ее бедной матери. *(Останавливается перед портретом Риты.)*

Ионафан. Что за человек, что за голова! Теперь, когда он смотрит на портрет своей жены, позвони ему над ухом мешком золота, ведь он не оборотится. *(Уходит.)*

Входит Давид.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Давид, потом Брикабрак и Натан.

Давид. Француз из французского базара по вашему приказанию, как он говорит.

Натан *(придя в себя)*. А! Пусть войдет... Да! Или первый из банкиров или последний из банкротов! Но роковой час не замедлит пробить. Париж должен сдаться союзникам, так говорят письма, которые я тайно получаю из главных квартир обоих войск. Мои миллионы имеют друзей всюду. О, мне недешево стоят эти письма!.. Если б мне удалось иметь одного из тех голубей, которые приносят известия из лагеря банкиру Оверстону! У него было бы одним голубем меньше, а у меня несколькими миллионами больше.

Входит Брикабрак. Он одет по французской моде того времени, смешно и с дурным вкусом. У него длинная седая борода; он немного сгорблен. Значительно постарел. При нем объемистый сверток.

Брикабрак. Bonjour [1], господин! Мне сказали, чтобы я принес все, что имею лучшего. Здесь есть редкая вещь, которая ценится на вес золота. *(Открывает сверток и вынимает маленький несессер, принадлежащий маркизу де Сен-Каст.)* Несессер, стиль Дюбари, настоящий Буль, крышка севрского фарфора, bijou [2].

Натан. Хи!.. Да... Недурно! Я, впрочем, не понимаю... Это французская вещь, так? *(Садясь к столу.)*

Брикабрак. Fabrique de Paris [3]. Да, это самая парижская вещь... *(Тихо и таинственно, кладя палец на губы.)* Это контрабанда, meuble historique [4], господин, из вещей генеральши Нейвингер, умершей в прошлом году.

Натан *(равнодушно)*. А, а! Вдовы генерала, который занял Франкфурт в 1792 году?

Брикабрак. Tiens! tiens! tiens!.. [5] Как банкиры хорошо знают историю... Совершенно так... Господин имеет хорошую память.

Натан. У меня есть причина помнить это.

---

[1] Добрый день *(франц.)*.
[2] Драгоценность *(франц.)*.
[3] Парижской фабрики *(франц.)*.
[4] Историческая вещичка *(франц.)*.
[5] Постой!, постой! постой! *(франц.)*.

Брикабрак. И у меня! Parbleu! [1] Я сам был там в то время.

Натан. Вы? *(Смотрит на него равнодушно и быстро делая вычисления карандашом.)*

Брикабрак. Вот я самый, как видите, служил в главном рейнском войске. *(Таинственно.)* Юстин Гораций Коклес Брикабрак был один из героев 1792 года. *(Приближается к Натану.)* Вы англичанин, господин?

Натан. Нет.

Брикабрак. А! Мне так и показалось... но я боялся ошибиться. *(С жаром.)* Эти собаки англичане взяли меня в плен в Тулоне и держали в понтонах до амьенского мира. И вот, чтобы отомстить им, я женился на англичанке, и на ее приданое завел лавку редкостей, и заставлю своих врагов проливать кровь в виде денег, которые вынимаю из их карманов.

Натан. Честный француз, я надеюсь, что вы не захотите совершать ваших хирургических операций над моими карманами. Какая цена этой вещицы?

Брикабрак. Цена... Ах, господин, я бы охотно предложил вам ее даром в знак уважения, если бы вы обещали мне маленький купон в одном из ваших будущих займов.

Натан. Шуток не надо! Цена, говорю я вам!

Брикабрак. Цена... Ah, mon Dieu! [2] Мне хочется заплакать при мысли, что придется расстаться с этой роскошною вещью...

Натан. Цена, цена!

Брикабрак. А этот портрет на крышке! Какое личико, какие волосы, какая грудь!

Натан. Цена!

Брикабрак. Ах, зачем огорчаете вы меня, говоря о цене такого chef d'œuvre! [3] Какое художественное совершенство! Какое вдохновение! Какой гений! Какой шик! Cré nom d'un petit bonhomme! [4]

Натан звонит.

(Встревоженный.) Зачем звоните, господин?

---

[1] Черт возьми! *(франц.)*.
[2] Ах, боже мой! *(франц.)*.
[3] Шедевр *(франц.)*.
[4] Идиоматическое выражение, примерный смысл которого: вот уж работа так работа! *(франц.)*.

Н а т а н. Я четыре раза спрашивал у вас цену, вы не хотите сказать, так хорошо — ступайте!

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Д а в и д и т е ж е.

Н а т а н *(Давиду)*. Выпроводи за двери этого господина.

Б р и к а б р а к *(Давиду, который приближается)*. Минуточку, друг! Ну, хорошо, господин, я скажу мою цену... Будь это с кем-нибудь другим, а не с вами, господин... и притом ваша мадемуазель делает покупки в моем базаре au grand Mogol... [1] не стану просить тридцати стерлингов, а...

Н а т а н. Десять.

Б р и к а б р а к. Десять! Horreur! [2] Вы шутите, господин! За эту великолепную игрушку десять фунтов стерлингов!

Н а т а н. Десять фунтов составляют двести пятьдесят франков,— настоящая цена...

Б р и к а б р а к. Ах, господин, ах!.. Вы посмотрите, посмотрите.

Н а т а н *(взглянув на несессер)*. Да, правда, я ошибся.

Б р и к а б р а к. И думаю, что ошиблись. Десять фунтов! Десять фунтов, par exemple! [3]

Н а т а н. Тут царапина на крышке... и изъян в фарфоре... Я хотел сказать: восемь фунтов.

Б р и к а б р а к. О, господин! о! о! mon Dieu! [4] Господин смеется над изящными искусствами! Десять! Восемь! Ну, хорошо, так как мадемуазель — наша pratique [5], французская вежливость не позволяет мне сделать ей неудовольствие... для нее только восемнадцать.

Н а т а н. Восемь, восемь, восемь! Берите или ступайте!

Б р и к а б р а к. Ах! продать за восемь, это то же, что выщипать себе бороду, как говорят турки!

Натан звонит. Давид, который был в глубине сцены, подходит.

Восемь гиней, господин, восемь гиней, и он ваш.

---

[1] У Великого Могола *(франц.)*.
[2] Ужас *(франц.)*.
[3] Например *(франц.)*.
[4] О боже! *(франц.)*.
[5] В данном случае: наша клиентка *(франц.)*.

Н а т а н. Ну, и в добрый час! Вы хотите золотом, не так ли? *(Вынимает кошелек.)*

Б р и к а б р а к. О, да, господин! *(Про себя.)* Золото стоит дороже! Я предпочитаю золото; к тому же вы его предлагаете так любезно.

Н а т а н. Вы знаете, что на каждую гинею теперь шесть шиллингов лажу.

Брикабрак, улыбаясь, потирает руки.

В каждой гинее двадцать семь шиллингов, шестью восемь — сорок восемь. Две гинеи, четыре, шесть. *(Отсчитывает.)* Вот шесть золотых гиней и два шиллинга; счет верен. Две гинеи без двух шиллингов лажу.

Б р и к а б р а к. За восемь гиней две гинеи без двух шиллингов промену! Но это убийство! Вы с меня живого кожу дерете! Я сказал: восемь гиней, господин.

Н а т а н. Вы сказали: восемь гиней золотом, мой милый, а золото дорого, эти светлые кружочки недешевы. Когда я делаю дела, я их делаю точно. *(Звонит.)*

Б р и к а б р а к. Это оскорбление, насмешка! Господин, который купается в золоте, вычитает лаж.

Натан снова звонит. Давид приближается.

Хорошо, я беру.

Н а т а н. Вашу безделку?

Б р и к а б р а к. Нет, золото. И если господин захочет посетить мой базар, я покажу ему другие диковинки.

Н а т а н. У меня нет времени для этих посещений.

Б р и к а б р а к. Ах, господин, сделайте милость, помогите вашему собрату.

Н а т а н *(с презрением)*. Я ваш собрат?

Б р и к а б р а к. Конечно; мы оба обделываем этот проклятый ростбиф. В ожидании, покуда тот... le petit caporal [1] возьмет у них la capitale [2], мы отбираем у них капиталы... Ах! Elle est bonne celle-ci! [3] *(Уходит, смеясь, с низкими поклонами.)*

Давид показывает дорогу.

---

[1] Маленький капрал, то есть Наполеон *(франц.)*.

[2] Столицу *(франц.)*. Далее игра слов «капитал — столица» и «капитал — деньги».

[3] А она хороша, эта столица! *(франц.)*.

Н а т а н *(рассматривает несессер)*. Я его купил дешево! Я уверен, что он стоит вчетверо дороже! Где ж французу с евреем! Бедный дурак! *(Увидав Риту в саду, покрывает несессер платком.)* Милая моя Рита!

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Р и т а и Н а т а н.

Р и т а. Ну, папа, ушли твои деловые люди? Да? О, я теперь довольна! ты мой теперь на весь день.

Н а т а н. Вот тебе маленький подарок для дня твоего рождения. *(Показывает несессер.)*

Р и т а *(садится с другой стороны стола)*. А, ящик, который я видела во французском базаре и не купила, потому что он стоит так дорого! Но кто же мог сказать тебе?

Н а т а н. И у меня есть тоже шпионы. Мы, князья финансовые, имеем их не меньше кровных князей. Только мы им платим дешевле и они нам служат лучше.

Р и т а *(встает, берет ящичек и садится на скамейку у ног отца)*. Как это мило! Кажется, что от него еще и теперь пахнет пудрой; верно, какая-нибудь герцогиня или маркиза прошлого века держала в нем все свои любовные письма! Надо показать его Виктору.

Н а т а н. Что это за Виктор?

Р и т а. Мой учитель музыки. Полтора года тому назад мне его рекомендовала леди Маркман, наша соседка по даче. Человек со вкусом.

Н а т а н. Кто? Леди Маркман?

Р и т а. Нет, Виктор. Мне неприятно, что нынче нет урока.

Н а т а н. А что ты положишь в эту вещичку?

Р и т а. Не знаю... у меня нет любовных писем, ты знаешь. Вот если бы ты дал мне письма, которые писала тебе мама, я бы их сберегла очень хорошо.

Н а т а н. Письма твоей матери! *(Тихим и взволнованным голосом, показывая внутренний карман своего платья.)* Они всегда, дочь моя, здесь, в кармане, и всегда останутся здесь у моего сердца, пока оно будет биться; у моего сердца, когда оно и похолодеет.

Р и т а. Милый папа! *(Встает и целует его.)* Ну, так ты напиши мне письмецо, и оно одно будет лежать в ящике, пока не будет других. Я думаю, что рано или поздно и у меня будут кой-какие письма.

Н а т а н. Э! Берегись, моя Рита! Да кто знает, может быть, они были бы у тебя и теперь, если бы я не смотрел за тобой.

Р и т а *(смеясь)*. А! ты смотришь, чтобы ко мне не доходили любовные письма?

Н а т а н. Да, я смотрю, чтобы мотыльки и мушки не летали кругом тебя. Ты должна знать, моя девочка, что их привлекают деньги, а не любовь. Это горькое нравоучение, но я обязан его сделать тебе.

Р и т а. Боже мой! Как жаль, что я богата...

Н а т а н. Что ты! Не говори этого! Это глупо, Рита! Пока ты богата, ты можешь смеяться над их уловками; будь ты бедна, ты была бы их жертвой. Богатство, Рита... ты не презирай его! Теперь это единственное божество, которому поклоняются с одинаковым благоговением по всему лицу земли. Смотри, вот идол нашего времени. *(Вынув золотую монету из кармана.)* И как чествуют жрецов этого бога! Все униженно повергаются к их ногам, кадят им, обожают их и целуют их подошвы... *(Подняв ногу.)* Вот подошва, которую они целуют даже и тогда, когда она дает им пинки... Наши предки поклонялись золотому тельцу, христиане переняли у нас это поклонение, но идола мы сохранили. *(Показывает монету и прячет ее.)*

Р и т а. Молчи, папа, молчи! Мне больно слышать такие слова. И ты думаешь, что только богатство что-нибудь значит в свете?

Н а т а н. Нет, но оно придает значение всем другим цифрам, так же, как единица, поставленная перед целым рядом нулей.

Р и т а. А красота, талант, добродетель...

Н а т а н. Все это благоухания, которые так же стремятся к богатству, как дым жертвенника стремится к небу.

Р и т а. А благородство?

Н а т а н. А благородство без денег, девочка моя,— это лев без когтей, без зубов и гривы. Зрелище плачевное.

Р и т а. Так лучше быть богатой и неблагородной, как я, чем благородной и бедной.

Н а т а н *(смеясь)*. А лучше всего быть богатой, благородной и красавицей... Ты из этих качеств два уже имеешь: ты богата и хороша.

Р и т а. А благородство?

Н а т а н. С моими миллионами будет и оно, если захочешь.

Р и т а. Но ты ведь не благородный, а я не хочу отделяться от тебя.

Н а т а н. Да и не надо! Ты думаешь, что к моему лицу нейдут гербы. Не бойся: куча золота везде будет принята хорошо, в какое платье ее ни одень. Да, моя Рита будет благородная госпожа, прекрасная дама.

Р и т а. Понимаю! Ты хочешь купить мне мужа; ты хочешь променять меня, как банковый билет, на герб графа или маркиза?

Н а т а н. Теперь мужья так же имеют свой курс на бирже, как и другие ценности, моя милая. Выгодные брачные сделки в большом ходу у разорившихся дворян.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Т е ж е и Д а в и д.

Д а в и д. Виконт Вернон...

Н а т а н *(встает)*. Проси его в мой кабинет. *(Рите.)* Секретарь министра и будущий министр, если я помогу ему моим умом и деньгами.

Р и т а. Он не долго задержит тебя, папа, не правда ли?

Н а т а н. Нет... Я знаю, что ему нужно. Пришел занять у меня немножко мозгу. Я сейчас возвращусь. Министр финансов хочет знать мое мнение насчет будущего займа. *(Уходит в дверь, противоположную той, в которую вошел Давид.)*

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Р и т а *(одна)*. Золото, золото! Всегда золото! Постоянно говоря о золоте, папа забыл, что есть вещи, которые не покупаются и не продаются на золото! Нет, сердце Риты нельзя продавать с аукциона, кто даст больше! Боже мой! Если бы папа знал, что оно уже отдано, и отдано тому, кто не может купить моего сердца,

потому что у него нет ничего! Что-то выйдет из всего этого? Кто знает! Он мне ничего не говорил, я тоже... Однако мы любим друг друга, я это чувствую. Я замечаю по трепету наших пальцев, когда они встречаются на клавишах фортепьяно,— по моему счастью, когда он со мною, — по моему беспокойству, когда его нет; чувствую, что когда-нибудь он сам мне об этом выскажет. Да что ж пользы! И притом у него много чести и гордости — я в большом затруднении. О, если б жива была моя мать! Мне нужно с ней поговорить, нужно спросить у нее совета, как это делает всегда папа. Она вдохновит меня. Подожду до завтра, я хочу его видеть. Если я посоветуюсь с моей матерью сегодня, и если она мне скажет, что я не должна с ним видеться, ну, так и говорить нечего! Но только еще один раз, один раз, и потом я ему скажу прямо: я тебе обещаю, мама. *(Обращается к портрету.)*

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Рита, Давид, потом Виктор.

Давид. Учитель музыки, мисс Рита!

Рита. Ах! Он пришел сегодня, когда нет уроков.

Виктор *(входя, слышит слова Риты)*. Нынче день вашего рождения, мисс, и я не мог противиться желанию принести вам искренние поздравления. Мне нужно было идти на урок к вашей соседке, леди Маркман, и я воспользовался этим случаем.

Рита *(подавая ему руку)*. Почем вы знаете, что нынче день моего рождения?

Виктор. Вы мне сами сказали в прошлом году. Вы думаете, что я забыл. Будьте всегда счастливы, счастливы, как желают вам все, кто вас любит.

Рита *(с невольным кокетством)*. Ах, кроме моего папа́, меня никто не любит, даже настолько, чтобы поздравить меня. Я нигде не бываю.

Виктор. Есть люди, которые желают вам счастья чаще, чем вы думаете.

Рита. Неужели? Мне приятно это слышать.

Виктор. Мисс, у нас, во Франции, есть обычай, даже между простыми знакомыми, дарить букеты в день рождения: позволите ли мне просить вас принять

скромный букет фиалок? Проходя парком, я сам набрал его. *(Подает.)*

Рита. Это для меня делает его вдвое дороже. Как они пахнут! Я положу его в мой новый ящик, чтобы сообщить ему запах фиалок. *(Показывает несессер Виктору.)* Вот подарок, который мне сейчас сделал папа! Не правда ли, как это мило?

Виктор. Мило! *(Приближается и смотрит.)* Боже! Этот герб... этот портрет!

Рита. Что с вами?

Виктор. Скажите, скажите, как вы приобрели его?

Рита. Папа купил на французском базаре. Я его видела вчера и спрашивала, откуда он получен. Человек, который продавал его, сказал мне, что он купил с публичного торга, после смерти генерала Нейвингера.

Виктор. Который командовал войском на Рейне во время республики? Странная игра случая! Да! Это герб нашей фамилии, это портрет моей матери.

Рита. Вашей матери? О, как она была хороша!

Виктор. И как несчастна.

Рита. Но она одета как богатая дама; на гербе дворянская корона.

Виктор. А я — бедный учитель музыки, без имени, без состояния. Вот, мисс, вы уже знаете половину моей тайны, значит, имеете право узнать и остальное. Мой отец, маркиз де Сен-Каст, как и все аристократы, был в опасности во время республики; он бежал из Парижа с моей матерью и со мною. Я был еще младенцем, для того чтобы присоединиться к армии принцев в Кобленце; он расстался с нами в Эльзасе, и мы о нем не имели более известий.

Рита. Боже мой!

Виктор. Он, вероятно, был убит какой-нибудь революционной бандой, которые тогда занимали Рейн. Моя мать, нуждаясь во всем, уже с расстроенным здоровьем, умерла, оставив меня сиротою, не понимающим своего несчастья. Она скрывала свое имя от бедных поселян, которые окружали ее во время долгой болезни. Я вырос между ними. У меня не было никакого наследства, кроме маленького ящика, подобного этому, с той только разницей, что вместо портрета матери на нем был портрет отца... Один добрый священник, такой же беглец, принужденный

принять должность органиста и учителя музыки, чтобы иметь средства к жизни, увидал меня маленького, взял на воспитание и обучил искусству, которым я теперь поддерживаю свое существование.

Р и т а. Но кто вам открыл ваше происхождение?

В и к т о р. Случай! Придя в возраст, часто открывал я несессер, который ревниво хранил на память о моей матери. Однажды мне удалось открыть секретный ящик. Там моя мать заперла краткий рассказ о печальной участи моих родителей.

Р и т а. Странный случай.

В и к т о р. И посмотрите, сходство таково, что и здесь есть секретный ящик... Вот пружина.

Р и т а. Но ящик не открывается.

В и к т о р. От влажности и небрежного обращения с ним дерево забухло. Теперь вы знаете мою тайну... вы ее не скажете никому, не правда ли, мисс Рита?

Р и т а. Но отчего вы не объявляете вашего звания, не пользуетесь вашим титулом?

В и к т о р. К чему это? Наши имения конфискованы, проданы, как национальная собственность. Титул и положение я хочу сам приобресть. Если я буду годен на что-нибудь, если мои поступки могут принесть честь моей фамилии, я открою свое имя, которое я до сих пор скрывал. Бедные также имеют свою гордость, мисс Рита.

Р и т а. О, господин Виктор, поверьте, я понимаю и ценю все благородство вашего поступка... Но как же наши уроки? Я уж не могу иметь учителем маркиза де Сен-Каст.

В и к т о р. Пусть я буду для вас всегда бедным учителем музыки.

Р и т а. И моим другом, благодаря секрету, который мы знаем только двое. *(Подает ему руку.)*

В и к т о р. Разве непременно нужно иметь секреты, чтобы быть друзьями? *(Целует у ней руку. Рита отнимает ее.)*

Р и т а. А урок леди Маркман?

В и к т о р. Я забыл о нем, извините, мисс Готшильд.

Р и т а. Зовите меня Ритой.

В и к т о р. Не могу, не смею, сударыня. Я не более, как ваш учитель музыки. Учите хорошенько урок к завтрему! *(Кланяется и уходит.)*

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Рита. Вот настоящий дворянин! Он меня любит, а папа хочет купить благородного... Отчего ж не взять Виктора? Что за дело, француз он или англичанин? Но он такой гордый! Он, пожалуй, будет способен отказаться от моей руки! Милый ящичек! Как я его теперь люблю! Мне до смерти хочется подарить его Виктору, но не смею. Спросить у папа — тогда нужно будет открыть ему секрет, который я обещала никому не говорить. Теперь я еще больше запутаюсь, чем прежде. Ну, Рита, соберись с духом и подумай! Посмотрим, что лучше предпринять! *(Садится к столу, поддерживая рукой голову, с глубокой задумчивостью.)*

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Натан и Рита.

Натан. Благородный викопт уехал, набравшись от меня ума-разума. Я готов держать пари, что он между своими товарищами выдает себя за великого финансиста. Когда-нибудь он мне заплатит за эти уроки. Рита, что ты делаешь? Отчего ты так задумчива? Нет ли у тебя какой-нибудь государственной тайны?

Рита. Нет, папа. Я стараюсь открыть секретный ящик в этом несессере, и это мне не удается.

Натан. Секретный ящичек? Покажи, покажи, дитя мое! Часто в таких потайных ящиках находили банковые билеты. Его трудно открыть...

Рита. Может быть, от сырости.

Натан. Нет. Тут что-то попало между ящиком и дном... подожди. Нужно как-нибудь ухитриться. Ну, Рита, что ты скажешь, если мы там найдем билет в двадцать или тридцать тысяч франков?

Рита. Хорошо, кабы так! *(Хлопая руками с комической важностью.)* Все, что там, мое! *(Про себя.)* Я пошлю это к Виктору.

Натан *(открыв ящик)*. Наконец-то! Моя догадка оправдалась, тут какой-то листик.

Рита. Что такое?

Натан. Белая бумага. Бедная Рита, мне жаль, что я возбудил в тебе напрасную надежду.

Рита *(с досадой)*. А я было сочинила такой славный воздушный замок. Нечего делать. *(Бросает бумагу*

на пол.) Клочок бумаги пожелтевший, заплесневший... хороша находка! *(Про себя.)* Чтобы утешить себя, я напишу Виктору и пошлю ему этот ящик. *(Садится за стол спиной к зрителям и пишет.)*

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Давид, потом Ионафан и те же.

Давид. Господин Ионафан.

Натан. Мой первый приказчик? Он бросил дела в банке? Зови скорее! *(Идет к дверям.)*

Давид уходит.

Что нового, старик Ионафан?

Ионафан *(взволнованный)*. Извините, я так взволнован, я прибежал сам...

Натан *(тихо)*. Успокойся, успокойся, старый дурак! Ты видишь, что я спокоен. Не испугай дочь.

Ионафан. Вы мне велели дать приказание вашим агентам покупать государственные бумаги...

Натан. Да, чтобы продать их по дорогой цене, когда фонды поднимутся.

Ионафан. Хорошо. Главный ваш агент, Оверланд, купил их на двести тысяч фунтов, а они еще упали на два процента.

Натан. Ну, и отлично!

Ионафан. Он их купил, да денег у него нет, чтобы заплатить за них.

Натан *(холодно)*. Тем лучше для него.

Ионафан *(пораженный)*. Но ведь он для вас покупал.

Натан. Разве я ему приказывал? Разве я писал ему?

Ионафан. Но я поручился за вас.

Натан. Ну, и плати! *(Смеется над сконфуженным Ионафаном.)* Ха, ха! Разве ты не видишь, что я хотел испугать тебя? *(Идет к сундуку.)* Вот на шестьдесят тысяч фунтов бумаг индейской компании, остальное билетами английских банков.

Ионафан. Отдыхаю... Но есть кое-что хуже.

Натан. А что?

Ионафан. Знаете, что говорят на бирже?

Натан. Что такое?

Ионафан. Говорят, что надо быть дураком, чтобы покупать в такое дурное время... что вы закупились выше своих фондов и что, если упадок курса продлится еще два дня, вы...

Н а т а н. Я буду банкротом. Они сказали правду. Только ошиблись относительно срока. Если курс будет падать, я буду банкротом завтра, а не послезавтра.

И о н а ф а н. И вы говорите это так равнодушно?

Н а т а н. Ребенок! *(Щелкая его по носу.)* А другие агенты мои — Гольдшмидт и Леви купили тоже?

И о н а ф а н. Один на пятьдесят тысяч, другой на восемьдесят.

Н а т а н. Пусть покупают, пусть все покупают. Вот два мои векселя на три дня.

И о н а ф а н. Сегодня их еще возьмут, но завтра...

Н а т а н. Молчи, держи язык на привязи!

И о н а ф а н уходит.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Н а т а н и Р и т а.

Н а т а н *(потирая руки)*. А! Вот это жизнь! Как эта борьба горячит человека! Мне кажется, что я кормчий! Море бушует, ветер дует к берегам, скалы близко, но я знаю, что корабль мой хорош, крепок и устойчив, сердце твердо и недоступно страху. *(Переменяет тон и шутливо.)* Если бы хоть немного хорошего времени, так было бы не совсем дурно. Корабль бежит уж слишком быстро. *(Подходит к сундуку.)*

Р и т а *(поднимая голову)*. Так-то ты мне посвящаешь этот день! *(Идет к Натану, который хочет запирать сундук.)* Погоди, не закрывай этот страшный сундук. Я хочу заглянуть туда. Что значат эти кучки связок разноцветных бумаг?

Н а т а н. Переводы, банковые билеты, векселя, бумаги, которые помогают деньгам летать по свету. Наши предки первые изобрели векселя, а это лучше, чем терять время в разглагольствовании, что земля ходит, а солнце стоит на месте.

Р и т а. А эти блестящие кучки?

Н а т а н. Золото, Рита, золото, чеканенное на главных монетных дворах Европы: гинеи, испанские дублоны, немецкие талеры, луидоры, наполеондоры,— все птички, которые слетаются в Лондон и которых я запер в клетку, чтобы они вывели детей. Опусти туда руку! Перемешай эти кучки! Не правда ли, приятно

брать золотые ванны? (*Берет две горсти и пропускает их сквозь пальцы.*)

Рита. Это луидоры? Они чеканены до революции?

Натан. Да! Погоди, я проверю кассу! (*Садится перед сундуком и считает билеты.*)

Рита (*выходит на авансцену с горстью луидоров*). Если бы спрятать сверток этих луидоров в потайной ящик. Виктор, найдя их, будет уверен, что они оставлены его отцом. Он такой бедный! Какая отличная мысль! Папа, мне нужно двадцать золотых.

Натан. Двадцать золотых! А на что тебе?

Рита. Это мой каприз! Мне кажется, я могу иметь капризы в день моего рождения.

Натан. Пятьдесят, сто, если доставит тебе удовольствие. Вот тебе двадцать луидоров; да и все остальные будут со временем твоими. Как они хороши! (*Вздыхает.*) Всякий раз, когда я расстаюсь с ними, не могу не вздохнуть. Я так их люблю! (*Пересчитывает их.*)

Рита. А меня, я надеюсь, ты любишь еще больше. Благодарю, папа! Я их пересчитаю, чтобы быть достойной дочерью своего отца. (*Идет к столику.*)

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Давид с пакетом и те же.

Давид. Курьер прискакал сломя голову из Лондона и привез пакет от вашего кассира.

Натан (*встает*). Давай! (*Открывает и бросает обертку.*) Понижение, понижение! Все идет к черту! Посмотрим письмо. «Четыре агента прекратили платежи. Мейер обанкрутился. Глинн чуть держится. У нас нет бумаг для покрытия последней операции. Нам нужны сорок тысяч фунтов с возвращением этого курьера!» А! дело становится серьезным! (*Смотрит на часы.*) Два часа... еще два часа без перемены, тогда Натан Готшильд будет и сам банкротом. (*Идет к сундуку, берет различные билеты, кладет их в конверт, запечатывает и отдает Давиду.*) Отдай курьеру и скажи, чтоб скакал что есть мочи! (*Встает.*) О, переменится ветер, когда переменится... посмотрим. (*У сундука.*) Этих бумаг уж нельзя трогать. Продать их, при таком понижении, верное разорение. Что делать? Что? Глупый! Встречай фортуну со смелым лицом. Она женщина и любит

смелых! Будем тверды, покуда мое имя стоит хоть один шиллинг. *(Ходит взволнованный, останавливается перед Ритой, которой не удается сделать сверток из двадцати луидоров.)* О, неопытные ручки! Дай, я сделаю! *(Подходит к столику и свертывает золотые.)* Вот колеса, на которых медленно тащилась старая торговля христиан, пока мы их не научили вести дела быстрее. Ну, что ж ты теперь хочешь делать?

Р и т а *(сидя)*. Сказать тебе? Я хочу отослать...

Н а т а н *(стоя)*. Без моего позволения?

Р и т а. О, я попрошу у тебя позволения, если ты мне вперед обещаешь позволить.

Н а т а н. Обещаю. Кому эти деньги?

Р и т а. Господину Виктору.

Н а т а н. Как? Разве мы ему неаккуратно платим за уроки?

Р и т а. Это не за уроки: это сюрприз; я еще хочу послать ему и этот хорошенький ящичек.

Н а т а н. Подарок, который я только что тебе сделал? Что ты!

Р и т а. Этот ящик должен принадлежать ему. Подумай немного. Оказывается, что этот ящик принадлежал его отцу. Он узнал герб, портрет матери, которая умерла, когда он был ребенком.

Н а т а н. Такие истории очень просто рассказывать. Свет наполнен искателями приключений, и я сделал ошибку, что не разузнал хорошенько об этом господине Викторе.

Р и т а. Господин Виктор не искатель приключений. Я сама сбирала о нем сведения, они очень хороши. Кроме того, он знал, что тут есть секретный ящик, и показал мне пружину. Смотри, вот портрет его матери! Ну, а если бы я нашла, по прошествии многих, многих лет, портрет моей матери в чужих руках и мне его не захотели бы отдать, разве тебе это не показалось бы жестоким!

Н а т а н. Правда, портрет матери — вещь драгоценная.

Р и т а. Так я могу его отдать ему?

Н а т а н *(после минутного размышления)*. Да.

Р и т а. Благодарю, благодарю, папа! Какой ты добрый! Как я тебя люблю! Вот смотри: я положу этот сверток в секретный ящик. К моему счастью, Виктору давеча не удалось открыть этот ящичек и он поду-

мает, что золото положено кем-нибудь из его семейства. Если он меня спросит, я побожусь ему, что положила не я...

Н а т а н. Божиться напрасно?

Р и т а. Ничего! Я и не положу сама, положишь ты. Ах, какая я плутовка!

Н а т а н. Это немножко по-иезуитски, и для начинающей недурно. Только сейчас видно, что ты еще неопытна в плутовстве. *(Разрывает сверток.)* Смотри: на луидорах год 1787 и 88, а ты их завернула в бумагу, на которой фабричное клеймо нынешнего года. *(Ставит бумагу перед свечой, которая зажжена для того, чтобы запечатать сверток.)*

Р и т а. Да, да! а мне бы и в голову не пришло.

Н а т а н. Вот иногда мошенникам это тоже не приходило в голову и они попадались на таких глупостях. Когда захочешь сделать такую штуку, так всегда смотри на клеймо фабриканта, а больше всего не забывай рассмотреть хорошенько клеймо на банковых билетах — вот так на свет, не фальшивые ли они.

Р и т а. Ну, так нужно найти для обертки бумажку без клейма.

Н а т а н *(смотря на пол)*. А вот бумага, которая была в ящике: она именно такая, какую нужно. И желта и стара. Кроме того, бумага иностранная. Посмотрим клеймо.

Рита ставит бумагу к свету.

Р и т а. Очень ясно «1791». Ах, папа! смотри, выходят черные буквы, которых прежде не видно было на бумаге. Я хорошо разбираю первое слово: «по предъявлении».

Н а т а н. Покажи. На этом листке писано симпатическими чернилами. Нужно поболее теплоты, чтобы буквы лучше вышли.

Р и т а. Еще тайна! О, драгоценный ящичек! Точно какая-нибудь вещица из арабских сказок. Подержи листок перед камином, пока я открою ящичек.

Н а т а н *(идет к камину и держит перед огнем; читает)*. «По предъявлении сего, заплатить двести тысяч талеров...». Мой почерк... *(Снова быстро подносит бумагу к огню.)* Расписка, данная мною 22-го октября

1792 года, маркизу де Сен-Каст! *(Конвульсивно сжимает бумагу в комок.)*

Рита. Что такое, папа? *(Идет к нему.)*

Натан. Ничего: старая расписка, не имеющая никакого значения. Она касается лиц уже умерших — все давно умерли. *(Отрывает часть бумаги.)* Мне интересно узнать, что это за чернила; мы, мы, банкиры, часто их употребляем. Я оставлю себе часть, которая исписана, чтоб подвергнуть ее химическому анализу. Вот чистая половина. Тут довольно, чтоб сделать сверток. *(Завертывает луидоры и запечатывает.)*

Рита. Видишь пружину, папа? Ящик выскочил. Положи сверток. *(Ящику.)* Теперь пошел назад!

Натан. Ты говоришь, что он принадлежал отцу Виктора?

Рита. Да, о котором не было известий с 1792 года. Его бедная жена умерла, вскоре после того, в Эльзасе.

Натан. А сказал он тебе имя своего отца?

Рита. Да. Но это секрет, папа! Впрочем, я думаю, что тебе надо сказать, потому что между мною и тобою не должно быть секретов. Не правда ли, ты мне всегда это говорил. Ну, его отца звали маркиз Сен-Каст, но Виктор не носит этого титула и не хочет, потому что очень беден.

Натан *(тихо, но так, что Рита слышит)*. Странное, странное стечение обстоятельств! Перст Иеговы! *(Переходит на другую сторону.)*

Рита. Какое стечение обстоятельств, папа?

Натан. А то, что по прошествии стольких лет мы нашли и ящик, и Виктора вместе.

Рита. Значит, мы должны отдать ему, не правда ли?

Натан *(задумчиво)*. Да, да.

Рита. Я сейчас пошлю его господину Виктору: он должен быть еще у леди Маркман, здесь, напротив. О, как я счастлива! Какой хороший день рождения! И какой отличный и благородный у меня отец! *(Целует его и уходит с ящиком.)*

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Натан *(один)*. Отличный, благородный! Слова без смысла! Наследник умершего — нашелся! Столько лет прошло с тех пор, как я напрасно искал его повсюду. Тогда уплата была так легка, тогда мне нечего

было терять, тогда мой добрый ангел был еще со мною. А он приходит теперь требовать своих денег, когда самая ничтожная сумма мне нужна необходимо. Теперь, когда все мое богатство, вся моя будущность зависит от событий одного часа. *(Переменив тон.)* Ну, он много ждал, подождет и еще: эта борьба когда-нибудь кончится, или я выплыву, или погибну в кораблекрушении. Я заплачу ему завтра, если... если... Кто знает, останется ли у меня завтра столько грошей, сколько он требует талеров. Он требует? Но где у него доказательства? Проклятый ящик! Я теперь припоминаю, что у маркиза де Сен-Каст было в руках что-то подобное; я тогда не обратил внимания. Должно быть, он спрятал расписку в ящик. Ну, хорошо. Предположим, что этот Виктор его сын... где же доказательство моего долга ему? Нет ничего, кроме этого, разорванного пополам, лоскутка бумаги, который огонь может гораздо скорее уничтожить, чем сделать ясными слова, которые там написаны. Благоразумнее всего уничтожить его! *(Идет к камину.)* Проклятый клочок бумаги! Я узнал его по первым буквам. Посмотрим, все ли здесь? *(Греет его.)* Все, и очень ясно. Каждый агент в Лондоне побожится, что это моя подпись. А это что за слова еще? Я не понимаю. «Удостоверяю и обязуюсь, Рита Готшильд». Моя Рита! ее почерк, ее рука дрожала. О, Рита моя! *(Целует бумагу.)* Нет, нет, я не могу сжечь ее подпись! нет, никогда! О, как бы ты была счастлива, мой святой ангел, если б дожила до этого дня! Она говорила мне об этом долге, даже и умирая она вспоминала вдову и сироту, ничего не знавших о своем наследстве, и заставила меня обещать ей не прекращать моих поисков, пока не найду их. И я поклялся ей, как поклялся 22-го октября. Теперь сирота нашелся, но я разорюсь совершенно, если сдержу свое слово. Ох, что же мне делать! Ты меня видишь, ты меня слышишь, моя Рита: дай мне силу, дай мне совет... Рита, Рита, помоги, помоги мне! *(Падает на колени перед портретом, простирая к нему руки.)* Сказать или нет дочери? *(Как бы по внушению.)* Да... я скажу ей все... Она будет моей советницей, руководительницей моего сердца, как ты была и будешь вперед.

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Рита, Натан, потом Давид.

Рита. Я послала ящик Виктору, папа. Но что с тобой? Как ты бледен! Ты весь дрожишь! Ты слишком волнуешься! Это все курьеры, то и дело приезжают; я сама начинаю беспокоиться. Вот и еще один, он слезает с лошади.

Натан *(бежит к двери)*. Где он? Мне надо его видеть сейчас же!

Давид входит и подает пакет. Рита с состраданием глядит на взволнованного отца. Натан открывает дрожащими руками пакет.

А! фонды лондонского банка повышаются. Нет... через полчаса опять понижение... понижение всех бумаг! *(Читает записку, которая была при «Биржевом Листке».)* Записка от Ионафана! «Робертс принужден будет прекратить платежи, если я не пошлю ему тридцать пять тысяч фунтов». Как! Робертс, которому я только что, час назад, дал денег; фирма, которая мне и так уж должна пятьсот тысяч фунтов деньгами и столько же бумагами по курсу! Разорение их фирмы будет и моим разорением. Но как помочь им? Если я это сделаю, я лишусь последних средств. А между тем это необходимо. Да поможет мне Иегова! *(Идет к сундуку и берет пачку бумаг.)* Рита, слушай! Листок, который мы нашли в ящике... тогда его трудно было прочесть... теперь это легко, читай!

Рита *(читает)*. «По предъявлении сего обязуюсь заплатить маркизу де Сен-Каст или кому он прикажет двести тысяч талеров, которые получил от него на сохранение. Натан Готшильд». Твое имя?

Натан. Читай, читай!

Рита. «22-го октября 1792 года. Удостоверяю и обязуюсь. Рита Готшильд». Моя мать?

Натан. Да, она была свидетельницей... она обязалась. Маркиз получил от меня, в собственные руки, эту расписку.

Рита. И он после не требовал денег?

Натан. Он был убит, несколько минут спустя...

Рита *(с ужасом)*. О, боже!

Натан. Своими соотечественниками, французскими солдатами.

Р и т а. Так все эти деньги Виктора?

Н а т а н. Если он действительно сын маркиза.

Р и т а. О, какая радость! Он может принять опять свою фамилию и свой титул... Как я счастлива! *(Прыгает, смеется и плачет.)*

Н а т а н. Что это, Рита?

Р и т а. Извини, папа; но если бы ты знал, какой он добрый! С каким мужеством и благородством переносил он свое унизительное положение!

Н а т а н. Рита, ты его любишь?..

Рита отворачивается, застыдившись.

А он тебя любит?

Р и т а. Он мне не говорил.

Н а т а н. Ну, вот! Разве непременно нужно сказать. Ты думаешь, что он тебя любит?

Р и т а. Да.

Н а т а н. Тебя или твои деньги?

Р и т а. О, меня, меня, одну меня!

Н а т а н. И хорошо делает, потому что если возьмет тебя замуж, так возьмет нищую.

Р и т а. А, понимаю: ты хочешь лишить меня наследства?

Н а т а н. Негодная! Как ты можешь так думать обо мне? Смотри: вот тридцать тысяч фунтов! Это ровно та сумма, которую я ему должен. *(Свертывает бумаги.)* Пошли ему!

Р и т а. Ах, папа, благодарю тебя! Я не стану терять ни одной минуты.

Н а т а н. Подожди! Прежде чем ты это сделаешь, ты должна знать, что эта сумма, делая Виктора богатым, повергает меня в бедность...

Р и т а. Отец!

Н а т а н. Это правда! Такая сумма, взятая из моих операций в эту минуту, лишает меня всего — это мое поражение, моя погибель...

Р и т а. Возьми, возьми, папа! *(Возвращая ему билеты.)*

Н а т а н. Если я возьму, они пойдут в ту же пропасть, которая поглотила в несколько часов все мое состояние.

Р и т а. Ты ему заплатишь после.

Н а т а н. Когда? Чем? Если мои расчеты обманут меня, через час я должен буду остановить платежи, и... я завтра буду объявлен банкротом.

Р и т а. Значит, если ты возьмешь эти деньги...

Н а т а н. Я обману его.
Р и т а. А если отдашь?
Н а т а н. Твой отец подвергнется разорению и бесчестию. Выбирай, дитя мое, выбирай одно из двух...
Р и т а *(с дрожью и со слезами в голосе)*. Нет, нет, выбирай ты сам: я не могу, папа, не смею...
Н а т а н *(берет ее за руку)*. Дочь моя, твоя мать выбрала бы! Проси ее, чтобы она научила тебя.
Р и т а. Ах, папа, я не могу! Голова у меня горит, я умираю. Проси, папа, за нас обоих!
Н а т а н. Я уж просил ее, и она дала мне силы....

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

Д а в и д, потом В и к т о р и т е ж е.

Д а в и д. Учитель музыки!
Р и т а *(вскакивает и переходит к отцу с правой стороны)*. Виктор!

В и к т о р входит с ящиком. Д а в и д уходит.

В и к т о р. Господин Готшильд, мисс Рита, я не могу вернуться в город, не выразив вам моей глубочайшей благодарности за ваш драгоценный подарок. Вы, может быть, не знаете, господин Готшильд...
Н а т а н. Все знаю. *(Рите.)* Не нужно ли тебе сказать что-нибудь г⟨осподину⟩ Виктору?
Р и т а *(делает усилие, но не может)*. Я не могу говорить.
В и к т о р *(не замечая того, что происходит между отцом и дочерью, стоит в углу справа)*. Прощайте! До завтра, мисс! Благодарю вас, благодарю от всего сердца! *(Хочет идти.)*
Н а т а н. Подождите... *(Молчание.)* Вы... маркиз де Сен-Каст?
В и к т о р. Мисс Рита открыла вам мою тайну?
Н а т а н. Нет, эта вещь *(указывает на ящик)* открыла ее. Она открыла также другую тайну... эту расписку. Прочтите! *(Дает ее Виктору.)* Вот банковые билеты на сумму, которую я вам должен... Что касается до процентов, мы условимся...
В и к т о р. Возможно ли это? *(Ставит ящик на стол.)* Так, значит, это вам мой отец...
Н а т а н. Доверил все, что имел... да, да!..
В и к т о р. Наконец-то я могу воспользоваться и именем, и титулом моего отца... Ах, господин Готшильд,

увенчайте ваш благородный поступок еще одним благодеянием: отдайте мне руку вашей дочери. Может быть, я не такой богатый зять, какого вы желали...

Натан. Богаче, чем я могу ожидать... *(С глубоким унынием.)* Я разорен!

Виктор. Вы?

Рита. Да, Виктор... он доведен до бедности этой уплатой. Эти деньги спасли бы его... *(Плачет.)*

Виктор. Богаты вы или бедны, хотите вы иметь меня зятем?

Натан. Как! Вы хотите жениться на ней без приданого? Подумайте! Мое разорение совершенное... я теряю все.

Виктор. А я все приобретаю с Ритой.

Натан. Хорошо... Молодой человек! Вы — монета хорошего чекана! Берите ее... но вам придется также содержать и отца... Я остаюсь без гроша... Впрочем, ненадолго... Это несчастье слишком большой удар для меня. *(Убитый, переходит на другую сторону сцены, едва передвигая ноги.)*

Виктор. Нет, господин Готшильд, вы не будете в бедности... по крайней мере по моей вине. Эти деньги мои... я вступаю в долю с вами и отдаю их в ваше полное распоряжение.

Натан *(с внезапным возвратом энергии)*. Как! Вы мне доверяете их?.. Хотите вместе со мною играть на бирже?.. *(Берет пачку бумаг, идет к столу и громко звонит.)*

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Давид с маленькой корзинкой в руках и те же.

Натан. Этот пакет курьеру... пусть едет сейчас же... пусть загонит лошадь... если нужно, двух... пусть загонит себя, но чтобы приехал прежде, чем запрут биржу. *(Дает ему пакет.)* Ну, чего же ты ждешь, дурак?

Давид. Тут один человек у решетки, одет по охотничьи... Он принес эту корзинку и велел мне отдать вам ее сейчас же... Это голубь... Я снесу его повару. *(Хочет идти.)*

Натан. Наконец! *(Раскрывает с большим беспокойством корзину.)* Один из голубей Шварцшильда. *(Берет голубя и открывает зубами маленькую за-*

писку, спрятанную под крылом.) Писано цифрами, но я понимаю. *(Читает дрожащим голосом, проводя руками по глазам.)* «4-го апреля, полдень. Союзники в Париже. Наполеон отрекся в Фонтенебло». Спасен, спасен! я спасен! *(Прыгает от радости и смеется сквозь слезы.)*

Р и т а. О, боже! Он с ума сошел!

Н а т а н. С ума сошел! Ха, ха, ха! С ума сошел! *(Идет к столу и быстро пишет, читая написанное.)* «Ионафан! Забери всех агентов, какие есть в Лондоне. Покупай, покупай, покупай!.. Скупи все!..» Это курьеру.

Д а в и д уходит поспешно.

Беги, черепаха! *(Кричит ему вслед.)* Вот перемена декораций, вот пристань!.. вот триумф!.. вот повышение фондов! Мои сотни делаются сотнями мильонов... Завтра я буду сто раз мильонер... Маркиз де Сен-Каст, вы явились вовремя! Вы разделите со мной мой выигрыш. Сегодня продают, а я один покупаю; завтра все будут покупать, а я один буду продавать. *(Прижимает голубя к груди.)* О, милая птичка! Голубь Ноя прилетел с веткой оливы в клюве, а ты принес ее под крылом! Я не могу возвратить тебе жизнь, но я сделаю из тебя чучелу, я набью тебя банковыми билетами! Я посажу тебя в массивную золотую клетку и подарю тебя Рите в день ее рождения. *(Кладет голубя на стол и, увидя несессер, вынимает деньги, лежащие в потайном ящике.)* Теперь эти луидоры могут вернуться в сундук.

Р и т а. Ах, двадцать луидоров Виктора?

Н а т а н. Я предложу тебе подарок лучше... Ты отдашь ему поцелуями эту сумму. По франку за каждый, составит четыреста поцелуев.

Р и т а. Четыреста!

В и к т о р. Согласен!

Н а т а н. Заплатить по востребованию! *(Тихо толкает к нему Риту и отступает назад, чтобы посмотреть на них, бросив взгляд на портрет жены.)*

Занавес

Драма
в пяти
действиях
П. ДЖАКОМЕТТИ
Перевод
с итальянского

СЕМЬЯ ПРЕСТУПНИКА

LA MORTE CIVILE

ЛИЦА:

КОРРАДО.

АРРИГО ПАЛЬМЬЕРИ
доктор.

ДЖОАНИНО РУВО,
монсиньор.

ДОН ФЕРНАНДО.

ГАЭТАНО.

РОЗАЛИЯ.

ЭММА.

АГАТА

Действие происходит в глубине Калабрии во время владычества Бурбонов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зала в доме доктора, очень прилично и скромно меблированная. Выходная дверь посередине; три боковые ведут в сад, в библиотеку и во внутренние покои.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Фернандо и Агата.

Д. Фернандо. Так ты меня сразу узнала?

Агата. Сразу; как же мне не узнать, я ваша кормилица, я вас кормила.

Д. Фернандо. Ты скажи лучше, что мне уж было верных пятнадцать лет, когда дядюшка меня отправил отсюда в Катанию учиться, и что...

Агата. Ну, да ведь и с того времени много воды утекло. Разве вы не видите, дон Фернандо, как я состарилась? А вы все такой же молоденький.

Д. Фернандо. То-то ты и удивилась, как увидела меня, и рот разинула.

Агата. Ах, нет! Я удивилась, что вы все еще в светском звании.

Д. Фернандо. А, понимаю! Ты, моя добрая кормилица, надеялась увидать меня каноником, прелатом? Не правда ли?

Агата. А как я молилась об этом святому Дженнаро!

Д. Фернандо. Спасибо за хлопоты! Хвала святому, что он не слушал твоих молитв!

Агата. Ай, боже мой! Что за мысли!

Д. Фернандо. Мысли честного человека, моя милая. Для всякого ремесла нужна охота, а иначе будет плохо дело. Это истинная правда, что монсиньор, мой дядюшка, прочил меня в духовное звание и из Катании препроводил меня в Рим к своему братцу-кардиналу; но он ошибся в расчете. Деньги я тратил хорошо, учился мало, забавлялся много, безобразничал еще больше и воротился к дядюшке чуть-чуть христианином, да и то еще чудо великое!

Агата. Господи, что я слышу! Так ли я вас растила! Я ли не открещивала вас от всякого наваждения! Я ли не вешала вам на грудь ладанки и всякую святыню! Ах, я несчастная! Если б монсиньор слышал, что вы говорите, вот бы разгневался. Вы хоть при нем-то будьте поскромнее!

Д. Фернандо. Черт возьми! Я недаром был в Риме, и лицемерию и обману обучился порядочно... Я вот и здесь теперь служу службу монсиньору по сыскной части: видишь, я еще хороший католик.

Агата. По сыскной части?

Д. Фернандо. Розыск, впрочем, самый невинный и очень приятного свойства, так как дело касается женщины.

Агата. Женщины? Ах, вероятно... да, должно быть, так... впрочем, такое поручение едва ли по вас... но нет, монсиньор ошибаться не может. А я думала, что вы приехали сюда только затем, чтоб повидаться с доктором Пальмьери, с которым провели свое детство, и чтоб меня навестить.

Д. Фернандо. Оно так-то так, и тебя, и Арриго мне видеть очень приятно; но эта таинственная дама, которую, как я слышал от дяди, доктор вывез из Катании и прячет здесь, в глуши Калабрии, меня интересует всего более. Кто она? Как ее зовут?

Агата. Кто она — неизвестно. Как зовут? Розалия.

Д. Фернандо. Розалий в Сицилии много... Я их знал пропасть. Ты скажи мне: эта Розалия — девушка?

Агата. Кто ж ее знает.

Д. Фернандо. Замужняя?

Агата. Кто ее знает.

Д. Фернандо. Вдова?

Агата. А кто ж ее знает.

Д. Фернандо. Значит, неизвестно? Ну, наконец, хороша она?

Агата *(пожимая плечами)*. Гм...

Д. Фернандо. Про это тебя и спрашивать-то бы не надо.

Агата. Отчего же?

Д. Фернандо. Ни одна старуха на такой вопрос не ответит, а только пожмет плечами, как ты. Это уж лучше я сам рассмотрю. Дело в том, что эта незнакомка очень сокрушает моего дядю; в качестве пастыря он обязан, он сам так говорит, быть на страже добрых нравов, отвращать соблазны... А эта Розалия, судя по тому, что я слышал, возбуждает подозрения и тревожит совесть здешних обывателей, которые, к несчастью, и от природы подвержены ханжеству и суеверию.

Агата. Ах! Соблазну тут очень много. Недаром же я молюсь мадонне, чтоб поскорей выбраться из этого дома, от греха.

Д. Фернандо. Что же ты не уйдешь?

Агата. Нельзя. У этого еретика-доктора я живу по приказанию монсиньора, а он мой духовник.

Д. Фернандо. Это что-то мудрено. Значит, дядюшка имеет какие-нибудь неприятности с доктором...

Агата. Не знаю.

Д. Фернандо. Но с чего ж бы им ссориться?

Агата. Ах, дон Фернандо! О таких вещах лучше молчать, они слишком оскорбляют нравственность.

Д. Фернандо. В таком случае я у тебя спрашиваю: зачем же твой духовник держит тебя, так сказать, у самых врат адовых? Разве сторожем?

Агата. Нет, дон Фернандо, мне, бедной грешнице, для спасения души моей нужно испытание.

Д. Фернандо. В должности шпиона. *(В сторону.)* Надо остеречь друга.

Агата. Позвольте мне идти, у меня есть дело...

Д. Фернандо. Погоди, мне нужно еще спросить кой-что... Но только отвечай хорошенько, а не жми плечами. Доктор был женат?

Агата. Конечно, был, только жена его давно умерла.

Д. Фернандо. Где умерла?

Агата. В этом доме, за два года перед тем, как доктор переехал на житье в Катанию вместе с дочкой. От этих родов его жена и умерла.

Д. Фернандо. В Катанию? Значит, после моего отъезда, иначе как бы нам не встретиться. И мой друг все еще вдовец?

Агата. Кто же его знает.

Д. Фернандо. Опять «кто знает».

Агата. Ах, боже мой! Да что ж мне говорить?

Д. Фернандо. Ты, однако, довольно разговариваешь. Итак, есть подозрение, что он женился опять?

Агата. Гм...

Д. Фернандо. Может быть, тайно? На Розалии, что ли?

Агата. Но!..

Д. Фернандо. Гм... но!.. Ты только дразнишь мое любопытство.

Агата. А мне до них и дела нет. Хотите видеть незнакомку? Вот она! *(Показывает в дверь налево.)*

Д. Фернандо. Не разглядишь хорошенько. С ней девушка... Кто она? Дочь ее? Дочь доктора, что ли?

Агата. Ничего не знаю.

Д. Фернандо. Черт возьми, как это забавно! Я люблю все диковинное, и если мне удастся открыть...

Агата. Не удастся...

Д. Фернандо. Во всяком случае... Подожди, они идут сюда. Посторонимся.

Отходят в глубину сцены.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Розалия, Эмма, дон Фернандо, Агата.

Розалия *(держит Эмму за руку)*. Не хотите ли в сад, милая Эмма, нарвать цветочков?

Эмма. С величайшим удовольствием. Мы сделаем хорошенький букет, и я его подарю папа́, когда он воротится от больных. Я ему дарю цветы, а он меня целует,— мне выгоднее.

Розалия. Да, поцелуи родителей — святыня. Это хорошо чувствуют те дети, которые уж не могут ими пользоваться.

Эмма *(печально)*. И я знаю только поцелуи отца.

Розалия *(скоро)*. Пойдем, пойдем в сад.

Идут в двери.

Д. Фернандо *(подходя)*. Извините, если...

Эмма *(тихо, Розалии)*. Какой-то господин. Кто это?

Розалия *(взглянув на Фернандо)*. Я его где-то видала, но...

Д. Фернандо. Я искал... моя нескромность... *(Агате.)* Кажется, я ее знаю.

Агата. Неужели?

Розалия. Извините, синьор, меня ждут.

Агата *(про себя)*. Кто это?

Д. Фернандо. Сделайте одолжение, одну минуту! Теперь я вижу, что моя память меня не обманывает. Мы были знакомы в Катании.

Розалия. Не помню, синьор.

Д. Фернандо. Вы не помните дон Фернандо, который так часто бывал у вашего отца, который был другом вашего...

Розалия *(быстро перебивая его)*. Очень может быть... да, мне кажется... но столько лет...

Д. Фернандо. Около четырнадцати.

Розалия. Да, четырнадцать.

Д. Фернандо. Какая счастливая случайность... А эта прелестная девица — ваша дочка?

Эмма. Нет, синьор, я не знаю своей матери, она умерла, лишь только явилась я на свет... Какие угрызения я испытываю! Может быть, я глупа! Все-таки не я ли была причиной ее смерти!

Д. Фернандо. Бедненькая!

Эмма. Ах, если бы добрая Розалия была моей матерью!..

Агата *(про себя)*. Да она и есть.

Эмма. Я не знала бы этой боли в своем сердце. Говорят, что мое здоровье ненадежно, что я очень впечатлительна, часто плачу... Но это оттого, что я не могу забыть... Как только вспомню, что моя мать умерла от меня, что я была причиной ее смерти, я страдаю, я постоянно страдаю. И если б не отец, такой благородный, такой добрый, который так меня любит, так ласкает ежеминутно...

Д. Фернандо. Так вы дочь Пальмьери?

Эмма. Да, синьор.

Д. Фернандо. Друга моего детства?

Розалия *(с удивлением)*. Он ваш друг?

Эмма. Ах, вы его знаете! Вы его любите! Как мне это приятно! Не правда ли, что он ангел?

Д. Фернандо. Да, он из редких людей; и теперь, когда я смотрю на вас и слушаю вас, я вижу, что он награжден достаточно за свои добрые качества. Действительно, я теперь припоминаю, что у него была дочь.

Агата. Не говорила ли я вам, дон Фернандо, что у него была дочь... только она с летами очень изменилась. Особенно глаза, были черные, стали голубые, так по крайней мере говорит ее кормилица; а кормилица, я это по себе знаю, ошибиться не может.

Д. Фернандо. Святой Дженнаро сотворил чудо.

Агата. Видно, что так.

Розалия. Что вы этим хотите сказать, милая Агата?

Агата. Решительно ничего. Я говорю то, что слышала сто раз от других.

Розалия. Вы очень любите разговоры... но теперь уж мы более в них не нуждаемся, и я попросила бы вас заняться лучше своим делом, потому что...

А г а т а. Как прикажете.

Р о з а л и я. Я прошу вас.

А г а т а. Отчего ж и не приказывать? Разве вы не хозяйка в доме?

Р о з а л и я. У вас один хозяин.

А г а т а. Один так один.

Э м м а. Нехорошая Агата! Ты вечно сердишься! Что ты болтаешь о черных и голубых глазах! Глаза мне дал бог, он может и изменить их. Я не люблю, что ты всегда обижаешь добрую Розалию, которая мне вместо матери и которую я люблю, как мать.

А г а т а. А, вот уж как!

Э м м а. Поди, я не люблю тебя!

А г а т а. Иду, иду! *(Уходя, про себя.)* Какова прыть у этих незаконнорожденных! *(Уходит.)*

Д. Ф е р н а н д о. Эти ханжи — ведьмы порядочные.

Р о з а л и я. Нужно терпеть.

Д. Ф е р н а н д о. Расскажите мне теперь, синьора Розалия, про вашу семью, про...

Р о з а л и я *(делает знак, чтобы он молчал)*. Эмма, мне нужно поговорить с дон Фернандо; а вы не хотите ли погулять по саду?

Э м м а. Пожалуй; я нарву цветов, пока отец не вернулся. До свидания, Розалия! прощайте, дон Фернандо!

Д. Ф е р н а н д о. Прощайте, ангел небесный!

Э м м а уходит.

Мне, право, совестно, что я вас так беспокою; синьорина могла бы остаться с нами. Может быть, в том, что вы хотите сказать мне, есть какая-нибудь тайна?

Р о з а л и я. Девочка не знает моего прошедшего; оно так печально, что я, отвечая на ваши вопросы, огорчила бы ее нежную душу... Она, бедненькая, так любит меня... Вы сами видели.

Д. Ф е р н а н д о. Да, но я не понимаю, что же тут дурного, если она узнает, что у вас был муж. Не видя при вас вашего мужа и судя по вашему незавидному положению в этом доме, если внешность меня не обманывает, я полагаю, что он умер.

Р о з а л и я. А если жив?

Д. Ф е р н а н д о. В таком случае нужно согласиться, что внешность обманчива. Жив! Это дело другого рода... Как, где живет он? Что случилось? Развод?

Р о з а л и я. Я не могу отвечать вам.

Д. Фернандо. Но я вижу по глазам вашим... Он вас бросил? Вы опускаете голову? Бросил? Я так и ждал. Эти бурные страсти годятся больше для романа, чем для действительной жизни, и всегда доводят до беды. Я хорошо помню вашу свадьбу. Он, сумасшедший, похитил вас. Только под нашим огненным небом и на нашей волканической почве родятся такие люди; они не знают ни в чем середины, во всем у них крайности: если уж добродетели, так великие, если преступления, так ужасные.

Розалия. Да, ужасные, ужасные!

Д. Фернандо. Ваши родители были правы, когда...

Розалия. Ах, молчите!

Д. Фернандо. Что кому на роду написано, то сбудется... я в том уверен. Вы-то были бы по крайней мере свободны! Как же вы поживаете с доктором? Не очень-то хорошо, не правда ли? Я понимаю: без законного признания, без благословения церкви.

Розалия *(с изумлением)*. Дон Фернандо, что вы говорите!

Д. Фернандо. Будьте покойны, я совсем без предрассудков и имею свои собственные воззрения на брак... Но наши гражданские установления... римская курия... Триентский собор.

Розалия. Довольно! И вы тоже... И тут я оклеветана... везде. А между тем я невинна; в бедности, оставленная родными, я взяла должность гувернантки как единственное средство к жизни. Доктор Арриго, добрейший человек, какого только я знаю, сделался моим спасителем. Нам не в чем упрекать себя, поверьте мне, дон Фернандо, на душе у нас чисто.

Д. Фернандо. Я верю вам, синьора Розалия, но я уважал бы вас и в противном случае. Для меня здравый смысл убедительнее канонического права; но, согласитесь сами, мой дядюшка монсиньор моих мыслей иметь не может.

Розалия *(с большим удивлением)*. Что вы говорите? Монсиньор — ваш дядя?

Д. Фернандо. Вам это не нравится?

Розалия. Очень; он-то меня и преследует.

Д. Фернандо. Да, из его разговоров можно понять, что он к вам особенной дружбы не питает; но преследовать вас... разве уж по долгу совести.

Розалия. По совести не клевещут.

Д. Фернандо. Согласен, но представьте вы себя в его рясе. Он действует по принципу. Пожалуй, если хотите, он действует, как инквизитор, но инквизитор честный. Он уверен, что между вами и Арриго существуют отношения, которых нельзя не назвать еретическими.

Розалия. Но таких отношений не существует.

Д. Фернандо. Я вам верю. Но общественное мнение...

Розалия. Общественное мнение можно повернуть как угодно.

Д. Фернандо. Кому до этого дело?

Розалия. Тем, которые хвастаются христианской любовью и милосердием. А ваш дядюшка первый поднял камень на меня.

Д. Фернандо. Неужели он?

Розалия. Где родилась клевета? Откуда она вышла и поползла из дома в дом? Из аббатства.

Д. Фернандо. Скажите, дядя делал вам упреки, угрожал вам?

Розалия. Нет. Ах, боже мой! Эта борьба идет во мраке, под покровом тайны. Жертва чувствует удары и не видит руки, которая их наносит. Я живу в постоянном страхе; не сегодня, так завтра... ненависть патеров не дает пощады.

Д. Фернандо. Ненависть? Вообще я с вами согласен... но мой дядя... Он вас ненавидит?

Розалия. Да, глубоко.

Д. Фернандо. Должны же быть тайные причины.

Розалия. Они есть.

Д. Фернандо. Могу я знать их?

Розалия. Нет, я деликатна.

Входит Агата.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Розалия, дон Фернандо, Агата.

Розалия. Что вам, Агата?

Агата. Я пришла узнать, дома ли доктор. Монсиньор дожидается его в зале, ему очень нужно видеть доктора.

Розалия *(с испугом)*. Монсиньор?

Агата. Вам, синьора, этот визит не нравится?

Розалия. Этот визит не ко мне. Доктор еще не воротился, но он скоро будет. Если монсиньору угодно подождать, проведите его сюда, здесь его племянник.

Агата *(с усмешкой)*. Много вам благодарны. *(Уходит.)*

Розалия. Я пойду в сад, к Эмме.

Д. Фернандо. Я советовал бы вам остаться, вы бы меня поддержали.

Розалия. Мне остаться? Невозможно. Дон Фернандо, вы знали меня девушкой, вы убеждены, что я ни в чем не виновата,— уверьте его, что я ничего дурного не делаю, что преследовать меня не за что, я и без того много страдала. Пусть он оставит меня в покое в этом скромном убежище. Скажите ему все это или уж по крайней мере не марайте меня еще более. Будьте честны, я прошу вас. *(Уходит в ту же дверь, в которую вышла Эмма.)*

Д. Фернандо. Есть причины к ненависти? Мой дядюшка, вместо того чтоб воевать с пороком, уж не воюет ли с добродетелью. Я хорошо помню, как этот пастырь в прежние годы оказывал особое предпочтение некоторым овечкам, и что ж мудреного, что он и теперь эту заблудшую овцу хочет загнать в овчарню... милосердия ради.

Входит монсиньор.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Монсиньор и дон Фернандо.

Монсиньор. Ты здесь еще! Каково идет твой розыск?

Д. Фернандо. Я действовал, как инквизитор. Хотите верьте, хотите нет, а ремесло очень трудное.

Монсиньор. Как ты нашел эту унылую искательницу приключений? Ты отказался от служения богу и захотел жить в свете, ты должен знать по опыту всякую мину, всякое выражение лица женщины: и сентиментальное, и стыдливое, и обольстительное.

Д. Фернандо. Да, я знаю кой-что, но те, которые их исповедывают, знают больше.

Монсиньор. Такие женщины не бывают на исповеди.

Д. Фернандо *(в сторону)*. Что они дуры...

Монсиньор. Ну, что же, однако?

Д. Фернандо. Однако эта Розалия, с своей тихой печалью, очень мила, и если б я был анахоретом, то предпочел бы ее сухоядению и бичеваниям; вот почему я и оправдываю.

Монсиньор. Что ты оправдываешь?

Д. Фернандо. Вашу справедливую ненависть к ней.

Монсиньор. Мне ненавидеть ее! Напротив, я ее жалею, очень жалею. Я хотел воротить ее на путь истинный. Знай, что я решился даже дать ей убежище в аббатстве подле себя.

Д. Фернандо. Неужели? *(В сторону: «Хотел-таки загнать в овчарню».)* И она отказала?

Монсиньор. С негодованием и решительно. Жаль расстаться.

Д. Фернандо. С кем?

Монсиньор. С любовником.

Д. Фернандо. С Арриго? Вы ошибаетесь, он не любовник ее.

Монсиньор. Не любовник? Ты не знаешь Пальмьери, а я его насквозь вижу. Он атеист.

Д. Фернандо. Арриго атеист?

Монсиньор. Да. Какие книги он читает? Во всем доме одно распятие, и то потому только, что он считает его за произведение Бенвенуто Челлини. Чьи портреты в библиотеке? Сарни, Арнальдо, Джордано Бруно, Кампанеллы, Филанджиери, Франческо Конфорти, Доменико Чирилло.

Д. Фернандо. Все великие люди.

Монсиньор. Кончившие жизнь на эшафоте.

Д. Фернандо. Как мученики.

Монсиньор. Что ты говоришь, опомнись!

Д. Фернандо. Я удивляюсь, монсиньор, каким образом вы так хорошо знаете все, что здесь делают, говорят, думают, едят: вы так редко здесь бываете.

Монсиньор. Я вижу сквозь стены.

Д. Фернандо. Но я не понимаю, на чем вы основываете свое заключение о нравственности Арриго и об его отношениях к Розалии.

Монсиньор. Ты не понимаешь, что без религиозности не может быть и нравственности?

Д. Фернандо. Не понимаю. Я знаю, что хвалят доктора преимущественно бедные, что называют его добрым, благородным, ангелом-утешителем...

Монсиньор. В этом-то я и вижу разврат и соблазн.

Д. Ф е р н а н д о. Я вижу, что между вами борьба из-за принципов, и жертвой этой борьбы будет бедная Розалия.

М о н с и н ь о р. Бедная Розалия должна быть готова отправиться отсюда очень далеко.

Д. Ф е р н а н д о. Вы ее прогоните? Вы? Обесчестить женщину по одному подозрению, это дело...

М о н с и н ь о р. Подозрению? Знай, что у меня в руках такие доказательства, которые заставляют меня действовать решительно.

Д. Ф е р н а н д о. Обдумайте дело, монсиньор! Розалия не заслуживает подобного обращения; я ее давно знаю: она была добрая, честная... и если б не это несчастное замужество...

М о н с и н ь о р *(с удивлением)*. Она замужем?.. Тем хуже... или нет, тем лучше! Где ее муж?

Д. Ф е р н а н д о. Я не знаю.

М о н с и н ь о р. Они разошлись?

Д. Ф е р н а н д о. Она не виновата.

М о н с и н ь о р. Всегда виновата жена.

Д. Ф е р н а н д о. Не вдруг решайте, нужно разобрать.

М о н с и н ь о р. В делах брака мы не разбираем.

Д. Ф е р н а н д о. И бываете несправедливы.

М о н с и н ь о р *(строго)*. Что?

Д. Ф е р н а н д о. То есть...

М о н с и н ь о р. Но все-таки я благодарю тебя за известие.

Д. Ф е р н а н д о *(в сторону)*. Думал помочь, а вышло хуже.

Входит А г а т а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М о н с и н ь о р, дон Ф е р н а н д о и А г а т а.

М о н с и н ь о р. Что, вернулся этот синьор?

А г а т а. Уж порядочно-таки, да позамешкался в саду с букетом цветов. Нельзя же, подарок от... от дочки. Нежности по этому случаю, потом, само собой разумеется, любезности, улыбочки синьоре... гувернантке.

Д. Ф е р н а н д о *(про себя)*. Эка проклятая!..

М о н с и н ь о р. Сделает он мне честь принять меня?

А г а т а. Он пошел в библиотеку и просит монсиньора подождать минуту.

Д. Фернандо. Хорошо. С каким удовольствием я увижу его!
Монсиньор. Но только не сейчас: мне нужно говорить с ним без свидетелей.
Д. Фернандо. Но я...
Монсиньор. Приказывать тебе нужно?
Д. Фернандо. Я уйду. *(Уходит.)*
Монсиньор *(важно)*. Есть что-нибудь новое?
Агата. Нет. Но относительно девочки я верно знаю, что...
Монсиньор. Об ней я знаю все, что нужно. Ступай!

Агата целует его руку.

Завтра я буду ждать тебя.
Агата. Непременно, монсиньор. *(Уходит.)*
Монсиньор. Теперь, если господину философу угодно будет вступить со мной в словопрение, я готов.

Входит Пальмьери.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пальмьери и монсиньор.

Пальмьери. Монсиньор, прошу извинить меня, что я заставил вас дожидаться, но...
Монсиньор. Я сам должен извиниться перед вами, что своим визитом отрываю от семейных радостей, от философских размышлений... Поверьте, что без причины...
Пальмьери. Зачем бы вы ни пожаловали, монсиньор, прошу вас садиться.
Монсиньор. Благодарю вас.

Садятся.

Нас никто не слышит?
Пальмьери. Никто.
Монсиньор. Дело, о котором я буду говорить с вами, слишком важно.
Пальмьери. Я готов выслушать вас с таким же терпением, как и всегда.
Монсиньор. Чтоб не злоупотреблять вашим терпением, я оставляю всякие околичности и приступаю прямо к делу.

Пальмьери. Премного обяжете.

Монсиньор. Я пришел поговорить с вами об этой известной женщине...

Пальмьери. Кто эта известная женщина?

Монсиньор. Гм... Розалия.

Пальмьери. Разговор не новый, но всегда приятный.

Монсиньор. На этот раз он приятен не будет. Ей необходимо удалиться не только из вашего дома, но даже из этого округа.

Пальмьери. Для чего, монсиньор?

Монсиньор. Я не желал бы объясняться более.

Пальмьери. В таком случае наш разговор будет короток. Вы считаете меня философом; а для философа первое дело — искать причины вещей и явлений. Я не нахожу никаких разумных оснований для той необходимости, о которой вы говорите. Розалия честная женщина, живет в доме честного человека, она гувернантка моей дочери, и довольно.

Монсиньор. Вашей дочери...

Пальмьери. Вы сомневаетесь, монсиньор?

Монсиньор. Нет. Я боюсь только, что эта девочка не та, которая родилась у вас и которую я имел честь крестить.

Пальмьери. Как же это так?

Монсиньор. Я думаю, что ребенок, настоящая Эмма, умерла в Катании, через несколько месяцев после вашего приезда в этот город.

Пальмьери. Вам сказали неправду.

Монсиньор. Ничего не может быть справедливей этого. Сегодня утром я получил от аббата Бенедиктинов свидетельство об ее смерти,— я требовал его на всякий случай и имею честь представить вам. *(Подает ему лист.)* Ничего, возьмите, возьмите, полюбуйтесь на досуге,— у меня другое есть. Вы видите, что я хоть и не философ, а тоже доискиваюсь причин вещей и явлений.

Пальмьери. Да, когда это нужно для того, чтобы вредить другим, я это вижу, вижу также, что вы занимаетесь моими делами больше, чем следует.

Монсиньор. Может ли быть посторонним делом то, что тревожит совесть моей паствы?

Пальмьери. Какая тревожная совесть!

Монсиньор. Итак, жена ваша умерла, на другой вы не женаты, значит, вторая, Эмма, незаконная.

Пальмьери. Я мог бы разубедить вас в этом... Но в своих поступках, монсиньор, я никому не даю отчета, кроме своей совести. Законная дочь Эмма или незаконная, это нисколько не доказывает, чтобы Розалия была ее матерью.

Монсиньор. Не доказывает, но заставляет подозревать.

Пальмьери. Подозревают только дурные люди.

Монсиньор. Но по крайней мере вот что не подвержено сомнению: Розалия замужем, живет врозь с мужем и, следовательно... Видите, доктор, что я знаю и это.

Пальмьери. Вижу, вижу.

Монсиньор. Эта женщина живет у вас, разойдясь с собственным мужем...

Пальмьери. Разойдясь — это неоспоримо. Но по какой причине, знаете ли, монсиньор?

Монсиньор. Нет.

Пальмьери. А еще судите и осуждаете.

Монсиньор. Пусть она возвратится...

Пальмьери. Куда?

Монсиньор. К мужу.

Пальмьери. В неаполитанские казематы?

Монсиньор. Как?

Пальмьери. Четырнадцать лет, как он осужден и заключен.

Монсиньор. Осужден!.. Ах, боже мой! И она, вместо того чтоб оплакивать мужа...

Пальмьери. Что же она делает?

Монсиньор. Не знаю.

Пальмьери. А я знаю... Положение ее ужасно: она ни в чем не виновата, а между тем осуждена страдать.

Монсиньор. Кто ж виноват?

Пальмьери. Триентское законоположение. Муж лишен всех человеческих прав, осужден на вечное заключение — это то же, что смерть, смерть гражданская, политическая. И жена не может располагать собой, не может выйти замуж...

Монсиньор. Этот закон свят.

Пальмьери. Не верю.

Монсиньор. Вы говорите нечестиво.

Пальмьери. Не слушайте!

Монсиньор *(встает)*. Жду вашего решения относительно Розалии.

П а л ь м ь е р и. Мое решение, монсиньор, следующее: никто не вправе испытывать мою душу, разыскивать мои сердечные привязанности, мое семейство; Розалия несчастна, обижена законом, отвержена обществом, оклеветана ханжами, я ей дал честное и покойное убежище, и никто в мире не принудит меня ни советами, ни доносами, ни угрозами отказаться от доброго дела, которое я считаю своим долгом.

М о н с и н ь о р. Мы еще посмотрим.

П а л ь м ь е р и. Сколько вам угодно. Имеете еще что-нибудь сообщить мне?

М о н с и н ь о р. Нет.

П а л ь м ь е р и. Тем лучше.

М о н с и н ь о р уходит.

Бедная Розалия! Удалить ее! Разлучить ее с ее дочерью! О нет! Она не переживет этого горя.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет монсиньора; в нем большая библиотека, картины исторического содержания, письменный стол, католический налой с подножкой для коленопреклонения. Вечер.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

М о н с и н ь о р сидит у письменного стола и читает книгу несколько времени, потом закрывает ее.

М о н с и н ь о р. В тюрьме?.. За какое преступление?.. Я узнаю. Это открытие очень важно, оно придает новую таинственность положению Розалии... Я должен удалить ее отсюда по многим причинам. Глупо я сделал... Я слишком ясно дал ей понять мои намерения... Я обнаружил перед ней свою слабость... Она может огласить ее, а я этого совсем не желаю... Свидетелей и обличителей надо убирать подальше... С удалением Розалии весь скандал падет на доктора,— тем лучше, жалеть его нечего, а пример показать надобно. А! Вот новая мысль! Если бы этот... муж ее не сидел на цепи? Если б можно было вызвать его, как страшный призрак, как грозного судью над женой, которая покоится в объятиях другого... Без сомнения, этот буйный каторжник будет для

нее страшнее инквизиции. Мысль удивительная, и, кто знает, может быть, мне ее удастся привести в исполнение!.. У меня такие связи в Неаполе, что... духовник королевы... надо будет обдумать ночью...

Входит Г а э т а н о со свечами.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М о н с и н ь о р и Г а э т а н о.

Г а э т а н о *(ставя свечи на стол)*. Да сохранит вас господь, монсиньор.

М о н с и н ь о р. И тебя также, Гаэтано.

Г а э т а н о. Позвольте доложить: какой-то неизвестный человек зашел к нам.

М о н с и н ь о р. В такую пору?.. Ты спрашивал его, кто он?

Г а э т а н о. Сейчас же расспросил. Сначала, признаться сказать, этот странник, да еще к ночи-то, показался мне очень сомнительным; да и рассмотреть-то его было трудно; лежит, съежившись, у самой колонны. Когда он услыхал, что я иду, вздрогнул, вскочил и стал озираться,— видно, испугался. Ну, думаю, не очень страшно, и стал его расспрашивать. Пробормотал он мне что-то, да и голос у него дрожит; только можно было понять, что он опоздал в дороге, заблудился в горах и желает видеть монсиньора, чтоб попросить пристанища ненадолго.

М о н с и н ь о р. В этом никому не отказывают... но в наших горах бродят бандиты.

Г а э т а н о. У него, кажется, нет оружия, разве спрятано.

М о н с и н ь о р. Как одет он?

Г а э т а н о. Почти так, как наши горные жители. Широкие сапоги, длинный плащ и калабрийская шляпа, и все это очень поношено. Ростом высок, лицо смуглое, испитое, глаза быстрые, борода всклокоченная, длинная...

М о н с и н ь о р. А как летами?

Г а э т а н о. Около сорока. Бог его знает, по лицу никак не разберешь, что он за человек. Может быть, он и бандит; только, знать, захворал — дышит тяжело и насилу держится на ногах, видно, устал. Не угодно ли монсиньору самому расспросить его?..

Монсиньор. Непременно. Это очень любопытно. Приведи его... но не забудь сказать моим людям, чтобы они были наготове.

Гаэтано. Уж само собою, монсиньор. *(Уходит.)*

Монсиньор. А что как бандит? Ведь кто его знает!.. Впрочем, чего же мне бояться? Бандиты в сущности не дурные люди; они набожны и часто даже оказывают нам значительные услуги. Кажется, идет.

Гаэтано вводит Коррадо.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Монсиньор, Гаэтано, Коррадо.

Гаэтано *(к Коррадо)*. Вот вам и монсиньор!

Монсиньор. Подойдите поближе, честный человек, не бойтесь. Вы устали? *(К Гаэтано.)* Подай ему стул!

Гаэтано подает стул.

Коррадо *(садясь)*. Благодарю, монсиньор! *(К Гаэтано.)* И вас благодарю.

Монсиньор *(к Гаэтано)*. Ступай!

Гаэтано уходит.

Ну, что же вам угодно от меня? Говорите.

Коррадо. Одно только: позвольте переночевать, отдохнуть хоть немного. Я весь день шел пешком, ночь застала меня на паперти вашего храма. Благовест перед «Ave Maria» разбудил во мне воспоминания детства, я почувствовал жажду молитвы и вошел в храм. Столько лет я не молился... и сегодня...

Монсиньор. Столько лет? Это дурно. Слава богу, что вы зашли к нам; мы позаботимся о вашей душе.

Коррадо. Нет, уж я сам позабочусь о своей душе.

Монсиньор. Если ваша душа больна, я вылечу ее.

Коррадо. Вылечить? Не верю; невозможно, монсиньор.

Монсиньор. Отчего?.. Если человек почувствует угрызения совести...

Коррадо. Угрызения совести?..

Монсиньор. Что вы так задрожали? Перестаньте! Успокойтесь, сын мой!

Коррадо. Успокоиться! Угрызения совести!.. Вы считаете меня преступником!

Монсиньор. Совсем нет, но во всяком случае вы можете иметь ко мне полное доверие. Вы в совершенной безопасности: наша обитель имеет право убежища.

Коррадо. Я это знал.

Монсиньор. Потому и зашли ко мне?

Коррадо. Я уж сказал вам, что я нуждаюсь в ночлеге. Угодно вам пустить меня? Да или нет?

Монсиньор. Да, мой сын, да. Я вижу, что вас убило горе, а не преступление, и принимаю в вас большое участие. Ваше лицо, хотя и истомленное, вероятно лишениями, достаточно уверяет меня в том, что положение ваше не так низко, как показывает ваше платье.

Коррадо. Да, я не горец... к несчастию... Хотя я и не имел больших средств, но занимался благородным искусством.

Монсиньор. Каким?

Коррадо. Живописью.

Монсиньор. Вы сицилиец?

Коррадо. Был когда-то.

Монсиньор. Имеете семейство?

Коррадо. Имел.

Монсиньор. Теперь одиноки?

Коррадо. Одинок?.. Ах, горе мне, если... Довольно, монсиньор, у меня только и есть надежда, оставьте мне ее. Вы меня допрашиваете, как судья; вы меня пугаете, перестаньте! Я просил отдыха для моего тела и не давал вам права мучить мою душу. Вам нет никакой надобности знать обо мне больше того, что вы знаете. Я к вам на одну ночь: проснувшись завтра, вы уже не найдете меня. Ну, монсиньор, я прошу только соломы, хлеба и кружку воды, чтобы залить огонь в моих жилах, больше мне ничего не надо.

Монсиньор. Что вы, что вы! Мы вас примем как должно. Но так как я хочу помочь вам чем-нибудь существенным, то пожелал бы знать, куда вы намерены отправиться отсюда.

Коррадо. К самой Этне, в Катанию.

Монсиньор. Если бы я знал вас несколько более, я бы мог вас отправить...

Коррадо. Благодарю.

Монсиньор. Вы туда в первый раз?

Коррадо. Я там родился.

М о н с и н ь о р. В таком случае последний вопрос: вы знали в Катании молодого человека Фернандо Мерано?

К о р р а д о. Кажется, помню... Но ведь столько времени... он учился законоведению?

М о н с и н ь о р. Именно.

К о р р а д о. Да, мы были знакомы, были даже друзьями.

М о н с и н ь о р. Друзьями? Ну, так я буду вам полезен, даже против вашей воли. Знайте, что этот Фернандо — мой племянник и теперь здесь, у меня.

К о р р а д о *(с неудовольствием)*. Здесь?.. Что ж мне за дело! Мне нужен только покой, и я в третий раз прошу вас: дайте мне ночлег хоть в собачьей конуре.

М о н с и н ь о р. Подождите немного. Мой племянник рад будет вас видеть, я велю его позвать.

К о р р а д о. Мне не нужно никого,—я не хочу новых расспросов, с меня довольно и ваших.

М о н с и н ь о р. Что ж делать! Хоть вам и неприятно, но уж вы мне позвольте. *(Звонит.)*

Входит Г а э т а н о.

Скажи племяннику, чтоб сейчас шел сюда; друг его из Катании желает его видеть.

Г а э т а н о уходит.

К о р р а д о. Монсиньор, имейте немножко сострадания. Вы видите, в каком я положении; зачем вы подвергаете меня расспросам, стыду... Дорого же обходится мне ваша милостыня. Но и каждый бедняк имеет свою гордость. Боже мой! Я вижу, что я попал в судилище инквизиции, и ухожу. *(Хочет идти.)*

М о н с и н ь о р. Остановитесь, прошу вас! Если б вы мне и не говорили, что вы родились у подножия Этны, я бы сейчас догадался по вашей вспыльчивости. Нехорошо, усмиритесь, друг мой; с таким характером недолго до беды... а часто и до преступления.

К о р р а д о. До преступления. *(Стихает и опирается на спинку стула.)* Да, правда.

М о н с и н ь о р. Я вас оставлю с племянником. Он, кажется, идет.

К о р р а д о. Как вам угодно.

М о н с и н ь о р. С другом вы будете откровенней! *(Уходя.)* Обманет меня предчувствие или нет? *(Уходит направо.)*

Коррадо. Есть речи, от которых леденеет кровь. Что я скажу ему? Что он мне скажет?.. Ах, может быть, он мне укажет какие-нибудь следы... Если только они обе живы, я буду бродить до тех пор, пока найду их... Если они уж в земле, и я за ними... У меня есть верное средство соединиться с ними навеки, и оно всегда со мной.

Входят дон Фернандо и Гаэтано.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Коррадо, дон Фернандо, Гаэтано.

Д. Фернандо *(входя, к Гаэтано)*. Где же монсиньор?

Гаэтано. Он вышел, чтобы оставить вас наедине с вашим другом. Вот он.

Д. Фернандо *(с удивлением рассматривая одежду Коррадо)*. Этот?

Гаэтано. Да, я вас оставлю. Если нужно будет, позвоните. *(Уходит.)*

Д. Фернандо. Какой-то горец?.. Не припомню... *(Подойдя к Коррадо.)* Где же, мой друг, мы с вами познакомились?

Коррадо. В Катании.

Д. Фернандо. Давно?

Коррадо. Давно.

Д. Фернандо *(пристально вглядываясь)*. Как будто я припоминаю... кажется...

Коррадо. Ну, да что тут! Я — Коррадо.

Д. Фернандо. Коррадо?.. Да, да... Обнимите меня... Не сон ли это? Как вы изменились!

Коррадо. А вы нисколько; очень просто: вы не страдали.

Д. Фернандо. Может быть. К тому же эта странная одежда... Каким это образом?

Коррадо. Жестокие удары судьбы...

Д. Фернандо. Понимаю... я знаю.

Коррадо *(быстро)*. Что вы знаете?

Д. Фернандо *(спохватясь)*. Почти ничего... Знаю, что вы страдали... стоит только взглянуть на вас... *(Про себя.)* Не знаю, как и начать с ним.

Коррадо. О чем вы рассуждаете?

Д. Фернандо. Об этом странном случае. Могло ли мне когда-нибудь прийти в голову, что я встречу вас у моего дяди, здесь, у подошвы Апеннин... Ну,

расскажите же мне что-нибудь. Где вы были? Откуда идете?

К о р р а д о. Я не знаю.

Д. Ф е р н а н д о. Ну, это еще мудренее. Но позвольте: я помню, что, когда я уехал из Катании в Рим, вы были женаты.

К о р р а д о. Да, был.

Д. Ф е р н а н д о. И жена ваша, сколько я помню, была милая, прекрасная женщина...

К о р р а д о. Да, прекрасная.

Д. Ф е р н а н д о. Где же она теперь, умерла?

К о р р а д о. Надеюсь, что нет.

Д. Ф е р н а н д о. Вы надеетесь?.. Но как же... Разве вы рассорились? Разошлись?

К о р р а д о. Разошлись.

Д. Ф е р н а н д о. Какая же причина?

К о р р а д о. Ужасная.

Д. Ф е р н а н д о. Ужасная? Могу я узнать?

К о р р а д о. Нет.

Д. Ф е р н а н д о. Вы думаете отправиться в Катанию?

К о р р а д о. Да.

Д. Ф е р н а н д о. Вероятно, вы надеетесь там найти жену?

К о р р а д о. И дочь.

Д. Ф е р н а н д о *(с удивлением)*. И дочь?

К о р р а д о. Да, мою Аду, которую я не видал четырнадцать лет. Я бы желал иметь какие-нибудь сведения о них, но, к несчастью, вы ничего не знаете.

Д. Ф е р н а н д о. Кой-что знаю.

К о р р а д о. Что вы говорите! Они живы? Говорите скорее! Они в Катании?

Д. Ф е р н а н д о. То есть... Вот что, мой друг: я могу вам сообщить кой-что о жене... но о дочери...

К о р р а д о. Она с матерью?

Д. Ф е р н а н д о. Ну, нет.

К о р р а д о. Да вы видели Розалию?

Д. Ф е р н а н д о. Я ее видел, и если вы хотите опять соединиться с ней...

К о р р а д о. Да для чего же я и странствую.

Д. Ф е р н а н д о. Так останьтесь!

К о р р а д о. Остаться?

Д. Ф е р н а н д о. Розалия живет здесь.

К о р р а д о *(горячо)*. Розалия здесь! Вы меня не обманываете?.. И я так скоро нашел ее?

Д. Фернандо. Боже мой! Вам дурно! Я поторопился.

Коррадо. Нет, ничего.. У меня слабы нервы... Розалия! Но Ада?

Д. Фернандо. Я говорю вам, что дочери нет с ней.

Коррадо. Вы уверены?

Д. Фернандо. Совершенно.

Коррадо. Боже мой! Боже мой! Она умерла: она была такая нежненькая... Нужда, голод убили это слабенькое тельце... Все напрасно... Я ее не увижу.

Д. Фернандо. Кто знает... может быть, она где-нибудь в ученье. Успокойтесь, вы все узнаете от Розалии.

Коррадо. Да, правда, она, может быть, еще жива... зачем отчаиваться! Мне очень нужно, чтоб она была жива. Ну, проводите же меня к Розалии.

Д. Фернандо. Нельзя же так скоро... так неожиданно, ночью, не узнавши ничего...

Коррадо. Да, вы правы; мне нужно прежде узнать, многое узнать, дон Фернандо. Хочет ли Розалия меня видеть?.. Не забыла ли меня? О нет, невозможно! В таком виде я ее испугаю.

Д. Фернандо. Испугаете?.. Вы так горячо любили друг друга... а любовь извиняет все.

Коррадо. Все?

Д. Фернандо. Конечно, все... притом же Розалия была так добра...

Коррадо. Добра ли она и теперь? Вспоминает ли обо мне?.. Говорите. Вы не знаете? Еще один вопрос: Розалия в бедности, не так ли? Чем она живет? Как живет?

Д. Фернандо. В гувернантках.

Коррадо. В гувернантках? Моя жена! У кого?

Д. Фернандо. У особы почтенной.

Коррадо. У женщины?

Д. Фернандо. Ну, нет, у мужчины, у доктора Арриго Пальмьери... У него дочь... милая девушка.

Коррадо. Он женат?

Д. Фернандо. Вдовый.

Коррадо. Вдовый?.. Сколько ему лет?

Д. Фернандо. Лет тридцать шесть.

Коррадо. Еще молод!.. И Розалия гувернантка его дочери, гувернантка только?

Д. Фернандо. Да, наверное, я в том уверен.

К о р р а д о *(пожимая ему руку)*. Благодарю, дон Фернандо! Но столько времени... Ах, ей было только девятнадцать лет, когда я ее оставил!

Д. Ф е р н а н д о. Что же вы хотите сказать?

К о р р а д о. Вы спрашиваете? Слава богу, что сон мертвых вечен... Горе, если бы они могли пробуждаться.

Д. Ф е р н а н д о. Что за странные мысли!

К о р р а д о. Не очень странные, мой друг; мне бы нужно было уснуть навеки.

Д. Ф е р н а н д о. Я не понимаю, божусь вам... Во всяком случае, утешьтесь: Розалия все еще ваша жена и пойдет за вами, куда вам угодно.

К о р р а д о. Пойдет за мной?

Д. Ф е р н а н д о. Будьте уверены. Мне кажется, вы могли бы с ней отправиться в Катанию, к семейству...

К о р р а д о. К какому семейству?

Д. Ф е р н а н д о. Разве родители Розалии умерли? Но, может быть, жив брат, Алонзо?

К о р р а д о. Алонзо! Какое имя вы назвали... Алонзо! *(Падает на стул и закрывает лицо руками.)*

Д. Ф е р н а н д о. Коррадо, отчего это ужасное расстройство? Я не понимаю... я не знаю, что говорить...

Входит м о н с и н ь о р.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Д о н Ф е р н а н д о, К о р р а д о и м о н с и н ь о р.

Д. Ф е р н а н д о. Пожалуйте к нам, монсиньор.

М о н с и н ь о р. Ну, кто же этот друг твой?

Д. Ф е р н а н д о. Кто он?.. Представляю вам мужа Розалии.

М о н с и н ь о р *(вздрогнув)*. Что ты говоришь!.. Ах, если б это была правда! Но муж Розалии осужден на вечное заключение в тюрьмах Неаполя.

К о р р а д о *(быстро встает)*. Кто вам сказал, монсиньор?

М о н с и н ь о р. Так это вы?.. Но каким образом? Вы прощены? Говорите прямо, вам здесь нечего бояться.

Д. Ф е р н а н д о. Мы вас спасем, во что бы то ни стало. Вы бежали?

М о н с и н ь о р. Говорите, вам же лучше будет.

К о р р а д о. Да, запираться не к чему: я бежал.

М о н с и н ь о р. Вы исполнили мое желание; потому что

знайте, мой милый: неверное, несчастное, опасное положение Розалии так меня трогало, что я решился, при помощи духовника королевы, просить о вашем освобождении и, наверное, успел бы в этом. Ваше бегство не расстроит моих планов, напротив. Расскажите мне подробно все, что касается вашего несчастья, тогда мне будет легче хлопотать о вашем освобождении. Ну, смелее! Рассказывайте все! Потом мы вас проводим на покой, и завтра вы будете в состоянии сделать приятный сюрприз вашей жене, которая, конечно, вас не ожидает... Я вперед радуюсь за нее.

Коррадо. Ох, растравлять раны!.. Дон Фернандо уж вам сказывал, как я женился...

Монсиньор. Говорил немного.

Д. Фернандо. Я и знал немного. Я помню только, что вы до безумия любили Розалию, она тоже любила вас, против воли своих родителей, которым не нравился ваш пылкий нрав, ваш жестокий, буйный характер, что вы без всяких церемоний, недолго думавши, в одну прекрасную ночь похитили Розалию и женились. Вот что я знаю. Потом я уехал из Катании, и что дальше было, мне неизвестно.

Коррадо. Дальше лучше было. Предоставляю вам самим изобразить и печаль, и гнев ее родителей. У жены моей был брат, Алонзо. Ему удалось уговорить отца, но не в мою пользу. Честный старик охотно прощал дочь, если она меня оставит. У Розалии уж была хорошенькая дочка; ни советы, ни просьбы, ни угрозы не могли поколебать ее; тогда задумали у меня ее похитить, и Алонзо взялся за это дело. Кроме того, клеветали, доносили на меня, представили меня подозрительным человеком... Я знал обо всем и ждал беды. Однажды ночью я заметил, что кто-то крадется к моему дому. Я притаился за углом и вдруг загородил ему дорогу. Это был Алонзо. Если б он был поумнее, ему бы бежать от меня, а он стал грозить. Мне! Грозить! Несчастный! Кровь бросилась мне в голову, жилы натянулись! Я его убил на месте!

Монсиньор. Продолжайте, несчастный!

Коррадо. Не успел я опомниться, как уж был арестован ночным патрулем на месте преступления. Суд короток. Улика налицо; я бешено сопротивлялся

полиции, я был уж и прежде заподозрен,— все это увеличивало вину. Меня присудили заключить на всю жизнь.

Монсиньор. Мне кажется, судьи могли бы найти смягчающие обстоятельства в самом вашем темпераменте.

Коррадо. Может быть. Я действительно никогда не мог сладить с собой, порок у меня в крови. Четырнадцать лет заключения только подлили желчи в мои жилы. Можете себе представить, что я должен был чувствовать. Мне было двадцать восемь лет, я был артист, муж, отец, и я был, как зверь, заперт в железную клетку. Воображение мое удваивало мои мучения: я представлял себе Розалию, одинокую, презренную, нищую... но молодую и прекрасную. Чем ей жить? Или милостыней, или позором. Я ревел и бесновался от ревности, меня наказывали за буйство... Я оставил дочь, Аду,— ей не было еще двух лет, больную, бледную, как восковой ангел. Иногда мне представлялось, что она лежит во гробе, усыпанная гиацинтами; иногда, покрытая рубищем, на руках матери, протягивает свои ручонки к проходящим; чаще я видел, что она хорошо одета, резвится, прыгает в богатом доме, рассыпает дочерние ласки богатому синьору, любовнику ее матери... Эта последняя безотвязная мысль, этот страшный сон доводили меня до горячечного бреда...

Монсиньор. Верю. И в самом деле, если воображение вас не обманывало... Ах, бедный!.. Но что же далее?

Коррадо. Далее я задумал бежать. От постоянного напряжения мозга я захворал медленной лихорадкой. Смотритель перевел меня в другое помещение, получше. Я выздоровел, но нарочно притворялся больным, чтобы за мною было менее присмотра. Так и случилось. Надо знать, как изощряются все способности заключенного! Мне удалось постепенно и с невероятными усилиями расшатать решетку в окне; потом осталось только ее вынуть. Я спустился во двор тюрьмы, потом в поле...

Д. Фернандо. Отлично!

Монсиньор. Воображаю, что вы почувствовали на свободе.

Коррадо. Нет, не можете. Надо быть погребенным четырнадцать лет; нужно считать эти долгие года,

считать часами, жаждать свободы, семьи, воздуха, солнца! Мне показалось, что я ожил. Я шел всю ночь, поутру скрылся в ущелье. Один добрый человек дал мне это платье, другой, побогаче, дал мне несколько денег, и таким образом по гребню Апеннин я добрался сюда.

Монсиньор. Провидение привело вас прямо к жене.

Д. Фернандо. Смелее, мой друг!

Коррадо. О! Смелости во мне было много, и теперь еще осталась... Но когда я узнал, что моей Ады нет с матерью у этого доктора...

Монсиньор. Вашей Ады?.. Постойте... Судя по вашим словам, девочке, должно быть, шестнадцатый год...

Коррадо. Да.

Монсиньор. Это лета той девочки, у которой Розалия гувернанткой... Но сами посудите, законная дочь Пальмьери давно умерла...

Д. Фернандо. Неужели?

Монсиньор *(подходя к столу)*. Вот свидетельство о ее смерти, я предъявлял его доктору и...

Коррадо *(вспыхнув)*. Кто же мать этой девочки?

Монсиньор. Ну, это...

Коррадо. Ради спасения души вашей, говорите прямо!

Монсиньор. Боже мой, какой вы горячий!.. Не в моих правилах предполагать в людях дурное; но я хочу только сказать, что эта мнимая дочка не ваша ли Ада...

Коррадо. Ада?

Д. Фернандо. Черт возьми!.. Это невозможно.

Монсиньор. Как знать! В числе различных предположений для объяснения этого таинственного дела...

Коррадо. Чтоб моя Ада называла отцом другого? Любила другого?.. Значит, видения мои не были адским бредом?

Д. Фернандо. Поверьте мне, вы заблуждаетесь.

Монсиньор. Нет ли каких примет, по которым вы можете узнать свою дочь?

Коррадо. Ах! Какие приметы! Я говорю вам, что она была двух лет, когда я ее оставил.

Монсиньор. Да, конечно... Но отцу не нужно примет, сама природа...

К о р р а д о. Да, сердце мне скажет... Но ведь четырнадцать лет...

М о н с и н ь о р. Расспросите Розалию; как мать она ответит вам за дочь; как жена — сама за себя.

К о р р а д о. За себя?..

М о н с и н ь о р. Это ваши права.

К о р р а д о. Мои права? Не знаю, монсиньор; скажу вам только: как страстно я ни желал, что я ни делал для того, чтобы видеть Розалию, но теперь, когда я близок к ней, я готов бежать опять в тюрьму.

М о н с и н ь о р. Зачем?

К о р р а д о. Не знаю.

Д. Ф е р н а н д о. Смелей, Коррадо! Вы очень взволнованы, очень слабы; вам теперь хорошенько поужинать и отдохнуть попокойнее.

М о н с и н ь о р. А ты позаботься хорошенько о том и о другом. Потом, завтра... Не унывайте, милосердие божие велико.

К о р р а д о. А правосудие?.. Милосердие божие или правосудие привлекло меня сюда?.. Вы завтра узнаете! (*Уходит с доном Фернандо.*)

М о н с и н ь о р. Завтра лев со свежими силами... И мы, синьор доктор, поговорим с вами. (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит м о н с и н ь о р, за ним — А г а т а.

М о н с и н ь о р. По крайней мере сегодня доктор дома?

А г а т а. Я уж докладывала монсиньору, что в этот час он делает визиты больным. Он воротится нескоро; он лечит больных и вместе с тем развращает их души своими утешениями.

М о н с и н ь о р. Уж недолго ему.

А г а т а. Дай-то бог! Вам и сегодня угодно ждать его?

М о н с и н ь о р. Ну нет. Позови мне эту женщину.

А г а т а. Сейчас. Когда этот соблазн кончится?

М о н с и н ь о р. Скоро.

А г а т а. Ах, кабы! (*Уходит налево.*)

М о н с и н ь о р. Соблазн, может быть, и увеличится. Это зависит от того, что ответит мне Розалия. Драма может и кончиться и только что начаться. Увидим.

Входит Р о з а л и я.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М о н с и н ь о р и Р о з а л и я.

Р о з а л и я. Вы меня звали. Но со мной ли вы желаете говорить, может быть, с доктором?

М о н с и н ь о р. С ним вчера я уж говорил довольно.

Р о з а л и я. Даже слишком.

М о н с и н ь о р. Может быть. Но вы не беспокойтесь; я уже не имею более надобности упрекать вас; вашему пребыванию в этом доме, благодаря провидению, наступает конец.

Р о з а л и я. Да, я знаю, что монсиньор по доброте своей приказал моему благодетелю прогнать меня. Я бы могла жаловаться на вас светской власти, могла бы одним словом, одним даже дуновением снять с вас маску ложной святости и открыть лицемера! Вы знаете, хорошо знаете, что я добродетельна, с глазу на глаз со мной вы должны в том признаться; вы даже не смеете глядеть мне в лицо так прямо, как я на вас смотрю... Этой победы с меня довольно, монсиньор... я не хочу упорствовать, не хочу вредить другим дорогим для меня особам... я удаляюсь.

М о н с и н ь о р. Вы удалитесь, если вам угодно, но уж никак не одна.

Р о з а л и я. Кто же меня будет провожать?

М о н с и н ь о р. Муж ваш.

Р о з а л и я. Какие шутки, монсиньор!

М о н с и н ь о р. Никаких, моя милая.

Р о з а л и я. Вам уж известно, в каком позорном месте находится человек, бывший, к несчастью, моим мужем.

М о н с и н ь о р. Бывший? Он и теперь ваш муж, дочь моя. Он не мог жить без вас: в порыве отчаяния, с божьей помощью, он сокрушил свои оковы... мало вам этого? Ну, так я вам скажу, что со вчерашнего вечера он гостит у меня.

Р о з а л и я *(с крайним изумлением)*. Коррадо?.. Возможно ли?.. Правда ли?

М о н с и н ь о р. Такими важными делами не шутят.

Р о з а л и я. Коррадо здесь?.. Но как? Зачем? Кого он ищет?

М о н с и н ь о р. Семью свою.

Р о з а л и я. Семью свою?

М о н с и н ь о р. Именно. Однако я удивляюсь, я возмущаюсь, видя, с каким неудовольствием вы слышите от меня новость, которую я так спешил передать вам,— я сам так радовался. Всякая жена благодарила бы меня.

Р о з а л и я. Всякая, кроме меня.

М о н с и н ь о р. Вы подумайте хорошенько о том, что вы говорите!

Р о з а л и я. А вы, прежде чем осуждать, знайте...

М о н с и н ь о р. Я знаю, что Коррадо убил вашего брата, но...

Р о з а л и я. И после этого вы можете думать, что у него есть семья! Что я жена его! Что я должна идти за ним!

М о н с и н ь о р. Конечно, я так думаю, меня закон заставляет так думать. Я понимаю, что положение ваше нелегко: четырнадцать лет жить без мужа, найти себе утешение, и вдруг является муж... не совсем приятно, но что ж делать, нужно терпеть. Все-таки вам лучше отправиться с мужем, чем одной и с позором.

Р о з а л и я. Лучше последнее.

М о н с и н ь о р. Вы не имеете права выбирать. Разве вы забыли, что Коррадо ревнив и бешен...

Р о з а л и я. Он хочет заставить меня силой...

М о н с и н ь о р. Он и не думает, он так любит вас; но не следует ударять огниво о кремень, если боишься искр. Чем ждать его здесь, вы сами подите к нему... или, лучше сказать, пойдемте, я провожу вас в его объятия.

Р о з а л и я. Я? В его объятия?

М о н с и н ь о р. Слушайте. Теперь мужу вашему бояться нечего; здесь его не знают и не найдут. Потом я обещал ему выхлопотать освобождение,— я успею в том. Под другим небом вы можете быть счастливы. Вы видите теперь, что я плачу добром за зло. Ну, послушайтесь моего совета, пойдемте!

Р о з а л и я *(подумав)*. Невозможно.

М о н с и н ь о р. Смотрите, он сам придет, он уж недалеко.

Р о з а л и я. Недалеко? Он? Ах, нет...

М о н с и н ь о р. И вы должны будете отвечать на его вопросы, на многие вопросы...например: чья это девушка? куда девалась его маленькая Ада?

Р о з а л и я *(с испугом)*. Ада?

М о н с и н ь о р. Конечно... Он ее любит, хочет ее видеть... Во всяком случае, я очень рад, что успел предупредить вас. Немного времени остается вам, чтоб справиться с своей совестью и приготовиться к разговору, который, конечно, будет нелегок для вас и может превратиться в допрос, который делает судья преступнице. Прощайте, синьора!

Р о з а л и я. Что же вы ему скажете?

М о н с и н ь о р. Что вы страстно желаете его видеть.

Р о з а л и я. Нет, скажите ему лучше, чтоб он не приходил, чтобы он уважил мое положение, чтобы пожалел меня.

М о н с и н ь о р. Как вы советуете мне подобную глупость? Ранить льва, когда слышно уж его рычание? Нет, одумайтесь, моя милая, и примите его с кротостью. *(Уходит.)*

Р о з а л и я. Коррадо! Я увижу Коррадо!.. Не сон ли это? После той страшной ночи! После стольких лет увидать его, говорить с ним! Сегодня! Здесь! У меня не хватит силы, не хватит слов, не хватит смелости смотреть на него! Монсиньор говорил правду, он будет о многом спрашивать; а как, с каким лицом мне отвечать ему? Что сказать о дочери? Ничего? Или все? К несчастью, доктора нет дома, не с кем посоветоваться. Бежать или спрятаться? Не будет ли хуже? Да и вправе ли я бежать, оттолкнуть его, отказать ему в утешении, которого он ищет? Разве я не любила его, не бежала с ним от родителей? Ах, если б не странное, ужасное положение, в котором я нахожусь, я бы открыла ему свои объятия... Но, боже! Он придет отнять у меня, разрушить...

Входит Э м м а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Р о з а л и я, Э м м а.

Э м м а *(подходит близко)*. Что с вами, Розалия?

Р о з а л и я. Ничего, милая Эмма.

Э м м а. Ничего? Правда ли?.. Мне кажется, что вы се-

годня печальнее обыкновенного, и это мне неприятно. Хоть поцелуйте меня, разве я не стою?

Розалия целует ее.

Ах, у вас слезы! О чем вы плачете? Что вы так смотрите на меня? Не бледна ли я? Не думаете ли, что я больна?

Розалия Нет.

Эмма. Так что же вы? Вот и отец тоже что-то задумался. Меньше бывает дома, а когда воротится, такой скучный, молчаливый... Боже мой! Что с ним? Он сердится на меня? Я огорчила его?

Розалия. Вы? Бедная, чем же?

Эмма. Может быть, вы ждете какой-нибудь беды? О, говорите, если знаете! Говорите!

Розалия. Беды? Не думаю... Бедная Эмма! Вы очень любите отца?

Эмма. Я его люблю так, что и выразить не могу. Помните, когда он отправил меня в институт, в Неаполь, долго ли я там осталась! Я не могла больше выдержать разлуки с ним... Послушайте меня, я никогда не выйду замуж; я не могу понять, как дочь может оставить родителей и идти за человеком, которого едва знает!.. Это дурная дочь! Что с вами, Розалия? Что вы нахмурились? Я говорю глупо?

Розалия. Напротив, дочь моя!

Эмма. Ах, как мне это нравится,— дочь! Сколько раз я вас просила называть всегда меня дочерью, а вы все забываете. Зачем же это? Послушайте, что я вам скажу, только не браните меня. Однажды, то есть не однажды, а несколько раз, я видела во сне, что вы и мой папа — муж и жена и что я сижу между вами, и так я счастлива... Поутру просыпаюсь, бегу к папа́ в кабинет, он сидит один,— и долго я плачу на груди его.

Розалия в сильном волнении, не в силах выговорить ни единого слова, горячо обнимает Эмму и быстро убегает в свою комнату.

Она ушла от меня... но как она меня обнимала! Ах, если б сбылось то, что я видела во сне! Да и не во сне, сколько раз я думала о том же и наяву... Отчего ж бы этому не случиться? *(Садится и в задумчивости закрывает глаза руками.)*

Входит Коррадо.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эмма и Коррадо.

Коррадо *(в дверях)*. Где ж она?.. Она не хочет меня видеть? *(Входя в комнату, замечает Эмму.)* Девушка? Может быть, она... *(Тихо подходит к ней и, чтоб лучше рассмотреть, берет ее за руку, чтоб открыть ей глаза.)*

Эмма *(встает со стула и в испуге отходит)*. Чужой человек... Кто вы? Кого вам нужно? Вы к папа́?

Коррадо *(быстро)*. А кто ваш папа?

Эмма. Он отличный человек.

Коррадо. Да кто же наконец?

Эмма. Он всем здесь благодетель, доктор Арриго Пальмьери.

Коррадо. Пальмьери?

Эмма. Вы его не знаете?

Коррадо. Желал бы познакомиться.

Эмма *(отходя дальше)*. Ну, так...

Коррадо *(подвигаясь к ней)*. Ну, так... что же?

Эмма. Не подходите ко мне.

Коррадо. Отчего же? *(Пристально смотрит на нее.)*

Эмма. Ах, ваши глаза, точно угли,— не глядите на меня!

Коррадо. Нет, мне нужно глядеть на вас.

Эмма. Нужно? *(Хочет закрыть глаза.)*

Коррадо. Дайте мне поглядеть на вас! В вашем лице я ищу сходства с моей дочерью.

Эмма. У вас есть дочь?.. Ну, так я меньше боюсь вас: отец не бывает злым человеком.

Коррадо. Это правда! И я был бы добрее, если б дочь моя была со мною.

Эмма. Вы ее потеряли?

Коррадо. Да; но я найду ее, если только она жива. Позвольте поглядеть на вас. *(Смотрит на нее пристально, с напряженным вниманием.)* Нет, я сумасшедший! Припомнить невозможно. Как вас зовут?

Эмма. Эмма.

Коррадо. Эмма?

Эмма. Разве вам не нравится это имя?

Коррадо. Нет; но лучше, если бы вас звали Ада.

Эмма. Отчего же Ада?

К о р р а д о. Это имя моей дочери. Вас никто так не называл?

Э м м а. Никто.

К о р р а д о. И ваша мать даже?

Э м м а. Моя мать на небе.

К о р р а д о. На небе?..Она была жена доктора?

Э м м а. Да, и умерла при моем рождении.

К о р р а д о *(про себя)*. Ложь! Вот оно, ужасное сомнение! Ада умерла, законная дочь доктора умерла... Чья же эта?.. Розалии? Целовать мне ее или... *(Подходит к Эмме.)*

Э м м а *(в испуге)*. Вы меня пугаете!

К о р р а д о. Нет, дитя мое, не бойтесь.

Э м м а. Но ваши глаза такие страшные.

К о р р а д о. Не всегда они страшны, в них бывает и любовь, бывают и слезы,— много слез, горьких слез! Поглядите на меня.

Э м м а. Когда вы говорите нежно, я вас еще больше боюсь.

К о р р а д о. Все страх да боязнь! Вы сами сказали, что отец не может быть злым... Ну, я вас буду называть Ада, а вы зовите меня отцом. Я хочу быть вашим отцом. *(Подходя.)*

Э м м а *(удаляясь)*. Вы мой отец?

К о р р а д о *(горячо)*. Ведь если не я, так горе вам! Горе вам!

Э м м а. Ах, боже мой, помогите!

Входит Р о з а л и я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Р о з а л и я, Э м м а, К о р р а д о.

Р о з а л и я *(не замечая Коррадо)*. Что с вами, Эмма? *(Увидав Коррадо, вскрикивает от ужаса, прижимает Эмму к своей груди, потом уводит Эмму в ту же дверь, откуда вышла, и, возвратясь, остается на пороге с поникшей головой.)*

К о р р а д о. Розалия!

Она закрывает лицо руками.

Я не привидение, чего меня бояться? Ты не хотела сама прийти ко мне, так должна была приготовиться

принять меня у себя. Твое поведение непонятно. Я не знаю, чего ты испугалась,— меня ли, или того, что застала меня с этой девушкой, которую я считаю нашей дочерью.

Розалия. Адой? Ты в бреду. Она говорила тебе, что ее зовут Эммой?

Коррадо. Говорила.

Розалия. Что она дочь доктора Пальмьери?

Коррадо. Говорила; но ты подтвердишь ли?

Розалия. Подтверждаю.

Коррадо. Тем хуже для тебя. Она дочь доктора Пальмьери? Но единственная законная дочь доктора умерла давно. Теперь я тебя спрошу и ты мне ответишь: кто же мать этой девочки, которую ты так поторопилась спасти от моей ревности?

Розалия. Кто ее мать? Не знаю. Я была в крайней бедности, когда взяли меня к ней в гувернантки, и не считала себя вправе требовать ее метрического свидетельства. Спроси у ее отца.

Коррадо. Спрошу. Теперь другой вопрос: где Ада? Что ты с ней сделала?

Розалия. Странный вопрос! Что я с ней сделала? Она умерла.

Коррадо. Ада умерла?

Розалия. Да, умерла. Бедной жене преступника, презираемой всеми, недоставало милостыни для прокормления себя с дочерью; она умерла от нужды.

Коррадо. Моя Ада?.. И так равнодушно ты объявляешь мне о ее смерти? Ты! Мне? Не верю. Где свидетельство о ее смерти?

Розалия. Ступай в Катанию и спроси там. У меня ты не имеешь права спрашивать отчета; ты нас бросил.

Коррадо. Я вас бросил?.. Я?.. Для чего же я четырнадцать лет сгибал душу и тело под тяжестью цепей и не издыхал, как лошадь? Для чего я терпел удары и бичеванье? Что берегло мою жизнь, если не надежда увидать тебя, увидать дочь. Зачем же я пилил и ломал железные решетки? Зачем, не боясь смерти, тащился я по лесам и оврагам, еле двигая свои израненные цепями ноги? Куда стремился я? В дом, где оставил жену. Кого искал я? Розалию, мою первую любовь, единственную женщину, которую лю-

бил я с таким жаром,— и так недолго. Ах! Да, Розалию, чтобы сказать ей: «Смотри, сколько я страдал, и прости меня!» Смотри, что я перенес, чтобы дотащиться до твоих ног *(падает на колени)*, и будь великодушна, подыми меня и иди со мной.

Розалия. С тобой? Нет. Я тебя очень жалею, но ты нас жалел ли? Ты знал, что у тебя дочь, больная, слабая, что у тебя жена, которая для тебя покинула родителей и покинута всеми. Ты не хотел пожалеть нас, не хотел сдержать своего буйного характера! Ты знал, что мы дышим только тобою, что без тебя мы погибнем от голода, стыда, унижения! Ты забыл нас и помнил только о мести. Ты убил моего брата...

Коррадо *(медленно подымаясь)*. Не произноси этого имени!.. Оно не переставало звучать в душе моей самым горьким упреком... Алонзо хотел лишить меня всего и отнял у меня все... Это преступление... но я страданиями искупил его.

Розалия. Ты думаешь? Не буду спорить с тобой... Но ведь позор преступления вечен, неизгладим, он переходит по наследству к невинным детям... Тюремщики, заковывая твои цепи, расковали наши брачные узы...

Коррадо. Нет, Розалия, закон не таков.

Розалия. Закон? А разве время не закон? Разве сердце не закон?

Коррадо. Так спроси свое сердце. Если пугают тебя пересуды, предрассудки общества, мы обманем общество. Мое имя позорно, я переменю его... Мы пойдем, мы укроемся в далекие, неизведанные страны, куда только тебе будет угодно...

Розалия. Коррадо, вспомни, нас разделяют два призрака: брат и мать моя, она не перенесла его смерти и умерла, проклиная меня... И несмотря на то, если бы ты пришел тогда, я пошла бы за тобой... Но четырнадцать лет! Время имеет свои права... Будь справедлив!.. Был у меня дом родительский, ты разрушил его; не отнимай же у меня этого убежища, удались!

Коррадо. Удалиться одному? Оставить тебя в этом доме? Невозможно! Если ты боишься осуждений, которые падают на мое имя, то ты должна бояться и тех осуждений, которые могут пасть на твое имя.

Розалия. Что ты говоришь?

Коррадо. Я говорю о том, о чем молчал до сих пор,— я все утешал себя несбыточными мечтами... Я испытывал твое сердце и нашел его закрытым для меня и неумолимым. Я говорю о том, что если ты еще будешь упорствовать, будешь отказываться идти со мной, я в самом деле подумаю, что я мертвец, что я как призрак явился выведать твои тайны и разрушить твою радость, твое счастье.

Розалия. Мою радость, мое счастье?

Коррадо. Я подумаю, что этот новый дом для тебя приятнее старого, что ты прячешь в нем свою новую любовь, свою новую дочь.

Розалия. Прекрасно! Думай это! Думай все, что хочешь! Я уж тысячу раз оклеветана по твоей милости. Никто не верил в добродетель, в самоотвержение женщины бедной, одинокой, замужней, но живущей без мужа... Присоединись к клеветникам: брось и ты комок грязи мне в лицо, делай то, что другие.

Коррадо. Я хочу смыть ее с тебя. Ради бога, иди за мной, пока я не встретился с этим человеком. Спаси меня, спаси и его!

Розалия. Ты хочешь решиться на новое преступление?

Коррадо. Ах, боже мой! Но зачем же раздувать огонь? Зачем же дразнить аспида? Я не хочу преступления, я хочу владеть собой; но кровь моя меня не слушает. *(С отчаянием.)* Розалия, пойдем!

Розалия *(в испуге)*. Пожалей меня!

В дверях показывается Пальмьери.

Ах, он!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Розалия, Коррадо, Пальмьери.

Коррадо. Он! Это он? Пальмьери?

Пальмьери. Я, а вы кто такой?

Коррадо. Муж, который требует жену свою.

Пальмьери *(с изумлением)*. Коррадо?

Коррадо. Коррадо, который будет судить вас обоих.

Пальмьери *(холодно)*. Судите!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Декорация первого и третьего действий.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Коррадо и дон Фернандо.

Коррадо *(сидит у стола)*. Друг мой, еще раз прошу вас, оставьте меня в покое.

Д. Фернандо. Я тоже еще раз прошу вас сказать мне хоть что-нибудь о вашей встрече. Во-первых, это и меня очень интересует, во-вторых, мне хочется исполнить желание дяди: он ждет вашего ответа с большим нетерпением.

Коррадо. Монсиньор слишком беспокоится, и не знаю, для чего. Что отвечать мне? Что сказать, коли я ничего не знаю?

Д. Фернандо. Вы не видали Розалию?

Коррадо. Видел.

Д. Фернандо. Что ж она говорила вам?

Коррадо. Много, но понял я одно.

Д. Фернандо. Что же именно?

Коррадо *(указывая на сердце)*. Это здесь, мой друг.

Д. Фернандо. И не выйдет оттуда?

Коррадо. Не разорвав сердца, не выйдет.

Д. Фернандо. Если так, я не смею спрашивать. Но дочь?

Коррадо. Чья дочь?

Д. Фернандо. В том-то и вопрос... Вы ее разглядели?

Коррадо. Да.

Д. Фернандо. Какое же впечатление произвела она на вас?

Коррадо. Разве можно передавать впечатления? Мне хотелось и целовать ее, и убить.

Д. Фернандо. В одно и то же время?

Коррадо. Да.

Д. Фернандо. Значит, совершенный мрак?

Коррадо. Ужасный! Жду разъяснения от доктора, а он не очень торопится. Я жду его с тоской, с лихорадкой. Мы должны говорить с ним здесь; вот почему я прошу вас уйти, прошу в третий раз, не заставьте просить в четвертый!

Д. Фернандо. Не заставлю. Но мне хочется, чтобы

вы успокоились, чтобы вы хорошенько подумали о своих обстоятельствах, которые могут быть очень серьезны. Я уж видел несколько конных жандармов, которые, вероятно, явились, чтоб...

Коррадо. Арестовать меня?.. Тем лучше!.. У кого уж нет семьи, тому можно и умереть. Я жил для жены и дочери; иначе разве я не разбил бы себе голову о каменные стены моей темницы за неимением другого средства. Но знайте, что у меня есть и другое, лучшее средство, есть оно у меня и теперь... мне нужно только несколько минут, чтоб устроить свои дела в этом доме, и потом...

Д. Фернандо. Все это и загадочно и страшно. Но подумайте, что во всяком случае вы не имеете права ни наказывать, ни мстить.

Коррадо. Кто вам говорит о том или о другом.

Д. Фернандо. Надо же пожалеть и Розалию: не сама же она вас бросила. И жена и вдова в одно и то же время!.. Девятнадцать лет... Как бы вы поступили на ее месте?

Коррадо. Легко рассуждать тому, кто не страдает. *(С нетерпением.)* Что ж он нейдет? Что ж он нейдет?

Д. Фернандо. Он придет; но я боюсь последствий вашего разговора. Что, если он будет так глупо благороден, что признается вам... Ах, боже мой!.. Что вы тогда сделаете?

Коррадо. Разве я знаю, что он будет говорить?.. Что я стану делать? Разве пуля, пока она еще не вылетела из ружья, знает, куда она попадет? Идите же; мне нужно подумать, прежде чем говорить с доктором.

Д. Фернандо. Это справедливо. Подумайте и посоветуйтесь со своей совестью. Мужайтесь, мой бедный друг. *(Жмет ему руку и уходит.)*

Коррадо. Я не имею права наказывать, а тем более мстить... я согласен. Розалия, брошенная мной на краю бездны, без опоры, слабая, могла поскользнуться, упасть... не спорю. Розалия желала моей смерти, ждала ее со дня на день, как приятную весть, чтоб быть свободной, счастливой... и... Но что ж нейдет этот доктор? Что он мучит? Они, вероятно, советуются, как обмануть меня... О, горе им, если они не сознаются... горе! *(Увидав Пальмьери.)* Вот он наконец! Господи, помилуй нас!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Коррадо и Пальмьери.

Пальмьери. К вашим услугам. Извините, что заставил ждать, но мне нужно было приготовиться к этому неожиданному разговору и спокойно обдумать все, что я должен сказать вам.

Коррадо. Я так и полагал.

Пальмьери. Для меня решение этого дела очень нелегко. Я не мог положиться в этом случае на одного себя, я должен был сообража́ться с чужой волей.

Коррадо. С Розалией?

Пальмьери. Именно. Я так и сделал. Вот наше общее решение: человек провинившийся должен уметь загладить свои проступки даже ценою собственной жизни.

Коррадо. Это ваше признание?

Пальмьери. Нет еще. Я говорю о вас.

Коррадо. Обо мне? Но прежде всего, сделайте одолжение, покажите мне метрическое свидетельство вашей дочери.

Пальмьери. Вы требуете невозможного, у меня нет детей.

Коррадо. Нет детей? А эта девочка?

Пальмьери. Этот ангел-девочка?.. Она считает себя Эммой, и другие тоже... Она Ада.

Коррадо. Ада?

Пальмьери. Ваша дочь.

Коррадо. Ада жива? Она здесь? Я ее видел? *(Едва стоит на ногах.)*

Пальмьери. Вы теряете силы? Вы дрожите?

Коррадо. Есть радости, от которых можно умереть... но я буду жить... теперь только я живу. Моя Ада так хороша! Но зачем она считает вас своим отцом? Зачем любит? Вы не говорите; я не хочу и знать. Вы мне ее возвращаете — и довольно. Остальное я вам прощаю, прощаю все... и всех... Я бегу к ней!

Пальмьери. Подождите.

Коррадо. Я вам повторяю, что мне больше ничего не нужно.

Пальмьери. Но мне нужно знать, стоите ли вы Ады.

Коррадо. Если не стоил, так буду стоить.

Пальмьери. Я надеюсь, увидим. Успокойтесь и по-

думайте хладнокровно о том, что я вам скажу, я еще очень мало сказал вам. Сядемте лучше.

Коррадо. Говорите.

Пальмьери. Лишнее рассказывать, как мы встретились с Розалией. Это случилось через несколько месяцев после вашего заточения. Я узнал ее в горе, в бедности, покинутую родными. Ее положение меня тронуло, и я решился помочь ей. Я сам был в несчастии, недавно я потерял жену и дочь Эмму. Я был не в таком положении, чтоб думать о любви, но, признаюсь вам, если б Розалия была свободна, я бы женился на ней, чтоб дать ей положение в обществе. К несчастию, она была скована с вами... С чувством сожаления глядел я на Аду,— она была несколько похожа на Эмму и день ото дня привязывалась ко мне, быть может, и оттого, что я ласкал ее. Вскоре я убедился, что Ада была одна из тех нежных, болезненных, нервных натур, для которых всякие сильные впечатления и радости и горя равно губительны. Я думал: «Бедная малютка! Когда ты вырастешь, ты спросишь об отце. Что тебе ответит мать твоя? Что тебе скажут чужие? Увы! постоянная мысль будет портить каждую твою радость, каждое чувство, прерывать твой сон; а позже, когда душа запросит любви, кто ответит тебе любовью?.. Кто даст свое имя дочери преступника?» Я начал думать, как помочь ей, и однажды сказал Розалии: «Вы добрая мать; если хотите, я заставлю общество уважать Розалию. Если я не могу восстановить вашего положения, я могу сделать это для дочери,— могу дать ей беспорочное имя — свое имя. Я буду думать, что моя дочь не умирала, и в вашей Аде буду обнимать свою Эмму». Так и сделалось — теперь судите меня!

Коррадо. Без сомнения, все это благородно... и тем более, если вы не ждали награды...

Пальмьери. Ждал от вас.

Коррадо. От меня? Но я скажу вам, что доброе дело теряет всю свою цену, когда нарушается чужое право. Синьор! У этой девочки был отец.

Пальмьери. Извините, я никак не могу убедиться в этом; я не знаю разницы между вечным заключением и могилою. Во всяком случае, если я даже и нарушил чужое право, то с добрым намерением; если я сделал проступок, то благородный.

К о р р а д о. Который вы и загладите, как сами сказали.

П а л ь м ь е р и. Слова мои относились к вашим проступкам, которые важней моих,— искупить их ваша обязанность. Розалия, ваша жертва, подает вам высокий пример твердости. Чтобы скрыть обман, чтобы уверить всех, что моя Эмма жива, Розалия должна была отказаться от прав и радостей матери.

К о р р а д о. Розалия отказалась? Но вы понимаете, что я не могу и не хочу отказываться.

П а л ь м ь е р и. Вы откажетесь — это необходимо.

К о р р а д о. Необходимо?

П а л ь м ь е р и. Как же иначе? Я не знаю, где вы найдете слов для разговора с этим нежным, робким созданием. Что вы ей скажете? Честный человек, которого ты уважаешь и так горячо любишь, не отец твой; твой отец я,— я убил твоего родного дядю; я протягиваю к тебе руки, израненные кандалами,— я не прощен, я бежал,— каждый день, каждый час меня могут схватить и отправить в тюрьму, я твой отец. Если ты умрешь от жалости, от горя, мне нужды нет,— только бы обнять тебя.

К о р р а д о. О, ради бога, молчите!

П а л ь м ь е р и. Я буду молчать, лишь бы заговорило ваше сердце.

К о р р а д о. Вы его истерзали и хотите, чтоб оно заговорило.

П а л ь м ь е р и. В таком случае кончим разговор. *(Подходит к двери и знаком приглашает войти кого-то.)*

К о р р а д о. Что это значит?

П а л ь м ь е р и. Вы увидите. Я исполнил долг мой — исполняйте свой. Судите, милуйте, казните — все, что вам угодно. Вы хотите разрушить весь мой труд? Вы имеете на то право; я его не оспариваю. Я признаю за вами право убить вашу дочь. Смотрите, она идет; бедная, великодушная мать ведет ее на ваш суд.

К о р р а д о. Ах! *(Закрывает лицо руками.)*

П а л ь м ь е р и. Будьте тверже! Одним словом вы можете убить два сердца.

К о р р а д о. Что за мука!

Входят Р о з а л и я и Э м м а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пальмьери, Коррадо, Розалия, Эмма.

Эмма *(не замечая Коррадо, подбегает прямо к Пальмьери)*. Наконец-то я тебя нашла, гадкий папа́! Я одной минуты не могу быть без тебя и очень обрадовалась, когда Розалия позвала меня к тебе. Не приласкаешь ли ты меня хоть немного?

Пальмьери. Мне нужно кой-что сказать тебе... но я заговорился с этим человеком...

Эмма *(увидав Коррадо, с испугом)*. Он опять здесь?

Пальмьери. Разве ты его боишься?

Эмма. Очень боюсь. Я уж его раз видела, и Розалия насилу спасла меня от него.

Коррадо. Но тогда я...

Розалия не сводит глаз с Коррадо.

Эмма. Что я вам тогда сделала? Представь, папа, он говорил, что меня должно звать не Эммой, а Адой...

Коррадо. Потому что... *(Встретив взгляд Розалии, останавливается.)*

Эмма. Потому что так зовут вашу дочь, так каждую девушку и звать Адою?.. Хотел обнять меня, хотел, чтоб я называла его отцом...

Пальмьери. А ты не хочешь, чтобы он был твоим отцом?

Эмма. Я бы умерла сейчас же. Но ведь ты мой отец. *(С криком и дрожа от страха.)* Ты, это правда? Не оставляй меня! Я останусь с тобой всегда, всегда! *(Обвивает его шею руками.)*

Пальмьери *(кладет ей руку на голову)*. Всегда.

Эмма. Всегда?.. Ах, как это хорошо! Но пойдем отсюда, у меня болит сердце, когда я вижу этого человека... Пойдем, ты хотел что-то поговорить со мной.

Пальмьери. Поди в кабинет... я сейчас приду.

Эмма. Не заставляй меня дожидаться. *(Уходит.)*

Пальмьери *(к Коррадо)*. Подумайте хорошенько о том, что вы слышали и видели. *(Уходит.)*

Некоторое молчание.

Розалия. Коррадо, ты ничего не имеешь сказать мне?

Коррадо. Много. Но мне приказано подумать о том, что я видел и слышал; человек, покрытый плотью, одаренный такими же, как и я, страстями, велит

мне подумать. Он приказывает моему сердцу молчать, когда оно хочет стонать, и приказывает ему говорить, когда оно умерло. Да, я видел и слышал. Я видел мою дочь, прекрасную, как ангел, мою дочь, которая боится и ненавидит меня, не зная меня и не замечая, что я дышу только ею. Моя дочь любит другого, ласкает, целует, обнимает его... и ты дозволила ей это. Вместо того чтобы научить ее плакать о моем несчастии, молиться за бедного заключенного, ты взлелеяла в ее сердце ложное, лживое чувство, противное природе и законам.

Розалия. Коррадо, я думала, что я вправе возвратить этой несчастной то, что ты у ней отнял,— доброго отца и честное имя.

Коррадо. Доброго отца?.. Да, я должен удивляться тому, что сделала ты, что сделал Арриго... но разум рассуждает так, а сердце иначе. Есть наказания, превосходящие всякую меру преступления, оскорбляющие человечество. Можно ли отцу, который, после стольких лет разлуки, встретился с дочерью, приказать быть равнодушным, немым? Я не камень... Я молчал, окаменел... но кровь опять заговорила во мне; теперь я чувствую и горесть и ревность, ужасную ревность. Отдай мою дочь!

Розалия. Разве ты не слыхал? Твоя дочь умрет.

Коррадо. Не умрет. Я расскажу ей мои страдания, мою тоску, мои угрызения. Если она добра, она согласится быть моим ангелом-утешителем. Да! Мне нужно, чтоб чистая, белая рука разгладила мое чело, освежила мою кровь, чтоб она вела меня и поддерживала. Пусть это будет только один раз, но позвольте прижать к груди мою... нашу Аду, потом я убегу.

Розалия. Один только раз! Но что будет с ней после? С Адой? Ах, Коррадо, невозможно! Ты говоришь мне о своих жестоких страданиях — я их вижу, чувствую; но не видишь и не чувствуешь ты моих страданий. Ты хочешь сказать нашей Аде, что ты ее отец? Но сказала ли я ей, что я ее мать? Чтоб избежать вопросов от нее: кто я, что я сделала, где отец,— я лишила себя прав и радостей матери и взяла должность гувернантки, няньки, служанки... Часто в тишине ночи я украдкой подходила к ее постельке, чтобы

взглянуть на нее глазами матери; я целовала ее со страхом и скорей бежала прочь,— в моих ушах постоянно звучали крики общества, которое в Катании, здесь, везде ославило меня падшей женщиной.

Коррадо *(вздрогнув)*. Тебя?.. И все это за меня!

Розалия. Хорошо, что ты это понимаешь; пойми же, что ты не должен отнимать у меня того, что мне стоило такого самоотвержения. Нет, ты не лишишь твою дочь тех удобств, которые так нужны для ее слабого сложения; не возьмешь ее делить с тобой бесславие и черствый хлеб подаяния; не поведешь ее в горы, где она должна трепетать каждую минуту, что тебя откроют, поймают, убьют у ее ног... Ах, нет, Коррадо! Если ты не слушаешь мольбы матери, не трогают тебя слезы жены, так пожалей няньку, которая сберегла твою дочь! *(Становится на колени.)*

Коррадо. Ты на коленях! Предо мной! Встань, Розалия, встань!

Розалия *(вставая)*. Ну, слушай, Коррадо, вот мое решение! Пусть наша Ада всегда будет Эммой и останется у благородного человека, который дал ей свое имя. Что касается меня (жена — раба), пусть так и будет, я не жалуюсь,— я же иду за тобой в горы, в темницу, на эшафот, если хочешь.

Коррадо. Ты пойдешь за мной?.. За мной?

Розалия. Разве ты не нуждаешься в руке, которая бы разгладила твое чело, освежила твою кровь, которая бы тебя вела и поддерживала? Вот та рука, которую ты ищешь, вот она; возьми ее, она твоя!

Коррадо. Я не достоин коснуться ее!

Розалия. Бедный Коррадо! Забудь хоть на минуту прошлое... и успокой свою горячую голову на груди моей. Поди ко мне, несчастный Коррадо.

Коррадо *(обняв Розалию)*. Розалия! Какое блаженство!

Розалия. Я тебе простила, все простила! Ты решился? Не правда ли?

Коррадо. Да, я решился; я не в силах более противиться тебе; железная душа моя растопилась в слезах на груди твоей.

Входит монсиньор.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Коррадо, Розалия, монсиньор.

Монсиньор. Извините, вы, вероятно, меня не ожидали. Но, кажется, я пришел в добрую минуту, чтоб принять участие в вашей назидательной беседе.

Розалия. Вы пришли прервать ее... но немного поздно; к моему счастью, все разговоры кончены, и мы во всем согласны. Не правда ли, Коррадо?

Коррадо. Да.

Розалия. Порадуйтесь, монсиньор, и позвольте мне удалиться. *(Уходит.)*

Монсиньор. Вы ее простили?

Коррадо. Вы, монсиньор, ошибаетесь: она меня простила.

Монсиньор. Прекрасно, взаимное оставление грехов — дело христианское. Но я слышал, стоя за дверью,— так как я пришел немножко рано и не хотел мешать вашим благородным излияниям,— что ваша Ада живет здесь под именем Эммы.

Коррадо. Живет, но не для меня.

Монсиньор. Не для вас?

Коррадо. Я должен отказаться от нее.

Монсиньор. Должны?.. Не может быть... Мужья и отцы не теряют своих прав.

Коррадо. Есть случаи, когда теряют.

Монсиньор. Я с вами не согласен.

Коррадо. Я верю. *(Задумчиво.)* Здесь, в несколько часов, душа моя стала чище, чем в продолжение четырнадцати лет заключения; в тюрьме рычал зверь, здесь плакал человек.

Монсиньор. Никто не имел права заставлять вас плакать, ваша семья принадлежит вам. Несчастный, и вы не понимаете, что хотят от вас избавиться! Доктор отнял у вас права отца, хочет отнять и супружеские.

Коррадо. Вы лжете! А вам бы не следовало.

Монсиньор. Я лгу?

Коррадо. Да, лжете. Ведь вы подслушивали у двери, как же вы не слыхали, что Розалия решилась идти со мной.

Монсиньор. Она притворяется, она знает, что полиция напала на ваши следы и что...

К о р р а д о. Молчите, не смейте оскорблять честную женщину!

М о н с и н ь о р. Честную?

К о р р а д о. Да, более нежели честную: святую.

М о н с и н ь о р. А! В таком случае мне остается только жалеть вас: полиция вас открыла, и я вас предупреждаю, что двери моего дома заперты для вас. Предоставляю вас судьбе вашей.

К о р р а д о. Я думаю даже, что вы на меня донесли.

М о н с и н ь о р. Вы не посмеете подозревать меня.

К о р р а д о. А вы не посмеете запереться. Подите, монсиньор, скажите тем, которые меня ищут, что я здесь и жду их.

М о н с и н ь о р уходит.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Декорация та же.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К о р р а д о, потом Р о з а л и я.

К о р р а д о. Что медлит Розалия? Мои минуты сочтены. Ах, вот она!

Р о з а л и я. Коррадо, ты хотел говорить со мной,— вот я. Что, разве уж время нам отправиться?

К о р р а д о. Нет еще; мне прежде нужно кой-что сказать тебе и сделать несколько вопросов. Я был взволнован, очень разгорячен, не мог собрать мыслей,— теперь я покойнее. Розалия, сядь со мной.

Розалия садится подле него.

Скажи мне: сдержал ли я свое обещание? Умею ли я покоряться, молчать, терпеть?

Р о з а л и я. Да, Коррадо.

К о р р а д о. После твоих ласк, после твоего обещания идти со мной я должен был это сделать.

Р о з а л и я. И я тоже сдержу свое обещание.

К о р р а д о. Да, но какую жертву ты должна принести! Скажи мне, доверься мне! Розалия, не разорвется ли твое сердце, когда ты будешь покидать эти места, этот дом?

Р о з а л и я. Этот дом? И ты меня спрашиваешь! Не здесь ли мы покидаем, и, может быть, навсегда, нашу Аду?

К о р р а д о. Знаю; но кроме дочери не жалко ли тебе оставить еще кого-нибудь?

Р о з а л и я. Кого же?

К о р р а д о. Отвечай прямее: того, кто останется с дочерью?

Р о з а л и я. Благородный человек...

К о р р а д о. Которому ты обязана многим, которому ты уступила мои права отца. Все ли я сказал?

Р о з а л и я. Коррадо, говори яснее!

К о р р а д о. Ты говори яснее: как ты жила у него столько времени, любила ли ты его, любил ли он тебя?

Р о з а л и я. Такие вопросы!..

К о р р а д о. Если я не имею права, так имею надобность знать все это. Розалия, признавайся мне смело, я и сам человек виновный и притом друг твой и готов простить тебя.

Р о з а л и я. Пусть друг меня судит, пусть муж меня обвиняет, если я того стою. Ты узнаешь то, чего, кроме меня, не знает никто в мире. Ты знаешь Арриго, знаешь его честность, его великодушие, ты хорошо знаешь, что он сделал для дочери и для меня. Я прибавлю только, что он избавил меня от ужасного чудовища, которое доводит до падения: от бедности. Оттого благодарность моя ему походит на обожание. Да и действительно только бог один мог послать мне такого ангела-хранителя! Я стала жить покойно, никакого страха, никаких угрызений я не чувствовала; но спокойствие мое нарушилось, когда я стала замечать, что чувства мои к нему изменяются; а когда я заметила, перемена уж совершилась. Я стала наблюдать за собой, бороться — и победила.

К о р р а д о. А он?

Р о з а л и я. Мне кажется, он страдал и боролся так же, как я. Я потому так думаю, что хотя глаза изменяли нам, но звуки замирали на губах. Постоянно в таких отношениях, в такой борьбе и жили мы. Коррадо, клянусь тебе в том! Мы не хотели оправдать клеветы, чтобы не потуплять перед нею глаз своих. Но если к моему беспокойству, к тем мукам, которые я переносила как мать, ты прибавишь эту постоянную нечеловеческую борьбу, ты поймешь, ка-

кова была моя жизнь в продолжение этих четырнадцати лет искушений, непризнанной добродетели, клеветы и самоотвержения! Теперь я тебе призналась и жду твоего приговора.

Коррадо. Ты мне не все сказала.

Розалия. Все, Коррадо.

Коррадо. Нет. Ты не сказала мне вот чего: в минуты твоей внутренней борьбы, в минуту ослабления не приходила ли тебе в голову мысль, что весьма просто и естественно,— мысль о моей смерти.

Розалия. О твоей смерти?

Коррадо. Ты не думала? Не желала ее? Не просила у бога в награду за свою добродетель?

Розалия. Клянусь тебе! Я бы не смела глядеть на нашу дочь.

Коррадо. Но если бы это случилось, разве бы ты не вышла замуж за Арриго?

Розалия. Коррадо, это неблагородно! Как я отвечу тебе?

Коррадо. Отчего же не ответить! Будь так же откровенна, как и он! Он мне сказал, что, если б ты была свободна, он дал бы тебе свое имя, чтоб поднять тебя во мнении общества.

Розалия. Он?.. Об этом я слышу в первый раз.

Коррадо. Тем лучше. Я тебя спрашиваю, примешь ли ты его имя и его руку? Розалия, я спрашиваю, как друг, отвечай!

Розалия *(опуская голову)*. Да.

Коррадо. И после всего этого ты готова оставить этот дом и идти за мной?

Розалия. Уж я тебе сказала. Пойдем!

Коррадо. Но если наше бегство уж невозможно? Меня уследили и, может быть, сейчас... сию минуту придут взять меня...

Розалия. Правда ли это, Коррадо?

Коррадо. Положим, что правда... Что же ты сделаешь?

Розалия. Буду жить по соседству с твоей тюрьмой или пойду в монастырь; свет так много клеветал на меня... О нет! Мы спасемся, мы успеем бежать... ночь близка; бежим,— мое сердце проснулось; я хочу жить с тобой. Я люблю тебя, Коррадо, люблю, как прежде, больше прежнего.

К о р р а д о. Ты меня любишь? Меня любишь? Ах, Розалия, какое блаженство потерял я!

Р о з а л и я. Мы его найдем опять, будем опять счастливы...

К о р р а д о. Счастливы?.. Да! Поди приготовься, ночью мы бежим. Оставь меня одного! Я так взволнован, что если ты останешься хоть на минуту, я умру.

Р о з а л и я. Ну, так прощай, до ночи, бедный мой Коррадо. *(Жмет ему руку и уходит.)*

К о р р а д о. И все-таки я умру, но исполнив долг справедливости. Бедная, великодушная женщина! Сколько горя я нанес ей! Она любила благороднейшего человека, он поднял ее из той грязи, в которую я бросил ее... Но я, труп, мешал им, я стоял между ними... но труп не исчезнет, я похороню его. *(Вынимает медальон.)* Несколько капель из этого медальона — и довольно. Жалкие палачи! Вы снова хотите кормить меня горьким хлебом тюрьмы, чтобы продлить муку этих двух сердец?.. Нет, я выпью... и усну. *(Останавливаясь.)* Но дочь моя?.. Ну, что ж! Я внушаю ей отвращение... Хорошо и это: она не будет плакать о моей смерти.

Входит Э м м а.

Ах, она! Сам бог послал ее.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К о р р а д о и Э м м а.

Э м м а. Опять он здесь! *(Хочет уйти.)*

К о р р а д о. Нет, не бегите от меня, мне так нужно поговорить с вами.

Э м м а. Говорить со мной? Все вам говорить со мной!

К о р р а д о. В последний раз.

Э м м а. Вы уезжаете?

К о р р а д о. Да, завтра вы меня не увидите, это вам будет приятно?

Э м м а. Немножко, потому что...

К о р р а д о. Потому что я вас пугаю... Я знаю... Но разве вы не видите во мне перемены? Не смирнее ли я? Не стал ли я нежнее с вами? Если вы и теперь

меня боитесь, я стану перед вами на колени. *(Становится на колени.)*

Э м м а. Ах, нет, этого не надо!

К о р р а д о. Хотите, чтоб я встал? Я слаб, помогите мне, дайте мне руку...

Э м м а *(подавая ему руку)*. Ах, бедный... *(Замечает на его руках следы цепей.)* Что это? Ваши руки были ушиблены? Ах! Может быть... Боже мой... Вы были в кандалах?

Коррадо садится на стул.

Вас осудили? За что?.. Нет, не говорите! И зачем я вас спрашиваю! Не сердитесь!.. Вы плачете... Ах, я теперь не боюсь вас, а мне вас жалко... Несчастный!.. Если вы теперь найдете вашу Аду...

К о р р а д о. Я уж не найду ее, она умерла.

Э м м а. Вам дурно? Боже мой! Как вы побледнели! Я вас обидела? Я не хотела вас обидеть... Вы очень страдаете; не позвать ли кого?

К о р р а д о. Нет... Смотрите! *(Показывает ей медальон.)* В этом медальоне есть лекарство, которое меня вылечит.

Э м м а. Не могу ли я чем помочь вам?

К о р р а д о. Вы? О нет... Если уж вы так добры, вы лучше повернитесь в ту сторону и помолитесь за меня.

Э м м а. Да, я помолюсь за вас. *(Складывает руки.)*

В это время Коррадо прикладывает медальон к губам, потом, оставив его на столе, подходит к Эмме.

К о р р а д о. Благодарю вас... мне теперь лучше...

Э м м а. Я очень рада, если это правда; я с таким чувством молилась о вас... Видите, я плачу... Вы как будто затем и пришли сюда, чтоб заставить всех плакать.

К о р р а д о. Я?

Э м м а. Да, и отец и Розалия такие скучные с самого вашего приезда.

К о р р а д о. А между тем я пришел сюда затем, чтоб сделать всех счастливыми... чтоб оставить по себе добрую память.

Э м м а. Вы уезжаете: странно что-то! Мне кажется, будто и Розалия задумала уехать, покинуть меня.

К о р р а д о. Она вам сказала?

Э м м а. Нет; но сейчас она обнимала меня и плакала, как будто прощалась со мной надолго.

К о р р а д о. Вы ошиблись. Оставить вас? Зачем? А вы жалели бы об ней?

Э м м а. Очень жалела бы.

К о р р а д о. Значит, вы очень любите бедную Розалию?

Э м м а. Как родную мать.

К о р р а д о. А если б она действительно была вашей матерью, вы бы обрадовались?

Э м м а. Я бы очень обрадовалась. Знаете ли, в душе моей что-то говорит мне, что такое счастье возможно для меня. Сколько раз я видела это во сне... Мне снилось, что отец и Розалия обвенчаны тайно... вот что!

К о р р а д о *(подумав)*. А если то, что вы видели во сне, правда?

Э м м а *(с удивлением)*. Что вы говорите, Коррадо?

К о р р а д о. Вот зачем я пришел сюда, дитя мое. Я пришел сказать, что несправедливо так долго обманывать вас, что напрасно вы устремляете свои глаза на небо и ищете там свою мать, когда она так давно живет с вами в этом доме...

Э м м а. Розалия?

К о р р а д о. Да, вот память, которую я хотел оставить по себе.

Э м м а. Розалия моя мать? Но не сон ли это опять? Ах, если это правда, благодарю вас, друг мой! Но где же Розалия? Не ушла ли она, не покинула ли меня? Где мой отец? *(Бежит к дверям.)* Ах, подите, подите сюда!

Входят П а л ь м ь е р и и Р о з а л и я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К о р р а д о, Э м м а, П а л ь м ь е р и, Р о з а л и я.

Р о з а л и я. Что вам, Эмма?

П а л ь м ь е р и. Коррадо?

Э м м а *(к Пальмьери)*. Скажи мне, правда ли то, что говорит Коррадо? Моя мать не умерла! *(Розалии.)* Говорите и вы, выньте у меня занозу из сердца. Вы ли, ты ли моя мать?

Р о з а л и я *(с ужасом)*. Ах!

П а л ь м ь е р и. Как! Вы ей сказали?

Коррадо. Успокойтесь! Я сказал ей, что вас соединяют с Розалией законные узы.

Пальмьери. Каким образом?

Коррадо. Простите, что я открыл вашу тайну! Но я должен был поступить так в эту торжественную минуту, когда препятствие к объявлению вашего брака исчезает навсегда.

Розалия *(в ужасе)*. Исчезает?

Пальмьери. Коррадо, что вы сделали?

Коррадо. Я рассудил о том, что видел и слышал.

Пальмьери. Если я вас понял, я боюсь...

Коррадо. Вы все еще боитесь, милая девушка, что вас обманут? *(Берет ее за руку.)* Пойдемте, я вас соединю с вашей матерью и полюбуюсь на вас.

Эмма. Сон мой сбывается.

Розалия *(все еще в ужасе)*. О дочь моя!

Коррадо едва может стоять, шатаясь подходит к стулу и садится.

Коррадо!

Эмма. Ему дурно...

Пальмьери *(подходя к Коррадо)*. Он умирает.

Розалия. Умирает?

Эмма. Постойте! В этом медальоне лекарство, он пил из него, дайте ему еще!

Пальмьери *(взяв медальон)*. Это яд. Он отравился!

Розалия. Боже мой!

Эмма. Отравился?

Розалия. Поскорей! Какое-нибудь средство...

Пальмьери. Никакого... уж поздно.

Коррадо *(повторяет машинально)*. Никакого. *(Как бы в бреду.)* Бедная женщина! Благородный человек!.. Они заслуживают счастья, награды... и получат ее от меня.

Розалия. Я виновата, мое признание сделало его самоубийцей...

Пальмьери. Он для нас пожертвовал своей жизнью!

Коррадо *(в бреду)*. Вы говорите, что пришли меня взять? А! Доносчик... негодяй! Безумные! Живой труп теряет движение... я добил его... Ах, Ада! Ада!

Розалия *(про себя)*. Он зовет дочь... *(Эмме.)* Ему представляется, что ты его дочь... Подойди к нему... назови его отцом... тогда он умрет спокойно.

Эмма. Ах, да! *(Подходит к Коррадо и положив ему руку на плечо.)* Отец, отец мой! Посмотри на свою Аду!

Коррадо *(как бы проснувшись)*. Ада? *(Встает, обнимает ее. Делает знак Пальмьери и Розалии, чтобы они подошли, отдает им Эмму, падая на стул.)* Нет, ты Эмма! *(Умирает.)*

Розалия и Эмма с криком бросаются к нему.

Комедия
в трех актах,
в прозе,
К. ГОЛЬДОНИ
Перевод
с итальянского

КОФЕЙНАЯ

LA BOTTEGA DEL CAFFÈ

ЛИЦА:

РИДОЛЬФО,
содержатель кофейной.

ДОН МАРЦИО,
неаполитанский дворянин.

ЭУДЖЕНИО,
купец.

ФЛАМИНИО,
под именем графа Леандро.

ПЛАЧИДА,
жена Фламинио.

ВИТТОРИЯ,
жена Эудженио.

ЛИЗАУРА,
танцовщица.

ПАНДОЛЬФО,
содержатель игорного дома.

ТРАППОЛА,
слуга Ридольфо.

СЛУГА ПАРИКМАХЕРА.

ДРУГОЙ СЛУГА
из кофейной.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ СЫЩИК.

СЛУГИ ГОСТИНИЦЫ }
СЛУГИ КОФЕЙНОЙ } *без речей.*

Сцена представляет широкую улицу в Венеции; на заднем плане три лавочки: средняя — кофейная, направо — парикмахерская, налево — игорная; над лавками комнаты, принадлежащие нижней лавке, с окнами на улицу; справа, ближе к зрителям (через улицу), дом танцовщицы, слева гостиница.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ридольфо, Траппола и другие слуги.

Ридольфо. Будьте бодрей, ребята, будьте проворнее, служите гостям прилично и учтиво. Слава заведения много зависит от хорошей прислуги.

Траппола. Надо сказать правду, хозяин: вставать так рано мне не по комплекции.

Ридольфо. А все-таки нужно. Кто ж служить будет? К нам рано народ заходит: лодочники, моряки, ну и все, кто себе утром хлеб добывает.

Траппола. Посмотришь, как эти носильщики усядутся кофе кушать, так, право, умрешь со смеху.

Ридольфо. На все мода: иной раз водка в моде, другой раз кофе.

Траппола. Та синьора, которой я ношу каждое утро кофе, всякий раз просит меня купить ей на четыре сольда [1] дров, а все-таки пьет кофе.

Ридольфо. Что делать-то! Роскошь такой порок, который никогда не выведется.

Траппола. Покуда еще не видать никого, можно бы и соснуть часок-другой.

Ридольфо. А вот сейчас и народ будет, теперь уж не рано. Да разве вы не видите? Парикмахер уж отпер, и в лавке работают уж парики. Смотри, и игорная лавочка тоже открыта.

Траппола. Она уж давно открыта. Там торговля ночная.

Ридольфо. Да! Пандольфо наживается.

Траппола. Этой собаке от всего пожива: барыш от карт, барыш от плутовства, барыш от того, что

---

[1] Сольдо (су) — почти копейка серебром. *(Прим. пер.)*

в доле с мошенниками. Кто к нему ни зайдет, все деньги там и оставит.

Р и д о л ь ф о. Не завидуй этим барышам! Чужое добро прахом пойдет.

Т р а п п о л а. Бедный синьор Эудженио! Его там ловко обчистили.

Р и д о л ь ф о. Ну, вот тоже, есть ли совесть у этого человека? У него жена — молодая женщина, красивая, умная, а он бегает за всякой юбкой, да, кроме того, играет напропалую.

Т р а п п о л а. Что ж такое! Это называется: маленькие шалости.

Р и д о л ь ф о. Играет с этим графом Леандро и проигрывает ему наверное.

Т р а п п о л а. Да, про этого графа грех сказать что-нибудь хорошее.

Р и д о л ь ф о. Ну, ступайте молоть кофе да сварите свежего.

Т р а п п о л а. А вчерашний-то куда же?

Р и д о л ь ф о. Нет, сварите получше.

Т р а п п о л а. Хозяин, у меня что-то память плоха: вы давно ль кофейную-то открыли?

Р и д о л ь ф о. Сам знаешь. Месяцев восемь.

Т р а п п о л а. Так уж пора и перемениться.

Р и д о л ь ф о. Что ты! Как перемениться?

Т р а п п о л а. Снова во всякой кофейной кофей отличный, а месяцев через шесть и вода похолоднее, и кофей пожиже. *(Уходит.)*

Р и д о л ь ф о. Он шутник. Ну что ж, это нехудо: где заведется веселый малый, туда и народ идет.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Р и д о л ь ф о и П а н д о л ь ф о (выходит из игорной лавки, протирая глаза, как будто со сна).

Р и д о л ь ф о. Синьор Пандольфо, хотите кофею?

П а н д о л ь ф о. Да, с удовольствием.

Р и д о л ь ф о. Мальчики, подайте кофею синьору Пандольфо! Прошу садиться.

П а н д о л ь ф о. Нет, нет, мне поскорей выпить да и опять за работу.

Мальчик подает кофе Пандольфо.

Р и д о л ь ф о. У вас играют?

Пандольфо. На два стола.
Ридольфо. Что так рано?
Пандольфо. Да еще со вчерашнего вечера.
Ридольфо. А в какую игру?
Пандольфо. В самую невинную, в фараон.
Ридольфо. Как идет игра?
Пандольфо. Для меня-то недурно.
Ридольфо. Разве вы тоже играете?
Пандольфо. Да, я тоже немножко схватил.
Ридольфо. Послушайте, мой друг: конечно, это не мое дело, но хозяину играть не годится; проиграете вы — будут смеяться; выиграете — будут подозревать вас.
Пандольфо. Мне только б не смеялись; а подозревать, пусть подозревают сколько угодно: мне это все равно.
Ридольфо. Любезнейший друг, жаль мне вас. С вашим ремеслом и до тюрьмы недалеко.
Пандольфо. Я за большим не гонюсь. Выиграл два цехина, с меня и довольно.
Ридольфо. Браво! Это значит: щипать перепелку понемножку, чтобы не закричала. У кого вы выиграли?
Пандольфо. У приказчика от золотых дел мастера.
Ридольфо. Худо, очень худо! Вы выиграли краденые деньги,— приказчики воруют у хозяев.
Пандольфо. Ах, не учите меня, пожалуйста! Кто глуп, сиди дома. У меня игра для всех, играй, кто хочет. Плутовства у меня нет; я умею играть, я счастлив, оттого я и выигрываю.
Ридольфо. Браво! И вперед так делайте! Синьор Эудженио играл?
Пандольфо. И теперь играет. Не ужинал, не спал и проиграл все деньги.
Ридольфо. Бедный молодой человек! Сколько он проиграл?
Пандольфо. Сто цехинов[1] наличными, а теперь проигрывает на слово.
Ридольфо. А с кем играет?
Пандольфо. С графом.
Ридольфо. С этим-то?

[1] Zechino — цехин, золотая монета около 3 руб. сер. *(Прим. пер.)*

Пандольфо. Да, с этим.

Ридольфо. А еще с кем?

Пандольфо. Только вдвоем, с глазу на глаз.

Ридольфо. Бедненький! Он еще новичок.

Пандольфо. А мне-то что за дело! Переменят много карт, вот мне и барыш.

Ридольфо. Мне кажется, что честный человек не должен допускать, чтоб в его глазах людей резали.

Пандольфо. Ну, друг, с такой деликатностью не много денег наживете.

Ридольфо. Да и не надо. Я до сих пор делал свое дело честно. Я поднялся с четырех сольдов и, с помощью своего хозяина, покойного отца синьора Эудженио, как вы знаете, открыл эту лавочку и хочу жить честно и не испортить своей торговли.

Пандольфо. Ну, и в этой торговле тоже плутни бывают.

Ридольфо. Как не быть, везде есть. Но такие кофейные не посещают порядочные люди, а мою — постоянно.

Пандольфо. Однако и у вас есть секретные комнаты.

Ридольфо. Правда; только они не запираются.

Пандольфо. И кофей тоже подаете всякому.

Ридольфо. К чашкам не пристает.

Пандольфо. Ну да, вы новичок, невинность.

Ридольфо. Что вы хотите сказать?

Голос из игорной лавки: «Карт!»

Пандольфо. Сейчас!

Ридольфо. Сделайте милость, вытащите из-за стола бедного синьора Эудженио.

Пандольфо. Да проиграй он хоть рубашку, мне-то что за дело? *(Идет к лавке.)*

Ридольфо. Друг, а за кофей-то записать, что ли?

Пандольфо. Нет, сыграемся в карты.

Ридольфо. Что я за дурак!

Пандольфо. Ну, что вам стоит? Сами знаете, что от моих гостей вашей лавке польза. Мне удивительно, что вы обращаете внимание на такие пустяки. *(Уходит.)*

Входит дон Марцио.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Дон Марцио и Ридольфо.

Ридольфо *(про себя)*. Вот и разговорщик пришел.
Д. Марцио. Кофею!
Ридольфо. Сейчас подадут.
Д. Марцио. Что нового, Ридольфо?
Ридольфо. Не знаю, синьор.
Д. Марцио. Разве у вас еще никто не был?
Ридольфо. Да еще рано.
Д. Марцио. Рано? Шестнадцать часов пробило [1].
Ридольфо. Нет, синьор, еще четырнадцати не било.
Д. Марцио. Ну, полно ты, шут!
Ридольфо. Я вас уверяю, что еще четырнадцати не било.
Д. Марцио. Поди, осел.
Ридольфо. Вы бранитесь понапрасну.
Д. Марцио. Я сам считал и говорю тебе, что шестнадцать. Ну, вот гляди часы, они никогда не врут. *(Показывает свои часы.)*
Ридольфо. Коли ваши часы не врут, так поглядите: и на них тринадцать и три четверти.
Д. Марцио. Да не может быть. *(Смотрит на часы.)*
Ридольфо. Что скажете?
Д. Марцио. Они врут. Теперь шестнадцать часов. Я сам слышал.
Ридольфо. Где вы купили часы?
Д. Марцио. Я их выписал из Лондона.
Ридольфо. Как вас обманули!
Д. Марцио. Меня обманули? Чем?
Ридольфо. Прислали дурные часы.
Д. Марцио. Как дурные? Эти часы из лучших, какие только делает Кваре.
Ридольфо. Если б они были хороши, так не отставали бы на два часа.
Д. Марцио. Они идут хорошо и нисколько не отстают.
Ридольфо. Но ведь на них четырнадцать без четверти, а вы говорите, что теперь шестнадцать.
Д. Марцио. Мои часы верны.
Ридольфо. Так, значит, теперь четырнадцать, как я говорю.

---

[1] Итальянцы считают до 24 часов, начиная с вечера, с «Ave Maria». *(Прим. пер.)*

Д. Марцио. Ты дерзок. Мои часы идут хорошо, а ты врешь, и берегись, чтоб я тебе не пустил чего-нибудь в голову.

Мальчик приносит кофе.

Ридольфо. Кофей готов. *(Про себя.)* О животное!
Д. Марцио. Что, синьор Эудженио не показывался?
Ридольфо. Нет еще, синьор.
Д. Марцио. Все бы ему сидеть дома да с женой нежничать. Какой женолюбивый человек! Только ему жена да жена. Не увидишь его нигде,— людей смешит. Скучный человек. Ничего знать не хочет. Все с женой, все с женой. *(Пьет кофе.)*
Ридольфо. Совсем не с женой! Он всю ночь играл здесь, у Пандольфо.
Д. Марцио. И я то же говорю. Все игра! Все игра! *(Отдает чашку и встает.)* Вчера заходил ко мне секретнейшим образом и просил дать ему десять цехинов под залог жениных серег.
Ридольфо. Рассудите: у всякого может быть нужда; но кому же приятно, чтобы об этом все узнали, потому и обращаются к таким людям, которые об этом никому не рассказывают.
Д. Марцио. О! Я не рассказываю. Я готов служить всякому и не хвалюсь этим. Вот они, серьги его жены. Я дал ему под залог десять цехинов: как ты думаешь, стоят? *(Показывает серьги в коробочке.)*
Ридольфо. Я в этом деле не понимаю; но, мне кажется, стоят.
Д. Марцио. Твой мальчик дома?
Ридольфо. Да, дома.
Д. Марцио. Позови его! Эй, Траппола!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Траппола (в лавке) и те же.

Траппола. Я здесь!
Д. Марцио. Поди сюда! Сходи к соседнему бриллиантщику, покажи ему эти серьги — это серьги жены синьора Эудженио — и спроси его от меня, стоят ли они десяти цехинов, которые я дал за них под залог.
Траппола. Я сейчас. Так это серьги жены синьора Эудженио?

Д. М а р ц и о. Да, у него теперь ничего нет, с голоду умирает.

Т р а п п о л а. И синьор Эудженио так уж всем и рассказывает про свои дела?

Д. М а р ц и о. Я такой человек, что мне можно поверить всякую тайну.

Т р а п п о л а. Ну, а я такой человек, что мне нельзя поверить ничего.

Д. М а р ц и о. Отчего?

Т р а п п о л а. Оттого, что у меня есть такой порок, что я все рассказываю очень свободно.

Д. М а р ц и о. Дурно, очень дурно. Будешь много болтать, так тебе доверять ничего не станут.

Т р а п п о л а. Вы же мне сказали, ну, и я могу сказать кому-нибудь.

Д. М а р ц и о. Поди посмотри, свободен ли цирюльник.

Т р а п п о л а. Сейчас. *(Про себя.)* Выпьет на десять кватринов[1] кофею, да и чтоб лакей ему был за те же деньги. *(Уходит к цирюльнику.)*

Д. М а р ц и о. Скажи мне, Ридольфо, что делает эта танцовщица, ваша соседка?

Р и д о л ь ф о. Право, не знаю.

Д. М а р ц и о. Мне говорили, что ее содержит граф Леандро.

Р и д о л ь ф о. Синьор, у меня кофей закипает. *(Уходит в лавку.)*

Входит Т р а п п о л а.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Т р а п п о л а и д о н М а р ц и о.

Т р а п п о л а. У цирюльника руки заняты; и сейчас, как только он этого обделает, за вашу милость, синьор, примется.

Д. М а р ц и о. Скажи мне, ты ничего не знаешь про соседку, танцовщицу?

Т р а п п о л а. Про синьору Лизауру?

Д. М а р ц и о. Да.

Т р а п п о л а. И знаю и не знаю.

Д. М а р ц и о. Расскажи мне что-нибудь.

Т р а п п о л а. Буду много болтать про чужие дела, мне ничего доверять не станут.

---

[1] Q u a t t r i n o — мелкая монета, почти 1/4 копейки. *(Прим. пер.)*

Д. Марцио. Мне сказать можно. Ты знаешь, что я не болтлив. Граф Леандро у ней бывает?

Траппола. Бывает в известные часы.

Д. Марцио. Что значит «в известные часы»?

Траппола. Значит, выбирает такое время, чтоб не подать подозрения.

Д. Марцио. Да, да, понимаю. Он человек с добрым сердцем и не хочет подвергать ее пересудам.

Траппола. Да чтоб и не мешать ей; потому что от ее дорогого промысла и сам пользуется.

Д. Марцио. Еще лучше! Ох, какой ты злой! Ступай скорее, покажи серьги.

Траппола. Бриллиантщику можно сказать, что это серьги жены синьора Эудженио?

Д. Марцио. Да, так и скажи.

Траппола *(про себя)*. У нас с дон Марцио секреты отличные. *(Уходит.)*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Дон Марцио, потом Ридольфо.

Д. Марцио. Ридольфо!

Ридольфо. Синьор!

Д. Марцио. Если ты ничего не знаешь про танцовщицу, то я расскажу тебе.

Ридольфо. Я, сказать вам правду, о чужих делах не думаю.

Д. Марцио. Некоторые вещи не мешает знать для соображения. Она находится под покровительством графа Леандро, а он из ее доходов получает от нее плату за свое покровительство. Он не тратится на нее, а сам ее, бедную, обирает; и, по милости его, она принуждена делать то, чего не следует. Вот разбойник!

Ридольфо. Но я здесь целый день и могу вас уверить, что, кроме графа Леандро, к ней никто не ходит.

Д. Марцио. Есть задняя дверь, глупый, глупый. Там всегда прилив и отлив. Задняя дверь есть, глупый.

Ридольфо. У меня своя забота об лавке; есть у ней задняя дверь или нет — какое мне дело! Что мне в чужие дела свой нос совать!

Д. Марцио. Животное! С кем ты разговариваешь? *(Встает.)*

Ридольфо. Извините, не лгать же мне для вас.

Д. Марцио. Подай стакан розолио!

Ридольфо *(про себя)*. Этот разговор обойдется мне в два сольда. *(Дает знак мальчикам, чтоб подали розолио.)*

Д. Марцио *(про себя)*. Я про танцовщицу всем расскажу, чтоб ее знали.

Ридольфо. Розолио подано!

Д. Марцио. Прилив и отлив через заднюю дверь. *(Пьет розолио.)*

Из игорной лавки входит Эудженио, небрежно одетый и расстроенный.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Эудженио и те же.

Д. Марцио. Ваш слуга, синьор Эудженио.

Эудженио. Который час?

Д. Марцио. Шестнадцать пробило.

Эудженио. Кофею!

Ридольфо. Сейчас подадут. *(Уходит в лавку.)*

Д. Марцио. Как дела, друг?

Эудженио *(не замечая его)*. Кофею!

Ридольфо *(издали)*. Сейчас!

Д. Марцио. Проигрались?

Эудженио *(громко)*. Кофею!

Д. Марцио *(про себя)*. Понимаю, весь проигрался. *(Садится.)*

Пандольфо выходит из игорной лавки.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Пандольфо и те же.

Пандольфо. Синьор Эудженио, одно слово. *(Отходит к стороне)*.

Эудженио. Я знаю, что вы хотите сказать. Я проиграл тридцать цехинов на́ слово. Я честный человек, отдам.

Пандольфо. Но граф ждет. Он боится, что его деньги пропадут, и хочет, чтобы вы их заплатили.

Д. Марцио *(про себя)*. Дорого бы я дал, чтобы послушать, что они говорят.

Ридольфо. Ваш кофей.

Эудженио. Подите! *(К Пандольфо.)* Я проиграл ему

сто цехинов чистыми деньгами; недаром он ночь-то просидел.

П а н д о л ь ф о. Разве игроки так говорят? Вы, синьор, сами лучше меня знаете правила игры.

Р и д о л ь ф о. Синьор, кофей простынет.

Э у д ж е н и о. Оставьте меня в покое.

Р и д о л ь ф о. Если вам неугодно...

Э у д ж е н и о. Подите прочь!

Р и д о л ь ф о. Я сам выпью. *(Берет кофе.)*

Д. М а р ц и о *(к Ридольфо)*. Что говорят?

Ридольфо не отвечает.

Э у д ж е н и о. Да, я знаю, что проигрыш платят; но коли нечем, так заплатить нельзя.

П а н д о л ь ф о. Послушайте, чтобы спасти вашу репутацию, я могу найти вам тридцать цехинов.

Э у д ж е н и о. Отлично! *(Кричит.)* Кофею!

Р и д о л ь ф о. Нужно его приготовить.

Э у д ж е н и о. Три часа я прошу кофею, а у вас еще не готов.

Р и д о л ь ф о. Я уж подавал, да вы меня прогнали.

Э у д ж е н и о. Скажите, пожалуйста, дадите вы мне кофею или нет? Да ну, поскорее!

Р и д о л ь ф о. Как будет готово, так и подам. *(Уходит.)*

Э у д ж е н и о *(к Пандольфо)*. Душа моя, Пандольфо, найдите мне тридцать цехинов!

П а н д о л ь ф о. У меня есть друг, который даст, пожалуй; но нужно залог и проценты.

Э у д ж е н и о. Залог само собою. У меня на Риальто есть товар, как вам известно, он пойдет в обеспечение; когда продам, заплачу.

Д. М а р ц и о *(про себя)*. Заплачу. Сказал, заплачу. Проиграл нá слово.

П а н д о л ь ф о. Хорошо; а какие проценты?

Э у д ж е н и о. Сделайтесь сами, только повыгоднее.

П а н д о л ь ф о. Послушайте, меньше цехина в неделю нельзя.

Э у д ж е н и о. Цехин в неделю!

Р и д о л ь ф о *(подает кофе)*. Вот вам кофей!

Э у д ж е н и о. Подите вы!

Р и д о л ь ф о. Опять то же.

Э у д ж е н и о. Цехин в неделю.

П а н д о л ь ф о. На тридцать цехинов это немного.

Р и д о л ь ф о. Хотите или не хотите?

Эудженио. Отойдите, пока я вам в лицо не выплеснул.

Ридольфо *(про себя)*. Он уж, бедный, запьянел от игры. *(Уносит кофе в лавку.)*

Д. Марцио *(встает и подходит к Эудженио)*. Синьор Эудженио, у вас какой-то спор? Хотите, я разберу?

Эудженио. Нет, синьор дон Марцио; прошу вас, оставьте меня.

Д. Марцио. Если что нужно, приказывайте.

Эудженио. Мне ничего не нужно.

Д. Марцио. Господин Пандольфо, что у вас за дела с синьором Эудженио?

Пандольфо. Маленькое дельце, которое мы не желаем делать известным всему свету.

Д. Марцио. Я друг синьора Эудженио, знаю все дела его, и он знает, что я никому про них не рассказываю. Я дал ему десять цехинов под залог серег, не правда ли? И никому про них не сказывал.

Эудженио. Вы могли бы и теперь никому не говорить.

Д. Марцио. О! С господином Пандольфо можно говорить свободно. Вы проиграли нá слово? Не имеете ли нужды в деньгах? Я здесь.

Эудженио. Да, я проиграл нá слово тридцать цехинов.

Д. Марцио. Тридцать цехинов да десять, которые я вам дал, будет сорок; серьги этого не стоят.

Пандольфо. Я достану тридцать цехинов.

Д. Марцио. Браво! Доставайте уж сорок; мне отдадите десять, а я вам серьги.

Эудженио *(про себя)*. Будь я проклят, что я с ним связался!

Д. Марцио. Отчего ж бы вам не взять тех денег, которые предлагает Пандольфо?

Эудженио. Потому что он просит цехин в неделю.

Пандольфо. Мне ничего не нужно; приятель мой дает деньги на таких условиях.

Эудженио. Слушайте, вот что: переговорите с графом, скажите ему, чтобы он дал мне сроку на двадцать четыре часа: я честный человек, заплачу.

Пандольфо. Я боюсь, что ему скоро нужно ехать и что он потребует деньги сейчас.

Эудженио. Если бы продать один или два куска парчи, я бы расквитался.

Пандольфо. Хотите, я пойду поищу покупателя?

Эудженио. Да, мой друг, сделайте милость, я вам заплачу за вашу услугу.

Пандольфо. Я только скажу одно слово графу и сейчас же пойду. *(Уходит в игорную лавку.)*

Д. Марцио. Много вы проиграли?

Эудженио. Сто цехинов я ему заплатил да тридцать должен.

Д. Марцио. Отдайте-ка мне десять-то цехинов, которые взяли.

Эудженио. Да не добивайте же меня; я вам заплачу ваши десять цехинов.

Пандольфо *(в шляпе и пальто, из лавки)*. Граф заснул, положа голову на стол; я покуда пойду посмотрю, нельзя ли чего сделать для вас. Если проснется, я велел мальчику объяснить ему все дело. Вы не уйдете отсюда?

Эудженио. Я буду ждать на этом самом месте.

Пандольфо *(про себя)*. Плащ-то старенек; кажется, теперь можно будет купить новенький. *(Уходит.)*

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Дон Марцио, Эудженио, потом Ридольфо.

Д. Марцио. Подите сюда, садитесь, выпьем кофею.

Эудженио. Кофею!

Садятся.

Ридольфо. Что за шутки, синьор Эудженио! Вам угодно тешиться надо мной?

Эудженио. Друг мой, пожалейте меня, я так ветрен.

Ридольфо. Ах, мой дорогой синьор Эудженио! Если б вы меня слушали, не были бы в таком положении.

Эудженио. Вы правы, что говорить.

Ридольфо. Пойду приготовлю вам кофею, потом потолкуем. *(Уходит в лавку.)*

Д. Марцио. Знали вы эту скромную танцовщицу? Граф ее содержит.

Эудженио. Что ж ему не содержать, он выигрывает цехины сотнями.

Д. Марцио. Я узнал все.

Эудженио. Как же это вы узнали?

Д. Марцио. О, я все знаю! Мне все известно. Знаю, когда приходит, когда уходит, сколько денег тратит; все знаю.

Эудженио. Граф у нее один?

Д. Марцио. Ой, ой! Там есть другая, задняя, дверь.

Ридольфо *(с кофе)*. Вот вам в третий раз кофей.

Д. Марцио. Ну, Ридольфо, что скажешь? Знаю я эту танцовщицу или нет?

Ридольфо. Я вам опять скажу, что мне до этого дела нет.

Д. Марцио. Все на свете знать, на это я великий человек. Кто хочет знать, что делается у всех певиц и танцовщиц, иди ко мне.

Эудженио. Значит, эта танцовщица штука ловкая.

Д. Марцио. Я все разузнал. Она товар на всякий вкус. Ну, Ридольфо, знаю я ее?

Ридольфо. Если вы берете меня в свидетели, так я должен говорить правду. Все наши соседи считают ее хорошей женщиной.

Д. Марцио. Хорошей женщиной! Хорошей женщиной!

Ридольфо. И я говорю вам, что у нее никто не бывает.

Д. Марцио. В ту дверь ходят.

Эудженио. Да, она скорей похожа на девушку порядочную.

Д. Марцио. Порядочная! Граф Бонатеста содержит, да и посещают все, кому угодно.

Эудженио. Я пробовал несколько раз разговаривать с ней, ничего не вышло. Я каждый день здесь пью кофей, а еще не видывал, чтобы кто-нибудь приходил к ней.

Д. Марцио. Да разве вы не знаете, что у нее есть потаенная дверь с соседней улицы.

Эудженио. Ну, будь по-вашему.

Д. Марцио. Конечно.

Выходит мальчик из цирюльни.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Мальчик цирюльника и те же.

Мальчик. Сударь, если угодно бриться, пожалуйте: хозяин дожидается.

Д. Марцио. Иду. Все так, как я вам говорю. Я пойду

обреюсь и потом расскажу вам остальное. *(Идет к цирюльнику.)*

Э у д ж е н и о. Что скажете, Ридольфо? О танцовщице говорят дурно.

Р и д о л ь ф о. Вы верите синьору дон Марцио? Разве не знаете, каков у него язык?

Э у д ж е н и о. Я знаю, что у него язык как бритва; но он говорит так свободно, что поневоле подумаешь, что он говорит правду.

Р и д о л ь ф о. Посмотрите, вот дверь из переулка. Отсюда ее видно, и я клянусь вам, как честный человек, что в эту дверь никто не ходит.

Э у д ж е н и о. Но граф ее содержит?

Р и д о л ь ф о. Граф бывает у нее; но говорят, что он хочет на ней жениться.

Э у д ж е н и о. Да если так, дурного ничего нет; но дон Марцио говорил, что к ней все ходят.

Р и д о л ь ф о. А я говорю, что никто не ходит.

Д. М а р ц и о *(из лавки, намыленный и с салфеткой на шее)*. Я говорю вам — через заднюю дверь.

М а л ь ч и к. Сударь, вода простынет.

Д. М а р ц и о. В ту дверь. *(Уходит.)*

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Э у д ж е н и о и Р и д о л ь ф о.

Р и д о л ь ф о. Вот он! Помешанный вышел.

Э у д ж е н и о. Не знаю, как это он все только о чужих делах разговаривает.

Р и д о л ь ф о. Я вам скажу: ума у него нет, своего дела тоже мало; вот о других и думает.

Э у д ж е н и о. Да, не знать бы его совсем — большое счастие.

Р и д о л ь ф о. Зачем же вы с ним связываетесь, синьор Эудженио? Разве не у кого было вам взять десяти цехинов?

Э у д ж е н и о. И вы уж знаете?

Р и д о л ь ф о. Он здесь публично рассказывает.

Э у д ж е н и о. Любезный друг, вы знаете, как это бывает: в нужде ко всякому кинешься.

Р и д о л ь ф о. Вот и нынешним утром, судя по тому, что слышал, вы тоже кинулись неудачно.

Э у д ж е н и о. Вы думаете, что Пандольфо хочет меня обмануть?

Р и д о л ь ф о. Занятие-то у него такое, что от него всего ожидать можно.

Э у д ж е н и о. Но что же мне делать? Надо заплатить тридцать цехинов, которые я проиграл нá слово. Мне хочется освободиться от дон Марцио. Есть и другие нужды; если удастся продать два куска парчи, я устрою все дела.

Р и д о л ь ф о. Какого качества парча, которую вы хотите продать?

Э у д ж е н и о. Парча падуанская, стоит четырнадцать лир за фут.

Р и д о л ь ф о. Хотите, я продам ее без огласки?

Э у д ж е н и о. Буду очень обязан.

Р и д о л ь ф о. Дайте мне время и предоставьте действовать.

Э у д ж е н и о. Время? Охотно. Но граф ждет тридцати цехинов.

Р и д о л ь ф о. Подите сюда; дайте приказ, чтоб мне отпустили две штуки парчи, я вам выдам тридцать цехинов.

Э у д ж е н и о. Как я вам обязан, любезнейший друг! Я постараюсь вас отблагодарить.

Р и д о л ь ф о. Мне не нужно ничего. Я делаю это в память вашего отца, от которого я жить пошел. Видеть тяжело, как губят вас эти собаки.

Э у д ж е н и о. Вы очень хороший человек.

Р и д о л ь ф о. Пишите приказ.

Э у д ж е н и о. Говорите, что писать.

Р и д о л ь ф о. Как зовут вашего главного приказчика?

Э у д ж е н и о. Пасквино де Каволи.

Р и д о л ь ф о *(диктует Эудженио письмо)*. «Пасквино де Каволи... вручите господину Ридольфо Гамбони... два куска падуанской парчи... по его выбору, с тем чтобы он их продал за мой счет... так как он ссудил мне тридцать цехинов». Поставьте число и подпишите.

Э у д ж е н и о. Готово.

Р и д о л ь ф о. Вы мне доверяете?

Э у д ж е н и о. Ну вас! Вам неугодно, значит?

Р и д о л ь ф о. Ну, и я вам верю. Берите, вот тридцать цехинов! *(Отсчитывает ему тридцать цехинов.)*

Э у д ж е н и о. Как я вам благодарен!

Р и д о л ь ф о. Синьор Эудженио, я вам даю деньги, чтоб вы могли сдержать слово; но позвольте мне

сказать вам несколько слов по душе. Эта дорожка ведет к верному разорению. За потерей кредита всегда следует банкротство. Бросьте игру, бросьте дурное общество, займитесь торговлей, семейством и возьмитесь за ум. Я человек простой, сказал вам немного, но от доброго сердца. Если послушаетесь, вам же лучше будет. *(Уходит.)*

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Эудженио, потом Лизаура (у окна).

Эудженио. Говорит-то он правду, надо признаться. Что-то скажет бедная жена моя? Дома я не ночевал; сколько-то раз она гадать принималась? Когда мужа долго нет дома, чего-то жены не придумают, и одно хуже другого. Она, вероятно, думала, что я проводил время с другими женщинами, что упал в воду, что не иду домой потому, что скрываюсь от кредиторов. Я знаю, что она страдает от любви ко мне; я и сам ее люблю, но свобода мне дорога. Однако я вижу теперь, что от этой свободы мне больше худа, чем добра, и что если бы я жил так, как жене моей хочется, мои дела пошли бы гораздо лучше. Надо, наконец, опомниться и взяться за разум. В который раз я так говорю! *(Видит Лизауру у окна. Про себя: «Фу ты! Какой важный вид! Даже страх берет».)* Мое почтение, сударыня!

Лизаура. К вашим услугам.

Эудженио. Давно встали, синьора?

Лизаура. Сейчас только.

Эудженио. Кушали кофей?

Лизаура. Еще рано, не пила.

Эудженио. Угодно, я прикажу подать?

Лизаура. Благодарю. Не беспокойтесь.

Эудженио. Что за беспокойство! Мальчики, подайте синьоре кофею, шоколаду, всего, что ей угодно; я заплачу.

Лизаура. Благодарю, благодарю! И кофе, и шоколад я делаю дома.

Эудженио. Хорош у вас шоколад?

Лизаура. Отличный.

Эудженио. Вы умеете его готовить?

Лизаура. Моя горничная не мастерица.

Эудженио. Хотите, я приду поучу?

Лизаура. Напрасно беспокоитесь.

Э у д ж е н и о. Ну, приду пить с вами.

Л и з а у р а. Он не годится для вас, синьор.

Э у д ж е н и о. Я всяким буду доволен. Пустите меня к себе на часок.

Л и з а у р а. Извините, я не так легко это делаю.

Э у д ж е н и о. Скажите! Ну, хотите, я пройду через заднюю дверь?

Л и з а у р а. Кто у меня бывает, так ходят открыто.

Э у д ж е н и о. Пустите, не будем делать сцены.

Л и з а у р а. Скажите, сделайте одолжение, синьор Эудженио, вы не видали графа Леандро?

Э у д ж е н и о. Не видал.

Л и з а у р а. А может быть, вы играли с ним нынче ночью?

Э у д ж е н и о. Зачем же мне при всех разговаривать о наших делах: пустите, все расскажу.

Л и з а у р а. Я говорю вам, синьор, что не пускаю к себе никого.

Э у д ж е н и о. Может быть, нужно спросить позволение у графа? Я его позову.

Л и з а у р а. Если я спрашиваю, где граф, я имею на то свои причины.

Э у д ж е н и о. Я его вам сейчас найду. Он в игорной лавке, спит.

Л и з а у р а. А спит, так и оставьте его в покое.

Из игорной лавки выходит Л е а н д р о.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Л е а н д р о и т е ж е.

Л е а н д р о. Не сплю, нет, не сплю; я здесь и удивляюсь ловкости синьора Эудженио.

Э у д ж е н и о. А что вы скажете о скромности этой синьоры? Не пускает меня, да и только.

Л е а н д р о. За кого же вы ее принимаете?

Э у д ж е н и о. По словам дон Марцио, к ней доступ свободен.

Л е а н д р о. И дон Марцио лжет, и все, кто ему верит.

Э у д ж е н и о. Хорошо, положим так; но при вашей протекции не могу ли я иметь удовольствие посетить ее?

Л е а н д р о. Вы бы лучше отдали мне тридцать-то цехинов.

Э у д ж е н и о. Тридцать цехинов я отдам. На карточный долг есть сроку двадцать четыре часа.

Леандро. Видите, синьора Лизаура? Вот они каковы, эти господа! А еще честностью хвалятся! Ни одного сольда нет, а сбираются любезничать.

Эудженио. Такие молодые люди, как я, любезный граф, если начинают какое-нибудь дело, так всегда с уверенностью, что кончат его честно. Если б она пустила меня, она бы не потеряла времени даром, да и вы бы не остались без барыша. Вот деньги, вот тридцать цехинов; это вздор, который всегда можно найти, если нужно. Возьмите ваши тридцать цехинов и поучитесь разговаривать с благородными людьми. *(Уходит и садится в кофейной.)*

Леандро. Заплатил, так говори, что хочешь, мне и дела мало. Отоприте!

Лизаура. Где вы были всю ночь?

Леандро. Отоприте!

Лизаура. Убирайтесь к черту!

Леандро. Отоприте! *(Сыплет цехины в шляпу так, чтобы Лизаура их видела.)*

Лизаура. Ну, на этот раз уж пожалуй. *(Уходит и отпирает.)*

Леандро. Сжалились, благодаря этим кружочкам. *(Входит в дом.)*

Эудженио. Ему — да, а мне — нет. Не я буду, если не проберусь к ней.

Входит Плачида в платье пилигримки[1].

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Плачида, Эудженио.

Плачида. Милостыньку бедной пилигримке.

Эудженио. Вот еще! Нынче мода на пилигримок.

Плачида. Синьор, ради неба, дайте что-нибудь.

Эудженио. Что вы этим хотите сказать, синьора пилигримка? Вы этим занимаетесь для развлечения или с какой-нибудь целью?

Плачида. Ни то, ни другое.

Эудженио. Зачем же вы бродите по свету?

Плачида. По нужде.

Эудженио. По нужде в чем?

Плачида. Во всем.

Эудженио. И в компании также?

---

[1] Известный костюм: серая ряска с пелеринкой, веревочный пояс, длинный посох с крючком. *(Прим. пер.)*

Плачида. Не нуждалась бы я в компании, если б муж меня не бросил.

Эудженио. Обыкновенная песня. Муж меня бросил. Откуда вы родом, синьора?

Плачида. Из Пьемонта.

Эудженио. А муж ваш?

Плачида. Тоже пьемонтец.

Эудженио. Чем он там занимался?

Плачида. Был конторщиком у одного купца.

Эудженио. Зачем же он ушел?

Плачида. Не любил делом заниматься.

Эудженио. Эту болезнь я знаю, я и сам от нее еще не вылечился.

Плачида. Синьор, помогите мне, сделайте милость! Я только сейчас пришла в Венецию. Не знаю, куда деться, у меня нет знакомств, нет денег, я в отчаянии.

Эудженио. Зачем же вы пришли в Венецию?

Плачида. Посмотреть, не здесь ли этот противный человек.

Эудженио. Как его зовут?

Плачида. Фламинио Арденти.

Эудженио. Я не слыхал такого.

Плачида. Я боюсь, не переменил ли он имени.

Эудженио. Гуляя по городу, может быть, вы и встретите его, если он здесь.

Плачида. Как увидит меня, так и убежит.

Эудженио. А вы вот что сделайте. Теперь карнавал, наденьте маску, так скорей сыщете.

Плачида. Но как же мне это сделать? У меня нет ни провожатого, ни квартиры, где поместиться.

Эудженио *(про себя)*. А, понял. Кажется, и мне придется странствовать. *(Плачиде.)* Если хотите, вот хорошая гостиница.

Плачида. Как я пойду в гостиницу, когда мне нечем заплатить даже за ночлег?

Эудженио. Милая пилигримка, полдуката[1], если хотите, я вам могу дать.

Плачида. Благодарю за вашу милость. Но мне нужнее всяких денег ваша протекция.

Эудженио *(про себя)*. Видно, полдуката ей мало; еще чего-нибудь хочется.

Дон Марцио выходит от цирюльника.

---

[1] Большая серебряная монета, талер. *(Прим. пер.)*

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Дон Марцио и те же.

Д. Марцио *(про себя)*. Эудженио с пилигримкой! Что-нибудь да будет. *(Садится в кофейной и смотрит в лорнет.)*

Плачида. Сделайте милость, проводите меня в гостиницу; познакомьте меня с хозяином; а то если я войду одна, он или прогонит меня, или дурно обойдется со мной.

Эудженио. Извольте. Пойдемте. Хозяин меня знает и, из уважения ко мне, будет с вами учтив, как только можно.

Д. Марцио *(про себя)*. Кажется, я ее видал где-то. *(Смотрит в лорнет.)*

Плачида. Я вам всю жизнь буду обязана.

Эудженио. Когда могу, я готов сделать добро всякому. Если не найдете мужа, я буду вашим провожатым. У меня сердце доброе.

Д. Марцио *(про себя)*. Дорого бы я дал послушать, что они говорят.

Плачида. Синьор, ваше любезное предложение мне очень приятно. Но вы еще очень молоды, и я не стара, и мне не хотелось бы, чтоб ваше одолжение было перетолковано в дурную сторону.

Эудженио. Если обращать на это внимание, синьора, придется людям совсем отказаться от добрых дел.

Д. Марцио *(к Эудженио)*. Любезный друг, кто эта пилигримка?

Эудженио *(про себя)*. Уж он тут; везде ему нужно. *(Плачиде.)* Пойдемте в гостиницу.

Плачида. Пойдемте.

Уходят.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дон Марцио, потом Эудженио.

Д. Марцио. Ай да синьор Эудженио! Пропуску не дает никому, и пилигримке даже. Это, наверно, та самая, что была здесь в прошлом году. Я подозреваю, что она та самая, которая приходила каждый вечер в кофейную за милостыней. Но я ей не подавал.

У меня денег немного, и я хочу их тратить на что-нибудь другое, получше. Мальчики, не приходил еще Траппола? Не принес он серег, которые мне дал под залог за десять цехинов синьор Эудженио?

Эудженио выходит из гостиницы.

Эудженио. Что вы там обо мне толкуете?

Д. Марцио. Браво! За пилигримкой ходите.

Эудженио. Уж нельзя и помочь бедной женщине, которая нуждается?

Д. Марцио. Да, делайте добро. Какая бедняжка! Она с прошлого года до сих пор не найдет себе покровителя.

Эудженио. Как, с прошлого года? Вы ее знаете?

Д. Марцио. Знаю ли я? Еще бы! Я близорук, но память у меня хороша.

Эудженио. Скажите мне, любезный друг, кто она.

Д. Марцио. Она в прошлом году каждый вечер приходила в эту кофейную метать стрелы то в того, то в другого.

Эудженио. Но она говорит, что никогда не бывала в Венеции.

Д. Марцио. А вы ей верите? Простота!

Эудженио. Прошлогодняя-то откуда?

Д. Марцио. Из Милана.

Эудженио. А эта из Пьемонта.

Д. Марцио. Ах, да, правда! И та из Пьемонта.

Эудженио. Это жена Фламинио Ардента.

Д. Марцио. И у прошлогодней был какой-то, которого она выдавала за мужа.

Эудженио. С ней нет никого теперь.

Д. Марцио. Такова их жизнь; каждый месяц меняют.

Эудженио. Но как же вы можете сказать, что это та самая?

Д. Марцио. Да если я ее знаю.

Эудженио. Вы ее хорошо рассмотрели?

Д. Марцио. Мой лорнет не обманет; да и притом я слышал ее голос.

Эудженио. Как звали прошлогоднюю?

Д. Марцио. Имени не помню.

Эудженио. Эта Плачида.

Д. Марцио. Так точно; ее звали Плачида.

Эудженио. Если б я был уверен в том, что вы говорите, я бы с ней поговорил иначе.

Д. Марцио. Когда я говорю, так можете верить. Эта странница не гостиницы ищет, а гостей.

Эудженио. Подождите, я сейчас приду. *(Про себя.)* Пойду разузнаю правду. *(Уходит в гостиницу.)*

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Дон Марцио, потом Виттория (в маске).

Д. Марцио. Кроме ее, некому и быть: вид, рост, даже и платье, кажется, то же. Я ее хорошенько не видал в лицо, но это она; и потом, как только меня увидела, сейчас же спряталась в гостиницу.

Входит Виттория.

Виттория. Синьор дон Марцио, здравствуйте! *(Снимает маску.)*

Д. Марцио. Ах, синьора маска, покорнейший ваш слуга!

Виттория. Не видали ли моего мужа?

Д. Марцио. Да, синьора, видел.

Виттория. Не знаете ли, где он теперь?

Д. Марцио. Знаю отлично.

Виттория. Сделайте милость, скажите мне по-дружески.

Д. Марцио. Слушайте. *(Отводит ее в сторону.)* Он здесь, в этой гостинице, у одной из этих пилигримок; так, сволочь!

Виттория. Давно ли он там?

Д. Марцио. Только сейчас; пришла сюда эта пилигримка, он увидал ее, она ему понравилась, ну, он и пошел сейчас в гостиницу.

Виттория. Какой безрассудный человек! Он хочет совершенно погубить свою репутацию.

Д. Марцио. Прождали вы его сегодняшнюю ночку?

Виттория. Я боялась, не случилось ли с ним какого несчастья.

Д. Марцио. А разве это не несчастье: проиграть сто цехинов и тридцать на́ слово?

Виттория. И все эти деньги он проиграл?

Д. Марцио. Да! Больше проиграл. Играет и дни, и ночи, как разбойник.

Виттория. Несчастная я! У меня сердце разрывается.

Д. Марцио. Теперь принужден продавать чуть не даром несколько кусков парчи; ну, а потом и конец.

В и т т о р и я. Я надеюсь, что он не доведет себя до разорения.

Д. М а р ц и о. Да уж все заложено.

В и т т о р и я. Извините, неправда.

Д. М а р ц и о. И мне вы это говорите?

В и т т о р и я. Я его знаю лучше, чем вы.

Д. М а р ц и о. Да если он мне заложил... Довольно; я благородный человек, не хочу ничего больше рассказывать.

В и т т о р и я. Сделайте милость, скажите, что он заложил. Может быть, я не знаю.

Д. М а р ц и о. Подите, у вас муж отличный человек.

В и т т о р и я. Скажите мне, что он заложил?

Д. М а р ц и о. Я благородный человек и ничего вам не скажу.

Входит Т р а п п о л а с коробочкой, в которой серьги.

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Т р а п п о л а и т е ж е.

Т р а п п о л а. Вот и я здесь! Бриллиантщик говорит... *(Про себя.)* Ух! что я вижу! Жена синьора Эудженио: буду говорить потихоньку.

Д. М а р ц и о *(тихо, Трапполе)*. Ну, что же говорит бриллиантщик?

Т р а п п о л а *(тихо, к дон Марцио)*. Сказал, что за них заплачено больше десяти цехинов, но что теперь десяти не дадут.

Д. М а р ц и о. Значит, я своих не выручу?

Т р а п п о л а. Боюсь, что так.

Д. М а р ц и о. Угодно знать, какими плутнями занимается ваш муж? Он заложил мне эти серьги за десять цехинов, а они не стоят и шести.

В и т т о р и я. Это мои серьги.

Д. М а р ц и о. Отдайте десять цехинов и возьмите.

В и т т о р и я. Они стоят больше тридцати.

Д. М а р ц и о. Да, как же! Тридцать фиников разве! Вы тоже с ним заодно.

В и т т о р и я. Подержите их до завтра, я вам найду десять цехинов.

Д. М а р ц и о. До завтра? Ах, не смешите меня! Я пойду покажу их всем ювелирам в Венеции.

В и т т о р и я. Только, для сохранения моей репутации, не говорите, что они мои.

Д. М а р ц и о. Что мне за дело до вашей репутации! Кто не хочет, чтоб знали, не закладывай. *(Уходит.)*

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В и т т о р и я и Т р а п п о л а.

В и т т о р и я. Какой болтун! Невежда! Траппола, где твой хозяин?

Т р а п п о л а. Не знаю; я пойду в лавку.

В и т т о р и я. Мой муж играл всю ночь?

Т р а п п о л а. Где я его вчера оставил, там и нынче нашел.

В и т т о р и я. Проклятый порок! Он проиграл сто тридцать цехинов?

Т р а п п о л а. Говорят.

В и т т о р и я. А теперь он у иностранки?

Т р а п п о л а. Да, синьора, надо быть — у ней. Я несколько раз видал, как он ухаживал за ней с улицы,— проберется и в дом.

В и т т о р и я. Говорят, что эта иностранка недавно приехала?

Т р а п п о л а. Нет, синьора, уж с месяц.

В и т т о р и я. Она пелегрина?

Т р а п п о л а. Ох, синьора, вы ошиблись, потому что окончание у них одно: на «ина»; она — балерина.

В и т т о р и я. Она остановилась здесь, в гостинице?

Т р а п п о л а. Нет, синьора: в этом доме. *(Показывает дом.)*

В и т т о р и я. Здесь? А мне сказал дон Марцио, что он теперь в гостинице с пилигримкой.

Т р а п п о л а. Отлично! Еще и пилигримка!

В и т т о р и я. Кроме пилигримки еще и танцовщица? Одна здесь, другая там?

Т р а п п о л а. Да, синьора, куда ветер подует, туда и он плывет.

В и т т о р и я. И он постоянно ведет такую жизнь? И я это терплю? Позволяю ему обижать себя? Нет, я вперед глупа не буду, не стану потакать ему. Поговорю с ним хорошенько; а если слов не послушает, я и в суд пойду.

Т р а п п о л а. Правда, правда. Да вот он выходит из гостиницы.

Виттория. Любезный друг, оставь меня.

Траппола. Извольте, как вам угодно. *(Входит в лавку.)*

Эудженио выходит из гостиницы.

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

Виттория и Эудженио.

Виттория. Вот я его удивлю-то. *(Надевает маску.)*

Эудженио. Не знаю, что и сказать: она не признается, а он уверяет. У дон Марцио злой язык; да и этим дамам-странницам верить нельзя. Маска! Вот кстати! Вы немы? Хотите кофею? Хотите чего-нибудь другого? Приказывайте.

Виттория. Мне не кофею нужно, а хлеба. *(Снимает маску.)*

Эудженио. Как! Что ты здесь делаешь?

Виттория. Меня отчаяние привело сюда.

Эудженио. Что еще за новости? В такое время и в маске?

Виттория. Что ты говоришь? Разве я для забавы надела маску?

Эудженио. Иди сейчас домой!

Виттория. Я пойду домой, а ты здесь забавляйся.

Эудженио. Ты пойдешь домой, а я останусь там, где мне угодно.

Виттория. Прекрасная жизнь, милостивый государь.

Эудженио. Поменьше болтайте, сударыня; идите-ка домой, дело-то лучше будет.

Виттория. Да, я пойду домой; только к себе, а не к тебе.

Эудженио. Куда вы еще пойдете?

Виттория. К отцу, которому уж надоело твое обращение со мной и который сумеет заставить тебя дать отчет в твоем поведении и в моем приданом.

Эудженио. Отлично, сударыня, отлично! Вот как вы добра желаете! Вот как вы заботитесь обо мне и об моей репутации!

Виттория. Дурное обращение убивает любовь. Я столько страдала, столько плакала — больше не могу.

Эудженио. Да, наконец, что же я тебе сделал?

Виттория. Всю ночь за игрой.

Эудженио. Кто тебе сказал, что я играл?

Виттория. Мне сказал дон Марцио, и что ты проиграл сто цехинов наличными и тридцать на́ слово.

Эудженио. Не верь, это неправда.

Виттория. И потом ты занялся пилигримкой.

Эудженио. Кто тебе сказал?

Виттория. Дон Марцио.

Эудженио *(про себя)*. Будь ты проклят! *(Виттории.)* Поверь мне, неправда.

Виттория. И еще есть кой-что; закладываешь мои вещи, берешь потихоньку от меня мои серьги. Хорошо ли так поступать со мной — с женой нежной, простой и честной?

Эудженио. Как ты узнала о серьгах?

Виттория. Мне сказал дон Марцио. Говорит дон Марцио, да и все то же скажут, что на днях ты разоришься, и я, прежде чем это сделается, хочу выручить свое приданое.

Эудженио. Виттория, если ты только мне желаешь добра, не говори так.

Виттория. Я тебе уж слишком много желаю добра; если б я тебя так не любила, было бы лучше для меня.

Эудженио. Хочешь к отцу идти?

Виттория. Да, непременно.

Эудженио. Со мной жить не хочешь?

Виттория. Буду жить, когда будешь благоразумнее.

Эудженио *(с сердцем)*. Ах, профессорша, еще время не пришло мне скучать-то с тобой!

Виттория. Потише! Не будем делать сцены на улице.

Эудженио. Кабы ты знала приличия, не пошла бы в кофейную приставать к мужу.

Виттория. Не беспокойся, и не пойду больше.

Эудженио. Душа моя, уйди!

Виттория. Уйду, послушаюсь; порядочная женщина и дурного мужа слушается. Пожалеешь и обо мне, когда меня не будет. Ты не можешь пожаловаться, что я тебя не любила. Я делала все, что только может любящая женщина. Ты ответил мне неблагодарностью; стерплю. Хоть и без тебя плакать-то я буду, но все-таки не буду знать тех мук, которые от тебя терплю так часто. Я вас буду любить всегда, но больше вы меня не увидите. *(Уходит.)*

Эудженио. Бедная женщина! Она меня растрогала Я знаю, что она только так говорит, а сделать не сделает. Я пойду за ней издали и уговорю ее. Если

она возьмет приданое, я разорен. Но у нее не хватит духу это сделать. Когда жена сердится, приласкай ее хорошенько, и все пройдет. *(Уходит.)*

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ридольфо (на улице), Траппола (в глубине лавки).

Ридольфо. Эй, ребята, где вы?

Траппола. Здесь, хозяин.

Ридольфо. В лавке-то никого уж нет из вас?

Траппола. У меня глаза и уши настороже. Да и что там украсть-то? За прилавок никто не ходит.

Ридольфо. Чашки могут украсть. Тут ходит один, собирает себе коллекцию. Синьор Эудженио ушел?

Траппола. Ах, кабы вы знали! Пришла сюда жена его. Какие слезы! Какие упреки! Варвар, предатель, тиран! То с любовью, то с сердцем. Наконец-то его разжалобила.

Ридольфо. Куда же он пошел?

Траппола. Что за вопрос! Дома не ночевал; жена его поймала, а вы спрашиваете, куда он пошел.

Ридольфо. Ничего не приказывал?

Траппола. Он воротился через заднюю дверь и сказал мне, что поручает вам продажу парчи, что больше некому.

Ридольфо. Два куска парчи я продал по тринадцати лир [1] за фут и получил деньги; но не хочу, чтоб он знал, и всех ему не отдам. Попади те ему в руки, так он их прокутит в день.

Траппола. Как узнает, что у вас деньги, сейчас запросит.

Ридольфо. А я ему не скажу; я ему дам, что нужно, и распоряжусь как следует.

Траппола. Вот он идет. Lupus in fabula [2].

Ридольфо. Что ж эта твоя латынь значит?

---

[1] Лира — восьмая часть дуката. *(Прим. пер.)*

[2] Волк из басни. Здесь — легок на помине — латинское поговорочно-идиоматическое выражение.

Траппола. Значит — волк бобы толчет. *(Уходит в лавку со смехом.)*

Ридольфо. Шут; и по-итальянски-то плохо говорит, а еще за латынь берется.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ридольфо и Эудженио.

Эудженио. Ничего, друг Ридольфо, не сделали?

Ридольфо. Сделал кой-что.

Эудженио. Я знаю, что вы взяли две штуки парчи; приказчик мне говорил. Продали вы их?

Ридольфо. Продал.

Эудженио. Почем?

Ридольфо. По тринадцати лир фут.

Эудженио. Довольно выгодно. Деньги сейчас?

Ридольфо. Часть в руки, а часть подождать.

Эудженио. Ох уж мне подождать! Сколько в руки?

Ридольфо. Сорок цехинов.

Эудженио. Это недурно. Ну, давайте! Как они кстати!

Ридольфо. Потише, синьор Эудженио, вы мне должны тридцать цехинов.

Эудженио. Получите, когда заплатят остальные деньги.

Ридольфо. Извините, это не совсем честно с вашей стороны. Вы знаете, что я хлопотал для вас со всею готовностью, скоро, без всякого интереса, и заставляете меня ждать! Кроме того, синьор, мне мои деньги нужны.

Эудженио. Ну, вы правы. Берите тридцать цехинов и дайте мне остальные десять.

Ридольфо. Не хотите ли лучше заплатить их синьору дон Марцио? Не лучше ли избавиться от этого дьявола, мучителя?

Эудженио. У него залог, он подождет.

Ридольфо. Как вы мало заботитесь о своей репутации! Для вас это ничего — пусть этот болтун позорит вас? Еще какой болтун-то! Который только затем и делает услуги, чтоб потом хвастаться; для него первое удовольствие — лишать порядочных людей кредита.

Эудженио. Да, ему нужно заплатить. Но ведь останешься без денег? Какой вы срок назначили покупщику?

Р и д о л ь ф о. Да вам сколько денег-то нужно теперь?

Э у д ж е н и о. Почем я знаю? Десять или двенадцать цехинов.

Р и д о л ь ф о. Сейчас получите. Вот десять цехинов; а когда придет дон Марцио, я выкуплю серьги.

Э у д ж е н и о. Ах, это десять цехинов! Как же их считать?

Р и д о л ь ф о. Берите без разговора. После сочтемся.

Э у д ж е н и о. Но когда же мы получим остальное за парчу?

Р и д о л ь ф о. Не ваша забота. Тратьте покуда эти, а после будут и еще; но старайтесь расходовать их на надобность, а не бросайте.

Э у д ж е н и о. Да, друг мой, благодарю вас. Пожалуйста, при получении за парчу возьмите себе, что нужно за хлопоты.

Р и д о л ь ф о. Мне странно; я лавочник, а не маклер. Если я хлопочу для вас, так совсем не из интереса. Я буду очень доволен, если эти деньги послужат вам в пользу. *(Уходит в лавку.)*

Э у д ж е н и о. Он человек хороший, хотя в то же время и порядочный резонер.

Г р а ф Л е а н д р о выходит из дома Лизауры.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Л е а н д р о и Э у д ж е н и о.

Л е а н д р о. Синьор Эудженио, вот ваши деньги, все в этом кошельке. Если хотите взять их назад, пойдемте.

Э у д ж е н и о. Нет, я несчастлив, я больше не играю.

Л е а н д р о. Пословица говорит: иной раз как собака, а в другой как заяц.

Э у д ж е н и о. Нет, я всегда заяц, а вы всегда собака.

Л е а н д р о. Знаете ли, я спросонка; я и карты-то едва ли удержу в руках; но такой уж у меня проклятый порок, хоть проиграться, да только б играть.

Э у д ж е н и о. И я спросонка. Сегодня я не играю.

Л е а н д р о. Если у вас нет денег, нужды нет, я поверю.

Э у д ж е н и о. Вы думаете, что у меня денег нет? Вот деньги; но я играть не хочу. *(Показывает кошелек.)*

Л е а н д р о. Сыграем на шоколад.

Э у д ж е н и о. Охоты нет пить.

Л е а н д р о. На шоколад, сделайте милость.

Э у д ж е н и о. Но я вам говорю...

Л е а н д р о. Только на шоколад; а кто предложит играть на что-нибудь другое, с того дукат штрафу.

Э у д ж е н и о. Пожалуй, на шоколад пойдемте. *(Про себя.)* Ридольфо меня не видит.

Л е а н д р о *(про себя)*. Ну, вот и попался. *(Уходит в игорную лавочку.)*

Входит д о н М а р ц и о.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Д о н М а р ц и о, потом Р и д о л ь ф о.

Д. М а р ц и о. Все ювелиры говорят, что десяти цехинов не стоят; все удивляются тому, что Эудженио меня обманул. Нельзя делать одолжения никому; теперь уж не дам никому ни сольда — хоть умирай. Куда он делся, черт его возьми? Он прячется, чтоб не заплатить мне денег.

Р и д о л ь ф о. Синьор, у вас серьги синьора Эудженио?

Д. М а р ц и о. Вот они. Эти прекрасные серьги ничего не стоят, он меня надул. Разбойник! Он скрылся, чтоб не платить мне; он банкрот, банкрот!

Р и д о л ь ф о. Получите, синьор, и не шумите. Вот десять цехинов, пожалуйте серьги.

Д. М а р ц и о *(разглядывает цехины в лорнет)*. Они полновесны?

Р и д о л ь ф о. Полновесны, а чего не хватит, я отвечаю.

Д. М а р ц и о. Вы их платите?

Р и д о л ь ф о. Я тут ни при чем. Это деньги синьора Эудженио.

Д. М а р ц и о. Как он нашел денег?

Р и д о л ь ф о. Я его дел не знаю.

Д. М а р ц и о. Он их выиграл?

Р и д о л ь ф о. Говорю, что не знаю.

Д. М а р ц и о. А! Вот что, он продал парчу. Да, да, продал парчу. Ему это обделал Пандольфо.

Р и д о л ь ф о. Будь по-вашему; получайте деньги и пожалуйте мне серьги.

Д. М а р ц и о. Вы получили деньги от синьора Эудженио или от Пандольфо?

Р и д о л ь ф о. Ах, как это долго! Угодно вам или нет?

Д. М а р ц и о. Давайте, давайте! Бедная парча! Спустили тебя!

Р и д о л ь ф о. Пожалуйте серьги.

Д. Марцио. Вы их отнесете ему?
Ридольфо. Ему.
Д. Марцио. Ему или жене его?
Ридольфо *(с нетерпением)*. Или ему, или жене его.
Д. Марцио. Где он?
Ридольфо. Не знаю.
Д. Марцио. Значит, вы отнесете к жене?
Ридольфо. Отнесу к жене.
Д. Марцио. И я пойду с вами.
Ридольфо. Пожалуйте мне и не беспокойтесь. Я честный человек.
Д. Марцио. Пойдемте, пойдемте, снесем их к его жене.
Ридольфо. Я знаю дорогу и без вас.
Д. Марцио. Я хочу сделать ей учтивость. Пойдемте, пойдемте. *(Уходит.)*
Ридольфо. Что с ним делать. Ребята, смотрите за лавкой. *(Уходит.)*

Эудженио выходит из игорной лавки.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Эудженио и мальчики (в кофейной).

Эудженио. Проклятое счастье! Опять проигрался. На шоколад проиграть десять цехинов. И как еще он поступил со мной! Затянуть меня, выиграть все деньги и забастовать — не поверить мне нá слово! Кабы мне теперь деньги, я бы играл до завтра. Говори, Ридольфо, что хочешь, а остальные деньги за парчу отдать мне он должен. Мальчики, где хозяин?
Мальчик. Он сейчас только ушел.
Эудженио. Куда?
Мальчик. Не знаю, синьор.
Эудженио. Проклятый Ридольфо! Куда к черту он провалился! *(В дверь игорной лавки.)* Граф, подождите меня, я сейчас ворочусь. *(Уходя.)* Да еще найдешь ли его.

Входит Пандольфо.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Эудженио и Пандольфо.

Пандольфо. Куда, куда, синьор Эудженио, так торопитесь?

Э у д ж е н и о. Видели Ридольфо?

П а н д о л ь ф о. Я? Нет.

Э у д ж е н и о. Ничего не сделали с парчой?

П а н д о л ь ф о. Сделал.

Э у д ж е н и о. Отлично. Что же вы сделали?

П а н д о л ь ф о. Я нашел покупщика; но с какими трудами! Я ее показывал купцам десяти или больше; никто не одобряет.

Э у д ж е н и о. Этот покупщик что дает?

П а н д о л ь ф о. Насилу я выпросил с него восемь лир за фут.

Э у д ж е н и о. Что вы мне, черт возьми, говорите! Восемь лир за фут! Ридольфо продал два куска по тринадцати лир.

П а н д о л ь ф о. Сейчас деньги?

Э у д ж е н и о. Часть сейчас, остальное с обожданием.

П а н д о л ь ф о. Отличная торговля! С обожданием! Я вам отдам все деньги вдруг. Сколько парчи, столько и серебряных дукатов, венецианских.

Э у д ж е н и о *(про себя)*. Ридольфо не видать. Деньги нужны, я решаюсь.

П а н д о л ь ф о. Если бы вы хотели продавать парчу в кредит, я бы вам ее продал по шестнадцати лир. Но у кого деньги чистые, те теперь прижимают, сколько им угодно.

Э у д ж е н и о. Но она себе стоит десять лир.

П а н д о л ь ф о. Ну, что значит потерять две лиры на фут? Зато будете иметь деньги на ваши надобности и можете отыграть то, что проиграли.

Э у д ж е н и о. Да нельзя ли подороже? Хоть за свою цену?

П а н д о л ь ф о. Ни за что кватрина не прибавят.

Э у д ж е н и о *(про себя)*. Нужда заставляет. *(К Пандольфо.)* Ну, так уж надо это дело поскорей кончить.

П а н д о л ь ф о. Напишите мне приказ на два куска парчи, и через полчаса я вам принесу деньги.

Э у д ж е н и о. Я сейчас. Мальчики, дайте мне чернил и бумаги.

М а л ь ч и к и приносят столик с прибором для письма.

П а н д о л ь ф о. Напишите приказчику, чтобы он отпустил мне два куска парчи по моему выбору.

Э у д ж е н и о. Хорошо, для меня все равно. *(Пишет.)*

Пандольфо *(про себя)*. Какой плащ отличный я себе сделаю.

Входит Ридольфо.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Ридольфо и те же.

Ридольфо *(про себя)*. Синьор Эудженио что-то пишет с Пандольфо. Тут какие-то новости.

Пандольфо *(про себя)*. Вот еще явился; пожалуй, помешает.

Ридольфо. Ваш слуга, синьор Эудженио.

Эудженио. А! Здравствуйте! *(Продолжает писать.)*

Ридольфо. Дела, дела, синьор Эудженио?

Эудженио. Небольшое дельце. *(Пишет.)*

Ридольфо. Могу я удостоиться от вас узнать, в чем дело?

Эудженио. Видите, что значит продавать в долг? Мне не хватило денег; я имею в них нужду и должен сбыть еще два куска парчи.

Пандольфо. Не говорите сбыть, а продать как следует.

Ридольфо. Почем за фут?

Эудженио. Мне стыдно сказать. Восемь лир.

Пандольфо. Но сейчас деньги.

Ридольфо. Зачем же, синьор, так губить свое состояние?

Эудженио. Но если нельзя иначе. Мне нужны деньги.

Пандольфо. Не прошло часу, как я достал им денег, сколько нужно.

Ридольфо. А сколько вам нужно?

Эудженио. Что ж? Разве вы дадите?

Пандольфо *(про себя)*. Испортит этот мне все дело.

Ридольфо. Если с вас довольно шести или семи цехинов, я найду.

Эудженио. А! Вот вздор какой! Мне нужны деньги. *(Пишет.)*

Пандольфо *(про себя)*. Ну, еще недурно.

Ридольфо. Подождите; сколько стоят два куска парчи по восьми лир фут?

Эудженио. Сочтем. В каждом куске шестьдесят футов; два раза шестьдесят — сто двадцать. Сто двадцать серебряных дукатов.

Пандольфо. Нужно еще заплатить за хлопоты.
Ридольфо. Кому за хлопоты?
Пандольфо. Мне, синьор, мне.
Ридольфо. Отлично! Сто двадцать серебряных дукатов, по восьми лир каждый, сколько составляют цехинов?
Эудженио. Одиннадцать дукатов составляют четыре цехина. *(Считает.)* Сорок три цехина и четырнадцать лир венецианской монетой.
Пандольфо. Говорите — ровно сорок цехинов: остатки за хлопоты.
Эудженио. Три цехина за хлопоты?
Пандольфо. Конечно; но ведь сейчас деньги.
Эудженио. Ну, ну, пусть так; вы их получите.
Ридольфо. Сочтите же, синьор Эудженио, что стоят два куска по тринадцати лир?
Эудженио. Да, дорого стоят.
Пандольфо. Но ждать деньги; а без денег что сделаешь?
Ридольфо. Сосчитайте.
Эудженио. Я сейчас сочту. *(Считает.)* Семьдесят цехинов и двадцать лир.
Пандольфо. А сколько их ждать, неизвестно. Лучше сегодня цыпленок, чем завтра каплун.
Ридольфо. Вы получили от меня: сначала тридцать цехинов, потом десять, что составит сорок; десять за серьги, которые я выкупил, стало пятьдесят. Вот уж вы получили от меня десятью цехинами больше того, что предлагал вам сейчас в руки этот почтеннейший кавалер.
Пандольфо *(про себя)*. Будь ты проклят!
Эудженио. Да, вы правы; но мне нужно еще денег.
Ридольфо. Вам нужно еще денег? Вот деньги; вот двадцать цехинов и двадцать лир, что и составит семьдесят цехинов и двадцать лир за сто двадцать футов вашей парчи, по тринадцати лир за фут и ничего за хлопоты; все деньги сейчас в руки, за один раз, без мошенничества, без надувательства, без разбойничества обманщиков-комиссионеров.
Эудженио. Если так, милый Ридольфо, я вам очень благодарен и разрываю этот приказ. А вас, господин маклер, мне больше не нужно.
Пандольфо *(про себя)*. Черт его принес! *(К Эудженио.)* Ну, что ж делать, я только даром проходил.

Эудженио. Мне жаль, что вы напрасно беспокоились.
Пандольфо. Хоть на водку что-нибудь.
Эудженио. Вот вам дукат. *(Достает дукат из кошелька, который дает ему Ридольфо.)*
Пандольфо. Покорно благодарю.
Ридольфо. Что еще прикажете?
Эудженио. Благодарю вас.
Пандольфо *(тихо, к Эудженио)*. Хотите? *(Показывает на игорную лавку.)*
Эудженио *(тихо)*. Подите, приду.

Пандольфо уходит.

Как вы успели, Ридольфо, так скоро повидаться с покупщиком и получить деньги?
Ридольфо. Сказать по правде, они и прежде были у меня в кармане; но я не хотел отдавать вам всех вдруг, чтоб вы их не так скоро промотали.
Эудженио. Вы меня обижаете, я уж не мальчик. Где серьги?
Ридольфо. Этот любезный синьор, дон Марцио, как только получил от меня десять цехинов, так захотел непременно отдать серьги своими руками синьоре Виттории.
Эудженио. Вы говорили с женой?
Ридольфо. Конечно, говорил; и я ходил с синьором дон Марцио.
Эудженио. Что ж она говорит?
Ридольфо. Все плачет. Бедная! Ее жаль.
Эудженио. Если б вы знали, как она взбесилась на меня! Хотела идти к отцу, хотела взять приданое, хотела таких бед наделать.
Ридольфо. Как же вы ее успокоили?
Эудженио. Лаской.
Ридольфо. Она вас любит; у нее доброе сердце.
Эудженио. Но когда рассердится, так ведь она зверь.
Ридольфо. Она мне приказала сказать вам, если я вас увижу, чтобы вы приходили завтракать пораньше.
Эудженио. Да, да я пойду.
Ридольфо. Дорогой синьор, я вас умоляю, будьте потверже: бросьте игру, не бегайте за женщинами; у вас жена молодая, красивая, любит вас, чего вам еще?

Э у д ж е н и о. Прекрасно, благодарю вас.

Пандольфо кашляет в своей лавке; Эудженио оборачивается; Пандольфо делает знак, что Леандро ждет его играть. Эудженио делает знак рукою, что придет. Ридольфо не видит.

Р и д о л ь ф о. Я вам советовал бы сейчас идти домой. До полудня недолго. Подите утешьте жену.

Э у д ж е н и о. Сейчас пойду. Сегодня мы еще увидимся.

Р и д о л ь ф о. Ничего не прикажете?

Э у д ж е н и о. Ничего, ничего, прощайте!

Р и д о л ь ф о уходит в лавку. Э у д ж е н и о входит в игорную лавку.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Р и д о л ь ф о (в лавке), потом д о н М а р ц и о.

Р и д о л ь ф о. Кажется, я его направил на путь истинный.

Входит д о н М а р ц и о.

Д. М а р ц и о. Экой осел! Экой скот! Экой осел!

Р и д о л ь ф о. С кем это вы, синьор дон Марцио?

Д. М а р ц и о. Если ты хочешь смеяться, так слушай! Один доктор утверждает, что горячая вода здоровее холодной.

Р и д о л ь ф о. А вы другого мнения?

Д. М а р ц и о. Горячая вода ослабляет желудок.

Р и д о л ь ф о. Конечно, она ослабляет фибру.

Д. М а р ц и о. Что это за фибра?

Р и д о л ь ф о. Я слышал, что в нашем желудке две фибры, как два нерва, которыми переваривается пища; если эти фибры ослабнут, тогда бывает дурное пищеварение.

Д. М а р ц и о. Да, синьор, да, синьор; горячая вода расслабляет желудок, и систола, и диастола не могут переваривать пищу.

Р и д о л ь ф о. Как же сюда попали систола и диастола?

Д. М а р ц и о. Ну, что ты знаешь, ты осел! Систола и диастола — это те две фибры, которые переваривают пищу.

Л и з а у р а смотрит в окно.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Лизаура (у окна) и те же.

Д. Марцио *(к Ридольфо)*. Вот она! Это танцовщица, что ли?

Ридольфо. Извините, мне нужно в лавку. *(Уходит в лавку.)*

Д. Марцио *(смотрит в лорнет на Лизауру)*. Ваш покорнейший слуга.

Лизаура. Ваша покорнейшая слуга.

Д. Марцио. Ваше здоровье?

Лизаура. Понемножку.

Д. Марцио. Давно не видали графа Леандро?

Лизаура. Не более часу.

Д. Марцио. Граф — мой друг.

Лизаура. Очень приятно.

Д. Марцио. Какой достойный и благородный человек!

Лизаура. Вы очень добры.

Д. Марцио. Он ваш муж?

Лизаура. Я своих дел не рассказываю в окошко.

Д. Марцио. Так пустите меня, потолкуем.

Лизаура. Извините меня, я не принимаю никого.

Д. Марцио. Ну, вот еще!

Лизаура. Уж это верно.

Д. Марцио. Я пройду через заднюю дверь.

Лизаура. И вы тоже бредите о задней двери. Я никого не принимаю.

Д. Марцио. Ну, мне-то не говорите. Я знаю очень хорошо, что к вам похаживают.

Лизаура. Я честная женщина.

Д. Марцио. Хотите, я подарю вам четыре печеных каштана?

Лизаура. Очень вам благодарна.

Д. Марцио. Они хорошие; их пекут у меня в моих поместьях.

Лизаура. Да, вы печь умеете.

Д. Марцио. Почему так?

Лизаура. Вы меня допекли.

Д. Марцио. Вы остроумны. Вот если бы вы так же хорошо прыгали, были бы хорошая танцовщица.

Лизаура. Вам-то что за забота, хорошая я или нехорошая?

Д. М а р ц и о. По правде, для меня это решительно все равно.

П л а ч и д а показывается у окна гостиницы.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

П л а ч и д а (у окна) и т е ж е.

П л а ч и д а *(про себя)*. Не видать синьора Эудженио.
Д. М а р ц и о *(Лизауре)*. Видели пилигримку?
Л и з а у р а. А кто она такая?
Д. М а р ц и о. Из веселых.
Л и з а у р а. И в гостиницу пускают таких?
Д. М а р ц и о. Она на содержании.
Л и з а у р а. У кого?
Д. М а р ц и о. У синьора Эудженио.
Л и з а у р а. У женатого человека? Отлично!
Д. М а р ц и о. В прошлом году она тут чудила.
Л и з а у р а. Прощайте!
Д. М а р ц и о. Уходите?
Л и з а у р а. Не хочу оставаться, когда напротив меня женщина такого поведения. *(Удаляется.)*

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

П л а ч и д а (у окна), д о н М а р ц и о (на улице).

Д. М а р ц и о *(хохочет)*. О-хо-хо! Это мило! Танцовщица удаляется из боязни повредить своей репутации! *(Смотрит в лорнет.)* Синьора пилигрима, честь имею кланяться.
П л а ч и д а. Ваша покорнейшая слуга.
Д. М а р ц и о. Где синьор Эудженио?
П л а ч и д а. Вы знаете синьора Эудженио?
Д. М а р ц и о. О! Мы короткие друзья. Я сейчас только был у его жены.
П л а ч и д а. Разве синьор Эудженио женат?
Д. М а р ц и о. Конечно, женат; но это нисколько не мешает ему заниматься приятным развлечением с хорошенькими женщинами. Вы видели эту синьору, которая была у окна?
П л а ч и д а. Я ее видела. Она очень учтиво захлопнула окно, как только увидала меня.
Д. М а р ц и о. Она выдает себя за танцовщицу; но вы меня понимаете.
П л а ч и д а. Она не из порядочных?

Д. Марцио. Да, и синьор Эудженио один из ее покровителей.

Плачида. Ведь у него жена?

Д. Марцио. Да еще красавица.

Плачида. Видно, везде молодые люди развратны.

Д. Марцио. Он, вероятно, уверял вас, что не женат?

Плачида. Мне мало дела до того, женат он или не женат.

Д. Марцио. Вы к этому равнодушны. Каков бы он ни был, только б бывал у вас.

Плачида. Для того дела, по которому он у меня бывает, мне все равно.

Д. Марцио. Уж известно. Сегодня один, завтра другой.

Плачида. Что вы хотите сказать? Объяснитесь!

Д. Марцио. Хотите четыре печеных каштана? *(Вынимает из кармана.)*

Плачида. Много благодарна.

Д. Марцио. Если хотите, я вам дам.

Плачида. Вы очень великодушны.

Д. Марцио. Конечно, судя по вашим достоинствам, вам четырех каштанов мало. Хотите, я прибавлю к каштанам пару лир?

Плачида. Осел, невежа! *(Закрывает окно.)*

Д. Марцио. Не удостаивает принять две лиры, а в прошлом году была и меньшим довольна. *(Кричит громко.)* Ридольфо!

Входит Ридольфо.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Ридольфо и дон Марцио.

Ридольфо. Синьор!

Д. Марцио. Вот женская жадность! Мало им двух лир.

Ридольфо. Вы всех меряете на один аршин.

Д. Марцио. Если она ходит по миру? Мне смешно.

Ридольфо. По миру ходят и честные люди.

Д. Марцио. Эта честная пилигримка-то? Ах, шут!

Ридольфо. Почем знать, кто эта пилигримка?

Д. Марцио. Я знаю. Она прошлогодняя.

Ридольфо. Я ее не видал.

Д. Марцио. Потому что ты дурак.

Ридольфо. Вы очень вежливы. *(Про себя.)* Так и забирает охота растрепать ему парик.

Эудженио выходит из игорной лавки веселый.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Эудженио и те же.

Эудженио. Здравствуйте, синьоры, дорогие синьоры!
Ридольфо. Как! Вы здесь, синьор Эудженио?
Эудженио. Да, я здесь. *(Смеется.)*
Д. Марцио. Выиграли?
Эудженио. Да, синьор, выиграл! Да, синьор!
Д. Марцио. Вот так чудо!
Эудженио. Вот еще! Уж будто я не могу и выиграть? Что же я такое? Что я, разиня, что ли?
Ридольфо. Синьор Эудженио, а кто давал слово не играть?
Эудженио. Молчите, я выиграл.
Ридольфо. А если б проиграли?
Эудженио. Сегодня я не мог проиграть.
Ридольфо. Почему же?
Эудженио. Когда мне проиграть, я заранее это чувствую.
Ридольфо. А если чувствуете, зачем играете?
Эудженио. Для того чтобы проиграть.
Ридольфо. А домой когда пойдете?
Эудженио. А вы начинаете надоедать.
Ридольфо. Больше ни слова не скажу.

Леандро выходит из игорной лавки.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Леандро и те же.

Леандро. Каков молодец! Обыграл меня; да если б я не бросил, так он бы меня совсем прикончил.
Эудженио. Что, каков я?
Леандро. Отчаянно играете.
Эудженио. Я по-игрецки играю.
Д. Марцио *(к Леандро)*. Сколько вы проиграли?
Леандро. Довольно.
Д. Марцио *(к Эудженио)*. Сколько же выиграли?
Эудженио *(весело)*. Шесть цехинов.
Ридольфо *(про себя)*. Ах, глупый! Со вчерашнего дня проиграл сто тридцать цехинов, а как выиграл шесть, так уж думает, что сокровище.
Леандро *(про себя)*. Нужно иногда и проиграть, а то, пожалуй, больше играть не станет.

Д. Марцио. Что ж вы будете делать с этими шестью цехинами?

Эудженио. Если хотите, проедим их.

Д. Марцио. Проедим.

Эудженио. Пойдемте в трактир.

Ридольфо *(тихо, к Эудженио)*. Не ходите, затянут в игру.

Эудженио *(тихо, к Ридольфо)*. Оставьте меня; мне сегодня счастье везет.

Леандро. Зачем в трактир? Велим приготовить здесь над лавкой, в комнатах Пандольфо.

Эудженио. Где хотите. Закажем обед здесь, в гостинице, и велим принесть туда, наверх.

Д. Марцио. Вы люди благородные, и я с вами готов всюду.

Леандро. Эй, господин Пандольфо!

Входит Пандольфо.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Пандольфо и те же.

Пандольфо. Что вам угодно?

Леандро. Если хотите сделать для нас удовольствие, пустите нас пообедать в ваши комнаты.

Пандольфо. Позвольте; но, видите ли, я ведь... плачу за квартиру.

Леандро. Мы знаем и заплатим вам.

Эудженио. С кем вы имеете дело? Заплатим за все.

Пандольфо. Отлично! Пусть готовят. Я пойду велю прибрать. *(Уходит в лавку.)*

Эудженио. Ну, кто же пойдет заказывать?

Леандро *(к Эудженио)*. Это ваше дело: вы здесь свой человек.

Д. Марцио. Да, уж потрудитесь.

Эудженио. Но в песенке поется: «Без женщин и вина наша радость не полна».

Ридольфо *(про себя)*. Ну, и женщин еще ему нужно.

Д. Марцио. Граф мог бы пригласить танцовщицу.

Леандро. Отчего же не пригласить? Я не нахожу никакого затруднения пригласить ее в общество друзей.

Д. Марцио. Это правда, что вы хотите на ней жениться?

Леандро. Теперь не время говорить об этом.

Э у д ж е н и о. А я приглашу пилигримку.
Л е а н д р о. Что это за пилигримка?
Э у д ж е н и о. Женщина хорошая и благовоспитанная.
Л е а н д р о. Идите же заказывать обед.
Э у д ж е н и о. Сколько нас? Нас трое, две дамы: всего пятеро. Дон Марцио, у вас есть дама?
Д. М а р ц и о. Нет, я без дамы.
Э у д ж е н и о. Ридольфо, приходите и вы покушать с нами.
Р и д о л ь ф о. Благодарю вас; у меня есть дело в лавке.
Э у д ж е н и о. Ну, не заставляйте себя просить.
Р и д о л ь ф о *(тихо, к Эудженио)*. Уж вы, кажется, очень разгулялись.
Э у д ж е н и о. Что ж делать? Я выиграл и хочу покутить.
Р и д о л ь ф о. А потом?
Э у д ж е н и о. О будущем думают только астрологи. *(Уходит в гостиницу, Ридольфо уходит в свою лавку.)*

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дон Марцио и Леандро.

Д. М а р ц и о. Идите же за танцовщицей.
Л е а н д р о. Когда будет готово, я ее позову.
Д. М а р ц и о. Сядем. Что нового на свете?
Л е а н д р о. А что мне за дело!

Садятся.

Д. М а р ц и о. Вы знаете ли, что русские войска пошли на зимние квартиры?
Л е а н д р о. И хорошо сделали; значит, так нужно.
Д. М а р ц и о. Нет, сделали дурно; они не должны были оставлять занятой позиции.
Л е а н д р о. Правда. Они должны были мерзнуть, только не оставлять позиции.
Д. М а р ц и о. Нет, синьор, нет, они не должны были подвергать себя опасности умереть от холода.
Л е а н д р о. Так нужно им идти вперед.
Д. М а р ц и о. Нет, синьор! Вот так интендант! *(Насмешливо.)* Идти на зимние квартиры!
Л е а н д р о. Ну, так что же им делать?
Д. М а р ц и о. А вот я посмотрю карту и тогда скажу вам наверное, куда им надо было идти.
Л е а н д р о *(про себя)*. Вот дурак навязался.
Д. М а р ц и о. Были в опере?

Л е а н д р о. Да, синьор.
Д. М а р ц и о. Нравится?
Л е а н д р о. Порядочно.
Д. М а р ц и о. У вас дурной вкус.
Л е а н д р о. Ну, вот еще!
Д. М а р ц и о. Вы из какой стороны?
Л е а н д р о. Из Турина.
Д. М а р ц и о. Дрянной город.
Л е а н д р о. Однако он из самых красивых городов Италии.
Д. М а р ц и о. Я неаполитанец. Видеть Неаполь и умереть.
Л е а н д р о. И венецианцы то же говорят про себя.
Д. М а р ц и о. Есть у вас табак?
Л е а н д р о *(подавая табакерку)*. Вот.
Д. М а р ц и о. Ой, какой дурной табак!
Л е а н д р о. Мне такой нравится.
Д. М а р ц и о. Вы в этом ничего не понимаете. Настоящий табак есть рапé!
Л е а н д р о. А мне нравится испанский.
Д. М а р ц и о. Табак испанский — это свинство.
Л е а н д р о. А я говорю, что это самый лучший табак.
Д. М а р ц и о. Как! Вы хотите учить меня, что такое табак? Я сам его делаю, сам заказываю, покупая и там и здесь. Знаю и тот и другой. *(Кричит громко.)* Рапé, рапé! Я говорю: рапé!
Л е а н д р о *(кричит еще громче)*. Да, синьор, рапé, рапé, рапé самый лучший табак!
Д. М а р ц и о. Нет, синьор, рапé не самый лучший табак. Надо понимать; вы не знаете, что говорите.

Э у д ж е н и о выходит из гостиницы.

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Э у д ж е н и о и т е ж е.

Э у д ж е н и о. Что за шум?
Д. М а р ц и о. Нет, в табаке я не уступлю никому.
Л е а н д р о. Что ж обед?
Э у д ж е н и о. Сейчас будет готов.
Д. М а р ц и о. Придет пилигримка?
Э у д ж е н и о. Нет, не хочет.
Д. М а р ц и о. Ну, синьор любитель табаку, зовите вашу синьору.

Л е а н д р о. Иду. *(Про себя.)* Если за столом будет то же, я его тарелкой в морду. *(Стучит к танцовщице.)*

Д. М а р ц и о. А ключа у вас нет?

Л е а н д р о. Нет, синьор.

Дверь отпирают. Л е а н д р о выходит.

Э у д ж е н и о. Как неприятно, что эта пилигримка идти не хочет!

Д. М а р ц и о. Хочет, чтоб ей кланялись.

Э у д ж е н и о. Говорит, что она решительно в первый раз в Венеции.

Д. М а р ц и о. Ну, мне этого не скажет.

Э у д ж е н и о. Вы верно знаете, что она та самая?

Д. М а р ц и о. Вернейшим образом. Ну, да вот вам — я только немножко поговорил с ней, а она уж и к себе приглашает... Но я не пошел, чтоб не обидеть друга.

Э у д ж е н и о. Вы говорили с ней?

Д. М а р ц и о. Еще бы!

Э у д ж е н и о. Она вас узнала?

Д. М а р ц и о. Как меня не узнать? Кто ж меня не знает?

Э у д ж е н и о. Так вот что: подите вы, позовите ее.

Д. М а р ц и о. Если я пойду, для нее будет подозрительно. А вы вот что сделайте: подождите, когда подадут на стол, идите к ней и ведите ее без разговора.

Э у д ж е н и о. Я сделал все, что мог; но она мне решительно сказала, что не пойдет.

Слуги из гостиницы носят скатерти, салфетки, тарелки, приборы, вино, хлеб, посуду и кушанье в лавку Пандольфо, возвращаются и опять проходят несколько раз.

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

С л у г и и т е ж е; потом Л е а н д р о и Л и з а у р а.

С л у г а. Синьор, суп на столе. *(Уходит с прочими слугами в лавку Пандольфо.)*

Э у д ж е н и о. Где граф?

Д. М а р ц и о *(сильно стучит в дверь Лизауры)*. Душа моя, скорее, суп простынет.

Л е а н д р о *(под руку с Лизаурой)*. Вот и мы, вот и мы!

Э у д ж е н и о *(Лизауре)*. Честь имею кланяться.

Д. М а р ц и о *(глядя в лорнет)*. Ваш покорнейший слуга.

Л и з а у р а. Здравствуйте, синьоры!

Э у д ж е н и о. Я очень рад, что вы удостаиваете нас своим присутствием.

Л и з а у р а. Чтоб сделать угодное графу.

Д. М а р ц и о. А не нам.

Л и з а у р а. И уж особенно не вам.

Д. М а р ц и о. Ну, и я тоже. *(Тихо, к Эудженио.)* Такого сорта людей я не удостаиваю своим вниманием.

Э у д ж е н и о. Ну, пойдемте, обед готов. *(Лизауре.)* Пожалуйте!

Л и з а у р а с Л е а н д р о входят в лавку.

Д. М а р ц и о. Эка дрянь! Я хуже и не видывал. *(Входит в лавку.)*

Э у д ж е н и о. И лисица говорила, что виноград зелен. А я другого мнения. *(Входит в лавку.)*

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Р и д о л ь ф о *(в своей лавке)*. Вот дурак-то, каких мало. Бедная жена! Как мне ее жаль!

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

Э у д ж е н и о, д о н М а р ц и о, Л е а н д р о и Л и з а у р а (в комнатах Пандольфо, открывают все три окна, которые приходятся над тремя лавками). Р и д о л ь ф о (на улице), потом Т р а п п о л а.

Э у д ж е н и о *(у окна)*. Какой прекрасный воздух! Какая погода! Сегодня совсем не холодно.

Д. М а р ц и о *(у другого окна)*. Точно весна.

Л е а н д р о *(у третьего окна)*. Отсюда по крайней мере можно видеть народ, который ходит по улице.

Л и з а у р а *(рядом с Леандро)*. После обеда увидим маски.

Э у д ж е н и о. За стол! За стол!

Садятся. Эудженио и Леандро подле самого окна.

Т р а п п о л а. Что это за тревога, хозяин?

Р и д о л ь ф о. Этот дурак, синьор Эудженио, дон Марцио и граф с танцовщицей обедают там наверху, в комнатах Пандольфо.

Т р а п п о л а *(отходит от лавки и смотрит наверх)*. Синьоры, хорошего аппетита!

Э у д ж е н и о *(из окна)*. Траппола, ура!

Т р а п п о л а. Ура! Не нужен ли я вам?
Э у д ж е н и о. Хочешь разносить напитки?
Т р а п п о л а. Я бы стал разносить напитки, кабы мне из съестного что-нибудь дали.
Э у д ж е н и о. Иди, иди, дадим!
Т р а п п о л а *(к Ридольфо)*. Хозяин, с вашего позволения. *(Идет в лавку Пандольфо; слуга из гостиницы его не пускает.)*
С л у г а. Куда ты?
Т р а п п о л а. Разносить вино нашим господам.
С л у г а. Не нуждаются в тебе: здесь своих довольно.
Э у д ж е н и о. Траппола, поди сюда!
Т р а п п о л а. Иду! *(Слуге.)* А с тобой я и разговаривать не хочу. *(Уходит.)*
С л у г а *(другим слугам)*. Поглядывайте за остатками кушанья, а то, пожалуй, нам ничего не достанется. *(Уходит в гостиницу.)*
Э у д ж е н и о. Синьор дон Марцио, здоровье синьоры! Ура!
В с е. Ура!

Входит В и т т о р и я *в маске.*

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В и т т о р и я и т е ж е.

Р и д о л ь ф о. Синьора маска, что прикажете?
Э у д ж е н и о. Да здравствуют добрые друзья!

Виттория, слыша его голос, отходит вперед, смотрит наверх и видит его.

Синьора маска, за ваше здоровье! *(Пьет.)* Не угодно ли кушать с нами? Приказывайте; мы здесь все благородные люди.
Л и з а у р а *(у окна)*. Какую это маску вы приглашаете?

Слуги из гостиницы приносят кушанье в лавку.

Э у д ж е н и о *(Виттории)*. А если не хотите, так как хотите; важность не велика. У нас есть и получше вас.
В и т т о р и я. Ах, мне дурно! Я не могу больше!
Р и д о л ь ф о. Синьора маска, вам дурно?
В и т т о р и я *(снимая маску)*. Ах, Ридольфо, помогите мне!
Р и д о л ь ф о. Вы здесь?
В и т т о р и я. Да, к несчастью.

Р и д о л ь ф о. Выпейте немного розолио.

В и т т о р и я. Нет, дайте мне воды.

Р и д о л ь ф о. Нет, розолио. Пожалуйте в лавку.

В и т т о р и я. Нет, я пойду туда, к этой собаке, и убью себя перед его глазами.

Р и д о л ь ф о. Ради бога подите сюда! Успокойтесь.

Э у д ж е н и о. Да здравствует наша красавица! Прелестные эти глазки! *(Пьет.)*

В и т т о р и я. Слышите, что он, разбойник, говорит? Слышите? Пустите меня!

Р и д о л ь ф о. Нельзя вас пустить, нельзя! *(Удерживает ее.)*

В и т т о р и я. Сил моих нет! Помогите, я умираю! *(Падает в обморок.)*

Р и д о л ь ф о. Вот так хорошо! *(Усаживает и поддерживает ее.)*

П л а ч и д а показывается из дверей гостиницы.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

П л а ч и д а и т е ж е.

П л а ч и д а. Из окна мне как будто послышался голос мужа; если он здесь, как я его осрамлю! *(Слуге, который выходит из лавки.)* Скажите мне, кто там, в этих комнатах?

С л у г а. Три господина: синьор Эудженио, другой — синьор дон Марцио из Неаполя и третий — граф Леандро Арденти.

П л а ч и д а *(про себя)*. Между ними нет Фламинио, если он только не переменил имени.

Л е а н д р о. Да здравствует счастье в игре синьора Эудженио!

В с е. Ура!

П л а ч и д а *(про себя)*. Это он, без сомнения. *(Слуге.)* Проводите меня к этим синьорам, я хочу пошутить с ними.

С л у г а. Извольте! *(Провожает ее через игорную лавку.)*

Р и д о л ь ф о *(Виттории)*. Не бойтесь, это ничего.

В и т т о р и я. Я чувствую, что умираю! *(Приходит в себя.)*

В окнах комнат Пандольфо видно общее смятение; все встают из-за стола при Плачиде и удерживают Леандро, который хочет убить ее.

Э у д ж е н и о. Остановитесь!
Д. М а р ц и о. Не делайте этого!
Л е а н д р о. Убирайтесь прочь!
П л а ч и д а. Помогите, помогите! *(Бежит вниз.)*

Леандро преследует ее со шпагой в руках, Эудженио его удерживает; Траппола, с блюдом кушанья и в салфетке, прыгает из окна и убегает в кофейную. Плачида пробегает из лавки в гостиницу, за ней Эудженио со шпагой в руке против Леандро, который ее преследует.

Д. М а р ц и о *(крадется из игорной лавки)*. Rumores fuge[1]. *(Убегает.)*

Слуги проходят в гостиницу и затворяют двери.

Л е а н д р о *(угрожая шпагой Эудженио)*. Прочь с дороги! Я хочу идти в гостиницу.
Э у д ж е н и о. Ну, уж этого не будет. Вы обращаетесь с женой, как варвар, и я буду защищать ее до последней капли крови.
Л е а н д р о. Клянусь небом, я заставлю вас раскаиваться! *(Нападает на Эудженио.)*
Э у д ж е н и о. Я вас не боюсь. *(Нападает на Леандро, заставляет его отступать до дверей танцовщицы, куда тот и скрывается.)*

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Э у д ж е н и о, В и т т о р и я и Р и д о л ь ф о.

Э у д ж е н и о. Низкий трус, ты бежишь? Прячешься? Выходи, если хватит смелости.
В и т т о р и я *(подходя к Эудженио)*. Если вам нужно крови, убейте меня.
Э у д ж е н и о. Подите прочь отсюда, глупая женщина, безмозглая женщина!
В и т т о р и я. Нет, я с вами живая не расстанусь.
Э у д ж е н и о. Черт возьми! Уйдите, а то я за себя не отвечаю. *(Угрожая шпагой.)*
Р и д о л ь ф о *(выбегает со шпагой и загораживает Витторию)*. Что вы это еще затеяли? Что вы хотите делать? Вы думаете, что вашей шпаги так все и испугались? За эту бедную женщину некому и засту-

[1] Беги от молвы *(латин.)*.

питься, так я за нее заступлюсь. *(Виттории.)* Синьора, идите со мной и не бойтесь ничего.

Виттория. Нет, любезный Ридольфо; если мой муж хочет убить меня, пусть исполнит свое желание. Ну, убей меня, собака, убийца, предатель! Убей меня, противный, беспутный, безжалостный!

Эудженио, пораженный, вкладывает шпагу в ножны.

Ридольфо. Ах, синьор Эудженио! Я вижу, что вы раскаиваетесь, и прошу у вас извинения, что так дурно говорил с вами. Кто же не пожалеет эту бедную синьору? Возможно ли, чтоб ее слезы не трогали вашего сердца?

Эудженио молча отирает слезы.

Посмотрите, синьора Виттория, посмотрите: он плачет; он переменится; он вас любит.

Виттория. Слезы крокодила. Сколько раз он обещал перемениться? Сколько раз со слезами на глазах он меня обманывал? Я ему не верю больше; он предатель; я ему не верю больше.

Эудженио колеблется между стыдом и гневом. В отчаянии бросает шляпу на землю и идет в кофейную.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Виттория и Ридольфо.

Виттория. Что значит, что он молчит?

Ридольфо. Стыдно стало.

Виттория. Разве в одну минуту так перемениться можно?

Ридольфо. Верно, что так. Если б мы с вами только плакали и просили его, он все бы еще буянил. А как только мы с вами немножко рассердились, как взяли смелость, он и притих. Он видит, что виноват, и хотел бы извиниться, да не знает как.

Виттория. Милый Ридольфо, пойдемте утешим его!

Ридольфо. Ну, уж это вы должны делать без меня.

Виттория. Подите вперед вы, потом скажите, как мне себя вести.

Ридольфо. Извольте. Погляжу пойду. *(Уходит в лавку.)*

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Виттория одна, потом Ридольфо.

Виттория. Ну, уж это в последний раз он видел мои слезы. Или он исправится и будет моим милым мужем, или заупрямится, и уж терпеть больше я не стану.

Ридольфо. Синьора Виттория, дурные новости: его там нет. Он ушел через заднюю дверь.

Виттория. Я вам говорила, что он коварный и упрямый человек.

Ридольфо. Я думаю, что он ушел от стыда; недостало храбрости сознаться в своей вине и попросить извинения.

Виттория. Нет, он знает хорошо, как легко ему у такой жены, как я, выпросить прощение.

Ридольфо. Смотрите, ушел без шляпы. *(Поднимает шляпу.)*

Виттория. Оттого что дурак.

Ридольфо. Оттого что сконфужен; он не помнит, что делает.

Виттория. Но если он раскаивается в своем поступке, отчего не сказать мне?

Ридольфо. Не хватило смелости.

Виттория. Вы меня смешите.

Ридольфо. Вот что сделайте: подите в мою комнату, а я пойду поищу его. Я надеюсь, что приведу его сюда, как собачонку.

Виттория. Не лучше ли мне совсем не думать об нем?

Ридольфо. На этот раз сделайте по-моему: худого не будет.

Виттория. Хорошо. Я подожду вас в комнате. Я могу сказать, что сделала все для мужа. Но если он не сумеет оценить моей любви, тогда клянусь вам, что я его возненавижу. *(Уходит в лавку.)*

Ридольфо. Хлопочу о нем, как о родном сыне. *(Уходит.)*

Лизаура, осматриваясь, тихо выходит из игорной лавки.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Лизаура *(одна)*. Ах, бедная, как я боюсь! Каков разбойник! У него жена, а он путает меня, жениться обещает. Нет, уж я теперь не пущу его. Танцевать бы мне да танцевать; а то пришла в голову меланхолия, захотелось графиней быть. *(Уходит в свой дом.)*

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Леандро (выбегает из дома Лизауры).

Леандро. Поступать со мной таким образом!

Лизаура *(из двери)*. Да, с вами, лжец, самозванец!

Леандро. За что вы можете жаловаться на меня? За то, что я для вас бросил жену?

Лизаура. Если б я знала, что вы женаты, я бы вас к себе не пустила.

Леандро. Я ведь не первый к вам пришел.

Лизаура. По крайней мере уж последний.

Входит дон Марцио, смотрит в лорнет и смеется про себя.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дон Марцио и те же.

Леандро. Вы со мной недаром потеряли время.

Лизаура. Да, и я имела долю в ваших бесчестных доходах. Я краснею, когда подумаю об этом; подите к черту и не подходите больше к моему дому!

Леандро. Я приду к вам за моими вещами.

Дон Марцио смеется.

Лизаура. Я пришлю вам их с горничной. *(Уходит и запирает дверь.)*

Леандро. Так обидеть меня? Она поплатится за это.

Дон Марцио хохочет, но, обращаясь к Леандро, делается серьезным.

Видели, мой друг?

Д. Марцио. Что такое? Я сейчас только пришел.

Леандро. Вы не застали танцовщицу здесь, у дверей?

Д. Марцио. Конечно, не застал.

Леандро *(про себя)*. Так беда не велика.

Д. Марцио. Подите сюда: говорите со мной, как благородный человек, доверьтесь мне и будьте уверены, что никто ничего не узнает. Вы здесь чужой, как и я же; но я лучше вас знаю этот город. Если вам нужно покровительство, помощь, совет и сверх того тайна, я к вашим услугам.

Л е а н д р о. Вы так добры ко мне, что я готов открыться вам во всем; но ради бога никому не говорите.

Д. М а р ц и о. Далее!

Л е а н д р о. Эта пилигрима моя жена.

Д. М а р ц и о. Хорошо.

Л е а н д р о. Я ее бросил в Турине.

Д. М а р ц и о *(про себя)*. Ах, разбойник!

Л е а н д р о. Я совсем не граф Леандро.

Д. М а р ц и о. Еще лучше!

Л е а н д р о. Мои родители не дворяне.

Д. М а р ц и о. Вы не сын ли какого-нибудь сыщика?

Л е а н д р о. Что вы, что вы, синьор! Мои родители бедные, но честные люди.

Д. М а р ц и о. Ну, далее, далее!

Л е а н д р о. Я был конторщиком.

Д. М а р ц и о. Работа тяжелая, не правда ли?

Л е а н д р о. Но, желая видеть свет...

Д. М а р ц и о. На чужой счет.

Л е а н д р о. Я приехал в Венецию.

Д. М а р ц и о. Заниматься мошенничеством.

Л е а н д р о. За кого вы меня принимаете? Разве так разговаривают!

Д. М а р ц и о. Послушайте; я вам обещал покровительство, и исполню, обещал тайну, и сохраню; но, между нами двоими, позвольте мне сказать кой-что в шутку, любя, что называется.

Л е а н д р о. Теперь вы видите, в каком я положении; если жена меня уличит, я могу попасть в беду.

Д. М а р ц и о. Что же вы думаете делать?

Л е а н д р о. Надо попробовать выжить ее из Венеции.

Д. М а р ц и о. Ну, ну, вот и видно, что вы мошенник.

Л е а н д р о *(строго)*. Что вы сказали, синьор?

Д. М а р ц и о. Я любя, любя.

Л е а н д р о. Ну, я уеду; только б она этого не знала.

Д. М а р ц и о. От меня не узнает.

Л е а н д р о. Вы советуете мне ехать?

Д. М а р ц и о. Да, это лучшее средство. Идите сейчас, возьмите гондолу, велите отвезти вас в Фузину[1], возьмите почтовых лошадей и поезжайте в Феррару.

Л е а н д р о. Вечером же уеду; до ночи уж недалеко. Надо только взять свои вещи у танцовщицы.

---

[1] Ближайшее место на твердой земле. *(Прим. пер.)*

Д. М а р ц и о. Так берите скорей да и поезжайте сейчас. Смотрите, чтоб вас не видали.

Л е а н д р о. Я пройду через заднюю дверь, там не увидят.

Д. М а р ц и о *(про себя)*. Я говорил, что к ней ходят через заднюю дверь.

Л е а н д р о. Только, пожалуйста, никому!

Д. М а р ц и о. Будьте покойны!

Л е а н д р о. Прошу вас об одном: отдайте жене эти два цехина и отправьте ее. Потом напишите мне, и я сейчас возвращусь. *(Отдает два цехина.)*

Д. М а р ц и о. Отдам два цехина. Убирайтесь!

Л е а н д р о. Но уверены ли вы, что она уедет?

Д. М а р ц и о. Убирайтесь, будьте вы прокляты!

Л е а н д р о. Вы меня гоните?

Д. М а р ц и о. Любя, для вашей же пользы. Ступайте, черт вас возьми!

Л е а н д р о *(про себя)*. Вот так человек! Если он ругает приятелей, что ж он делает с врагами? *(Уходит к танцовщице.)*

Д. М а р ц и о. Синьор граф! Ах, разбойник! Синьор граф! Если бы он не обратился ко мне, я бы ему переломал все ребра палкой.

П л а ч и д а выходит из гостиницы.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

П л а ч и д а и д о н М а р ц и о.

П л а ч и д а. Будь что будет, а уж я найду своего негодного мужа.

Д. М а р ц и о. Как поживаете, пилигрима?

П л а ч и д а. Вы, если я не ошибаюсь, один из тех, которые обедали с моим мужем?

Д. М а р ц и о. Да, тот самый. Помните печеные каштаны?

П л а ч и д а. Сделайте милость, скажите, где этот предатель?

Д. М а р ц и о. Я не знаю: да если б и знал, так не сказал бы.

П л а ч и д а. Почему?

Д. М а р ц и о. Потому что если вы найдете его, так будет хуже. Он вас убьет.

П л а ч и д а. По крайней мере я перестану страдать.

Д. М а р ц и о. Э! Вздор! Глупость! Вернитесь в Турин.

П л а ч и д а. Без мужа?

Д. М а р ц и о. Да, без мужа. Что ж вам еще делать? Он разбойник.

П л а ч и д а. Что вы! Но я его желаю видеть.

Д. М а р ц и о. Ах! Вы его больше не увидите.

П л а ч и д а. Сделайте милость, скажите, если знаете; он, может быть, уехал?

Д. М а р ц и о. И уехал и не уехал.

П л а ч и д а. По всему видно, что вы знаете кой-что об нем.

Д. М а р ц и о. Я-то? И знаю и не знаю; но не говорю.

П л а ч и д а. Синьор, сжальтесь надо мной!

Д. М а р ц и о. Ступайте в Турин, не об чем вам и думать больше. Берите, я вам даю два цехина.

П л а ч и д а *(берет цехины)*. Вам бог за меня заплатит. Но отчего же вы не хотите сказать мне ничего о муже? Я ухожу в совершенном отчаянии. *(Плачет и хочет идти.)*

Д. М а р ц и о *(про себя)*. Бедная женщина! *(Громко.)* Послушайте!

П л а ч и д а. Что угодно?

Д. М а р ц и о. Ваш муж у танцовщицы, пошел за своими вещами и уйдет через заднюю дверь. *(Уходит.)*

П л а ч и д а. Он еще в Венеции! Он не уехал! Он у танцовщицы! Если б кто меня проводил, я бы опять попыталась. Но одна что я сделаю? Меня всякий обидит.

Входят Р и д о л ь ф о и Э у д ж е н и о.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Р и д о л ь ф о, Э у д ж е н и о и П л а ч и д а.

Р и д о л ь ф о. Ну вот, что за важность: все мы люди, все не без греха.

Э у д ж е н и о. Хорошо; но жена мне не поверит.

Р и д о л ь ф о. Пойдемте вместе со мной, я за вас буду говорить. Синьора Виттория вас любит; все пойдет своим порядком.

П л а ч и д а. Синьор Эудженио.

Р и д о л ь ф о. Синьор Эудженио просит оставить его в покое. У него свое дело, ему не до вас.

П л а ч и д а. Я не хочу мешать его делам. Я обращаюсь ко всем, потому что нахожусь в самом несчастном положении.

Э у д ж е н и о. Поверьте, Ридольфо, что эта женщина заслуживает сострадания; она женщина честнейшая, а муж у ней разбойник.

Плачида. Он бросил меня в Турине. Я нашла его в Венеции; он грозил убить меня и снова сбирается бежать.

Ридольфо. Вы знаете, где он?

Плачида. У танцовщицы; собирает свои вещи и сейчас уедет.

Ридольфо. Когда пойдет, вы увидите его.

Плачида. Он уйдет через заднюю дверь, и я его не увижу; да если и увижу, он меня убьет.

Ридольфо. Кто вам сказал, что он уйдет через заднюю дверь?

Плачида. Синьор дон Марцио.

Ридольфо. Так вы вот что сделайте: подите в лавку цирюльника, оттуда видно потайную дверь. Как вы его увидите, позовите меня и предоставьте все дело мне.

Плачида. Меня не пустят в цирюльню.

Ридольфо *(кличет)*. Господин Агабито!

Выходит из цирюльни мальчик.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Мальчик и те же.

Мальчик. Что вам угодно, господин Ридольфо?

Ридольфо. Скажи хозяину, что он меня очень обяжет, если позволит этой госпоже побыть в его лавке, пока я приду за ней.

Мальчик. Пожалуйте, сударыня. *(Входит с Плачидой в лавку.)*

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Ридольфо и Эудженио.

Ридольфо. Надо попробовать, нельзя ли помочь и этой бедняжке. Если б ее отправить вместе с мужем, синьора Виттория перестала бы и ревновать. Уж она мне намекала на пилигримку.

Эудженио. Вы добрый человек. В случае надобности вы сами найдете сто друзей, которые вам помогут.

Ридольфо. Не дай бог иметь надобности ни в ком. В мире столько неблагодарности.

Эудженио. Но на меня вы можете рассчитывать, пока я жив.

Р и д о л ь ф о. Благодарю вас. Но займемся нашим делом. Что вы думаете делать? Хотите в моей комнате поговорить с женой, или позвать ее в лавку? Одни пойдете или со мной? Приказывайте?

Э у д ж е н и о. В лавку неловко; если пойду с вами, она будет стесняться; если пойду один, ей придет в голову выцарапать мне глаза... Но что ж делать, пусть ее кипятится, по крайней мере гнев пройдет. Пойду один.

Р и д о л ь ф о. Ну, и с богом.

Э у д ж е н и о. Если нужно, я вас позову.

Р и д о л ь ф о. Ну, идите же!

Э у д ж е н и о. Как вы думаете, что будет?

Р и д о л ь ф о. Ничего дурного.

Э у д ж е н и о. Плакать будет или царапаться?

Р и д о л ь ф о. Всего понемножку.

Э у д ж е н и о. А потом?

Р и д о л ь ф о. Старое по-старому.

Э у д ж е н и о. Пока не позову, не ходите.

Р и д о л ь ф о. Понятное дело.

Э у д ж е н и о. Я вам расскажу все.

Р и д о л ь ф о. Ну, идите!

Э у д ж е н и о входит в кофейную.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Р и д о л ь ф о, потом Т р а п п о л а и м а л ь ч и к и.

Р и д о л ь ф о. Муж и жена? Их можно оставить вместе, сколько им угодно. Эй, Траппола, ребята, где вы?

Т р а п п о л а. Здесь!

Р и д о л ь ф о. Смотрите за лавкой, а я пойду к цирюльнику. Если синьор Эудженио меня покличет, позовите меня.

Т р а п п о л а. Можно мне войти, сделать компанию синьору Эудженио?

Р и д о л ь ф о. Нет, синьор, вы не ходите, а лучше смотрите, чтобы туда не вошел никто.

Т р а п п о л а. Отчего же?

Р и д о л ь ф о. Оттого же.

Т р а п п о л а. Я пойду справиться: не угодно ли ему чаю.

Р и д о л ь ф о. Не ходите, пока не позовут. *(Входит в цирюльню.)*

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Траппола, потом дон Марцио.

Траппола. Именно когда не велено входить, тут-то мне и любопытно.

Входит дон Марцио.

Д. Марцио. Что, Траппола, испугался давеча?
Траппола. Немножко.
Д. Марцио. Синьор Эудженио показался опять?
Траппола. Да, показался; теперь он там. Но тише!
Д. Марцио. Где?
Траппола. Тише! В комнате.
Д. Марцио. Что он там делает? Играет?
Траппола *(смеется)*. Да, синьор, играет.
Д. Марцио. С кем?
Траппола *(тихо.)* С женой.
Д. Марцио. Там его жена?
Траппола. Там. Но тише!
Д. Марцио. Я пойду к нему.
Траппола. Нельзя.
Д. Марцио. Почему?
Траппола. Хозяин не приказал.
Д. Марцио. Пошел прочь, шут! *(Хочет идти.)*
Траппола *(загораживая дорогу)*. Я вам говорю: не ходите.
Д. Марцио. А я говорю, что пойду.
Траппола. А я говорю, что не пойдете.
Д. Марцио. А я тебя изуродую палкой.

Входит Ридольфо.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Ридольфо и те же.

Ридольфо. Что такое?
Траппола. Хотят войти силой, а не знают того, что если муж с женой вдвоем, так третий лишний.
Ридольфо. Согласитесь, синьор, что туда войти нельзя.
Д. Марцио. А я хочу.
Ридольфо. В моей лавке хозяин я, и вы туда не пойдете. Имейте уважение, если не хотите, чтоб вас заставили. А вы, пока не ворочусь, не пускайте туда никого. *(Стучит в дверь танцовщицы и входит к ней.)*

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Дон Марцио, Траппола, потом Пандольфо.

Траппола. Слышали? К браку нужно иметь уважение.

Д. Марцио *(ходит взад и вперед)*. Мне-то? Вы не пойдете... Имейте уважение... Мне-то? И я стою смирно? Не говорю ничего? Не бью его? Разбойник! Мужик! Мне-то? Мне-то? *(Садится.)* Кофею!

Траппола. Сейчас! *(Идет за кофеем и подает.)*

Входит Пандольфо.

Пандольфо. Синьор, я нуждаюсь в вашем покровительстве.

Д. Марцио. Что с тобой?

Пандольфо. Плохо дело.

Д. Марцио. В чем плохо? Скажи, я помогу.

Пандольфо. Вы, синьор, знаете, что есть злые завистники, которые не желают добра бедным людям. Видя, что я честно тружусь для приличного содержания своего семейства, эти разбойники донесли, что у меня фальшивые карты.

Д. Марцио *(с иронией)*. Разбойники! А ты благородный человек? Как же ты узнал?

Пандольфо. Один приятель сказал мне. Я уверен, что доносчики не имеют доказательств, потому что в мою лавку ходят честные люди, и никто не может сказать про меня худо.

Д. Марцио. Ну, если б спросили у меня, я знаю про тебя хорошие вещи.

Пандольфо. Добрейший синьор, не губите меня! Я прошу вашей милости, вашего покровительства для бедных детей.

Д. Марцио. Ну, я тебе помогу. Предоставь все дело мне. Но и сам берегись. Замеченных карт нет у тебя в лавке?

Пандольфо. Я сам не мечу... Но некоторые игроки этим занимаются.

Д. Марцио. Сожги их скорее! Я не скажу.

Пандольфо. Я боюсь, что не успею.

Д. Марцио. Спрячь!

Пандольфо. Пойду спрячу.

Д. Марцио. Куда хочешь спрятать?

П а н д о л ь ф о. У меня есть потайное местечко под полом; сам черт не найдет. *(Уходит в лавку.)*

Д. М а р ц и о. Однако ты плут большой руки.

Входят переряженные п о л и ц е й с к и е и с ы щ и к их в маске.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Д о н М а р ц и о, п о л и ц е й с к и е, потом Т р а п п о л а.

Д. М а р ц и о. Не нынче-завтра сошлют его на галеры. Если хоть половина его плутней откроется, его сейчас же в тюрьму засадят.

С ы щ и к *(в глубине сцены полицейским)*. Ходите здесь неподалеку. Когда позову, приходите.

П о л и ц е й с к и е расходятся.

Д. М а р ц и о *(про себя)*. Меченые карты! Ах, разбойники!

С ы щ и к *(садится у кофейной)*. Кофею!

Т р а п п о л а. Сейчас! *(Уходит и приносит кофе.)*

С ы щ и к. Хорошие дни стоят.

Д. М а р ц и о. Это ненадолго.

С ы щ и к. Что делать! Будем пользоваться ими, пока хороши.

Д. М а р ц и о. Недолго нам ими пользоваться.

С ы щ и к. В дурную погоду можно ходить в казино, играть в карты.

Д. М а р ц и о. Да, уж придется ходить туда, где грабят.

С ы щ и к. В этой игорной лавке, кажется, дело идет на чести.

Д. М а р ц и о. На чести? Это воровской притон.

С ы щ и к. Здесь хозяин, кажется, Пандольфо?

Д. М а р ц и о. Он самый.

С ы щ и к. Сказать правду, я слышал, что он сам тоже игрок.

Д. М а р ц и о. Плут преестественный.

С ы щ и к. Не обыграл ли он и вас?

Д. М а р ц и о. Меня нет, я не дурак. Но все, которые у него бывали, пошли по миру.

С ы щ и к. Что ж он не показывается, верно, боится чего-нибудь?

Д. М а р ц и о. Он там, в лавке, прячет карты.

С ы щ и к. Зачем же их прятать?

Д. Марцио. Как же не прятать, коли они фальшивые.

Сыщик. Ну, конечно. А куда он их прячет?

Д. Марцио. Хотите пошутить над ним? Он их прячет в потайном месте под полом.

Сыщик *(про себя)*. Ну, с меня довольно.

Д. Марцио. Вы, синьор, тоже играете?

Сыщик. Иногда.

Д. Марцио. Я что-то вас не знаю.

Сыщик *(встает)*. Сейчас узнаете.

Д. Марцио. Вы уходите?

Сыщик. Я ворочусь.

Траппола. Синьор, а за кофей?

Сыщик. Сейчас заплачу. *(Отходит и свищет.)*

Полицейские сходятся и входят в лавку Пандольфо. Дон Марцио и Траппола пристально смотрят, что делается.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Дон Марцио, Траппола.

Д. Марцио. Траппола...

Траппола. Синьор дон Марцио...

Д. Марцио. Что это за люди?

Траппола. Да, должно быть, ищейки[1].

Выходят из лавки полицейские и Пандольфо, связанный.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Пандольфо, полицейские и те же.

Пандольфо. Синьор дон Марцио, благодарю вас!

Д. Марцио. Меня? Я знать не знаю.

Пандольфо. Меня, вероятно, сошлют на галеры; но и вас стоит поставить к позорному столбу. *(Уходит с полицейскими.)*

Сыщик. Да, синьор, мы захватили его в то время, когда он прятал карты. *(Уходит.)*

Траппола. Пойти поглядеть, куда они пойдут. *(Уходит.)*

---

[1] В подлиннике иронически l'onorata famiglia (почтенная семейка). *(Прим. пер.)*

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Д. Марцио *(один)*. Ах, черт возьми! Что я сделал! Я его принял за важного синьора, а он переодетый сыщик. Меня предали, меня обманули! Я добрый человек, говорю со всеми откровенно.

Из дома танцовщицы выходят Ридольфо *и* Леандро.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ридольфо, Леандро, дон Марцио.

Ридольфо. Хорошо; вот это мне нравится: кто слушается рассудка, сейчас видно, что он человек хороший.

Леандро. Вот кто мне советовал уехать.

Ридольфо. Отлично, синьор дон Марцио! Хорошие советы даете! Вместо того чтоб стараться помирить его с женой, вы ему советуете бросить ее и уехать.

Д. Марцио. Помирить с женой? Это невозможно; он ее не любит.

Ридольфо. А мне так было возможно. Я с двух слов его убедил, и он опять сойдется с женой.

Леандро *(про себя)*. Поневоле сойдешься, а то беда.

Ридольфо. Пойдемте к синьоре Плачиде: она здесь, в цирюльне.

Д. Марцио. Ступайте к своей милой супруге!

Леандро. Между нами сказать, синьор дон Марцио, у вас прескверный язык. Я — любя. *(Уходит с Ридольфо в цирюльню.)*

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дон Марцио, потом Ридольфо.

Д. Марцио. Не хвалят мой язык, а чем он дурен? Это правда, что я иногда кой-что рассказываю то про того, то про другого, но я говорю правду; так зачем же мне удерживаться? Я говорю откровенно все, что знаю; и все это оттого, что я добрый человек.

Ридольфо выходит из цирюльни.

Ридольфо. Ну, и эту уладил.

Д. Марцио. Великий Ридольфо! Вы соединяете супругов.

Ридольфо. А вы их разлучаете.

Д. Марцио. Для их же пользы.

Ридольфо. Дурное дело не может быть никому в пользу.

Д. Марцио *(с презрением)*. Ты великий ученый!

Ридольфо. Вы умнее меня; только, извините, у меня язык покороче вашего.

Д. Марцио. Ты говоришь дерзости.

Ридольфо. Если можете извинить меня, извините; а если нет, лишите вашего покровительства.

Д. Марцио. Я тебя лишу, я тебя лишу. Ты меня не увидишь больше в своей лавке.

Ридольфо *(про себя)*. Дай-то бог!

Выходит мальчик из кофейной.

СЦЕНА СЕМНАДЦАТАЯ

Мальчик из кофейной и те же.

Мальчик. Хозяин, синьор Эудженио вас зовет. *(Уходит.)*

Ридольфо. Сейчас приду. *(Дону Марцио.)* С вашего позволения.

Д. Марцио. Мое почтение, синьор политик. Что-то вы выиграете вашими хлопотами?

Ридольфо. Выиграю любовь и уважение хороших людей, что для меня всего дороже. *(Уходит.)*

Д. Марцио. Какой дурак! Какие министерские идеи имеет! Лавочник разыгрывает примирителя! И как хлопочет! И сколько времени на это тратит! Все это я устроил бы в четверть часа.

Выходят из кофейной Ридольфо, Эудженио и Виттория.

СЦЕНА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Ридольфо, Эудженио, Виттория и дон Марцио.

Д. Марцио *(про себя)*. Вот три дурака: дурак развратный, дура ревнивая и дурак-хвастун.

Ридольфо *(Виттории)*. Поверите ли, как я рад!

Виттория. Милый Ридольфо, вы мне возвратили мир, покой и, можно сказать, жизнь.

Эудженио. Поверьте, мой друг, мне надоела эта жизнь, только я не умел отстать от нее. Вы мне открыли глаза то советами, то упреками, то одолжениями и благодеяниями; вы меня навели на путь

истинный и заставили краснеть за самого себя. Я теперь другой человек и всем обязан вам.

Р и д о л ь ф о. Слишком много, синьор; я этого не стою.

В и т т о р и я. Пока я жива, я не забуду того, что вы для меня сделали. Вы возвратили мне мужа, что дороже для меня всего на свете. Я столько плакала, я так боялась потерять его! Я и теперь плачу, но от любви, от радости; радость наполняет мою душу и заставляет забыть прошедшее горе. И всем этим я обязана вам.

Р и д о л ь ф о. Вы трогаете меня до слез.

Д. М а р ц и о *(смотрит в лорнет)*. О! Проклятые сумасброды.

Э у д ж е н и о *(жене)*. Хотите домой идти?

В и т т о р и я. Нет, я такая заплаканная и растрепанная. Там меня дожидается мать и кой-кто из родных; я не хочу, чтоб они видели у меня слезы на глазах.

Э у д ж е н и о. Ну, успокойся, подождем немного.

В и т т о р и я. Ридольфо, нет ли у вас зеркала? Надо взглянуть, какова я.

Д. М а р ц и о. Верно, супруг попортил прическу.

Р и д о л ь ф о. Если хотите посмотреться в зеркало, пойдемте наверх, в игорную лавку.

Э у д ж е н и о. Нет, уж туда я ни ногой.

Р и д о л ь ф о. Знаете новость? Пандольфо посадили в тюрьму.

Э у д ж е н и о. Да? За дело разбойнику. Как они меня обобрали!

В и т т о р и я. Пойдем, мой милый!

Э у д ж е н и о. Если там нет никого, пойдем.

В и т т о р и я. Я не могу видеть себя в таком беспорядке. *(Весело вбегает в лавку.)*

Э у д ж е н и о. Бедняжка, как она рада! *(Входит в лавку.)*

Р и д о л ь ф о. Пойти послужить им. *(Уходит за ними.)*

СЦЕНА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Д о н М а р ц и о, потом Л е а н д р о и П л а ч и д а.

Д. М а р ц и о. Я знаю, зачем Эудженио помирился с женой. Он разорился, ему нечем жить; жена молода, хороша... Придумано недурно; Ридольфо будет маклеровать.

Л е а н д р о и П л а ч и д а выходят из цирюльни.

Л е а н д р о. Пойдемте же в гостиницу за вашими вещами.

П л а ч и д а. Как же у вас хватило духу оставить меня?

Л е а н д р о. Ну, об этом довольно. Я переменю свою жизнь.

П л а ч и д а. Дай-то бог!

Д. М а р ц и о *(насмешливо)*. Ваш слуга, ваше сиятельство синьор граф!

Л е а н д р о. Мое почтение, синьор покровитель, синьор болтун!

Д. М а р ц и о. Честь имею кланяться, синьора графиня!

П л а ч и д а. Здравствуйте, синьор кавалер печеных каштанов! *(Входит с Леандро в гостиницу.)*

Д. М а р ц и о. Теперь вдвоем будут странствовать по свету да мошенничать. Весь их багаж колода карт.

СЦЕНА ДВАДЦАТАЯ

Л и з а у р а (у окна), д о н М а р ц и о.

Л и з а у р а. Пилигримка ушла в гостиницу с этим несчастным Леандро. Если она здесь долго останется, я перееду из этого дома. Не могу я видеть ни его, ни ее.

Д. М а р ц и о *(с лорнетом)*. Ваш слуга, синьора!

Л и з а у р а *(сердито)*. Мое почтение!

Д. М а р ц и о. Что с вами? Вы, кажется, сердитесь?

Л и з а у р а. Я удивляюсь, как в гостиницу пускают таких людей.

Д. М а р ц и о. О ком вы говорите?

Л и з а у р а. Я говорю о пилигримке, она дурная женщина; у нас по соседству прежде таких глупостей не было.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

П л а ч и д а (у окна гостиницы) и т е ж е.

П л а ч и д а. Эй, синьорина, что такое вы про меня говорите? Я женщина честная. Не знаю, можно ли то же сказать о вас.

Л и з а у р а. Если б вы были честная женщина, вы не стали бы скитаться по свету попрошайкой.

Дон Марцио глядит в лорнет то на ту, то на другую и смеется.

П л а ч и д а. Я пришла сюда за мужем.

Л и з а у р а. А в прошлом году за кем приходили?

П л а ч и д а. Я прежде никогда не бывала в Венеции.

Л и з а у р а. Вы лгунья! В прошлом году вы разыгрывали здесь очень жалкую фигуру.

Дон Марцио смотрит в лорнет и смеется.

П л а ч и д а. Кто вам сказал?

Л и з а у р а. Вот кто: синьор дон Марцио.

Д. М а р ц и о. Я ничего не говорил.

П л а ч и д а. Он не мог сказать такого вздору. Вот про вашу жизнь и ваше поведение он мне все рассказал. Он рассказал мне, чем вы живете и как потихоньку принимаете к себе разных гостей через заднюю дверь.

Д. М а р ц и о. Я не говорил.

П л а ч и д а. Нет, говорили.

Л и з а у р а. Возможно ли, чтоб синьор дон Марцио сказал обо мне такую неправду!

Д. М а р ц и о. Уверяю вас, ничего не говорил.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Э у д ж е н и о открывает окно в комнатах Пандольфо, другое окно открывает Р и д о л ь ф о, третье — В и т т о р и я и т е ж е.

Э у д ж е н и о. Да, он говорил это, он мне говорил то же самое и про ту и про другую. Про пилигримку, что она в прошлом году шлялась по Венеции; про танцовщицу, что к ней ходят гости через заднюю дверь.

Д. М а р ц и о. Я это слышал от Ридольфо.

Р и д о л ь ф о. Я неспособен говорить такие вещи. Мы даже поссорились за это. Я утверждал, что синьора Лизаура честная женщина, а вы настаивали, что она женщина дурная.

Л и з а у р а. Ах, противный!

Д. М а р ц и о. Ты лгун!

В и т т о р и я. Он и мне говорил, что мой муж в коротких отношениях и с танцовщицей и с пилигримкой, и описывал мне их как самых негодных женщин.

П л а ч и д а. Ах, злодей!

Л и з а у р а. Ах, проклятый!

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Леандро (у дверей гостиницы) и те же.

Леандро. Да, синьор, да! Вы произвели много беспорядков; вы очернили репутацию двух честных женщин.

Д. Марцио. И танцовщица тоже честная?

Лизаура. Да, и горжусь этим. Я была в дружбе с синьором Леандро единственно потому, что думала выйти за него замуж; я не знала, что он женат.

Плачида. Да, он женат, и я его жена.

Леандро. Если б я послушался синьора дон Марцио, я опять бы убежал от нее.

Плачида. Негодный!

Лизаура. Обманщик!

Виттория. Сплетник!

Эудженио. Болтун!

Д. Марцио. Вы это меня-то? Меня-то, самого честного человека в мире?

Ридольфо. Чтоб быть честным человеком, мало не воровать; нужно еще и поступать хорошо.

Д. Марцио. Я не сделал ни одного дурного дела.

Входит Траппола.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Траппола и те же.

Траппола. Славное дело сделал дон Марцио!

Ридольфо. А что он сделал?

Траппола. Он сделал донос на Пандольфо; его связали и, говорят, завтра будут плетьми наказывать.

Ридольфо. Он доносчик! Прочь от моей лавки! *(Отходит от окна.)*

Выходит мальчик из цирюльни.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Мальчик и те же.

Мальчик. Синьор шпион, больше к нам в лавку бриться не жалуйте! *(Входит в лавку.)*

Выходит слуга из гостиницы.

СЦЕНА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Слуга из гостиницы и те же.

Слуга. Синьор шпион, больше к нам обедать не жалуйте! *(Уходит в гостиницу.)*

Леандро. Синьор покровитель, между нами сказать, любя, доносить — дело подлое. *(Уходит в гостиницу.)*

Плачида. Вот вам и печеные каштаны, синьор доказчик! *(Отходит от окна.)*

Леандро. К позорному столбу, к позорному столбу! *(Отходит от окна.)*

Виттория. Ах, милый синьор дон Марцио! Те десять цехинов, которые вы давали мужу в долг,— это у вас была плата за шпионство. *(Отходит от окна.)*

Эудженио. Мое почтение, синьор поверенный! *(Отходит от окна.)*

Траппола. Честь имею кланяться, синьор доносчик! *(Уходит в лавку.)*

Д. Марцио. Я поражен, я унижен; не знаю, где я! Я шпион? Я шпион? За то, что я случайно открыл преступное поведение Пандольфо, меня будут считать шпионом? Я не знал полицейского, не предвидел обмана, я не виноват в этом бесчестном поступке. Однако все меня оскорбляют, все меня унижают, никто не хочет меня видеть и всякий гонит. Да, они все правы: язык мой, рано или поздно, доведет меня до большой беды. Он стал причиной моего бесчестия; уж хуже этого нет ничего. Оправдания тут не помогут. Я потерял доверие и уж не ворочу его. Уеду из этого города; уеду с сожалением; уеду потому, что мой несчастный язык заставляет меня бежать из этой страны, в которой все живут хорошо, пользуются свободой, миром и удовольствиями, все, кто умеет вести себя умно, осторожно и честно.

Перевод
с испанского

ИНТЕРМЕДИИ МИГУЭЛЯ СЕРВАНТЕСА СААВЕДРА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Вот что говорят сами испанцы об интермедиях Сервантеса[1]: «Между различными произведениями, которыми мы одолжены главе испанских гениальных писателей, наименее известны и наиболее заслуживают известности его интермедии. В них читатели увидят, как дивно и с каким разнообразием гений Сервантеса умел схватывать и раскрывать перед публикой и самые грандиозные и самые мелкие сюжеты; и мы осмеливаемся заверять, что в интермедиях Сервантес является более с а м и м с о б о ю, чем во всех других произведениях, исключая «Дон Кихота». В этих веселых картинках, писанных легкими штрихами, гений Сервантеса находится совершенно в своей сфере, тут невозмутимо льется неисчерпаемый поток его неподражаемого комизма. В рисовке характеров, восторженных, чудных и смешных, Сервантес не имеет соперников, и так как они-то и составляют главный материал интермедий, произведений, которые теперь известны под именем сайнет (sainetes), то никто не колеблется признать и за более самородные и чистые образцы оригинального таланта Сервантеса».

«Язык этих пьес естественен и верен относительно лиц и положений, остроумен, игрив и блестит народными оборотами, пословицами и поговорками. Хотя этот род произведений начинается только с Сервантеса, но он же и довел их до высшего совершенства. Написанные в начале XVII века, они и теперь представляют для читателя такой интерес, как будто лица, изображаемые в них, взяты из общества, нас окружающего, что доказывает (и в этом состоит их главная заслуга), что нет предмета, как бы низок он ни казался, который бы не ожил и не получил важного значения в руках истинного гения, потому что он умеет поместить в простом и малом такой общий и человеческий интерес, который заставит его выплыть в потоке веков».

А. Островский

[1] Los entremeses de Miguel de Cervantes Saavedra, Madrid.

САЛАМАНКСКАЯ ПЕЩЕРА[1]

LA CUEVA DE SALAMANCA

ЛИЦА:

ПАНКРАСИО.

ЛЕОНАРДА, *его жена.*

КРИСТИНА, *горничная.*

САКРИСТАН РЕПОНСЕ.

НИКОЛАС РОКЭ, *цирюльник.*

СТУДЕНТ.

ЛЕОНИСО, *кум Панкрасио.*

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме Панкрасио.
Входят Панкрасио, Леонарда и Кристина.

Панкрасио. Осушите слезы, сеньора, и прервите вздохи! Подумайте! Четыре дня отсутствия — ведь не вечность. Я возвращусь, уж самое большее, на пятый день, если, бог даст, не умру. Хотя, конечно, будет лучше не расстраивать вас, нарушить обещание и оставить эту поездку, потому что сестра может выйти замуж и без меня.

Леонарда. Не хочу, Панкрасио, муж и сеньор мой, чтобы из угожденья мне вы сделали невежливость. Отправляйтесь в час добрый и исполняйте ваши обязанности, их нельзя нарушать; а уж я перемаюсь со своим горем и скоротаю как-нибудь одиночество.

[1] Несчастные жертвы инквизиции в Испании в своих вынужденных пытками признаниях объявляли, что они имели сношения с дьяволами и учились волшебству в пещерах Толедо и Саламанки. Эти пещеры в Испании играли ту же роль, какую в инквизиционных судах Германии играли «шабаши». *(Прим. пер.)*

Об одном прошу: возвращайтесь и не оставайтесь долее назначенного вами срока. Держи меня, Кристина, у меня замирает сердце! *(Падает в обморок.)*

К р и с т и н а. Ох, уж эти мне свадьбы и праздники! Ну, сеньор, по правде вам сказать, если бы я была на месте вашей милости, ни за что бы я не поехала.

П а н к р а с и о. Поди-ка, дитя мое, принеси стакан воды; надо плеснуть ей в лицо; или нет, постой, я скажу ей на ухо словечко, которое женщин в чувство приводит. *(Шепчет какие-то слова, Леонарда приходит в чувство.)*

Л е о н а р д а. Довольно; нужно быть твердой! В самом деле, должны же мы иметь терпение, радость моя! Чем более вы здесь медлите, тем более отдаляете мое благополучие. Ваш кум, Леонисо, должно быть, уже ждет вас в карете; идите с богом, и пусть он возвратит вас так скоро и в таком добром здоровье, как я того желаю.

П а н к р а с и о. Мой ангел, если хочешь, чтобы я остался, я не двинусь с места, как статуя.

Л е о н а р д а. Нет, нет, опора моя: мои желания — это ваши желания; и теперь для меня лучше, чтобы вы ехали, чем оставались, потому что ваша честь — моя честь.

К р и с т и н а. Образцовые супруги! По правде, если б все жены любили своих мужей так, как моя сеньора Леонарда любит своего, так было бы для них лучше, другая бы музыка была.

Л е о н а р д а. Поди, Кристина, принеси мне манто: я хочу проводить твоего господина и дождаться, пока он сядет в карету.

П а н к р а с и о. О нет, ради любви моей! Обними меня и оставайся. Ну, ради жизни моей! Кристиночка, старайся развлекать свою сеньору: я, когда ворочусь, подарю тебе башмаки, какие ты желала.

К р и с т и н а. Поезжайте, сеньор, и не беспокойтесь о моей сеньоре; я надеюсь уговорить ее; мы повеселимся так, что ей в голову не придет, что вашей милости нет дома.

Л е о н а р д а. Мне-то веселиться? Хорошо же ты меня знаешь, глупенькая! Нет!

Нет любезного со мною,
И веселье прочь летит;

Только горем да тоскою
Сердце бедное щемит!

Панкрасио. Наконец я не могу выносить этого. Будь покойна, свет очей моих, и не видать этим глазам никакой радости вплоть до моего возвращения и свидания с тобой. *(Уходит.)*

Леонарда. О, чтоб провалиться тебе в преисподнюю, лазутчику! Убирайся, и век бы тебя не видать! Выжига! Нет уж, клянусь богом, на этот раз не помогут тебе ни твоя премудрость, ни твои хитрости.

Кристина. Я тысячу раз дрожала от страха, что ты своими необыкновенными чувствами остановишь его и помешаешь нашим удовольствиям[1].

Леонарда. А придут нынче ночью те, кого ждем-то?

Кристина. Еще бы не прийти! Я им весточку послала, и они так хорошо ее приняли, что сегодня вечером с нашей доверенной прачкой прислали нам целую корзинищу с подарками и съестным; та и притащила ее как будто с бельем. Эта корзинка похожа на те, которые посылает король в великий четверг своим бедным, или, скорей, уж на пасхальную, потому что там и пироги, и холодное жаркое, и куриная грудинка с рисом, и два каплуна, еще не ощипанные, и всякие фрукты, какие в эту пору водятся, да кроме того, бурдючок вина, побольше полупуда весом, и такого крепкого, что так в нос и бьет.

Леонарда. Это очень учтиво, да он и всегда был таков, мой Репонсе — сакристан моего существа.

Кристина. А чего ж не хватает моему мастеру Николасу? Он тоже цирюльник всего моего существа и бритва моих печалей! Как только я его увижу, так

[1] Фамильярные отношения между горничными и их барынями — дело обыкновенное в Испании. Там так называемого простого народа не было, все были идальги (hidalgos), и умственное развитие женщин и образование, или, лучше сказать, невежество их, во всех классах были одинаковы. Кроме того, было в обычае брать в услужение бедных родственниц. В пьесе Сервантеса «Ревнивый старик» горничная Кристина называет госпожу свою «сеньора тетенька» (señora tía). Тот же обычай существует и у нас в среде достаточных крестьян, мещан и мелких купцов, у которых прислугу заменяют бедные племянники и племянницы. Они служат без всякого договора, без всякого жалованья, в ожидании будущих благ: племянницы в ожидании, что их выдадут замуж, а племянники — что их выведут в люди, то есть в приказчики. Это называется «жить в племянниках». *(Прим. пер.)*

он у меня всякое горе обстригает, как будто ничего и не бывало.

Леонарда. Ты спрятала корзину-то?

Кристина. Она у меня в кухне стоит, покрыта мешком из-под золы, чтобы не заметили.

Стучат в дверь, потом, не дождавшись ответа на свой стук, входит студент.

Леонарда. Кристина, посмотри, кто там стучит.

Студент. Сеньоры, это я, бедный студент.

Кристина. Это сейчас видно, что вы и бедный, и студент; что вы студент, видно по вашему платью, а что вы бедный — по вашей дерзости. Только вот это странно, что бедный не дожидается за дверью, пока ему вынесут милостыню, а врывается в дом до самого последнего угла, не рассуждая, беспокоит ли он спящих, или нет.

Студент. Другого, более мягкого приема ждал я от милостей вашей милости; я никакого подаяния не прошу и не ищу, кроме конюшни или сарая с соломой, чтобы на эту ночь укрыться от немилостей неба, которое, как я предчувствую, хочет показать земле всю свою свирепость.

Леонарда. Откуда вы, милый друг?

Студент. Я саламанкинец, сеньора моя, то есть я хочу сказать, что я из Саламанки. Я ходил в Рим с дядей, и он умер на дороге, в середине Франции. Тогда я пошел один; я решился возвратиться в свою землю. В Каталонии меня ограбили слуги или товарищи Рокэ Гинарде[1]. Сам он был в отсутствии, а

---

[1] Атаман разбойников Roque Guinarde выведен Сервантесом в «Дон Кихоте». В романе он называется: Roque Guinart. Испания по преимуществу страна разбойников. Во времена Сервантеса бывало нередко, что разбойничьи шайки пополнялись молодыми людьми из лучших фамилий. Вражда двух каких-нибудь значительных фамилий, из которых каждая имела свою партию, разделяла области и города на два враждебных лагеря. Вражда порождала убийства, а убийства — кровавую месть, то есть новые убийства; убийцы, скрываясь от правосудия, находили убежище в разбойничьих шайках и часто принимали предводительство над ними. В Каталонии в то время, как видно из романа Сервантеса, враждовали две фамилии: Ниарры (Niarros) и Кадельи (Cadelles); Рокэ принадлежал к партии Ниарров. Сервантес изображает Рокэ человеком благородным и великодушным и вообще относится к нему очень сочувственно. *(Прим. пер.)*

будь он там, он не позволил бы обидеть меня, потому что он очень учтив, честен и даже милостив. Теперь застала меня ночь у ваших святых дверей; я такими их считаю и прошу помощи.

Леонарда. Кристина, право, этот студент возбуждает во мне сострадание.

Кристина. Да и меня уж берет за сердце. Оставим его почевать у нас; от излишков замка можно прокормить целый полк, говорит пословица; я хочу сказать, что остатками нашей провизии он может утолить свой голод, и сверх того он поможет мне щипать живность, которая в корзине.

Леонарда. Однако как же это, Кристина? Ты хочешь, чтобы у нас в доме были свидетели нашего легкомысленного поведения?

Кристина. Ну, кажется, от него слова-то, как от рыбы, не скоро дождешься. Подите сюда, друг мой! Умеете вы щипать?

Студент. Как это: «умею щипать»? Я не понимаю, что значит «щипать». Мне кажется, ваша милость хочет посмеяться над моей ощипанностью. Так уж это зачем же? Я и сам признаюсь, что я величайший оборванец в мире.

Кристина. Нет, совсем не то, по душе вам говорю; я хотела только знать, сумеете ли вы ощипать две или три пары каплунов.

Студент. На это, сеньоры, я могу вам ответить, что я, по милости божией, имею ученую степень бакалавра Саламанки; я не говорю, чтобы...

Леонарда. Да, коли так, кто же может сомневаться, что вы сумеете ощипать не только каплунов, но и гусей и дроф! А хранить тайну — как вы насчет этого? Не нападает ли на вас искушение рассказывать то, что вы видите, предполагаете или думаете?

Студент. Вы можете перед моими глазами перебить людей больше, чем баранов на бойне, и я все-таки не раскрою губ, чтобы проронить хоть одно слово.

Кристина. Итак, зажмите ваш рот, привяжите шнурком ваш язык, навострите ваши зубы и пойдемте с нами, и вы увидите тайны, и будете есть чудеса, и можете потом на соломе протянуть ноги во всю длину постели.

С т у д е н т. Это ровно в семь раз больше того, что мне нужно; я не жадный человек и не избалован.

Входят с а к р и с т а н Р е п о н с е и ц и р ю л ь н и к.

С а к р и с т а н. Да будут благословенны антомедоны и кондукторы повозок наших удовольствий, лучи в наших потемках, и две взаимные склонности, которые служат базами и колоннами любовной фабрики наших пожеланий.

Л е о н а р д а. Ведь вот только это и противно в тебе, Репонсе: говори ты, как все говорят, чтоб тебя понять можно было, и не заносись ты так высоко, что тебя не достанешь.

Ц и р ю л ь н и к. Вот у меня это дело идет настоящим порядком; моя речь льется гладко, как подошвы у башмака: хлеб вместо вина, и вино вместо хлеба, или вообще как следует выражаться...

С а к р и с т а н. Да; но только в том и разница между сакристаном-грамматиком и цирюльником-романсистом.

К р и с т и н а. Для того что мне нужно от моего цирюльника, он знает по-латыни очень довольно и даже больше, чем у Антонио де Небриха[1] вычитать можно; да и нечего теперь спорить ни о науках, ни об уменье говорить; пусть каждый говорит, если не по-ученому, то как умеет; и пойдемте, примемся за работу, нам еще много нужно сделать.

С т у д е н т. И много щипать?

С а к р и с т а н. Кто это, этот добрый человек?

Л е о н а р д а. Бедный студент саламанкский: он просит пристанища на эту ночь.

С а к р и с т а н *(вынимая деньги)*. Я дам ему два реала на ужин и ночлег, и пусть идет с богом.

С т у д е н т *(принимая деньги)*. Сеньор сакристан Репонсе, принимаю и благодарю вас за милость и милостыню. Но я молчалив и сверх того беден, что и нужно для этой сеньоры девицы, у которой я в гостях; и я клянусь, что... что уж в эту ночь не уйду из этого дома, хотя бы даже весь свет меня гнал. Ваша милость, доверьтесь каторжному человеку моего пошиба, который довольствуется ночлегом на соло-

---

[1] Знаменитый испанский грамматик; его грамматика была во всеобщем употреблении. *(Прим. пер.)*

ме. Что же касается до ваших каплунов, то пусть их щиплет турка, и подавиться бы вам ими.

Цирюльник. Мне кажется, он больше мошенник, чем бедняк. У него такой вид, как будто сбирается поднять весь дом вверх дном.

Кристина. Что бы там ни было, а эта смелость мне нравится; пойдемте все и по порядку примемся за дело; бедняк будет щипать и будет молчать, как за обедней.

Студент. Уж верней сказать: как за всенощной.

Сакристан. Этот студент меня пугает; я бьюсь об заклад, что он знает по-латыни больше меня.

Леонарда. Оттого-то он, должно быть, такой и смелый. Но не раскаивайся, мой друг, в своей благотворительности, потому что это во всяком случае дело хорошее.

Уходят все.

СЦЕНА ВТОРАЯ

На улице.
Входят Панкрасио и кум его Леонисо.

Кум. Я сейчас же заметил, что колесо у нас сломается. Но извозчики все без исключения народ упрямый; если бы он поехал в объезд, а не прямо через этот овраг, мы были бы за две мили отсюда.

Панкрасио. Для меня это беда небольшая; мне гораздо приятнее возвратиться и провести эту ночь с моей женой Леонардой, чем на постоялом дворе. Ведь она, несчастная, чуть не умерла сегодня вечером от горя, что я уезжаю.

Кум. Великая женщина! Наградило вас небо, сеньор кум. Благодарите его за жену.

Панкрасио. И то благодарю, как умею; но, конечно, меньше того, чем бы должен: никакая Лукреция ей не под стать; ни одна Порция с ней не сравнится: честность и любовь к уединению так и живут в ее душе.

Кум. Ну, и моя, если б не была ревнива, так и мне лучше не надо. Мне по этой улице ближе к дому, а вы тут идите, по этой, и мигом будете дома. Завтра увидимся; за экипажем дело не станет. Прощайте!

Панкрасио. Прощайте!

Уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

В доме Панкрасио.
Входят сакристан и цирюльник (с гитарами). Леонарда, Кристина и студент. Сакристан, подобравши сутану и завязавши концы пол кругом пояса, пляшет под звуки своей гитары и при каждом скачке припевает.

Сакристан. Отличная ночка, отличная пирушка, отличный ужин и отличная любовь!

Кристина. Сеньор сакристан Репонсе, теперь не время танцевать; садитесь честь-честью ужинать и заниматься разговорами, и отложите танцы до более удобного времени.

Сакристан. Отличная ночка, отличная пирушка, отличный ужин и отличная любовь!

Леонарда. Оставь его, Кристина, мне очень приятно видеть его веселым.

Стук в дверь и голос Панкрасио.

Панкрасио. Сонный народ! Не слышите, что ли? Зачем так рано заперли двери? Вот до чего доходит скромность моей Леонарды!

Леонарда. Ах, я несчастная! По голосу и по стуку это мой муж Панкрасио; с ним что-нибудь случилось, вот он и воротился. Сеньоры, скрывайтесь в угольницу, то есть в чулан, где у нас уголь. Беги, Кристина, проводи их; а я удержу Панкрасио, сколько будет нужно.

Студент. Скверная ночь, дрянная пирушка, плохой ужин и еще хуже любовь!

Кристина. Как снег на голову! Пойдемте, пойдемте все.

Панкрасио. Что там за черт такой! Да что ж вы не отпираете, сони?

Студент. Вот что: я не хочу быть заодно с этими сеньорами; пусть прячутся, где хотят, я пойду на солому; хоть там меня и найдут, все-таки примут за бедного, а не за любовника.

Кристина. Пойдемте, а то он так стучит, что того гляди расколотит дом.

Сакристан. У меня душа в зубах трепещется.

Цирюльник. А у меня ударилась в пятки.

Все уходят, остается Леонарда одна.

Леонарда. Кто там? Кто стучит?

П а н к р а с и о. Твой муж, Леонарда моя. Отопри, уж я полчаса колочусь в двери.

Л е о н а р д а. По голосу-то мне кажется, как будто это мой чурбан Панкрасио; но ведь голоса-то — что у того, что у другого петуха — все похожи; не могу сказать наверное...

П а н к р а с и о. Вот умная-то жена! Какая необыкновенная осторожность! Это я, жизнь моя, твой муж, Панкрасио; отпирай, не сомневайся.

Л е о н а р д а. Подите-ка сюда; вот я посмотрю. Что я делала, когда муж уезжал сегодня вечером?

П а н к р а с и о. Вздыхала, плакала и, наконец, упала в обморок.

Л е о н а р д а. Правда. Но все-таки скажите мне еще: какие у меня знаки на плече, и на каком?

П а н к р а с и о. На левом родимое пятно величиной в полреала, с тремя волосками, как три золотые ниточки.

Л е о н а р д а. Правда. А как зовут девушку-служанку в доме?

П а н к р а с и о. Ах, дурочка, довольно, надоела! Кристиночкой ее зовут; ну, что тебе еще?

Л е о н а р д а. Кристиночка, Кристиночка, это твой сеньор; отопри, дитя мое.

К р и с т и н а. Иду, сеньора. Ну вот, чего же лучше! *(Отпирая.)* Что это, сеньор мой? Что это вы сегодня так скоро вернулись?

Л е о н а р д а. Ах, блаженство мое! Говорите скорей! Я так боюсь, не случилось ли какой беды с вами, что у меня все жилы дрожат.

П а н к р а с и о. Ничего такого не случилось. Только в одном овраге сломалось колесо у кареты, и мы с кумом решили возвратиться, чтобы не ночевать в поле. Завтра утром мы сыщем подводу, потому что время еще не ушло. Что это за крики?

Издали слышится голос студента.

С т у д е н т *(за сценой)*. Выпустите меня, сеньоры, я задыхаюсь!

П а н к р а с и о. Это в доме или на улице?

К р и с т и н а. Ну, убейте меня, если это не бедный студент, которого я заперла в чулане, чтобы он там переночевал эту ночь.

Панкрасио. Студент заперт у меня в доме и в мое отсутствие? Нехорошо! Сеньора, если б я не был так уверен в вашей добродетели, то это прятанье возбудило бы во мне некоторое подозрение. Однакож поди выпусти его. Должно быть, там вся солома на него повалилась.

Кристина. Иду. *(Уходит.)*

Леонарда. Сеньор, это бедный саламанкинец: он просил Христа ради пустить его переночевать эту ночь хоть на соломе. Вы знаете мой характер, я ни в чем не могу отказать, коли меня просят; ну, мы пустили и заперли его. Вот он, посмотрите, в каком виде!

Входят Кристина и студент, у него в бороде, в волосах и на платье солома.

Студент. Вот если б я не боялся и не был так совестлив, я бы не подвергал себя опасности задохнуться в соломе; я бы хорошо поужинал и имел бы более мягкую и менее опасную постель.

Панкрасио. А кто ж бы вам дал, мой друг, лучший ужин и лучшую постель?

Студент. Кто? Искусство мое; только бы страх суда не вязал мне руки.

Панкрасио. Значит, ваше искусство опасное, коли оно суда боится.

Студент. Знания, которые я приобрел в пещере саламанкской (я родом из Саламанки), если только употребить их в дело и не боясь святой инквизиции, таковы, что я всегда могу ужинать и пировать на счет моих наследников, то есть даром. И я не прочь употребить их в дело, по крайней мере на этот раз, когда необходимость меня к тому принуждает и, следовательно, оправдывает. Но я не знаю, умеют ли эти сеньоры молчать, как я умею.

Панкрасио. Не заботьтесь об них, друг мой. Делайте, что вам угодно; я заставлю их молчать. Я желаю от всего сердца видеть что-нибудь из тех диковин, которым, как говорят, обучаются в пещере саламанкской.

Студент. Будет ли довольна ваша милость, если я прикажу двум дьяволам, в человеческом виде, принести сюда корзину с холодным кушаньем и прочим съестным?

Л е о н а р д а. Дьяволы в моем доме, в моем присутствии? Боже, спаси меня от напасти, от которой сама спастись не умею!

К р и с т и н а. Сам черт сидит в этом студенте. Дай бог, чтоб эта проделка добром кончилась! У меня сердце в груди замирает.

П а н к р а с и о. Ну, хорошо; если только это не опасно и не ужасно, я очень желаю видеть сеньоров дьяволов и корзину с холодным кушаньем. Но я вам повторяю: чтоб вид их не был ужасен.

С т у д е н т. Они покажутся в виде сакристана приходской церкви и цирюльника, его друга.

К р и с т и н а. Что он там толкует о сакристане Репонсе и о господине Рокэ, нашем домашнем цирюльнике? Несчастные, они должны превратиться в дьяволов! Скажите мне, родной мой, это будут дьяволы крещеные?

С т у д е н т. Вот новость! Когда ж дьявол бывает крещеным дьяволом? Да и зачем крестить дьяволов? А может быть, эти и крещеные, потому что не бывает правила без исключения. Посторонитесь, и увидите чудеса.

Л е о н а р д а. Ах, я несчастная! Теперь все пропало; все наше плутовство откроется. Я умираю.

К р и с т и н а. Смелей, сеньора! Смелый из воды сух вылезет.

С т у д е н т

О жалкие, что в угольном чулане
Скрываетесь, приказ услышьте грозный!
Несите к нам легко и грациозно
В корзине ужин, стряпанный заране.
Вы слушайтесь, пока прошу учтиво,
И грубым быть меня не принуждайте!
Или сейчас идите, или знайте,
Что день для вас не кончится счастливо!

А! Теперь я знаю, как мне вести себя с этими воплощенными дьяволами. Я пойду к ним и наедине поговорю с ними, да так крепко, что они мигом выскочат; свойство этих дьяволов таково, что их убедишь скорее разумными советами, чем заклинаниями. *(Уходит.)*

П а н к р а с и о. Вот что я вам скажу! Если все выйдет так, как он говорит, так это будет такая новая и та-

кая диковинная штука, каких еще на свете не видано.

Л е о н а р д а. Да, конечно, выйдет. Какое сомненье! Что ему нас обманывать!

К р и с т и н а *(прислушиваясь)*. Там возня поднимается. Бьюсь об заклад, что это он их гонит. Да вот он с дьяволами, и целая кладовая в корзине.

Входит *с т у д е н т, за ним с а к р и с т а н и ц и р ю л ь н и к несут корзину.*

Л е о н а р д а. Господи Иисусе! Как они похожи на сакристана Репонсе и цирюльника с площади.

К р и с т и н а. Смотрите, сеньора, при дьяволах не говорят: «господи Иисусе!»

С а к р и с т а н. Говорите что угодно: мы, как собаки у кузнеца, которые преспокойно спят под шум молотков; нас уж ничто не испугает, не возмутит.

Л е о н а р д а. Подойдите поближе, я хочу попробовать то, что в корзине. И вы тоже возьмите что-нибудь.

С т у д е н т. Я во славу божию отведаю и начну отведыванье с вина. *(Пьет.)* Хорошо. Это эскивийское, сеньор ваше дьявольство?

С а к р и с т а н. Эскивийское, клянусь вам...

С т у д е н т. Довольно, черт вас возьми, не продолжайте! Я хорошо знаком с дьявольскими клятвами. Дьявольство — дьявольством, а все-таки мы пришли сюда не за тем, чтобы творить смертные грехи, а только приятно провести время час-другой, поужинать и отправиться со Христом.

К р и с т и н а. И они будут ужинать с нами?

П а н к р а с и о. Э, что ты! Дьяволы не едят.

Ц и р ю л ь н и к. Ну, некоторые едят; конечно, не все; но мы из тех, которые едят.

К р и с т и н а. Ах, сеньоры, оставьте здесь этих бедных дьяволов; они нам ужинать принесли: это будет не очень учтиво, если мы отпустим их умирать с голоду. Они, как кажется, дьяволы очень честные и очень порядочные люди.

Л е о н а р д а. Они нас не пугают; так, если моему мужу угодно, пусть остаются на здоровье.

П а н к р а с и о. Пусть остаются; я хочу видеть, чего сроду не видел.

Ц и р ю л ь н и к. Господь вам заплатит за ваше доброе дело, сеньоры мои.

Кристина. Ах, какие образованные, какие учтивые! Клянусь вам, если все дьяволы точно такие, так с этих пор они станут моими друзьями.

Сакристан. А вот слушайте, так, может, вы их и вправду полюбите. *(Играет на гитаре и поет.)*

Вы послушайте прилежно,
Малознающие люди,
Расскажу я вам свободно,
Если только есть в вас вера,
Что́ добра в себе содержит...

Цирюльник

Саламанкская пещера!

Сакристан

Вот что бакалавр Туданса
Написал об ней на коже
От кобылы старой; впрочем,
Говорят, что та кобыла
Молодой была когда-то.
Исписал он ту часть кожи,
Что граничит близко с задом,
Восхваляя через меру...

Цирюльник

Саламанкскую пещеру.

Сакристан

В ней наука для богатых
И для тех, кто за душою
Не имеет ни копейки;
Там и плохонькая память
Округляется и крепнет.
А профессору скамейкой
Служит там смола иль сера,
И полна чудесной силы...

Цирюльник

Саламанкская пещера.

Сакристан

В ней учились и умнели
Даже мавры из Паланки,
И из грубого невежи
Выходил студент на диво:
Что за ум, что за манера!
Процветай же ты навеки...

Цирюльник

Саламанкская пещера!

С а к р и с т а н

Заклинателю, что нами
Здесь командует, желаю,
Чтоб родился изобильно
На его цветущих лозах
Синий виноград и белый.
Если б кто из нашей братьи
Обвинить его задумал,
То такого негодяя
Без суда, дверным запором
Пусть отдуют; нет примера,
Чтоб на подлость покусилась...

Ц и р ю л ь н и к

Саламанкская пещера!

К р и с т и н а. Довольно! Мы видим, что и дьяволы поэты.

Ц и р ю л ь н и к. И все поэты дьяволы.

П а н к р а с и о. Скажите мне, сеньор мой,— дьяволы ведь все знают,— где изобретены все эти танцы: сарабанда, самбапало и особенно знаменитый новый эскарраман?

Ц и р ю л ь н и к. Где? В аду; там они имеют свое начало и происхождение.

П а н к р а с и о. Да, я этому верю.

Л е о н а р д а. Признаюсь, я сама немножко помешана на эскаррамане, но из скромности и из уважения к положению, в котором нахожусь, не осмеливаюсь танцевать.

С а к р и с т а н. Если я буду вашей милости показывать по четыре тура в день, то в неделю вы будете неподражаемой танцовщицей; вам для этого очень немногого недостает.

С т у д е н т. Все это придет со временем; а теперь пойдемте ужинать; это дело отлагательства не терпит.

П а н к р а с и о. Пойдемте. Я желаю увериться, едят дьяволы или нет, а также во многом другом, что говорят про них; и, ради бога, чтобы не уходили они из моего дома, пока не передадут мне науки и всех знаний, которым учатся в пещере саламанкской.

Сюжет этой интермедии очень старого происхождения: в fabliaux труверов северной Франции XII и XIII веков встречается несколько вариантов на тему неожиданного возвращения домой мужа. Позднее, в новеллах итальянских, тот же сюжет повторялся довольно часто. Первообразом «Саламанкской пещеры» было, как кажется, «Fabliau du pauvre clerc» (Recueil de Méon, t. I, pag. 104, ed. 1823). «Саламанкская пещера» даже в деталях напоминает «Бедного клерка»: например, в перечислении кушаньев, находившихся в корзине. Фаблио были переведены прозой Леграном (Legrand); они переложены в стихи Имбером (Imbert) и изданы им в 1788 г. в двух томах. Имберов перевод «Бедного клерка» помещен также в превосходном собрании Fabliaux ou contes, traduits ou extraits par Legrand d'Aussy (troisième ed), t. 4, pag. 63. Вот его начало:

«Un clerc voyageoit lestement,
Mais tristement,
Car il avoit vidé sa bourse.
La nuit vient, et point de ressource
Pour se gîter jusqu'au jour seulement.
Il aperçoit heureusement
Une maison...»[1]

В конце прошлого столетия во Франции из «Бедного клерка» была сделана комическая опера, или, лучше сказать, оперетка «Soldat magicien»; она пользовалась всеобщей известностью и была напечатана много раз в разных сборниках. Из этой пьески Котляревский, под тем же названием, сделал малороссийскую оперетку «Москаль-чаривник» (солдат-колдун), которая благодаря игре Щепкина долгое время пользовалась в Москве большим успехом. *(Прим. пер.)*

---

[1] Некий клерк шествовал бодрым шагом,
Но в печали,
Ибо кошелек его был пуст.
Приходит ночь, и нет средств,
Чтобы найти кров до наступления дня.
К счастью, он замечает
Какой-то дом...

ТЕАТР ЧУДЕС

EL RETABLO DE LAS MARAVILLAS

ЛИЦА:

ЧАНФАЛЬЯ МОНТИЕЛЬ.

ЧИРИНОС.

КАРАПУЗИК-МУЗЫКАНТ.

ЛИСЕНСИАТ ГОМЕСИЛЬОС,
гобернадор [1].

БЕНИТО РЕПОЛЬО,
алькальд.

ТЕРЕСА,
его дочь.

ХУАН КАСТРАДО,
рехидор.

ХУАНА,
его дочь.

ПЕДРО КАПАЧО,
письмоводитель.

РЕПОЛЬО,
племянник алькальда.

ФУРЬЕР.

ЖИТЕЛИ МЕСТЕЧКА
без речей.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица.
Входят Чанфалья и Чиринос.

Чанфалья. Чиринос, не выпускай из памяти моих наставлений, в особенности относительно новой проделки; нужно, чтобы она удалась нам наславу.

Чиринос. Знаменитый Чанфалья, все мои способности в твоем распоряжении: и моя память, и рассудок,

[1] Гобернадор хотя слово громкое, но оно значит: бургомистр местечка, не более. *(Прим. пер.)*

и сверх того желание сделать тебе угодное превосходят границы возможного. Но скажи мне, зачем нам этот Карапузик, которого мы наняли? Разве мы вдвоем с тобой не можем исполнить нашего предприятия?

Чанфалья. Он нам необходим, как насущный хлеб, чтобы играть в промежутках между выходами фигур в нашем представлении чудес.

Чиринос. Нет, вот чудо-то будет, если нас не побьют камнями за этого Карапузика[1]; потому что такого несчастного недоноска я во всю свою жизнь не видывала.

Входит Карапузик.

Карапузик. Будет мне какое-нибудь дело в этом городе, сеньор директор? Я готов умереть, чтобы ваша милость видели, что я вам не в тягость.

Чиринос. Четверых таких мальчишек, как ты, можно в горсть взять, так уж какая тут тягость! Если ты так же велик в музыке, как ростом, так будем мы в барышах.

Карапузик. А вот это как вам покажется: мне было сделано письменное предложение войти в долю в одной компании, нужды нет, что я мал.

Чанфалья. Если будут мерить твою долю по твоему росту, так тебе достанется такая малость, которую и разделить нельзя. Чиринос, вот мы мало-помалу добрались до городка; и те господа, которые идут к нам, без сомнения, должны быть гобернадор и алькальды. Пойдем им навстречу. Наточи свой язык на камне лести, только смотри не перетони.

Входят гобернадор, Бенито Репольо — алькальд, Хуан Кастрадо — рехидор и Педро Капачо — письмоводитель.

Целую руки ваших милостей. Кто из ваших милостей гобернадор этого местечка?

Гобернадор. Я гобернадор. Что вам угодно, добрый человек?

---

[1] В то время в Испании, да и в других странах, существовало какое-то суеверное отвращение к уродам; предполагали, что они являются на свет не без участия дьявола. Уродам небезопасно было являться перед публикой; случалось, что их даже убивали. *(Прим. пер.)*

Ч а н ф а л ь я. Если б у меня было только две унции смысла, и то я сейчас же должен был бы догадаться, что этот перипатетический[1], пространный и торжественный выход не может принадлежать никому другому, кроме достойнейшего гобернадора этого города, который вы, ваша милость, скоро покинете, заняв должность наместника целой области.

Ч и р и н о с. Да, клянусь жизнью сеньоры и маленьких сеньоров, если сеньор гобернадор их имеет.

К а п а ч о. Не женат сеньор гобернадор.

Ч и р и н о с. Ну, когда будут; от моих слов убытка нет.

Г о б е р н а д о р. Ну, чего же вы хотите, честный человек?

Ч и р и н о с. Много честных дней желаем вашей милости за оказанную нам честь: наконец, дуб дает желуди, груша — груши, виноградные лозы — кисти, от честного человека — честь, иначе и быть не может.

Б е н и т о. Цицерониаское выражение, ни прибавить, ни убавить нечего.

К а п а ч о. «Цицероновское» — хочешь сказать, сеньор алькальд Бенито Репольо.

Б е н и т о. Да, я всегда хочу сказать как можно лучше, но по большей части это у меня не выходит. Наконец, добрый человек, что вам угодно?

Ч а н ф а л ь я. Я, сеньоры мои, Монтиель — содержатель театра чудес. Меня вызвали из столицы сеньоры госпитального братства; у них нет ни одного содержателя театра, а они умирают от желания иметь театр; с моим прибытием все дело поправится.

Г о б е р н а д о р. А что это значит: театр чудес?

Ч а н ф а л ь я. От чудесных вещей, которые на этом театре изъясняются и показываются, произошло и название театра чудес. Этот театр изобрел и устроил мудрец Дурачина под такими параллелями, румбами, звездами и созвездиями, с такими условиями, особенностями и соблюдениями, что чудес, которые на нем представляют, не может видеть ни один из тех, которые имеют в крови хоть какую-нибудь примесь от перекрещенцев или которые родились и произошли от своих родителей не в законном бра-

---

[1] Перипатетический, то есть пеший. Чанфалья нарочно кудрявит речь, чтобы показаться ученым. *(Прим. пер.)*

ке. И кто заражен этими двумя столь обыкновенными недостатками, тот лучше откажись видеть никогда невиданные и неслыханные представления моего театра.

Б е н и т о. Вот изволите видеть, каждый день какие-нибудь новости являются на белом свете. А этот мудрец назван Дурачиной оттого, что он этот театр изобрел?

Ч и р и н о с. Дурачиной он назван потому, что родился в городе Дураково поле. Про него идет молва, что у него борода была по пояс.

Б е н и т о. Люди с большими бородами по большей части мудреные.

Г о б е р н а д о р. Сеньор рехидор Хуан Кастрадо, с вашего позволения, я полагаю, что сегодня вечером выходит замуж сеньора Тереса Кастрада, ваша дочь, которой я довожусь крестным отцом. Для увеселения на этом празднике я желаю, чтобы сеньор Монтиель дал в вашем доме свое представление.

Х у а н. Я всегда готов к услугам сеньора гобернадора, с мнением которого я соглашаюсь, которое утверждаю и к которому присоединяюсь, и ничего против не имею.

Ч и р и н о с. Вот что имеется против: если нам за наш труд не будет вперед заплачено, то мы с нашими фигурами останемся, как раки на мели. Ваши милости, сеньоры судьи, есть ли в вас совесть и душа? Куда как хорошо это будет: сегодня вечером весь ваш городок сберется в дом сеньора Хуана Кастрадо, или как там зовут его милость, да и удовольствуется этим спектаклем; а завтра, когда мы захотим дать представление для народа, так не явится ни одной живой души. Нет, сеньоры, ante omnia[1] пусть нам заплатят, что следует.

Б е н и т о. Сеньора директорша, здесь нет никакой Антонии, никакого Антония, чтобы заплатить вам. Сеньор рехидор Хуан Кастрадо заплатит вам более чем честно; а если не он, так общинный совет. Его знают здесь хорошо. Здесь, родная моя, мы не дожидаемся, пока какая-нибудь Антония заплатит за нас.

К а п а ч о. Ах, грехи тяжкие! Опять вы, сеньор Бенито

[1] Прежде всего *(латин.)*.

Репольо, не туда попали: сеньора директорша не говорит, чтоб ей платила какая-то Антония, а только чтоб заплатили ей немедленно, прежде всего; это и значит ante omnia.

Б е н и т о. Ну, так, письмоводитель Педро Капачо, заставьте, чтоб со мной разговаривали начистоту, тогда и я пойму все без сучка и задоринки; вы и начитанный и письменный человек, вы можете эти арабские выверты понимать, а я нет.

Х у а н. Ну, хорошо. Доволен будет сеньор директор, если я заплачу ему сейчас полдюжины дукатов? И, кроме того, мы примем предосторожности, чтобы сегодня вечером жители местечка не входили в мой дом.

Ч а н ф а л ь я. Я доволен, я доверяю себя распорядительности вашей милости и вашему разуму.

Х у а н. Пойдемте со мной, получите деньги, посмотрите мой дом и удобства, какие он имеет для устройства театра.

Ч а н ф а л ь я. Пойдемте, но не забывайте, какие качества должны иметь зрители, которые хотят видеть чудесное представление.

Б е н и т о. Это уж мое дело. Что касается меня, то я должен сказать, что могу идти на суд с уверенностию, потому что мой отец был алькальд. Четыре пальца старого христианского жиру со всех четырех сторон наросло на мое родословное дерево; вот и посудите, могу ли я видеть представление.

К а п а ч о. Все надеемся видеть, сеньор Бенито Репольо.

Х у а н. Мы тоже не выродки какие-нибудь, сеньор Педро Капачо.

Г о б е р н а д о р. По моему мнению, все будет как надо, сеньоры алькальд, рехидор и письмоводитель.

Х у а н. Пойдемте, директор, и за работу. Меня зовут Хуан Кастрадо, сын Антона Кастрадо и Хуаны Мача; и больше я ничего не скажу, кроме того, что, по совести и чести, могу с открытым лицом и смелой поступью идти на сказанное представление.

Ч и р и н о с. Ну, дай бог!

Хуан Кастрадо и Чанфалья уходят.

Г о б е р н а д о р. Сеньора директорша, какие поэты в настоящее время пользуются в столице славой и

почетом, особенно из так называемых комических? Я сам чуть-чуть поэт и имею претензию на комизм и комическую маску. Я написал двадцать две комедии, все новые, и одна другой стоит. И я жду только случая отправиться в столицу и обогатить ими с полдюжины антрепренеров.

Ч и р и н о с. На ваш вопрос о поэтах, сеньор гобернадор, я вам хорошенько ответить не умею, потому что их так много, что из-за них солнца не видать, и все они считают себя знаменитостями. Теперь комические поэты все заурядные, такие, как и всегда, и нет надобности называть их. Но скажите мне, ваша милость, прошу вас, как ваше имя?

Г о б е р н а д о р. Мое имя, сеньора директорша, лисенсиат Гомесильос.

Ч и р и н о с. Боже милостивый! Ваша милость — сеньор лисенсиат Гомесильос, тот, который написал эти знаменитые стихи: «Захворал Люцифер тяжко; он по родине тоскует»?

Г о б е р н а д о р. Эти стихи приписывают мне злые языки; они столько же принадлежат мне, как и турецкому султану. Я писал стихи и не отказываюсь, но то были другие: в них я описывал наводнение в Севилье. Хотя поэты постоянно воруют один у другого, но я себе не позволял никогда украсть даже малости. Помоги мне бог писать стихи, а ворует пусть, кто хочет.

Возвращается Ч а н ф а л ь я.

Ч а н ф а л ь я. Ваша милость, сеньоры, пожалуйте! Все готово, остается только начать.

Ч и р и н о с *(тихо)*. Деньги в кармане?

Ч а н ф а л ь я. У самого у сердца.

Ч и р и н о с. Заметь, Чанфалья, гобернадор — поэт.

Ч а н ф а л ь я. Поэт! Как бы не так! Нет, это ты в нем ошиблась; все эти смешные люди только для насмешек и созданы: ленивы, легковерны и простодушны.

Б е н и т о. Пойдем, директор! Меня так и поджигает видеть чудеса.

Все уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в доме Кастрадо.
Входят Хуана Кастрада и Тереса Репольо, первая в венчальном платье.

Хуана Кастрада. Вот здесь можешь ты сесть, милая Тереса Репольо, чтобы сцена была прямо перед нами. Ты ведь знаешь, под каким условием можно смотреть это представление; не забывай, а то будет большая беда.

Тереса. Ты знаешь, Хуана Кастрада, что я твоя родственница, больше я ничего не скажу. Как твердо я уверена, что буду на небе, так же уверена и в том, что увижу все, что на этом представлении будет показываться. Клянусь жизнью моей матери, я готова выколоть себе оба глаза, если случится со мной какая-нибудь беда. Ничего со мной не будет, вот что!

Хуана Кастрада. Потише, сестрица, все идут сюда.

Входят гобернадор, Бенито Репольо, Хуан Кастрадо, Педро Капачо, директор и директорша, музыкант, некоторые из жителей местечка и племянник Бенито, человек ловкий, мастер танцевать.

Чанфалья. Садитесь все; представление будет за этим занавесом, и директорша там же, а здесь музыкант.

Бенито. Это музыкант-то? Уж и его тоже за занавес; за то только, чтоб не видать его, я с удовольствием откажусь его слушать.

Чанфалья. Вы, ваша милость, сеньор алькальд Репольо, без всякого основания недовольны музыкантом. Он поистине очень добрый христианин и идальго, от известного корня.

Гобернадор. Эти качества необходимы, чтоб быть хорошим музыкантом.

Бенито. Чтоб деревом — допускаю; но музыкантом — abrenuncio[1].

Карапузик. Да, действительно тот должен считать себя дураком, кто явился играть перед таким...

Бенито. Нет, ей-богу, мы видывали здесь музыкантов совсем не таких, как...

Гобернадор. Оставьте ваши обоюдные возражения, как сеньор Карапузик, так и алькальд; а то они мо-

---

[1] Не признаю *(исп.)*.

гут затянуться до бесконечности. Сеньор Монтиель, начинайте свое дело.

Б е н и т о. Не много ж утвари у директора великого спектакля.

Х у а н. Тут, должно быть, все чудеса.

Ч а н ф а л ь я. Внимание, сеньоры! Начинаю. О ты, кто б ты ни был, ты, который устроил этот театр с таким чудесным искусством, что он получил имя театра чудес! Ради добродетели, которая в нем заключается, заклинаю тебя, заставляю тебя и приказываю тебе, чтобы сейчас, сию минуту показал ты некоторые из тех чудесных чудес этим сеньорам, для их утешения и увеселения, без всякого скандала. Но вот я уж вижу, что ты мою просьбу исполняешь, потому что с этой стороны является фигура сильнейшего Самсона, обнимающего столбы храма, чтобы повергнуть их на землю и отомстить своим врагам. Стой, храбрый рыцарь, стой ради самого бога! Удержись от такого злого дела! Ты разрушишь дом и превратишь в яичницу столь многих и столь благородных людей, каковы собравшиеся здесь.

Б е н и т о. Остановись, прах тебя побери! Хорошо будет, если вместо удовольствия, за которым мы пришли, нас расплюснут в лепешку. Остановись, сеньор Самсон, чтоб тебе провалиться! Тебя просят честные люди.

К а п а ч о. Видите вы его, Кастрадо?

Х у а н. Еще бы не видать! У меня глаза-то на затылке, что ли?

К а п а ч о. Удивительное это дело: я так же вижу там Самсона, как турецкого султана; хотя, поистине, я законный сын и старый христианин.

Ч и р и н о с. Берегитесь! Идет бык, тот самый, который убил носильщика в Саламанке. Ложись, ложись! Сохрани тебя боже! Сохрани тебя боже!

Ч а н ф а л ь я. Ложитесь все, ложитесь все! Ух, ух, ух!

Все ложатся и трепещут.

Б е н и т о. В этом быке сидит сам дьявол: он с боков черноват и пегий. Если я не присяду, он меня вздернет кверху.

Х у а н. Сеньор директор, постарайтесь, если можно, чтоб не выходили фигуры такие страшные, они нас пугают. Я говорю не про себя, а про этих девочек...

в них кровинки не осталось при виде такого свирепого быка.

Х у а н а К а с т р а д а. Да еще как, отец! Я думала, что три дня не приду в себя. Мне показалось, что я уж на его рогах, которые у него такие острые, как шило.

Х у а н. Не была ты, дочка, на рогах и их не видала.

Г о б е р н а д о р *(про себя)*. Ну, пускай все видят то, чего я не вижу; под конец и я скажу, что все видел; а то стыдно будет.

Ч и р и н о с. Это стадо мышей, которое появляется перед вами, происходит по прямой линии от тех, которые были в Ноевом ковчеге. Вот тут белые, а тут пестрые, тут крапчатые, а тут синие; и, наконец, все это мыши.

Х у а н а К а с т р а д а. Боже! Горе мне! Держите меня, я выпрыгну в окошко. Ах, я несчастная! Милая, обожми крепче твои юбки и смотри, чтобы тебя не укусили. Нет, их тут не стадо, клянусь жизнью моей бабушки, их больше тысячи!

Т е р е с а. Я несчастная-то, потому что они забрались ко мне, так что и не выгонишь: одна гнедая мышь влепилась мне в коленку. Силы небесные, помогите мне, на земле нет мне помощи!

Б е н и т о. Однако хорошо, что я в штанах; ни одна мышь ко мне не залезет, даже самая маленькая.

Ч а п ф а л ь я. Эта вода, которая с такой стремительностью низвергается из облаков, есть тот источник, который дал начало и происхождение реке Иордану. У каждой женщины, если ей плеснуть этой воды в лицо, оно превратится в гладкое серебро, а если мужчинам, то у них бороды сделаются золотыми.

Х у а н а К а с т р а д а. Слушай, милая, открой лицо — ты увидишь то, что тебе нужно. О, какая вкусная вода! Закройся, отец, не замочись!

Х у а н. Все закроемся, дочка.

Б е н и т о. От плеч вода пробралась у меня до главного шлюза.

К а п а ч о *(про себя)*. Я сух, как ковыль.

Г о б е р н а д о р *(тоже)*. Это черт знает что такое! На меня не попало ни одной капли, а все промокли! Как, неужели же я между столькими законными детьми один незаконнорожденный?

Б е н и т о. Уберите вы от меня этого музыканта; иначе, клянусь богом, я уйду и не увижу больше ни одной

фигуры. Черт тебя побери, музыкант-оборотень! И пусть идет представление без треску и без звону.

Карапузик. Сеньор алькальд, не злобьтесь на меня! Я играю так, как мне бог помог выучиться.

Бенито. Тебе-то бог помог выучиться? Ах ты, червяк! Убирайся за занавес! А то, ей-богу, я запущу в тебя этой скамейкой.

Карапузик. И черт меня занес в этот город!

Каначо. Свежа вода святой реки Иордана; хоть я и закрывался, как только мог, но все-таки мне немного на бороду попало, и я пари держу, что она у меня светится, как золото.

Бенито. И даже в пятьдесят раз хуже.

Чиринос. Теперь является около двух дюжин свирепых львов и седых медведей: все живое берегись! Хотя они и призрачные, но не преминут наделать каких-нибудь бед и даже воспроизвести подвиг Геркулеса с обнаженными шпагами.

Хуан. Эй, сеньор директор! Вы, провалиться на месте, хотите прогнать нас из дому, что ли, своими медведями да львами?

Бенито. Ваш Дурачина должен бы нам соловьев и жаворонков показывать, а не львов да драконов. Сеньор директор, или пусть являются фигуры более приятные, или с нас довольно того, что мы видели; и убирайтесь с богом и не оставайтесь дольше ни одной минуты в нашем местечке.

Хуана Кастрада. Сеньор Бенито Реполье, пусть являются медведи и львы, хоть только для нас, женщин, нам будет очень приятно.

Хуан. Как же, дочка, давеча ты испугалась мышей, а теперь захотелось тебе медведей и львов?

Хуана Кастрада. Все новое заманчиво, сеньор отец.

Чиринос. Вот является девица, милая и учтивая; это так называемая Иродиада, пляска которой стоила головы Предтече. Если б взялся кто-нибудь потанцевать с ней, вы бы увидали чудеса.

Бенито. Это так! Фу ты пропасть, какая милая фигурка, приятная и светленькая! Ах, ты, шлюха! Как вертится-то девчонка! Племянник Реполье, ты кой-что умеешь на кастаньетах, пособи ей, и пойдет у нас пир горой.

Племянник. Я здесь, дядя Бенито Реполье. *(Танцует сарабанду, Карапузик играет.)*

Капачо. Клянусь дедушкой, значит, сарабанда и чакона очень древние танцы.

Бенито. Эй, племянник, держись крепче за эту плутовку жидовку! Но если она жидовка, как же она может видеть чудеса?

Чанфалья. Нет правила без исключения, сеньор алькальд.

За сценой трубят, входит фурьер кавалеристов.

Фурьер. Кто здесь сеньор гобернадор?

Гобернадор. Это я. Что вам нужно?

Фурьер. Приготовьте сейчас же помещение для тридцати кавалеристов, они будут здесь через полчаса и даже раньше; уж слышны трубы! Прощайте! *(Уходит.)*

Бенито. Я бьюсь об заклад, что эту конницу послал нам мудрец Дурачина.

Чанфалья. Ну, нет, это отряд конницы, который был на постое в двух милях отсюда.

Бенито. Ну, теперь я знаю вашего Дурачину, знаю и то, что вы и он величайшие мошенники, не исключая и музыканта. Слушайте же! Я вам приказываю приказать Дурачине, чтобы он не смел присылать этих солдат, иначе я им всем поодиночке закачу в спину по двести плетей.

Чанфалья. Говорю вам, сеньор алькальд, что их послал не Дурачина.

Бенито. А я говорю, что их послал Дурачина, как он послал и всех других гадов, которых я видел.

Капачо. Мы всех их видели, сеньор Бенито Репольо.

Бенито. Я и не говорю, что вы не видали, сеньор Педро Капачо. Не играй больше, ты, разиня-музыкант, а то я тебе голову разобью.

Возвращается фурьер.

Фурьер. Ну, готовы квартиры? Кавалеристы уж в городе.

Бенито. Так Дурачина хочет на своем поставить? Ну, так я клянусь этому директору пустяков и плутней, что он мне за это поплатится.

Чанфалья. Будьте свидетелями, что алькальд мне грозит.

Чиринос. Будьте свидетелями, что про посланных от

его величества алькальд говорит, что они посланы от мудрого Дурачины.

Б е н и т о. Самой-то тебе одурачиться бы, пошли боже всемогущий!

Г о б е р н а д о р. А я сам про себя думаю, что эти кавалеристы, должно быть, настоящие, а не в шутку.

Ф у р ь е р. В шутку, сеньор гобернадор? Да в уме ли вы?

Х у а н. Очень может быть, что они дурачковские, как все, что мы видели. Сделайте милость, директор, заставьте девицу Иродиаду выйти в другой раз, чтобы вот этот сеньор видел то, чего никогда не видывал. Может быть, мы его подкупим этим, чтобы он поскорее ушел из этого местечка.

Ч а н ф а л ь я. Это извольте. Смотрите же, как она покажется, мигните вашему танцору, чтобы он ей опять помог танцевать.

П л е м я н н и к. Уж, конечно, за мной дело не станет.

Б е н и т о. Так, племянник, замучь ее, замучь ее! Поворот, еще поворот! Ей-богу, это ртуть, а не девчонка! Живо, живо! Еще, еще!

Ф у р ь е р. С ума сошел, что ли, этот народ? Какой тут дьявол, какая девушка, и что за пляска, и что за Дурачина?

К а п а ч о. Значит, сеньор фурьер не видит иродианскую девушку?

Ф у р ь е р. Да какого черта и какую девушку мне видеть?

К а п а ч о. Довольно, ex illis est[1].

Г о б е р н а д о р. Ex illis est, ex illis est.

Х у а н. Он из тех, сеньор фурьер из тех, он из тех.

Ф у р ь е р. Что за подлая порода! А вот, клянусь богом, коли положу я руку на шпагу, так придется вам в окна метаться, а не в дверь.

К а п а ч о. Довольно, ex illis est.

Б е н и т о. Довольно, он из тех, потому что не видит ничего.

Ф у р ь е р. Ах, гнусные канальи, если еще раз вы мне скажете, что я «из тех», на вас живого места не останется.

---

[1] E x i l l i s e s t — значит: «он из тех», то есть из перекрещенных жидов, или из незаконнорожденных. *(Прим. пер.)*

Бенито. Никогда еще перекрещенцы и незаконные храбры не бывали, и потому мы можем сказать: он из этих, он из этих.

Фурьер. Ах, проклятая деревенщина! Погодите ж! *(Берет шпагу и дерется со всеми. Алькальд бьет палкой Карапузика, Чиринос сдергивает занавес.)*

Чиринос. Черт их принес, эту трубу и кавалеристов; точно их в колокол сзывали!

Чанфалья. Мы имеем необыкновенный успех. Хорошие качества нашего театра обнаружились, и завтра мы можем показать его городу, а сами можем воспеть триумф этой битвы, восклицая: «Да здравствуют Чиринос и Чанфалья!»

ДВА БОЛТУНА

LOS DOS HABLADORES

ЛИЦА:

САРМИЕНТО.

ПРОКУРАДОР.

РОЛЬДАН.

БЕАТРИС,
жена Сармиенто.

ИНЕС,
горничная.

АЛЬГВАСИЛ.

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ.

СЫЩИК.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица.
Входят прокурадор, Сармиенто и Рольдан (дурно одетый, в кожаной куртке, коротких штанах, со шпагой).

Сармиенто. Вот, сеньор прокурадор, двести дукатов! Даю вам слово, что я заплатил бы и четыреста, если б рана была шире.

Прокурадор. Вы нанесли ее как кавалер и как христианин заплатили. Я беру деньги и очень доволен, что я с барышом, а он с лекарством.

Рольдан. Кавалер! Вы прокурадор?

Прокурадор. Да. Что вам угодно?

Рольдан. Что это за деньги?

Прокурадор. Я получил их от этого кавалера, чтобы заплатить моему клиенту, которому он нанес рану в двенадцать линий.

Рольдан. А много ли денег?

Прокурадор. Двести дукатов.

Рольдан. Ну, ступайте с богом!

Прокурадор. Счастливо оставаться. *(Уходит.)*

Р о л ь д а н. Кавалер!
С а р м и е н т о. Вы это мне, благородный человек?
Р о л ь д а н. Да, вам.
С а р м и е н т о. Что вам угодно? *(Снимает шляпу.)*
Р о л ь д а н. Наденьте шляпу, иначе слова от меня не услышите.
С а р м и е н т о. Я надел.
Р о л ь д а н. Сеньор мой, я бедный идальго; однако я видал себя в чести. Я в нужде. Я слышал, что вы дали двести дукатов человеку, которому нанесли рану; если вам подобное занятие доставляет удовольствие, я готов получить рану куда вам угодно. Я вам сделаю пятьдесят дукатов уступки против других.
С а р м и е н т о. Если б я не был так расстроен теперь, ведь я должен бы был расхохотаться. Да вы не шутя это говорите? Послушайте! Вы думаете, что раны наносятся так, без причины и кому ни попало, а не тому, кто этого заслуживает?
Р о л ь д а н. Однако кто же больше заслуживает, как не нужда? Разве не говорят: нужда смотрит анафемой? Так разве не лучше иметь рану, чем физиономию анафемы?
С а р м и е н т о. Вы, должно быть, не очень начитаны. Латинская пословица говорит: necessitas caret lege, это значит: нужда закона не знает.
Р о л ь д а н. Вы изволили очень хорошо сказать, потому что закон изобретен для спокойствия, и разум есть душа закона. У кого есть душа, у того есть и душевные способности; душевных способностей три: память, воля и рассудок. Вы имеете очень хороший рассудок; рассудок сейчас видно по физиономии; у вас физиономия искаженная от соединенного влияния Юпитера и Сатурна, хотя Венера находилась в квадрате и в восхождении по восходящей линии по вашему гороскопу.
С а р м и е н т о. И черт меня занес сюда! Этого только еще недоставало; двести дукатов за рану заплатил, да еще...
Р о л ь д а н. «Рану», изволите говорить? Очень хорошо. Рану нанес Каин своему брату Авелю, хотя тогда и ножей еще не было; рану нанес Александр Великий царице Потасилее, когда взял хорошо укрепленную Замору; точно так же и Юлий Цезарь графу дон Педро Ансурёсу во время игры в кости. Нужно вам

знать, что раны наносятся двумя способами: есть предательство и есть вероломство; предательство против короля, а вероломство против равных: оно бывает и в оружии,— и если я пользуюсь преимуществом, потому что, говорит Карранса в своей философии шпаги и Теренсий в заговоре Катилины...

Сармиенто. Убирайтесь к черту! Вы меня с ума сведете! Что вы мне за чушь несете!

Рольдан. «Чушь», вы изволили сказать? Это очень хорошо, потому что чушь, хвастовство, фанфаронады по-испански называются бернардинами. Одна женщина, которую звали Бернардиной, принуждена была сделаться монашенкой святого Бернарда; а вот если бы ее звали Франсиской, так она не могла бы этого сделать; в Франсисках четыре еф. Fe — есть одна из букв азбуки; букв в азбуке двадцать три. Букву ка мы чаще употребляем в младенчестве,— стоит только повторить ее, сказать в два приема. В два приема хорошо пить и вино; в вине много великих достоинств; но не надо пить его натощак, а также и разбавленное водой, потому что тонкие частицы воды проникают сквозь поры и поднимаются в мозг; таким образом...

Сармиенто. Остановитесь, вы меня уморили! Точно дьявол сидит у вас в языке.

Рольдан. Вы изволили сказать: «в языке»? Это очень хорошо. Язык до Рима доводит. Я был в Риме и в Манче, в Трансильвании и в городе Монтальване. Монтальван был крепостью, в которой был Рейнальдос; Рейнальдос был один из двенадцати пэров Франции и из тех, которые кушали с императором Карлом Великим за круглым столом. Потому он круглый, что был не четверо- и не осьмиугольный. В Вальядолиде есть маленькая площадь, которая называется Осьмушкой. Осьмушка есть половина четверти, или кварты. Кварта состоит из четырех мараведи. В старину мараведи стоил столько же, сколько теперь эскудо; эскудо два рода: есть эскудо терпения и эскудо...

Сармиенто. Господи, помоги мне перенести все это! Постойте, я совсем потерялся.

Рольдан. «Потерялся», вы изволили сказать? Это очень хорошо. Потерять — это не то, что найти. Есть семь родов разных потерь: можно потерять в игре,

то есть проиграть, потерять состояние, положение, потерять честь, потерять рассудок, потерять по небрежности перстень или платок, потерять...

Сармиенто. Довольно, черт вас подери!

Рольдан. Вы изволили сказать: «черт»? Это очень хорошо. Потому что черт искушает нас разными соблазнами: главнейшим образом посредством мяса. Мясное — это не рыбное. Рыба флегматична, а флегматики не холерики. Человек составлен из четырех элементов: из желчи, крови, флегмы и меланхолии. Меланхолия — это не веселость, потому что веселость зависит от того, есть ли у человека деньги. Деньги делают людей людьми. Люди не скоты... скоты пасутся на траве, и, наконец...

Сармиенто. И, наконец, вы сведете меня с ума; вы можете это сделать. Но я умоляю вас, выслушайте, хоть из учтивости, одно слово, и чтоб от вас ни слова, ни звука, иначе я тут же умру на месте.

Рольдан. Что вам угодно?

Сармиенто. Сеньор мой! У меня есть жена, и, по грехам моим, величайшая болтунья, каких еще не бывало с тех пор, как женщины существуют на свете. Она так болтает, что уж я несколько раз ощущал в себе решимость убить ее за разговоры, так же как других убивают за дурные дела. Искал я средств, но ни одно не помогает. Теперь мне пришло на мысль, что если я возьму вас с собой домой и потолкуете вы с ней шесть дней кряду, то окажется она перед вами, как новичок перед человеком бывалым. Пойдемте со мной, умоляю вас; я скажу, что вы мне двоюродный брат, и под этим предлогом вы будете приняты в моем доме.

Рольдан. Вы изволили сказать: «двоюродный»? Это очень хорошо. Мы все сродни, и всё одно другому сродни; сродни прима секунде на гитаре; на гитаре пять струн, а нищенствующих монашеских орденов четыре. В четырех есть недостача до пяти. В древности был обязан драться с пятерыми тот, кто вызывал на поединок всех, как это было с дон Диего Ордоньесом и с сыновьями Ариаса Гонсало, когда король дон Санчо...

Сармиенто. Ради бога, перестаньте! Пойдемте ко мне, там договорите остальное.

Рольдан. Идите вперед! Я берусь, что через два часа

ваша жена будет нема, как камень; потому что камень...

Сармиенто. Я не хочу слова слышать.

Рольдан. Идите! Я вылечу вашу жену.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната в доме Сармиенто.
Входят донья Беатрис и Инес.

Беатрис. Инес, эй, Инес! Долго ль мне звать? Инес, Инес!

Инес. Слышу, сеньора, сеньора, сеньора!

Беатрис. Бездельница, дерзкая! Как смеете вы отвечать таким образом? Разве вы не знаете, что скромность есть первое украшение женщины?

Инес. Вашей милости разговаривать хочется, а не об чем, вот вы и кличете меня двести раз.

Беатрис. Бесстыдная! Двести раз уж очень много; пожалуй, можно сказать и двести тысяч раз,— только нолей прибавить: ноли ведь сами по себе ничего не значат.

Инес. Сеньора, уж это я слышала; скажите, что мне делать, а то мы только прозу сочиняем.

Беатрис. А проза эта в том состоит, чтобы накрывать стол, кушать вашему господину. Вы знаете, что он приходит сердитый; а когда муж сердит, то это бывает причиной, что поднимается палка, и, начиная с прислуги, доходит она и до хозяйки.

Инес. Если больше ничего, как только стол накрывать, так я лечу. (*Уходит.*)

Входят Сармиенто и Рольдан.

Сармиенто. Эй! Или никого в доме нет? Донья Беатрис!

Беатрис. Я здесь, сеньор. Зачем вы так кричите?

Сармиенто. Вот я привел гостя, кавалера,— он солдат и мой родственник; я пригласил его обедать. Ласкайте и ублажайте его хорошенько. Он ищет службы в столице.

Беатрис. Если ваша милость идете в столицу, так имейте в виду, что столица существует не для робких людей, потому что робость есть дочь глупости. А глупый почти всегда человек загнанный, да и сто-

ит того, потому что ум есть свет для человеческих дел. Каждое дело зависит...

Рольдан. Позвольте, позвольте, прошу вас... зависит от расположения, комплекции; а комплекция действует посредством телесных органов и располагает чувствами. Чувств пять: ходить, осязать, бегать, думать и не мешать другим; всякий, кто мешает, есть невежа, а невежество состоит в том, что человек не попадает в раз. Но кто падает и возвышается, пошли тому бог хорошие праздники. Главных праздников четыре: рождество, богоявление, пасха и пятидесятница. Пятидесятница — слово изысканное.

Беатрис. Как изысканное? Плохо ваша милость знает, что такое изысканное. Все изысканное необыкновенно; обыкновенное не удивляет; удивления порождают дела великие; самое высочайшее дело в мире есть спокойствие, потому что никто его не достигает; самое глупое — это злость, потому что в нее все впадают. Падать необходимо, потому что все имеет три степени: начало, возвышение и склонение.

Рольдан. Вы изволи сказать: «склонение»? Это очень хорошо. Имена существительные склоняются, а глаголы спрягаются, и те, кто женятся, тоже спрягаются, и супруги обязаны любить друг друга, как того требует наша святая мать церковь. Причина этому та, что...

Беатрис. Постойте, погодите! Муж мой, кто это? В уме ли вы? Что это за человек? Кого вы привели в наш дом?

Сармиенто. О, боже! Как легко мне! Я нашел, чем отомстить ей! Скорее накрывайте стол, будем обедать. Сеньор Рольдан прогостит у меня шесть или семь лет.

Беатрис. Семь лет! Ах, черт возьми! Ни одного часу, муж мой, или я лопну с отчаяния.

Сармиенто. Я слишком хорош для того, чтобы быть вашим мужем. Эй, давайте кушать!

Входит Инес.

Инес. У нас гости? Стол готов.

Рольдан. Кто это, сеньор?

Сармиенто. Наша горничная.

Рольдан. Горничная в Валенсии называется fadrina, в Италии masara, во Франции gazpirria, в Германии

filimogina, при дворе sirvienta, в Бискайе moscorra, у мошенников daixa. Пойдемте веселей за обед. Я хочу вам показать, что я обедаю по обычаям Великобритании.

Беатрис. Мне осталось только с ума сойти, муж мой! Мне хоть лопнуть, да только бы разговаривать.

Рольдан. Ваша милость изволили сказать: «разговаривать»? Это очень хорошо. В разговоре узнается ум человека; ум образуется из понимания; кто не понимает, тот не чувствует; кто не чувствует, тот не живет, а кто не живет, тот умер. А кто умрет, тот меньше врет...

Беатрис. Муж, муж!

Сармиенто. Что вам угодно, супруга моя?

Беатрис. Пошлите этого человека ко всем чертям. Мне хоть лопнуть, да говорить.

Сармиенто. Имейте терпение, супруга моя! Прежде семи лет, как сказано, он не уйдет от нас, потому что я дал слово и обязан сдержать его,— или я буду не я.

Беатрис. Семь лет? Нет, прежде вы увидите меня мертвой. Ай, ай, ай!

Инес. Обморок! Вам хотелось этого видеть, сеньор? Посмотрите, она умерла.

Рольдан. Боже! Отчего с ней такая беда?

Сармиенто. Говорить не дали.

Альгвасил *(за сценой)*. Отоприте правосудию! Отоприте правосудию!

Рольдан. Правосудие! Ай, горе мне! Мне бы бежать надо; если меня найдут, так упрячут в тюрьму.

Сармиенто. Сеньор, вот средство: полезайте в эту циновку[1], ее сняли и свернули для чистки; там вы можете спрятаться, а другого средства я не знаю.

Рольдан прячется в циновку, свернутую кольцом.

Альгвасил *(за сценой)*. Отопрут мне сегодня или нет?

Входят альгвасил, письмоводитель и сыщик.

Сармиенто. Что же угодно будет приказать вашей милости? Что-то уж очень грозно вы входите.

---

[1] В Испании циновки употреблялись, да и теперь употребляются вместо ковров. *(Прим. пер.)*

А л ь г в а с и л. Сеньор гобернадор, не довольствуясь тем, что ваша милость заплатили двести дукатов за нанесенную рану, приказал, чтобы вы подали тому человеку руку, обнялись с ним и стали друзьями.

С а р м и е н т о. Я сейчас сажусь обедать.

П и с ь м о в о д и т е л ь. Он здесь, и ваша милость можете сейчас же возвратиться и кушать в свое удовольствие.

С а р м и е н т о. Ну, так пойдемте в добрый час.

Уходят.

И н е с. Сеньора, приди в себя. Ведь обморок у тебя оттого, что разговаривать не давали; теперь ты одна, разговаривай сколько угодно.

Б е а т р и с. Слава богу, наконец-то я могу прервать свое молчание!

Р о л ь д а н *(показывая голову из-под циновки)*. Ваша милость изволили сказать: «молчание»? Это очень хорошо. Молчание всегда восхвалялось мудрецами; мудрые молчат вовремя и говорят вовремя, потому что есть время говорить и есть время молчать. Кто молчит — тот соглашается, а согласие предполагает условие; условие требует трех свидетелей, а завещание семи, потому что...

Б е а т р и с. Потому что убирайся ты к черту и вместе с тем, кто тебя привел! Видана ли где такая величайшая подлость? Нет, я опять в обморок.

Входят С а р м и е н т о, а л ь г в а с и л, п и с ь м о в о д и т е л ь и с ы щ и к.

С а р м и е н т о. Теперь, после мировой, я прошу вас выпить и закусить. Эй, подайте похолоднее вина и грушевого киселя.

Б е а т р и с. Зачем вы пришли в эту комнату? Разве вы не видите, что мы выколачиваем эти циновки? Инес, вот палка, бери другую, и выколотим их начисто.

Принимаются выбивать.

Р о л ь д а н *(из-под циновки)*. Тише, тише, сеньоры! Я не за тем здесь; языком болтайте, а рукам воли не давайте.

А л ь г в а с и л. Что такое? Кто это? Никак это мошенник Рольдан, болтун и бездельник?

П и с ь м о в о д и т е л ь. Он самый.

Альгвасил. Вы арестованы, арестованы.

Рольдан. Ваша милость изволили сказать: «арестован»? Это очень хорошо. Кто арестован, тот не свободен; а свобода...

Альгвасил. Нет, нет, теперь уж болтовня не поможет; теперь уж вы отправитесь в тюрьму.

Сармиенто. Сеньор альгвасил, прошу у вашей милости одолжения: пусть он побудет у меня в доме; на этот раз не берите его. Я даю вам слово, что предоставлю ему возможность найти приличное занятие, если он вылечит жену мою.

Альгвасил. От чего он ее лечит?

Сармиенто. От разговоров.

Альгвасил. Чем?

Сармиенто. Разговорами. Он так ее заговаривает, что она немеет.

Альгвасил. Я был бы очень рад видеть такое чудо. Только вот условие: если он ее вылечит, вы сейчас же известите меня; я его возьму к себе домой; моя жена тоже имеет эту слабость, и я был бы очень доволен, если б он мне ее сразу вылечил.

Сармиенто. Я вас уведомлю об успехе лечения.

Рольдан. Я знаю, что я ее вылечу.

Альгвасил. Прочь, болтливый негодяй!

Сармиенто. А, это стихи? Я люблю стихи.

Альгвасил. А если любите, слушайте, во мне есть небольшая поэтическая жилка.

Рольдан. Как? Ваша милость изволили сказать: «поэтическая жилка»? Так погодите, вас нужно приветствовать. *(Аплодирует.)*

Альгвасил *(начинает глоссу*[1]*)*.

Кто без устали болтает,
Так, наверное, его
Сам нечистый искушает;
Не владеет тот умом,
Кто без умолку болтает.
В барабанщики наймися
Барабанить языком.
Здесь порядочные люди,
Ты ушей им не терзай!
Прочь, болтливый негодяй!

---

[1] Глоссы — особый род стихотворений: каждый куплет из десяти строк с рифмой и оканчивается одинаково, на заданный стих. *(Прим. пер.)*

Письмоводитель

Эпитафию твою
Я скажу тебе зараней:
Здесь лежит болтун; по смерти
Столько не молчать ему,
Сколько он болтал при жизни.

Инес. Я желаю кончить этот куплет.

Письмоводитель. Говорите, послушаем.

Инес

Ты своею болтовней
Людям ужас нагоняешь,
Так поди в лесу болтай,
Никому не помешаешь.
Прочь, болтливый негодяй!

Сармиенто *(жене)*.

Ты болтаешь, точно двадцать,
Двадцать тысяч человек...

Беатрис

Продолжать я буду дальше.

Рольдан

Продолжать болтать? Не дам.

Беатрис

Уходи туда, наш сродник,
Где язык твой не звонил
О твоих делах бесчестных,
Здесь доподлинно известных,
По другим местам болтай!
Прочь, болтливый негодяй!

Рольдан. Слушайте, ваши милости, и мои стихи будут не хуже!

Удержать язык болтливый
Здесь хозяйка не умеет;
Но от моего леченья,
Я надеюсь, онемеет.
Приглашен сюда обедать
Я сеньором и вплотную
Пообедаю. Хозяйка
Мне, что хочешь, возражай;
Но пойдет обедать с вами
И болтливый негодяй!

Весело уходят.

РЕВНИВЫЙ СТАРИК

EL VIEJO CELOSO

ЛИЦА:

КАНЬИСАРЕС,
старик.

ЛОРЕНСА,
жена его.

ОРТИГОСА,
соседка.

КРИСТИНА,
служанка Лоренсы, ее племянница [1].

КУМ КАНЬИСАРЕСА.

АЛЬГВАСИЛ.

МУЗЫКАНТЫ И ПЛЯСУН.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
(без речей).

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната.
Входят *донья Лоренса, Кристина и Ортигоса.*

Лоренса. Это чудо, сеньора Ортигоса, что он не запер дверь; он моя скорбь, мое иго, мое отчаяние! Ведь это в первый раз с тех пор, как я вышла замуж, я говорю с посторонними. О, как бы я желала, чтоб он провалился не только из дому, но и со свету белого, и он, и тот, кто меня выдал замуж!

Ортигоса. Ну, сеньора моя, донья Лоренса, не печальтесь уж очень. Вместо старого горшка можно новый купить

Лоренса. Да, вот такими-то и другими подобными пословицами и прибаутками меня и обманули. Будьте

[1] Обычай брать в услужение племянниц и других родственников водится и у нас в среде мелкого купечества. *(Прим. пер.)*

вы прокляты его деньги, исключая крестов[1], будьте вы прокляты его драгоценности, будьте вы прокляты наряды, и будь проклято все, что он мне дарил и обещал! На что мне все это, коли я среди роскоши бедна и при всем изобилии голодна?

Кристина. Вот правда, сеньора тетя, справедливо ты рассуждаешь. Я лучше соглашусь ходить в тряпках, одну повесить сзади, другую спереди, только б иметь молодого мужа, чем погрязнуть с таким гнилым стариком, за какого ты вышла.

Лоренса. Я вышла? Что ты, племянница! Меня выдали, ей-богу, выдали; а я, как скромная девчонка, лучше умела покоряться, чем спорить. Если б тогда я была так опытна в этих вещах, как теперь, я б лучше перекусила себе язык пополам, чем сказала это «да». Скажешь только две буквы, а плачь потом две тысячи лет из-за них. Но уж я так думаю: чему быть, того не миновать; и уж чему надо случиться, так ни предупредить, ни отвратить этого нет никакой человеческой возможности.

Кристина. Боже мой, какой дрянной старик! Всю-то ночь двигает под кроватью эту посуду. «Вставай, Кристина, погрей мне простыню, я иззяб до смерти; подай мне тростник, меня камень давит». Мазей да лекарств у нас в комнате столько же, как в аптеке. У меня и одеться-то нет времени, а я еще служи ему сиделкой. Тьфу, тьфу, тьфу, поношенный старикашка! Грыжа ревнивая! Да еще какой ревнивый-то, каких в свете нет!

Лоренса. Правда, племянница, правда.

Кристина. Помилуй бог, чтоб я солгала когда!

Ортигоса. Ну, так, сеньора донья Лоренса, сделайте то, что я вам говорила — и увидите, как это будет хорошо. Молодой человек свеж, как подорожник; очень любит вас, умеет молчать и быть благодарным за то, что для него делают. А так как ревность и подозрительность старика нам долго разговаривать не позволяют, то будьте решительнее и смелей; и я тем самым порядком, как мы придумали, проведу любезного к вам в комнату и опять уведу, хотя бы у ста-

---

[1] Которые на них изображены. Испанские талеры и по-русски назывались «крестовики». *(Прим. пер.)*

рика было глаз больше, чем у Аргуса, и пусть он, как Сагори, видит на семь сажен в землю.

Лоренса. Для меня это внове, и потому я робка и не хочу из-за удовольствия рисковать своей честью.

Кристина. Сеньора тетенька, это ведь похоже на песенку про Гомеса Арнаса:

«Сеньор Гомес Арнас,
Сжальтесь надо мной,
Над невинной крошечкой,
Девкой молодой!»

Лоренса. Ведь это в тебе нечистый говорит, племянница, коли разобрать твои слова.

Кристина. Не знаю, кто во мне говорит, только знаю, что, как сеньора Ортигоса рассказывает, я все бы это сделала точь-в-точь.

Лоренса. А честь, племянница?

Кристина. А удовольствия, тетенька?

Лоренса. А если узнают?

Кристина. А если не узнают?

Лоренса. А кто мне порукой, что все это не будет известно?

Ортигоса. Кто порукой? Наше старание, ум, ловкость, а больше всего смелость и мои выдумки.

Кристина. Ну, сеньора Ортигоса, приведите к нам любовника, чистенького, развязного, даже немножко и дерзкого, и пуще всего — молодого.

Ортигоса. Все это есть в нем, про кого я говорю-то, да еще и другие два качества: богат и щедр.

Лоренса. Я не ищу богатства, сеньора Ортигоса; у меня пропасть драгоценных вещей, и уж я совсем запуталась в разных цветных платьях, которых у меня множество; в этом отношении мне и желать больше нечего. Дай бог здоровья Каньисаресу, он меня рядит в платья, как куклу, а в драгоценности, как витрину у богатого бриллиантщика. Вот если б он не забивал окон, не запирал дверей, не осматривал поминутно весь дом, не изгонял котов и собак за то, что носят мужские клички; если б он не делал этого и разных других штук, и в сказках не слыханных, я бы охотно отдала ему назад его подарки и деньги.

Ортигоса. Неужели он так ревнив?

Лоренса. Я вам лучше скажу: он недавно продал очень дорогой ковер, потому что на нем были вышиты

мужские фигуры, и купил другой, с деревьями, заплатил дороже, хотя он хуже. Прежде чем войти в мою комнату, надо пройти семь дверей, исключая наружной, и все запираются на ключ, а ключи,— я до сих пор не могу догадаться, куда он их прячет на ночь.

К р и с т и н а. Тетенька, я думаю, что он прячет их под рубашку.

Л о р е н с а. Не думаю, племянница; я сплю с ним вместе и знаю, что при нем нет ключей.

К р и с т и н а. Да еще всю ночь ходит, как домовой, по всему дому; и если случайно услышит музыку на улице, бросает камнями, чтобы уходили. Он злой, он колдун, он старый! Больше нечего и сказать о нем.

Л о р е н с а. Сеньора Ортигоса, смотрите, брюзга скоро воротится домой, он может вас застать — и все пропало. А что он захочет сделать, так делает скоро; и все это мне так опротивело, что остается только надеть петлю на шею, чтоб избавиться от такой жизни.

О р т и г о с а. А вот, может быть, как начнется для вас новая жизнь, эти дурные мысли и пройдут, и придут другие, более здравые и более приятные для вас.

К р и с т и н а. Так и будет; я за это готова дать себе палец на руке отрубить. Я очень люблю сеньору тетеньку, и мне до смерти жаль видеть ее такой задумчивой и скучной и под властью такого старого и перестарого, и хуже, чем старого; я никак досыта не наговорюсь, что он старый, старый...

Л о р е н с а. Однако он тебя любит, Кристина.

К р и с т и н а. Оттого, что старый. Я часто слыхала, что старики всегда любят молоденьких девочек.

О р т и г о с а. Это правда, Кристина. Ну, прощайте; я хочу вернуться домой к обеду. Держите на уме то, о чем мы уговорились, вы увидите, как мы обделаем это дело.

К р и с т и н а. Сеньора Ортигоса, сделайте милость, приведите мне какого-нибудь школьника-мальчонка, чтобы и мне какая-нибудь забава была.

О р т и г о с а. Я этому ребенку рисованного доставлю.

К р и с т и н а. Не хочу я рисованного, мне живого, живого, беленького, хорошенького, как жемчужинка!

Л о р е н с а. А если его дядя увидит?

К р и с т и н а. Я скажу, что это домовой, дядя испугается, а мне будет весело.

Ортигоса. Хорошо, я приведу; и прощайте. *(Уходит.)*

Кристина. Вот что, тетенька, если Ортигоса приведет любовника, а мне школьника, и сеньор их увидит, нам уж больше нечего делать, как схватить его всем, задушить и бросить в колодезь или похоронить в конюшне.

Лоренса. А ведь ты, пожалуй, готова и сделать то, что говоришь.

Кристина. Так не ревнуй он и оставь нас в покое! Мы ему ничего дурного не сделали и живем, как святые.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Улица.

Входят Каньисарес-старик и его кум.

Каньисарес. Сеньор кум, сеньор кум, если семидесятилетний женится на пятнадцатилетней, так он или разум потерял, или имеет желание как можно скорей отправиться на тот свет. Я думал, что донья Лоренсика будет мне подругой и утешением, будет сидеть у моей постели и закроет мне глаза, когда я умирать буду; но едва я успел жениться на ней, как стала меня одолевать тоска да беспокойство всякое. Было хозяйство, так хозяйку захотел; мало было горя, так прибавил.

Кум. Была, кум, ошибка, но небольшая; потому что, по словам апостола, лучше жениться, чем страстями распаляться.

Каньисарес. Где уж мне распаляться! Каждая малая вспышка обратит меня в пепел. Я желал подруги, искал подругу и нашел подругу; но упаси господи меня от такой подруги, какова она!

Кум. Вы ревнуете жену, сеньор кум?

Каньисарес. К солнцу, которое на нее смотрит, к воздуху, который ее касается, к юбкам, которые бьются об нее.

Кум. Подала она повод?

Каньисарес. Ни малейшего, да и не может ничем никак, никогда и нигде; окна не только заперты, но закрыты занавесками и ставнями; двери не отпираются никогда; ни одна соседка не переступает моего

порога и никогда не переступит, пока я, благодаря бога, жив. Кум, дурное приходит в голову женщинам не на юбилеях, не на процессиях или других народных увеселениях; где они портятся, где они извращаются и где сбиваются с пути, так это у своих соседок и приятельниц. Дурная подруга прикроет срамных дел больше, чем даже покров ночи. Связи начинаются и устраиваются более у приятельниц, чем в разных собраниях.

Кум. Да, я то же думаю. Но если сеньора донья Лоренса не выходит из дому и к себе никого не принимает, так об чем же, кум, вам печалиться?

Каньисарес. А о том, что недалеко то время, когда Лоренса догадается, чего ей недостает. Это будет очень дурно, так дурно, что я и вздумать боюсь; а от боязни прихожу в отчаяние и с отчаянием-то живу да маюсь.

Кум. Да и есть причина вам бояться, потому что женщины желают пользоваться вполне тем, что им предоставляет супружество.

Каньисарес. Моя более других чувствует, что такое супружеская жизнь.

Кум. Это тоже плохо, сеньор кум.

Каньисарес. Нет, нет, нисколько! Потому что Лоренса проще голубя и до сих пор ничего не понимает в этих глупостях. Прощайте, сеньор кум, я пойду домой.

Кум. Я тоже хочу пойти с вами, посмотреть на сеньору Лоренсу.

Каньисарес. Знайте, кум, что у древних римлян была пословица: amicus usque ad aras. Это значит: друг только до домашнего алтаря, то есть: надо делать друг для друга все, что не противно богу. А я говорю, что у меня мой друг usque ad portam,— только до двери; потому что никто не перешагнет моего порога. Прощайте, сеньор кум, и извините меня. *(Уходит.)*

Кум. В жизнь свою не видал человека более подозрительного, более ревнивого и более грубого. Он из тех людей, которые сами на себя цепи накладывают и которые всегда умирают от той болезни, которой боятся. *(Уходит.)*

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Комната.
Входят донья Лоренса и Кристина.

Кристина. Тетенька, дядя что-то долго замешкался, а сеньора Ортигоса еще дольше.

Лоренса. Да уж лучше б он и совсем не приходил, а она и подавно; он мне надоел, а она меня в стыд вводит.

Кристина. Все-таки всякое дело надо прежде испробовать, сеньора тетенька; ну, а не выйдет толку, можно и бросить.

Лоренса. Ай, что ты, племянница! Уж в этих делах я или не знаю ничего, или знаю и скажу тебе, что вся и беда-то в том, что попробуешь.

Кристина. Надо правду сказать, сеньора тетенька, у вас мало смелости; будь я на вашем месте, да я бы никаких волков не побоялась.

Лоренса. В другой раз я тебе говорю и тысячу раз еще скажу, что сатана в тебя вселился да и разговаривает. А ведь это сеньор! Как он вошел?

Кристина. Он, должно быть, отпер своим ключом.

Лоренса. Ну его к черту с его ключами!

Входит Каньисарес.

Каньисарес. С кем вы разговаривали, донья Лоренса?

Лоренса. С Кристиной разговаривала.

Каньисарес. То-то же, вы смотрите, донья Лоренса!

Лоренса. Я говорю, что разговаривала с Кристиной. С кем же мне еще разговаривать? Разве есть с кем?

Каньисарес. Не желал бы я, чтобы вы и сами с собой разговаривали, это всегда ко вреду для меня.

Лоренса. Не понимаю я этих ваших разглагольствований, да и понимать не хочу. Дайте хоть сиесту[1] мирно провести.

Каньисарес. Да я даже и во время ночного бдения не желаю воевать с вами. Но кто это так сильно стучит в дверь? Посмотри, Кристина, кто там, и если нищий, так подай милостыню, и пусть идет дальше.

Кристина. Кто там?

Ортигоса *(за сценой)*. Это соседка Ортигоса, сеньора Кристина.

[1] Отдых в полдень. *(Прим. пер.)*

Каньисарес. Ортигоса, да еще и соседка? Сохрани господи! Спроси, Кристина, чего ей нужно, и дай ей, но с условием, чтоб не всходила на крыльцо.

Кристина. Что вам угодно, сеньора соседка?

Каньисарес. Слово «соседка» меня возмущает; называй ее по имени, Кристина.

Кристина. Скажите, что вам нужно, сеньора Ортигоса?

Ортигоса. Я хочу попросить сеньора Каньисареса об одном деле, которое касается моей чести, жизни и души.

Каньисарес. Скажи, племянница, этой сеньоре, что у меня есть дело, которое тоже касается всего этого и даже больше, и чтобы она поэтому не приходила сюда.

Лоренса. Боже, вот дикий поступок! Разве вас нет здесь, со мной? Что ж, меня съедят, что ли, глазами-то? Или на воздухе унесут?

Каньисарес. Ну, коли вы желаете, так пусть войдет, сто тысяч ей чертей!

Кристина. Войдите, сеньора соседка!

Каньисарес. Ах, роковое это слово для меня: «соседка»!

Входит Ортигоса; у нее в руках ковер, по четырем углам которого изображены Родамонт, Мандрикардо, Рухеро и Градасо; Родамонт изображен закутанным в плащ.

Ортигоса. Сеньор души моей, подвигнутая и возбужденная доброй славой о вашем великом милосердии и многих благодеяниях, я осмелилась прийти просить вашу милость оказать мне такое одолжение, милосердие, помощь и благодеяние — купить у меня этот ковер. Мой сын взят под стражу за то, что ранил цирюльника. Суд приказал произвести хирургу осмотр, а мне нечем заплатить ему; последствия могут быть опасные и очень убыточные, потому что мой сын парень отчаянный. Я хотела бы выкупить его из тюрьмы сегодня или завтра, если возможно. Работа хорошая, ковер новый, и, при всем том, я отдам его за такую цену, какую ваша милость назначит, хоть и в убыток. Сколько я в свою жизнь вот так-то растеряла добра! Держите, сеньора моя, развернем его, чтобы сеньор мог видеть, что в моих словах нет обмана. По-

дымите выше, сеньора. Посмотрите, как хороши коймы. А фигуры по углам совсем живые.

Когда поднимают перед Каньисаресом и показывают ему ковер, входит молодой человек и пробирается во внутренние комнаты.

Каньисарес. О, это милый Родамонт! Что ему нужно в моем доме, этому закутанному сеньору? Если б он знал, как я люблю эти подходы и пряталья, он бы ужаснулся.

Кристина. Сеньор дяденька, я ничего не знаю о закутанных; и если кто вошел к нам в дом, так по воле сеньоры Ортигосы, а я, пусть черт меня возьмет, если я словом или делом виновата в том, что он вошел; говорю по совести. Уж это будет черт знает что такое, если вы, сеньор дядя, подумаете, что это я виновата в том, что он пришел.

Каньисарес. Да, я вижу, племянница, что виновата сеньора Ортигоса. Я и не удивляюсь этому, потому что она не знает ни моего характера, ни того, как я не люблю таких рисунков.

Лоренса. О рисунках он говорит, племянница, а не о другом чем-нибудь.

Кристина. Да я про то же говорю. *(Про себя.)* Ах, господи помилуй! Опять душа на свое место стала, а то было в пятки ушла.

Лоренса. На кой черт мне этот трехполенный верзила, да и к тому же поводись я с этими ребятами, так...

Кристина *(про себя)*. Ай, как неловко, в какую беду влететь можно с такими проказами!

Каньисарес. Сеньора Ортигоса, я не охотник до закутанных лиц и ни до какого переряживанья; вот вам дублон, этого довольно на ваши нужды, и уходите из моего дома как можно скорей, сию же минуту, и возьмите свой ковер.

Ортигоса. Продли бог вашей милости веку больше, чем Мордасуилу иерусалимскому. Вот клянусь жизнью этой сеньоры, имени я их не знаю, пусть они приказывают мне, а я буду служить, день и ночь, телом и душой, потому что у них душа, надо полагать, как есть у горлинки невинной.

Каньисарес. Сеньора Ортигоса, кончайте и уходите! Не ваше дело чужие души разбирать.

Ортигоса. Если вашей милости нужно какого-нибудь пластыря против болезни матки, так у меня есть удивительные, и против зубной болезни; я знаю такие слова, которые всякую боль как рукой снимают.

Каньисарес. Кончайте, сеньора Ортигоса; у доньи Лоренсы нет ни болезни матки, ни зубной боли, все у ней здоровы и целы, и во всю ее жизнь еще не выпало ни одного.

Ортигоса. Еще выпадут, бог даст; ей господь долгую жизнь пошлет, а старость уж вконец зубы-то сокрушает.

Каньисарес. Ах, господи, нет возможности отделаться от этой соседки! Ортигоса, дьявол ли ты, соседка ли, или кто бы там ни было, убирайся, освободи нас!

Ортигоса. Справедливо говорить изволите. Не сердитесь, ваша милость, я ухожу. *(Уходит.)*

Каньисарес. Ох, уж эти мне соседки, соседки! Разжигало меня каждое слово этой соседки, и именно потому только, что она соседка.

Лоренса. А я вам говорю, что у вас характер совсем как у варвара и дикого. Что такое сказала эта соседка, что вы так взъелись на нее? Вы ко всякому доброму делу примешиваете какой-нибудь смертный грех. Волчий рот, скорпионов язык, бездонная яма злости!

Каньисарес. Нет, нет, остановите вашу мельницу, а то это добром не кончится. А вот не нравится мне, что вы так заступаетесь за вашу соседку.

Кристина. Сеньора тетенька, шли бы вы к себе в комнату и позабавились чем-нибудь; оставьте дядю в покое: он, кажется, сердит.

Лоренса. Я так и сделаю, племянница, и не покажусь ему на глаза целых два часа. Божусь тебе, я его так отпотчую, что он доволен останется. *(Уходит.)*

Кристина. Дяденька, видели, как она скоро дверь-то защелкнула? Я думаю, она теперь ищет какой-нибудь запор, чтоб припереть ее покрепче.

Лоренса *(за сценой)*. Кристиника, Кристиника!

Кристина. Что угодно, тетенька?

Лоренса. Если б ты знала, какого мне любовника судьба послала! Молодой, красивый, смуглый и весь померанцевыми цветами продушен.

Кристина. Боже мой, какие глупости, какое ребячество! Вы с ума сошли, тетенька?

Лоренса. Ничуть, в полном своем разуме. Ну, божусь тебе, если бы ты увидела, ты бы возрадовалась.

Кристина. Боже мой, какие глупости, какое ребячество! Дяденька, побраните ее, она даже и в шутку не должна говорить таких непристойностей.

Каньисарес. Ты дурачишься, Лоренса? Но я тебе серьезно говорю, я совсем не в расположении терпеть от тебя такие шутки.

Лоренса. Не шутки, а правда; да еще какая правда-то! Чего лучше не бывает!

Кристина. Боже мой, какие глупости, какое ребячество! Скажите, тетенька, уж не там ли и мой школьник?

Лоренса. Нет, племянница. Он придет как-нибудь в другой раз, если захочет Ортигоса, соседка.

Каньисарес. Лоренса, говори, что хочешь, только слова «соседка» не произноси никогда; у меня трясутся все члены, как я его услышу.

Лоренса. И у меня тоже трясутся, только от любви к соседке.

Кристина. Боже мой, какие глупости, какое ребячество!

Лоренса. Теперь-то я увидала, каков ты, проклятый старик! А до сих пор, пока я жила с тобой, ты меня все обманывал.

Кристина. Побраните ее, дяденька, побраните ее, дяденька, уж очень она бесстыдничает.

Лоренса. Я хочу помочить бородку моему милому ангельской водой из бритвенного тазика; он так хорош лицом, вот как есть ангел писаный!

Кристина. Боже мой, какие глупости, какое ребячество! Расшибите ее на мелкие части, дяденька!

Каньисарес. Не ее, а двери, за которыми она прячется, я расшибу на мелкие части.

Лоренса. Незачем; видите, они отворены. Войдите и увидите, что я правду говорила.

Каньисарес. Хоть я и знаю, что ты шутишь, но я войду, чтоб тебя на ум наставить. *(Идет в дверь.)*

В дверях Лоренса выплескивает ему в глаза воду из бритвенного тазика. Каньисарес возвращается и протирает глаза; Кристина и донья Лоренса окружают его. В это время молодой человек пробирается из комнаты и уходит.

Каньисарес. Ведь, ей-богу, ты меня чуть не ослепила, Лоренса! К черту эти шутки, от них без глаз останешься.

Лоренса. Посмотрите, с кем меня судьба связала! С самым-то злым человеком на свете! Посмотрите, он поверил моим выдумкам, по своей... только потому, что я его ревность поддразнила! Как испорчено, как загублено мое счастье! Заплатите же вы, волосы, за злодеяние этого старика! Оплакивайте вы, глаза, грехи этого проклятого! Посмотрите, как он мою честь и славу поддерживает! Подозрения он принимает за действительность, ложь за правду, шутки за серьезное, забаву за преступление! Ах, у меня душа расстается с телом!

Кристина. Тетенька, не кричите так; все соседи соберутся.

Альгвасил *(за сценой)*. Отоприте двери! Отоприте сейчас, или я расшибу их в прах!

Лоренса. Отопри, Кристинка, и пусть весь свет узнает мою невинность и злобу этого старика.

Каньисарес. Господи помилуй! Да ведь я сам говорил тебе, что ты шутишь. Потише, Лоренса, потише!

Входят альгвасил, музыканты, танцовщик и Ортигоса.

Альгвасил. Что это? Что за ссора? Кто кричал здесь?

Каньисарес. Сеньор, ничего нет; ссора между мужем и женой; она сейчас же и кончилась.

Музыкант. А мы, черт возьми, то есть я и мои товарищи, мы, музыканты, были здесь неподалеку, на сговоре, и прибежали на крик с немалой тревогой, полагая, что это что-нибудь другое!

Ортигоса. И я тоже, грешным делом, подумала.

Каньисарес. По правде сказать, сеньора Ортигоса, если бы не вы, так не вышло бы того, что вышло.

Ортигоса. Это по грехам моим; я такая несчастная, что нежданно-негаданно на меня всякие чужие грехи сваливают.

Каньисарес. Сеньоры, отправляйтесь подобру-поздорову! Я благодарю вас за ваше доброе желание; но уж теперь мы опять примирились с женой.

Лоренса. Примиримся, если вы прежде попросите у соседки прощения за то, что дурно думали о ней.

Каньисарес. Если у всех соседок, о которых я дурно думаю, мне просить прощения, то этому конца не будет. Но все-таки я прошу прощения у сеньоры Ортигосы.

Ортигоса. И я вас извиняю и теперь, и напредки.

Музыкант. Ведь не напрасно же мы сюда пришли: играйте, товарищи, пляши, плясун! Отпразднуем замирение песенкой.

Каньисарес. Сеньоры, я не люблю музыки; я наслушался ее довольно.

Музыкант. Да хоть бы вы и не любили, мы все-таки споем.

Музыканты *(поют)*.

На Иванов день дожди,
Урожая уж не жди;
А как брань в тот день зайдет,
Будет мир на целый год.
Когда в дождь хлеб на току,
Виноградники в цвету;
У несчастных поселян
Плохо в житницах и в бочках.
Если ж ссоры да жары
Приключатся на Ивана,
Будет мирно целый год
И здорово для кармана.
Желчь в каникулы вскипает,
А под осень утихает.
И недаром разговоры
Про Иванов день идут,
Что в Иванов день раздоры
Мир на целый год дают.

Плясун пляшет.

Музыканты *(поют)*.

Между мужем и женою
Хоть частенько брань идет,
Но она всегда ведет
Примиренье за собою.
О ненастье нет помину,
Если солнышко взойдет,
Ссора на Иванов день
Мир дает на целый год.

К а н ь и с а р е с. Вот вы сами видите, ваши милости, в какое беспокойство и расстройство поставила меня соседка. Так прав ли я, что не люблю соседок?

Л о р е н с а. Хоть мой муж и не любит соседок, но я целую ваши ручки, сеньоры соседки.

К р и с т и н а. И я тоже. А если б моя соседка привела мне школьника, то была бы она самая лучшая соседка. Прощайте, сеньоры соседки!

СУДЬЯ ПО БРАКОРАЗВОДНЫМ ДЕЛАМ

EL JUEZ DE LOS DIVORCIOS

ЛИЦА:

СУДЬЯ ПО БРАКОРАЗВОДНЫМ ДЕЛАМ.

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ.

ПРОКУРАДОР.

СТАРИК.

МАРИАНА,
его жена.

СОЛДАТ.

ДОНЬЯ ГИОМАР,
его жена.

ПОДЛЕКАРЬ [1].

ДОНЬЯ АЛЬДОНСА,
его жена.

КРЮЧНИК [2].

ДВА МУЗЫКАНТА.

Зала суда.
Входят судья, письмоводитель *и* прокурадор; *судья садится на кресло.*
Входят старик *и* Мариана.

Мариана *(старику, очень громко)*. Ну, вот, сеньор судья бракоразводных дел сел на свое судейское кресло; вот теперь как хочу... хочу брошу де-

---

[1] В подлиннике cirujano — фельдшер; их прежде называли подлекарями. Есть и пословица: «Толкуй больной с подлекарем». От испанского cirujano произошло русское слово «цирюльник». Как испанский cirujano и русский цирюльник, по экзамену, имел право пускать кровь, дергать зубы, ставить банки и пиявки. *(Прим. пер.)*

[2] Ganapán — носильщик тяжестей, то же, что в Тифлисе муша. У нас теперь тяжести перевозятся ломовыми извозчиками; но при нагрузке и разгрузке товаров на пристанях, дебаркадерах и пр. есть артели носильщиков, которые называются крючниками. *(Прим. пер.)*

ло, хочу в ход пу ду. Но нет, уж теперь я хочу жить на воле, проживать безданно-беспошлинно, как птица.

Старик. Ради бога, Мариана, не суетись ты так со своим делом! Говори ты потише, богом прошу тебя. Посмотри, ведь ты всполошила всех соседей своими криками; вот теперь сеньор судья перед тобой, ты и без крика можешь объяснить ему свою просьбу.

Судья. Что у вас за спор, добрые люди?

Мариана. Развод, сеньор, развод,— и опять развод, и тысячу раз развод!

Судья. С кем и почему, сеньора?

Мариана. С кем? С этим стариком, который перед вами.

Судья. Почему?

Мариана. Потому что не могу я переносить его причуд, не могу постоянно ухаживать за его болестями, которых у него несть числа. Меня мои родители воспитывали совсем не в сиделки или сестры милосердия. Я хорошее приданое принесла этому костяному скелету, который только жизнь мою заедает. Когда я шла за него замуж, так у меня лицо-то светилось, как зеркало, а теперь оно точно суконка. Ваша милость, сеньор судья, разведите нас, коли вам нежелательно, чтоб я удавилась. Смотрите, смотрите, какие борозды у меня на лице,— это все от слез, которые я каждый день проливаю, как только вздумаю, что я замужем за этой анатомией!

Судья. Не плачьте, сеньора! Умерьте ваш голос и утрите слезы, я рассужу вас по справедливости.

Мариана. Позвольте мне плакать, ваша милость; в этом одно мое утешение. В королевствах и республиках, хорошо-то устроенных, время супружеской жизни надо бы ограничить: через каждые три года браки-то нужно бы разводить или утверждать еще на три года, вот как аренды; и чтоб уж никак не тянулись они всю жизнь, на вечную муку для обеих сторон.

Судья. Если б это можно или должно было сделать, так уж во что бы то ни стало, а давно бы это сделали, сеньора; но определите мне точнее причины, которые вас заставили просить развода.

Мариана. Его дряхлость и мои цветущие лета; ни-

какого сна, потому что должна я вставать в полночь, греть платки да мешочки с отрубями и прикладывать ему к бокам и накладывать то ту, то другую перевязку,— а гораздо бы мне приятнее было видеть, чтоб ему пеньковую перевязку на шею присудили; и всю ночь сторожить, чтоб поднимать повыше подушки, подавать сиропы да мягчительные, чтоб ему не теснило грудь; и принуждена я еще терпеть дурной запах у него изо рта, которым разит от него на три выстрела из аркебуза.

Письмоводитель. Это, должно быть, оттого, что у него коренной зуб гниет.

Старик. Нет, не должно быть; потому что у меня во рту давно уж сам черт не только коренного, а и никакого зуба не найдет.

Прокурадор. Я слышал, что и закон такой есть, будто бы единственно за дурной запах изо рта можно развести жену с мужем и мужа с женой.

Старик. По правде сказать, сеньоры, этот дурной запах, о котором она говорит, совсем не от гнилых зубов, потому что у меня их нет, и не от желудка, который совершенно здоров, а все это умысел ее злой души. Ваша милость, вы мало знаете эту сеньору; а кто ее знает-то, так божусь вам, либо отмалчивается от нее, либо открещивается. Двадцать два года живу я с ней мучеником, и нет-то мне никакого утешения в жизни, терплю ее блажь, крики да причуды; и уже вот два года я каждый день получаю от нее потасовки и побои, чуть не насмерть. От ее крику я почти совсем оглох и уж начисто помешался. Если она и ухаживает за мной во время болезни, как она вам говорит, так делает это скрипя зубами, а совсем не так заботливо и ласково, как лекаря. Словом сказать, сеньоры, от этого брака я умираю, а она живет, потому что она полновластная госпожа всего моего хозяйства.

Мариана. Вашего хозяйства? Да какое ж у вас хозяйство, кроме того, что вы приобрели на мое приданое? И половина всего благоприобретенного моя. Уж как вам этого ни жалко, а из этого и из приданого, если я сегодня умру, я вам не оставлю ни на копейку, чтобы только доказать, какова моя любовь к вам.

Судья. Скажите, сеньор, когда вы женились на вашей супруге, вы были еще молодцом, здоровым, крепким человеком?

Старик. Я уж говорил, что прошло целых двадцать два года с тех пор, как я поступил под ее команду, вот точь-в-точь как под начальство калабрийского капитана в каторжную работу на галеры; я тогда был так здоров, что какую хочешь игру заводи, нескоро забастую.

Мариана. Было-то было, да не на́долго хватило, пословица говорится.

Судья. Молчите, молчите, прах вас побери, добрая женщина, и ступайте с богом; я не нахожу достаточного повода для развода. Вы пробовали сладкое, попробуйте и горького. Нельзя обязать мужей не подчиняться быстрому времени — и не стариться. Сопоставьте неприятности, которые он вам теперь причиняет, с тем добром, которое он делал для вас, когда мог, и не возражайте более ни одного слова.

Старик. Если только возможно, ваша милость сделали бы мне большое одолжение и облегчение, освободив меня из этой тюрьмы. Оставаться в ней, терпеть от нее побои — это значит попасть в руки палача, который будет меня терзать. А вот бы что сделать: шла бы она в монастырь, а я в другой; разделили бы мы имение и жили бы таким образом в мире, посвятив на служение богу остальные дни своей жизни.

Мариана. Вот еще, черт тебя возьми! Очень мне нужно запирать себя в монастырь. Я ведь не девчонка; тем, может быть, нравятся сетки, потайные двери, железные решетки в окнах да подслушиванье. Запирайтесь вы в монастырь! Вам это легко, потому что у вас нет ни глаз, чтоб видеть, ни ушей, чтоб слышать, ни ног, чтоб ходить, ни рук, чтоб осязать. А я здорова, и всеми моими пятью чувствами, полными и свежими, хочу пользоваться открыто, а не прятать их так, как игроки прячут свои карты друг от друга.

Письмоводитель. Вольного духа женщина!

Прокурадор. И муж умный человек; но уж больше ничего не спрашивай.

Судья. Я не могу произвести развода; quia nullam invenio causam [1].

Входят солдат, хорошо одетый, и его жена, донья Гиомар.

Гиомар. Благодарение господу, желание мое исполнилось, я нахожусь перед вашей милостью. Самым убедительнейшим образом, как только умею, умоляю вас развести меня с этим.

Судья. Что такое «с этим»? Разве у него нет другого имени? Вам бы следовало сказать по крайней мере: «с этим человеком».

Гиомар. Если бы он был человек, я бы и развода не просила.

Судья. Кто же он?

Гиомар. Полено.

Солдат *(про себя)*. Да, клянусь богом, я буду молчалив и терпелив, как полено; я не стану оправдываться, не стану противоречить жене; может быть, судья и сделает такое одолжение, обвинит меня и, в наказанье, избавит меня от неволи; ведь бывают же чудеса — и невольники иногда спасаются из тюрем Тетуана.

Прокурадор. Говорите учтивее, сеньора, и объясняйте дело без оскорблений для вашего мужа: сеньор судья, который перед вами, рассудит ваше дело по всей справедливости.

Гиомар. Отчего ж, милостивые государи, вы не желаете, чтоб я назвала поленом статую, в которой движения не больше, чем в бревне?

Мариана. Ну, видно, мы обе терпим одно и то же горе.

Гиомар. Скажу вам, наконец, сеньор мой, что меня точно выдали за этого человека, если угодно вашей милости, чтоб я его так называла; но ведь это не тот человек, за которого я вышла замуж.

Судья. Как же это так? Я вас не понимаю.

Гиомар. То есть, я хочу сказать: я думала, что выхожу замуж за человека дельного и проворного; а через несколько же дней оказалось, что я вышла, как уже я говорила, за полено. Он не знает, которая у него правая рука; не находит ни средств, ни

---

[1] Ибо не нахожу никакого основания *(латин.)*.

способов добыть хоть реал для поддержки своего дома и семейства. Утро он проводит по церквам у обеден и толчется у ворот Гуадалахарских, шепчется, разузнает новости, рассказывает и слушает сплетни. После полудня, да и по утрам тоже, шляется по игорным домам, из одного в другой, и только зевак прибавляет; а это такого сорта люди, которые, как я слышала, всем игрокам надоели и которых они презирают. В два часа приходит обедать, не получив с выигрышу ни от кого ни одного реала, потому что теперь уж это вывелось. Потом уйдет опять, возвращается в полночь, ужинает, коли найдет что; а коли нет, крестится, зевает и ложится спать; но всю ночь он не успокоится, а ворочается с боку на бок. Спрошу его: «что с тобой?» Отвечает мне, что сочиняет в уме сонет для друга, который его об этом просил. Он воображает себя поэтом, как будто это такое занятие, которое избавляет от нужды.

Солдат. Моя сеньора, донья Гиомар, во всем, что говорила, не перешла границ правды и основательности; и если б я в своих делах был так же основателен, как она в речах, то уж давно бы я достал себе какое-нибудь занятие и хлопотал бы так же, как и другие ловкие и проворные людишки. С хлыстом в руках, на наемном муле, маленьком, худом и злом, без погонщика, потому что такие мулы никогда не нанимаются и ничего не стоят, с перекидной сумкой на крýпе, в одной половине воротничок и рубашка, в другой — кусок сыру, хлеб и кожаная фляжка; без приличного дорожного платья, кроме пары штиблет об одной шпоре, с беспокойной торопливостью уезжает он комиссионером по Толедскому мосту на ленивом и упрямом муле. Глядишь, и через несколько дней посылает домой окорок ветчины и несколько аршин небеленого полотна, и такими вещами, которые ничего не стоят в той местности, куда он послан, поддерживает свой дом как только он, грешный, может... Но у меня нет никакой должности, и я не знаю, кáк добыть ее, потому что ни один сеньор не желает взять меня в службу, оттого что я женат. Так что я принужден надоедать вашей милости, сеньор судья, так как бедные идальги очень надоедливы,

да и жена моя того же просит,— разделите и разведите нас.

Гиомар. И еще вот что, сеньор судья. Видя, что мой муж ни к чему не способен и терпит нужду, я умираю, чтоб помочь ему как-нибудь, но не могу, потому что, прежде всего, я женщина честная и ни на какие низости не способна.

Солдат. Вот только единственно за это и стоит любви жена моя. Но под этой честностью таится в ней самый дурной характер, какой только есть на свете: ревнует без всякой причины, бранится ни за что, превозносится, ничего не имея; а за то, что я беден, не считает меня за человека. А хуже-то всего, сеньор судья, она желает, чтобы я, ради ее верности ко мне, терпел и скрывал тысячи тысяч ее капризов и пошлостей.

Гиомар. Отчего ж нет? Почему вам не иметь почтения и уважения к такой добродетельной женщине, как я?

Солдат. Слушайте, сеньора донья Гиомар, что я желаю сказать вам перед этими сеньорами. Что вы так важничаете тем, что вы честная женщина, коли это ваша прямая обязанность, так как вы происходите от честных родителей, так как вы христианка и, наконец, обязаны быть честной в отношении к самой себе? Хорошо было бы, если б жены требовали от мужей уважения за то только, что чисты и честны; как будто бы только в этом и состоит все их совершенство, и при нем они могут обойтиться без тысячи других добродетелей, которые они обязаны иметь. Что мне из этого, что вы сами-то по себе честны, если вы не смотрите за честностью вашей горничной, если вы постоянно нахмурены, сердиты, ревнивы, надуты, растрепаны, сонны, неодеты, бранчивы, ворчливы и еще с другими безобразиями подобного рода, которые способны сокрушить жизнь двумстам мужей? Но я вам доложу, сеньор судья, что ничего этого в моей сеньоре донье Гиомар нет; и я признаюсь, что я полено, что я неспособный, вялый и рассеянный человек, и что только для порядка, хотя бы даже не было никаких других причин, ваша милость обязаны развести нас, потому что я сейчас сим заявляю, что я ничего не имею возразить против того, что говорила моя

жена, и что я считаю нашу тяжбу конченой и заявлю удовольствие, если меня осудят.

Г и о м а р. Да что же можно возразить против того, что я говорю? Что вы не кормите ни меня, ни вашу горничную; и добро б их много было, а то всего одна, да еще семимесячный ребенок, который ест не более сверчка.

П и с ь м о в о д и т е л ь. Потише! Входят новые просители.

Входят п о д л е к а р ь, в одежде лекаря, и А л ь д о н с а д е М и н х а к а, его жена.

П о д л е к а р ь. Четыре весьма основательные причины привели меня просить вашу милость, сеньор судья, произвести развод между мною и сеньорой доньей Альдонсой де Минхака, моей женой, которая здесь перед вами.

С у д ь я. Вы начинаете решительно. Скажите эти четыре причины.

П о д л е к а р ь. Первая: видеть ее для меня хуже, чем всех дьяволов вместе; вторую она сама знает, третья... я об ней промолчу; четвертая, что я не хочу попасть к черту на рога, что непременно случится, если всю жизнь проживу в союзе с нею.

П р о к у р а д о р. Он выразил свое желание самым удовлетворительнейшим образом.

А л ь д о н с а. Сеньор судья, выслушайте меня и заметьте, что если у моего мужа четыре причины, чтобы просить развода, то у меня их четыреста. Первая та, что каждый раз, как я его вижу, мне кажется, что я вижу самого Люцифера; вторая, что я была обманута, когда выходила за него замуж: он говорил мне, что он настоящий пульсовый лекарь, который щупает пульс, а оказалось, что он просто подлекарь, который делает перевязки и лечит кой-какие неважные болести; и выходит, что он только половина настоящего-то лекаря; третья, что он ревнует меня даже к солнцу, когда оно меня касается; четвертая, что я не могу его видеть и желала бы убежать за два миллиона верст от него.

П и с ь м о в о д и т е л ь. Какой черт теперь справит эти часы, коли все колеса в них в разлад пошли?

А л ь д о н с а. Пятая...

С у д ь я. Сеньора, сеньора, если вы желаете излагать все свои четыреста причин, так я вам скажу, что я слушать их не в расположении, да и времени не имею. Ваше дело отлагается до исследования; и ступайте с богом, у меня есть другие дела спешные.

П о д л е к а р ь. Какие еще исследования, кроме того, что я не желаю умирать с ней, а ей не нравится жить со мной?

С у д ь я. Если б этого было достаточно для развода, то бесконечное число супругов сбросили бы с плеч своих супружеское иго.

Входит к р ю ч н и к в четырехугольной шапке на голове.

К р ю ч н и к. Сеньор судья, я крючник,— это уж я не запираюсь; но, однако, я старый христианин и человек на руку честный, и если бы я иной раз не набирался вина или оно меня не забирало — что вернее,— так был бы уж давно старостой в артели крючников. Но это в сторону, у меня есть еще много о чем разговаривать. Желаю я, чтоб ваша милость, сеньор судья, знали, что однажды я, закружившись до одурения от паров Вакха, обещал одной заблудшей женщине жениться на ней. Когда я пришел в себя и поправился, я исполнил обещание и женился на женщине, которую я вытащил из грязи. Посадил я ее фруктами торговать, и напала на нее такая гордость, и такой дурной характер явился, что ни один-то покупатель не подойдет к ее прилавку без того, чтобы она не поругалась с ним: то у нее весу не хватит, то зачем роются в фруктах; и уж двум из трех непременно пустит гирю в голову или во что попало,— и срамит их даже до четвертого колена; а с соседками и товарками ни одного часу не живет в мире. И я целый-то день должен держать в руках, точно дудку, свою шпагу наготове, чтобы защищать ее. У нас не хватает всей выручки на штрафы за неполный вес и на судебные издержки за проигранные тяжбы. Если ваша милость будете так добры, я желал бы, чтобы или развели меня с ней, или по крайней мере переменили ее горячий характер на скромный и тихий; и обещаю я вашей милости, что перено сим мы даром ваш весь уголь, который вы купите этой

весной, потому что я в своей артели большой вес имею.

Подлекарь. Я знаю жену этого доброго человека; она так зла, как моя Альдонса, а выше этого ничего быть не может.

Судья. Слушайте, сеньоры: хотя некоторые из вас присутствующих дали некоторые показания, в которых заключаются некоторые поводы для развода, но при всем том необходимо письменное заявление и свидетели; а потому все ваши процессы я отлагаю до представления доказательств. Но что это? Музыка и гитары в моей присутственной зале? Это какие-то новости.

Входят два музыканта.

Музыкант. Сеньор судья, те рассорившиеся супруги, которых вы, ваша милость, соединили, согласили и примирили, ждут вашу милость на большой пир в их доме, почему и послали нас просить вас сделать им честь пожаловать к ним.

Судья. Я сделаю эту честь с великим удовольствием. И прошу бога, чтобы все присутствующие примирились так же, как и они.

Прокурадор. И помрут тогда с голоду и писцы, и прокурадоры этого присутственного места. Нет, нет, все просите развода, все; потому что наконец... наконец, если вас и не разведут, то все-таки нам-то доход от ваших распрей и ссор.

Музыкант. Теперь пойдемте пировать и веселиться.

Музыканты *(поют)*.

Знайте, добрые супруги,
Коли брань у вас зайдет,
Что плохое примиренье
Все же лучше, чем развод.

Правда то иль заблужденье,
Но давно твердит народ,
Что в Иванов день раздоры
Мир сулят на целый год.

После горя снова радость
Там, где знают наперед,
Что плохое примиренье
Все же лучше, чем развод.

Ревность женская нам мука,
Но с красавицей женой
Нам и горе-то не горе,
Даже ревность — рай земной.

О, любовь, правдиво мненье
И испытан тот расчет,
Что плохое примиренье
Все же лучше, чем развод.

БИСКАЕЦ-САМОЗВАНЕЦ

EL VIZCAÍNO FINGIDO

ЛИЦА:

СОЛОРСАНО.

КИНЬОНЕС.

ДОНЬЯ КРИСТИНА.

ДОНЬЯ БРИХИДА.

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР.

СЛУГА ИЛИ СЛУЖАНКА.

ДВА МУЗЫКАНТА.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица.
Входят Солорсано и Киньонес.

Солорсано. Вот два мешочка, они, кажется, очень схожи, и цепочки при них тоже одинаковы. Теперь вам остается только сообразоваться с моим намерением, чтобы провести эту севильянку, несмотря на всю ее хитрость.

Киньонес. Разве обмануть женщину уж такая большая честь или тут нужно так много ловкости, что вы употребляете столько хлопот и прилагаете столько старания для этого?

Солорсано. Если встретится такая женщина, как эта, то обмануть приятно, тем более что эта шутка не переходит через край. Я хочу сказать, что тут нет ни греха против бога, ни преступления против того, над кем шутят. Что унижает человека, то уж не шутка.

Киньонес. Ну, если вам угодно, пусть так и будет. Я ручаюсь, что помогу вам во всем, что вы мне сказали, и сумею притвориться так же хорошо, как и вы; потому что превзойти вас я не могу. Куда вы идете теперь?

Солорсано. Прямо в дом к моей красавице. Вы туда не входите; я вас в свое время позову.

Киньонес. Я буду дожидаться. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната.
Входят донья Кристина и донья Брихида. Брихида в манто, трепещущая и взволнованная.

Кристина. Боже! Что с тобой, милая Брихида? У тебя душа расстается с телом.

Брихида. Милая донья Кристина, дай мне вздохнуть, плесни мне немного воды в лицо, я умираю, я кончаюсь, душа моя отлетает! Боже, помоги мне! Скорей, скорей духовника!

Кристина. Что это? Ах, я несчастная! Отчего не говоришь ты, милая, что с тобой случилось? Тебе привиделось что-нибудь? Не получила ль ты дурного известия? Уж не умерла ли твоя мать, не воротился ли твой муж, или не украли ли твои бриллианты?

Брихида. Ничего мне не привиделось, не умирала моя мать, не вернулся муж, ему еще остается три месяца пробыть там, куда он уехал, чтоб кончить дела; не воровали у меня и бриллиантов; со мной случилось другое, что гораздо хуже.

Кристина. Ну, наконец, скажи же, Брихида моя! Я исстрадаюсь, истерзаюсь, пока не узнаю.

Брихида. Ах, желанная моя, то, что случилось со мной, столько же касается и тебя. Помочи мне лицо; у меня все тело облито пóтом, холодным, как лед. Несчастные те женщины, которые живут свободно, потому что если они захотят иметь хоть маленькую самостоятельность и так или иначе ею пользоваться,— так она сейчас же и свяжет их по рукам и по ногам.

Кристина. Ну, скажи же, наконец, милая, что с тобой случилось и что это за несчастие, которое также касается и меня?

Брихида. Коснется, и очень ты поймешь это, если у тебя есть смысл; а у тебя, кажется, его довольно. Ну, слушай, родная моя! Сейчас по дороге к тебе, проезжая вороты Гуадалахары, вижу я, среди бесчисленной толпы полиции и народа, бирюча, ко-

торый провозглашает следующее правительственное распоряжение, что кареты отменяются [1] и чтобы женщины не закрывали лиц на улицах.

Кристина. Так это дурная-то новость?

Брихида. Да разве для нас может быть что-нибудь в мире хуже этого?

Кристина. Я думаю, родная моя, что по поводу карет должно быть какое-нибудь распоряжение; невозможно, чтоб их совсем отменили; но распоряжение было бы очень желательно, потому что, как я слышала, верховая езда в Испании пришла в совершенный упадок; молодые кавалеры по десяти и по двенадцати человек набиваются в одну карету и снуют по улицам день и ночь, забывая, что есть на свете лошади и кавалерийская служба. Когда же у них не будет удобства земных галер, то есть карет, они обратятся к изучению верховой езды, которой прославились их предки.

Брихида. Ах, Кристина, душа моя! Я слышала тоже, что хотя некоторым и оставят кареты, но с тем условием, чтобы не ссужали их никому и чтобы в них не ездила ни одна из... ты меня понимаешь.

Кристина. Пожалуй, что с нами это и сделают. Но успокойся, родная моя, между военными еще вопрос: что лучше, кавалерия или пехота. Уж доказано, что пехота испанская [2] заслуживает уважения от всех наций, и теперь можем мы, веселенькие женщины, пешим образом показывать свою грацию, свою любезность, свое великодушие и притом же с открытыми лицами, что гораздо лучше; потому что те, которые стали бы за нами ухаживать, уж не ошибутся,— они нас видели.

Брихида. Ай, Кристина, не говори этого! Как приятно ехать, развалясь в задке кареты, передвигаться то на ту, то на другую сторону, показываться кому, как и когда захочешь! И вот, ей-богу, по

---

[1] Страсть ездить в каретах доходила тогда в Мадриде до крайней степени и доводила многих до разорения. Об этой моде есть весьма остроумные страницы у сатирика Гевары в его знаменитой повести «El diablo cojuelo». *(Прим. пер.)*

[2] Тут шутка. Испанской инфантерией в то время называли пешую театральную публику. *(Прим. пер.)*

душе тебе говорю, когда иной раз я достану карету и чувствую, что сижу в ней с некоторым величием, я восторгаюсь до самозабвения; мне представляется, я уверена, что я дама первой степени, и что самые титулованные сеньоры могут служить мне горничными.

К р и с т и н а. Видишь, донья Брихида, как умно я сказала, что хорошо бы отнять у нас кареты; мы тогда освободились бы от греха — тщеславия! И вот еще что нехорошо: карета всех равняет, и тех и сех; иностранцы, видя в карете особу, великолепно одетую, блестящую драгоценностями, перестают ухаживать за тобой и ухаживают за ней, считая ее за важную сеньору. Милая, ты не должна печалиться, пускай в дело свою ловкость и красоту, свое севильское манто, тканное из воздуха, и уж во всяком случае свои новые туфли с серебряной бахромой, пускайся по этим улицам — и я тебе ручаюсь, что на такой сладкий мед в мухах недостатка не будет, если только ты пожелаешь, чтоб они слетелись.

Б р и х и д а. Бог тебе за это заплатит, милая; я совсем успокоилась после твоих наставлений и советов и думаю непременно пустить их в дело. Буду рядиться, и разряживаться, и показываться с открытым лицом, и постоянно толочь пыль на улицах. Унять мою голову некому; тот, кого считают моим мужем, ведь не муж мне, а только еще дал слово быть мужем.

Показывается в дверях С о л о р с а н о.

К р и с т и н а. Боже! Вы так тихо и без доклада входите в мой дом, сеньор! Что вам угодно?

С о л о р с а н о *(входя)*. Извините за смелость! Вором можно сделаться случайно. По пословице: плохо не клади, вора в грех не вводи. Я видел, что двери отворены, и вошел; я решился войти, чтоб служить вам, и не словами, а делом. Если можно говорить в присутствии этой дамы, то я скажу вам, зачем я пришел и какие имею намерения.

К р и с т и н а. От приятного вашего присутствия между нами нельзя и ожидать ничего иного, кроме хороших слов и хороших дел. Говорите то, что вы желали сказать; сеньора донья Брихида мой друг,— это то же, что я сама.

С о л о р с а н о. В таком случае и с вашего позволения я буду говорить правду. Я, по правде вам сказать, сеньора, придворный, и вы меня не знаете.

К р и с т и н а. Да, это правда.

С о л о р с а н о. Я уже давно желаю служить вам, побуждаемый к тому вашей красотой, вашими природными качествами, а еще более вашим умением жить; но разные мелочи, в которых никогда не бывает недостатка, до сего времени препятствовали мне привести мое желание в действительность. Теперь судьбе угодно было, чтобы один мой хороший друг прислал мне из Бискайи своего сына, бискайца, для того, чтобы я его отправил в Саламанку и нашел ему общество, которое делало бы ему честь и способствовало его образованию. Но, сказать вам правду, он глуповат и имеет некоторые странности. Кроме того, есть у него еще недостаток, о котором и говорить нехорошо, а уж тем более иметь его, — он иногда придерживается вина, но так, что совсем теряет рассудок; оно его очень волнует. Когда он выпивши и, как говорится, когда у него душа нараспашку, у него является удивительная веселость и щедрость: он раздает все, что имеет, всякому, кто просит и кто не просит. Я желал бы, пока все его состояние не полетит к черту, кой-чем от него попользоваться; и для этого я не нахожу лучшего средства, как привести его к вам: он очень любезен с дамами, очень любит дам, и здесь мы втихомолку оберем его как липку. Вот, для начала, я принес вам цепь в этом мешочке, она стоит сто двадцать золотых скуди; вы ее возьмите и дайте мне теперь десять скуди, которые мне нужны на некоторые безделицы, а остальные двадцать заплатите ужином сегодня вечером; придет и наш дурак, или буйвол, я его притащу за нос, как говорится. После двух моих визитов к вам вы будете иметь цепь, потому что я за нее, кроме десяти скуди, которые получу теперь, ничего не желаю... Цепь превосходная, из лучшего золота и дорогой работы. Вот она, возьмите ее!

К р и с т и н а. Целую ваши ручки за то, что вы доставляете мне такой выгодный случай; но я буду говорить откровенно то, что чувствую: такая щедрость меня конфузит и несколько подозрительна для меня.

Солорсано. Какое же и в чем подозрение, сеньора?

Кристина. А в том, что эта цепь, может быть, произведение алхимии; недаром говорится пословица: не все то золото, что блестит.

Солорсано. Вы рассуждаете чрезвычайно умно, и недаром про вас идет молва, что вы самая умная дама в столице; и мне очень приятно видеть, как вы без жеманства и околичностей прямо открываете то, что у вас на сердце. Но, кроме смерти, на все есть средство: надевайте манто или пошлите кого-нибудь, кому вы верите, к золотых дел мастеру и узнайте пробу и вес этой цепи, и если она чистого золота и имеет те достоинства, о которых я говорил, тогда вы мне дадите десять скуди, сделаете угощение этому дураку — и останетесь с цепью.

Кристина. Здесь рядом живет золотых дел мастер, мой знакомый; он легко рассеет мои сомнения.

Солорсано. Только этого я и желаю, я люблю и уважаю такое поведение; сам бог благословляет дела, если они ведутся начистоту.

Кристина. Если вы решитесь доверить мне эту цепь, пока я приценюсь, то, погодя немного, вы можете прийти, и я отдам вам десять золотых скуди.

Солорсано. Вот хорошо! Да я доверю вам даже честь свою, а еще бы я не доверил цепи! Вы можете пробовать и перепробовать; я теперь отправлюсь и ворочусь через полчаса.

Кристина. И даже можете раньше, если только мой сосед дома.

Солорсано уходит.

Брихида. Ну, милая Кристина, какое счастье тебе привалило! А я уж такая несчастная, никто мне ведра воды даром не дает, и то мне трудов стоит. Вот разве только: встретила я недавно на улице поэта, так он мне весьма охотно и очень учтиво предложил сонет о Пираме и Тизбе и обещал написать в честь мою еще.

Кристина. Лучше бы было тебе встретиться с каким-нибудь генуэзцем, тот предложил бы тебе триста реалов.

Брихида. Уж, конечно, генуэзцы этим отличаются и еще тем, что в руки даются легко, точно прикорм-

ленные ястреба; все они меланхолики и скучны, точно по указу.

Кристина. Я желала бы, Брихида, чтобы ты убедилась, что половина генуэзца стоит больше, чем четыре целых поэта. Ах, смотри-ка, наше дело на всех парусах летит! Вот он сам, золотых дел мастер!

Входит золотых дел мастер.

Что вам угодно, милый сосед? Вы меня освобождаете от манто, которое я хотела накинуть на плечи, чтобы идти к вам.

Золотых дел мастер. Сеньора донья Кристина, вы мне сделаете одолжение, если употребите все ваше старание, чтобы увести завтра мою жену в комедию, потому что мне нужно, и очень нужно, завтра после обеда быть свободным от надзора и преследования.

Кристина. Я это сделаю с большим удовольствием. И даже, если сеньор сосед желает, мой дом и все, что в нем есть, к его услугам,— он его найдет пустым и прибранным, потому что я хорошо знаю, что за жена у него.

Золотых дел мастер. Нет, сеньора, уведите только жену, с меня и довольно. Но что же вам угодно от меня, зачем вы хотели идти ко мне?

Кристина. А вот зачем: скажите мне, сеньор сосед, сколько весу в этой цепи, и чистого ли она золота, и какой пробы?

Золотых дел мастер. Эту цепь я имел в руках много раз и знаю, что на вес она стоит полтораста скуди и двадцать пятой пробы, и если вы ее покупаете на вес, не считая работы, то в убытке не останетесь.

Кристина. Работа тоже будет стоить кой-чего, но немного.

Золотых дел мастер. Покупайте, сеньора соседка; если вам она не нужна, я дам десять дукатов только за работу.

Кристина. Я, если можно, постараюсь купить ее дешевле. Но смотрите, сеньор сосед, не ошибитесь насчет чистоты золота и количества веса.

Золотых дел мастер. Хорош бы я был, если б ошибался в своем деле! Говорю вам, сеньора, я два

раза перепробовал ее по колечку и вешал ее, и знаю как свои пять пальцев.

Брихида. Этого с нас довольно.

Золотых дел мастер. И вот вам еще доказательство: я помню, что приносил ее вешать и пробовать один благородный молодой человек, по имени Солорсано.

Кристина. Довольно, сеньор сосед. Отправляйтесь с богом, я сделаю то, что вы просили, я возьму ее и удержу два часа и более, если бы было нужно: потому что я знаю, что лишний час вам не может повредить.

Золотых дел мастер. С вами жить и умереть! Все-то вы знаете. Прощайте, сеньора моя! *(Уходит.)*

Брихида. Нельзя ли подделаться к этому милому Солорсано, чтобы он вытянул для меня у этого пьяницы-бискайца что-нибудь ценное?

Кристина. Мы еще успеем. Но смотри-ка, он возвращается. Он идет проворно и смело, десять скуди его подгоняют и пришпоривают.

Входит Солорсано.

Солорсано. Сеньора донья Кристина, вы сделали все, что нужно? Вы убедились в достоинстве моей цепи?

Кристина. Сделайте одолжение, скажите, как вас зовут?

Солорсано. Дон Эстебан де Солорсано. Но зачем вы меня спрашиваете?

Кристина. Чтобы приложить печать к вашей правдивости и учтивости. Поговорите немного с сеньорой Брихидой, пока я схожу за деньгами. *(Уходит.)*

Брихида. Сеньор дон Солорсано, нет ли у вас хоть какой-нибудь зубочистки и для меня? Уж не такая же я заброшенная, и у себя дома я принимаю таких же хороших людей, как и сеньора донья Кристина. Если бы я не боялась, что нас услышат, я рассказала бы сеньору Солорсано про ее недостатки. Знайте, что груди у нее, как два пустых мешочка, и дыхание у нее не лучше, потому что она очень красится. И при всем том ее ищут, посещают и любят. Я готова исцарапать себе лицо скорей от бешенства, чем от зависти; нет человека, который бы

подал мне руку, а оттолкнуть меня готовы многие. Да, безобразным счастье.

Солорсано. Не отчаивайтесь; только бы я был жив, а то другой петух запоет в вашем курятнике.

Входит Кристина.

Кристина. Вот, сеньор дон Эстебан, десять скуди; а вечером для вас будет готов ужин княжеский.

Солорсано. Дурак-то наш стоит на улице у дверей ваших; так я пойду за ним. Вы его приласкайте, хотя, конечно, это будет для вас не слаще пилюль. *(Уходит.)*

Брихида. Я его просила, милая, чтоб он нашел для меня какого-нибудь щедрого человека; он сказал, что сделает это со временем.

Кристина. Со временем! Со временем-то на нас никто и не взглянет: немного лет — так много барыша, много лет — много убытку.

Брихида. Я сказала тоже, как ты хороша, мила, грациозна и что вся ты амбра, мускус и цибет.

Кристина. Уж я знаю, милая, что ты за глаза про людей всегда хорошо говоришь.

Брихида *(про себя)*. Вот, изволите видеть, кому любовники-то достаются! У меня подошвы у ботинок лучше и дороже, чем у нее брыжи на шее. Опять-таки скажу: счастье безобразным.

Входят Киньонес и Солорсано.

Киньонес. Бискаец ручки целуется. Вашей милости приказывать.

Солорсано. Сеньор бискаец говорит, что он целует ваши ручки и ждет ваших приказаний.

Брихида. Ах, какой милый язык! Я его плохо понимаю, но он мне очень нравится.

Кристина. Я целую руки моего сеньора бискайца, и прежде, чем он.

Киньонес. На вид хороша, прекрасна; ну и вечером ужинаем; цепь остается; ночевать никогда; отдал и довольно.

Солорсано. Мой товарищ говорит, что вы ему нравитесь, что вы красавица; чтобы ужин был готов, что он дарит вам цепь, хотя ночевать не останется,— что он уж отдал цепь, и довольно.

Брихида. Есть ли еще такой Александр в мире? Счастье, счастье и сто раз счастье!

Солорсано. Если есть у вас немножко конфект и небольшой глоток вина для бискайца — так, я знаю, он поплатится за это сторицею.

Кристина. Как не быть! Я сейчас схожу за этим,— и у вас будет закуска лучше, чем у Попа-Ивана Индейского. *(Уходит.)*

Киньонес. Дама остамши так же хороша, как ушомши.

Брихида. Что он сказал, сеньор Солорсано?

Солорсано. Что дама, которая осталась, то есть вы, так же хороша, как и та, которая вышла.

Брихида. Сеньор бискаец совершенно прав; и, по правде сказать, в этом деле он не дурак.

Киньонес. Черт — дурак; бискаец ума хочешь, когда надо.

Брихида. Я понимаю, он говорит: глуп дьявол; а бискайцы, когда хотят быть умными, так умны.

Солорсано. Так точно, без малейшей ошибки.

Входят Кристина и слуга или служанка, которые вносят коробку конфект, графин вина, салфетку и пр.

Кристина. Извольте кушать, сеньор бискаец; не побрезгайте: все, что есть в этом доме, есть квинтэссенция чистоты.

Киньонес. Сладкое со мной, вино и вода называй хорошо. Святое подано, это я пью, да и в другой.

Брихида. О боже! С каким остроумием говорит этот милый сеньор, хотя я и не понимаю.

Солорсано. Он говорит, что с сладким он пьет вино так же, как и воду, и что это вино святого Мартина, и что он его еще выпьет.

Кристина. Сколько угодно, душа мера.

Солорсано. Не давайте ему больше, это ему нехорошо, вы сейчас увидите. Я говорил сеньору Аскараю, чтобы он не пил вина ни под каким видом,— да это не помогает.

Киньонес. Пойдем! А то вино и вниз и вверх, язык кандалы и ноги колодки. Вечером прихожу, сеньора. Помилуй тебя господи!

Солорсано. Ну, вот он как разговаривает; вы видите, что я говорил правду.

Кристина. Что же он сказал, сеньор Солорсано?

С о л о р с а н о. Что вино кандалы для его языка и колодки для ног, что он придет вечером, и чтобы вы оставались с богом.

Б р и х и д а. Ах, грех какой! Как у него глаза помутились и язык путается! Боже! У него ноги заплетаются! Он, должно быть, много выпил. Никого в жизни мне так жалко не было, как его; так молод и такой пьяница.

С о л о р с а н о. Он уж из дому пришел готовый. Вы, сеньора Кристина, приготовьте нам ужин; я его заставлю проспаться, и будем мы у вас сегодня вечером как раз в свое время.

К р и с т и н а. Все будет как следует; идите в добрый час.

Уходят К и н ь о н е с и С о л о р с а н о.

Б р и х и д а. Кристина, милая, покажи мне цепь, дай мне досыта налюбоваться на нее. Ай, какая красивая, новая, блестящая, и как дешево! Ну, Кристина, уж нечего толковать. Так или иначе, а богатство так и льется на тебя, счастье так и валит прямо в двери без хлопот с твоей стороны. В самом деле, ты счастливая из счастливых. Но, конечно, ты этого заслуживаешь своей бойкостью, красотой и великолепным умом. Этих прелестей достаточно, чтобы покорить самых беззаботных и необузданных людей; да, ты не то, что я,— я неспособна и кота привязать к себе. Возьми цепь, милая, а то я надорвусь от слез; и не от того, чтобы я тебе завидовала, а себя-то уж очень жаль.

Входит С о л о р с а н о.

С о л о р с а н о. Нас постигло величайшее несчастие в мире!

Б р и х и д а. Боже! Несчастие! Что такое, сеньор Солорсано?

С о л о р с а н о. Когда мы шли домой, то на повороте этой улицы встретили слугу отца нашего бискайца с письмами и печальной новостью, что отец его при смерти и что велел ему сию же минуту ехать, если хочет застать его живого. Он привез и денег на дорогу — и без всякого разговора надо отправляться сейчас же. Я принес десять скуди для вас,

вот они, и вот еще десять, которые я взял у вас давеча; отдайте мне цепь. Коли отец его жив, он возвратится и привезет вам цепь назад,— или не будь я дон Эстебан де Солорсано.

Кристина. Признаюсь, мне жаль; я не об интересе говорю, а о молодом человеке, потому что уж я его полюбила.

Брихида. Хороши и десять скуди, ведь они пришли даром; бери их, милая, и отдай цепь сеньору Солорсано.

Кристина. Вот, извольте,— пожалуйте деньги. Правду сказать, я думала истратить на ужин больше тридцати скуди.

Солорсано *(подменяя мешочек с цепью)*. Сеньора Кристина, старого воробья на мякине не обманешь; такие штуки можно делать только с простофилями; не на того напали, ищите другого, поглупей.

Кристина. К чему столько пословиц, сеньор Солорсано?

Солорсано. Для того чтобы вы поняли, что жадность прорвала мешочек. Неужели в такое короткое время я мог показаться вам человеком, с которым можно поступать без всякой церемонии. Сеньора Кристина, кто за большим погонится, тот и малое потеряет, да и сам попадется. Вы взяли от меня цепь золотую, а возвращаете мне фальшивую; я не желаю, чтоб так быстро совершались со мной Овидиевы превращения. Ах, канальство, как ловко ее подменили и как скоро!

Кристина. Что вы говорите, сеньор мой? Я этого не понимаю.

Солорсано. Я говорю, что это не та цепь, которую я вам дал, хотя и похожа. Это поддельная, а та золотая, двадцать второй пробы.

Брихида. Да, да, клянусь вам, то же говорил и сосед, золотых дел мастер.

Кристина. Да хоть бы сам черт говорил!

Солорсано. Черт или чертовка! Отдайте цепь и увольте нас от крику; не нужно ни клятв, ни ругательств.

Кристина. Пусть сам черт меня возьмет, или кто там хочет, если это не та цепь, которую вы мне дали; да у меня никакой другой и в руках не было. Боже правосудный, до какого обвинения я дожила!

С о л о р с а н о. Кричать незачем; на то есть коррехидор, чтобы каждого рассудить по справедливости.

К р и с т и н а. Если это дело попадет в руки коррехидора, так я останусь виновата: он имеет обо мне такое дурное мнение, что мою правду примет за ложь и мою невинность за вину. Сеньор мой, если, кроме этой, была какая-нибудь другая цепь в моих руках, то пусть они отсохнут.

Входит а л ь г в а с и л.

А л ь г в а с и л. Что за шум, что за крики, что за слезы и что за брань?

С о л о р с а н о. Вы, сеньор альгвасил, пришли как раз кстати. Этой даме, высокого севильского полета, я час тому назад оставил цепь за десять дукатов, для известной цели. Возвращаюсь теперь, чтоб выручить ее, и вместо той, которую я дал и которая весила полтораста золотых дукатов двадцатой пробы, мне отдает она эту поддельную, которая не стоит и двух дукатов. И, вместо надлежащего удовлетворения, хочет провести меня на бобах слезами и криками, тогда как сама знает, что свидетелем справедливости моих слов была эта самая дама, перед которой все происходило.

Б р и х и д а. И происходило, и даже произошло. Клянусь богом и моей душой, я должна сказать, что этот сеньор совершенно прав. Однако я не могу себе представить, как мог произойти подмен, потому что цепь не выходила из этой залы.

С о л о р с а н о. Сеньор альгвасил, сделайте для меня такую милость, доставьте эту сеньору к коррехидору, там мы разберемся.

К р и с т и н а. Я опять-таки говорю, что если меня поставят перед коррехидором, я буду обвинена.

Б р и х и д а. Да, она с ним не в ладах.

К р и с т и н а. Ну, уж теперь я бешусь, теперь я в отчаянии, теперь меня грызут ведьмы!

С о л о р с а н о. Ну, хорошо, я кой-что сделаю для вас, сеньора Кристина, собственно для того, чтобы вас не грызли ведьмы или по крайней мере чтобы вы не бесились. Эта цепь очень похожа на ту настоящую, которая была у бискайца, он сумасшедший и немножко пьяница; я соглашаюсь взять ее у вас и уверить его, что это его цепь. А вы удовлетворите

сеньора альгвасила и приготовьте ужин сегодня вечером; и успокойтесь духом, убыток для вас небольшой.

Кристина. Небо вам заплатит за это. Сеньору альгвасилу я дам полдюжины дукатов и на ужин употреблю один и останусь навсегда рабой сеньора Солорсано.

Брихида. Я переломлюсь, танцуя на сегодняшнем вечере.

Альгвасил. Вы поступили, как благородный и добрый кавалер, который считает своей обязанностью служить женщинам.

Солорсано. Пожалуйте десять скуди, которые я вам дал лишку.

Кристина. Вот они, а вот шесть сеньору альгвасилу.

Входят два музыканта и Киньонес — бискаец.

Музыканты. Мы все слышали, и вот мы здесь.

Киньонес. Теперь и я могу сказать моей сеньоре Кристине, что и она на манку идет.

Брихида. Да где же это видано, чтоб бискаец так чисто говорил по-испански?

Киньонес. Я только тогда говорю нечисто, когда захочу.

Кристина. Я позволю убить себя, если не они, не эти мошенники устроили со мной эту штуку.

Киньонес. Сеньоры музыканты, исполните романс, который я вам дал! Вы знаете, к чему он клонит?

Музыканты *(поют)*.

Женщины с умом бывают,
Но, не менее того,
Все же очень мало знают
Или вовсе ничего.
Те, которые умеют
В оживленном разговоре
Подбирать на диво фразы,
Те, что наизусть читают
И Лофраса и Диану,
Или кавалера Феба
И Лауру Оливанте,
Те, что каждую неделю
Кавалера Дон Кихота
Знаменитого читают,
Все ж, не менее того,

Очень, очень мало знают
Или вовсе ничего.
Те, что верят слепо в ум свой,
Полный замыслов лукавых,
Похотливых и корыстных,
Те, которые нередко
Забывают осторожность
И бросаются на шею
Первым встречным без разбора,
Те, которые гордятся
Деликатным обхожденьем
И себя за совершенство
В обращении считают,
Все ж, не менее того,
Очень, очень мало знают
Или вовсе ничего.

К р и с т и н а. Ну, хорошо, я признаюсь, я обманута, и все-таки я приглашаю вас сегодня на вечер.

К и н ь о н е с. Принимаем приглашение, и пойдет у нас пир горой.

ИЗБРАНИЕ АЛЬКАЛЬДОВ В ДАГАНСО

LA ELECCIÓN DE LOS ALCALDES DE DAGANZO

ЛИЦА:

БАКАЛАВР ПЕССУНЬЯ.

ПЕДРО ЭСТОРНУДО, *письмоводитель.*

ПАНДУРО, АЛЬГАРРОБА — *рехидоры* [1].

ХУАН БЕРРОКАЛЬ, ФРАНСИСКО ДЕ УМИЛЬОС, МИГУЭЛЬ ХАРЕТЕ, ПЕДРО ДЕ ЛЯ РАНА — *земледельцы, кандидаты в алькальды* [2].

СЛУГА.

ПОДСАКРИСТАН.

ЦЫГАНЕ И ЦЫГАНКИ.

Комната.
Входят бакалавр Пессунья, письмоводитель Педро Эсторнудо, рехидор Пандуро и рехидор Алонсо Альгарроба.

Пандуро

Рассядемтесь, и все пойдет в порядке,
Коли благим угодно небесам.

Альгарроба.

Столкуемся, а то не будет толку.
В согласии мы без труда покончим
Свои дела, коль то угодно небу,
А там, угодно или нет, не знаю.

---

[1] Рехидоры — члены муниципального управления, советники. *(Прим. пер.)*
[2] Алькальды — судьи в деревнях или местечках. *(Прим. пер.)*

Пандуро.

Альгарроба, у вас язык фальшивит.
Поосторожней надо говорить.
Приятно ль слушать эти ваши речи?
«Угодно небу или нет». Ну, право!
Уж если вы да умничать начнете,
Так все у вас навыворот выходит.

Альгарроба

А все же я хороший христианин
И верю в бога крепко.

Бакалавр

И прекрасно;
Чего же лучше?

Альгарроба

Если же проврусь,
Так признаюсь, что гусь я деревенский.
Не всяко слово в счет...

Письмоводитель

Довольно спорить!
Бог грешникам погибели не хочет;
А пусть живут да каются.

Альгарроба

Ну, что же!
И я живу, и каюсь, и уверен,
Что небо может все, чего захочет;
Никто ему препятствовать не смеет,
Особенно, коль дождик...

Пандуро

С облаков ведь,
Альгарроба, дожди-то, а не с неба.

Альгарроба

О, черт возьми! За тем ли мы собрались,
Чтоб брань да перекоры заводить?
Альгарроба и рта не смей разинуть,
Сказать ему ни слова не дают.

Бакалавр

Redeamus ax rem [1], сеньор Пандуро
И сеньор Альгарроба, тратить время
Не будем на пустые перебранки.
Да разве мы для скучных препирательств
Сошлися здесь? Куда как хорошо:
Как только лишь Пандуро с Альгарробой

---

[1] Вернемся к делу (*латин*).

Сойдутся вместе, тотчас между ними
Поднимутся и бури и волненья
Из тысячи пустых противоречий.

Письмоводитель

Сеньор Пессунья говорить изволит
До чрезвычайности правдиво. Обратимся
К занятиям, к избранию алькальдов
На следующий год; и надо нам
Таких избрать, чтоб не могли в Толедо
Забраковать, а только утвердили.
Вот для чего мы здесь и собрались.

Пандуро

У нас теперь четыре претендента:
Хуан Беррокаль, Франсиско д'Умильос,
Мигуэль Харете, Педро де ля Рана,
Солидные, значительные люди
И управлять сумеют не в Дагансо,
А даже в самом Риме.

Альгарроба

У романцев.

Письмоводитель

У вас своя программа? Так, ей-богу,
Я дело брошу.

Альгарроба

Наш письмоводитель,
Мне кажется, зовется Эсторнудо [1];
А он возносится и подымает нос.
Но успокойтесь, больше я ни слова.

Пандуро

Найдется ли во всей земной округе...

Альгарроба

В какой «округе»? В «круге» бы сказали,
Премудрый наш Пандуро,— было б лучше.

Пандуро

Во всей вселенной, я хотел сказать,
Нельзя найти таких людей премудрых,
Как наши претенденты.

Альгарроба

Да, я знаю,
Что Беррокаль имеет превосходный
Инстинкт.

---

[1] Эсторнудо значит чихун — человек, который часто чихает. (*Прим. пер.*)

Письмоводитель

Да в чем инстинкт?

Альгарроба

Он очень ловок
Расценивать и пробовать вино.
В моем дому он пробовал однажды
Вино в бочонке и сказал, что пахнет
Вино и деревом, и кожей, и железом.
Когда бочонок кончили, нашли
На дне его лучинку, и кусочек
Какой-то кожи, и железный ключик [1].

Письмоводитель

О, редкое искусство! Редкий ум!
Кто знает столько, может управляться
В любом из всех испанских городов.

Альгарроба

Мигуэль Харете, вот орел!

Бакалавр

А в чем?

Альгарроба

Стрелять из арбалета.

Бакалавр

Меток он?

Альгарроба

Да так-то меток, что не будь левша он,
Так не было б в окрестности житья
И воробьям.

Бакалавр

Ну, это для алькальда
Почти необходимое искусство.

Альгарроба

Что вам сказать о Франсиско д'Умильос?
Он вычинит ботинки, как портной.
А Педро де ля Рана... ну, уж память!
Сравниться с ним нельзя; он помнит песню
О славной в древности собаке Альвы
Всю слово в слово, без одной ошибки.

Пандуро

Мой голос за него.

Письмоводитель

И мой.

---

[1] Такой же рассказ о знатоке вина и в тех же самых выражениях приводится Сервантесом и в «Дон Кихоте». *(Прим. пер.)*

Альгарроба

А я

За Беррокаля.

Бакалавр

Я ни за кого,

Пока не убедимся в их уме
И знании законов...

Альгарроба

Это можно.

И средство есть: велите их покликать,
И бакалавр сеньор Пессунья может
Задать экзамен им, он дело знает.
Сообразясь с их знаньем, мы увидим,
Кого из них на должность посадить.

Письмоводитель

Ей-богу, вот прекраснейший совет!

Пандуро

Такой совет, что даже для столицы
Годится. Потро-медики в столице,
Так пусть у нас потро-алькальды будут.

Альгарроба

Прото, сеньор Пандуро, а не потро.

Пандуро

Вы, Альгарроба, самый злой фрискал.

Альгарроба

Фискал, а не фрискал.

Письмоводитель

Ах, боже правый!

Какой несносный этот Альгарроба!

Альгарроба

Экзаменуют же и брадобреев,
И кузнецов, портных, и есть экзамен
Подлекарям и прочей разной дряни;
Тем более для звания алькальдов
Экзамены необходимы. Кто же
Окажется на эту должность годным,
Тому давать бумагу; пригодится
Она вперед ему: с такой бумагой,
Да в белой рамке, бедный человек
Между народом будет уважаться,
Как золото. У нас такой повальный
Неурожай на умных-то алькальдов,
Особенно в местечках небольших.

Бакалавр

Отлично сказано и очень дельно
Задумано. Зовите Беррокаля,
Посмотрим мы, далеко ли хватают
Лучи ума его.

Входят Беррокаль, Умильос, Харете, де ля Рана.

Альгарроба

Четыре претендента:
Умильос, Рана, Беррокаль, Харете
Явилися пред нами; вот они.

Бакалавр

Добро пожаловать, покорно просим!

Беррокаль

Почтенье вашим милостям от нас!

Пандуро

Пожалуйте, садитесь; места много.

Умильос

Я сяду и подумаю.

Харете

Да все
Мы, слава богу, думать-то умеем.

Рана

О чем, Умильос, думать?

Умильос

Вот о том,
Что выбор наш так долго затянулся.
Не нужно ли принесть вам индюков,
И мусту виноградного в кувшинах,
И старого вина в больших бочонках,
С бурдюк величиной? Скажите только,
Уж мы свое усердие приложим.

Бакалавр

Не нужно взяток здесь! У нас решенье
Единогласное: кто больше годен
Окажется в алькальды, тот и будет
В алькальды избран и провозглашен.

Рана

Согласен.

Беррокаль

Тоже.

Бакалавр

Вот и в добрый час!

Умильос
И я согласен тоже.
Харете
Равномерно.
Бакалавр
Итак, экзамен!
Умильос
Ну, пускай экзамен!
Бакалавр
Читать умеете, Умильос?
Умильос
Нет;
И не найдется в целом нашем роде
Ни одного такого вертопраха,
Чтоб он учиться стал химерам этим,
Которые мужчин до угольков,
А женщин до дурных домов доводят.
Читать не знаю; но зато другого,
Получше чтенья, знаю очень много.
Бакалавр
А именно?
Умильос
Четыре службы знаю
Церковные на память и читаю
Четыре раза или пять в неделю.
Рана
И с этим проситесь в алькальды?
Умильос
С этим
И с тем еще, что добрый христианин,
Сенатором могу быть римским даже.
Бакалавр
Прекрасно! Ну, а вы, сеньор Харете,
Что знаете?
Харете
Читать, сеньор Пессунья,
Умею я, но только что немного:
Вот на складах сижу четвертый месяц,
А через пять дойду и до конца.
Помимо этой грамотной науки
Умею плугом управлять отлично
И подковать умею в три часа
Быков четыре пары самых бойких.
Здоров во всех суставах; я не глух,

Не слеп, и нет ни насморку, ни кашлю.
Хороший христианин, как и все,
И из лука стреляю, точно Туллий.

Альгарроба
Способности большие, для алькальда
Необходимые.

Бакалавр
Какие знанья
У Беррокаля?

Беррокаль
Я на языке
И в горле содержу свое искусство;
Отведывать и смаковать на свете
Искусника другого нет: имею
Во рту своем поболее полсотни
Оттенков вкусовых по винной части.

Альгарроба
И с этим вы хотите быть алькальдом?

Беррокаль
Хочу, и очень. Стоит мне набраться
От Бахуса — сейчас мои все чувства
Настроятся, и, кажется, Ликурга
Могу учить писать его законы
И с Бартуло пересыпать.

Пандуро
Потише!
В совете мы.

Беррокаль
Ну, что ж, я не притворщик
И не свинья, а только говорю,
Что не уважить прав моих попробуй,
Так выкину я ваш кабак в окошко.

Бакалавр
Угрозы нам? Клянусь моею жизнью,
Они не страшны, сеньор Беррокаль.
Какие знания у Педро Рана?

Рана
Я Рана [1] и пою довольно плохо;
Но все-таки я объяснить желаю
Характер свой, не ум, конечно. Если
Алькальдом буду я, сеньоры, палку

---

[1] Rana по-испански значит лягушка. *(Прим. пер.)*

Побольше приберу, а не простую:
Дубовая иль буковая будет,
В два пальца толщины, чтоб не ломилась
Под тяжестью приятной кошельков
С дукатами и прочих разных взяток,
Иль просьб, иль обещаний, или ласки,
Тяжелых, как свинец, и незаметно
Отягощающих, пока не сдавят
Как плечи, так и душу. Я прибавлю,
Что буду обходителен и ласков,
Порой суров, но грозен никогда.
Не оскорблю бездельника-бродягу,
Которого поставят предо мною
Его поступки. Более обидны
Судейские презрительные речи,
Чем мягкие, хотя бы заключался
В них более жестокий приговор.
Не должен властный забывать учтивость,
Не должен пред склоненной головой
Судья являться гордым и надменным.

Альгарроба

Ей-богу, песенка лягушки нашей
Получше будет песни лебединой.

Пандуро

В ней сотни мыслей самых цензориных.

Альгарроба

Катона цензорина; справедливо,
Сеньор Пандуро.

Пандуро

Вот опять привязка.

Альгарроба

Покуда нет, а будет, коль придется.

Письмоводитель

Не будет никогда. Что за привычка
Ужасная к раздорам, Альгарроба!

Альгарроба

Не очень громко вы, сеньор писака!

Письмоводитель

Какой писака, фарисей!

Бакалавр

Клянуся
Святым Петром, безмерный беспорядок!

Альгарроба

Да я шутил.

Письмоводитель

И я шучу.

Бакалавр

Довольно,

Не нужно больше шуток, черт возьми!

Альгарроба

Кто лжет, тот лжет.

Письмоводитель

Кто правду говорит,

Тот правду.

Альгарроба

Правду.

Письмоводитель

Ну, на том и кончим.

Умильос

Наобещал-то много Рана, только
Далеко это. Коль получит вару,
Так должен стать иным он человеком,
Чем был доселе.

Бакалавр

Это очень верно

Сказал Умильос.

Умильос

Я еще скажу,

Что если вару мне дадут, увидят,
Что я не изменюсь, не подменюсь.

Бакалавр

Так вот вам вара, и предположите,
Что вы алькальд.

Альгарроба

Вот славно! Палку дали,

Да только левую.

Умильос

Да как же так?

Альгарроба

Не правда, что ль? Хоть за версту, так видно,
Что левая; глухой, немой увидят.

Умильос

Даете палку левую, так как же
Хотите, чтоб судил я право?

Письмоводитель

Дьявол

Вселился в Альгарробу. Где видали
И слыхано ль когда о палках левых?

Входит сторож.

Сторож

Сеньоры, здесь у двери ждут цыгане,
Цыганочки хорошенькие с ними.
Сказал я им, что некогда, что дело
У ваших милостей, а все ж нейдут,
Все просятся сюда, чтоб вашу милость
Повеселить.

Бакалавр

Пускай войдут; посмотрим,
Быть может, пригодятся к торжеству
На праздник Тела; я распорядитель.

Пандуро

Пускай войдут!

Бакалавр

Пускай войдут скорее!

Умильос

По нраву мне они.

Харете

Не прочь и я.

Рана

Цыгане ли они? А то, смотрите,
Останемся, пожалуй, без носов.

Сторож

Они идут без зова. Вот они.

Входят цыгане-музыканты и две цыганки, очень приличные.

Цыгане-музыканты *(играют и поют, цыганки пляшут)*.

Почитание приносим
Мы рехидорам Дагансо,
Людям ловкости примерной,
Людям здравых рассуждений,
Искусившимся в уменьи
Править так свое судейство,
Что снискали уваженье
Христиан и даже мавров.
И как будто небо дало,
Небо звездное, скажу я,
В вас Самсонов по наукам,
А по силе Бартулосов.

Харете

Истории тут много в этой песне.

Умильос

Цыгане и цыганки несравненны!

Альгарроба

Немного жирны только.

Бакал вр

Эй, sufficit! [1]

Цыгане-музыканты *(поют)*.

Как меняется погода,
Как меняются листы,
Что зимою отпадают,
А весной опять живут,
Так и мы меняем танцы
И в коленцах и в каданце;
Переменчивость у женщин
Не диковина давно.
Да здравствуют рехидоры Дагансо,
По виду пальмы, хоть в душе дубы!

Пляшут.

Харете

Хороший стих, ей-богу!

Умильос

И со смыслом.

Беррокаль

Я напечатаю, чтобы осталось
Воспоминание о нас в века
Веков, аминь.

Бакалавр

Молчите, если можно.

Цыгане-музыканты *(поют)*.

Многие вам лета!
В кругообращеньи
Пусть для вас счастливо
Дни бегут за днями.
Чтобы вам на свете
Жить и не стареть,
А вашим садочкам
Вечно зеленеть.
Бури-непогоды
Пусть несутся мимо,
Пусть вас обвевают
Нежные зефиры.

---

[1] Довольно! *(латин.)*.

Да здравствуют рехидоры Дагансо,
По виду пальмы, хоть в душе дубы!

Бакалавр

Мне, в частности, не нравится припев.
А вообще недурно.

Беррокаль

Помолчите!

Цыгане-музыканты *(поют)*.

Я песок потопчу
Полегонечку, так;
Я песочек потопчу
Потихонечку, так! [1]

Пандуро

Ну, музыканты! Так и подсыпают
За песней песню.

Умильос

Дьяволы-цыгане.

Цыгане-музыканты *(поют)*.

Я по твердой земле
Потопчусь посильней,
Знаю, что любовь моя
Похоронится в ней;
Счастье жизни всей моей
Потоптала любовь
Так тихонечко.

Входит подсакристан, очень дурно одетый.

Подсакристан

Сеньоры рехидоры, доложу вам:
Ведете вы себя, как негодяи:
Да разве правят краем, черт возьми,
Между гитар, танцоров и веселья?

Бакалавр

Схватить его, Харете!

Харете

Я схватил уж.

Бакалавр

Попону дайте! И, клянусь вам богом,
Летать ему высоко, негодяю,
Бесстыдному, невеже, грубияну
Нахальному.

---

[1] «Я песок потопчу» — цыганская песня, бывшая в то время в моде. Смыслу в ней немного, как и в большинстве цыганских песен. *(Прим. пер.)*

П о д с а к р и с т а н

Послушайте, сеньоры!

А л ь г а р р о б а

Сейчас вернусь с попоной для качанья.
(Уходит, грозя причетнику.)

П о д с а к р и с т а н

Смотрите, говорю вам, я пресвитер!

Б а к а л а в р

Пресвитер? Ах, негодный!

П о д с а к р и с т а н

Я пресвитер,
Иль в первом постриженьи, все равно.

П а н д у р о

«А вот посмотрим»,— говорит Аграхес.

П о д с а к р и с т а н

Да Граха нету здесь.

Б а к а л а в р

Найдется грач
И выклюет тебе язык и бельма.

Р а н а

Скажи, несчастный, что за черт вселился
К тебе в язык? И кто тебя подвигнул
Юстицию упреком оскорбить?
Да разве ты правитель в государстве?
Твоя работа: колокол да требник;
Не тронь властей; они уж сами знают
Свои дела, получше нас с тобой!
Не хороши — молись, чтоб бог исправил,
А хороши — чтоб бог хранил для нас.

Б а к а л а в р

Святой, блаженный Рана человек!

Входит А л ь г а р р о б а и тащит на плечах за один конец попону, которая волочится за ним.

А л ь г а р р о б а

За мной не станет дело.

Б а к а л а в р

Все беритесь!
Не отставать, цыгане и цыганки:
Качай, друзья!

П о д с а к р и с т а н

О господи, помилуй!
Смотрите, рассержусь, так будет плохо
За эти шутки от меня. Клянусь

Петром, что всех постигнет отлученье,
Которые держались за попону.

Рана

Довольно, стойте! Не казнят вконец,
Чтоб бедному раскаянье оставить.

Подсакристан

Измят совсем. И уж теперь напредки
Зашью свой рот двойной сапожной дратвой.

Рана

Вот именно, лишь только то и нужно.

Бакалавр

Цыгане, вы домой ко мне придите;
Поговорить хочу.

Цыган

Пойдем с тобой.

Бакалавр

До завтра выборы; сберемся рано
Поутру мы, а голос мой за Рана.

Цыган

Запеть, сеньоры?

Бакалавр

Что-нибудь запойте!

Пандуро

Таких певцов, как Рана, поискать.

Харете

Поет и ловко в уши напевает.

Уходят. Цыгане поют: «По песочку...»

БДИТЕЛЬНЫЙ СТРАЖ

LA GUARDA CUIDADOSA

ЛИЦА:

СОЛДАТ.

ПАСИЛЬЯС,
сакристан [1].

ГРАХАЛЕС,
другой сакристан [2].

АНДРЕС,
парень с кружкой для сбора на икону.

МАНУЭЛЬ,
другой парень, торгующий в разнос полотном, кружевами и пр.

БАШМАЧНИК.

КРИСТИНА,
судомойка.

ХОЗЯИН КРИСТИНЫ.

ХОЗЯЙКА.

МУЗЫКАНТЫ.

Улица.
Входит солдат отважной походкой, в рваной перевязи и в очках; за ним, в некотором отдалении, плохонький сакристан.

Солдат. Что тебе нужно, пустой призрак?

Сакристан. Я не пустой призрак, я твердое тело.

Солдат. Да, но все-таки я заклинаю тебя всем моим злополучием, скажи: кто ты и чего ищешь в этой улице?

Сакристан. Со всем моим благополучием отвечаю тебе: я Лоренсо Пасильяс, подсакристан этого прихода,

---

[1] Пасильяс, собственно, не сакристан, а подсакристан — sota-sacristán (обязанность их была звонить и убирать церковь) — по-нашему, пономарь. *(Прим. пер.)*

[2] Сакристан — то же, что дьячок. *(Прим. пер.)*

и ищу того, что я-то найду, и чего ты тоже ищешь, да не находишь.

Солдат. Ты, чего доброго, не Кристиночку ли ищешь, судомойку из этого дома?

Сакристан. Tu dixisti [1].

Солдат. Ну, так поди сюда, валет [2] сатаны.

Сакристан. Ну, так я здесь останусь, мне и тут хорошо, кислая пиковая дама.

Солдат. Прекрасно: валет и дама! Недостает туза; но ты скоро его получишь. Поди сюда, еще раз говорю я тебе. А знаешь ли ты, Пасильяс, рожон тебе в горло, что Кристина мой предмет.

Сакристан. А знаешь ли ты, улитка в человечьем платье, что этот твой предмет я выручил и закрепил за себя и что он мой по всем правам и законам.

Солдат. Нет, как бог свят, я тысячу раз пырну тебя шпагой и исполосую твою голову в клочки.

Сакристан. С тебя довольно и тех клочков, которые у тебя на штанах и на колете; а голову мою уж оставь в покое!

Солдат. Да ты разговаривал когда-нибудь с Кристиной?

Сакристан. Всегда, когда только мне угодно.

Солдат. Давал ей подарки?

Сакристан. Много.

Солдат. Сколько и какие?

Сакристан. Я подарил ей коробочку из-под айвы, очень большую, полнехоньку просвирных обрезков, белых, как снег, и на придачу четыре восковых огарка, тоже белых, как горностай.

Солдат. А еще что?

Сакристан. А еще письмо со вложением ста тысяч... желаний служить ей.

Солдат. И что ж она тебе отвечала?

Сакристан. Обнадеживает, что скоро моей женой будет.

Солдат. Как, разве ты еще не пострижен?

Сакристан. Нет, я послушник и могу жениться, как и когда мне в голову придет, что ты и увидишь очень скоро.

---

[1] Ты сказал. Здесь — точно так *(латин.)*.

[2] Тут игра слов. Пасильяс sota-sacristán,— слово sota по-испански значит и под (предлог), и валет. Пасильяс называет солдата caballo, а это слово значит и лошадь, и дама в картах. *(Прим. пер.)*

Солдат. Поди сюда, трепаный послушник, отвечай мне на то, что я у тебя буду спрашивать! Если уж тебе эта девушка так превосходно отвечала, чему я не совсем верю, на твои жалкие подарки, как же она ответит на мои великолепные? Я ей послал недавно любовное письмо, написанное ни больше ни меньше как на обороте мемориала, где я изложил свои заслуги и настоящую бедность, который я подавал его величеству, потому что солдату не стыдно признаться, что он беден. Мемориал этот уже утвержден, о чем и сообщено главному раздавателю милостыни; и, однако ж, я, нисколько не жалея и не думая о том, что это, без сомнения, будет мне стоить от четырех до шести реалов, с невероятным благородством и замечательной свободой написал на обороте его, как я уже говорил тебе, свое письмо; и из грешных моих рук перешло оно в ее почти святые руки.

Сакристан. Еще что-нибудь посылал ты ей?

Солдат. Вздохи, слезы, рыдания, пароксизмы, обмороки и всякие необходимые демонстрации, к которым прибегают добрые любовники, чтобы открыть свою страсть, и которыми они пользуются и должны пользоваться во всякое время и при всяком удобном случае.

Сакристан. А серенады ты ей давал?

Солдат. Да, из моих ахов и охов, из моих жалоб и стонов.

Сакристан. А я так даю ей серенаду колоколами при всяком случае и такую продолжительную, что надоел всем соседям постоянным звоном; и это я делаю единственно для того, чтобы доставить ей удовольствие и чтоб она чувствовала, что я оттуда, с колокольни, заявляю, что всегда готов к ее услугам. Хотя мое дело звонить по покойникам, но я звоню уж и к праздничным вечерням.

Солдат. В этом ты имеешь преимущество передо мной: мне звонить не во что.

Сакристан. И чем же отвечала тебе Кристина на твое бесконечное ухаживанье за ней?

Солдат. Тем, что она ни видеть, ни слушать меня не хочет, что проклинает, как только я покажусь на этой улице, что обливает меня мыльной водой, когда стирает, и помоями, когда моет посуду,— и это каждый день, потому что каждый день я на этой улице

стою у ее дверей; потому что я ее бдительный страж; наконец потому, что я собака на сене и прочее. Сам я не пользуюсь и не дам пользоваться никому, пока жив. Поэтому убирайся отсюда, сеньор пономарь, а то как бы я, вопреки уважению, которое имел и имею к вашему сану, не раскроил тебе черепа.

Сакристан. Да, если ты раскроишь так, как раскроилось твое платье, так хоть брось.

Солдат. Что платье! Попа и в рогоже знают. Солдат, оборванный на войне, такой же чести заслуживает, как и ученый в истрепанной мантии, потому что она свидетельствует о давности его ученых занятий. Ты смотри, как бы я не исполнил того, что посулил тебе!

Сакристан. Не оттого ли ты храбришься-то, что я без оружия? Так подожди тут, сеньор бдительный страж, и ты увидишь, кто из нас герой-то.

Солдат. Так неужто Пасильяс?

Сакристан. Слепой сказал: посмотрим! *(Уходит.)*

Солдат. О женщины, женщины! Все вы, или большей частью, переменчивы и капризны. И ты, Кристина, оставила меня, цвет и цветник солдатства, и сошлась с этой сволочью полусакристаном, когда и полный-то сакристан и даже каноник тебе не пара! Но я постараюсь, чтобы тебе не удалось — и, сколько могу, помешаю твоему удовольствию, гоняя с этой улицы и от твоих дверей всякого, кто мечтает о возможности каким бы то ни было образом сделаться твоим любовником. Я добьюсь того, что заслужу имя бдительного стража.

Входит парень с кружкой и в зеленом платье, как обыкновенно ходят сборщики подаяний для икон.

Парень. Подайте, ради господа, на лампаду на масло святой Люсии, и сохранит она зрение очей ваших. Эй, хозяйка! Подадите милостыню?

Солдат. Эй, друг, святая Люсия, подите сюда! Что вам нужно в этом доме?

Парень. Разве вы, ваша милость, не видите? Милостыню на лампаду на масло святой Люсии.

Солдат. Да вы просите на лампаду или на масло для лампады? Вы говорите: «милостыню на лампаду на масло», и выходит, как будто вы просите на масляную лампаду, а не на лампадное масло.

П а р е н ь. Да уж это всякому понятно, что я прошу на масло для лампады, а не на масляную лампаду.

С о л д а т. И вам всегда подают здесь?

П а р е н ь. Каждый день по два мараведи.

С о л д а т. А кто выходит подавать?

П а р е н ь. Да кто случится; но чаще всех выходит судомоечка, которую зовут Кристиной, хорошенькая, золотая девушка.

С о л д а т. Вот как: «судомоечка хорошенькая, золотая»?

П а р е н ь. Жемчужная.

С о л д а т. Так, значит, вам нравится эта девочка?

П а р е н ь. Да будь я хоть деревянный, и то она не может мне не понравиться.

С о л д а т. Как ваше имя? Не все же мне звать вас святой Люсией.

П а р е н ь. Меня, сеньор, зовут Андре́с.

С о л д а т. Ну, сеньор Андре́с, слушайте, что я скажу вам! Вот вам восемь мараведи; это ровно столько, сколько подадут вам в четыре дня в этом доме и что обыкновенно выносит вам Кристина; и ступайте с богом! Предупреждаю вас, что четыре дня вы не должны показываться у этих дверей ни за что на свете; иначе я переломаю вам пинками ребра.

П а р е н ь. Да я весь месяц не приду, если только помнить буду. Не беспокойтесь, ваша милость, я ухожу. *(Уходит.)*

С о л д а т. Не дремли, бдительный страж!

Входит другой п а р е н ь, разносчик, торгующий полотном, нитками, тесемками и другим подобным товаром.

Р а з н о с ч и к *(кричит)*. Кому нужно тесемок, фландрских кружев, полотна голландского, кембрейского, португальских ниток?

К р и с т и н а *(из окна)*. Эй Мануэль! Есть вышитые воротники для рубашек?

Р а з н о с ч и к. Есть самые лучшие.

К р и с т и н а. Войди, моей сеньоре их нужно. *(Отходит от окна.)*

С о л д а т. О звезда моей погибели, а прежде путеводная полярная звезда моей надежды! Эй, тесемки или как вас там зовут! Вы знаете эту девушку, которая вас кликала из окна?

Р а з н о с ч и к. Знаю; но зачем вы меня об этом спрашиваете?

С о л д а т. Не правда ли, что у ней очень хорошенькое личико и что она очень мила?

Р а з н о с ч и к. Да, и мне тоже кажется.

С о л д а т. Ну, а мне тоже кажется, что вы не войдете в этот дом; иначе, клянусь богом, я разобью вам зубы, так что ни одного живого не останется.

Р а з н о с ч и к. Как же мне нейти туда, куда меня зовут? Ведь я торгую.

С о л д а т. Убирайся, не возражай мне! А то будет сделано то, что тебе сказано, и сейчас же.

Р а з н о с ч и к. Вот какое ужасное происшествие! Успокойтесь, сеньор солдат, я ухожу. *(Уходит.)*

К р и с т и н а *(из окна)*. Что ж ты нейдешь, Мануэль?

С о л д а т. Мануэль бежал, владычица воротников и всяких петель, живых и мертвых, которые на шею надеваются, потому что ты имеешь власть надевать их и затягивать.

К р и с т и н а. Боже! Что за постылое животное! Чего еще тебе нужно в этой улице и у нашей двери? *(Скрывается.)*

С о л д а т. Померкло мое солнце и скрылось за облака.

Входит б а ш м а ч н и к, в руках пара новых туфель; хочет войти в дом и встречается с солдатом.

Добрый сеньор, вам нужно кого-нибудь в этом доме?

Б а ш м а ч н и к. Да, нужно.

С о л д а т. А кого, если можно спросить?

Б а ш м а ч н и к. Отчего ж нельзя? Мне нужно судомойку из этого дома; я принес ей туфли, которые она заказывала.

С о л д а т. Так, значит, вы ее башмачник?

Б а ш м а ч н и к. Да, я уж много раз шил для нее.

С о л д а т. Она примеривать будет эти туфли?

Б а ш м а ч н и к. Не нужно; они на мужскую ногу,— она всегда такие носит; так она их прямо наденет.

С о л д а т. Заплачено за них или нет?

Б а ш м а ч н и к. Нет еще; да она сейчас заплатит.

С о л д а т. Не сделаете ли вы мне милость, и очень большую для меня? Поверьте мне эти туфли в долг; я заплачу вам, что они стоят, через два дня, потому что я надеюсь получить очень много денег.

Б а ш м а ч н и к. Конечно, поверю. Пожалуйте что-ни-

будь в залог; я бедный ремесленник и не могу верить на слово.

Солдат. Я дам вам зубочистку, которую ценю очень высоко и не продам даже за скудо. Где ваша лавочка, чтобы мне знать, куда принести деньги?

Башмачник. На длинной улице, у одного из столбов; а зовут меня Хуан Хункос.

Солдат. Сеньор Хуан Хункос, вот вам зубочистка, цените ее дорого, потому что это вещь моя.

Башмачник. Как, эту спичку, которая не стоит и двух мараведи? И вы хотите, чтоб я ценил ее дорого?

Солдат. Ах, боже мой! Но ведь я вам даю ее только для собственной памяти; потому что, как только я руку в карман и не найду там спички, я вспомню, что она у вас, и сейчас пойду выкупать ее. Верьте солдатскому слову, что ни за чем другим, а только за этим я и отдаю ее вам. Но если вам не довольно, так я прибавлю еще эту перевязь и эти очки: хороший плательщик все может отдать в заклад.

Башмачник. Я хоть и башмачник, а человек учтивый и не осмелюсь лишить вашу милость ваших драгоценностей. Пусть они уж останутся при вас, а при мне останутся мои туфли; так-то будет гораздо складнее.

Солдат. Какой номер этих туфлей?

Башмачник. Без малого пять.

Солдат. И я тоже без малого человек, о туфли сердца моего! Потому что у меня нет шести реалов, чтобы заплатить за вас. Послушайте, ваша милость, сеньор башмачник; я хочу импровизировать на эту мысль, которая пришла мне в голову в форме стиха: Туфли сердца моего!

Башмачник. Ваша милость поэт?

Солдат. Знаменитый; вот вы увидите. Будьте внимательны!

Туфли сердца моего.

А вот импровизация:

Мне любовь моя — тиранство;
Ты не веришь в постоянство
Чувств моих; но предо мной
Обувь ног твоих, и таю
И надежду вновь питаю
Обладать твоей рукой.

Эти грубые корзины
Милых ног моей Кристины
Мне любезны до того,
Что, в пылу очарованья,
Я придумал им прозванье
Туфлей сердца моего.

Б а ш м а ч н и к. Хоть я и мало смыслю в поэзии, но эти стихи так звучны, как будто их написал Лопе. Уж у меня что хорошо или что кажется мне хорошим, все это Лопе[1].

С о л д а т. Так как, сеньор, вы не считаете возможным поверить мне эти туфли в долг, что не составило бы для вас большой важности, особенно при тех приятных залогах, которыми я не подорожил, то по крайней мере сделайте одолжение, поберегите их для меня два дня, я приду за ними. А теперь скажу я сеньору башмачнику, что на этот раз он ни видеть Кристину, ни говорить с ней не будет.

Б а ш м а ч н и к. Я исполню все, что приказывает мне сеньор солдат, потому что я вижу, на какую ногу он хромает; он хромает на обе: с одной стороны нужда, а с другой ревность.

С о л д а т. Ну, уж это не башмачницкого ума дело; чтобы судить о таких предметах, надо иметь классическое образование.

Б а ш м а ч н и к. О, ревность, ревность! А лучше-то сказать: ах, бедность, бедность! *(Уходит.)*

С о л д а т. Если не будешь смотреть зорко, бдительный страж, так увидишь, как заберутся чужие мухи в тот улей, где твой мед. Но что это за звуки? О, без сомнения, это моя Кристина разгоняет пением тоску, когда чистит или скребет что-нибудь.

Слышно пение за сценой под звон перемываемой посуды:
«Я твоя, мой пономарь, ты так и знай,
И на клиросе покойно попевай!»

Уши мои, что вы слышите! Теперь уж нет сомненья: пономарь друг души ее! О судомойка, самая чистая из всех, какие были, есть и будут в календаре судо-

---

[1] Сервантес позволял себе иногда легкую иронию насчет Лопе де Вега. Как умнейший человек своего века, отлично знающий Испанию во всех отношениях, и как истинный реалист, Сервантес не мог не чувствовать напыщенности и далекой от правды идеальности произведений Лопе де Вега. *(Прим. пер.)*

моек! Ты так чистишь этот фаянс, что, пройдя через твои руки, он возвращается полированным и блестящим серебром; отчего же ты не вычистишь души твоей от низких и пономарских помыслов?

Входит хозяин Кристины.

Хозяин. Кавалер, чего вы желаете и что ищете у этой двери?

Солдат. Желаю-то я того, чего лучше требовать нельзя; а ищу того, чего не нахожу. Но кто же вы сами, ваша милость, что изволите спрашивать меня об этом?

Хозяин. Я хозяин этого дома.

Солдат. Господин Кристиночки?

Хозяин. Я самый.

Солдат. В таком случае пожалуйте сюда, ваша милость, извольте взять этот сверток бумаг! Там вы найдете свидетельства о моей службе, двадцать два удостоверения от двадцати двух генералов, под знаменами которых я служил, не говоря уже о тридцати четырех других свидетельствах от стольких же полковников, которыми они соизволили почтить меня.

Хозяин. Но, как мне известно, столько генералов и полковников в испанской пехоте во сто лет не бывало.

Солдат. Ваша милость человек мирный, где же вам, да вы и не обязаны много-то понимать в военном деле; бросьте взгляд на эти бумаги — и вы увидите одного за другим всех генералов и полковников, о которых я говорил.

Хозяин. Ну, положим, что я их всех видел; но к чему все это поведет?

Солдат. А к тому, чтобы вы получили доверие ко мне и к тем словам, которые я вам скажу. А именно, что я назначен на первое вакантное место, которое может открыться в одном из трех замков Неаполитанского королевства, то есть в Гаэту, Ба́рлету и Рихобес.

Хозяин. Все, что ваша милость до сих пор рассказываете мне, нисколько до меня не касается.

Солдат. А я знаю, что, коли бог даст, это может касаться и до вашей милости.

Хозяин. Каким образом?

С о л д а т. Вот каким! Я непременно, разве уж небу не будет угодно, получу назначение на одно из этих мест и сейчас же желаю жениться на Кристиночке. А как только я буду ее мужем, ваша милость можете мною и моими весьма значительными доходами распоряжаться, как своею собственностью, потому что я не хочу остаться неблагодарным против вас за воспитание, которое вы дали моей желанной и возлюбленной супруге.

Х о з я и н. У вашей милости чердак не в порядке.

С о л д а т. А знаете ли вы, милый сеньор, что вы должны отпустить мне Кристину сейчас, сию минуту, или вы не переступите порога вашего дома.

Х о з я и н. Это что еще за глупости! Да кто ж в состоянии запретить мне войти в мой дом?

Входят подсакристан П а с и л ь я с, в руках крышка от кадки и перержавленная шпага, за ним другой с а к р и с т а н в каске и с палкой, на конце которой привязан лисий хвост.

С а к р и с т а н. Ну, друг Грахалес, вот он, возмутитель моего спокойствия!

Г р а х а л е с. Жаль, что у меня оружие-то плохое и довольно хрупкое; а все-таки я приложу всяческое старание отправить его на тот свет.

Х о з я и н. Постойте, господа! Что это за безобразие и что за рожон у вас?

С о л д а т. Разбойники, вы по-предательски, целой шайкой! Сакристаны-самозванцы, да я клянусь вам, что проколю вас насквозь, хотя бы в вас сидело всяких правил больше, чем в требнике. Ах, подлец! На меня-то с лисьим хвостом! Что ты, за пьяного меня выдать хочешь или думаешь, что сметаешь пыль с священного изваяния?

Г р а х а л е с. Нет, я думаю, что сгоняю мух с винной бочки.

У окна показываются К р и с т и н а и ее х о з я й к а.

К р и с т и н а. Сеньора, сеньора, моего сеньора убивают! Больше двух тысяч шпаг против него — и блестят так, что у меня в глазах темнеет.

Х о з я й к а. Да, ты правду говоришь, дитя мое. Боже, помоги ему! Святая Урсула и с нею одиннадцать тысяч дев, защитите его! Пойдем, Кристина, сбежим вниз и будем помогать ему, как только можем.

Хозяин. Заклинаю вас вашей жизнью, кавалеры, остановитесь и заметьте, что нехорошо нападать обманом на кого бы то ни было.

Солдат. Эй, ты, лисий хвост, и ты, кадочная крышка, не разбудите моего гнева! Потому что, если вы его разбудите, я вас убью, я вас съем, я вас закину через ворота за пять верст дальше ада!

Хозяин. Остановитесь, говорю, или, ей-богу, я выйду из терпения, и тогда уж кой-кому плохо будет!

Солдат. Я остановился, потому что уважаю тебя ради святыни, которая находится в твоем доме.

Сакристан. Хоть бы эта святыня даже чудеса творила, на этот раз она тебе не поможет.

Солдат. Видано ли что-нибудь бесстыднее этого негодяя! Он идет на меня с лисьим хвостом, на меня, когда я не побоялся и не ужаснулся громовых выстрелов большой пушки Dio, которая находится в Лиссабоне.

Входят Кристина и ее хозяйка.

Хозяйка. Ах, муж мой! Не ранен ли ты, сохрани бог, радость моя?

Кристина. Ах, я несчастная! Клянусь жизнью моего отца, всю эту ссору подняли мой сакристан с моим солдатом.

Солдат. Все-таки хорошо; я с пономарем на одном счету, она сейчас сказала: «мой солдат».

Хозяин. Я не ранен, сеньора; но знайте, что вся эта ссора за Кристиночку.

Хозяйка. Как, за Кристиночку?

Хозяин. Сколько я понимаю, эти кавалеры ревнуют ее друг к другу.

Хозяйка. Правда это, девушка?

Кристина. Да, сеньора.

Хозяйка. Смотрите, она, нисколько не стыдясь, признается. Кто-нибудь из них тебя обесчестил?

Кристина. Да, сеньора.

Хозяйка. Кто же?

Кристина. Меня обесчестил сакристан тогда, как я танцевать ходила.

Хозяйка. Сколько раз говорила я вам, сеньор, что не надо пускать эту девчонку из дому, что она уж на возрасте, и мы не должны ее с глаз спускать. Что

теперь скажет ее отец, который сдал нам ее без пылинки и без пятнышка? Куда же, предательница, он заманил тебя?

Кристина. Да никуда, середи улицы.

Хозяйка. Как, середи улицы?

Кристина. Там, середи Толедской улицы, он, перед богом и всеми добрыми людьми, назвал меня неряхой и бесчестной, бесстыдницей и бестолковой, и всякими другими обидными словами подобными, и все оттого, что ревнует меня к этому солдату.

Хозяин. А еще ничего между вами не было, кроме этого бесчестья, которое он сделал тебе на улице?

Кристина. Конечно, нет, потому что сейчас у него сердце и прошло.

Хозяйка. Ну, теперь душа у меня опять дома, а то было ушла в пятки.

Кристина. И вот еще: все, что он мне говорил, он подтвердил в этой записке, где обязался взять меня замуж. Я ее берегу, как золото, в оберточке.

Хозяин. Покажи, посмотрим!

Хозяйка. Прочтите громко, мой друг!

Хозяин. Писано вот что: «Я, Лоренсо Пасильяс, подсакристан здешнего прихода, говорю, что люблю и очень люблю сеньору Кристину Паррасес; в удостоверение этой истины даю ей эту записку, утвержденную моим подписом. Дано в Мадрите, на монастыре церкви святого Андрея, шестого мая, сего 1611 года. Свидетели: мое сердце, мой ум, моя воля и моя память. Лоренсо Пасильяс». Отличный способ давать брачные обязательства!

Сакристан. В словах, что я люблю ее, заключается все, что она желала от меня; потому что, кто отдает волю, тот отдает все.

Хозяин. Так что, если она пожелает, вы женитесь на ней?

Сакристан. С величайшей охотой, хотя я уже и потерял надежду получить три тысячи мараведи дохода, которые хотела мне отказать моя бабушка, как мне пишут с родины.

Солдат. Если отдать свою волю что-нибудь значит, то уж тридцать девять дней тому назад, при входе на Сеговийский мост, я отдал Кристине мою волю со всеми моими душевными способностями. И если она пожелает быть моей женой, то поймет разницу

между кастеляном могущественного замка и не полным пономарем, а только половинным, да и в половине-то кой-чего не хватает.

Х о з я и н. Желаешь выйти замуж, Кристиночка?

К р и с т и н а. Да, желаю.

Х о з я и н. Вот перед тобой двое; выбирай, кто из них тебе больше нравится.

К р и с т и н а. Мне стыдно.

Х о з я й к а. Что за стыд! Кушанье и мужа надо выбирать по своему вкусу, а не по чужому указанию.

К р и с т и н а. Вы меня воспитали, вы и выберите мне мужа подходящего; а и сама бы я тоже не прочь выбрать-то.

С о л д а т. Дитя, взгляни на меня, посмотри, как я изящен! Я солдат; думаю быть кастеляном; имею храброе сердце; я самый любезный человек в мире, и из каждой нитки этого худого колета ты можешь намотать целый клубок моего благородства.

С а к р и с т а н. Кристина, я музыкант, хотя и колокольный; украсить гробницу, убрать церковь к годовому празднику — в этом ни один сакристан не может превзойти меня; эти обязанности я могу исполнять и женатый и тем доставлять себе княжеское пропитание.

Х о з я и н. Ну, девушка, выбирай из двух любого; выберешь, так и я одобрю. Этим выбором ты помиришь двух храбрых соперников.

С о л д а т. Я подчиняюсь ей.

С а к р и с т а н. И я покоряюсь.

К р и с т и н а. Ну, так я выбираю пономаря.

Входят м у з ы к а н т ы.

Х о з я и н. Позовите-ка этих молодцов моего соседа-цирюльника! Под звуки их гитар и песен мы пойдем праздновать помолвку, припевая и приплясывая. Сеньор солдат будет моим гостем.

С о л д а т. Принимаю.

Дали волю выбирать,
Что ж о праве толковать.

М у з ы к а н т. Мы пришли как раз вовремя, и эти ваши стихи будут припевом к нашей песне.

М у з ы к а н т ы *(поют, обратясь к сакристану)*.

Норов женский одинаков:
Им всегда милей, что хуже.

Вкус у них на это странный,
Им заслуги нипочем.
Храбрость в малом уваженьи,
В уваженьи только деньги;
Пономарь для них находка,
И не пó сердцу солдат.
Что дивиться, что на церковь
Выбор женский упадает?
И преступники ведь тоже
Там убежище находят.
Дали волю выбирать,
Что ж о праве толковать.
(Обращаясь к солдату.)
Как и следует солдату,
Одинокому и в летах,
Без копейки за душою,
Отставному инвалиду,
Он задумал, будто может,
Точно древние герои,
Силой взять, что я любовью
И смиреньем заслужил.
Брань твоя не оскорбляет;
Ты в игре остался с носом,
Ты обижен; так ругайся,
Позволяю, не сержусь.
Дали волю выбирать,
Что ж о праве толковать.

Уходят все с пением и пляской.

ВДОВЫЙ МОШЕННИК, ИМЕНУЕМЫЙ ТРАМПАГОС

EL RUFIÁN VIUDO, LLAMADO TRAMPAGOS

ЛИЦА:

ТРАМПА́ГОС, ЧИКИЗНА́КЭ, ХУАН КЛАРОС — *мошенники.*

ВАДЕМЕ́КУМ, *слуга Трампагоса.*

РЕПУЛИДА, ПИСПИТА, МОСТРЕНКА — *женщины легкого поведения.*

ЭСКАРРАМАН, *пленник.*

ДВА МУЗЫКАНТА.

МОШЕННИК.

Входят Трампагос в траурной мантии. Вадемекум, его слуга, с двумя рапирами.

Трампагос

Вадемекум!

Вадемекум

Сеньор.

Трампагос

Принес рапиры?

Вадемекум

Принес.

Трампагос

Ну, ладно. Дай, а сам поди
И принеси с высокой спинкой кресла
И мебели другой домашней, стульев...

Вадемекум

Каких же стульев? Разве есть они?

Т р а м п а г о с
Ну, ступку принеси большую, щит,
Скамью из-под постели.
В а д е м е к у м
Невозможно:
Она без ножки.
Т р а м п а г о с
Но порок ли это?
В а д е м е к у м
Немалый.
(Уходит.)
Т р а м п а г о с
Перикона, Перикона!
Моя и всей компаньи! Наконец,
Не наша ты. Остался я, а ты исчезла.
И вот что худо: я не знаю, где ты!
Соображая, жизнь твою, конечно,
Поверить можно, что себе и там ты
Найдешь местечко; но нельзя наверно
Определить твой стул в загробной жизни!
Но без тебя мне жизнь и здесь мертва.
Зачем я не был у твоей подушки,
Когда твой дух из тела отлетал,
Чтобы принять его [любви] устами
И заключить его в своем желудке!
Изменчиво, непрочно наше счастье;
Сегодня — Перикона, завтра — прах,
Как говорил один поэт славнейший!

Входит Ч и к и з н а к э.

Ч и к и з н а к э
Сеньор Трампагос, да возможно ль это?
Возможно ль быть таким врагом себе:
Зарыться заживо, похорониться
И скрыть под этой мрачной байкой солнце
Мошенников? Сеньор Трампагос, баста,
Довольно стонов, воздыханий! Слезы
Бегущие обеднями смените
И подаяньем. Теплые молитвы
Великой Периконе там, на небе,
Нужнее ваших стонов и рыданий.
Т р а м п а г о с
Толкуете вы, точно богуслов,
Мой сеньор Чикизнакэ; я иначе

Смотрю на дело, вы поймите это...
[Попробуем...] Поговорим о новом
Приеме фехтованья.

Ч и к и з н а к э

Со Трампагос,
До фехтованья ли теперь? Нахлынет
Сегодня с выраженьем сожаленья
Народу всякого. Так где уж фехтованье?

Входит **В а д е м е к у м** *со старым, негодным креслом.*

В а д е м е к у м

Вот это хорошо! Да, без рапиры
Мой сеньор жить не может: отнимите —
Так он умрет, ему и жизнь не в жизнь!

Т р а м п а г о с

Поди сходи за ступкой и скамейкой,
Да не забудь про щит-то, Вадемекум!

В а д е м е к у м

Уж кстати вертел, сковроды и блюда.
(Уходит.)

Т р а м п а г о с

Попробуем мы после тот прием
Единственный, как думаю, и новый.
Теперь печаль об ангеле моем
Меня лишает рук и даже смысла.

Ч и к и з н а к э

А скольких лет несчастная скончалась?

Т р а м п а г о с

Между соседок и знакомых тридцать
Два года ей.

Ч и к и з н а к э

Цветущий самый возраст.

Т р а м п а г о с

По правде-то пошел ей пятьдесят
Седьмой годок; но как она умела
Скрывать года, так это удивленье!
Какой румянец свежий! Что за кудри
Под золото подделанных волос
Серебряных! В том месяце шестого
Числа исполнится пятнадцать лет
Совместной жизни нашей, и ни разу
Ни в ссору не ввела меня, ни в дело,
Которое ведет под [плети] плечи.
Постов пятнадцать, коль не ошибаюсь,

Прошло с [тех] пор, как милая моя
Моею стала нежною подругой.
И в посты без сомнения звучали ей в уши тридцать и более наставлений, но она всегда из любви ко мне оставалась тверда, как против волн подвижного моря неподвижная скала.
И сколько раз бедняжка, выходя
Из страшной пытки покаянной брани,
Молитв и слез, потея, говорила:
«Трампагос мой, дай бог, чтоб в искупленье
Грехов моих пошло, что за тебя я
Переношу теперь, мое блаженство».

Чикизнакэ
Несокрушимой твердости пример!
Ей там воздастся.

Трампагос Это без сомненья!
И ни одной слезы в святых молитвах
Не пролили ее глаза ни разу.
Как бы из дрока иль кремня душа
Была у ней.

Чикизнакэ
О, женщина такая
Гречанок, римлянок великих стоит!
А от чего скончалась?

Трампагос
От чего?
Почти ни от чего. Мне говорили,
Что ипохондрия у ней и печень
Поражена, но если бы пила
Из тамаринда воду, прожила бы
За семьдесят.

Чикизнакэ
И не пила она?

Трампагос
Скончалась.

Чикизнакэ
Очень глупо поступила!
Кабы пила до страшного суда,
Так бы жила доселе. Не потела:
Ошибка в том!

Трампагос Одиннадцать потов
Сошло с нее.

Входит Вадемекум со стульями.

Чикизнакэ

Хоть раз бы, да хороший.

Трампагос

Да все почти хорошие. Всегда
Свежа была, как дерево грудное,
Здорова, точно груша или яблонь.

Чикизнакэ

А слышал я про фонтанели на руках
И на ногах у ней.

Трампагос. Да, быть-то были, как сад Аранхуэца. Но при этом то, что в ней было здорово, было самое белое и красивое тело, какое когда-либо облекало внутренности. И если бы два года тому назад не стало портиться ее дыханье, то казалось бы, что, обнимая ее, обнимаешь горшок с базиликом или гвоздиками.

Чикизнакэ

Сказать бы надо: флюс и боль зубную,
Что исказили перлы уст ее:
То есть передние и коренные.

Трампагос

Однажды утром их не оказалось.

Вадемекум

Да так и быть должно, коли она
Без них и ночевала! Настоящих
С пяток начесть бы можно да фальшивых
Двенадцать штук припрятывала в ящик.

Трампагос

Тебе-то что за дело, бестолковый!

Вадемекум

Всю правду говорю я.

Трампагос

Чикизнакэ,
Опять мне давешний удар пришел
На память: принимайтесь за рапиру
И становитесь в позу.

Вадемекум

Погодите,
Рапиры пусть останутся в покое:
Слетелись «московиты»[1] на приманку;

[1] Москиты. *(Прим. пер.)*

Вот Репулида и за ней Писпита,
Мостренка, великан Хуан Кларос.

Входят Репулида, Писпита, Мостренка и Хуан Кларос.

Трампагос

Прошу покорно! В добрый час! Прошу
Пожаловать!

Кларос

И в добрый час застать
Желаем вас, Трампагос.

Репулида

Дай-то бог,
Чтоб ваша скорбь переменилась в радость.

Писпита

Моим глазам он кажется печальней
Своей печальной мантии.

Мостренка

О боже!
Да это тень, ночное привиденье!
Возьмите прочь его!

Вадемекум

Одно жеманство!

Трампагос

Да Полифем я, иль антропофаг,
Иль троглодит, иль варварский Зоил,
Иль каиман, иль людоед живьем,
Чтоб мог иначе повести себя
В таком несчастьи?

Кларос

Рассуждает здраво.

Трампагос

Утратил в ней я золотой рудник,
Опору, стену в слабостях моих,
Защиту, тень в печали.

Кларос

Перикона
Не женщина, а золото была.

Трампагос

Засесть от ранней утренней зари
И к ночи заработать шестьдесят
Серебряных кватринов разве плохо?
И все потеряно с ее утратой!

Репулида

Признáюсь во грехе: всегда мне было
Глядеть завидно на ее старанье.

Я больше не могу: я делаю, что могу, но не то, что хочу.

Писпита. Не печалься. Дороже стоит тот, кому помогает бог, чем тот, кто сам очень старается. Ты меня понимаешь?

Вадемекум. Пословица подходит очень кстати: подай вам, глупым, сна господь побольше!

Мостренка. Мы рождены, а бог не оставляет, кого он создал. Я немного значу — я все ж имею и обед, и ужин, и хахаля, как куколку, ряжу. Не глупа, не безобразна. Дурнушке горя нет, коли ловка: дурен дьявол.

Вадемекум. Мостренка защищает свои права отлично; защитила б и лучше, если бы притом сказала, что девочка невинная она, что в высшей степени несправедливо.

Чикизнакэ. Трампагос возбуждает состраданье.

Трампагос. Меня окутал траурный покров, и фонари дистиллируют...

Вадемекум. Водку?

Трампагос. Да разве много пью я, негодяй?

Вадемекум. Я четырем мостóвым прачкам могу дать вперед относительно жажды. Да чем ему и плакать, как не водкой?

Чикизнакэ

Не лучше ль было б, если бы Трампагос
Окончил слезы лить и обратился
Опять бы, sicut erat in principio[1],
К своим веселостям забытым, то есть
Подружку б взял для развлеченья мыслей:
Живой — так о живом и думай; мертвый —
Ступай в могилу, вот прямое дело!

Репулида

Наш Чикизнакэ — ценцурин Катон.

Писпита

Хоть я мала, Трампагос, но велико

---

[1] Как было вначале *(латин.)*.

Желание мое служить тебе:
Любовника покуда не имею,
Да есть реалов восемьдесят штук.

Репулида

А у меня их сотня, и сложенье
Хорошее, и вовсе не ленива.

Мостренка

А у меня их двадцать два иль двадцать
Четыре даже, и не дура ж я!

Репулида

О господи! Да что же это значит?
Против меня Писпита и Мостренка!
Уж не сразиться ли со мной желаешь,
Червяк ползущий? Да и ты, разиня?

Писпита

Клянусь костями бабушки моей,
Доньи кизильщицы, Мари Бобалес[1],
Что я ее ни в грош не ставлю...
Подкрашенный, румяный ангел хочет
Над всеми нами верх забрать! Смотрите!

Мостренка. Не надо мной, однако; не терплю я над собой тяжести, которая мне не по мерке.

Кларос

Заметьте. Я Писпиту защищаю.

Чикизнакэ

Примите во вниманье, Репулиду
В защиту я беру себе под крылья.

Вадемекум

Ну, вот и Троя; вот начнется драка
И выступят ножовые бойцы!
Вот и другая Троя!

Репулида

Чикизнакэ,
Не надо мне защиты никакой!
Посторонись, сама отмстить умею —
И грешными руками раздеру
Лицо у этой тощей лихорадки.

Кларос

Репулида, не забывай почтенья
К великому Хуану Кларос.

Писпита

Пусть

[1] Дурачина. *(Прим. пер.)*

Начнет она, ну, пусть она подходит
С своим лицом из валяного теста.

Входит один из мошенников, испуганный.

Мошенник

Хуан Кларос, полиция идет,
Полиция! Сам альгвасил внизу
На улице.
(Быстро убегает.)

Кларос

Клянусь отцовым прахом,
Не остаюсь я здесь!

Трампагос

Останьтесь;
Никто не бойся, альгвасил — мой друг,
И нечего бояться, он не страшен.

Мошенник возвращается.

Мошенник

Сюда нейдет, по улице пошел.
(Уходит.)

Чикизнакэ

Душа моя так и плясала в теле,
Ведь я изгнанник.

Трампагос

Если б и пришел,
Так зла не сделал бы, уж это верно;
Не расшумелся б шибко, он подмазан.

Вадемекум

Конец раздорам! Пусть сеньор назначит
И выберет подругу сам по вкусу
И по желанью своему.

Репулида

Согласна.

Пиcпита

И тоже я.

Мостренка

И я.

Вадемекум

Ну, слава небу,
Что я придумал, как беду поправить.

Трампагос

Тоскуя, избираю.

Мостренка

Бог на помочь!
Коль ты тоскуешь, так тосклива будет
Избранница твоя!

Трампагос

Ну, я ошибся:
Без скуки выбираю.

Мостренка

Бог на помочь!

Трампагос

Вот вам и сказ: я выбрал Репулиду!

Кларос

С ее же хлебом съест ее Трампагос!

Чикизнакэ

Без хлеба можно, очень аппетитна.

Репулида

Теперь твоя; поставь мне гвоздь и знаки
На обе эти щеки.

Писпита

Ах ты, ведьма!

Мостренка

Такое счастье ей, но не завидуй;
Трампагос наш — католик невеликий:
Недавно Перикону схоронил,
Уж и забыл.

Репулида

Отлично рассуждаешь.

Трампагос *(снимая траурный плащ)*.

Сверни-ка этот траур, Вадемекум;
Снеси к «отцу», не даст ли под него
Реалов хоть двенадцать.

Вадемекум Полагаю
Четырнадцать достать.

Трампагос

Скорей, скорее!
Лети и лучшего тащи шесть штофов;
Привесь к ногам и за плечами крылья!

Вадемекум уходит с траурным плащом. Трампагос остается без плаща.

Ей-богу, не сними я этот траур,
Так завтра к утру сам хоть в гроб ложись!

Репулида

О свет очей моих, теперь твоих!

К тебе идет простое платье лучше,
Чем траурный, меланхоличный плащ.

Входят *два музыканта* *без гитар.*

1-й музыкант
Вином запахло, вот и мы явились
С товарищем.

Трампагос
И кстати. В добрый час!
А где ж гитары?

1-й музыкант
В лавочке остались.
За ними сходит Вадемекум.

2-й музыкант
Разве
Уж мне сходить?

1-й музыкант
Ступай! Скажи жене моей,
Что если кто зайдет в цирюльню нашу,
Чтоб подождал меня немного; только
Глотну винца глоточков пять иль шесть
И пропою две песенки, и дома!

2-й *музыкант* *уходит.*

Сеньор Трампагос, по всему заметно,
На славу затевает пировать.

Входит *Вадемекум.*

Вадемекум
Бочонок там, в передней.

Трампагос
Принеси!

Вадемекум
Стаканов нет.

Трампагос
Уж это дело скверно.
Ночной горшок (он новый, в деле не был)
Подай сюда! Будь проклят! Ты способен
Хоть даже герцогу навлечь бесчестье!

Вадемекум
Потише вы, у нас посуды хватит,
И шляпы есть, и шляпники найдутся.
А вот, по всем приметам, и беглец!..

Входит *некто* *в одежде невольника, с цепью на плечах, смотрит на всех внимательно, и все на него.*

Репулида
О боже! Привиденье? Кто же это?
Ужли Эскарраман? Конечно, он.
Эскарраман, душа моя, скорее
В мои объятья; жизнь, опора наша!

Трампагос
Эскарраман, Эскарраман, приятель!
Да что с тобой? Да точно ты статуя?
Прерви молчанье, говори с друзьями!

Писпита
Какое платье, что за цепь на нем?
Не тень ли ты? Но трогаю руками
Живое тело.

Мостренка
Это он, подруга,
И сам не отопрется... но молчит.

Эскарраман
Эскарраман, друзья мои, пред вами!
Прошу вниманья! Слушайте прилежно
Рассказ короткий длинных приключений.

Входит цирюльник и приносит две гитары, одну отдает товарищу.

В Берберии разбилась та галера,
В которой я по ярости судей
На левую скамью гребцом посажен.
Моя тюрьма и участь изменилась:
И к туркам я в невольники попал.
Два месяца, как я по воле неба
Успел бежать от них на галиоте,
И вот опять свободен я как птица.
Но я связал себя ненарушимым
Обетом: это платье, эти цепи
Носить, пока повешу их на стены
Обители пустынника святого,
Известного на родине моей
Под именем Миллан де ля Коголля.
Рассказ об этих страшных приключеньях
История должна увековечить.
Для этого не пригодится ль Мендес?
Он жив ли?

Кларос Проклажается в Гранаде.

Чикизнакэ
И все о бедности людской тоскует.

Эскарраман
Ну, что толкуют обо мне на свете?
О том, о сем, о переменах счастья
В моей судьбе?
Мостренка
Сто тысяч анекдотов!
Повесили тебя комедианты!
Писпита
А мальчики уж винегрет готовят
Из мозгу твоего и из костей.
Репулида
Ты стал божественным, чего ж еще?
Чикизнакэ
По площадям и улицам поют,
А на театрах про тебя танцуют.
Ты служишь темой для поэтов лучшей,
Чем Троя для Титиро Мантуанца.
Кларос
Твои дела в конюшнях обсуждают.
Репулида
Тебя в реке перемывают прачки,
Извозчики тебя скребницей шерстят.
Чикизнакэ
Тебя закройщик ножницами режет.
Славнее ты, чем родовая лошадь.
Мостренка
До Индии твои протекли лавры,
Твою напасть оплакивают в Риме
И без числа надарили сапожек.
Вадемекум
Ей-богу, ты совсем измят, истрепан
И весь кругом ощипан, как бирючина.
Ты больше назвонил и надрязнил,
Чем колокол в часах иль малый школьник.

О тебе сложили разные танцы, которые танцуют соседи, и ты одержал победу.

Эскарраман
Мне только б славы: хоть на части рвите!..
Эфесский храм сожгу я за нее!
Музыканты
(начинают играть и петь импровизированный романс)
Вот из каторги вернулся
Молодец Эскарраман,

Для судей на страх и трепет,
На здоровье для себя.

Эскарраман

Никак, меня приветствовать хотят?
Не мнится ль вам, что я забыл веселье?
Я даже легче стал, чем прежде был.
Играйте, музыканты, прочь лохмотья!

Писпита

Краса и цвет танцоров! Он все тот же;
Нисколько перемены!

Вадемекум

Свеж и легок!

Кларос

Какая честь Трампагосу для свадьбы!

Эскарраман

Играй! Увидите, что я из ртути.

Музыкант

Прислушайтесь к напеву моему,
Тогда никак уж в такте не собьетесь.

Эскарраман

Играйте... скучно мне и надоело!

Репулида

Мне видеть пляску хочется до смерти.

Музыкант

Держите уши настороже!

Чикизнакэ Держим.

Музыканты *(поют).*

Вот из каторги вернулся
Молодец Эскарраман,
Для судей на страх и трепет,
На здоровье для себя.

Он вернулся и покажет
Дарования свои,
Быстроту, искусство, храбрость
И величественный вид.

Не хватает Косколины,
Заменит ее у нас
Репулида, наш душистый
Померанцевый цветок.

И пока краса Писпита
Соберется танцевать,

Как танцуется гальярда,
Покажи, Эскарраман!

Играют гальярду, Эскарраман танцует. Когда он кончил один тур, музыканты продолжают петь романс.

Репулида начинает
С жаром около порхать:

Она первая, которая нам это показала.

А Эскарраман за нею,
А Писпита вслед за ним,
Чикизнакэ и Мостренка,
Щеголь наш Хуан Кларóс.

Боже, боже! Что за прелесть,
Ничего нельзя желать
Выше этого проворства,
Такта, меры, красоты!

Ну, проворней, дети! Живо!
Нет ни девок, ни ребят,
Чтобы смели похвалиться,
Что равняться могут вам.

Что за руки, что за плавность!
Вдруг все вместе, вдруг все врозь!
И какие лабиринты —
Есть и выход, есть и вход!

Что угодно вам, танцуйте,
Я умею все играть,
И *канарьо*, и *гамбеты*,
Деревенские могу.
Сарабанду, *самбапало*,
И умею я играть
Наш король Альфонсо добрый,
Слава наших прежних дней.

Эскарраман

Заиграешь ты *канарьо*,
Я один пойду плясать.

Музыкант

Я игрок искусный, ты же
Золотой у нас танцор.

Эскарраман

По-мужицки вперевалку,
Лук и хлебушко в руках;
Трех еще с собой возьму я.

Музыкант

Ну-ка, с богом, начинай!

Танцуют вильяно; окончив этот танец, Эскарраман танцует другой какой-нибудь и потом:

Трампагос

Эту свадьбу я пирую
Знаменитей, чем Рольдан;
Все кричите, как кричу я:
Да цветет Эскарраман!

Все

Да здравствует, да здравствует!

Комедия
в пяти
действиях
Н. МАКИАВЕЛЛИ
Перевод
с итальянского

МАНДРАГОРА
LA MANDRAGOLA

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КАЛЛИМАКО.

СИРО.

МЕССЕР НИЧА.

ЛИГУРИО.

СОСТРАТА.

МОНАХ ТИМОТЕО.

ДОННА.

ЛУКРЕЦИЯ.

КАНЦОНА

Так как жизнь коротка, и много горя, живя и томясь, каждый несет; пробежим и истратим года, следуя нашим желаниям. Кто находит удовольствие жить в тоске и печали, не знает обманов света, не знает, какими бедами и какими странными случайностями подавлены почти все смертные.
Чтобы избежать уныния, мы избрали уединенную жизнь; и всегда мы, влюбленные юноши и веселые нимфы, проводим время в празднествах и радостях. Сюда пришли мы теперь с веселыми песнями, чтобы почтить этот веселый праздник и приятное общество. И еще привлекло нас сюда имя того, кто здесь управляет и в ком видны все блага, соединенные в Вечного. Пользуясь высшей милостью и таким счастливым положением, вы можете жить весело, радоваться и благодарить того, кто вам это дал.

ПРОЛОГ

Храни вас бог, благосклонные зрители! Так как эта ваша благосклонность происходит, кажется, от того, что мы вам приятны, то, если вы не будете шуметь, мы хотим вам представить новое приключение, случившееся в этом городе. Смотрите декорацию, которая открыта перед вами. Это ваша Флоренция. В другой раз будет Рим или Пиза. Дело такое, что можно челюсти свихнуть от смеха.

Дверь, которая у меня с правой руки, ведет в дом доктора, который изучил под Боецием много законов. Вот эта улица, которая там в углу, есть улица Амура; кто раз упал на ней, тот уже не поднимется. Потом, если ты не уйдешь отсюда очень скоро, можешь узнать по монашескому платью, какой приор или аббат живет в этом храме, который прямо перед тобой.

Молодой человек, Каллимако Гваданьи, только что приехавший из Парижа, живет здесь, с левой стороны, за этой дверью. Он между всеми веселыми людьми по заслугам пользуется уважением и почетом за свою любезность. Одна молодая, но осторожная женщина была очень любима им и по этому самому ловко обманута, как вы увидите. Я желал бы, чтобы и вы были так же обмануты, как она. Комедия называется «Мандрагора»; а почему, это, я полагаю, вы сами увидите во время представления.

Сочинитель ее человек не громкой известности; но, если вы не будете смеяться, он готов заплатить штраф. Несчастный любовник, нехитрый доктор, дурного поведения монах, пакостник паразит — вот ваше развлечение на этот раз. Если такое содержание, по своей легкости, не достойно автора, который хочет казаться умным и солидным, извините его за то, что он пустыми вымыслами старается усладить свои печальные дни; он не знает, куда ему обратить свои взоры: ему запрещено показывать свои способности в других работах, он не имеет никакого вознаграждения за труды свои. Одного вознаграждения он ждет, это чтобы каждый держал себя к сторонке и бормотал себе под нос, ругая то, что видит и слышит. От того и зависит, без всякого сомнения, что

настоящий век утратил древние добродетели: потому что люди, видя, что всякий бранится, не прилагают стараний и усилий, чтобы, перенося тысячи неприятностей, создавать труды, которые разнесутся ветром или покроются туманом. Но если кто, ругая автора, думает задеть его за живое, испугать или сбить с дороги, я того предупреждаю и скажу тому, что и автор умеет браниться, и что это было его первым художеством, и что он во всех странах света, где звучит «si», не уважил никого, что он проводит и того, кто носит плащ лучше его. Но пусть бранится, кто хочет, возвратимся к нашему делу, потому что время не ждет. Не нужно обращать внимания на слова и бояться чудовища, которое даже существует ли еще, неизвестно. Каллимако выходит из дому, за ним Сиро, его слуга, которому Каллимако расскажет, в чем дело. Будьте внимательны и уже теперь не ждите объяснений.

МАНДРАГОРА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Каллимако и Сиро.

Каллимако. Постой, Сиро, мне тебя нужно койзачем.

Сиро. Я здесь.

Каллимако. Ты, я думаю, удивился моему внезапному отъезду из Парижа; а теперь удивляешься тому, что я живу здесь уж месяц без всякого дела.

Сиро. Это вы правду говорите.

Каллимако. Если я до сих пор не говорил тебе того, что хочу сказать теперь, так это вышло вовсе не потому, чтоб я тебе не верил; а я рассуждал так: коли хочешь, чтоб люди не знали чего-нибудь, так и не говори никому без надобности. Теперь я полагаю, что мне нужна твоя помощь, и хочу рассказать тебе все.

Сиро. Я ваш слуга; а слуги не должны ни расспрашивать господ ни о чем, ни соваться в их дела, но когда господа сами что-нибудь поверят им, так уж должны служить верно. Так я поступал, так и впредь поступать буду.

Каллимако. Я это знаю. Уж тысячу раз, я думаю, ты слышал от меня (да нужды нет, если услышишь и в тысячу первый), как я десяти от роду лет, после смерти отца и матери, был послан опекуном в Париж, где и пробыл двадцать лет. Когда после первых десяти лет моего пребывания там, с вторжением короля Карла, начались в Италии войны, которые разорили эту провинцию, я задумал поселиться в Париже и не возвращаться в отечество, рассудив, что там для меня безопаснее, чем здесь.

Сиро. Это так точно.

К а л л и м а к о. Приказав продать все мои имения, исключая дома, я решился остаться там и прожил остальные десять лет счастливейшим образом.

С и р о. Я знаю.

К а л л и м а к о. Проводя время, частию в ученьи, частию в удовольствиях, и частию в делах, я так расположил свои занятия, что у меня одно другому не мешало. И потому, как ты знаешь, жил очень покойно, помогая всякому и стараясь никого не обидеть; и таким образом, кажется, угодил на всех: на купцов, на дворян, на иностранцев, на французов, на бедных и на богатых.

С и р о. Это правда.

К а л л и м а к о. Но фортуне показалось, что мне уж очень весело, и она привела в Париж Камилло Кальфуччи.

С и р о. Я начинаю догадываться о вашем горе.

К а л л и м а к о. Его, как и других флорентинцев, я часто приглашал к себе; беседуя между собою, мы однажды заспорили о том, где женщины красивее: в Италии или во Франции. Я судить об итальянках не мог, так как выехал из Италии еще ребенком,— один флорентинец, который тут был, принял сторону француженок, а Камилло — итальянок. После многих доводов с той и с другой стороны Камилло, почти рассерженный, сказал, что хотя б и все итальянские женщины были уродами, довольно одной его родственницы, чтобы восстановить славу итальянок.

С и р о. Уж для меня теперь ясно, что вы хотите сказать.

К а л л и м а к о. Он назвал мадонну Лукрецию, жену мессера Нича Кальфуччи; и так расхвалил ее красоту и обращение, что свел с ума некоторых из нас и во мне возбудил такое желание ее видеть, что я, отложив все другие намерения и не думая ни о войне, ни о мире в Италии, решился сюда ехать. По прибытии сюда я нашел, что слава о мадонне Лукреции много ниже действительности, что случается очень редко. И запылал я таким желанием овладеть ею, что нигде себе места не нахожу.

С и р о. Если бы вы сказали мне об этом в Париже, я бы знал, что вам посоветовать, а теперь ничего сказать не умею.

К а л л и м а к о. Я не затем говорил, чтобы спрашивать твоих советов, а чтоб облегчить душу и чтоб ты

приготовился помогать мне, если случится надобность.

С и р о. К этому я давно готов; но какую надежду имеете вы?

К а л л и м а к о. Увы, никакой или мало! И скажу тебе, прежде всего, против меня самая ее натура честнейшая и совершенно чуждая увлечения любви. Муж у нее очень богат и во всем ей подчиняется; хотя он и не молод, но и не так стар, как с виду кажется. Она не сближается ни с родственниками, ни с соседями, не бывает на вечерах и праздниках, не знает и других удовольствий, которыми обыкновенно развлекается молодежь. Из мастериц ни одна не ходит к ней в дом; горничные и лакеи трепещут ее; так что нет никакого средства к обольщению.

С и р о. Что же, вы думаете, можно сделать?

К а л л и м а к о. Нет такого безнадежного дела, где бы не было уж никакой надежды; положим, эта надежда слаба и неосновательна; но, при сильной воле и желании успеха, она такой не кажется.

С и р о. Наконец, какие же основания вы имеете надеяться?

К а л л и м а к о. Два. Одно, это простота мессера Нича, который, несмотря на то, что доктор, но самый легковерный и самый глупый человек во Флоренции. Другое — желание его и ее иметь детей; живя шесть лет в супружестве, они не имеют ни одного ребенка и при своем огромном богатстве умирают от желания иметь их. Есть и третье: мать ее была женщина из веселых; но и она богата, и я не знаю, как к ней подойти.

С и р о. Что же, вы уж пробовали, пытались сделать что-нибудь?

К а л л и м а к о. Да, немножко.

С и р о. Каким образом?

К а л л и м а к о. Ты знаешь Лигурио, который постоянно ходит к нам обедать. Прежде он занимался сватовством; потом стал набиваться на обеды и ужины; а так как он забавный человек, то мессер Нича водит с ним тесную дружбу, а Лигурио его обирает; и если не обедает у него, так берет всякий раз деньгами. Я с ним подружился, открыл ему мою любовь; он обещал помогать мне руками и ногами.

С и р о. Берегитесь, как бы он вас не обманул; эти лизоблюды обыкновенно не отличаются честностью.

К а л л и м а к о. Это правда. Тем не менее, если ты ему поручишь такое дело, в котором есть интерес, то можно надеяться, что он будет служить верно. Я ему обещал изрядную сумму денег, если он успеет; а если и не успеет, он не теряет ни обеда, ни ужина, потому что я ни в каком случае один обедать не могу.

С и р о. Что же обещал покуда?

К а л л и м а к о. Он обещал уговорить мессера Нича ехать с женой на воды в этом мае месяце.

С и р о. Вам-то что из этого?

К а л л и м а к о. Что? Мне это нужно для того, чтобы хоть сколько-нибудь изменить ее характер, потому что на водах только и дела, что праздники. Я сам поеду туда и заведу там всякого рода удовольствия, какие только возможно, я не упущу ничего, что коснется блеска и великолепия; сойдусь покороче с ней и с мужем. Да как знать. Одно ведет за собой другое, а время довершает все.

С и р о. Это, по-моему, недурно.

К а л л и м а к о. Лигурио ушел от меня сегодня утром, он обещал поговорить об этом с мессером Нича и разговор этот передаст мне.

С и р о. Вот они оба вместе.

К а л л и м а к о. Я пойду к стороне, чтобы выждать время поговорить с Лигурио, когда он оставит доктора. Ты иди домой и делай свое дело; коли что мне нужно будет от тебя, я тебе скажу.

С и р о. Я иду.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Мессер Нича и Лигурио.

Н и ч а. Я думаю, что твои советы хороши, я говорил об этом вчера вечером с женой. Она сказала, что даст ответ сегодня; но, сказать тебе по правде, меня туда не очень тянет.

Л и г у р и о. Отчего?

Н и ч а. Потому что я с насиженного места не очень легко подымаюсь. Потом перетаскивать жену, прислугу, все хозяйство — это мне не по нутру. Да, кроме того, я говорил вчера вечером со многими лекарями:

один говорит, чтобы я ехал в Сан-Филиппо, другой в Порретту, третий на Виллу: точно глупые сычи. И сказать тебе по правде, эти доктора медицины сами не знают, что делают.

Л и г у р и о. Вас, должно быть, печалит то первое, что вы мне сказали; потому что вы не имеете привычки терять из виду свою церковь.

Н и ч а. Ошибаешься. Когда я был помоложе, я был большой шатун; не было ни одной ярмарки в Прато, чтоб я там не побывал; нет ни одного замка в окрестности, чтоб я в нем не побывал, я тебе лучше скажу: я был в Пизе и Ливорно. Ух! Что?

Л и г у р и о. Так вы должны видеть пизанскую Карруколу?

Н и ч а. Ты хочешь сказать Верруколу?

Л и г у р и о. Ах, да, Верруколу. А в Ливорно видели море?

Н и ч а. Сам знаешь, что видел.

Л и г у р и о. А во сколько раз оно больше, чем Арно?

Н и ч а. Во сколько раз?.. В четыре раза, да больше, чем в шесть, больше, чем в семь, так надо сказать: ничего и не видать, только вода, вода и вода.

Л и г у р и о. Однако, я удивляюсь: столько вы снегу подмочили, а затрудняетесь ехать на воды.

Н и ч а. У тебя еще молоко на губах не обсохло! Ты думаешь, это шутка — взбудоражить весь дом? Но мне так хочется иметь детей, что я готов на все. Поговори-ка ты с этими лекарями; узнай, куда они советуют мне ехать. Я покуда пойду к жене, мы с тобой еще здесь увидимся.

Л и г у р и о. Хорошо.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Лигурио и Каллимако.

Л и г у р и о. Я не верю, чтоб был еще на свете человек глупее этого; а между тем как счастие ему благоприятствует! Он богат, жена у него красавица, умная, благородная, такая, что целым государством управит. Мне кажется, что в браке редко сбывается эта пословица: «Муж да жена, одна сатана». Потому что часто видим человека с достоинствами женатого на дуре, и, наоборот, умную жену за глупым мужем. Но глупость его хоть тем хороша, что для Калли-

мако есть кой-какая надежда. Да вот он! Кого ты тут караулишь, Каллимако?

Каллимако. Я видел тебя с доктором и дожидался, когда он уйдет, чтобы узнать от тебя, что ты сделал.

Лигурио. Ты знаешь, что это за человек; мало у него смысла, еще меньше решимости; ему трудно расстаться с Флоренцией. Однако я его подбил, и он мне сказал наконец, что готов на все. Я уверен, что если тебе эта поездка нравится, так мы его утащим; но я не знаю, удастся ли там наше дело.

Каллимако. Отчего же?

Лигурио. Что сказать тебе? Ты знаешь, что на воды ездят люди всякого сорта; может случиться, что туда приедет человек, которому мадонна Лукреция понравится так же, как и тебе, который богаче тебя, да и приятнее тебя. Таким образом выходит дело опасное: как бы так же нам не потрудиться для других. А что будет, если от большого количества искателей она сделается еще неприступнее; или, напротив, слишком развязавшись, возьмется за когонибудь другого, а не за тебя?

Каллимако. Я сознаю, что ты говоришь правду. Но как мне быть? Что предпринять? Куда мне броситься? Мне непременно нужно отважиться на какую-нибудь попытку, хотя бы самую решительную, даже опасную, даже преступную, даже бесславную. Лучше умереть, чем жить таким образом. Если б я мог спать по ночам, если б я мог есть, если б я мог разговаривать, если б я мог находить для себя какое-нибудь удовольствие, я был бы терпеливее и стал бы выжидать время. А теперь уж нет средств; и если какой-нибудь замысел не поманит меня надеждой, я умру во всяком случае. А видя, что мне остается только умирать, я уж не побоюсь ничего, а решусь на какое-нибудь дело гадкое, дикое и бесчестное.

Лигурио. Не говори таких слов, обуздывай свои бешеные порывы.

Каллимако. Ты сам видишь, могу ли я обуздывать их, питая подобные мысли; поэтому необходимо нам отправить доктора на воды или найти какое-нибудь другое средство, чтобы поддержать во мне надежду, хотя бы несбыточную; все-таки она заняла бы мои мысли и умягчила мои душевные страдания.

Л и г у р и о. Ты прав, и я готов хлопотать.

К а л л и м а к о. Я этому верю, хотя и знаю, что ваши братья только тем и живут, что людям ловушки ставят. Впрочем, я не думаю быть в числе обманутых, потому что если ты это сделаешь, а я замечу, тогда уж я сам возьмусь за дело; и ты сейчас же потеряешь вход в мой дом, а в будущем надежду получить то, что я тебе обещал.

Л и г у р и о. В моей верности ты не сумневайся; хотя бы в том, о чем я думаю и на что надеюсь, и не было выгоды для меня, но я так сроднился с тобой, что не менее тебя самого желаю исполнения твоего желания. Но оставим это. Доктор поручил мне найти медика и узнать, на какие воды ему лучше ехать. Я хочу, чтоб ты меня слушался, а именно, ты скажи, что учился медицине и имел практику в Париже. Он легко поверит как по простоте своей, так и потому, что ты человек ученый и ⟨сумеешь⟩ сказать кой-что по-латыни.

К а л л и м а к о. Но к чему это послужит?

Л и г у р и о. Послужит к тому, чтоб отправить его на воды, на какие нам будет угодно, и к тому еще, чтоб попробовать другое средство, об котором уж я думал; которое будет гораздо короче, вернее и успешнее, чем воды.

К а л л и м а к о. Что говоришь ты?

Л и г у р и о. Говорю, что если у тебя хватит смелости и доверия ко мне, то я тебе обделаю это дело менее, чем в сутки. И если б он был не таков, как есть, и захотел разузнать, медик ты или нет, то краткость времени и сущность самого дела не дадут ему одуматься, или он не успеет помешать нашему замыслу, хотя бы и одумался.

К а л л и м а к о. Ты меня воскрешаешь; ты уж очень много обещал и слишком большую надежду поселяешь во мне. Как ты это сделаешь?

Л и г у р и о. Придет время, узнаешь; теперь некогда с тобой разговаривать; у нас и для дела-то мало времени, а не то что для разговоров. Ты ступай домой и дожидайся меня там; я пойду к доктору; и если приведу его к тебе, ты поступай по моим словам и приноравливайся к ним.

К а л л и м а к о. Так и сделаю, хотя боюсь, что на-

дежда, которой ты меня обольщаешь, разлетится как дым.

КАНЦОНА

О, Амур, кто не испытал твоего могущества, тот напрасно будет надеяться определить, какая в тебе высшая сила; тот не знает, как живут и умирают вместе, как гоняются за убытком и от добра убегают; как любят себя самого менее, чем других; как часто страх и надежда леденят и расплавляют сердца; не знает, как люди и боги одинаково боятся стрел, которыми ты вооружен.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Лигурио, мессер Нича, Сиро (за дверью).

Лигурио. Уж я говорил вам, я уверен, что сам бог послал его нам, чтобы исполнить ваше желание. Он производил в Париже великолепные опыты; и вы не удивляйтесь, что он не имеет практики во Флоренции; это потому только, что, во-первых, он богат, а во-вторых, он с часу на час собирается воротиться в Париж.

Нича. Ну, брат, это дело неподходящее; я не хочу, чтоб он заварил кашу, да и оставил меня, как рака на мели.

Лигурио. В этом не сомневайтесь; одного только бойтесь, что он не захочет взяться за лечение, а уж если возьмется, так он вас не оставит, пока не доведет дело до конца.

Нича. В этом я тебе, пожалуй, поверю; но на счет знания... я только тогда тебе скажу, ученый ли он человек, когда сам с ним поговорю. Меня на бобах не проведешь.

Лигурио. Вас-то я знаю; потому и веду к нему, чтоб с ним поговорили. И вот, когда вы с ним поговорите, и по его виду, учености и разговору, не убедитесь, что он такой человек, которому можно довериться с руками и ногами, ну, тогда скажите, что я не я.

Н и ч а. Ну, так с богом! Пойдем. Где он живет?
Л и г у р и о. На этой площади, вот вход к нему, прямо против вас.
Н и ч а. Ну, в час добрый.
Л и г у р и о. Вот и готово.
С и р о *(за дверью)*. Кто там?
Л и г у р и о. Каллимако здесь?
С и р о. Здесь.
Н и ч а. Что ж ты не называешь его «господин магистр Каллимако»?
Л и г у р и о. Он на подобные мелочи не смотрит.
Н и ч а. Не говори так. Исполняй свое должное, если ему и не нравится, ты не виноват.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Каллимако, м⟨ессер⟩ Нича и Лигурио.

К а л л и м а к о. Кто меня спрашивает?
Н и ч а. Bona dies, domine magister[1].
К а л л и м а к о. Et vobis, domine doctor[2].
Л и г у р и о *(мессеру Нича)*. Ну как вы находите?
Н и ч а. Хорошо, ей-богу, хорошо!
Л и г у р и о. Если вы хотите, чтоб я остался с вами, говорите так, чтоб я вас понимал: иначе мы «кто в лес, кто по дрова».
К а л л и м а к о. Что за дела у вас?
Н и ч а. Как сказать? Я ищу таких двух вещей, от которых другие нередко бегают: а именно, я ищу заботы себе и другим. У меня нет детей, а иметь их хочется; и вот, чтобы иметь эту заботу, я прихожу вас беспокоить.
К а л л и м а к о. Для меня не составит большого труда сделать удовольствие вам и всем подобным вам, умным и добродетельным людям; я только затем и трудился в Париже многие годы над изучением этой науки, чтобы иметь возможность служить таким людям, как вы.
Н и ч а. Покорно благодарю. Когда вы будете иметь надобность в моем знании, я тоже готов служить вам. Но возвратимся ad rem nostram[3]. Как вы полагаете,

[1] Добрый день, господин магистр *(латин.)*.
[2] И вам так же, господин доктор *(латин.)*.
[3] К нашим делам *(латин.)*.

купанье может ли послужить жене моей к тому, чтобы она забеременела? Я знаю, что Лигурио уж говорил вам, в чем дело.

Каллимако. Да, правда. Но чтобы приступить к удовлетворению вашего желания, нужно знать причину бесплодия вашей супруги, потому что причин может быть много. Nam causae sterilitatis sunt: aut in semine, aut in matrice, aut in strumentis seminariis, aut in virga, aut in causa extrinseca[1].

Нича *(к Лигурио)*. Это самый достойнейший человек, какого только можно найти.

Каллимако. Кроме того, может быть, причина бесплодия в вас, в вашей импотенции; и если это так, тут уж нет никакого средства.

Нича. Импотенция! У меня-то! Вы меня смешите. Да я не думаю, чтобы во Флоренции нашелся человек более железный и более здоровый, чем я.

Каллимако. Если этого нет, то будьте покойны, мы найдем какое-нибудь средство.

Нича. Нельзя ли не воды, а что-нибудь другое? Мне не желалось бы лишнего беспокойства, да и жена не любит выезжать из Флоренции.

Лигурио. Так и будет, за это я отвечаю. Каллимако обязателен уж даже слишком. *(Обращается к Каллимако.)* Вы, кажется, говорили мне, что знаете рецепт одной микстуры, которая несомненно производит беременность?

Каллимако. Да, я знаю; но я веду себя осторожно с людьми незнакомыми, потому что не хочу прослыть шарлатаном.

Нича. Во мне не сомневайтесь; вы меня привели в такое удивление, что я всему поверю и все исполню, что вы прикажете.

Лигурио *(к Каллимако)*. Я думаю, вам нужно посмотреть мочу.

Каллимако. Без сомнения; без этого нельзя; это первое дело.

Лигурио *(к Каллимако)*. Позовите Сиро, чтоб он сходил с доктором за этим и возвращался сюда; а мы подождем дома.

---

[1] Ибо причины бесплодия заключаются либо в семени, либо в матке, либо в семенном аппарате, либо в мужском органе, либо во внешних причинах *(латин.)*.

Каллимако *(в дверь)*. Сиро, иди с доктором. *(Доктору.)* И вы, мессер, если вам угодно, возвращайтесь уже поскорей, и мы придумаем что-нибудь хорошее.

Нича. Как, если мне угодно? Да я вернусь в одну минуту; я верю в вас больше, чем венгерцы в свои шпаги.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

М⟨ессер⟩ Нича и Сиро.

Нича. Твой господин очень ученый человек.

Сиро. Он ученей, чем вы думаете.

Нича. Король французский должен очень дорожить им.

Сиро. Да, порядочно.

Нича. По этому случаю ему жить-то во Франции и нравится.

Сиро. Конечно, там.

Нича. Да и хорошее это дело. В нашей стране только и народу, что скряги: никакое достоинство не ценится. Если бы он жил здесь, к нему бы никто и не заглянул. Я об этом судить могу, я тоже покряхтел над наукой; а если б мне пришлось только этим жить, я бы тяпнул горя, вот что я тебе скажу.

Сиро. Вы в год сто дукатов достанете?

Нича. Ни ста лир, ни ста грошей. Тьфу!.. И выходит, что здесь, если у нашего брата нет своего хорошего состояния, так ни одна собака и знать тебя не хочет; и годны мы только на то, чтобы ходить на похороны да на свадьбы или для развлечения толочься целый день на скамье проконсула. Но мне плевать на это; я ни в ком не нуждаюсь. Так перебиваются те, кто бедней меня. Я даже не хочу, чтоб ко мне и обращались; пожалуй, накачаешь на себя взыскание, если такой горб взвалишь на плечи, что потом и потей с ним.

Сиро. Не бойтесь.

Нича. Ну, вот мы и дома; подожди здесь; я сейчас ворочусь.

Сиро. Идите.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Сиро *(один)*. Если все доктора такого же покроя, так нам остается вовсе с ума сходить. Плут Лигурио да

мой сумасшедший господин чуть ли не тянут его в какое-то срамное дело!.. Я, конечно, был бы доволен, если б только знать, что это дело не огласится, потому что, если дознаются, так я могу поплатиться жизнью, а мой господин и жизнью и имуществом. Вот уж он лекарем прикинулся, какие у них замыслы, и к чему клонится этот обман — не знаю. Но вот доктор с урыльником в руке. Ну, кто ж не рассмеется на этого простофилю?

СЦЕНА ПЯТАЯ

М⟨ессер⟩ Нича и Сиро.

Нича *(в дверь)*. Я все делал по-твоему, а теперь хочу, чтоб ты делала по-моему. Если б я знал, что у меня не будет детей, так я лучше женился бы на крестьянке, чем... *(К Сиро.)* Ты здесь, Сиро?.. Иди за мной!.. Сколько труда мне стоило заставить мою дуру жену дать мне эту мочу. И нельзя сказать, чтоб она не хотела иметь детей, она больше меня заботится об этом; но как только я хочу заставить ее что-нибудь сделать, так и история.

Сиро. Имейте терпение. У женщин уж так заведено, что заставить их сделать что-нибудь можно только лаской.

Нича. Какой еще лаской!.. Она меня измучила. Поди скорей, скажи магистру и Лигурио, что я здесь.

Сиро. Вот они, из дома выходят.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Лигурио, Каллимако и м⟨ессер⟩ Нича.

Лигурио *(к Каллимако)*. Доктора убедить легко, затруднения будут со стороны жены, но и тут найдутся средства.

Каллимако *(к Нича)*. С вами моча?

Нича. Она у Сиро.

Каллимако. Дай сюда!.. О!.. эта моча показывает слабость почек.

Нича. И мне кажется, очень мутна; а между тем она свежая, только что сейчас.

Каллимако. Не удивляйтесь. Nam mulieris urinae sunt semper majoris gros siticii, et albedinis, et minoris pulchri tudinis, quam vivirorum. Hujusautem, inter

caetera, causa est amplitudo canalium, mixtio eorum quae ex matrice exeunt cum urina[1].

Н и ч а. Ох, уж!.. Ах ты, святой Пуччий!.. Ну, доехал он меня. Смотри, как он рассуждает об этих вещах!

К а л л и м а к о. Я боюсь, что ваша жена легко покрывается по ночам; оттого у ней и моча груба.

Н и ч а. У ней одеяло хорошее; но она по четыре часа стоит на коленях и прибирает отче наши, прежде чем ляжет на постель; она с дуру-то очень терпелива к холоду.

К а л л и м а к о. Наконец, доктор, или вы верите мне, или нет; судя по тому, и мое лекарство или непременно подействует, или нет. Что касается меня, я лекарство вам дам; коли верите мне, возьмите его, и если через год ваша супруга не будет нянчить на руках своего ребенка, я готов заплатить вам две тысячи дукатов.

Н и ч а. Говорите, я отдаю вам полное уважение и верю вам больше, чем своему духовнику.

К а л л и м а к о. Надо вам знать, что для того, чтобы женщина забеременела, нет ничего вернее, как известное питье, приготовленное из мандрагоры. Это средство я пробовал несколько раз, и всегда оно оказывалось верным; если б не так, королева Франции оставалась бы бесплодной, да и бесчисленное количество знатных дам этого королевства.

Н и ч а. Возможно ли это?

К а л л и м а к о. Это так точно, как я вам говорю. И какое вам счастье!.. Я захватил сюда с собой все составные части, которые входят в это питье, и вы можете его получить, как только пожелаете.

Н и ч а. Когда же бы принять его?

К а л л и м а к о. Сегодня вечером, после ужина; потому что и луна благоприятствует, и более удобного времени быть не может.

Н и ч а. Все это в наших руках. Вы, во всяком случае, приготовьте лекарство, а принять я ее заставлю.

К а л л и м а к о. Теперь надо вам подумать вот о чем; первый, кто будет иметь сообщение с женщиной,

---

[1] Ибо женская моча всегда гуще и мутнее мужской и менее прозрачна. Причина этого заключается, между прочим, в ширине каналов и смешении мочи с выделениями из матки *(латин.)*.

принявшей это лекарство, умрет в продолжение восьми дней, и ничто на свете не спасет его.

Н и ч а. Ах, дуйте горой!.. Не хочу я этого снадобья, нет уж ты не навяжешь мне его!.. Ишь, с чем подъехали.

К а л л и м а к о. Вы постойте, и тут есть средство.

Н и ч а. Какое?

К а л л и м а к о. Заставить сейчас же кого-нибудь другого ночевать с ней; он, в продолжение ночи, отвлечет на себя всю заразу мандрагоры; потом вы можете почивать с ней без опасности.

Н и ч а. Не хочу я этого.

К а л л и м а к о. Почему?

Н и ч а. Оттого что я не желаю, чтоб моя жена была распутной, а я рогоносцем.

К а л л и м а к о. Что вы говорите, доктор!.. Нет, вы не так умны, как я думал. Как вы затрудняетесь сделать то, что сделал король французский и самые знаменитые сеньоры во Франции?

Н и ч а. Да где ж я найду человека, который бы решился на подобную глупость?.. Если я объясню жене это дело, она не захочет, а если не объясню, будет предательство. Притом это дело касается «Восьми», а я не хочу попасть в беду.

К а л л и м а к о. Если только это вас беспокоит, то представьте дело мне.

Н и ч а. Что же вы сделаете?..

К а л л и м а к о. Я вам скажу. Я вам сегодня после ужина дам лекарство; вы заставите жену принять и сейчас уложите ее в постель, это будет около четырех часов ночи. Потом перерядимся вы, Лигурио, Сиро и я и отправимся на поиски на Новый рынок и на Старый, с разных сторон. Первому негодяю, который там шатается, мы накроем голову и, под звуки палочных ударов, загоним в ваш дом и впотьмах проведем в спальню; потом положим его на постель, скажем, что нужно делать,— тут уж затруднения не будет никакого. Потом завтра, перед рассветом, вы его прогоните, заставите вымыться вашу супругу и можете наслаждаться безопасно.

Н и ч а. Ну, я согласен; ведь ты говоришь, что и король, и принцы, и сеньоры так поступали; но пуще всего, чтоб никто не знал, чтобы не дошло до «Восьми».

К а л л и м а к о. Кому нужно об этом рассказывать?..

Н и ч а. Еще хлопоты остаются, и важные.

Каллимако. Какие?

Ница. Уговорить мою жену: я не думаю, чтоб она послушалась.

Каллимако. Вы правду говорите; но, по-моему, уж лучше совсем не жениться, коли не уметь заставить жену повиноваться.

Лигурио. Я придумал средство.

Ница. Как?

Лигурио. Через духовника.

Каллимако. А кто убедит духовника?

Лигурио. Ты, я, деньги, безнравственность наша, их безнравственность.

Ница. Я боюсь, что она не пойдет к духовнику из-за того только, чтобы меня не послушаться.

Лигурио. И на это есть средство.

Каллимако. Говори!

Лигурио. Сделать так, чтобы мать заставила ее идти к духовнику.

Ница. Матери она верит.

Лигурио. А мать ее смотрит на дело одинаково с нами, это я знаю. Однако, поторопимся, уж вечереет. Ты, Каллимако, поди погуляй! Но в два часа жди ты, жди нас дома, и чтоб лекарство было готово. Мы с доктором пойдем к его теще, чтоб ее расположить в нашу пользу, она мне знакома; потом мы пойдем к монаху и расскажем тебе все, что мы сделали.

Каллимако. Ах, не оставляйте меня!

Лигурио. Ты точно в воду опущенный.

Каллимако. Куда ж мне идти теперь?

Лигурио. Туда, сюда, в ту сторону, в другую. Флоренция-то велика.

Каллимако. Я умираю.

КАНЦОНА

Всякий может видеть, как счастлив тот человек, который родился глупым и всему верит; его не тревожит честолюбие и не трогает страх, которые, обыкновенно, бывают причиною скуки и горя. Этот наш доктор при своем сильном желании иметь детей, пожалуй, поверит, что осел летает, он предал забвению всякое другое благо и единственно в этом полагает свою надежду.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Сострата, м⟨ессер⟩ Нича, Лигурио.

Сострата. Я всегда слыхала, что из двух зол умный человек должен выбирать меньшее. Если у вас нет другого средства, чтоб иметь детей, надо взяться за это, коли совесть не зазрит.

Нича. Это так.

Лигурио. Вы пойдете к дочери, а мессер и я пойдем к брату Тимотео, ее духовнику, и расскажем ему, в чем дело, чтобы уж вам не нужно было объясняться. Вот вы увидите, что он вам скажет.

Сострата. Хорошо, так и будет. Вам дорога туда; а я пойду к Лукреции и, во всяком случае, приведу ее поговорить с монахом.

СЦЕНА ВТОРАЯ

М⟨ессер⟩ Нича и Лигурио.

Нича. Ты, может быть, удивляешься, Лигурио, зачем нужна тут целая история, чтобы уломать мою жену; но если б ты знал все дело, ты бы не удивлялся.

Лигурио. Я думаю, это оттого, что все вообще женщины подозрительны.

Нича. Нет, не то. Она была самое милое и самое уступчивое существо в мире; но поверила она одной соседке, что забеременеет непременно, если даст обет ходить сорок дней к ранней обедне. Она и дала обет и была у обедни уж, может быть, раз двадцать. Только видишь ты, один монашешко и стал кругом нее увиваться, да так, что она уж и не захотела идти к ним больше. Как это нехорошо; им бы пример подать, а они вот что! Неправду я говорю?

Лигурио. Кой черт, конечно, правду.

Нича. С тех пор она насторожила уши, как заяц; и что ты ей ни скажи, найдет тысячу отговорок.

Лигурио. Да, уж после этого я не удивляюсь; но как она исполнила свой обет?

Нича. Просила разрешения.

Лигурио. Это хорошо. Дайте-ка мне, если есть с вами, двадцать пять дукатов. И монаха надо закупить поскорее и еще ему посулить.

Н и ч а. На, бери! Это мне нипочем, я натяну на другом.

Л и г у р и о. Эти монахи пройдохи и плуты; да так и должно быть, потому что им известны и наши грехи и свои. Кто с ними мало обращался, тот может очень обмануться, если думает, что сумеет заставить их плясать по своей дудке. Поэтому лучше вы с ним и не разговаривайте, чтоб не испортить всего дела! Ваш брат целый день за наукой, корпит над книгами, а в делах житейских толку не знает. *(Про себя.)* Он такой дурак, что я боюсь, пожалуй, все дело испортит.

Н и ч а. Что же мне делать, скажи?

Л и г у р и о. Представьте разговаривать мне, а вы не разговаривайте, пока я вам не подам знака.

Н и ч а. Я согласен. Какой знак ты подашь?

Л и г у р и о. Я прищурю один глаз и закушу губу. Уж вы делайте по-моему. Давно ли вы не говорили с этим монахом?

Н и ч а. Больше десяти лет.

Л и г у р и о. Это хорошо. Я ему скажу, что вы оглохли, а вы не отвечайте и не говорите ничего, пока мы не заговорим громко.

Н и ч а. Так и будет.

Л и г у р и о. Вы не беспокойтесь, если я заведу разговор совсем не о том, чего мы желаем, все это пригодится для нашего дела.

Н и ч а. Ну, в час добрый!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Монах Тимотео и Донна.

Т и м о т е о. Если вы хотите исповедоваться, я к вашим услугам.

Д о н н а. Нет, не сегодня: меня ждут. С меня будет довольно и того, если я так немножко по душе вам выскажусь. Отслужили вы те акафисты Богородице?

Т и м о т е о. Да, мадонна.

Д о н н а. Возьмите вот флорин и служите два месяца по понедельникам заупокойные обедни по моем муже. Вот тоже был чадо-то; уж очень его плоть одолевала: я никак не могу удержаться от волнения, как только его вспомню. Но вы думаете, что он находится в чистилище?

Т и м о т е о. Без сомнения.

Донна. Ну, уж не знаю. Вам известно, что он со мной делал иногда. Сколько раз я вам за это жаловалась на него. Я уклонялась, сколько могла, но он был такой безответный. Ах, господи боже мой!

Тимотео. Не тревожьтесь; милосердье божие велико. Была бы только добрая воля, а покаяться всегда есть время.

Донна. Как вы думаете, придет турка в этом году в Италию?

Тимотео. Да, если не будете богу молиться, так несомненно придут.

Донна. Ах, господи сохрани! Эти дьяволы, как я их боюсь, ведь они на кол сажают. Но я вижу в церкви женщину, у которой есть полотно для меня: я пойду к ней. Прощайте.

Тимотео. Будьте здоровы.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Тимотео, Лигурио и м⟨ессер⟩ Нича.

Тимотео. Конечно, женщины самые милостивые существа, но зато и самые скучные. Бегать от них, так скуки не будет, но и доходу тоже, а кто с ними водится, так хоть и скучно, но зато польза есть. Да, это правда: нет худа без добра. *(Увидев Нича и Лигурио.)* Что вы здесь поделывате, добрые люди?.. Вас ли вижу, мессер Нича?..

Лигурио. Говорите громче, он так оглох, что ничего уж не слышит.

Тимотео. Добро пожаловать.

Лигурио. Громче.

Тимотео. Добро пожаловать.

Нича. Рад вас видеть.

Тимотео. Какие дела у вас?..

Лигурио. Говорите со мной, отец; если вы захотите говорить так, чтоб он слышал, так вы наделаете тревоги на всю площадь.

Тимотео. Что вам угодно от меня?..

Лигурио. Мессер Нича и еще один хороший человек, о котором вы после узнаете, желают пожертвовать на подаяние несколько сот дукатов.

Нича. О, чтоб тебя разорвало!..

Лигурио. Молчание, черт возьми!.. Этих сотен будет не много. *(К Тимотео.)* Не удивляйтесь, отец, тому,

что он говорит. Он ничего не слышит, покажется ему что-нибудь, он и отвечает некстати.

Т и м о т е о. Продолжайте, и пусть он говорит, что хочет.

Л и г у р и о. Часть этих денег со мной, решено вручить их вам, чтоб вы их раздавали по вашему усмотрению.

Т и м о т е о. С большим удовольствием.

Л и г у р и о. Но необходимо, чтобы, прежде чем вы получите эту милостыню, вы помогли нам в одной неприятной истории, которая случилась с доктором. Только вы одни и можете помочь; тут дело идет о чести его дома.

Т и м о т е о. Что такое?..

Л и г у р и о. Я не знаю, известен ли вам Камилло Кальфучи, племянник доктора?

Т и м о т е о. Я его знаю.

Л и г у р и о. Он год тому назад уехал по своим делам во Францию; а так как жены у него нет, она умерла, он, чтобы дочь его, уж невеста, не осталась без надзора, поместил ее в монастырь. Название этого монастыря вам пока знать не нужно.

Т и м о т е о. Что же далее?..

Л и г у р и о. А далее вот что: по небрежности ли монахинь, или по собственной ветрености, она уж четыре месяца беременна: и если не поправить это дело умненько, — доктор, монашенки, девушка, Камилло, вся фамилия Кальфуччи будут обесчещены. Доктор так боится этого стыда, что дал обет: если это дело не огласится, дать триста дукатов на милостыню.

Н и ч а. Что за болтовня!..

Л и г у р и о *(к Нича)*. Молчите. *(Монаху.)* И сдать эти деньги вам на руки. Вы только и аббатиса можете помочь в этом деле.

Т и м о т е о. Как?..

Л и г у р и о. Уговорите аббатису дать девушке лекарство, чтобы произвести выкидыш.

Т и м о т е о. Об этом надо подумать.

Л и г у р и о. Посмотрите, сколько добра выйдет, если сделаете это дело. Вы сохраните честность монастыря, девушки и ее родных; возвратите отцу дочь; угодите вот *(указывая на Нича)* доктору и всем его родственникам, раздадите столько милостыни, сколько можно раздать из трех сот дукатов; а с другой

стороны, вы сделаете обиду только куску мяса, еще не рожденному, ничего не чувствующему, который и без того тысячу раз может погибнуть. Я убежден, что такое дело, которое многим полезно и которое многих удовлетворяет, есть доброе дело.

Тимотео. Ну, господи благослови, будь по-вашему; будет сделано все, что вы желаете; для бога и из любви к ближнему всякое дело сделать можно. Скажите мне название монастыря, дайте лекарство и, если угодно, эти деньги, чтобы я мог начать добрые дела.

Лигурио. Теперь я вижу, что вы именно такой святой отец, как я предполагал. Вот возьмите часть денег. А монастырь называется... Подождите, вот одна женщина в церкви меня манит; я возвращусь сейчас. Не оставляйте мессера Нича; я только на два слова.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Тимотео и м⟨ессер⟩ Нича.

Тимотео. Давно ли беременна эта девушка?..

Нича. Удивительно это для меня.

Тимотео. Я говорю, давно ли беременна девушка?

Нича. Черт бы его побрал.

Тимотео. Ну, кажется, я попал, как черт в вершу. Связался я с дураком да с глухим. Один убежал, другой не слышит. Но если эти дукаты не бронзовые, так я ими распоряжусь лучше, чем эти господа. Вот и Лигурио возвращается.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Лигурио, Тимотео, м⟨ессер⟩ Нича.

Лигурио *(к Нича)*. Молчите, мессер. *(Монаху.)* Новости, отец.

Тимотео. Какие?..

Лигурио. Эта женщина, с которой я разговаривал, сказала мне, что девушка выкинула сама собой.

Тимотео *(про себя)*. Вот тебе раз! Не видать мне этой милостыни как ушей своих.

Лигурио. Что вы говорите?..

Тимотео. Я говорю, что на вас теперь тем более лежит обязанность раздать эту милостыню.

Л и г у р и о. Милостыню вы получите, когда вам угодно; но нужно, чтоб вы сделали кой-что другое в угождение доктору.

Т и м о т е о. Какое же это другое дело?..

Л и г у р и о. Дело менее ответственное, менее скандальное, но более приятное для нас и более полезное для вас.

Т и м о т е о. Что такое?.. Я с вами уж сошел в соглашение, и мне кажется, между нами установилась такая короткость, что нет такого дела, которого бы я не сделал для вас!

Л и г у р и о. Я вам объясню это дело в церкви с глазу на глаз, а доктор пусть изволит подождать нас здесь. Мы сейчас возвратимся.

Н и ч а. Как сказала жаба бороне.

Т и м о т е о. Идем.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

М ⟨ е с с е р ⟩ Н и ч а *(один.)* День теперь или ночь?.. На яву я или во сне?.. Уж не пьян ли (а я еще сегодня ничего не пил), что слушаю эту бестолочь. Мы согласились говорить монаху одно, а он говорит другое; да еще хочет, чтоб я притворился глухим. И мне бы сделать то же, что сделал Данезе, то есть залепить себе варом уши, чтобы не слышать глупости, которые он говорил и, бог его знает, с какой стати. У меня двадцати пяти дукатов как не бывало; а об деле еще и не подумали; и вот и оставили меня здесь как кол торчать. Вот они возвращаются, и пропадай они пропадом, если они еще не обдумали моего дела.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Т и м о т е о, Л и г у р и о, м⟨е с с е р⟩ Н и ч а.

Т и м о т е о. Пусть донны выйдут сюда! Я знаю, что мне делать; и если моя власть имеет силу, мы заключим этот союз сегодня вечером.

Л и г у р и о. Мессер Нича, брат Тимотео готов для вас на все. Теперь нужно только, чтобы вышли донны.

Н и ч а. Ты меня воскрешаешь. Кто у меня будет, мальчик?

Л и г у р и о. Мальчик.

Н и ч а. Мне это чувствительно до слез.

Т и м о т е о *(к Лигурио).* Идите в церковь; я подожду донн. Станьте к стороне, чтоб они вас не видали; когда они уйдут, я вам скажу, что они говорили.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Т и м о т е о *(один).* Я не знаю, кто из нас кого обманул? Пусть Лигурио подъехал ко мне с первой сказкой, чтобы только попытать меня; так что, если б я не согласился, он не сказал бы мне настоящего дела, чтоб без пользы не разглашать своих замыслов; а до первой истории ему и дела нет, потому что это выдумка. Оно правда, что меня одурачили, но от этого дураченья для меня барыш. Мессер Нича и Каллимако богаты, и от каждого из них под разными предлогами я вытяну довольно. Это дело надо беречь в тайне; огласка его заденет как их, так и меня. Будь что будет, я не раскаиваюсь. Это верно, что дело не обойдется без затруднений, потому что мадонна Лукреция и умна, и добродетельна. Но за добродетель-то ее я и возьмусь, а мозгу-то вообще у всех женщин мало, так что коли умеет сказать два слова складно, так уж ее и превозносят: потому что между слепыми и кривой царь. Вот она с матерью, а мать-то дура порядочная, она много поможет мне подчинить донну Лукрецию моей воле.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

С о с т р а т а и Л у к р е ц и я.

С о с т р а т а. Я думаю, ты уверена, дочка, что я дорожу твоей честью, как никто в мире, и не посоветую тебе ничего дурного. Я уж тебе говорила и еще повторяю, что если отец Тимотео не найдет тут ничего противного совести, так делай, не думая ни о чем.

Л у к р е ц и я. Я всегда опасалась, чтобы желание мессера Нича иметь детей не довело нас до беды, и потому, как только он заговорит со мной об этом, у меня рождается подозрение и опасение; и особенно после того, что, как вам известно, случилось со мной, когда я ходила в монастырь Servi. Но из всего того, что он придумывал, это мне кажется самым диким; подвергнуть свое тело поруганию и еще быть виновницей в смерти того человека, который меня обесчестит. Нет, если б я осталась только одна на

свете и только от меня мог возродиться род человеческий, я не думаю, чтоб даже и тогда я решилась на подобное дело.

Сострата. Ну, я так много разговаривать не умею. Ты поговори с монахом, увидишь, что он тебе скажет; и исполни то, что будут тебе советовать он, мы и все, кто тебе желает добра.

Лукреция. Меня в холодный пот бросает, так я страдаю.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Тимотео, Лукреция, Сострата.

Тимотео. Добро пожаловать! Я знаю, что вам нужно от меня; мессер Нича мне сказывал. Поистине вам говорю, я более двух часов сидел над книгами и изучал это дело и, после долгого исследования, нашел многое, что, как в частности, так и вообще, подходит к нам.

Лукреция. Да вы говорите серьезно или шутите?

Тимотео. Ах, мадонна Лукреция, разве этим шутят? Разве вы меня первый день знаете?

Лукреция. Нет, отец; но это дело мне кажется самым диким и неслыханным.

Тимотео. Мадонна, я вам верю; но я не желал бы, чтобы вы так говорили. Есть много вещей, которые издали кажутся ужасными, невыполнимыми, дикими; но когда ты подойдешь к ним, они делаются легкими, сносными, обыкновенными. Правду говорят, что у страха глаза велики. Вот и наше дело такое же.

Лукреция. Дай-то бог!

Тимотео. Я хочу возвратиться к прежнему разговору. В делах совести вы должны руководствоваться следующим общим правилом: где добро верное, а зло не верное, там не нужно упускать этого добра из боязни этого зла. В нашем деле добро верное в том, что вы забеременеете и доставите новую душу господу богу. Не верное зло в том, что тот, кто будет почивать с вами после принятия вами лекарства, умрет; но ведь бывают и такие, что и не умирают. Но так как это дело сомнительно, поэтому лучше, чтоб мессер Нича не подвергал себя опасности. А что до того, будто самое это дело есть грех, так это басня, потому что грешит воля, а не тело: сущность греха

в этих делах состоит в том, что вы делаете мужу неприятности; а вы доставите мужу удовольствие; он находит в этом удовольствие, а вам это не нравится. Кроме того, во всех делах нужно обращать внимание на конечную цель. Ваша цель занять место в раю и доставлять удовольствие мужу. Библия говорит, что дочери Лота, думая, что они остались одни на свете, имели связь с отцом, а так как их намерение было доброе, они не согрешили.

Лукреция. Чему вы меня учите!

Сострата. И пусть учит, дочка! Разве ты не знаешь, что у женщины, у которой нет детей, нет и дома: умрет муж, и останется она, как зверь, без пристанища, покинутая всеми.

Тимотео. Я клянусь вам, мадонна, этим святым сердцем, что исполнить в этом случае желание вашего мужа будет такой же грех, как есть мясное в середу; то есть весь грех тут до святой воды.

Лукреция. До чего вы меня, отец, доводите!

Тимотео. Довожу до того, что вы всю жизнь будете за меня богу молить и в будущем году будете гораздо веселее, чем теперь.

Сострата. Она сделает то, что вам угодно. Сегодня вечером я сама уложу ее в постель. Чего ты боишься, дурочка? Да у нас здесь найдется пятьдесят женщин, которые возблагодарили бы небо за это.

Лукреция. Я согласна; но я не думаю, что доживу до утра.

Тимотео. Не бойся, дочь моя; я помолюсь богу за тебя: я прочту молитву ангелу Рафаэлю, чтоб он тебя охранял. Идите в час добрый и готовьтесь к таинству, потому что уже вечереет.

Сострата. Мир вам, отче.

Лукреция. Боже сохрани меня и Богородица от всякой напасти!

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тимотео, Лигурио, м⟨ессер⟩ Нича.

Тимотео. Лигурио, выходите!

Лигурио. Как дела?

Тимотео. Хороши. Они ушли домой, дав согласие все исполнить; теперь затруднений не будет, мать останется у нее и хочет сама уложить ее в постель.

Н и ч а. Да вы правду говорите?

Т и м о т е о. Вот чудесно! Вы уже исцелились от глухоты?

Л и г у р и о. Святой Климентий его помиловал.

Т и м о т е о. Не хотите ли пожертвовать его образ, чтобы возбудить толки в народе, это было бы выгодно мне и вам.

Н и ч а. Не будем уклоняться в сторону. Будет ли мне жена сопротивляться?

Т и м о т е о. Говорю вам, нет.

Н и ч а. Я самый счастливый человек в свете.

Т и м о т е о. Я этому верю. Вы вот воспитаете мальчика, а у других нет как нет.

Л и г у р и о. Идите, отец, принимайтесь за свои молитвы, если что еще понадобится, мы вас сыщем. Вы, мессер, идите домой и поддерживайте решимость вашей жены, я пойду к магистру Каллимаку и скажу, чтоб он прислал вам лекарство; а в час ночи вы выходите, мне нужно вас видеть, чтобы распорядиться, как нам поступать в четыре часа.

Н и ч а. Ты говоришь дело; прощайте!

Т и м о т е о. Идите с богом.

КАНЦОНА

Как приятен обман, доведенный до желанного и дорогого конца, он освобождает от беспокойства и делает сладким все горькое. Возвышенное и редкое средство, ты показываешь прямой путь блуждающим душам; ты своим могуществом, счастливя человека, обогащаешь Амура; ты один своими святыми советами побеждаешь камни, яды и очарования.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

К а л л и м а к о *(один)*. Я бы очень желал знать, что они тут сделали. Может ли быть, чтобы я не увидел Лигурио, еще нет двадцати трех часов... Нет, уж двадцать четыре. В каком жалком положении я на-

ходился и теперь нахожусь. Это правда, что счастье и природа держат нас в равновесии: она никогда не дает тебе хорошего, чтобы не подбавить и худого. Насколько вырастает во мне надежда, настолько же вырастает и страх. Ах, я несчастный! Возможно ли далее жить в таких беспокойствах, беспрестанно волнуясь то страхом, то надеждой. Я корабль, обуреваемый двумя противоположными ветрами; чем ближе пристань, тем страшнее. Глупость мессера Нича дает мне надежду; ум и твердость Лукреции наполняют во мне страх. Ах, нигде-то я себе покоя не нахожу! Сколько раз я хотел пересилить себя! Опомнюсь от своего безумия да и говорю себе: что ты делаешь? Не с ума ли ты сошел? Когда ты достигнешь цели, что будет потом? Тогда ты сознаешься в своем заблуждении и раскаешься, что потратил столько усилий и трудов. Разве ты не знаешь, как мало хорошего человек находит при исполнении своих желаний, сравнительно с тем, что он мечтал там найти? С другой стороны, самое худшее, что тебе предстоит,— это умереть и попасть в ад. Уж довольно народу померло, и много порядочных людей в аду: ужли тебе не стыдно идти туда же? Укрепись против судьбы; беги от беды или, если не можешь бежать, стерпи ее, как мужчина. Не унижайся, не ослабевай, как женщина. Я от всего сердца старался поступать таким образом, но не мог; потому что, охваченный со всех сторон желанием обладать ею хоть час, я чувствую себя потерянным от головы до ног; ноги дрожат, внутренности поворачиваются, сердце колотит в грудь, руки опускаются, язык немеет, в глазах мутится, в мозгу мешается. Если б по крайней мере встретить Лигурио; я бы облегчил свою душу. Вот он бежит ко мне, его слова или несколько оживят меня, или совсем убьют.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Лигурио, Каллимако.

Лигурио. Никогда мне так не хотелось видеть Каллимако, и никогда я так не старался искать его. Вот если бы я нес ему дурные новости, так сейчас бы встретил. Я был у него дома, на площади, на рын-

ке, у скамьи Спини, в ложах Торнаквинчи и не нашел нигде. У этих влюбленных ртуть в подошвах: они не могут постоять на месте.

Каллимако. Лигурио идет сюда и смотрит по сторонам, не меня ли он ищет? Что же я стою, что не кличу его? Он, кажется, весел. Лигурио, Лигурио!

Лигурио. Каллимако, где ты был?

Каллимако. Какие новости?

Лигурио. Хорошие.

Каллимако. Вправду хорошие?

Лигурио. Отличные.

Каллимако. Лукреция согласна?

Лигурио. Да.

Каллимако. Монах свое дело сделал?

Лигурио. Сделал.

Каллимако. О, честный отец! Я буду вечно молить бога за него.

Лигурио. Вот хорошо! Как будет бог одинаково награждать своей милостью, как за доброе, так и за худое. Да монаху не молитвы и нужны, а кой-что другое.

Каллимако. Что же ему нужно?

Лигурио. Деньги.

Каллимако. Дадим. Сколько ты ему обещал?

Лигурио. Триста дукатов.

Каллимако. И хорошо.

Лигурио. Доктор уже уплатил двадцать пять.

Каллимако. Каким образом?

Лигурио. Уплатил, и довольно с тебя.

Каллимако. Что сделала мать Лукреции?

Лигурио. Почти все. Как только она поняла, что ее дочь может провести эту приятную ночь без греха, она не переставала просить, приказывать, ободрять Лукрецию; так что и к монаху ее свела, и там так старались, что уговорили ее.

Каллимако. О, боже! За какие мои заслуги такое мне счастье! Я умру от радости.

Лигурио. Что это за народ! С радости ли, с горя ли ему во всяком случае умереть хочется. Лекарство у тебя готово?

Каллимако. Готово.

Лигурио. Что же такое ты пошлешь?

Каллимако. Бокал «инокрасу» — это укрепляет желудок и веселит мозг. Ай, ай, ай, я погиб!

Л и г у р и о. Что ты? Что еще?
К а л л и м а к о. И уж тут средств нет.
Л и г у р и о. Да что за дьявольщина?
К а л л и м а к о. И ничего сделать нельзя; я сам себя зарезал.
Л и г у р и о. Да чем? Что ж ты не говоришь? Да отними руки-то от лица!
К а л л и м а к о. Ах, разве ты не знаешь, ведь я сказал мессеру Нича, что ты, он, Сиро и я будем ловить кого-нибудь, чтоб уложить на постель с его женой?
Л и г у р и о. Ну, так что же?
К а л л и м а к о. Как «что же»? Если я буду с вами, я уж не могу быть тем, кого вы ловите; если же я не буду с вами, он догадается, что его обманывают.
Л и г у р и о. Да, ты говоришь правду; но нет ли какого средства?
К а л л и м а к о. Нет, я думаю.
Л и г у р и о. Есть, найдем.
К а л л и м а к о. Какое?
Л и г у р и о. Дай немного подумать.
К а л л и м а к о. Вот чем утешил! Я погиб, если ты целый час продумаешь.
Л и г у р и о. Я нашел.
К а л л и м а к о. Что?
Л и г у р и о. Я устрою так, что монах, который нам помогал до сих пор, поможет и в этом последнем случае.
К а л л и м а к о. Каким образом?
Л и г у р и о. Мы все будем переодеваться; я заставлю и монаха переодеться, изменить голос, лицо, манеры; и скажу доктору, что это ты. Он поверит.
К а л л и м а к о. Это хорошо. А мне что делать?
Л и г у р и о. Вот что сделай: накинь плащ и с лютней в руках иди туда, в противоположную сторону от своего дома, да напевай песенку.
К а л л и м а к о. С открытым лицом?
Л и г у р и о. Да, если ты наденешь маску, ему покажется подозрительным.
К а л л и м а к о. Он меня узнает.
Л и г у р и о. Не узнает; по-моему, тебе следует перекосить лицо, открыть рот, сузить или оттопырить губы, зажмурить один глаз. Попробуй немного.
К а л л и м а к о. Так, что ли?
Л и г у р и о. Нет.
К а л л и м а к о. Ну, так?

Л и г у р и о. Не совсем.

К а л л и м а к о. Ну, так вот?

Л и г у р и о. Так, так; вот это и запомни. У меня дома есть нос, вот бы ты наклеил его.

К а л л и м а к о. Да, это хорошо. А потом что?

Л и г у р и о. Как ты покажешься с той стороны, мы будем здесь, отнимем у тебя лютню, схватим тебя, закружим, проводим тебя в дом, положим на постель; остальное уж ты сам должен.

К а л л и м а к о. Все дело в том, чтоб войти.

Л и г у р и о. Войти-то туда ты войдешь; но устроить так, чтоб ты мог и опять туда приходить, зависит уж от тебя, а не от нас.

К а л л и м а к о. Как же это сделать?

Л и г у р и о. Постарайся в эту ночь приобресть ее расположение; и прежде чем уйти, ты должен ей открыться; объясни ей нашу хитрость, покажи всю свою любовь к ней, скажи, что ты желаешь ей всякого блага; объясни ей, что она избегнет бесславия, оставаясь в дружбе с тобой; и как она подвергнется ему непременно, если отнесется к тебе враждебно. Невозможно, чтоб она не сошлась с тобой и чтоб не пожелала повторения этой ночи.

К а л л и м а к о. Ты думаешь?

Л и г у р и о. Я уверен. Но не будем терять времени, уж два часа. Покличь Сиро, пошли лекарство к мессеру Нича и жди меня дома. Я пойду за монахом, заставлю его переодеться и приведу сюда; позовем доктора и сделаем остальное.

К а л л и м а к о. Хорошо, иди.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

К а л л и м а к о, С и р о.

К а л л и м а к о. Эй, Сиро.

С и р о. Что угодно?

К а л л и м а к о. Выдь сюда.

С и р о. Я здесь.

К а л л и м а к о. Возьми серебряный бокал, который стоит в спальне в шкапу, покрой его тафтой и принеси сюда; да смотри, не пролей дорогой.

С и р о. Сейчас будет готово.

К а л л и м а к о. Он уж десять лет у меня и всегда служил верно. Я думаю, что и в этом случае можно ему до-

вериться; и хотя я ему ничего не говорил о нашем замысле, но он догадывается, потому что он плут, и я замечаю, что ведет себя, приноравливаясь к делу.

С и р о. Вот бокал.

К а л л и м а к о. Хорошо. Поди сейчас в дом к мессеру Нича и скажи ему, что вот лекарство, которое должна принять его жена сейчас после ужина; и чем раньше она поужинает, тем лучше. И скажи ему, что мы будем здесь на углу улицы в условленное время, чтобы выходил и он. Ступай скорей.

С и р о. Иду.

К а л л и м а к о. Стой, послушай! Если он захочет, чтоб ⟨ты⟩ подождал его, жди и приходи с ним вместе; если же нет, возвращайся сюда ко мне, как только отдашь ему это и исполнишь все, что тебе поручено.

С и р о. Слушаю, мессер.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

К а л л и м а к о *(один)*. Я подожду, когда Лигурио возвратится с монахом. Кто сказал, что ждать очень неприятно, тот сказал правду. Я в минуту худею на десять фунтов, как только вздумаю, где я теперь и где могу быть через два часа и что может возникнуть какое-нибудь обстоятельство, которое разрушит мой замысел. И если так случится, эта ночь будет последняя в моей жизни; я или брошусь в Арно, или повешусь, или выброшусь за окно, или заколю себя кинжалом у ее дверей; что-нибудь да сделаю, только бы не жить более на свете. Вот Лигурио; это он. С ним еще кто-то; какой-то хромой, это, должно быть, переодетый монах. О, отцы! Узнай одного, так узнаешь всех. Кто ж это еще подходит к ним? Это, кажется, Сиро; он уж, видно, исполнил свое поручение; да, это он. Я подожду их здесь, чтоб условиться с ними.

СЦЕНА ПЯТАЯ

С и р о, Л и г у р и о, Т и м о т е о (переодетый), К а л л и м а к о.

С и р о. Кто это с тобой, Лигурио?

Л и г у р и о. Хороший человек.

С и р о. Он хромой — или притворяется?

Лигурио. Не твое дело.

Сиро. Ох! Он смотрит большим негодяем.

Лигурио. Замолчи; ты нам мешаешь! Где Каллимако?

Каллимако. Я здесь. Добро пожаловать.

Лигурио. Каллимако, дай ты наставление этому дурачине, Сиро: он уж наговорил пропасть глупостей!

Каллимако. Сиро, слушай! Сегодня вечером ты должен исполнять все, что тебе скажет Лигурио; и исполняй так, как будто я сам тебе приказал; и все, что ты увидишь, прочуешь или услышишь, держи в глубокой тайне, если только ты ценишь во что-нибудь состояние, честь и жизнь мою и свое собственное благополучие.

Сиро. Так и будет.

Каллимако. Отдал ты доктору бокал?

Сиро. Да, мессер.

Каллимако. Что он сказал?

Сиро. Что все будет исполнено, как сказано.

Тимотео *(к Лигурио)*. Это Каллимако?

Каллимако. Я к вашим услугам. Условие между нами сделано; вы можете располагать мною и всем моим добром, как самим собой.

Тимотео. Да, я слышал и верю; я и сам готов сделать для тебя то, чего не сделал бы ни для кого на свете.

Каллимако. Ваши труды не пропадут даром.

Тимотео. С меня довольно твоего расположения.

Лигурио. Оставим церемонии. Мы пойдем переодеваться, я и Сиро. Ты, Каллимако, тоже поди с нами и приготовься идти — делать свое дело. Отец подождет нас здесь; мы вернемся скоро и пойдем к мессеру Нича.

Каллимако. Хорошо, пойдемте.

Тимотео. Я вас буду ждать.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Тимотео. Правду говорят, что дурное общество доводит людей до виселицы; часто одинаково попадешь в беду, то как за то, что ты ласков и добр, так и за то, что ты мошенник. Богу известно, что я никогда не помышлял обидеть кого-нибудь: сидел в своей келье, читал требник, беседовал с своими духовными детьми. Попался я этому дьяволу Лигурио, и заставил

он меня опустить палец в грех, потом я опустил руку да и весь влез, и не знаю теперь, как я оттуда вылезу. Впрочем, я утешаюсь тем, что в это дело замешано много лиц, значит, о нем и хлопотать будут многие. Но вот возвращаются Лигурио и слуга.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Тимотео, Лигурио и Сиро (переодетые).

Тимотео. Ну, вот вы и вернулись.

Лигурио. Хорошо ли так-то?

Тимотео. Превосходно.

Лигурио. Теперь не хватает только доктора; пойдем к его дому. Уж три часа с лишком; пойдем скорее.

Сиро. Кто-то отворяет дверь, он либо слуга его?

Лигурио. Нет, это он. Ха, ха, ха!

Сиро. Ты смеешься.

Лигурио. Да кто ж не засмеется? Он надел какой-то коротенький кафтанчик, который не закрывает задницы. Что за чертовщина у него на голове? Словно как меховой капюшон монашеский, и шпажонка еще. Ха, ха. И не знаю, что-то бормочет. Отойдем к стороне и услышим ⟨нрзб.⟩ ему горе от жены...

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Мессер Нича *(переодетый)*. Какие нежности выделывала моя дура-то! Послала горничную к своей матери, слугу в деревню. За это, пожалуй, я ее хвалю; но вот за это уж не похвалю: прежде чем она решилась идти в спальню, она столько гримас настроила. «Я не хочу... да как это можно... да что вы заставляете меня делать... Ох, да ах... да мамочка моя!» И если б мать не пугнула ее, она бы не пошла на постель. Лихорадка ее затряси! Я люблю женщин строгих, но уж не так: она мне голову свернула — кошачьи ее мозги! Вот если бы кто сказал: «надо повесить самую умную женщину во Флоренции»[1]; ведь она откликнется, скажет: «что я тебе сделала?» А ведь я одет очень хорошо. Как меня

---

[1] Пропуск. См. комментарий.

узнаешь? Я кажусь больше, моложе, проворнее; и не найдется такой женщины, которая бы попросила с меня денег за ночь. Но где же наши?

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Лигурио. Добрый вечер, мессер.

Нича *(испугавшись)*. Ой, ай!

Лигурио. Не бойтесь, это мы.

Нича. А, вы все здесь. Ну, если бы я вас не узнал сразу, я бы вас пырнул этой шпагой в самом лучшем виде. Ты Лигурио? Ты Сиро? А это магистр? А, что?

Лигурио. Да, мессер.

Нича *(к Лигурио, указывая на Каллимако)*. Смотри! О, как он подделал себя, ни за что не узнаешь.

Лигурио. Я велел ему положить два ореха в рот, чтобы его не узнали по голосу.

Нича. Ты невежа.

Лигурио. Почему так?

Нича. Что ж ты мне этого прежде не сказал? И я бы положил себе два. Ведь ты знаешь, что это нужно для того, чтоб не узнали по голосу.

Лигурио. Возьмите положите в рот вот это.

Нича. Что это такое?

Лигурио. Восковой шарик.

Нича. Давай сюда! Ка, ну, ка, ка, ну, ну, сну! Чтоб тебе издохнуть, подлый бродяга.

Лигурио. Извините меня, я вам дал не то, я перемешал, это по недосмотру.

Нича. Ка, ка, ну, ну! Что, что, что это такое?

Лигурио. Это алоэ.

Нича. Провалиться бы тебе! сну, сну! Магистр, что вы ничего не говорите?

Тимотео. Меня очень рассердил Лигурио.

Нича. О, как вы изменили голос.

Лигурио. Нечего нам здесь мешкать! Я буду капитаном и построю войско в боевой порядок. Каллимако командует правым крылом, левым я, в середине между крыльями станет доктор; Сиро будет ариергардом, чтобы подать помощь тому отряду, который станет ослабевать. Ну, во имя святой кукушки.

Нича. Какая это такая святая кукушка?

Лигурио. Это самая уважаемая святая во Франции.

Пойдем скорее! Пустим разъезд в этот угол. Стойте, внимание! Я слышу лютню.

Н и ч а. Это так. Что ж будем делать?

Л и г у р и о. Надо послать вперед шпиона узнать, что это; и сообразно его донесениям будем действовать.

Н и ч а. Кто пойдет?

Л и г у р и о. Иди, Сиро! Ты знаешь, что делать: рассмотри, исследуй, возвращайся скорей и донеси.

С и р о. Иду.

Н и ч а. Как бы нам не промахнуться, не захватить дряхлого старика или какого расслабленного; чтоб не понадобилось завтра вечером начинать это же представление.

Л и г у р и о. Не сомневайтесь; Сиро человек опытный. Вот он возвращается. Что ты там нашел, Сиро?

С и р о. Такого красивого молодчину, что вы и не видывали. Ему и двадцати пяти лет нет еще. Гуляет один, закутанный плащом, наигрывая на лютне.

Н и ч а. Его-то нам и нужно, коли ты правду говоришь. Но смотри, тебе за то отвечать придется.

С и р о. Да уж точно так, как я вам говорю.

Л и г у р и о. Подождем, пока он завернет за угол, сейчас накинемся на него.

Н и ч а. Подвигайтесь сюда, магистр: вы точно как деревянный. Вот он.

К а л л и м а к о *(поет)*. Пусть сам черт с тобой ложится. А я к тебе уж не пойду.

Л и г у р и о. Стой! Давай лютню.

К а л л и м а к о. Ай, ай! Что я вам сделал?

Н и ч а. А вот увидишь! Закройте ему голову, закутайте его.

Л и г у р и о. Верти его.

Н и ч а. Ну-ка, еще раз, еще раз, толкай его в дом.

Т и м о т е о. Мессер Нича, я пойду отдохнуть, у меня смертельно болит голова. И если не будет надобности, я завтра утром не приду к вам.

Н и ч а. Не приходите, магистр, все остальное мы можем сделать сами.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Т и м о т е о *(один)*. Они вошли в дом, и я пойду в монастырь. А вы, зрители, этого не осуждайте; потому что в эту ночь спать никто не будет, так что

между действиями перерыва времени не будет. Я буду читать правило, Лигурио и Сиро будут ужинать, потому что они еще ничего не ели сегодня. Доктор уйдет из спальни в столовую, чтобы ужин был приличный. Каллимако и Лукреция спать не будут, потому что я знаю, что если б я был на его месте, а вы на ее, так мы бы не уснули.

КАНЦОНА

О, сладостная ночь, о, блаженные и тихие часы ночные, которые сводите страстных любовников; в вас соединено столько отрад, что вы одни способны сделать души блаженными: вы даете справедливые награды любовникам за долгие беспокойства; вы, счастливые часы, заставляете пылать любовью всякое ледяное сердце.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Т и м о т е о *(один)*. Я всю ночь не мог сомкнуть глаз: так сильно было во мне желание узнать, как Каллимако и другие окончили это дело; чтоб убить время, я занимался разными делами. Проговорил утренние молитвы, прочел житие святого, ходил в церковь и засветил лампаду, которая погасла; переменил покров на чудотворной Мадонне. Сколько раз я говорил братии, чтобы держали его опрятнее. И удивляются еще, что благочестия так мало. Я помню, бывало по пятисот приношений, а теперь и двадцати нет. Это все мы виноваты: мы не умели поддержать хорошего мнения о ней. Мы бывало каждый вечер после вечерен устраивали процессии и каждую субботу пели ей акафисты! Мы постоянно сами делали приношения, для того чтоб украшения и подвески на ней были свежие, и убеждали на исповеди, как мужчин, так и женщин, делать приношения. Теперь ничего этого не делается; и мы еще удивляемся, что дела идут плохо. Ох, как мало мозгу у нашей братии! Но я слышу большой шум в доме мессера Нича. Ей-богу, это они. Они выгоняют

пленника. Я пришел вовремя. Однако они забавлялись до света, вот уж заря. Я хочу послушать, что они говорят, не показываясь им.

СЦЕНА ВТОРАЯ

М⟨ессер⟩ Нича, Каллимако, Лигурио, Сиро.

Нича. Хватай его с этой стороны, а я с этой; а ты, Сиро, держи его за плащ сзади.

Каллимако. Не обижайте меня.

Лигурио. Не бойся; иди скорей.

Нича. Дальше не пойдем.

Лигурио. Хорошо; пусть его бежит. Перевернем его два раза, чтоб он не знал, откуда он вышел. Верти его, Сиро!

Сиро. Вот ему.

Нича. Верти в другой раз.

Сиро. Вот еще.

Каллимако. А моя лютня?

Лигурио. Беги, мошенник, убирайся! Если ты будешь разглагольствовать, так я тебе сверну шею.

Нича. Ну, убежал. Пойдемте переодеваться; нам нужно сегодня выйти из дому пораньше, чтобы не подать виду, что мы не спали всю ночь.

Лигурио. Да, вы говорите правду.

Нича. Идите вы с Сиро к магистру Каллимако и скажите ему, что дело кончилось благополучно.

Лигурио. Что ж можем мы ему сказать? Мы ничего не знаем. Вам известно, что как только мы вошли в дом, мы сейчас же и ушли в подвал вино пить. Вы с тещей возились с ним, а мы и не видали вас до самого того времени, как вы позвали нас, чтоб его выгнать.

Нича. Да, это правда. О, я вам расскажу отличные вещи. Жена лежала на постели впотьмах. Сострата ждала меня перед камином. Я вышел с этим здоровенным негодяем; и чтобы в чем-нибудь не промахнуться, я ввел его в чулан, который подле столовой, где был прикрытый ночник, который давал мало свету, так что он не мог видеть моего лица.

Лигурио. Умно.

Нича. Я велел ему раздеться. Он было заупрямился, я бросился на него, как собака, да так, что уж он рад бы хоть век без платья ходить; ну и разделся дона-

га. Он дурен лицом. У него большой нос, кривой рот, но такое тело, что ты лучше никогда и не видывал. Белый, белый, гибкий, полный; об остальном и спрашивать нечего.

Л и г у р и о. Ну, это вы не так рассуждаете; надо рассматривать все.

Н и ч а. Да ты шутишь, что ли? Уж коль месить квашню, так месить до дна: потом я осмотрел, здоров ли он. Будь-ка у него какая болесть, так со мной-то что же будет? Ну-ка, скажи.

Л и г у р и о. Да, вы справедливо рассуждаете.

Н и ч а. Когда я убедился, что он здоров, я вывел его и провел в спальню. Положил его на постель и, прежде чем уйти, пощупал рукой, как дела; я не так глуп, меня на мякине не обманешь.

Л и г у р и о. Как умно вели вы все это дело.

Н и ч а. Убедившись осязательно, что все дело в порядке, я вышел из спальни, запер дверь и пошел к теще, которая была у камина; всю ночь мы с ней рассуждали.

Л и г у р и о. Какие же рассуждения были у вас?

Н и ч а. О глупости Лукреции и о том, что гораздо лучше было бы, кабы она, без всякого виляния, уступила сразу. Потом рассуждали о ребенке; мне все так и кажется, что я нянчу на руках эту пышку. Когда я услыхал, что пробило тринадцать часов, и, боясь, чтоб день нас не застал, пошел в спальню. И каково вам покажется, я насилу поднял этого разбойника.

Л и г у р и о. Я верю.

Н и ч а. Он охотник до скоромного. Но я его поднял, позвал вас, и мы его прогнали.

Л и г у р и о. Все дело сделали в порядке.

Н и ч а. А как ты скажешь, кого мне жаль в этом деле?

Л и г у р и о. Кого?

Н и ч а. Этого бедного малого, ведь он умрет скоро; как дорого стоила ему эта ночь!

Л и г у р и о. Ах, о каких пустяках вы думаете; пусть он сам о себе беспокоится.

Н и ч а. Да, ты правду говоришь. Я жду не дождусь увидеть магистра Каллимако и порадоваться вместе с ним.

Л и г у р и о. Он выйдет через час. Однако уж белый день. Мы пойдем переоденемся; вы что будете делать?

Н и ч а. Я тоже пойду домой, оденусь в хорошее платье. Заставлю жену встать, вымыться и идти в церковь

взять молитву. Мне хотелось бы, чтобы вы там были с Каллимако; нужно поблагодарить монаха и вознаградить его за добро, которое он для нас сделал.

Л и г у р и о. Хорошо, мы так и сделаем.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Т и м о т е о *(один)*. Ну, я слышал весь этот разговор, и что касается до глупости доктора, так это очень занимательно. Но последние его слова мне более всего нравятся; и так как они должны прийти ко мне, я не хочу здесь оставаться, а буду ждать их в церкви; там мое ремесло доставит мне больше выгоды. Вот кто-то выходит из этого дома. Это, кажется, Лигурио, а с ним, должно быть, и Каллимако. По сказанным причинам я не хочу, чтобы они меня видели. Если бы даже они и не пришли ко мне, так я всегда могу прийти к ним сам.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

К а л л и м а к о, Л и г у р и о.

К а л л и м а к о. Как уж я говорил тебе, любезный Лигурио, до девяти часов я был в дурном расположении духа; и хотя я имел много удовольствия, но не находил его настоящим. Но потом, когда я ей открылся, высказал ей всю любовь свою и дал понять, как благодаря глупости ее мужа жить счастливо и без огласки; и обещал, когда бог приберет ее мужа, жениться на ней; и когда она, помимо моих объяснений, поняла разницу спать со мной и с мессером и какая разница между поцелуями молодого любовника и поцелуями старого мужа; она, после нескольких вздохов, сказала: «так как твоя хитрость и глупость моего мужа, простота моей матери и плутовство моего духовника довели меня до того, чего сама я никогда бы не сделала, то я желаю думать, что это было определено свыше; и не считаю своей обязанностью отказываться от того, что мне посылает судьба. Поэтому я считаю тебя своим владыкой, господином и руководителем. Ты мой отец, мой защитник, и я желаю, чтобы ты был моим единственным благом; и то, что муж желал на один вечер, я желаю, чтоб было постоянно. Сделайся его кумом и приходи сегодня обедать; ухо-

дить от нас и оставаться у нас это твоя воля; мы можем всегда и без подозрения быть с тобой вместе». Слушая эти слова, я чуть не умер от радости. Я не находил слов, чтобы выразить ей то, что хотел. Таким ⟨образом⟩ я считаю себя самым счастливым и довольным человеком в мире; и если бы моему счастию не грозила ни смерть, ни время, я был бы блаженнее всех блаженных и святых.

Лигурио. Я очень рад всякому твоему благополучию: все случилось так, как я тебе предсказывал; что мы будем делать теперь?

Каллимако. Пойдем в церковь, я обещал ей быть там; там увидим ее, мать ее и доктора.

Лигурио. Я слышу стук у их дверей. Это они, они выходят, и доктор с ними.

Каллимако. Пойдем в церковь и подождем их.

СЦЕНА ПЯТАЯ

М⟨ессер⟩ Нича, Лукреция, Сострата.

Нича. Лукреция, я думаю, надо вести себя со страхом божиим, а не по-дурацки.

Лукреция. Что вам нужно от меня?

Нича. Смотри-ка, как она отвечает! Как петух.

Сострата. Не удивляйтесь; она немножко сердится.

Лукреция. Что вы хотите сказать?

Нича. Я говорю, что лучше будет, если я пойду вперед предупредить монаха и сказать ему, чтобы он вышел встретить тебя в дверях и дал тебе молитву; потому что с сегодняшнего утра ты как бы вновь возрождаешься.

Лукреция. Что ж вы нейдете?

Нича. Ты сегодня очень сердита. А вчера была точно полумертвая.

Лукреция. И все по милости вашей.

Сострата. Идите к монаху! Да уж незачем: он вышел из церкви.

Нича. Да, правда ваша.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Тимотео, м⟨ессер⟩ Нича, Лукреция, Каллимако, Лигурио и Сострата.

Тимотео. Я вышел, потому что Каллимако и Лигурио мне сказали, что доктор и донны идут в церковь.

Н и ч а. Bona dies, отче.

Т и м о т е о. Добро пожаловать! Благое дело вы сделали, мадонна; да пошлет вам бог потомка мужского пола.

Л у к р е ц и я. Дай бог!

Т и м о т е о. И даст непременно.

Н и ч а. Я вижу в церкви Лигурио и магистра Каллимако.

Т и м о т е о. Да, это они.

Н и ч а. Позовите их.

Т и м о т е о. Идите сюда.

К а л л и м а к о. Храни вас господь!

Н и ч а. Магистр, возьмите руку жены моей.

К а л л и м а к о. С удовольствием.

Н и ч а. Лукреция, вот человек, которому мы обязаны тем, что будем иметь опору в старости.

Л у к р е ц и я. Это для меня очень приятно; желательно бы иметь его кумом.

Н и ч а. Благослови тебя бог за эту мысль. Я хочу пригласить его и Лигурио сегодня обедать с нами.

Л у к р е ц и я. Непременно.

Н и ч а. Я хочу дать им ключ от нижней комнаты, которая над галереей, чтобы они могли приходить туда, когда им угодно: холостые, женщин у них в доме нет, живут как твари.

К а л л и м а к о. Я ключ возьму и воспользуюсь им при случае.

Т и м о т е о. Получу я деньги на милостыню?

Н и ч а. Вы это знаете, domine, сегодня мы вам пришлем.

Л и г у р и о. Неужели никто не вспомнит о Сиро?

Н и ч а. Да только он попроси; ничего не пожалею. Ты, Лукреция, сколько гроссов хочешь дать отцу за молитву?

Л у к р е ц и я. Дайте десять.

Н и ч а. Фу ты, пропасть!

Т и м о т е о. Вы, мадонна Сострата, на мои глаза помолодели даже.

С о с т р а т а. Да кто ж бы не обрадовался?

Т и м о т е о. Пойдемте все в церковь и скажем обычную молитву: потом после службы отправляйтесь домой кушать, если вам будет угодно. Вы, зрители, не дожидайтесь нас, мы не вернемся: служба длинная; я и останусь в церкви; а они пойдут домой через боковую дверь. Прощайте.

К о н е ц

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Мой сын, зачем в дремучий лес спешишь ты в час ночной?
Сестры своей не сыщешь ты, останься здесь со мной.
И холод там, и листьев шум, и мрак, и бури вой,
Одним один пойдешь ты в лес, дитя, побудь со мной!

О мать моя, пусти меня! Не лей напрасно слез,
Сестру найду, поверь ты мне, и к вам вернуся с ней.
Не нужен отдых и покой, пока сестру найду,
И снег и ветр знакомы мне, я скоро к вам приду.

Идет, и мать стоит в слезах, глядит ему во след;
Затихла буря, ночь прошла, его из лесу нет.
И растаял снег, и ветр утих, опять пришла весна,
Везде и зелень и цветы, но мать теперь одна.

МЫ ПЕСНЕЮ КРЫЛАТОЙ

Мы песнею крылатой
Умчимся с тобой, дитя,
Ганг мы увидим богатый,
Там чудная есть земля;

Сады под ночным полусветом
Алеют в том краю,
Там лотос встретит с приветом
Тебя, сестру свою.

Фиалки шутят болтливо,
На звезды уставивши взор,
Розы, потупясь стыдливо,
Душистый ведут разговор.

Газель пугливо таится,
Внимания полна,
И в тишине струится
Священная волна.

Туда лететь и укрыться
Пальмы густым шатром,
Там негою упиться,
Забыться блаженным сном.

ПУТЕВАЯ ПЕСНЯ

Шумит опалой листвою холодная земля,
Плащом окутан серым, лесом густым один еду я.
Еду, скачу я, а думы скачут знакомым путем,
Свободно и весело мчатся к любезной прямо в дом.

Собаки лают, и слуги с огнями навстречу спешат,
Бегу я по ступеням, и шпоры мои звенят.
В покое уютном и легком, где сердцу теплей и вольней,
Сидит и ждет моя прелесть, я прямо в объятья к ней!

А ветер шумит мне листами, и дуба слышу стон:
Что грезишь ты, глупый всадник? К чему безумный твой сон!

ВЕЧЕР

Сходит ночь, и солнце погасает,
Месяц землю серебрит,
Счастье жизни быстро улетает,
Вихрем танца прочь бежит.

Сцену жизни пеструю завеса скроет,
Скроет от очей.
Кончена игра, прошла пиеса,
Над могилой плач друзей,
Точно ветра тихое дыханье
Мне предчувствием звучит,
Что душа окончит путь страданья,
В край покоя улетит;
Соберется ль круг друзей унылый
Волю дать своим слезам,
Я хочу явиться из могилы
И повеять небом вам.
Подари меня одной слезою
И фиялкой награди,
И глазами, полными тоскою,
На могилу погляди.
Не стыдись, что в чувстве тебе новом
На глазах слеза дрожит,
Ведь она в венце моем терновом
Лучшим перлом заблестит.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, мой сыночек, любимчик ты мой!
Синие живчики глазки закрой!
Тихо, ничто не тревожит твой слух,
Спи же, я стану обмахивать мух.
Ясны теперь, будто золото дни,
Позже, ах, позже не придут они!
Раз лишь заботы обступят кровать,
Больше спокойных ночей не видать.
Ангелы с неба, как ты красотой,
Вьются вкруг ложа и шутят с тобой;
Будут и позже они прилетать,
Но лишь за тем, чтоб слезу отирать.
Спи, мой сыночек, пусть ночка придет,
Мать у постельки сидит, стережет,
Ночью ли поздней, заря ли блеснет,
Матери нежной любовь не заснет.

ПЕРЕДЕЛКИ

Комедия
в четырех
действиях
Сюжет
заимствован
из итальянской
комедии
ТЕОБАЛЬДО ЧИКОНИ:
«Le pecorelle
smarrite»

ЗАБЛУДШИЕ ОВЦЫ

ЛИЦА:

ВИКТОР АПОЛЛОНОВИЧ ЖАВОРОНКОВ,
поэт.

ЛЮБОВЬ ИВАНОВНА,
жена его.

ИВАН ФОМИЧ ЧЕРНОВ.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ ЗЯБЛИКОВ,
племянник его.

КНЯЗЬ КИРГИЗОВ.

БАРОН ПОМПЕЙ БОГДАНОВИЧ ФОН БАЦ.

ЛИДИЯ СЕМЕНОВНА,
его жена.

ИВАН.

ЧЕЛОВЕК БАРОНА.

ДАМА.

КАВАЛЕР.

ГОСТИ ОБОЕГО ПОЛА.

СЛУГИ БЕЗ РЕЧЕЙ.

Комната в квартире Виктора, убранная с некоторым изяществом. Дверь посредине и две по бокам. Направо дамский рабочий столик, налево мужской письменный стол, на нем кроме разных принадлежностей для письма книги, газеты, колокольчик. В глубине зеркало. Стулья и кресла в бспорядке, на полу ковер.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Любовь Ивановна вяжет у рабочего столика, Виктор в халате, за письменным столом, читает рукопись.

Виктор *(вполголоса)*.

«О милый ангел, не зови
Моей печали непонятной!
То сердца вздох, но вздох приятный,
То меланхолия любви».

(Продолжает пробегать глазами остальное, потом складывает в виде пакета и звонит.)

Входит Иван. Любовь на все это смотрит подозрительно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Иван.

Виктор *(отдает ему конверт)*. Снеси в типографию.

Иван уходит. Виктор в задумчивости берет книгу и перелистывает.

Любовь *(встает тихо, подходит к нему и кладет ему на плечо руку)*. Виктор!

Виктор. Ну?

Любовь. Я хочу попросить тебя, хочу...

Виктор. Ехать в театр, что ли? Сегодня я не могу. Я обещал приятелям быть в клубе.

Любовь. Да нет, совсем не о том...

Виктор *(с нетерпением)*. Ну, так об чем же?

Любовь. Если ты дашь мне слово не сердиться...

Виктор. Даю слово не сердиться.

Любовь. Эта рукопись, которую ты послал в типографию...

Виктор. Эта рукопись... Есть рукопись.

Любовь. Там стихи?

Виктор. Там стихи.

Любовь. Посвященные...

Виктор. Ну, посвященные; что ж дальше?

Любовь *(робко)*. Посвященные женщине.

Виктор *(с гневом)*. Ну, а если и так?

Любовь. Ты обещал не сердиться.

Виктор *(стараясь не сердиться)*. А если и так?

Любовь. Если так, Виктор...

Виктор. Дальше, дальше!

Любовь. Мне кажется, я умру с отчаяния.

Виктор. Любовь Ивановна!

Любовь *(обнимая его)*. Ах! Радость моя! Жизнь моя!

Виктор. Пожалуйста, без аханья. Что за ребячество! Твоя ревность и бабья подозрительность наконец мне надоедят. Изредка куда еще ни шло; но целый-то божий день мучить меня смешными расспросами и подозрениями: этого уж терпеть нельзя. Я тебя предупреждаю отныне навсегда: или ты перестань, или мне нужно будет принять какие-нибудь меры на будущее время.

Любовь *(отходит, совершенно убитая)*. Ты никогда так не говорил со мной.

Виктор. Ты сама доводишь, пеняй на себя.

Любовь *(снова садясь к столу)*. Хорошо, хорошо. Я виновата. Я бедная, воспитана в деревне, по-старому; у меня только и есть в голове, что любовь к мужу. Твое дело образовать меня по-столичному, чтобы я была похожа на тех ваших дам, которые изучают семейные обязанности по модным картинкам или по французским романам. К тому же супружеская любовь не имеет ничего пленительного, ничего обаятельного: жена писателя не имеет права требовать, чтобы муж для семейного спокойствия отказывался от восторгов публики. Он человек гениальный, ему нужно всеобщее поклонение, а ты, глупенькая, думала, что с него довольно твоих поцелуев. Тем хуже для тебя, что ты не умела понять, что значит гениальные люди.

Виктор *(берет стул и садится возле жены)*. Вы кончили?

Любовь *(со слезами)*. Терпи и покорись судьбе своей.

Виктор. Если вы кончили, начну я; и прежде всего попрошу вас вспомнить вечер 24-го июля 1865 года, то есть вечер нашей свадьбы. Мы были в деревне у вашего отца, на берегу Волги. Помните. ясное небо, чистый воздух, вдали песня, ну и прочее... Вы мне сказали тогда: «Виктор, этим высоким небывалым счастьем я обязана тебе. С этих пор я вполне верю душе твоей! Если когда-нибудь случится, что мне

придет в голову какое-нибудь подозрение или я готова буду произнести жалобу или упрек тебе, ты напомни жене своей вечер 24-го июля». Ну вот я вам напоминаю. *(Встает.)*

В продолжение этих слов, произнесенных с важностью, лицо жены мало-помалу одушевляется и покрывается радостной улыбкой.

Любовь. О, если б можно было воротить это время, эти места, Виктор! Жить опять так же, как прежде.

Виктор. Пока вы были девушкой, вы так и жили; а теперь уж пора вам быть женщиной солидной и благоразумной.

Любовь *(подходя к мужу)*. Да ну же! Не сердись на меня. Помиримся, помиримся! И давай так жить, как бог велит; два тела — одна душа. Прочь эти вздоры, подозрения, ревность! Я буду делать только то, что тебе нравится. А ты, сокровище мое, прощай мои слабости и люби меня. Не правда ли, ты любишь меня?

Виктор *(с досадой)*. Это мой долг.

Любовь. И ты поедешь со мной погулять в Зоологический сад?

Виктор *(с большой досадой)*. Ну, в Зоологический сад, но потом?

Любовь. И не будешь писать стихов для хорошеньких женщин?

Виктор *(нетерпеливо)*. Ну, еще что?

Любовь *(топая ногой)*. Вот какая скверная память! Ты прав — я глупа. Сейчас только обещала и сейчас же забыла, это ужасно!

Входит Иван.

Иван. Петр Петрович пришли-с.

Любовь. Ах, тоска! Нас дома нет.

Виктор. Что ты, в уме ли? Проси!

Иван уходит.

Я не хочу прятаться ни от кого, а тем более от твоего брата. Он отличный малый.

Любовь. Ветреник.

Виктор. Ветреник? Почему? Потому только, что любит шампанское и знаком с танцовщицами? Вся молодежь нынче такова.

Входит Зябликов в теплом пальто.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Зябликов и те же.

Зябликов *(в дверях)*. Извини, кузина, но при одном градусе тепла не мешало бы в передней поменьше вентиляции. Впрочем, надо переплыть ледовитое море, чтоб доплыть до Северного полюса. С добрым утром, сестрица!

Любовь. Прощайте, Петр Петрович.

Зябликов *(Виктору)*. Можно пожать руку вашему парнасскому сиятельству?

Виктор. Еще бы! *(Подает ему руку.)* Однако столица вас изменила порядочно. Что за учтивость, что за галантерейность!

Зябликов. Вам кажется! *(Про себя.)* Кабы его черт унес куда-нибудь!

Виктор. Ну да, как же! И деревенский загар прошел, и вообще видеть вас большое удовольствие.

Зябликов. Покорнейше благодарю. Теперь позвольте мне снять пальто. В деревне я переходил от тепла к холоду и наоборот без всякой опасности, а здесь берегусь; здесь сейчас кашель от малейшей перемены воздуха.

Виктор. Э! Друг мой, ужины после театра особенно вредны для многих.

Зябликов. Эпиграммы на мой счет; ну, да это ничего. Ах, Фанни! Легкая, эластичная Фанни! Ну, что хотите, нельзя не иметь слабости к этим воздушным женщинам. Было время, когда я пленялся деревенскими красавицами в хороводах, теперь предпочитаю балетных красавиц, в трико и розовых юбочках. Другой образ жизни, другие требования.

Любовь *(продолжая работать)*. Ты шутишь, Петя: ты что-то уж слишком прельщаешься столицей! В провинции у тебя была сестра, были знакомые, некоторые тебя любили, было одно существо, которое могло бы украсить твою пустую жизнь. В провинции ты был румян, здоров, весел и спокоен совестью. А здесь ты учтив, бледен, в перчатках, надушен, но едва ли ты доволен здешней шумной и дорогой жизнью.

Петр Петрович несколько конфузится.

Виктор. Петр Петрович, не заступиться ли за вас?

Зябликов. Она была всегда такова. Что ж делать-то, я сам виноват. Я с самого начала сделал фальшивый

шаг; мне хотелось, чтоб меня заметили, чтобы об моем вкусе и остроумии говорили в Москве. Ну вот, таким-то манером я в два года потерял и состояние и аппетит; то есть расстроил и состояние и аппетит. *(Виктору.)* Вы смеетесь? Ну, что ж. Вы правы: поэты могут питаться воздухом и славой, а я нет. Я не сочиняю гимнов луне.

Входит Иван *с письмом.*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Иван и те же.

Иван. К вам, сударь, письмо. *(Подает Виктору.)*

Виктор. Кто принес?

Иван. Человек от...

Виктор *(взглянув адрес)*. Ну, довольно, знаю.

Иван. Мне идти прикажете?

Виктор. Подожди! *(Читает письмо.)*

Зябликов разговаривает с сестрой, которая, не слушая, смотрит на мужа.

Зябликов. Ты ведь знаешь немножко этого ангела Лидочку?

Любовь *(машинально)*. Да, знаю немножко.

Зябликов. Не правда ли, она до сих пор еще хороша?

Любовь. Да, хороша.

Виктор *(кладет письмо в карман халата)*. Иван!

Иван. Что прикажете?

Виктор. Шляпу и пальто из кабинета.

Иван. Слушаю-с!

Виктор. Постой! В гардеробе два чемодана. Ты возьми маленький и положи туда что нужно дня на два. Поскорее!

Иван уходит.

Любовь. Что это значит, Виктор?

Зябликов. Да, сударь, что это значит?

Виктор *(несколько сконфузясь)*. Ничего не значит. Мне непременно нужно в Тверь.

Любовь. В Тверь?

Виктор. Да, очень важное дело, выгодное. Ты, Люба, не беспокойся: я мигом. Поеду сегодня и послезавтра вернусь. Я поеду с почтовым поездом в два часа. *(Смотрит на часы.)* Теперь час, полчаса на проезд. Будь же веселее, не серди меня!

Любовь *(улыбаясь)*. Да я очень весела.

Виктор. Если сегодня тебе вздумается в театр: Петр Петрович тебя проводит. Вы сделаете для меня эту услугу?

Зябликов. Что касается до услуг, только приказывайте. Я рожден для услуг.

Виктор. Потом вы мне расскажете, каково прошла пьеса.

Входит Иван с чемоданом, сюртуком, пальто и шляпой.

Что ты копаешься! *(Торопливо одевается перед зеркалом. Халат кладет на стул.)*

Любовь и Зябликов смотрят на него: она с печалью, Зябликов с удивлением.

Зябликов *(в сторону)*. Вот чудак!

Виктор *(небрежно)*. Извините! Я без церемонии.

Зябликов. Скажите пожалуйста! Это удивительно! Да сделайте одолжение, будьте как дома.

Виктор *(Ивану)*. Снеси чемодан вниз.

Иван. Слушаю-с! *(Уходит.)*

Виктор. Люба! Что это еще за новости? Что тут такого необыкновенного?

Любовь. Ничего.

Виктор. С чего же это ты надулась?

Любовь. Я надулась! Ты ошибаешься.

Виктор. Разве я не могу делать то, что мне нужно или что мне нравится? Неужели о всякой малости подавать тебе прошение и составлять протокол?

Зябликов *(про себя)*. Ого! Это новости!

Любовь. Кто тебе говорит об этом. Я от тебя ничего не требую.

Виктор *(сердито)*. Так и не вытягивай физиономию.

Любовь *(презрительно)*. Это ты вытянул физиономию.

Виктор. Ну, довольно! *(Смотрит с угрозой на жену.)*

Зябликов *(про себя)*. Это называется брак по страсти. *(Громко.)* Если я не ошибаюсь, у вашего подъезда остановилась карета. Кто-нибудь с визитом. Я этикета не люблю и потому скрываюсь. Если захочешь в театр, пришли за мной, я все на той же квартире. В пять я обедаю, до шести отдыхаю, а после к твоим услугам. *(Хочет идти.)*

Входит Иван.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Иван, потом барон и баронесса.

Иван. Барон и баронесса!

Любовь *(удивленная)*. Баронесса?

Входят барон и баронесса, которая, несколько смутившись при виде Зябликова, подходит к хозяйке, и обнимает ее, и не слишком тихо разговаривает.

Барон *(не замечая Зябликова)*. Да здравствует Любовь Ивановна в святилище муз! Дорогой наш поэт! *(Кладет руку на плечо Виктора.)*

Виктор. Имею честь кланяться, барон!

Барон. Что такие за слова: «Имею честь... Барон»... Называйте меня по имени,— имя мое самое историческое и стоит десяти баронств. Помпей Богданыч! Помпей! Сделайте милость, попробуйте произнести это имя, как оно широко и кругло выходит. Кроме шуток, это, батюшка, был первый человек своего времени.

Зябликов *(приближаясь)*. Да, но только после Цезаря, барон.

Барон. Та, та, та! Это вы, мой любезный! Извините, я вас не заметил. Руку, руку! Целый век мы не видали вас. Баронесса погибает с тоски по вас.

Зябликов *(довольный)*. Погибает?

Виктор *(с неудовольствием)*. Это что-то уж слишком.

Барон. Не правда ли, Лидочка, ты погибаешь с тоски от того, что господин Зябликов редко бывает у нас?

Баронесса. Погибаю? Ну, не скажу. *(Продолжает разговор с Любовью.)*

Барон. Она шутит, притворяется; я верно знаю, что она скучает. А насчет Цезаря, мой любезный, ученые еще спорят. Мне не далее как третьего дня друг мой, профессор политической экономии, говорил, что недавно вышло много замечательных сочинений, которые бросают новый свет на эту темную эпоху римской истории. Между прочим, книга одного француза... Какого это француза?.. Ну, уж эти французы! Никогда их не запомнишь. Помогите мне, Виктор Аполлоныч!

Виктор *(рассеянно)*. Не могу вам сказать, барон. Может быть. эта книга: Юлий Цезарь Ламартина.

Барон. Браво! Именно Юлий Цезарь Ламартина, да,

Ламартина. Еще он, кажется, участвовал в «Сыне Отечества». Не угодно ли? *(Подает табакерку Зябликову.)*

Зябликов. Благодарю, я не нюхаю.

Барон. Как, не нюхаете? Вот не ожидал! Как же мне говорили, что вы имеете решительно все пороки?

Зябликов *(низко кланяясь)*. Премного вам благодарен.

Барон. Я совсем не хочу вас обидеть. Между пороками есть различия: одни пороки — действительно пороки, а другие — собственно не пороки.

Зябликов. Пороки порочные и пороки беспорочные.

Барон. Ну, да, да, да! Именно так, превосходно!

Баронесса *(подходя к Виктору)*. Знаете ли, Виктор, я нахожу, что ваша жена так свежа *(смотрит на нее)*, что досадно. Совершенно розовый бутон. Мы с ней поговорили, теперь с вами. *(Подает Виктору руку, которую тот целует.)*

Виктор. Я очень тронут вашим вниманием к нашему семейству.

Баронесса *(тихо)*. Поедете?

Виктор *(тихо)*. Поеду.

Любовь *(про себя)*. Это она!

Зябликов *(про себя)*. Это он!

Баронесса *(подходя к Любови Ивановне)*. А ведь мы к вам, милая и добрая Любовь Ивановна, с большой просьбой...

Барон *(перебивая)*. Да, да, милая и добрая Любовь Ивановна, с очень большой просьбой.

Баронесса. В субботу вечером у нас будет небольшой кружок друзей. Самое избранное и умное общество. Я рассчитываю на вас. Ваше присутствие будет так приятно для наших знакомых.

Любовь *(кланяясь)*. Благодарю вас, баронесса! Я еще не успела привыкнуть к обществу. Я немного робка, воспитана по-деревенски. Во всяком случае, как будет угодно мужу.

Баронесса. В нем-то мы вполне уверены. *(Виктору.)* Вы приедете, не правда ли?

Виктор. С величайшей благодарностью принимаем ваше приглашение. Мы с женой не знаем, чем заплатить вам за ваши милости. Не угодно ли садиться?

Баронесса. Благодарю! Если бы в другое время, я бы с удовольствием. Нас ждет карета, нам пора

на железную дорогу. Представьте себе, мой муж вздумал прогуляться в Тверь.

Любовь *(с испугом)*. В Тверь?

Зябликов. Переселение гуртом.

Баронесса. Это вас удивляет? Но что ж делать. Нам нужно купить цветов, а там дешево продается целая оранжерея,— а также и фруктовые деревья. Можно бы эту покупку поручить кому-нибудь из знакомых, но свой глаз все-таки лучше.

Барон. Вот я говорю супруге моей, баронессе: Лидочка, давай-ка смастерим это дело сами. Пять часов туда, пять часов оттуда. Выберешь камелии, какие тебе понравятся. Сказано — сделано: велел Алешке закладывать серых — и марш. Если у вас есть какие-нибудь поручения, приказывайте. Послезавтра мы назад.

Виктор. Знаете ли, барон, какое счастье? Ведь и мне нужно в Тверь.

Барон. Бесподобно! А с каким поездом вы едете?

Виктор. В два часа.

Барон. Ну и прекрасно, едем вместе: вы будете развлекать мою супругу, баронессу. На меня этот проклятый пар производит страшное действие: только в вагон — сейчас же и засну, как тюлень.

Зябликов. Это что-то на меня похоже.

Барон. Как, и вы тоже? Ну, честь имею поздравить.

Зябликов. Железная дорога, портер и трагедия погружают меня в мертвый сон.

Барон. Да, вот, кстати, о трагедиях-то, любезнейший Петр Петрович, я было и забыл вам сказать: пожалуйте к нам в субботу вечером, премного обяжете. *(Жене.)* Так я говорю, Лидочка?

Баронесса. Конечно. Петр Петрович так любит танцы.

Зябликов. Пощадите, баронесса!

Баронесса. А танцовщиц еще более.

Зябликов *(про себя)*. Шпильки пошли.

Баронесса *(Виктору)*. Вы можете доехать до станции с нами в карете.

Виктор. Я боюсь вас стеснить, баронесса.

Зябликов. Теперь нет сомнения, это он.

Барон. Что за стеснение! В нашей карете десять человек усядутся. Теперь поклон да и вон, а то мы опоздаем.

Б а р о н е с с а *(прощаясь с Любовью)*. Прощайте и не сердитесь, что я увожу вашего мужа.

Л ю б о в ь. Сердиться! Что вы! Виктор так занят, много работает, маленькое развлечение ему здорово. *(Виктору.)* Прощай, мой друг; погода хорошая, общество отличное: это возвратит тебе хорошее расположение духа.

В и к т о р *(тихо)*. Ну, не делай сцены!

Л ю б о в ь. До свидания, баронесса!

Б а р о н е с с а. Еще раз прощайте, моя дорогая!

Б а р о н. Надо же и кончить когда-нибудь. Честь имею! кланяться, сударыня!

Л ю б о в ь. До свидания, барон!

Б а р о н *(Зябликову)*. Счастливо оставаться!

З я б л и к о в. Покойной ночи, приятного сна!

Б а р о н. Ах, разбойник!

В и к т о р *(Зябликову)*. Так я на вас надеюсь.

З я б л и к о в. Насчет театра? Будьте покойны.

Уходят: б а р о н е с с а, за ней б а р о н, потом В и к т о р.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Л ю б о в ь И в а н о в н а и З я б л и к о в.
Любовь вынимает из кармана халата письмо, несколько времени стоит в нерешительности, потом тихо и с волнением читает его.

З я б л и к о в *(рассуждает сам с собой)*. Как глуп я был! Надобно было, надобно было... да... при продолжительной и правильной осаде крепость должна была сдаться. Надо признаться, что я еще не совсем искусен. Я еще не умею с успехом доводить до конца завоевания баронесс. У меня нет высших соображений. А у поэта, кажется, есть эти высшие соображения.

Л ю б о в ь *(кончив читать, вскрикивает с отчаянием)*. Нет!

З я б л и к о в *(испугавшись)*. Ай, батюшки мои!

Л ю б о в ь *(жмет в руке письмо и в волнении ходит по сцене)*. Нет, я не могу стерпеть такого оскорбления.

З я б л и к о в. Любочка!

Л ю б о в ь *(не замечая его)*. Нет, я им не игрушка!

З я б л и к о в. Любочка!

Л ю б о в ь. Обманывать меня и потом смеяться надо мною, как над дурой!

З я б л и к о в *(про себя)*. Я начинаю понимать.

Любовь. Увидим, кто над кем посмеется!

Зябликов *(берет ее за руку)*. Сестрица!

Любовь *(отталкивает его)*. Убирайся!

Зябликов. Благодарю покорно! *(Хочет уйти.)*

Любовь. Постой! *(Подумав.)* Довольно, Любовь Ивановна, довольно. Пора кончить супружеские нежности. Глупо быть такой деревенской простотой и невинностью. Надо быть дамой современной, без предрассудков и без совести. Надо и тебе играть свою роль в этой смешной комедии, которую мы называем светом. Петя!

Зябликов. Здесь!

Любовь. В последний раз ты мне говорил о своем друге князе Киргизове.

Зябликов. Говорил.

Любовь. Ты говорил, что он неотступно просил тебя познакомить со мной?

Зябликов. Говорил.

Любовь. Ты говорил, что он мое знакомство предпочитает всем другим?

Зябликов. Говорил.

Любовь. Ну, прекрасно: слушай теперь.

Зябликов. Слушаю и не дышу.

Любовь. Хорош князь Киргизов?

Зябликов. Греческий профиль.

Любовь. Богат?

Зябликов. Мотает и играет, как Монте-Кристо.

Любовь. Ловок?

Зябликов. Первый лев.

Любовь. Ну, и прекрасно. Прошлый раз я тебе сказала, что ни под каким видом не желаю его видеть.

Зябликов. Правда.

Любовь. Теперь я другого мнения.

Зябликов. Обстоятельства переменяют людей.

Любовь *(дает ему руку)*. Ну, так по рукам?

Зябликов. По рукам.

Любовь. Представь мне сегодня вечером князя Киргизова. *(Уходит.)*

Зябликов. Прощайте! Первый человек, который мне попался навстречу, был горбатый. Древний римлянин возвратился бы домой. Ну, делать нечего. Пойдем искать князя Киргизова.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван входит, за ним Чернов в дорожном платье, с тростью, на голове шляпа.

Иван. Пожалуйте, сударь!
Чернов. Иду.
Иван *(подавая стул)*. Не угодно ли садиться?
Чернов. Сяду.
Иван. Откуда, сударь, приехать изволили?
Чернов. Из Нижнего.
Иван. Вы не родня ли нашей барыне?
Чернов. Нет.
Иван. Оне скоро будут. Оне почти что никогда и из дому-то не выходят: да сегодня у нас были кавалеры, такие веселые, так взманили их променаж сделать.
Чернов. А муж?
Иван. Виктор Аполлонович?
Чернов. Да.
Иван. Они теперича в Твери, хотели через день вернуться; а вот третий день их нет. К вечеру-с ждем непременно.
Чернов. Ты давно ли здесь служишь?
Иван. Два месяца, сударь.
Чернов. Отходить не думаешь?
Иван. Подумываю. Барыня у нас, надобно говорить, как есть настоящий ангел.
Чернов. Я знаю.
Иван. Не придираются за всякую малость. А барин так совсем другое дело: ужасти как горяч; чуть что не по нем, так совсем, как тигр, сделается! Сами барыня и то иногда не знают, что с ним делать.
Чернов. Что ты говоришь?
Иван. Верно говорю. А уж барыня наша, кажется, с кем хочешь уживется. Никак, звонят у подъезда? Мне, сударь, бежать надо.
Чернов. Постой на минуту!
Иван. Некогда, сударь.
Чернов. Не говори обо мне ни слова! Я хочу сюрприз сделать.
Иван. Слушаю, сударь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Чернов *(один)*. Изволите видеть: мужа нет дома, жена променаж делает с кавалерами. Что я говорил, то и вышло. Вот они, поэты! Ну, что ж, милая моя, сама захотела. Все барышни на один манер; представится им хорошая партия, человек солидный, благомыслящий, без пустяков в голове, того им не надобно. А набежит откуда-нибудь тощий стихоплет, бедный, без гроша в кармане,— ну, сходят с ума, точно бог знает какое сокровище. *(Вынимает из кармана письмо.)* А сокровище-то вот какие штуки выкидывает.

За сценой смех и голос Любови Ивановны.

Кажется, компания-то веселая. Куда бы спрятаться... да вот... и отлично! *(Уходит в дверь направо.)*

Князь *(за сценой)*. Вот прекрасно! Rions donc![1]

Любовь *(за сценой)*. Как ты глуп!

Зябликов *(за сценой)*. Это я сегодня уж в другой раз слышу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят: князь Киргизов, потом Любовь Ивановна и Зябликов, который поддерживает ее разорванное платье.

Киргизов. Идите потише, а то он совсем оторвет всю юбку. C'est magnifique![2]

Зябликов. Magnifique! Это со всяким может случиться.

Киргизов. Вы ошибаетесь. Люди хорошего тона не ходят ногами по подолам.

Зябликов. Что ж, они руками ходят?

Любовь. Сделайте одолжение, князь, на моем столике булавки. Подайте их.

Киргизов *(подавая булавки)*. Вот вам булавки, оне пронзительны, но не так, как ваши глаза.

Зябликов *(помогая Любови Ивановне закалывать платье)*. Вот вам комплимент из времен царя Гороха.

Любовь. Вот и готово. Посмотрите, князь, как мы умеем поправлять то, что мужчины испортят. *(Са-*

---

[1] Так посмеемся! *(франц.)*.
[2] Это прекрасно! *(франц.)*.

дится на кресло: справа князь, слева Зябликов, оба стоя.)

З я б л и к о в. Согласись, Любочка, что в деревне подобных скандалов не бывает. В деревне гуляют тихо, по дорогам широким, просторным; в столице все пути и стези гораздо опаснее.

К и р г и з о в. Ну, я не согласен. Вы тоже, я думаю, моего мнения, de mon avis?

Л ю б о в ь. Без сомнения. Смею ли я иметь другое мнение, кроме вашего, князь?

З я б л и к о в. Браво! Смею ли я иметь другое мнение? Князь, у вас пятьдесят тысяч дохода; поверьте, что с вами все будут соглашаться. Когда я, к великому моему несчастью, приехал в Москву, я тогда имел еще хорошее состояние: леса, поля и пастбища. Тогда говорили, что я подаю большие надежды, и со мной тоже все соглашались. Теперь, когда я употребил, с помощью друзей, уже две трети моего состояния в виде рейнвейна, шампанского и прочего, теперь уж мне говорят, что я все ошибаюсь,—

«Чтит бога земного,
Тельца золотого,
Весь нынешний свет,
Смотри и лей слезы, поэт!»

Эти стихи, хоть и не очень хороши, но зато совершенно справедливы: их писал твой муж. Прежде чем он женился на тебе, у него в голове была бездна идей и одна другой ядовитее. После свадьбы, когда он получил приданое, эта строгость к людям у него прошла. Он уж теперь не плачет в стихах, а сам поклоняется золотому тельцу.

Л ю б о в ь. Слышите, князь? Мой милый кузин острит над моим милым мужем.

К и р г и з о в. Да, да, над милым мужем.

Л ю б о в ь. Что с вами? Разве при вас нельзя произносить слово «муж»? Отчего вы надулись?

К н я з ь *(несколько смешавшись)*. C'est tout naturel, madame[1]; я должен с некоторым трепетом помышлять о товарище ваших дней.

Л ю б о в ь. О товарище чьих-нибудь других дней, а не моих. Вы, может быть, думаете, что у меня муж дюжинный, провинциальный, который не стыдится це-

---

[1] Это очень понятно, мадам *(франц.)*.

ловать свою жену при посторонних? Ошибаетесь, князь. У меня муж по последней моде, муж столичный, высшего сорта.

З я б л и к о в. Муж усовершенствованный.

Л ю б о в ь. Когда я была невестой и жила в деревне, я была для Виктора девушкой и грациозно обворожительной, и небесно чистой; я имела все обольщения красоты, все задатки счастья. Виктор в своих стихах величал меня то утренней звездой, то сиреной, то девой с очами серафима. Он клялся по три раза в день, что наша любовь будет бессмертна, как наши души; наша верность крепка, как гранит. Когда мы стали мужем и женой и переехали в Москву, все это стало смешно. Виктор постоянно в обществе, между дамами, и совершенно уверен, что человек с дарованием должен смотреть на жену, как на лишнюю мебель.

З я б л и к о в *(про себя)*. Вражда открытая.

К и р г и з о в. Это возмутительно. Cela m'etonne[1]. И вы это равнодушно переносите?

Л ю б о в ь. Что ж делать? Неужели мне плакать оттого, что муж мой не бывает дома? Что он предпочитает моей болтовне разговор светских дам? Неужели я должна приходить в отчаяние и взывать о помощи оттого, что муж мой позволяет мне быть в обществе милых и приятных молодых людей? *(Нежно смотрит на князя.)* Только в провинции плачутся на такие мелочи, потому что там не умеют жить порядочно: в столице стоны жертв превращаются в смех и шутки. Мы с мужем сошлись на этот счет. Мы оставили в деревне излишние супружеские нежности и привезли в Москву ту долю порядочности, которая позволяет нам разделиться на две половины, как депутатам в парламенте. Муж налево, жена направо. *(Показывая на боковые двери.)*

К и р г и з о в. Я консерватор: я — направо, в вашу партию.

З я б л и к о в. Уж это не слишком ли? Пользуясь правом родства, я призываю вас к порядку.

Л ю б о в ь *(с чувством, князю)*. А вы меня понимаете, кажется?

---

[1] Это удивляет меня *(франц.)*.

К н я з ь. Mon Dieu![1] Вас-то не понять!

Л ю б о в ь. С этих пор я рассчитываю на вашу дружбу, на вашу преданность. *(Жмет ему руку.)*

К и р г и з о в. Ваш навсегда, a toujours![2] *(Целует руку.)*

Л ю б о в ь. Который час, Петя?

З я б л и к о в. Час, в который пора все это кончить.

Л ю б о в ь *(встает, треплет Зябликова по щеке)*. Ты, кажется, мой миленький, не в духе?

З я б л и к о в. Нет, но двусмысленные положения мне расстраивают нервы. Ну, князь, я ухожу. Если вы расположены следовать по моим стопам, так пожалуйте. *(Подходит к двери.)*

К и р г и з о в. Он шутник.

Л ю б о в ь. До свиданья, князь!

К и р г и з о в. До свиданья!

Л ю б о в ь. Вспоминайте меня, и поскорее!

К и р г и з о в. Вы очаровательны.

Л ю б о в ь. Муж почти каждый вечер в театре.

К и р г и з о в. Ah! J'ai compris[3]. Еще раз прощайте!

З я б л и к о в. Пойдете вы или нет, наконец?

К и р г и з о в. Иду. Какой вы горячий!

З я б л и к о в. Горячий? Прогорелый разве? Пожалуйте! *(Показывая дверь.)*

К и р г и з о в. Allons![4] *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Л ю б о в ь, потом Ч е р н о в.

Л ю б о в ь *(садится к рабочему столику, склоняет голову на руки и плачет, не замечая Чернова, который тихо выходит из дверей и становится за ее стулом)*. Не могу, не могу, это выше сил моих! Я чувствую, что мое сердце разрывается. А что, если я ошибаюсь, если это только моя фантазия? *(Вынимает письмо из кармана.)* Я десять раз перечитываю это письмо,— и всякий раз ищу, нет ли там чего-нибудь нового. *(Читает.)* «Виктор Аполлоныч. Моему глупому мужу пришла в голову умная мысль прокатиться в Тверь. Мы едем сегодня в два часа и возвратимся зав-

---

[1] Боже! *(франц.)*.
[2] Навсегда! *(франц.)*.
[3] А! Я понял! *(франц.)*.
[4] Пошли! *(франц.)*.

тра. Сыщите какой-нибудь предлог обмануть жену, и поедемте вместе. Около половины второго я заеду за вами. Лидия!» *(С отчаянием.)* Найдите предлог обмануть жену! Эту доверчивую дурочку, жену! — да, мой отец был прав. Он говорил мне: выходи, Любочка, за него, если он тебе нравится, если ты его любишь, если ты думаешь, что он составит твое счастье; но знай, что поэтов окружают не столько музы небесные, сколько музы земные. Он говорил это, а едва ли и сам думал, что это сбудется. Что бы он теперь сказал, видя меня в таком положении?

Чернов. Он бы сказал: чему быть, тому не миновать.

Любовь *(бросаясь ему на шею)*. Ах, боже мой! Папенька! Это вы! *(Прячет письмо.)*

Чернов. Не прячь, не прячь, я все видел.

Любовь. Вы в Москве?

Чернов. Я все слышал.

Любовь. Где же вы были?

Чернов. Там! *(Указывает на дверь направо.)*

Любовь. И вы слышали... *(Опускает голову.)*

Чернов. Подыми голову! Что ты покраснела? Ты несчастлива, у тебя горе; ну, так будь смелее, надо с ним бороться. Если ты боишься, что твоих сил мало, я тебе помогу. Положись на меня и действуй смело!

Любовь. Ах, папенька!

Чернов. Я тебе говорил, что этот брак — афера. Ты была хорошенькая картинка, да, кроме того, в золотой рамке. Вот женихи больше и тянулись за рамкой-то. Дело обыкновенное. И Виктор твой тоже.

Любовь. Нет, папенька, нет! Я уж слишком снисходительна к Виктору, а вы уж несправедливы.

Чернов. Хорошо, кабы так.

Любовь *(горячо)*. Ах, папенька! Бывают в жизни женщины такие минуты, когда ей нужен весь ум и вся сила воли. В таком положении теперь я. Вы говорили, что нужно быть смелее, я действую смело. Вы уж знаете, какое оружие я выбрала.

Чернов. Довольно опасное.

Любовь. Что за дело?

Чернов. Можно уколоть пальчики, коли не умеешь владеть им.

Любовь. Э, полноте! Я знаю себя хорошо. Я умею владеть собой. Князь Киргизов...

Чернов *(с удивлением)*. Князь Киргизов!

Любовь. Он сейчас был у меня вместе с Петей. А что?

Чернов. Ничего, ничего. Продолжай!

Любовь. Он пустой волокита, недальнего ума, полуфранцуз, полутатарин. Но мне такого и нужно. Он отлично одевается, борода самая модная, галантерейность первого сорта. Чего же мне лучше? Ну, пусть возвратится теперь мой муж из Твери. Милости просим! Он увидит, что кроткая голубка сделалась львицей! Узнаёте вы теперь свою дочь? Вы видите, что в моих жилах течет горячая кровь Черновых.

Виктор *(за сценой)*. Возьмите скорей чемодан из кареты барона и несите наверх.

Любовь *(с испугом)*. Ах! Он, он...

Чернов. Вот-те и горячая кровь Черновых! Стыдись! Ты ни в чем не виновата! Кого ты испугалась? Ведь он... ведь он... мошенник. Садись! *(Сажает ее насильно.)*

Любовь. Да, вы правы, не надо выходить из позиции... Ха, ха, ха! *(Поет.)*
«La donna é mobile,
Qual piuma al vento,
Muta d'accento.
E di pensier».

Входит Виктор, читая газету.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Виктор и те же.

Виктор *(читая газету и не замечая ни Чернова, ни Любови)*. Важные перемены...

Любовь. Это ты, Виктор? Здравствуй! Я не ждала тебя так скоро.

Виктор *(продолжая читать)*. Я, кажется, обещал воротиться еще вчера.

Любовь. Вчера? А я и забыла.

Виктор. Благодарю!

Любовь. Разве у меня одно это в голове? Ты знаешь, сколько у женщин забот, поневоле забудешь. Скажи, пожалуйста, весело в Твери?

Виктор. Почему я знаю?

Любовь. Конечно, ты ведь был очень занят делом. Ах, дела, дела! От них с ума сойдешь!

Виктор. Именно сойдешь.

Любовь. Все-таки ты хорошо прокатился?

В и к т о р. Отлично!
Л ю б о в ь. И милая баронесса также?
В и к т о р. Также.
Л ю б о в ь. Про барона уж и говорить нечего?
В и к т о р. Он все спал.
Л ю б о в ь. Какой милый!
В и к т о р. Прекрасный человек!
Л ю б о в ь. Отличный! На нем хоть воду вози. *(Меняя тон.)* Однако, Виктор, когда ты прочтешь все известия из Калькутты, обрати внимание на папеньку, он желает с тобой познакомиться.
В и к т о р *(удивленный, роняет газету; Любовь ее поднимает)*. Что ты! Где? *(Увидав Чернова, который стоит без движения.)* Боже мой, Иван Фомич в Москве! Наконец-то. И не скажешь ни слова! Хорошо, Иван Фомич!
Ч е р н о в. Вы были заняты литературой, я это занятие уважаю.
В и к т о р. Вы все такой же шутник. Вы меня удивили. А давно ли, позвольте спросить?
Ч е р н о в *(грубо)*. Сейчас только.
В и к т о р. Тем лучше, мне все-таки не так совестно. Надеюсь, что вы у нас погостите.
Ч е р н о в. Очень недолго.
В и к т о р *(в сторону)*. Ну, еще беда не велика.
Ч е р н о в. Вы знаете, что я без деревни как рыба без воды. Я так привык к деревенским порядкам, что не могу жить без них. Там и жить здоровее,— и воздух чище, да и совесть чище.
В и к т о р. Все зависит от привычки. Вот мы с Любочкой не можем долго жить в деревне. А кстати, Иван Фомич, как вы нашли вашу дочку? Так же хороша, так же мила и так же любит своего негодного мужа, как и прежде.
Ч е р н о в. На мой взгляд, у ней только один недостаток.
В и к т о р. Догадываюсь: она потолстела немного.
Ч е р н о в. Нет, а то, что она очень вас любит.
В и к т о р. Какой вы проказник!
Л ю б о в ь *(хохочет, читая газету)*. Вот мило! Я этого не ожидала... Виктор.
В и к т о р. Что, моя радость? *(Смотрит на нее с удивлением, на платье и туалет ее.)*
Л ю б о в ь. Что ты на меня так смотришь?
В и к т о р. Ничего... но я не понимаю.

Л ю б о в ь. Чего не понимаешь?

В и к т о р. Вы выходили куда-нибудь? Выходили?

Л ю б о в ь. Еще бы! Я ходила гулять с братом и еще с одним господином.

В и к т о р *(удивленный)*. Еще с одним господином?

Л ю б о в ь. Да. Он давно желал со мной познакомиться; вчера Петя мне его представил. Он очень хороший молодой человек, немножко ломаный, немножко глупенек... но он очень мил и интересен...

В и к т о р. Люба!

Л ю б о в ь. Что?

В и к т о р. Ты или шутишь, или я не знаю, что такое.

Л ю б о в ь. Что за шутка!

В и к т о р. Знакомство, прогулки, наряды...

Л ю б о в ь. Ты это платье видел... Что ж такого, я нарядилась — я хочу нравиться и иметь обожателей. Наконец, что тут удивительного, что жена твоя хочет быть красивой и показываться в публику прилично одетой. Все это так просто, обыкновенно. Как вы скажете, папенька?

Ч е р н о в. В этом пока нет ничего дурного.

В и к т о р. Но этот господин милый, интересный.

Л ю б о в ь. Этот господин есть господин.

В и к т о р *(громко)*. Но как его имя?

Л ю б о в ь. У него 15 тысяч дохода, очень хороший голос, тенор...

В и к т о р *(громче)*. Имя? Я тебя спрашиваю.

Л ю б о в ь. Лошади, экипажи: все это прелесть.

В и к т о р *(с гневом)*. Но имя, имя? Глуха, что ли, ты? Его имя?

Входит И в а н.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

И в а н. Князь Киргизов.

Л ю б о в ь. Ну, вот он!

В и к т о р *(в сторону)*. Ах, черт его возьми!

Л ю б о в ь. Ты его знаешь?

В и к т о р. Нас нет дома.

Л ю б о в ь. Что ты, в уме ли? Я не прячусь ни от кого,— это твои же слова. *(Ивану.)* Проси!

В и к т о р *(с гневом, Ивану)*. Нет дома, говорят тебе.

И в а н уходит.

Л ю б о в ь. Тебя нет, так я дома. Я приму его в зале. *(Уходит.)*

В и к т о р. Несчастная! *(Хочет идти за нею.)*

Ч е р н о в *(останавливая его)*. Постойте!

В и к т о р *(сердито вырывается)*. Оставьте!

Ч е р н о в. Остановитесь, я вам говорю. Если князь вас увидит, он может сказать вам: заплатите деньги и деритесь.

В и к т о р *(пораженный)*. Как?

Ч е р н о в. Ну, теперь идите, коли хотите.

Виктор садится на стул и в отчаянии склоняет голову на руки.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме барона, роскошно убранная и освещенная. Главный вход и два другие: один в бальную залу, другой в комнату для игры; все покрыто богатыми драпировками. Посередине большой стол, покрытый приготовленной к чаю посудой, конфектами и вазами с цветами. Направо диван и стулья, налево небольшой столик, покрытый альбомами, журналами, газетами, окруженный стульями.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Б а р о н е с с а и В и к т о р сидят на диване. З я б л и к о в сидит у стола, где журналы, с газетой в руках. Б а р о н стоит подле большого стола. В глубине: д а м ы и к а в а л е р ы составляют различные группы. П р и с л у г а в богатых ливреях разносит мороженое, апельсины и прочее.

Б а р о н *(предлагая Зябликову чашку чаю)*. Не угодно ли?

З я б л и к о в. Благодарю, барон,— я не охотник. *(Продолжает читать.)*

Б а р о н. Тем хуже для вас. *(Берет поднос с конфектами и подносит дамам. Потом подходит к Виктору.)* Поэты должны любить сласти.

В и к т о р. Меня увольте.

Б а р о н *(ставя поднос на стол)*. Что же касается до моей жены, то и говорить нечего — она ненавидит сладкое. Мы оба любим друг друга как голуби, а вкусы наши диаметрально противоположны. Я люблю пирожки, а она их видеть не может. Ей по вкусу устри-

цы, а по мне хоть бы их и на свете не было. Я все ем с сахаром, а она с уксусом или с перцем.

Зябликов *(прерывая чтение)*. Очень понятно.

Барон. Что понятно, мой милый Петр Петрович?

Зябликов. Барон — сахар.

Барон. Сахар?

Зябликов. А баронесса — перец.

Барон. Перец?

Баронесса. Благодарю за комплимент.

Зябликов. Всегда к вашим услугам.

Баронесса. Прекрасный и оригинальный комплимент, так что можно подумать, что сейчас вычитали в «Будильнике».

Зябликов. Извините, я теперь читаю «Дамский журнал».

Баронесса. Прекрасно! Вероятно, статью «Искусство нравиться женщинам. Нравоучение для нищих духом»?

Зябликов. Нет! Тут есть две интересные статьи. *(Читает.)* Первая называется: «Головное украшение моего мужа», а вторая: «Лирические полеты мотылька».

Баронесса *(про себя)*. Наглец!

Зябликов. Тут еще стихи.

Барон. Серьезные или смешные?

Зябликов. Не умею сказать. Заглавие обещает много: «Еще один поцелуй, и умереть».

Баронесса *(Виктору)*. Ваши?

Виктор *(тихо)*. Осторожнее!

Барон. Еще один поцелуй, и умереть: что-нибудь смешное. Сделайте одолжение, прочтите.

Человек *(докладывает)*. Госпожа Жаворонкова и князь Киргизов.

Виктор. Это невозможно.

Входят: Любовь Ивановна и князь Киргизов. Зябликов и все гости встают с мест.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Любовь, Киргизов и те же.

Барон. Ничего невозможного нет на свете.

Любовь. Мне очень совестно, я нарушила вашу беседу.

Киргизов. Oh, le beau salon! C'est superbe![1]

Барон. Вы нам сделали превосходный сюрприз. А уж мы были в отчаянии: ваш негодный муж совсем отнял у нас надежду видеть вас.

Любовь *(баронессе)*. Хорошо ли я сделала?

Баронесса. Что ж тут дурного! Вы нам сделали дорогой подарок. Мы очень благодарны князю. Садитесь. *(Сажает подле себя на диван.)*

Барон *(подавая руку князю)*. Позвольте мне поздравить вас с успехами, которые вы делаете в завоевании сердец наших красавиц.

Киргизов. Это моя слабость... C'est mon affaire[2]. *(Разговаривает тихо с бароном.)*

Виктор *(тихо, Зябликову)*. Вы знаете?

Зябликов. Кое-что.

Виктор. Вы все знаете, я вам повторяю.

Зябликов. Как вам угодно.

Виктор. Я у вас потребую объяснения по этому случаю.

Баронесса *(рассматривает букет)*. Превосходный букет! Посмотрите, Виктор Аполлоныч,— какой прекрасный вкус у вашей жены.

Любовь. Букет составлен со вкусом, но я в этом не виновата, это подарок князя.

Виктор *(с неудовольствием)*. Князя?

Киргизов *(барону)*. Я вам говорю: нет.

Барон *(князю)*. Ну, как хотите, а тут что-нибудь должно быть.

Киргизов. Rien[3], честное слово... sur ma foi[4].

Баронесса. О чем вы там говорите? Я слышу какие-то клятвы.

Барон. Есть одно дельце, касающееся князя. Князь запирается, а я знаю, что это так же верно, как меня зовут Помпеем.

Зябликов. Я держу пари, что угадал. Вы говорите о пиковой девятке.

Виктор *(с волнением)*. Что такое?

Барон. Браво, Петр Петрович! о девятке пик.

Киргизов *(важно)*. Извините, господа. Я должен прекратить всякий разговор об этом предмете.

Слышна музыка контрданса.

[1] О, какой восхитительный салон! Превосходный! *(франц.)*.
[2] Это моя забота *(франц.)*.
[3] Ничего *(франц.)*.
[4] Честное слово *(франц.)*.

Барон. Оставим девятки и обратимся к дамам. Петр Петрович, берите даму и не заставляйте вас ждать.

Все гости встают и уходят за бароном.

Зябликов. Кузина, позвольте разорвать вам другое платье.

Любовь. Опоздали: я обещала первую кадриль князю.

Князь. Извините, первая обещана мне. *(Подает руку Любови Ивановне и уходит в залу.)*

Зябликов. Обещана ему! Роптать грех! *(Подает руку баронессе.)* Баронесса...

Баронесса. Извините! Я не могу. Я боюсь сделать фальшивый шаг.

Зябликов Неужели!

Баронесса. В той комнате играют, я советую вам попытать счастья в игре, потому что кто несчастлив в любви... знаете?

Зябликов. Советам опытных *(с ударением на этом слове)* дам я всегда следую. Пойду искать счастья. *(Виктору, тихо.)* Смотрите за князем. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Виктор и баронесса.

Баронесса. Вот и этот глупенький тоже ухаживает за мной.

Виктор. Скажите лучше, что и этот глупенький тоже жертва вашего кокетства.

Баронесса. Когда Зябликов приехал в Москву, он имел вид провинциала: в нем была и робость и простота, которые так нравятся женщинам, когда им успеют надоесть изысканные позы наших присяжных волокит. Тогда он мне нравился, но потом он изменился, стал похож на всех, и с тех пор он мне противен.

Виктор. И вы ему сказали очень учтиво: подите прочь.

Баронесса. Не сказала, но дала понять. Притом же в эту эпоху в моем сердце произошел радикальный переворот. Знакомства легкие, мимолетные мне надоели. Я почувствовала необходимость глубокой, бурной привязанности,— необходимость сильной страс-

ти. Ваши стихи, Виктор, зазвучали в моих ушах, как прелюдия музыки серьезной, торжественной. Мне суждено было полюбить вас, и я вас полюбила.

В и к т о р. С тем чтобы бросить меня при первом удобном случае.

Б а р о н е с с а. Вы несправедливы к себе; вы не имеете веры в свои достоинства.

В и к т о р. Перестанемте забавляться. Мы находимся в фальшивом положении. Мы оба не знаем, сколько действительного и сколько притворного в нашей любви. Мы как будто с вами играем две трагических роли в смешной комедии.

Б а р о н е с с а. Вы прежде так не говорили со мной.

В и к т о р *(напыщенно)*. Я люблю в вас светскую даму, люблю сферу, в которой вы находитесь, драгоценный ореол, который вас окружает. Но даже и этого не довольно для моего романа; в моем воображении я окружаю вас обаянием и властью, я сажаю вас на трон и издали любуюсь, как вы милуете и караете, даете жизнь и смерть. Да, баронесса, иной раз я с ума схожу. Мне кажется, что вы всемогущая царица; я говорю себе: бедный поэт, пой красоту твоей повелительницы!

Б а р о н е с с а. Послушайте меня, Виктор: спуститесь на землю.

В и к т о р *(не слушая ее)*. А вы, баронесса, что вы любите во мне? Вы не любите меня как человека: вы любите во мне только поэта, любите мои фантазии, мои идеи. Что вы хороши и увлекательны, что вы умны и грациозны, вы слышали сотни раз, но в прозе — в выражениях слишком обыкновенных; вам нужно, чтобы все это было повторено в стихах. И вот вы мне говорите: я снисхожу до тебя, покрываю тебя крылом своим, счастливлю тебя своей улыбкой, шепчу тебе на ухо сладкие слова любви. Поэт, зови Камену и пой хвалы мне, баронессе.

Б а р о н е с с а. Довольно, довольно!

В и к т о р *(переменив тон)*. Мы, баронесса, главные лица картины, но в глубине, в тени, другие фигуры, которых мы не можем спрятать от нас самих: добрый человек, который с улыбкою жмет мою руку,— ваш муж, бедная женщина, которая целует вас со слезами,— моя жена, и еще строгий и неподкупный судья: это публика.

Баронесса. Довольно, говорю я вам. Вы нынче нестерпимы. Вам бы остаться дома и рассуждать о суете мира сего. Впрочем, я догадываюсь. После появления вашей жены с князем я заметила в вас большую перемену. Вы дрожите, бледнеете. Короче: если к вам опять вернулась супружеская любовь, да еще в сопровождении ревности, так вы мне скажите заранее, чтобы я могла написать на дверях моего сердца: «заперто, по случаю смерти хозяина».

Виктор. Ах!..

Баронесса. Ну что?

Виктор. Вы шутите над вещами самыми серьезными.

Баронесса. Напротив — вы принимаете за серьезное самые пустые вещи.

Виктор. Если вы меня любите, вы должны прочесть в душе моей...

Баронесса. Что там читать-то?

Виктор. Беспокойство, подозрение, боязнь, укор самому себе...

Баронесса. Ну, я не имею счастья понимать вас. Или вы, или я нездоровы сегодня. Надо привести в равновесие наши чувства, пойдемте танцевать.

Идут в залу. Входят барон и князь, поддерживая Любовь Ивановну.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Барон, князь, Любовь Ивановна и те же.

Барон *(суетливо)*. Люди... Иван... Петр! Скорее мороженого, пуншу, одеколону...

Баронесса. Что сделалось?

Барон. Это ужасно!

Виктор. Ужасно?

Любовь. Не беспокойте никого, прошу вас.

Баронесса. Но что же...

Любовь. Ничего, ничего... маленькая дурнота, головокружение... Танцы... Жарко... Я, право, не знаю... Ну, вот и все прошло: я дышу свободно.

Барон. Вы дышите свободно. Ну, вот и отлично, и я тоже свободно дышу. *(Вздыхает.)*

Киргизов. Садитесь... *(Сажает Любовь Ивановну на диван.)* Cela va bien[1].

---

[1] Вот и хорошо *(франц.)*.

Л ю б о в ь. Мне совестно, я произвожу беспорядок. Баронесса, сделайте для меня одолжение — займите в кадрили с Виктором то место, которое мы с князем должны были занимать.

Б а р о н. Что за одолжение? Что за одолжение? Баронессе это даже будет приятно. *(Жене.)* Не правда ли, тебе будет приятно?

В и к т о р. Но как же она?

Б а р о н. Ваша жена не имеет в вас никакой нужды, она чувствует себя очень хорошо. И кроме того, здесь князь, который может ей прислуживать. Положитесь на него, как на каменную стену! Пойдемте! *(Уводит жену и Виктора.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Л ю б о в ь, к н я з ь, потом З я б л и к о в.

К и р г и з о в. Я очень опечален.

Л ю б о в ь. Чем?

К и р г и з о в. Не столько за вас, сколько за себя. Я признаюсь, я эгоист... Я опечален тем, что вы прервали лучший момент моей жизни. *(Вздыхает.)*

Л ю б о в ь. Мечты, князь, мечты.

К и р г и з о в. Нет, не мечты. Я видел в вас Терпсихору, порхающую между небом и землею.

Л ю б о в ь *(смеется)*. Вы переберете весь Олимп. Вчера я была грациозна, как Венера, и умна, как Минерва, сегодня у меня крылья Терпсихоры, завтра, вероятно, вы мне отдадите скипетр Юноны...

К и р г и з о в. Все это значит...

Л ю б о в ь. Все это значит, что вы любите мифологию.

К и р г и з о в. Все это значит, что я дурак и что je vous aime[1]. *(С сильными жестами.)*

Л ю б о в ь *(встает)*. Ах, боже мой! Говорите тише, вас могут услышать.

К и р г и з о в. Не будьте жестоки, не презирайте мольбы души страстной... frenetique[2].

Л ю б о в ь *(отходя)*. Тише, говорю вам! Мы после поговорим.

К и р г и з о в *(преследуя ее)*. Ах, где же?

Л ю б о в ь *(хочет идти)*. У меня дома.

Входит З я б л и к о в.

---

[1] Я люблю вас *(франц.)*.
[2] Пылкой, страстной *(франц.)*.

Киргизов *(преследуя ее)*. Когда?
Любовь. Завтра.
Киргизов. Час?
Любовь. В шесть.
Зябликов *(про себя)*. То были цветочки, теперь ягодки.
Киргизов *(падая на колени)*. Merci... merci...[1]. *(Увидав Зябликова, быстро встает.)*
Зябликов. Ничего, стойте, нужды нет.
Любовь. Петр Петрович!
Зябликов. Я так мимоходом. Я проигрался, иду искать утешения. *(Идет в залу.)*
Любовь. Остановись, мне тебя нужно!
Зябликов. Извините меня...

Гости входят и располагаются, как в начале акта.

Любовь *(тихо)*. Останься, иначе он может меня скомпрометировать. *(Подходит к Киргизову и тихо говорит с ним.)*
Зябликов *(про себя)*. Он может ее скомпрометировать? Тем лучше. Мне этого и хочется. Надо во что бы то ни стало отмстить этому поэту. *(Размышляет.)* Надо отнять у него жену. *(Делает жесты.)*
Любовь *(князю)*. Вы мне верите?
Киргизов. Если вы меня обнадежите...
Любовь. На этот раз я подаю вам надежду.
Киргизов. Vraiment?[2]
Любовь. Да.
Киргизов. Très bien![3] Вы меня воскрешаете
Зябликов *(топая ногой)*. Отлично!
Киргизов *(испугавшись)*. Mon Dieu![4]
Любовь. Что с тобой?
Зябликов. Ничего... это у меня нервное. Это со мной всегда, как надену белый галстук.
Киргизов. Так вы сядьте, mon ami[5].
Зябликов. Merci, mon ami![6] Не мешайте мне стоять на ногах, я ведь не мешаю вам стоять на коленях.

---

[1] Спасибо... спасибо... *(франц.)*.
[2] В самом деле? *(франц.)*.
[3] Отлично! *(франц.)*.
[4] Боже! *(франц.)*.
[5] Мой друг *(франц.)*.
[6] Спасибо, мой друг! *(франц.)*.

Киргизов. Ваш кузин всегда говорит глупости... toujours fou![1]

Зябликов. Прекрасно,— значит, я глуп, что... а вы умны, что... Мы таким образом дойдем до того, что волки станут баранами, а бараны волками.

Входят баронесса и Виктор.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Баронесса, Виктор и те же.

Баронесса. Кто же будут волки и кто бараны?

Зябликов. Волки те, которые позволяют себя кушать, а бараны те, которые будут кушать. *(Тихо, Виктору.)* Ваша жена назначила князю свидание завтра в шесть часов.

Виктор. Что вы говорите?

Зябликов. Мне это не нравится, но что же делать! Все мы смертны.

Виктор. Она?

Зябликов. Конечно, она. У нее такая голубиная душа. Будьте благоразумны и не выдавайте меня!

Баронесса. Ну, вот, вы опять расцвели.

Киргизов. Розы опять возвратились на свое место... à sa place[2].

Любовь. Это так: ничего, просто глупость! Во всяком случае, я благодарю вас за дружбу, которую вы мне оказываете.

Баронесса. Благодарите лучше князя, он показал истинно рыцарскую услужливость.

Киргизов. Ah, c'est mon devoir[3].

Любовь *(про себя)*. Ну, погоди ж ты. *(Громко.)* Да, князю нужно отдать справедливость. Его благородство напоминает времена крестовых походов и рыцарей «Круглого стола».

Виктор *(про себя)*. Несчастная!

Зябликов *(Виктору)*. Успокойтесь.

Любовь. Вы, баронесса, должны знать, как мы, женщины, дорого ценим преданность благородного сердца. *(Вздыхает.)*

---

[1] Всегда не в себе! *(франц.)*.
[2] На свое место *(франц.)*.
[3] Ах, это мой долг *(франц.)*.

Виктор. Это уж слишком.

Зябликов. Вы поберегите себя до завтра, до шести часов.

Баронесса. Я очень рада, что моя близость делает такие перемены в дамах, которым я делаю честь принимать у себя. Какой-нибудь час вы у меня в доме и уж сделали удивительные успехи. *(Про себя.)* Вот тебе!

Любовь. Каков учитель, таковы и ученики.

Баронесса. Вы сделались и грациознее, и находчивее, и остроумнее. Одним словом, если б у меня был любовник, я только его и ревновала бы к вашим улыбкам и к вашим нежным вздохам.

Любовь. А если бы у меня был, я охотно уступила бы его вам в полной уверенности, что он был бы совершенно счастлив под обаянием ваших прелестей и титулов.

Баронесса *(про себя)*. Деревня!

Любовь *(про себя)*. Ругательница!

Зябликов. Перестрелка. *(Увидя барона.)* А вот подвижной лазарет подбирает мертвых.

Входят барон и гости.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Барон и те же.

Барон *(отирая пот, Зябликову)*. Что с вами? Вы как будто чем-то недовольны.

Зябликов. Глядя...

Барон. Глядя по чему?

Зябликов. Глядя по погоде. Я подозреваю, что теперь северный ветер. Для меня северный ветер — то же, что безотвязный кредитор. Я боюсь северного ветра, как семи смертных грехов.

Барон. Вам надо было танцевать.

Зябликов. Я не мог по неимению средств.

Барон. По неимению средств?

Зябликов. Я вам объясню. Я хотел танцевать с милой сестрицей — но милая сестрица предпочла князя. Я хотел танцевать с баронессой, вашей супругой, но баронесса, ваша супруга, предпочла поэта. Таким образом, я остался как рак на мели.

Барон. Поцелуйте меня.

Зябликов. С удовольствием.

Барон. Я узнаю в вас второе издание меня самого: и я в подобных обстоятельствах всегда остаюсь как рак на мели.

Баронесса. Какие претензии! Господин Зябликов из тех людей, которые всегда требуют, а сами ничего не дают. Если вам угодно, чтоб Любовь Ивановна выбрала вас своим кавалером, вы должны были иметь столько же любезности, сколько князь.

Киргизов. Ah! Oui, c'est bon[1] — любезности.

Баронесса. Вы должны были посвятить себя ей, подарить великолепный букет, быть обольстительным до такой степени, чтобы вырвать из объятий родительских и привести к нам танцевать.

Любовь. Ну вот, братец, вот тебе драгоценные уроки, умей ими воспользоваться при случае. Баронесса по этой части знает очень много, и ей без спору принадлежит титул воспитательницы.

Баронесса. Много чести для меня.

Любовь. Только справедливость, баронесса!

Киргизов *(про себя)*. Je suis faché, c'est un complot cela[2].

Барон *(Зябликову)*. Поняли?

Зябликов. Еще бы!

Барон. Моя жена — единственная женщина во всей Москве.

Зябликов. Единственная.

Барон. И достоинства ее во всей их глубине и обширности знаем только мы двое: я и он. *(Показывая на Виктора.)*

Зябликов. Вы со стороны прозы, а он со стороны поэзии.

Барон. А кстати, Виктор Аполлоныч, мы вас не выпустим сегодня без маленькой контрибуции. Стихов нам нужно, стихов. Я обещал моим благородным друзьям, что они услышат ваши произведения,— и они услышат.

Виктор. Сегодня я решительно не могу.

Барон. Ну уж нет, я дал моим гостям честное слово.

Виктор. Спросите у вашей жены, могу ли я читать сегодня.

---

[1] Здесь — Верно, верно *(франц.)*.
[2] Черт возьми, да это заговор *(франц.)*.

Зябликов. И на него, должно быть, действует северный ветер.

Барон. Ну, если не поэму, так идиллию, если не две тысячи стихов, так хоть двести, сто, пятьдесят, двадцать, один, наконец, но мы услышим. Лидочка, ты имеешь власть над поэтами, скажи ему одно словечко, задень его за живое.

Баронесса. Когда идет речь о том, чтоб исполнить желание публики, я думаю, что Виктор не заставит себя просить.

Виктор. Но, баронесса...

Баронесса. Ну, будьте же любезны. (*Тихо.*) Я хочу вас испытать.

Любовь. Послушай, мой друг, если баронесса приказывает, нужно исполнить.

Зябликов. Таким требованиям не отказывают. Разве Петрарка мог отказать в чем-нибудь Лауре?

Виктор (*про себя*). Я задыхаюсь от бешенства!

Баронесса. Читайте, я так хочу.

Барон. Итак...

Зябликов. Начнем.

Киргизов. Allons donc? [1]

Зябликов (*взяв газету*). Вот! Если не хотите читать своих стихов, прочитайте чужие. «Еще поцелуй, и умереть»,— стихотворение неизвестного.

Барон. Превосходно! Еще поцелуй, и умереть. А я-то и забыл совсем.

Киргизов. И умереть. Il y a de la tragédie là-dedans? [2]

Любовь. А вот послушаем, так узнаем.

Зябликов (*подает газету Виктору*). Ученому и книги в руки.

Виктор (*про себя*). Что за мучение!

Баронесса (*тихо*). Боитесь?.. Читайте.

Виктор (*читает*).

«О милый ангел, не зови
Моей печали непонятной!
То сердца вздох, но вздох приятный,
То меланхолия любви».

Барон. Браво, браво! Вот это стихи! «То сердца вздох». Как это натурально!

Зябликов. Вздох глубокий, как артезианский колодец.

---

[1] Начали? (*франц.*).
[2] А что там, трагедия? (*франц.*).

Любовь. Бедный поэт! Как заметно, что он в сей юдоли плача только и живет для запаха лилий и журчанья ручейков. *(Киргизову.)* Что вы скажете, князь?

Киргизов. Я всегда говорю то же, что и вы.

Баронесса. Читайте, не выдавайте себя.

Виктор *(читает с большим чувством)*.

«Когда тебя воображу я
В тот незабвенный, чудный миг,
Когда всю сладость поцелуя
Я, осчастливленный, постиг:
Я жгучей жаждою сгораю;
На пламенных устах моих
Я ту же сладость ощущаю,
Твой поцелуй горит на них».

Барон. Превосходно, превосходно! *(Берет чашку чаю и держит в руках.)*

Зябликов.

«На пламенных устах моих
Я ту же сладость ощущаю,
Твой поцелуй горит на них».
Вот это поцелуй!

Виктор *(читает)*.

«Одни мы были, сердца трепет
Любви признанья заглушал,
И лишь неясный робкий лепет
Всю силу страсти выражал».

Любовь *(громко хохочет)*. Ха! ха! ха! ха, ха, ха!

Виктор *(громко)*. Ну, довольно же наконец. *(Бросает газету.)*

Барон. Боже мой! Что случилось? *(Роняет чашку.)*

Зябликов. Ничего. Разбилась. *(Показывает чашку.)*

Общее смятение. Дамы и кавалеры встают.

Виктор. Князь Киргизов, мне нужно сказать вам несколько слов.

Киргизов. A vos ordres [1]. *(Подходит к нему.)*

Виктор *(тихо)*. Вы знаете мой адрес. Я вас жду завтра в шесть часов.

Киргизов. Слушаю.

Виктор. Нам надо кончить наши счеты.

Киргизов. Кончимте.

---

[1] К вашим услугам *(франц.)*.

В и к т о р. Любовь Ивановна, батюшка нас ждет. Я прошу извинения, господа, что нарушаю вашу компанию. С вашего позволения, баронесса. Честь имею кланяться, барон. *(Уходит с женой.)*

Музыка играет; д а м ы и к а в а л е р ы уходят в зал.

1-й к а в а л е р *(даме)*. Что вы скажете?

Д а м а. Скандал, больше ничего.

Б а р о н. Во сне это или наяву? Князь, прошу вас дать мне объяснение по этому случаю.

К и р г и з о в. Mon Dieu! [1] Почем я знаю? Господин Зябликов должен знать что-нибудь об этом. Честь имею кланяться. *(Уходит.)*

Б а р о н. Что это значит, любезнейший Петр Петрович?

З я б л и к о в. Меня не спрашивайте. Я невинен, как устрица. Баронесса должна знать что-нибудь. Честь имею кланяться... *(Уходит.)*

Б а р о н. Лидочка!

Б а р о н е с с а. Оставьте меня, вы мне давно надоели! Я иду спать. Занимайте ваше прекрасное общество.

Б а р о н *(стоит, задумавшись)*. Пойду занимать общество.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната 1-го действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Л ю б о в ь сидит. Входит Ч е р н о в, в шляпе, с палкой.

Ч е р н о в. Проклятые эти лестницы! *(Кладет палку и шляпу на стул.)*

Л ю б о в ь. Что вы, папаша? Вы гуляли?

Ч е р н о в. Гулял. Народу, народу! И все-то бегут, скачут, точно сумасшедшие. Поди-ка сюда!

Л ю б о в ь *(подходит)*. Что вам угодно?

Ч е р н о в. Ты что-то как будто повеселее стала.

---

[1] Боже! *(франц.)*.

Л ю б о в ь. Вам кажется?

Ч е р н о в. Давай бог! Нет ли каких новостей, для тебя приятных?

Л ю б о в ь. Очень приятные.

Ч е р н о в. Поделись с отцом!

Л ю б о в ь. Меня очень потешил Виктор: он ушел с грозным видом и в глубоком молчании.

Ч е р н о в. Смотри, дочка! Это шутки плохие.

Л ю б о в ь. Нет, я знаю, что делаю; я начала и должна кончить. Останавливаться нельзя; эта попытка стоила мне многих слез и унижения.

Ч е р н о в. Но твой муж, несчастная?

Л ю б о в ь. Он исправится.

Ч е р н о в. Он?

Л ю б о в ь. Исправится, говорю вам. Я в этом деле медик, а к медикам нужно иметь доверие.

Ч е р н о в. Ну, если ты медик, так медики должны знать все,— от них ничего скрывать не должно.

Л ю б о в ь. Что такое? Вы меня пугаете.

Ч е р н о в (*дает ей письмо*). Читай!

Л ю б о в ь (*читает*). «Друг мой, Иван Фомич, я обещал тебя уведомлять о поведении твоего зятя в Москве и всегда делал это с охотою. Но сегодня я бы с удовольствием сложил эту обязанность на кого-нибудь другого: так она мне тяжела и неприятна. В ночь 4-го февраля...». *(Читает про себя и потом несколько времени остается в задумчивости.)* Это жестоко, папаша!

Ч е р н о в. Что жестоко? Но я ли жесток?

Л ю б о в ь. Вы лишаете меня последней надежды.

Ч е р н о в. А хорошие медики никогда не отчаиваются. Будь смелее!

Л ю б о в ь. Ах, папаша! Смелее. Смелость у меня есть, но...

Чернов. Что же «но»?

Л ю б о в ь. Медик-то я хороший, да медикаментов-то у меня нет.

Ч е р н о в. Каких это медикаментов?

Л ю б о в ь. Догадайтесь, папа! *(Ласкаясь к нему.)*

Ч е р н о в. Пилюль — только золотых.

Л ю б о в ь. Ну, вот вы и догадались.

Ч е р н о в. Ну, так прописывай, а уж я, так и быть, отпущу.

Л ю б о в ь (*обнимая*). Ах, как я вам благодарна!

Чернов. Тише! Кажется, он идет. Я тебя с ним оставлю. Займись работой и не подавай ему виду.

Любовь. Не беспокойтесь, я свое дело знаю.

Чернов уходит. Любовь садится к столу. Виктор входит с пистолетами в руках, кладет их на письменный стол и тихими шагами подходит к жене.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Любовь и Виктор.

Виктор. Теперь шесть часов без четверти, видите? *(Показывая часы.)*

Любовь. Ну , так что же?

Виктор. Я хочу сказать, что тот, кого вы ждете, должен явиться скоро.

Любовь. Я никого не жду.

Виктор. Вы, милостивая государыня, слишком равнодушно относитесь к вашим приглашениям.

Любовь. Приглашениям?

Виктор. А князь Киргизов?

Любовь *(смеется)*. Да, вы правы. Бедный князь! Он у меня из головы вон.

Виктор. Я вас предупреждаю, что я сегодня не расположен смеяться.

Любовь. А я напротив. Если вы думаете, что я непременно должна разделять вашу меланхолию, так вы ошибаетесь.

Виктор. Вот видите ли, по странному стечению обстоятельств, я тоже жду князя и именно в этот час.

Любовь. Тем лучше.

Виктор. Мне нужно с ним объясниться.

Любовь. И отлично.

Виктор. Мы будем драться, сударыня.

Любовь. Ну, вот этому я не верю.

Виктор. Я повторяю, что мы будем драться.

Любовь. А я повторяю, что не верю. Если б вы имели это намерение, так вы бы дрались на другой день после ночи 4-го февраля.

Виктор. Что?

Любовь. Уберите это оружие! Если вы тогда не имели настолько благородства, чтобы взять его в руки, когда вас оскорбляли, на что теперь оно?

Виктор. Ночь 4-го февраля!

Л ю б о в ь. Да; эта ночь была позором для вас, для меня и для всех, кто хотел уважать вас, не зная вашего унижения.

В и к т о р. Молчите!

Л ю б о в ь *(встает)*. Вот вам: стол, покрытый серебром и золотом, карты! Князь Киргизов держит банк. Человек с важным видом, со святым вдохновением на челе, с возвышенными фразами на устах, одним словом, поэт, увлекся блеском презренного металла, ставит карту, проигрывает, другую тоже, шесть, десять, двадцать. Человек со вдохновением на челе теряет рассудок, даже стыд. Он проигрывает шестьсот, тысячу рублей на слово князю Киргизову. Тут одна карта случайно упала на пол... Прекрасный случай, фантазия нашего поэта разыгрывается. «Князь Киргизов, девятка пик упала из вашего рукава».— «Что вы говорите, несчастный!»— «Я говорю, что вы шулер!» — «Я сейчас же требую от вас удовлетворения».— «Я не дерусь с шулерами». И человек с вдохновением на челе имел столько храбрости, что бежал из дому, при оскорблениях и насмешках своего кредитора и при свистках всей компании. Для всякого другого это было бы не простой карточной ссорой, а вопросом совести и чести; но для детей Аполлона это ничего, мы забываем стыд и поем.

В и к т о р. Довольно, довольно! Разве ты не видишь, что я умираю? Не видишь ты, что у меня на лице отчаяние и смерть?

Л ю б о в ь. Ну, вот, теперь я поверю, что вы будете драться.

В и к т о р. Ты хочешь, чтоб я был убит?

Л ю б о в ь. Ах, нет! напротив, я хочу, чтоб ты остался жив. К тебе возвращаются благородные инстинкты: это хорошая перемена; можно надеяться, что ты вообще исправишься.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

С л у г а и т е ж е.

С л у г а. Князь Киргизов.

Л ю б о в ь. Проси!

С л у г а уходит.

А вы уходите вот сюда. *(Показывает налево.)*

В и к т о р. Я?

Л ю б о в ь. Уходите!

В и к т о р. Но...

Л ю б о в ь. Ну же! Здесь нас только двое! У одного из нас совесть чиста. Если это вы: поднимите голову и смотрите мне в глаза прямо. Если нет — уходите.

В и к т о р уходит сконфуженный. Любовь покрывает пистолеты платком, потом садится в кресло. Входит К и р г и з о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Л ю б о в ь и К и р г и з о в.

К и р г и з о в. Madame!

Л ю б о в ь *(любезно)*. Князь!

К и р г и з о в. Одни?

Л ю б о в ь. Одна с вами.

К и р г и з о в. Одни!

Л ю б о в ь. Что ж, разве вам это не нравится?

К и р г и з о в. Нет, mon Dieu, но...

Л ю б о в ь. Но что же?

К и р г и з о в. Вот видите ли, ваш муж...

Л ю б о в ь. Вы боитесь моего мужа? Мой муж не гиена. Во всяком случае, будьте покойны: Виктора нет дома, и он прежде ночи не возвратится.

К и р г и з о в. А! Нет дома?

Л ю б о в ь. Да.

К и р г и з о в. И прежде ночи не возвратится?

Л ю б о в ь. Да.

К и р г и з о в *(про себя)*. Он шутит со мной. C'est horrible [1]. Итак, тем лучше, я пользуюсь счастливым обстоятельством, чтоб изъявить вам чувства моего... de mon cœur [2] . . . чтобы сказать вам, сколько я страдал и какие питал надежды, чтоб повторять вам бесконечно, что я вас люблю, que je vous aime [3] и что жду от вас слова, в утешение... *(Становится на колени.)*

Л ю б о в ь. Князь, вот уж другой раз в одни сутки я вижу вас в таком положении. Это уж слишком...

К и р г и з о в. Я не тронусь с места! Ваше слово, ваше слово!

Л ю б о в ь. Позвольте. Князь, вы негодный человек!

---

[1] Это ужасно *(франц.)*.
[2] Моего сердца *(франц.)*.
[3] Что я вас люблю *(франц.)*.

Киргизов. Ах! *(Встает.)*

Любовь. На мой взгляд, вы негодный человек.

Киргизов. В каком смысле?

Любовь. Берите стул и садитесь.

Киргизов *(берет стул)*. Я вас слушаю.

Любовь. Поговорим откровенно. Вы представьте себе, что разговариваете с сестрой.

Киргизов. О, извольте! *(В сторону.)* Je m'agite [1].

Любовь. Вы встречаете на улице, в театре или где-нибудь красивую женщину, желаете с ней познакомиться, сблизиться, это очень естественно. Но только что она учтиво допустила вас в свой дом, только что дружески протянула вам свою руку,— вы уж сейчас думаете, что имеете право сомневаться в ее чести. Я очень хорошо знаю, что по-светски все это ничего не значит; но на языке обыкновенных честных людей такие поступки называются прямо своим именем, то есть: дурными и бесчестными.

Киргизов *(встает с неудовольствием)*. C'est juste [2]. Ваша проповедь очень хороша, но ко мне не относится.

Любовь. Почему же?

Киргизов. Потому что я не люблю вас.

Любовь *(смеется)*. Я это знаю.

Киргизов. Вы знаете?

Любовь. Да как же не знать. Милый мой, любовь сказывается в глазах, а не в коленях. Она выражается молчанием, а не объяснением. А вы уж слишком много преклоняли колена и объяснялись.

Киргизов. Madame!

Любовь. Что вам угодно?

Киргизов. Я начинаю думать...

Любовь. О чем думать, князь?

Киргизов. О том, что вы очень хорошая женщина, une véritable femme [3].

Любовь. Неужели? Ну, так садитесь и поговорим немного.

Киргизов *(про себя)*. Mais, c'est un demon! [4]

Любовь. Если вы меня не любите, зачем же вы при-

---

[1] Я взволнован *(франц.)*.
[2] Справедливо, вы правы *(франц.)*.
[3] Настоящая женщина *(франц.)*.
[4] Да ведь это черт! *(франц.)*.

езжаете ко мне и компрометируете имя и репутацию честной женщины?

К и р г и з о в. Зачем? Ну, я вам этого сказать не могу.

Л ю б о в ь. Ну, так я вам скажу. Тут очень дурной, очень злой умысел, недостойный благородного человека. Мой муж виноват перед вами, очень виноват! Не удивляйтесь, я все знаю. Он должен был дать вам удовлетворение и отказался. Вы хотели отомстить ему. Вы сказали себе: Виктор оскорбил мою честь в четырех стенах и при небольшом числе свидетелей. Ну, так оскорбление за оскорбление: я ему заплачу во сто раз, я внесу стыд в его дом и разглашу по площадям его бесчестье. Вы это сказали, князь, и хотели сделать. Сегодня идут разговоры по Москве: «Вчера был скандал у барона. Кто? Как? Отчего? Застали князя Киргизова на коленях перед женой Виктора Жаворонкова». *(Встает.)* Благодарю, князь, благодарю! Если вы и теперь желаете удовлетворения, мы согласны. Выбирайте секунданта, у мужа я буду секундантом.

Князь стоит пораженный. Выходит В и к т о р.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

В и к т о р и т е ж е.

В и к т о р. Ты ангел! Я тебя не стою.

К и р г и з о в. Vraiment! [1] Я и вы не стоим одного ее пальца.

В и к т о р. Я обещал вам кончить свои счеты с вами. Мы оба друг у друга в долгу; как же мы рассчитаемся?

К и р г и з о в. А вот как будет угодно вашей жене. Я все предоставляю ей.

Л ю б о в ь. Неужели, князь?

К и р г и з о в. Oui, madame [2].

Л ю б о в ь. Доверие ко мне полное?

К и р г и з о в. Полное.

Л ю б о в ь. Безграничное?

К и р г и з о в. Безграничное.

Любовь. Ну, так слушайте. Ваши счеты равны, и я их разрываю.

К и р г и з о в *(Виктору)*. Вашу руку!

---

[1] В самом деле! *(франц.)*.
[2] Да, сударыня *(франц.)*.

Л ю б о в ь. Погодите, князь! Мы кончили счеты моральные, теперь остаются долги денежные, которые нужно платить непременно.

Входит Ч е р н о в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ч е р н о в и т е ж е.

В и к т о р. Ах, это он еще здесь!

К и р г и з о в. Кто этот господин?

Л ю б о в ь. Этот господин мой отец.

К и р г и з о в. Что ему угодно?

Л ю б о в ь. Увидим.

Ч е р н о в *(подавая Киргизову переводное письмо)*. Князь Киргизов, деньги заплачены.

К и р г и з о в *(читает)*. «По сему переводному письму... Иван Чернов».

В и к т о р. Благодетель мой!

К и р г и з о в. Я не принимаю этого письма, господин Чернов.

Ч е р н о в. Карточные долги нужно платить, князь.

К и р г и з о в. Эти деньги не пойдут в прок, как сказал Вольтер, а я ему верю.

Л ю б о в ь. Князь, не спорьте: вы доверились мне.

К и р г и з о в. C'est-à-dire? [1]

Л ю б о в ь. Кладите в карман и не разговаривайте.

К и р г и з о в. Кладу в карман и не разговариваю.

Входит З я б л и к о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

З я б л и к о в и т е ж е.

З я б л и к о в *(в дверях)*. Можно войти?

Л ю б о в ь. Вы очень кстати. Пожалуйте!

З я б л и к о в. Ничего не пожалую. *(Становится на колена на пороге.)* Это положение не мое, а князя Киргизова, но я нахожу его удобным и принимаю.

К и р г и з о в. Le coquin! [2]

Ч е р н о в. Ну тебя с глупостями-то!

З я б л и к о в. Дядюшка, вы наш благодетель, я вас люблю, уважаю, почитаю, но не двинусь с места.

---

[1] То есть как? *(франц.)*.

[2] Ах, плут! *(франц.)*.

Я наделал преступлений и ожидаю решения. Если нужно молить богов, молите! Если нужно жертвоприношение — вот жертва! Нужно козла очищения — вот козел. Приносите меня в жертву. *(Наклоняет голову)*.

Киргизов. Ah, ah! C'est beau cela! [1]

Любовь. Ну, негодный, в силу данного мне полномочия, я вас прощаю и приказываю вам встать на ноги.

Зябликов. Значит, амнистия?

Любовь. Амнистия.

Зябликов. В этом случае я принимаю опять перпендикулярное положение и спешу облобызать милующую меня руку. *(Увидав пистолеты.)*

Киргизов. Опять?

Зябликов. Любезный братец, во-первых, поэты должны петь, а не драться; во-вторых, дуэль вещь возмутительная. Кому принадлежит этот артиллерийский парк?

Виктор. Кому они принадлежали, тот уж сдался на капитуляцию.

Входит Иван.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Иван, потом барон и баронесса.

Иван. Карета барона.

Все удивлены.

Любовь. Вовремя.

Барон *(за кулисами)*. Где они? Здоровы ли? *(Входит.)* Ах, слава богу! Иди, Лидочка, иди, они все живы.

Входит баронесса.

Представьте: мы сегодня весь день как на иголках. По Москве идут бог знает какие толки о вчерашнем происшествии в моем доме. Но все бы это ничего, мы бы не обратили внимания, но Алексей, наш кучер, встретил сегодня нашего общего друга на улице с пистолетами в руках. Пистолеты! Уж я не говорю, как мы испугались: я и это бедное создание. *(Показывая на баронессу.)* Надо было узнать, увидать, убедиться, услышать своими ушами, ощупать своими руками. И вот через две минуты мы здесь и

---

[1] Вот именно! *(франц.)*.

желаем получить необходимые сведения об этом печальном эпизоде нашей жизни.

Любовь, Зябликов и Виктор хохочут.

Что ж это значит, Лидочка: они смеются?

Б а р о н е с с а. В самом деле, это очень загадочно.

Л ю б о в ь. Загадка тут есть.

З я б л и к о в. Есть.

К и р г и з о в. Есть.

Л ю б о в ь. Но она легко отгадывается: мы все шутили.

З я б л и к о в. Шутили.

Б а р о н. Как, как, как? Сцена прошлой ночью?

Л ю б о в ь. Шутка.

З я б л и к о в. Шутка.

К и р г и з о в. Une plaisanterie [1].

Б а р о н. А пистолеты?

Л ю б о в ь. Шутка.

З я б л и к о в. Шутка.

К и р г и з о в. Une plaisanterie ?

Б а р о н е с с а *(тихо)*. А ваша ревность?

Л ю б о в ь. Тоже шутка — как и ваша любовь.

Б а р о н. Сударыня, я не жалуюсь, я не делаю вам упреков. Но общественное мнение, но строгий суд света?

Л ю б о в ь. Успокойтесь! То, что происходило в вашем доме, до вас нисколько не касается.

З я б л и к о в. Нисколько.

Л ю б о в ь. О баронессе кто же имеет говорить что-нибудь?

З я б л и к о в. Никто.

К и р г и з о в. Personne [2].

Л ю б о в ь. Мой братец Зябликов не боится строгого суда света. Князь выше предрассудков.

К и р г и з о в. Oui, madame [3].

Л ю б о в ь. Остаемся Виктор и я... а мы поищем спасения от злословия и клеветы где-нибудь подальше, хоть на берегах Волги. *(Обнимает отца.)*

Ч е р н о в. Так-то вот лучше.

З я б л и к о в. На подножный корм.

Б а р о н е с с а *(Виктору, тихо)*. Это правда? Вы оставляете Москву?

В и к т о р *(тихо)*. Меня похищает жена.

---

[1] Шутка (насмешка) *(франц.)*.
[2] Никто *(франц.)*.
[3] Да, сударыня *(франц.)*.

Б а р о н е с с а *(про себя)*. Ребенок!

Б а р о н *(тихо)*. Madame, позвольте мне исполнить долг дружбы. Говорят, что вчерашние стихи писал ваш муж. *(Подает ей газету.)*

Л ю б о в ь. Барон, позвольте мне исполнить долг благодарности. Это писала ваша жена.

К и р г и з о в *(Зябликову)*. Qu'est ce que c'est que ça? [1]

З я б л и к о в. Увидишь.

Л ю б о в ь *(читает)*. «Еще поцелуй, и умереть...». *(Продолжает про себя.)*

Б а р о н *(читает)*. «Этот дурак, мой муж...». *(Читает про себя.)*

В и к т о р. Что это такое?

Л ю б о в ь. Ничего. Шарада. Мы ее разгадаем в деревне.

Б а р о н е с с а *(барону)*. Что это такое?

Б а р о н. Ничего, шарада. Мы ее разгадаем в карете.

Б а р о н е с с а *(Зябликову)*. Вашу руку.

З я б л и к о в. Извините, я боюсь сделать фальшивый шаг.

Б а р о н е с с а *(князю)*. Вашу руку, князь!

К и р г и з о в. Pardon, у меня есть важное дело.

Б а р о н е с с а *(мужу)*. Вашу руку, негодный!

Б а р о н. Это я слышу в первый раз в жизни.

Б а р о н е с с а. Я задыхаюсь от бешенства! *(Уходит, таща за собой б а р о н а)*.

Л ю б о в ь. Ну, папаша, что же вы скажете?

Ч е р н о в. Скажу, что в Москву ехать мне было скучно, а из Москвы будет весело.

В и к т о р. Вместе с детьми.

Ч е р н о в. Хорошо бы!

З я б л и к о в. И с племянником.

Л ю б о в ь. И ты тоже?

З я б л и к о в. Да, еду в деревню — возвратить рассудок и поправить аппетит.

Л ю б о в ь. И увидишь Лизу, которая все еще тебя любит.

З я б л и к о в. Меня любить? Ну, так я женюсь на ней. А вы, князь, вы остаетесь в Москве; так если какая-нибудь баронесса или танцовщица спросит вас об Викторе или обо мне — вы скажете: «Заблудшие овцы возвратились в овчарню».

---

[1] Это еще что такое? *(франц.)*.

РАБСТВО МУЖЕЙ

Комедия в трех картинах

Сюжет заимствован из французской пьесы А. ДЕ ЛЕРИ: «Les maris sont esclaves»

ЛИЦА:

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРЕСНОВ.

ВЕРА ПЕТРОВНА,
жена его.

МАШЕНЬКА,
ее сестра.

ФОМА ФОМИЧ,
дядя Преснова, старый холостяк.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУЛЯЕВ,
друг Преснова.

ПРОКОФИЙ,
слуга Преснова.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Зала — двери: выходная и две по сторонам, налево окно, направо фортепьяно; посредине круглый стол, между столом и окном диван, у окна маленький столик.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Преснов, Вера Петровна и Фома Фомич входят из двери направо.

Фома. На дачу, на дачу, непременно на дачу! И поближе к морю! Гулять, гулять, все лето гулять! Отчего я так свеж? Оттого что гуляю. Я вчера целый день гулял от Стрельны до Ораниенбаума и обратно и сейчас с Петергофской дороги пришел пешком.

Вера. Да, на дачу, непременно на дачу! И для меня и для моего ребенка это необходимо.

Преснов. Я с вами согласен; но вы только подумайте, сколько затруднений!

Фома. «Затруднений, затруднений»! Скажите пожалуйста! Какие это затруднения?

Преснов. А служба-то!

Фома *(передразнивая его)*. «А служба-то!» А железные дороги-то! Для чего же они и сделаны, как не для того, чтобы возить страстных мужей к их нежным женам.

Преснов. А может быть, и для того, чтобы возить нежных жен.

Фома. Не бойся: жены от мужей не уедут. Они крепко за вас уцепились. Если надо кому бежать, так это вам, мужьям, от жен.

Вера. Благодарю, дядюшка!

Фома. Не стоит благодарности.

Преснов. Мне иной раз целый день случится пробыть в городе. И мне без жены будет скучно, и ей без меня.

Фома. Вот я всю жизнь без жены, да мне не скучно.

Вера. Попробуйте, женитесь.

Фома. Покорно вас благодарю. *(Садится на диван.)*

Вера. Не стоит благодарности. Однако мы удалились от вопроса. У меня есть еще причина, почему дачу нанять необходимо. *(Мужу.)* Сестре Маше пора замуж.

Фома *(вставая)*. Что такое? Что такое?

Вера. Это до вас, Фома Фомич, не касается. *(Мужу.)* На даче гораздо легче свести знакомство: там скорее могут оценить ее прекрасный характер; на дачу чаще

приезжают молодые люди; а ведь Машу стоит только увидать, чтоб влюбиться в нее.

Фома *(опять садясь)*. Каково это сидеть и слушать, как строят ковы и козни, как изготовляют для нашего брата ловушки! Кто ты, несчастный? Ты, может быть, ходишь, бродишь, веселый такой, песенки напеваешь, о беде и не думаешь,— и вот ты приедешь на дачу повеселиться, выпить бутылочку винца, как следует порядочному человеку, — и вдруг тебя, раба божьего,— цап, и на веревочку!

Вера *(мужу)*. Тебе об этом надобно подумать, у нее родных нет.

Преснов. Да, действительно, надо серьезно подумать. Эта девушка может доставить счастье всякому порядочному человеку.

Фома. Да почем ты это все знаешь?

Преснов. Она прелестная девушка.

Вера. С очаровательным характером.

Преснов. Любит моего сына, значит, будет отличной матерью.

Вера. Любит моего мужа, значит, будет отличной женой.

Фома. Постойте, постойте! *(Громче.)* Погодите! Я не успею отвечать вам. Вы говорите много, а про логику забыли. Повторяйте по порядку, что вы сказали, тогда можно будет отвечать вам: я вас разобью в пух, не трогая тяжелой артиллерии.

Преснов. Едва ли! Я говорю, что она прелестная девушка, я ее знаю с детства.

Фома. Из этого только следует, что она может и остаться прелестной девушкой, а какова будет женой — неизвестно.

Вера. Я говорю, что у нее очаровательный характер.

Фома. У всех девушек очаровательный характер, когти отрастут после свадьбы.

Вера. Отчего ж у меня не выросли?

Фома. «Не выросли, не выросли»! Еще вырастут, не отчаивайтесь.

Преснов. Я говорю, что она любит детей и, следовательно, будет отличной матерью. Ну, что вы на это скажете?

Фома. Любить чужих детей не то что своих; чужих только целуют, а за своими надо ухаживать: а это не все равно.

Вера. Я вижу, как она любит моего мужа, как же она должна любить своего?

Фома. Своего? А может быть, у ней только и есть способность любить чужих мужей. Тогда своему-то барыша не много.

Вера. Я не хочу с вами говорить.

Фома. И я не хочу.

Вера *(мужу)*. Послушай, мой друг, это дело решено, мы едем на дачу. Надо освежиться, надо пожить в природе. *(Обнимает мужа.)* Ах, как легко быть счастливой, как счастье доступно! В хорошей веселой местности любимый муж, милый ребенок, несколько истинных друзей...

Преснов. Муж, ребенок — все это возможно; а истинных друзей, душа моя, так мало.

Фома. Мало, да, кроме того, я буду сторожем ходить кругом дачи и, из любви к человечеству, гонять истинных друзей,— особенно молодых, чтобы из них кого-нибудь не женили.

Преснов. Где взять много; хорошо бы хоть одного истинного друга!

Вера. Такого, как Гуляев, про которого ты мне так часто говоришь.

Фома. Какой такой Гуляев?

Преснов. Вы его не знаете; вы были с эскадрой в другом полушарии, когда я с ним познакомился. Да, это был искренний друг. Но вот уж два года пропал без вести.

Вера. Как это странно!

Преснов. Да, он вдруг исчез, не простившись ни с кем. Я его искал, везде расспрашивал,— все напрасно... И я уж не надеюсь...

Вера. Ну, довольно, я вижу, что этот разговор тебя расстроивает.

Преснов. Я об нем часто думаю... У него было прекрасное сердце, и ты бы его полюбила... Были у него и недостатки, как у всех нас, но были и свои достоинства. Восприимчивый, добрый малый, немного слаб был характером, но единственно по доброте. Он любил иногда оригинальничать, но сам же первый смеялся над собой. Веселый, живой, способный скоро увлечься, а главное, неизменно преданный. Он постоянно жил для других и забывал о себе.

Вера. Да, мой друг, это очень редкие качества.

П р е с н о в. Я подобного характера и не знаю, разве вот у твоей сестры. Ах, если б он был здесь...
Ф о м а. Ах, если б его не было!
В е р а. Его и так нет, не бойтесь!
П р е с н о в. Позвольте нам хоть помечтать, дядюшка.

Входит П р о к о ф и й.

Что тебе?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

П р е с н о в, В е р а, Ф о м а Ф о м и ч и П р о к о ф и й.

П р о к о ф и й. Вас, сударь, кто-то спрашивает.
П р е с н о в. Мне теперь некогда. Кто такой?
П р о к о ф и й. Вот, мне карточку дали. *(Подает карточку.)* Не насчет ли квартиры?
П р е с н о в. Боже мой! Гуляев! Скажите пожалуйста!
В е р а. Неужели это он, твой друг?
П р е с н о в. Проси скорей! Гуляев! А мы только что об нем говорили. *(Бежит к двери.)* Вот он!

Входит Г у л я е в. П р о к о ф и й уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П р е с н о в, В е р а, Ф о м а Ф о м и ч и Г у л я е в.

Г у л я е в *(обнимая Преснова)*. Вот он!
П р е с н о в. Наконец-то я увидал тебя!
Г у л я е в *(заметя Веру)*. Mais pardon... [1].
П р е с н о в. Жена моя.
Г у л я е в. Как, эта дама...
П р е с н о в. Жена моя, жена!

Гуляев оглядывает комнату.

Чего ты ищешь?
Г у л я е в. Ничего, ничего. *(В сторону.)* Где же блондинка?
П р е с н о в. Ну, позволь же, я тебя познакомлю. *(Жене.)* Василий Николаевич Гуляев. *(Гуляеву.)* Жена моя Вера Петровна. А этот почтенный человек — дядюшка мой, Фома Фомич.

Гуляев подает руку Фоме Фомичу.

---

[1] Простите *(франц.)*.

Ф о м а *(со вздохом)*. Ах, молодой человек!

Г у л я е в. Я не думал встретить тебя женатым.

П р е с н о в. Ты не думал; а я вот, слава богу, женат.

Ф о м а. А я, слава богу, не женат, молодой человек.

П р е с н о в. Это тебе нисколько не помеха. Мы оба будем любить тебя.

Г у л я е в. Благодарю... *(В сторону.)* Где же блондинка?

П р е с н о в. Ты, пожалуйста, не стесняйся. В наших отношениях ничего не изменилось, будем свободны по-старому, жена нам позволяет. Поговорим о тебе. Что ты сделал? Откуда явился?

Садятся: Вера на диване подле Фомы Фомича, Преснов сзади стола, Гуляев с левой стороны стола.

Г у л я е в. Я объехал весь свет: был в Испании, в Египте, в Турции, немного в Индии и много в других местах.

П р е с н о в. Что же ты нам порасскажешь?

Г у л я е в. Видел много, а рассказывать нечего; а открытия мои, признаюсь, хуже твоих.

П р е с н о в. Ну, я тебя предупреждаю: жена комплиментов не любит.

В е р а. Говорите проще, мне будет гораздо приятнее. Муж мне так часто и много говорил об вас, что я уж привыкла считать себя вашей старой знакомой. Я прошу вас точно так же относиться ко мне. *(Протягивает руку.)*

Г у л я е в *(подходит и берет руку)*. Это уж слишком для меня,— я так тронут: вы меня извините, если...

П р е с н о в. Не беспокойся.

Гуляев садится.

Ф о м а. Да, вы не беспокойтесь!

Г у л я е в *(Преснову, тихо)*. Я немножко не понимаю твоего дядюшку.

П р е с н о в *(тихо)*. Поймешь после, он добрый чудак. *(Громко.)* Но представьте себе, в ту самую минуту, как мы говорили, что нам для полного счастья не достает только тебя, мне подали твою карточку.

Г у л я е в. Сколько раз и я вспоминал о тебе. Но на что же я вам? Вы и так счастливы, вы друг друга любите.

П р е с н о в. Так что же?

Г у л я е в. В таком случае третий — часто лишний.

П р е с н о в. Когда ты будешь лишний, мы тебя прогоним.

Гуляев. Правда?

Преснов. Будь уверен.

Вера. Разговаривайте, господа, а у меня есть дело. *(Встает.)*

Гуляев *(встает)*. Не уйти ли и мне?

Вера. Зачем? Вы меня извините, что я веду себя с вами попросту. *(Мужу.)* Меня сестра дожидается, нам нужно кой-что приготовить.

Преснов *(Гуляеву)*. Да, в самом деле, ты кстати приехал: у нас послезавтра годовщина нашей свадьбы. Мы потанцуем; если успеем переехать на дачу — так на даче; а то здесь.

Вера. Мы рассчитываем также и на вас: вы не откажетесь, не правда ли? *(Мужу.)* Когда мы кончим, мы придем за тобой, чтобы ехать вместе. *(Гуляеву.)* Я не говорю вам прощайте, а до свидания. *(Фоме Фомичу.)* Дядюшка!

Преснов. Не тронь его, он спит, он так устал.

Фома *(просыпаясь)*. А?

Вера. Наймите нам дачу, какая вам понравится, и дайте задаток.

Фома. Хорошо. *(Засыпает.)*

Вера уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Преснов, Фома Фомич и Гуляев.

Преснов *(Гуляеву, который подходит к окну)*. Что ты там смотришь?

Гуляев. Я считаю этажи... Ты во втором?

Преснов. Да.

Гуляев. Так это здесь. Я тебе объясню после. Ну, как твои дела?

Преснов. Нет, прежде о твоих. Расскажи мне, каким образом ты вдруг скрылся на целых два года — и никого не предупредил, даже и меня.

Гуляев. Да, я виноват перед тобой, извини меня... но мне не было времени... обстоятельства были так важны... такая опасность грозила мне.

Преснов. Опасность?

Гуляев. Ужасная... меня хотели женить.

Фома. А, вот оно что!

Гуляев на него смотрит.

П р е с н о в. Он, должно быть, во сне.

Ф о м а *(встает с дивана)*. Как не во сне!

П р е с н о в *(Гуляеву)*. Неужели правда? И ты бежал в Индию?

Г у л я е в. Убежишь. Я говорю тебе, что меня хотели женить. Ты меня знаешь, я человек слабый, защититься я не в силах; я испугался за свою свободу, дорогую свободу... И давай бог ноги.

Ф о м а. И расчудесно.

П р е с н о в. У тебя все еще старые идеи, которые ты прежде мне проповедовал.

Г у л я е в. Да, я ненавижу супружества... Но я проповедовал в пустыне, все-таки ты, бедняк, попался. А мы еще говорим, что живем в век прогресса; освобождаем рабов, а сами охотой идем в рабы, то есть женимся.

Ф о м а. Браво! Ну, браво! Вот оно...

П р е с н о в. Брак — старый обычай, даже очень старый, я согласен; но все-таки хороший.

Г у л я е в. Все мужья так говорят; они нарочно скрывают свои раны, чтоб не испугать новобранцев.

Ф о м а. Так, так... Вот оно! Вот как умные-то люди говорят.

П р е с н о в. Но ведь и женщины согласны с нами.

Г у л я е в. Ну, да как же им не соглашаться! Ты знаешь, для чего они выходят замуж?

П р е с н о в. Чтобы иметь хозяйство, детей.

Г у л я е в. Совсем нет! Чтоб иметь слугу — мужа,— лакея, раба, который все обязан делать, что его ни заставь.

Ф о м а *(Преснову)*. Вот, слышишь, слышишь! Теперь я не боюсь за вас, благородный молодой человек. Позвольте вас поцеловать. *(Целует Гуляева.)* Я вам друг на всю жизнь, я теперь от вас не отстану,— я буду заходить к вам каждый день, утверждать вас и сам утверждаться в ваших правилах. А теперь я могу отправиться нанимать дачу, совершенно покойный на ваш счет, вас не обманут. Прощайте! *(Уходит.)*

П р е с н о в. Поздравляю тебя с союзником! Но послушай, разве ты не веришь, что есть женщины добрые, милые, добродетельные?

Г у л я е в. Увы! Добродетельных много.

П р е с н о в. К чему же «увы»?

Г у л я е в. Ох! Добродетель их очень дорого обходится,— добродетельная женщина почти всегда имеет дурной характер, но и вообще у всех женщин одна только страсть: властвовать и еще властвовать.

П р е с н о в. А мужчины, как бараны, знают только одно: повиноваться и повиноваться. Видимо до какого вздора ты договорился. Я тебе скажу про себя: я очень счастлив, потому что моя Вера...

Г у л я е в. Прекрасная, я с этим согласен; но все-таки она женщина.

П р е с н о в. И нисколько не думает властвовать.

Г у л я е в. И ты свободен так же, как и до свадьбы?

П р е с н о в. Совершенно.

Г у л я е в. Ты уходишь, приходишь, когда хочешь?

П р е с н о в. Конечно. И не имею никакой надобности спасаться в Индии. Ну, а ты что сделал со своей золотой свободой?

Г у л я е в. Почти ничего. Свободен, и только.

П р е с н о в. Иногда скучаешь?

Г у л я е в. Да, бывает.

П р е с н о в. А я не скучаю.

Г у л я е в. Тем лучше. Я не люблю брака, но я люблю тебя, полюблю твою жену, твоего ребенка... я вижу, что ты доволен; до остального мне дела нет.

П р е с н о в. И прекрасно. Но как ты нашел мою квартиру?

Садятся на диван.

Г у л я е в. Я тебя давно ищу по Петербургу, и только сегодня удалось...

П р е с н о в. Каким образом?

Г у л я е в. А вот видишь ли, квартиры стали очень дороги. За свою прежнюю дрянную квартиру я платил шестьсот рублей; а теперь хозяин просит за нее тысячу; ну, я, чтоб его не обидеть, стал искать в другом месте. И нанял против тебя,— гляди, вон этаж.

П р е с н о в. Третий?

Г у л я е в. Третий. А ты во втором... я очень часто в этом окне видал очаровательную девушку, лет семнадцати, блондинку.

П р е с н о в. Это сестра моей жены, Маша.

Г у л я е в. Сестра твоей жены?

П р е с н о в. Добрая, милая девушка.

Г у л я е в. И блондинка. С некоторых пор черные волосы

мне неприятны... я имею на то свои причины... ты не подумай... я смотрел так, машинально.

Преснов. Что ж, тут ничего дурного нет.

Гуляев. Я думаю. Сегодня я вдруг вижу профиль, правда, не такой грациозный, но твой,— бросаюсь через улицу и совершенно счастлив, что наконец нашел тебя!

Преснов. Однако причина тому, что мы свиделись, все-таки Маша. Я ее поблагодарю, и ты поблагодари; ты будешь с ней танцевать послезавтра.

Гуляев. Пожалуй; но мне, собственно, нужно одного тебя; приходи ко мне сегодня на холостой обед вспомнить старину.

Преснов. Невозможно, мой друг. Я сегодня у тещи.

Гуляев *(встает)*. Что я говорил? Вот она, цепь-то супружества... я обедаю у тещи.

Преснов. Но ты понимаешь...

Гуляев. Очень хорошо! Завтра у дяди, потом у тетки, потом жена в гости, у сына зубы режутся...

Преснов. Будь по-твоему, не станем спорить! Но ведь ты свободен?

Гуляев. Как птица.

Преснов. Так не оставляй нас. Мы едем прокатиться на острова.

Гуляев. Хорошо... но мне нужно сбегать домой, я жду письма по одному серьезному делу: у меня, мой друг, есть важная забота, о которой поговорим после.

Прокофий входит.

Прокофий. Барыня велела сказать, что они через десять минут будут готовы.

Гуляев. Ну, положим, через двадцать,— этого для меня довольно.

Преснов. Не опоздай!

Гуляев. Не бойся, я ведь не на привязи, я свободен. До свидания! *(Уходит.)*

Прокофий отворяет ему дверь и возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Преснов и Прокофий.

Прокофий. Будете, сударь, одеваться?

Преснов. Нет, я так поеду. Дай мне шляпу!

Прокофий *(ищет шляпу)*. Это, сударь, ваш знакомый?

Пренов. Да, и очень близкий. Куда я дел перчатки?

Прокофий. Он, сударь, живет насупротив нас.

Преснов. Я знаю.

Прокофий *(подавая шляпу)*. Перчатки в шляпе-с.

Преснов. Подай палку!

Прокофий *(ищет палку)*. А барыню-то вы, сударь, знаете?

Преснов. Что ты врешь! Какую барыню? Он не женат.

Прокофий. Я знаю, что не женат-с.

Преснов. Скоро ли ты?

Прокофий. Да я не знаю, где палка-с.

Преснов. Кто тебе сказал про барыню?

Прокофий. Я ведь, сударь, ничего про них дурного... *(Увидав палку у окна.)* Вот она-с.

Преснов *(смотрит в окно)*. Кто?

Прокофий. Палка-с. *(Подает.)*

Преснов. Ты, Прокофий, не сплетничай, я не люблю...

Прокофий. Я, сударь, никогда. Только что разве... у них вот швейцар мне земляк, так иногда разговоримся мимоходом, когда за чем пошлете.

Преснов. Оттого-то тебя никогда и не дождешься, что ты разные сплетни слушаешь.

Прокофий. Да, окромя того, я сам ее видал сколько раз в окно... она говорит так громко, что нехотя остановишься да взглянешь.

Преснов. Ты видал отсюда? Разве она живет...

Прокофий. С ним, сударь... я думал, что она жена ихняя... потому приказывает себя звать госпожой Гуляевой.

Преснов. Она носит его фамилию?

Прокофий. Да-с. А барин холостой; так уж это как же-с? А вот, если раскричится...

Преснов. Как раскричится?

Прокофий. А когда рассердится... А коли уж очень, так уж тут все бить, что под руку попало.

Преснов. Еще лучше!

Прокофий. Это, говорит, хорошо для успокоения нерв.

Преснов. Возможно ли?

Прокофий. Уж это, сударь, верно. Вот в последний раз двенадцать тарелок да миску. Я тогда убирал ваш кабинет... вон там в третьем этаже.

П р е с н о в. Ну, довольно!

П р о к о ф и й. Да, жаль, сударь... Г⟨осподин⟩ Гуляев такой прекрасный барин...

П р е с н о в. Я не люблю никаких историй, ты береги их про себя. Слышишь?

П р о к о ф и й. Слушаю-с.

П р е с н о в. Ступай!

П р о к о ф и й уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П р е с н о в, потом В е р а и М а ш е н ь к а.

П р е с н о в. У него женщина... Гуляев... он так любит приличие... и какая женщина! Над которой смеются лакеи, которая кричит, колотит посуду.

Входят В е р а и М а ш е н ь к а, с картоном, который ставят на стол.

В е р а. Мы готовы, мой друг.

П р е с н о в. Проворно.

В е р а. Что это, упрек?

М а ш е н ь к а. Или эпиграмма?

П р е с н о в. Ни то, ни другое. Я сам хочу просить у вас извинения, что не готов, то есть я жду Гуляева, который хотел с нами ехать.

В е р а. Он поедет?

П р е с н о в. Не напрасно ли я его пригласил, душа моя?

В е р а. Нисколько.

М а ш е н ь к а *(открывая картон)*. В ожидании вашего друга посмотрите мою покупку.

П р е с н о в. Цветы?

М а ш е н ь к а. Венок для твоей жены... Вера не хвалит... Скажите, кто это г⟨осподин⟩ Гуляев: знаю я его или нет?

Преснов садится на диван.

В е р а. Нет, это друг мужа, он недавно приехал из Турции, из Индии, уж не знаю откуда, и сразу меня обидел.

П р е с н о в. Тебя?

В е р а. Я шучу. *(Машеньке.)* Представь себе: он думал, что Jean еще холостой, и, увидав меня, вытаращил глаза... *(Мужу.)* Между нами, он порядочный ори-

гинал. *(Машеньке.)* Но, кажется, у него доброе сердце.

Преснов. Это справедливо.

Машенька *(вынув венок)*. Нравится тебе?

Преснов. Я в этом ничего не понимаю... для меня только то и хорошо, что жена носит. Подожди Гуляева, он знаток тонкий.

Машенька. В таком же роде, вероятно; он хвалит прическу только на тех дамах, которые ему нравятся.

Преснов. Нет, он человек со вкусом. А вот и доказательство: он спрашивал меня, что за прелестное создание он часто видит здесь у окна.

Вера. Ты заставляешь ее краснеть.

Машенька. Я знаю, зачем он говорит комплименты... он хочет загладить вину своего друга, который заставляет нас дожидаться... Но вы оба его что-то уж очень хвалите. *(Садится.)*

Входит Прокофий, потом Гуляев.

Прокофий. Господин Гуляев.

Все встают.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Преснов, Вера, Машенька и Гуляев.

Преснов. Поскорей!

Гуляев *(кланяясь)*. Извините!

Преснов. Хорошо, хорошо — нам пора, поедем!

Гуляев. Вот что...

Преснов *(представляет его Машеньке, которая переносит цветы на маленький столик к окну)*. Моя belle soeur [1].

Гуляев *(кланяясь)*. Ах! *(В сторону.)* Это она!

Преснов. Ты в своей медленности извинишься перед ней дорогой.

Гуляев *(в замешательстве)*. Я в отчаянии, но... дело... безотлагательное...

Преснов. Тебя задержало... ничего... дамы простят.

Гуляев. Нет, к несчастью... я не могу.

Преснов. Как не можешь?

---

[1] Свояченица *(франц.)*.

Г у л я е в. Я так рад был твоему приглашению!.. но я забыл, что мне нет времени.

В е р а. Вы не можете с нами ехать?

П р е с н о в. Ведь ты мне обещал...откажись от своего дела.

Г у л я е в. Нет, нет, это невозможно!.. Это может иметь неприятные последствия.

П р е с н о в. Да, помню, важная забота, о которой ты мне намекнул.

Г у л я е в. Да, да! Она часто меня задерживает.

П р е с н о в. Кто, она?

Г у л я е в. Эта забота... я боюсь, что и послезавтра...

П р е с н о в. Ты не будешь у нас! Ну, уж этого я тебе не прощу никогда.

В е р а. У нас будут все наши друзья...

П р е с н о в. Да как же? Я обещал Машеньке, что ты будешь танцевать с ней.

Г у л я е в. Непременно, если могу...

П р е с н о в. Ты можешь; я этого желаю.

В е р а. Нечего делать, надо от вас отказаться. *(Машеньке.)* Ты убрала цветы?

Г у л я е в *(в сторону)*. Вблизи она еще лучше.

П р е с н о в *(в сторону)*. Это странно.

В е р а *(Гуляеву)*. Муж говорит, что вы большой знаток. Что вы скажете об этом венке?

П р е с н о в. Это вкус Марьи Петровны.

Г у л я е в. Очаровательно!

В е р а. Вы были в Турции и должны знать язык цветов.

Г у л я е в. Знаю очень хорошо, и если вам угодно...

П р е с н о в. А как же твое дело?

Г у л я е в. Час или полчаса я могу быть совершенно свободен. *(Садится к столу.)*

Входит П р о к о ф и й.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

П р о к о ф и й *(Гуляеву)*. Вас, сударь, спрашивают.

П р е с н о в. Кто?

П р о к о ф и й. Одна особа, которая... Она там внизу-с.

П р е с н о в. Как, она...

П р о к о ф и й. Она, особа-с... она очень кричит.

Г у л я е в *(быстро встает)*. Что такое? Что такое?

П р е с н о в. Одна особа желает тебя видеть.

П р о к о ф и й. И сердится-с.

Г у л я е в *(смущенный)*. Ах, я знаю! да, это мой поверенный.

П р о к о ф и й. Он пришел за вами.

В е р а. Проси сюда!

Г у л я е в. Нет, нет! Нет, нет! Скажи ему, что сейчас буду, сию минуту.

П р о к о ф и й уходит.

В е р а. А что ж язык цветов?

Г у л я е в. В другое время; извините... эти люди такие...

П р е с н о в. Да, я знаю их: тебе надо идти скорее...

В е р а. Приходите послезавтра!

П р е с н о в. Ведь ты совершенно свободен.

Г у л я е в. Да, да... послезавтра! *(Кланяется.)* Madame, mademoiselle.

П р о к о ф и й. Поверенный выходит из себя-с.

Г у л я е в убегает.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Гуляева.
Кабинет. У задней стены камин, с правой стороны, на заднем плане, библиотека, с левой, на заднем плане, окно. Двери справа и слева; посреди комнаты, несколько направо, конторка. Между окном и дверью, с левой стороны, письменный стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г у л я е в *(выходит из двери направо и говорит в растворенную дверь)*. А! Вы не хотите пустить меня? Вы не хотите? Нет? Так я уйду... вот сейчас уйду... Будет с вас и того, что вы вчера осрамили меня; утащили меня от лучшего моего друга. И зачем? Зачем? я вас спрашиваю! Затем, чтоб ехать на Невский, хвастаться вашим неприличным нарядом. *(Заглядывает в дверь.)* Что вы говорите? *(Дверь захлопывают ему перед самым носом.)* Ей нечего отвечать... Нет, она знает, что я умею поставить на своем, если захочу. Ну, а мне только этого и надо, потому что, в сущности, мне уходить незачем. Только б она уступила мне, и довольно... ведь она не зла. *(Прислушивается.)* Вот принялась все бросать... это нервы...

это пройдет... В самом деле, лучше остаться, а то она сделает мне сцену, когда я вернусь... Конечно, такая причина меня не остановила бы... но ведь скучно... К тому же мне очень нужно писать письма. *(Слушает.)* Она молчит... Имея твердость в характере, с женщиной можно все сделать, что захочешь... *(Садится перед конторкой.)* Однако надо писать... Кто-то звонит... Кому бы мне написать? Вот уж не припомню... Хорошо бы написать г⟨осподину⟩ Цветикову, от которого зависит мое дело. Он должен был ответить мне тогда же, а я вот уже четыре дня жду ответа.

Звонят сильнее.

Черт возьми! Там кто-то выходит из терпения... Да, случайные люди всегда таковы, щедры только на обещания.

Слышатся голоса за дверью налево.

Как громко говорят! Что? Меня дома нет. *(Встает и идет к двери.)* Что такое! Кого нужно? *(Отворяет дверь.)*

Входит П р е с н о в.

А, Преснов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гуляев и Преснов.

П р е с н о в. Ты велел говорить, что тебя дома нет?

Г у л я е в *(в дверь)*. Зачем ты это сказала?

Дверь затворяется.

П р е с н о в. Она уверяла меня, что тебя нет дома.

Г у л я е в. Как же она смела!.. *(В сторону.)* Опять ее штуки.

П р е с н о в. Значит, ты не давал такого приказания?

Г у л я е в. Конечно, нет!.. Или по крайней мере вышло недоразумение! Я только сказал, что запрусь писать письма. Для тебя я всегда дома... если б ты сказал заранее.

П р е с н о в. Да я и не думал быть у тебя: мне нужно много ездить по случаю завтрашнего вечера.

Г у л я е в. Ах, да... Садись, пожалуйста.

П р е с н о в. Да, отдохнуть надо, я избегал весь Петербург. *(Садится.)*

Г у л я е в. Исполняя приказания.

П р е с н о в. Уж такова участь мужей.

Г у л я е в. Мороженое, пирожное... фрукты.

П р е с н о в. Музыканты.

Г у л я е в. Цветы и так далее.

П р е с н о в. Ведь ты сам говорил вчера про нас, бедных мужей, что мы слуги, рабы.

Г у л я е в. Неужели ты сердишься на меня за это?

П р е с н о в. И не думал. Ты видишь, что я укрываюсь у тебя, пришел искать немножко свободы.

Г у л я е в. Ну, отдохни, бедный раб! Не хочешь ли сигару?

П р е с н о в Нет, благодарю.

Г у л я е в. Значит, не велено?

П р е с н о в. О, нет!

Г у л я е в. То есть запрещено, да не очень строго.

П р е с н о в. А ты не пользуйся своими привилегиями! Конечно, ты совершенно свободный человек, оттого-то я не верю твоей вчерашней угрозе.

Г у л я е в. Какой угрозе?

П р е с н о в. Не быть у меня на балу.

Г у л я е в. Ах, извини! *(Берет его за руку.)* Я боюсь, что дела...

П р е с н о в. Какие дела в десять часов вечера?

Г у л я е в. Иногда случаются... Нет, ты не говори...

П р е с н о в. Послушай! Одно только и может быть: Аглая тебя не пустит.

Г у л я е в. Как? Что ты говоришь?

П р е с н о в. Я говорю: не пустит Аглая.

Г у л я е в. А, ты знаешь все?

П р е с н о в. Очень хорошо... по слухам: про нее много говорят.

Г у л я е в. Разве говорят? *(В сторону.)* Стоило менять квартиру.

П р е с н о в. Об ней говорят много хорошего.

Г у л я е в. Неужели?

П р е с н о в. Много.

Г у л я е в *(в сторону)*. Удивительно! *(Громко.)* Все-таки скажи откровенно, когда ты услыхал о ней, тебе показалось странным?

П р е с н о в. Совсем нет. Ты тверд в своих принципах, ты не женат.

Г у л я е в. Нет, нет! Я ничем не связан, не давал никакой клятвы.

П р е с н о в. Ты можешь с ней говорить решительно, ты господин у себя.

Г у л я е в. Могу.

П р е с н о в. Можешь даже разорвать...

Г у л я е в. Что разрывать! Я ничем не связан, никакой цепью. Но, скажи мне, правда ли, что об ней отзываются хорошо?

П р е с н о в. Да, во-первых, говорят, что она красавица.

Г у л я е в. Правда, она не дурна: греческий нос, большие, прекрасной формы глаза, черные волосы, фигура.

П р е с н о в. Говорят, что умна.

Г у л я е в. Очень... природный ум, знаешь ли... Есть тоже кой-какие таланты: она недурно барабанит на фортепьяно... характер у ней...

П р е с н о в. Тоже хвалят...

Г у л я е в *(забывшись)*. Ну вот еще! Не может быть.

П р е с н о в. Разве неправда?

Г у л я е в. О, нет! Она очень смирна... нервная женщина, но очень смирна.

П р е с н о в. Впрочем, я подозреваю, что она немножко горяча.

Г у л я е в. А, ты подозреваешь? Почему же?

П р е с н о в. Когда вчера она утащила тебя от нас... ведь твой поверенный был — она: Прокофий мне говорил.

Г у л я е в *(вскакивая с места)*. При дамах?

П р е с н о в. Нет, мне одному.

Г у л я е в. Это все-таки лучше.

П р е с н о в. Из этого поступка я заключаю, что у ней есть тоже, как ты выражаешься, желание властвовать.

Г у л я е в *(прислонясь к конторке)*. Да, на первый взгляд может показаться, что она горяча, она очень жива... но зато добра... отличная девушка... Вчера я сам был не прав, я обещал идти с ней гулять, а когда обещаешь...

П р е с н о в. Надо исполнять; твоя правда.

Г у л я е в. Мужчина не должен обижать женщину.

П р е с н о в. Да, если он не тиран; а ты ведь... не тиран.

Г у л я е в *(в сторону)*. Смеется он, что ли, надо мной? *(Громко.)* Ты не думай, что если человек не женат, так уж он и избавлен от известной предупредитель-

пости... Напротив, я обязан быть внимательным к Аглае... она из семейства... уважаемого... она мне пожертвовала.

П р е с н о в. Своим положением в свете?

Г у л я е в. Нет... но своей будущностию... по увлечению, из любви.

П р е с н о в. Не спорю.

Г у л я е в. Я в ней так уверен; притом же у меня то преимущество перед мужьями, что мы ничем не связаны, и она во всякое время может оставить меня, если ей будет угодно.

П р е с н о в. В вас говорит сердце, а не расчет... и к тому же тобой не командуют — а это главное. И потому я жду тебя завтра непременно; в противном случае скажу, что Аглая...

Стук в дверь на левой стороне.

Г у л я е в. Стучат.

П р е с н о в. Не она ли это! Ты что-то испугался.

Г у л я е в. Я не испугался... она вошла бы, и...

П р е с н о в. Не постучавши.

Г у л я е в. Но совсем не нужно было тебе говорить так громко.

Опять стук.

П р е с н о в. Опять стучат.

Г у л я е в *(несколько встревоженный)*. Войдите.

Входит П р о к о ф и й с письмом.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г у л я е в, П р е с н о в и П р о к о ф и й.

П р е с н о в *(вставая)*. А, это Прокофий. *(Гуляеву.)* Я с тобой без церемоний; чтобы поскорее отделаться и пробыть у тебя подольше, я дал ему несколько поручений и позволил принести мне ответ сюда.

Г у л я е в. Будь как дома.

П р е с н о в. Что ж, видел ты капельмейстера?

П р о к о ф и й. Видел, сударь. Он говорит, что, если вы ему прибавите, у него насморк пройдет и он опять может играть на скрипке. Я обещал-с, он придет.

П р е с н о в. Ну, и прекрасно. Это письмо ко мне?

П р о к о ф и й *(подает письмо Гуляеву)*. Нет, это к ним-с. Вам бы, сударь, его не получить, кабы не я.

Гуляев. Это как же?

Прокофий. Я был внизу, когда пришел почтальон.

Гуляев. Ну что ж! Я и получил бы его.

Прокофий. Может, получили бы, а может, и нет.

Гуляев. Что за вздор ты говоришь!

Преснов. Что ты хочешь этим сказать? *(Видя, что Прокофий колеблется.)* Говори же!

Прокофий. Вот видите ли...

Преснов. Ну!

Прокофий. Как сказать-то-с? Наше дело сторона.

Преснов. Да ну же!

Гуляев *(в сторону)*. Опять Аглая!

Преснов *(Прокофию)*. Ты, видно, опять с земляком поговорил?

Прокофий. Самую малость, сударь.

Преснов. Ну, уж ты начал, так рассказывай.

Гуляев. Нет, не нужно. Я выше сплетен: мне приятнее ничего не слыхать.

Преснов. Как хочешь... однако бывают случаи, когда все лучше знать.

Гуляев *(в сторону)*. Чтоб посмеяться надо мной.

Преснов. Ты как будто боишься объяснения?

Гуляев. Я? Вот еще! Я ничего не боюсь, пусть его говорит.

Прокофий. Прикажете, сударь?

Преснов. Говори.

Прокофий. Вот в чем дело-с: я был у швейцара, пришел почтальон, я говорю: «Дайте мне письмо, я иду наверх к барину».

Преснов. И швейцар тебе отдал... Любопытная история!..

Прокофий. Отдал, да не вдруг-с. Говорит: барыня рассердится.

Преснов. Барыня?

Гуляев *(в сторону)*. Я так и знал. Каждый день новые штуки.

Преснов. Значит, все письма...

Прокофий. Поступают к барыне; «таков, говорит, приказ». А я говорю: «Чей приказ! Барыни? А барин, говорю, не приказывал». А он...

Гуляев *(с сердцем)*. Кто просит тебя вмешиваться! *(Сдерживаясь.)* Я в самом деле приказал, не то чтоб... но чтоб письма отдавались кому-нибудь из нас.

Преснов *(перебивая его)*. Ты пугаешься. *(Прокофию.)*

Посиди в передней, ты еще будешь нужен.

Прокофий. Я, сударь, внизу подожду.

Преснов. У швейцара? Нет, останься в передней, подожди меня!

Прокофий. Слушаю-с! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гуляев и Преснов.
Гуляев с волнением ходит по комнате, взглядывая от времени до времени на Преснова, потом останавливается перед ним.

Преснов. Напрасно ты принимаешь такой торжествующий вид.

Гуляев. Ты думаешь, что я не вижу тебя насквозь? Тебе очень хочется поймать меня на чем-нибудь... А вот не на чем, потому что письма ничего не доказывают. Она хочет видеть мои письма. Ну, так что ж? Нескромности с ее стороны нет... она и читать-то не умеет.

Преснов. А! Я не знал...

Гуляев. Тут одна любовь. Она меня очень любит, естественно, что и ревнует. Она не может отдавать себе отчета в своих поступках: она не воспитанна, не знает приличий, но... но... она добрая девушка. Не случилось бы никакой беды без твоего Прокофья и без тебя: вы во всем виноваты.

Преснов. Я виноват, что твои письма...

Гуляев. Конечно. Я бы ничего не знал, а теперь вы заставляете меня сердиться...

Преснов. И ты, для начала, сердишься на меня. Но оставим это. Прочти письмо, ты ждал ответа.

Гуляев. Теперь уж поздно ждать.

Преснов садится у камина, Гуляев распечатывает письмо и смотрит подпись.

А! Это от того значительного лица, которое мне покровительствует... он пишет о моем деле... отличное место!

Преснов. Ну, читай!

Гуляев *(читает)*. «Милостивый государь, я имел честь писать вам три дня тому назад, что ваша просьба была принята во внимание; я сообщил вам также, на каких условиях, и просил немедленно ответа. Молчание ваше заставляет меня заключить, что вы отка-

зываетесь от этого дела». А? Каково! Все против меня!

П р е с н о в. Он говорит, что писал тебе.

Г у л я е в. Да, три дня тому назад.

П р е с н о в. Ты получил письмо?

Г у л я е в. Да нет же. Неисправность почты...

П р е с н о в. Погоди! Ты не бросил ли, не разорвал ли его нечаянно?

Г у л я е в. Письмо, которого я ждал с таким нетерпением! Что ты!

П р е с н о в *(мешая в камине)*. Тут в золе целая куча бумаг.

Г у л я е в *(живо)*. Поглядим.

П р е с н о в *(вынимает щипцами конверт)*. Посмотри: не оно ли?

Г у л я е в. Тот же почерк.

П р е с н о в. Именно... И штемпель от 9-го числа.

Г у л я е в. А сегодня 12-е.

П р е с н о в. Значит, оно получено три дня тому назад.

Г у л я е в. Конверт пуст.

П р е с н о в. Письмо, должно быть, сожжено.

Г у л я е в. Это она сигару им раскуривала.

Пpеснов делает движение.

Ну, да! Боже мой!.. она курит... О, если б только это! *(После минутного молчания, с досадой бросает письмо на конторку.)* Смейся надо мной, я того стою.

П р е с н о в. Я смеяться над тобой не стану, ты это хорошо знаешь. Я понимаю всю затруднительность твоего положения. Аглая может иметь недостатки, но у ней есть ведь также свои достоинства.

Г у л я е в. Немного.

П р е с н о в. Как же не быть, если ты ее любишь.

Г у л я е в. Да нет, я ее не люблю. Я сам не знаю, как попал в такое положение. Я был один, скучал, встретил ее... Это была связь, самая легкая; остальное просто: мало-помалу я запутался... Но теперь она стала невыносима, и если б не любовь ее ко мне...

П р е с н о в. Ну, об ней мы поговорим после; сначала уладим твое дело. Надо устранить препятствия и сейчас же отправиться к этому господину.

Г у л я е в. Ты прав: может быть, еще не все потеряно.

П р е с н о в. Что ты ищешь?

Гуляев. Шляпу... Куда я ее поставил? А, на письменный стол. *(Идет к столу.)* Нет, я твердо помню, что поставил ее сюда.

Преснов. Переставил куда-нибудь.

Гуляев *(взбешенный)*. Нет, я понимаю, что это значит. Чтоб помешать мне уйти из дому... то же самое было два дня тому назад.

Преснов. Неужели она прячет твою шляпу?

Гуляев. Да, вот до чего мы дошли! Но мера переполнилась; запирать мои письма, распечатывать мою шляпу... нет, жечь мою шляпу... нет... Я наконец покажу себя, я докажу ей...

Преснов. Тебе это легко, ты не женат.

Гуляев. Не женат.

Преснов. Ты можешь делать все, что хочешь...

Гуляев. Да...

Преснов. Пойди и возьми шляпу.

Гуляев *(быстро идет направо)*. Да, пойду, ты увидишь. *(Отворяет дверь.)*

Аглая *(за дверью с досадой)*. Что там такое?

Гуляев *(кротко)*. Друг мой, не видала ли ты моей шляпы?

Аглая. Да, видела...

Гуляев входит, дверь затворяется.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Преснов один.

Преснов. Он боится жениться, чтоб не быть рабом? Бедный! Отказаться от порядочной девушки, которая во всем ему пара, и попасть под команду кому же? Аглае! Жалко! Гуляев парень добрый, он может составить счастье порядочной женщине. Лучше бы было. *(Садится перед конторкой.)* Посмотреть, от кого письмо. *(Смотрит на письмо.)* Да, это мой друг Цветиков! Ну, так мы устроим дело; мне стоит только повидаться с ним. Я поеду вместе с Гуляевым. *(Кричит в дверь: «Прокофий!»)*

Прокофий входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Преснов и Прокофий.

Прокофий. Звали, сударь?

Преснов. Да. Тебе еще куда-нибудь нужно или нет?

П р о к о ф и й. К кондитеру. Да это мне одна минута.

П р е с н о в. Хорошо. Иди скорее и на возвратном пути найми карету.

П р о к о ф и й. Слушаю, сударь. Больше ничего не прикажете?

П р е с н о в. Скажи барыне, чтоб она не ждала меня рано, у меня есть дело. Слышишь?

П р о к о ф и й. Они вас подождали, подождали, да куда-то уехали. Как шумят-с.

П р е с н о в. Не твое дело.

П р о к о ф и й. Слушаю-с.

П р е с н о в. Помни же!.. И главное, не болтай с швейцаром. Понимаешь?

П р о к о ф и й. Понимаю-с! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

П р е с н о в, потом Г у л я е в.

П р е с н о в *(один)*. Я откажу Прокофью, я не хочу, чтоб Гуляев краснел перед ним. *(Прислушивается.)* Осмелился ли он, хватило ли у него храбрости поступить решительно?

Дверь отворяется.

Ну, что?

Г у л я е в *(гордо выходит, на голове у него шляпа)*. Вот и шляпа!.. Я ей показал себя... она поняла свою глупость и уж не будет больше...

П р е с н о в. Сегодня?

Г у л я е в. Никогда. Она поклялась мне... В сущности, она...

П р е с н о в. Добрая девушка...

Г у л я е в. Только я взволнован немного...

П р е с н о в. Из-за шляпы-то?

Г у л я е в. Нет... Ну, я не хочу скрывать, на меня женские слезы производят сильное действие.

П р е с н о в. Что такое?

Г у л я е в. Ясное дело, она увидала, что я рассержен, серьезно рассержен.

П р е с н о в. Ты, конечно, не забылся до того, чтоб... *(Поднимает руку.)*

Г у л я е в. О, нет! Но это так взволновало ее, так взволновало, что она перестала браниться.

П р е с н о в. И заплакала?

Г у л я е в. Ну, да! Она так огорчилась, так огорчилась... Я уверен, что теперь плачет бедная в три ручья...

Слышны звуки фортепьяно.

П р е с н о в. Она не дурно играет.

Г у л я е в *(в сторону)*. Дура!

П р е с н о в. Из какой это оперы?

Г у л я е в. Не знаю. Она это так, машинально...

П р е с н о в. Мотив не очень грустный! *(Встает, берет палку и шляпу.)*

Г у л я е в. Что ты делаешь?

П р е с н о в. Я с тобой поеду вместе.

Г у л я е в. Ехать?

П р е с н о в. Да, ведь шляпа на тебе. Ты не называл мне человека, от которого зависит твое дело; но я его знаю и могу все устроить для тебя. Поедем к нему.

Г у л я е в. Сегодня?

П р е с н о в. Да, теперь он дома. Я послал Прокофья нанять нам карету.

Г у л я е в. Благодарю тебя... но мне... лучше бы отложить до завтра.

П р е с н о в. Испортить важное дело? Уж не она ли запретила тебе выходить из дому?

Г у л я е в. Нет; но я не рассудил, что этот визит надо сделать так скоро... Я сам... чтоб успокоить ее немножко... я ей сказал...

П р е с н о в. Что ты останешься дома?

Г у л я е в. Что я останусь с ней.

П р е с н о в. Прекрасно! Зачем же было выходить с гордым видом, с шляпой на голове? Торжествовать победу? Как это смешно! Вот так победа!

Г у л я е в. Победа! Но ведь с каждой стороны должна быть уступка. Ты то же бы сделал.

П р е с н о в. Нет. Я муж, я раб, но меня не запирают дома.

Г у л я е в. Зачем преувеличивать?

П р е с н о в. Докажи, что я преувеличиваю.

Входят П р о к о ф и й и Ф о м а Ф о м и ч.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Г у л я е в, П р е с н о в, Ф о м а Ф о м и ч и П р о к о ф и й.

П р о к о ф и й. Карета у подъезда-с.

П р е с н о в *(тихо, Гуляеву)*. Не говори ничего при дядюшке.

Ф о м а. Что вы шепчетесь? Знаю, знаю.

Г у л я е в. Что же вы знаете?

Ф о м а. Все знаю. Вот эти дураки *(указывая на Прокофия)*: прислуга наша и ваша смеются, а я вас уважаю. Вы все-таки свободный человек, наш брат, холостяк.

Г у л я е в. Благодарю вас.

Ф о м а. Жаль, что я застал-то вас на отъезде. *(Толкая его локтем.)* Вы бы меня познакомили.

Г у л я е в. А вот садитесь в кресло и подождите меня, мы на одну минуту, по делу. Вот вам целая библиотека.

Ф о м а. Хорошо. Я усядусь, усядусь. *(Берет книгу и садится.)*

П р е с н о в. Так едем!

Г у л я е в. Хорошо, едем. *(Ищет чего-то.)*

П р е с н о в. Чего ты?

Г у л я е в. Шляпу!

П р е с н о в. Она у тебя на голове. *(Прокофию.)* Отвори двери!

Прокофий идет к двери. Слышно, как снаружи в ней два раза повертывается ключ.

Это что такое?

П р о к о ф и й. Заперли нас снаружи.

Г у л я е в *(у двери)*. Кто там?

Г о р н и ч н а я *(за дверью)*. Я, Катерина, горничная.

Г у л я е в. Зачем ты запираешь?

Г о р н и ч н а я. Барыня приказала, она велела все двери запереть.

П р е с н о в. Да, я теперь вижу, как она поняла, что виновата перед тобой и не будет больше.

Г у л я е в. Довольно! Пощади меня!

П р о к о ф и й. Замок можно отвинтить; отверточка со мной.

Фома Фомич встает.

П р е с н о в. Отвинчивай живее!

Г у л я е в. Нет, я поговорю с ней по-своему. *(Хочет идти.)*

Ф о м а. Погодите, молодой человек! Горячиться не хорошо; с женщинами надо лаской, все лаской...

П р е с н о в *(загораживая Гуляеву дорогу)*. Зачем? Довольно разговоров! Ты поговоришь с ней после.

Г у л я е в. Как хочешь.

П р е с н о в *(слушая)*. Молчи! Постой!
Г у л я е в. Что такое?
П р е с н о в. Она идет.
Г у л я е в *(Прокофию)*. Отвинчивай проворней! *(Бросается к двери направо и придерживает ее; в ту же минуту начинают стучать в дверь.)*
П р е с н о в *(подходя и удерживая дверь)*. Это она.
Г у л я е в. Ее узнать не трудно.
П р о к о ф и й *(отвинчивая)*. Только один винтик остается.

Удары в дверь делаются сильнее.

Г у л я е в. Я боюсь, дверь отворится. *(Тащит кресло к двери.)* Фома Фомич, садитесь здесь, вас она не сдвинет.
Ф о м а. Извольте, мне все равно. Лаской надо, господа, лаской. *(Садится в кресло.)*
П р е с н о в *(Прокофию)*. Кончил ты?
П р о к о ф и й. Отвинтил.
П р е с н о в *(Гуляеву)*. Пойдем!

Идут к двери, слышится треск от разбиваемой посуды.

Это что еще?
Ф о м а. Это что такое?
П р е с н о в. Она успокаивает свои нервы.
Г у л я е в. Беспрестанно: не накупишься.

Фома Фомич встает с кресла и заглядывает в дверь

П р о к о ф и й. Зачем вы, сударь, встали?

Оба стоят у двери; дверь отворяется, в ней видна А г л а я, которая дает по пощечине Фоме Фомичу и Прокофию. Г у л я е в убегает.

Ф о м а. Вот тебе и раз!
П р е с н о в. Дядюшка, пойдемте! Довольно.
Ф о м а. Пойдемте! Довольно, с меня очень довольно.

Уходят.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорация первой картины.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пре снов выходит и видит Прокофия, который смотрит в окно.

Пре снов. Прокофий! *(Отдает ему шляпу и палку.)* Барыня дома?

Прокофий. Нет еще-с.

Пре снов. Странно! Где это она так долго? Гуляев придет через десять минут, ты его сейчас же проводи ко мне. Ты помни, что я говорил, я болтунов не люблю.

Прокофий. И я тоже, сударь.

Пре снов *(взглянув на него)*. И любопытных.

Прокофий. И я тоже, будьте покойны. *(Уходит.)*

Пре снов *(смотрит на часы)*. Вот уж десять минут, как мы расстались. *(Подходит к окну.)* Объяснение у них началось. *(Прислушиваясь.)* Я не слышу никакого крику. Должно быть, Аглая притихла, видя, что дело плохо. Шляпу он выручил, дело его мы устроили отлично,— это придало ему храбрости, и он пошел домой твердыми шагами. Ну, mademoiselle Аглая, вам теперь не сдобровать; на этот раз мой друг не уступит.

Входит Гуляев повеся голову.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пре снов и Гуляев.

Пре снов. А! Вот уж и ты!

Гуляев. Да, уж и я.

Пре снов. Но когда же ты успел... *(Глядя ему в лицо.)* Ты, должно быть, не заходил домой.

Гуляев. Да, ох, да... Я пошел... и дошел до самой двери... *(Опускает руки с отчаянием.)* Не брани меня! *(Садится на диван.)*

Пре снов *(передразнивая его)*. Я сейчас пойду к ней и скажу решительно, что пора кончить эти тяжелые и позорные для меня отношения... И дошел только до двери...

Г у л я е в. Ну, да, я слаб. Это правда, но... это, как зубная боль, она тотчас проходит, как позвонишь у двери дантиста.

П р е с н о в. И на другой день возвращается.

Г у л я е в *(встает)*. Да, и кончится тем, что наконец я зуб выдерну. И это непременно сделаю, завтра... может быть, сегодня же; но надо же иметь какой-нибудь повод, предлог.

П р е с н о в. Да, конечно, у тебя их нет.

Г у л я е в. Да, разумеется, нет... теперь... Хотя очень желал бы их иметь... Ты думаешь, мне приятно жить с ней. Я знаю, что ты хочешь сказать; у ней нет ничего — ни ума, ни красоты.

П р е с н о в. Греческий нос.

Г у л я е в. У нее? Маленький, востренький... очень дурной признак.

П р е с н о в. А глаза?

Г у л я е в. Ну, что ж глаза! У всех есть глаза... И притом у нее черные волосы.

П р е с н о в. Черные волосы тебе неприятны?

Г у л я е в. Потому что у нее черные.

П р е с н о в *(в сторону)*. И потому что у другой белокурые.

Г у л я е в. Кроме того, она очень надменна! Проводит каждый день два часа с парикмахером. Я ей не мешаю, и хоть два часа в день, да покоен.

П р е с н о в. Два часа из двадцати четырех.

Г у л я е в. Это смешно; но нельзя же расходиться с женщиной за то, что она заботится о своей прическе.

П р е с н о в. Конечно, этой причины мало.

Г у л я е в. Ах, если б я имел какой-нибудь серьезный предлог... Но этого и вообразить нельзя; она так добродетельна.

П р е с н о в. На свой манер.

Г у л я е в. Она имеет все недостатки, но этого, вот нарочно, на зло мне, не имеет.

П р е с н о в. И ты уверен, что она назло тебе... добродетельна.

Г у л я е в Увы!.. а это был бы хороший предлог... Ах, я бы дал придачи тому благородному человеку, который... но ты не можешь, и не знаю... Нет, ты ни на что не годишься.

П р е с н о в. Нет, на меня не надейся, я никак не могу помочь тебе... только женщина... блондинка...

Г у л я е в. Блондинка?

П р е с н о в. Молчи! *(Прислушивается.)* Звонят, это она.

Г у л я е в. Кто она?

П р е с н о в. Жена моя. Я сегодня хотел быть дома очень рано, она меня долго ждала и ушла одна.

Г у л я е в. Ну, вот сейчас и сцена; и мужья тоже не счастливей нас. *(Отходит в сторону.)*

В е р а входит и, не замечая его, подходит к мужу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П р е с н о в, Г у л я е в и В е р а.

В е р а. Здравствуй, мой друг, ты так долго не возвращался. *(Обнимая Преснова.)* Извини меня, что я пошла гулять без тебя.

Г у л я е в *(в сторону)*. Извиняется!

П р е с н о в. Ты прекрасно сделала... А где же Машенька?

В е р а. Она снимает шаль и шляпу, а я не могла утерпеть, мне поскорее хотелось видеть тебя. *(В продолжение разговора снимает шляпу и кладет на стол.)* Знаешь, откуда мы?

П р е с н о в. Из Летнего сада.

В е р а. Совсем нет, что там делать столько времени: с Петергофской дороги. Помнишь ты тот хорошенький домик, которым мы любовались в прошлом году?

П р е с н о в. Ну, как же не помнить! Старый сад, вид отличный.

В е р а. Дядюшка его вчера осмотрел, а я сегодня не утерпела, поехала и дала задаток. Похвалишь ты меня?

П р е с н о в. Ты такая добрая, такая милая!

Г у л я е в. Совершенно справедливо.

В е р а. Ах, извините! Я вас и не вижу; вы так далеко спрятались.

Г у л я е в. Я гляжу, слушаю... и удивляюсь.

В е р а. Чему?

П р е с н о в. Нашим проектам насчет дачи?

В е р а. Нам будет очень хорошо; одно неловко, в конце сада есть маленький домик, который отдается отдельно. Нехорошо, если наймут чужие; надо найти кого-нибудь из знакомых.

П р е с н о в *(Гуляеву)*. Вот бы тебе нанять.

Г у л я е в. Мне?

П р е с н о в. Ты холостой, живешь один, ты нам не помешаешь.

В е р а. Напротив,— больше удовольствия,— вы наш друг.

П р е с н о в. Тебе там будет очень удобно... да и доктор велел тебе жить на свежем воздухе.

Г у л я е в. Да, да, и доктор.

В е р а. Вам будет очень весело, у нас всегда большое общество; сестра Маша проживет на даче все лето.

Г у л я е в. А!.. Все лето?

П р е с н о в *(тихо, Гуляеву)*. Когда ты выдернешь зуб?

В е р а *(Гуляеву)*. Решайтесь скорей!

Входит М а ш е н ь к а из двери направо.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П р е с н о в, Г у л я е в, В е р а и М а ш е н ь к а.

М а ш е н ь к а. Ну, что, угодили ли мы милому братцу? *(Подает ему руку и отходит к сестре.)*

П р е с н о в. Хотя и не угодили, милая сестрица, но я великодушен, я прощаю тех, кто доставляет мне удовольствие.

Г у л я е в. И эта не сердится.

П р е с н о в. Ах, Вера! я забыл: я пригласил Василья Николаевича — он у нас обедает сегодня.

Г у л я е в. Как, разве!

П р е с н о в. Что толковать! Ведь ты согласился; мы обедаем только вчетвером, да еще разве дядюшка.

Г у л я е в *(быстро)*. Да, я останусь, если позволите.

П р е с н о в *(Гуляеву)*. Ну, а до обеда ты свободен. *(Жене.)* Ему нужно кончить некоторые дела... разделаться кой с кем.

Г у л я е в. Еще время терпит.

П р е с н о в. Таких дел никогда не нужно откладывать, ты еще успеешь до обеда.

В е р а. Ну, уж меня извините, я займусь по хозяйству. *(Берет свою шляпу.)* Я вас оставлю в приятном обществе. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Преснов, Гуляев и Машенька, садится за стол и берет свою работу.

Гуляев *(тихо)*. Какая кротость на лице! Как она прелестна!

Преснов *(подходит к нему)*. Кто? Моя жена?

Гуляев. Нет... да, твоя жена тоже ангел.

Преснов. Это правда. *(Подходит к Машеньке и садится подле нее.)*

Гуляев. В ней все прелестно... и еще белокурые волосы.

Преснов *(Машеньке)*. Что ты делаешь?

Машенька. Подушку для маменьки.

Гуляев *(в сторону)*. Подушку... да еще для маменьки... Ну, не восторг ли это?

Преснов. Посмотри, Василий Николаевич, моя сестренка вяжет, как фея!

Машенька. Ты льстец, ты меня балуешь.

Преснов. Спроси у Гуляева, он не станет тебя баловать, он суров, как профессор.

Гуляев. Я-то?

Машенька. Это очень хорошо, не защищайтесь; потому что, чем вы суровее, тем дороже ваша похвала! Слышать постоянно пошлые комплименты — скучно.

Гуляев. Вы меня конфузите. Мне нечего говорить, когда вы всякую правду принимаете за комплимент.

Преснов. Я тебе подержу клубок. *(Берет клубок из корзины.)*

Машенька *(тянет немного сильнее нитку, клубок из рук Преснова падает на пол)*. Ах, не оборвите нитку!

Преснов *(Гуляеву)*. Вот что ты делаешь — а на меня сердятся. *(Машеньке.)* Он лицемер, он обыкновенно дурно говорит о женщинах.

Гуляев *(живо)*. Не верьте ему, сделайте одолжение! Мне ли дурно говорить о женщинах! Здесь нельзя об этом и подумать.

Преснов. Уж не думаешь ли ты, что они все добрые?

Гуляев. Нет. Зато уж, когда добры, так они бесценны. Они имеют все хорошие качества, которых у нас нет: ласку, терпение...

Преснов *(с иронией)*. Покорность.

Гуляев. Ну да, и покорность.

П р е с н о в *(встает)*. А я знаю людей, которые говорят, что у женщин одна страсть: властвовать и властвовать.

Г у л я е в *(горячо)*. Кто говорит такие глупости?

М а ш е н ь к а *(Преснову)*. По крайней мере не вы?

Г у л я е в. Да и не я... Поверьте мне.

П р е с н о в. Ну, вот и слава богу.

Г у л я е в *(Машеньке)*. Что вы ищете?

М а ш е н ь к а. Нитку. *(Заметив, что Преснов ее спутал.)* Ну, кончено. Теперь уж я одна ничего не могу сделать. *(Берет моток.)* В наказание давай свои руки.

П р е с н о в. Ах нет, избавь меня! это мне расстраивает нервы.

Г у л я е в. Позвольте мне заменить его? Я не очень нервный человек. *(Садится на скамеечку перед столом.)*

М а ш е н ь к а. Ах, благодарю вас! я боялась...

П р е с н о в. Ничего, он человек очень общежительный...

Гуляев берет моток на руки.

Он завтра будет танцевать с тобой первую кадриль.

Г у л я е в *(с радостью)*. С Марьей Петровной? Я, признаться, уж давно отстал от танцев; но с такой дамой...

П р е с н о в. Ты держи руки-то хорошенько.

Г у л я е в *(Машеньке)*. Извините!

П р е с н о в. Сестра, может быть, сделает для тебя это одолжение; но прежде ты должен окончить все свои дела и непременно быть на бале. Ты, кажется, совсем забыл... самое-то необходимое.

Г у л я е в. Да как же? Ведь еще моток не кончен.

М а ш е н ь к а. Это нужды нет. *(Берет у него из рук моток.)* С меня пока довольно.

П р е с н о в. Вы домотаете вечером... ты все кончишь, делать тебе будет нечего.

Г у л я е в *(встает и тихо, но решительно говорит Преснову)*. Я приду на бал, клянусь тебе, приду! *(Громко.)* Если позволите мне первый вальс.

М а ш е н ь к а. С удовольствием.

Г у л я е в. И кадриль?

П р е с н о в. За кадриль я отвечаю.

Г у л я е в. Merci, mademoiselle! *(Преснову.)* Я сейчас иду, сейчас...

П р е с н о в *(тихо)*. Если опять только позвонить у двери, так хорошего будет немного.

Г у л я е в *(тихо, Преснову)*. Нет, нет, я взбешен... Нет, я тверд, и я иду! *(Громко.)* Merci, mademoiselle, merci! *(Уходит.)*

П р е с н о в *(в сторону)*. Кажется, домик в саду надо будет оставить за собой. *(Машеньке.)* Я сейчас, мне нужно написать несколько строк. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

М а ш е н ь к а, потом В е р а.

М а ш е н ь к а *(после нескольких минут молчания)*. Что это с Васильем Николаевичем?.. Чем он так взволнован? Брат говорит, что он робок; но его голос, его взгляды... *(Ходит по комнате. Останавливается перед фортепьяно и берет несколько аккордов.)* Брат его очень любит,— сестра хвалит.

В е р а входит.

В е р а. Ты за музыку принялась?

М а ш е н ь к а. Не знаю.

В е р а. Как не знаешь?

М а ш е н ь к а. Я так, пробую... Хочешь, я тебе сыграю марш из «Фауста»? Нет, что я, вальс...

В е р а. Играй, милая, что хочешь!.. Эти господа тебя оставили?

М а ш е н ь к а. Да, брат в кабинете, а Гуляев ушел. Правда, что он робок?

В е р а. Я не знаю: зачем тебе?

М а ш е н ь к а. Для того... Как я люблю вальс из «Фауста»!

В е р а. Так играй, если любишь...

М а ш е н ь к а *(встает)*. Мне кажется, что он занят чем-то.

В е р а. Кто? Ах, да... Гуляев... Очень просто, он ждет ответа.

М а ш е н ь к а. Какого ответа?

В е р а. Муж говорил о какой-то должности, казенной или частной.

М а ш е н ь к а. Разве он занят только этим?

В е р а. Чем еще?

М а ш е н ь к а. Я не знаю... мне кажется... он точно грустит о чем-то.

В е р а. Я не заметила. Муж мой с ним очень короток, и я имею к нему полную доверенность. Может быть, он тебе понравится.

М а ш е н ь к а. О, нет! Я его почти не знаю.

В е р а. Мы будем иметь случай узнать его покороче. Муж предложил ему тот маленький домик на даче.

М а ш е н ь к а. Ах... он будет жить все лето?

В е р а. Вероятно, ему надоело странствовать.

М а ш е н ь к а. О, да!

В е р а. Но, может быть, это кому-нибудь не понравится?

М а ш е н ь к а. Нисколько!.. Притом же так хочет брат. Что ж, тут нет ничего дурного.

В е р а. Конечно... вот разве то, что он грустит.

М а ш е н ь к а. Или робок...

В е р а. Да, или робок... Ему нужно узнать нас покороче.

М а ш е н ь к а. Мы будем весело жить на даче.

Входит П р е с н о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

М а ш е н ь к а, В е р а и П р е с н о в.

П р е с н о в. Гуляев еще не воротился?

В е р а. Нет. Мы сейчас об нем говорили... Маша находит, что он грустит о чем-то?

М а ш е н ь к а. Я сказала... занят.

П р е с н о в. Может быть... но мы его развлечем... Вы мне поможете обе; вы его полюбите, когда узнаете поближе. *(Жене.)* Маша не слушает.

В е р а. Нет, она слышит. *(Машеньке, которая стоит, облокотясь на фортепьяно.)* О чем ты думаешь?

М а ш е н ь к а. Ни об чем.

П р е с н о в *(подходя к окну).* Гуляев идет. *(Жене.)* Поди позаботься об обеде!

В е р а *(тихо, мужу).* Ты хочешь остаться с ним наедине?

П р е с н о в. На два слова.

В е р а. Маша, не хочешь ли помочь мне распорядиться обедом, а мне нужно потолковать с горничной.

В е р а уходит в дверь направо, М а ш е н ь к а — в заднюю дверь, встречается с Г у л я е в ы м, который очень взволнован; он ей кланяется и провожает глазами. Входит Ф о м а Ф о м и ч. Гуляев ходит в волнении по комнате, Фома Фомич стоит молча.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Преснов, Гуляев, Фома Фомич.

Преснов. Ах, боже мой! Что значит это волнение? У вас была ужасная сцена?

Гуляев. Нет, никакой сцены не было.

Фома. Никакой! Я был свидетелем... Я заходил к нему...

Гуляев. Только что я в двери, швейцар встречает меня с улыбкой и говорит: барыня уехала.

Фома. Уехала.

Преснов. Несмотря на свое горе, она уехала.

Гуляев. В пух разряженная... Я жалею, что не застал ее, очень жалею! Но, войдя наверх, мой друг, что я увидел! Ты никогда не бывал на поле битвы?

Фома. Я бывал.

Преснов. А я нет.

Гуляев. И я не бывал. Представь себе... Да нет, этого представить нельзя, надо видеть: одежда разбросана, разорвана в клочки, трупы. Фарфор, стулья переломаны, китайский поднос в мелкие крошки; на этот раз она очень хорошо успокоивала свои нервы. О, если бы она мне попалась на глаза в эту минуту... ну, я почувствовал бы тоже необходимость успокоить нервы.

Фома. Да уж и я бы пособил успокоивать.

Преснов. А вчера вы говорили, что нужно лаской.

Фома. Да, лаской! Меня вчера так обласкали, что я уж переменил свои мысли.

Преснов. Хорошо, кабы и Гуляев то же сделал.

Гуляев. Тут попался мне на глаза, на камине, ящичек с ее вещами, я его схватил...

Преснов. И разбил?

Фома. Нет, только замахнулся.

Гуляев. И что же выпало оттуда, угадай.

Преснов. Письмо.

Гуляев. О, нет, какие письма у безграмотной!

Преснов. Что же такое?

Гуляев. Карточка фотографическая, портрет.

Преснов. Мужской?

Гуляев. Тщательно спрятанный, в самом низу, под ароматической подушкой.

Преснов. Как драгоценность; ну, ты теперь доволен? Ты говорил, что у тебя нет предлога, и жаловался на ее верность...

Г у л я е в. Всегда так говорят, пока не случится; а случилось, так кошки за сердце...

П р е с н о в. Право? Что ж тебе?

Г у л я е в. «Что ж тебе»! А то мне, что я смешон, что я в дураках. Я воображал, что меня обожает.

П р е с н о в. Да ведь ты в выигрыше. Знаешь игру в поддавки: кто проиграл, тот выиграл... Портрет с тобой?

Ф о м а. О, хо, хо, хо, хо! Как же! Мы захватили.

Г у л я е в. Оскорбительно! Вот погляди... Глупенький человечек, пошлый, с претензиями. *(Подает Преснову.)* И пахнет ванилью.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

П р е с н о в, Г у л я е в, Ф о м а Ф о м и ч, В е р а входит незамеченная, потом М а ш е н ь к а.

П р е с н о в *(рассматривает портрет)*. Да, не красавец.

В е р а *(подходя)*. Что вы смотрите?

П р е с н о в. Ничего, так, визитная карточка...

Г у л я е в. Да, да, карточка. *(В сторону.)* Обыск начинается.

В е р а. Мне показалось, фотография.

П р е с н о в. Дрянная.

Г у л я е в. Разорвать да бросить.

В е р а *(останавливает его)*. Покажите мне, если это не секрет.

Преснов отдает ей карточку.

Как к вам попал портрет Нарциза?

П р е с н о в. Нарциза?

Г у л я е в. Какого Нарциза?

В е р а. Это мой парикмахер.

Ф о м а О хо, хо! Парикмахер.

Г у л я е в. Парикмахер! *(Чуть не падает.)*

П р е с н о в *(поддерживает его)*. У тебя кружится голова, ты говорил, что пахнет ванилью.

В е р а. Да, это правда.

Г у л я е в *(в сторону)*. Она по два часа в день проводила с ним с глазу на глаз.

В е р а *(мужу)*. Где ты взял его?

П р е с н о в. У швейцара. Нарциз, должно быть, разнес свои портреты по всем домам, где причесывает.

В е р а. Он, должно быть, хочет открыть свою мастерскую;

он женится и, кажется, рассчитывает на порядочное приданое.

П р е с н о в. Он женится?

В е р а. Непременно. Он ждет только, чтобы его невеста накопила побольше денег... горничная, должно быть.

Г у л я е в. Вы ее знаете?

В е р а. По его словам только. У ней отличные черные волосы.

Г у л я е в *(в сторону)*. Она!

В е р а. Это хорошая приманка.

Г у л я е в. Для парикмахера. *(В сторону.)* С придачей моих денег.

Входит М а ш е н ь к а.

М а ш е н ь к а. Кушать готово, господа.

В е р а *(показывая ей портрет)*. Посмотри!

М а ш е н ь к а. Ах, какое сходство! Какой он гадкий!

Г у л я е в. Правда ваша.

П р е с н о в. Доволен ли ты?

Г у л я е в *(тихо)*. Да... но парикмахер... урок-то очень жесток.

Ф о м а. Ну, и мне было не легче.

П р е с н о в. Пойдемте обедать; там мы поговорим.

В е р а. О нашей даче.

П р е с н о в. Ты возьмешь тот домик в саду?

Г у л я е в. Я там поселюсь и уж не выеду оттуда. Исключая завтрашнего дня. *(Машеньке.)* Я приду умолять вас...

П р е с н о в. То есть, ты хочешь сказать: ангажировать на вальс.

Г у л я е в *(тихо)*. Нет, не на вальс, а на всю жизнь.

П р е с н о в. Ангажировать на вальс ты можешь: ты теперь свободен.

Г у л я е в. И всегда хочу быть таким.

П р е с н о в. Каков ты был прежде.

Г у л я е в. Нет, каков ты теперь.

В е р а. Дядюшка, что вы задумчивы? Что же вы не хвалите холостую жизнь?

Ф о м а. И никогда не буду. Вот что: вы жените сперва их *(указывая на Гуляева и Марью Петровну)*, а потом уж и мне ищите невесту. *(Подает руку Вере, Гуляев — Машеньке; за ними Преснов.)*

Уходят.

Занавес

ПОКА

Комедия в трех действиях
БАЯРА, ФУШЕ И АРВЕРА
Переделка с французского «En Attendant»

ЛИЦА:

КНЯГИНЯ ЕВЛАЛИЯ ДАВЫДОВНА ЧИНГИСОВА.

ВЛАДИМИР ВИКТОРЫЧ СТРОМЫНСКИЙ,
ее сын от первого брака.

БОРИС БОРИСОВИЧ САФОЕВ,
помещик, старый холостяк, сосед Чингисовой.

СОФЬЯ ВАСИЛЬЕВНА БУДАРОВА.

ДУНЯША,
крестница княгини, из бывших крепостных.

Действие происходит: в первом и втором действии в подмосковной усадьбе княгини Чингисовой, вблизи от станции железной дороги, в третьем — в Петербурге, в квартире г-жи Бударовой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зала в деревенском доме; средний выход прямо в сад, двери по бокам. Направо от зрителей стол, налево маленький рабочий столик.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Чингисова стоит посреди залы, прислушивается и смотрит на свои часы. Дуняша стоит у двери, ведущей в сад.

Чингисова. Дуняша!

Дуняша. Что угодно, ваше сиятельство?

Чингисова. Кажется, кто-то едет. Это наши лошади. Поезд приходит в четыре часа, лошади возвращаются четверть пятого... Вот, слышишь, подъезжают?

Дуняша. Никак нет-с.

Чингисова. Ты глуха. А впрочем, вот опять затихло... Пожалуй, он и в самом деле не приедет... Но нет, он должен... он сын... нынче мое рожденье... он знает, что я жду, беспокоюсь... что я страдаю. *(Утирает глаза.)* Ну вот, ну, что ты мне говоришь! Вот, вот, слышишь?

Дуняша. Ах, ваше сиятельство, ах! *(Убегает.)*

Чингисова. Володя, Володя! Два месяца... так близко от матери, и ни разу не осчастливишь ее. Ну, бог тебя простит, бог тебя простит!

Дуняша выходит из сада с письмом в руках.

Где же он? Что такое?

Дуняша. Письмо, ваше сиятельство.

Чингисова. Мне? Подай! Дай. *(Берет письмо.)* Ах, это от него. *(Садится и читает.)*

Дуняша. Ваше сиятельство... ах! как вы изволите беспокоиться! Уж не больны ли они-с?

Чингисова. Он здоров.

Дуняша. Ну, слава богу-с! А уж я было так испугалась, не случилось ли чего с барином. Они здоровы, так, значит, приедут. Позвольте, ваше сиятельство, я поставлю два букета цветов в их комнату.

Чингисова пристально смотрит на нее.

Что же, ваше сиятельство, ведь они мне крестовый братец.

Чингисова. Да... Нет, Дуняша, не нужно.

Дуняша *(печально)*. Разве они не приедут-с?

Чингисова. Нет, не приедет. Оставь меня, поди.

Входит Сафоев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Чингисова, Дуняша, Сафоев.

Сафоев *(отирая пот с лица)*. Ну, будет, довольно... Чтобы я в другой раз... Нет уж, кончено — покорно благодарю.

Чингисова. Ах, Борис Борисыч, а мне вас нужно.

Сафоев. А я, княгиня, я навстречу, за две версты пешечком... Думаю, мол, встречу Владимира да вместе и подкатим. Часов, никак с двенадцати в пыли-то — во все глаза, против солнца, вдоль по дорожке-то поглядываю... вот едет, вот едет... а он...

Чингисова. Я получила письмо от него.

Сафоев. Знаю, мне Иван сказывал. Письмо прислал... любопытно. *(Подходит к Чингисовой. Дуняша тоже подвигается.)*

Чингисова. Он пишет... *(Заметив Дуняшу.)* Ты здесь? *(Строго.)* Я тебе приказала...

Дуняша. Я думала, ваше сиятельство... мне показалось, что вы хотели...

Чингисова. Я хотела, чтобы тебя не было здесь.

Дуняша. Слушаю, ваше сиятельство. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Чингисова, Сафоев.

Чингисова. Он не приедет, Борис Борисыч... как я ждала его, как я ждала его! Он мой убийца, Борис Борисыч, он не приедет.,.

Сафоев. Фу ты, пропасть! Ах, черт его возьми! Так он не приедет? А почему, желаю я знать?

Чингисова. Какую-то причину нашел, да кто ж поверит, я догадываюсь... известно...

Сафоев. Ну да, конечно, как не догадаться! А впрочем, ведь все они нынче, все молодые люди таковы... Я-то уж их знаю, я их знаю хорошо... Вы, как и следует доброй матери, просили меня, старого увальня, тунеядца, трутня, последить за вашим сыном, поберечь его от увлечений... да нет, не от увлечений, а от пропастей, которых так много в столицах. Я хотел его остановить, удержать.

Чингисова. И что же?

Сафоев. Я его удерживаю, а он меня самого тащит, да и увлек меня на старости лет. Я ему о порядке,

о экономии, а он: где бы нам пообедать сегодня? Ну и поехали или к Тестову, или в Эрмитаж, а оттуда в театр, потом за город ужинать... да мало ли что еще. Нет уж, покорнейший слуга... мне за ним не угоняться!

Ч и н г и с о в а. Да пускай бы его! Что мне до его развлечений, до его шалостей! Все это извинительно, если бы он берег свое достоинство... Но ведь есть поступки безнравственные, порицаемые обществом, которые...

С а ф о е в. Понимаю. Я отвращал. Я его отвращал. В театр, куда он с лорнетом, туда и я. Вдруг, откуда ни возьмись, какая-то баядерка, кто ее знает, из Парижа или из Лондона ее занесло сюда... красоты, я вам говорю... Ну, ваше сиятельство, видал я на своем веку, а эта уж из рук вон, только взглянет, ну и пропадешь... Вижу, беда, разоренье. Я говорил, я кричал, выходил из себя, меня не слушали, на меня не обращали внимания. Впрочем, успокойтесь, ваш сын не пылает страстью, нет: самолюбие заставляет его сыпать деньги без ума перед этой красавицей.

Ч и н г и с о в а. Вы, может быть, думаете, что он проживает только свои доходы? Нет, Борис Борисыч, он проживает капитал, свое наследство. Состояние его рушится, а потом дойдет очередь и до моего, которое мне осталось после второго мужа.

С а ф о е в. Ну уж извините! Уж очень вы, Евлалия Давыдовна, мрачно смотрите на вещи.

Ч и н г и с о в а. Ах, Борис Борисыч, если бы вы знали, какие золотые мечты мои, какие надежды разбил этот неблагодарный!

С а ф о е в. Как, что такое, в чем дело, ваше сиятельство?

Ч и н г и с о в а. Я нашла возможность поправить его расстроенное состояние и возвратить прежний блеск его фамилии, ему предложив прекрасную партию...

С а ф о е в. Вы говорите о Дулебовых! Вероятно, я не ошибся?

Ч и н г и с о в а. Да, да. Что вы скажете?

С а ф о е в. Чего лучше. (Люди очень богатые и, что для вас, вероятно, особенно приятно, очень благочестивые. Ну и повар же у них! И как это он ухитряется? Чуть не полгода едят постное, и как он все это сухоядие ухитряется...)

Ч и н г и с о в а. Дело, Борис Борисыч, уже почти совсем улажено. Поймите же мое отчаяние! Теперь

такой разговор по Москве о мотовстве моего сына, о его дурных наклонностях... Вы знаете Дулебовых, решатся ли они...

Сафоев. Да, пожалуй... Эти люди строги к ближнему. Ах, чтобы вашему сыну, вместо разных дебошей, влюбиться... да, влюбиться. Это ведь тоже занятие. Но влюбиться, знаете ли, в какую-нибудь хорошенькую женщину средней руки.

Чингисова. Борис Борисыч, что вы говорите!

Сафоев. Извините меня. Но что ж делать, Евлалия Давыдовна, дело такого роду, что вам надо будет меня выслушать. Ваш сын ведь такой же смертный, как и все,— не особенный какой-нибудь; в двадцать пять лет сердце ищет привязанности!.. Что в эти года бывает обыкновенно с молодыми людьми? Или волокитство в балете, или за блестящей светской женщиной, или, что всего хуже, за какой-нибудь авантюристкой. Хорошо это? Тут и разговоры, и осуждения, пожалуй, и скандал, а, главное, все это разорительно. Вот так-то и путаются молодые люди, которых предоставляют самим себе; но если умная мать руководит... Он еще к вам вернется... Дулебовой еще шестнадцать лет.

Чингисова. Ах, довольно, довольно.

Сафоев. Нет, вы послушайте! Покуда для него нет другого спасения, как любовь к какой-нибудь хорошенькой женщине среднего состояния. Это любовь наивная, скромная, смирная, она занимает человека, но не компрометирует...

Чингисова. Ну, довольно же, наконец!

Сафоев. Вам моя мысль не нравится? Подумайте хорошенько. Я знаю многих честных матерей, которые сочли бы за большое счастье, если бы с их сыновьями случилось то, о чем я говорю. Никакого беспокойства для матери; она очень спокойно может притвориться, что ничего не знает, и с улыбкой думать про себя, ну, мол, пусть его...

Чингисова. Еще раз прошу вас, Борис Борисыч, оставьте этот разговор! Я знаю, что наше общество вообще не очень разборчиво насчет нравственности, но ведь я женщина других правил.

Сафоев. Конечно, ваши строгия правила... Ну, извините, извините! Но если б мне, старому грешнику, удалось повернуть вашего сына в эту сторону, ведь

вы меня простили бы, не правда ли? месяца два тому назад я было порадовался; до меня дошли слухи, что ваш сын влюблен в одну женщину, добренькую, нежненькую и, разумеется, хорошенькую. Он любил скромно, очень скромно, так что я ничего не мог добиться от него. К несчастию, кажется, он напал на добродетель, несокрушимую, и это досадно, потому что ведь...

Чингисова. Борис Борисыч, оставим этот разговор! Есть вещи, которые матери могут знать, но о которых не должны слушать. Сослужите мне службу... мне нужно идти.

Сафоев. Мадам, вот моя рука! Я готов.

Чингисова. Благодарю. Я обещала мадам Бударовой... вы знаете эту милую молодую женщину, она живет у меня во флигеле вот уже два месяца... Я обещала сосчитаться с ней,— она у меня нанимает. Я было хотела, чтоб она погостила у меня даром, но она и слышать не хотела... она уезжает сегодня вечером.

Сафоев. Очень жаль. Бедная женщина. Она такая миленькая, я так любил ее!

Чингисова. Это чистое, доброе существо... Знаете ли, ее и жалко и любишь, такая она симпатичная. Муж ее ужасный человек, он ее почти разорил, только с тех пор она и отдохнула,— как он уехал в Ташкент, кажется.

Сафоев. И отлично.

Чингисова. Разумеется, хорошо; но я боюсь, что она сама к нему уедет,— это такая добрая, такая преданная душа... Но она меня ждет... Нет, я не пойду. *(Садится.)* Письмо меня совсем расстроило. Сходите, Борис Борисыч! Вы знаете, в чем дело; как ей будет угодно, так и кончайте.

Сафоев. Я пойду... Но вы успокойтесь... может быть, мы и найдем средства образумить нашего шалуна... мы потолкуем за обедом...

Чингисова. Я обедать не буду.

Сафоев. Не будете? Это невозможно, послушайте.

Чингисова. Пойдете вы?

Сафоев. Пойду, пойду, но нельзя ж оставить вас в таком положении. Как это не обедать! Нет, вы будете обедать... и я с вами. *(Целуя руку.)* Итак, через полчаса, желаю вам спокойствия и аппетита. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Чингисова, потом Дуняша.

Чингисова. Спокойствия! Для меня нет больше спокойствия... я потеряла сына.

Входит Дуняша.

Дуняша. Ах, ваше сиятельство.

Чингисова. Что ты? Что с тобой?

Дуняша. Бежала... совсем задохнулась... Я там в саду была на преспект... колокольчик. Я гляжу, гляжу... ведь это они.

Чингисова. Кто?

Дуняша. Они, барин, Владимир Викторыч.

Чингисова. Сын, Володя? Ты видела? Ты ошиблась, ошиблась.

Дуняша. Ох, нет, помилуйте-с; я их издали узнала. Да вот извольте послушать.

Чингисова. Неужели он? Побежим!

Дуняша. Да, вот они-с.

Владимир входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Чингисова, Дуняша, Владимир.

Владимир. Маменька! *(Обнимает мать.)*

Чингисова без слов опускается на диван.

Маменька, придите в себя, это — я, я — Володя.

Чингисова. Володя, сын мой... да, да... Я опять тебя вижу, обнимаю... Зачем ты огорчил меня, зачем писал...

Владимир. Вы получили письмо? Я думал, что приеду раньше его. Жаль. Меня было задержало одно дело; потом...

Чингисова. Ну, друг мой, на радости я тебя прощаю, все прощаю.

Владимир. И притом мне очень хотелось видеть вас, побывать в деревне, вы так меня любите.

Чингисова. Кого ж мне и любить, как не тебя.

Владимир *(целуя руку матери)*. О, я очень чувствую вашу любовь, вашу доброту... Ни одного упрека... тогда как мое поведение в Москве...

Чингисова. Я ничего знать не хочу, ты здесь — вот все, что мне нужно, и теперь...

В л а д и м и р. О, теперь уж не беспокойтесь, я стал опытен.

Ч и н г и с о в а. Рано же.

В л а д и м и р. Рано ли, поздно ли — это все равно... Но довольно о прошлом. Я здесь счастлив, покоен, здесь меня любят.

Д у н я ш а. Вот уж правда-то, сударь!

В л а д и м и р. Ах, это ты, Дуняша. Я тебя и не заметил.

Д у н я ш а. Я, я уж давно здесь.

Ч и н г и с о в а. Значит, ты у меня останешься?

В л а д и м и р. Да, сегодня, завтра... потом вы сами же хотели, чтобы я путешествовал, потом я поеду за границу, в Италию, думаю, тоже в Бразилию.

Ч и н г и с о в а *(смеясь)*. Пожалуйста, не так далеко.

Владимир вздыхает.

Что с тобой, друг мой? Ты расстроен?

В л а д и м и р. Я? Нет... это ничего, это я от радости. Какое счастье быть подле вас! И я имел глупость предпочтить этому счастью шум, разгул...

Ч и н г и с о в а. Но тебе нужно отдохнуть...

В л а д и м и р. Да я гнал сломя голову.

Ч и н г и с о в а. Что тебе за охота была ехать в такую жару на лошадях, когда есть железная дорога?

В л а д и м и р. Для разнообразия. Я ужасно изломан, пыль, жара. Надо отдохнуть, переодеться.

Ч и н г и с о в а. Поди, поди, до обеда успеешь. Сегодня Борис Борисыч обедает с нами.

В л а д и м и р. Ах, старик Сафоев здесь. Я очень рад.

В л а д и м и р и Д у н я ш а уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ч и н г и с о в а, ⟨потом⟩ С а ф о е в и Б у д а р о в а.

Ч и н г и с о в а. Наконец-то я отдохну хоть немного. Что с ним сделалось, что его привело ко мне, уж не знаю... Но я и думать не хочу, мне все равно, он воротился, и я счастлива.

С а ф о е в *(за сценой)*. Нет, нет, моя красавица, княгиня будет очень рада.

Ч и н г и с о в а. Борис Борисыч.

С а ф о е в и Б у д а р о в а входят.

Сафоев. Вот мадам Бударова! Я ее встретил в парке, она шла к вам; вместо того чтобы зайти к ней, я ее веду сюда чуть не насильно.

Чингисова. И хорошо делаете.

Бударова. Напрасно, я и не сопротивляюсь, мне даже нужно видеть княгиню, у меня есть просьба.

Чингисова. Прекрасно, и у меня есть просьба, одолжение за одолжение. Вы не откажете, конечно? Вот вы здесь, я вас и арестую, вы обедаете с нами.

Бударова. Невозможно.

Сафоев *(Бударовой)*. Нет, нет, вы останетесь. *(Чингисовой.)* А к вам, княгиня, кажется, возвратилось и веселое расположение духа и аппетит, чему я очень рад.

Чингисова. Да разве вы не знаете? Ведь он приехал, он здесь... Володя, сын мой.

Сафоев. Ну вот, ну вот... Ах, скажите...

Бударова. Ваш сын?

Чингисова. Представьте себе, как я счастлива; но он, я не знаю, он как-то расстроен, взволнован. Подите к нему, узнайте, что с ним! Он вас любит, он вам скажет.

Сафоев. Да, да, я пойду. Но какую странную роль вы меня заставляете играть! Конечно, если это в интересах нравственности и дружбы.

Чингисова. О, без сомнения.

Сафоев. Ну, так я иду. *(Бударовой.)* А вас покорнейше, покорнейше прошу остаться, пообедайте. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Чингисова и Бударова.

Чингисова. Чтобы вы могли понять мою радость, надо вам знать, сколько беспокойства и горя пережила я с этим сыном.

Бударова. Я не знала, что у вас есть сын... Я думала, что у князя Чингисова не было...

Чингисова. Это от первого брака. Он не Чингисов, фамилия Чингисовых прекратилась. Надо вам признаться, что я была небогата и вышла замуж в другой раз за богатого пожилого человека,— не для себя, а единственно для сына, для него я принесла себя в жертву. Мой сын стоит того; вот вы его увидите... Это очаровательный молодой человек. *(Поправ-*

ляясь.) Прекрасное сердце, немного легкомыслен... Но... да... так вы непременно хотите оставить нас?

Б у д а р о в а. Да, мне необходимо, и я пришла попросить у вас коляску доехать до станции железной дороги.

Ч и н г и с о в а. Мне кажется, будет лучше, если я откажу вам. Я угадываю ваше намерение, вы хотите ехать к мужу.

Б у д а р о в а. Княгиня!

Ч и н г и с о в а. Какая слабость! Он вас еще не совсем разорил, у вас осталось кой-что,— вам можно жить; что ж, вы хотите, чтобы он размотал последнее? Он не имеет к вам ни жалости, ни уважения. Ведь он сам себя довел до того, что его отправили или посоветовали ему отправиться в Азию.

Б у д а р о в а. Но ведь он мой муж.

Ч и н г и с о в а. Вам бы похлопотать о разводе.

Б у д а р о в а. Развод всегда так тяжел для женщины. Уж лучше терпеть... огласка, скандал...

Ч и н г и с о в а. Но послушайте же меня.

Б у д а р о в а. Не беспокойтесь, я не поеду к мужу; меня приглашает старуха тетка в Воронежскую губернию; она предлагает мне убежище, тихий приют. Я только того и ищу.

Ч и н г и с о в а. Вы меня огорчаете! Я надеялась встречаться с вами нынешней зимой в Москве.

Б у д а р о в а. В Москве? Никогда! Там есть другие опасности. *(Поправясь.)* Княгиня, не настаивайте больше, я прошу вас; как мне ни тяжело, но я еду, я должна ехать.

Ч и н г и с о в а. Но отчего ж непременно нынче? Моя карета всегда к вашим услугам, но заложить лошадей мы прикажем завтра.

Б у д а р о в а. Позвольте, княгиня...

Ч и н г и с о в а. У нас еще не кончены счеты.

Б у д а р о в а. Да разве это долго?

Входит С а ф о е в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ч и н г и с о в а, Б у д а р о в а, С а ф о е в.

С а ф о е в. Вот и я! Я оставил Владимира...

Б у д а р о в а. Владимира?

Ч и н г и с о в а. Да, моего сына зовут Владимиром. *(Сафоеву.)* Что, он заснул?

С а ф о е в. Он-то? Ему-то заснуть? Ну, уж едва ли! Он бледный, растрепанный, бегает по комнате и колотит хлыстом по столам и стульям. Когда я вошел, он как кинется ко мне: ах, друг мой, старый друг мой... а самого так и передергивает.

Ч и н г и с о в а. Ну, далее, далее!

С а ф о е в. Схватил меня за плечи, посадил на стул и заговорил,— не дал мне и рта разинуть.

Ч и н г и с о в а. О чем же, о чем?

С а ф о е в. Ну, я вам всего не скажу, потому что между молодыми людьми говорятся такие вещи...

Ч и н г и с о в а. Но главное, главное... Что привело его ко мне?

С а ф о е в. Да это он с досады... Оскорбленное самолюбие... самолюбие ведь главный конек, главная пружина всей их компании, театралов.

Ч и н г и с о в а. Театралов?

С а ф о е в. Да вы не беспокойтесь, тут нет ни сильной страсти, ну, словом, ничего серьезного... Он мне поклялся, и я ему верю. Собирались они, по обыкновению, всей своей компанией у одной феи, туда же повадился один богатый купчик. Ваш сын ведь ужасно так благороден, ну и ужасно тоже самолюбив, и ужасно тоже придирчив.

Ч и н г и с о в а. Вы меня пугаете... дуэль, что ли?

С а ф о е в. Какая дуэль! Проще... и сильфида и большинство его приятелей поступили изменническим образом, они приняли сторону коммерсанта и позволили себе немножко подсмеяться над вашим сыном! Ужасно! Предпочесть капитал благородству происхождения!.. Но за это благородный Стромынский всех их сразу и возненавидел!

Б у д а р о в а. Стромынский?

Ч и н г и с о в а. Да, мой сын,— это фамилия его отца.

С а ф о е в. Сегодня утром, после горячего объяснения, он берет хлыст, и шляпу, и тройку лошадей, и стремится в наши объятия, и приезжает, разбитый от дороги, с уязвленным сердцем и с пустым кошельком.

Ч и н г и с о в а. Но наконец он бросил своих друзей, бросил общество, которое его губило, мы с вами удержим, спасем его, не правда ли?

Сафоев. Да, пожалуй, может быть, каких чудес на свете не бывает.

Чингисова *(подходя к Бударовой, которая едва держится на ногах)*. Что такое? Что с вами?

Бударова. Нет, нет, ничего... но позвольте, мне нужно собираться.

Чингисова. Ах, идите, идите с богом! Но куда же вы торопитесь, ведь поезд отходит в одиннадцать часов вечера? *(Сафоеву.)* Борис Борисыч, пойдемте в мой кабинет, мне нужно поговорить с вами.

Сафоев. Уж я знаю наперед, о чем мы будем говорить. Извольте, я готов.

Бударова. Прощайте, княгиня.

Чингисова. До свиданья, София Васильевна! Мы вас будем ждать; до ночи еще времени много. *(Уходит, за ней Сафоев, кланяясь Бударовой.)*

Бударова *(идя к дверям)*. Я едва держусь на ногах. Владимир... Владимир Викторыч Стромынский ея сын... он здесь... Нет, спасаться, спасаться! Бежать отсюда, бежать без оглядки.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

КНЯГИНЯ ЧИНГИСОВА.

ВЛАДИМИР.

БУДАРОВА.

САФОЕВ.

ДУНЯША.

Парк в имении Чингисовой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Владимир, потом Бударова.

Владимир. Здесь Софья Васильевна... мне сказали...

Бударова *(выходя из аллеи)*. А? Боже мой! Я не успела...

Владимир. Софья Васильевна? Меня не обманули... Когда я услышал, что вы здесь, я не хотел, не смел верить.

Бударова. Извините! Я иду к себе... Я уезжаю.

Владимир. Ах, ради бога! Вы здесь? Но каким чудом вы здесь? Вы у моей матери, у меня, тогда как в Москве вы прятались, бежали...

Бударова. Да, конечно, мое присутствие вам может показаться странным... Но это очень просто, я нанимаю у вашей маменьки флигель в парк.

Владимир. Да, значит, вы скрылись сюда, когда бросили в Москве несчастного... убитого вашим презрением.

Бударова. Ах, прошу вас...

Владимир. И куда же вы бежали от меня? К моей матушке...

Бударова. Я этого не знала... я...

Владимир. Не продолжайте! Ах, если б я знал, что есть надежда встретить вас здесь; никакие столичные удовольствия, никакие блага не удержали бы меня. Если б я знал, что счастие, которого я ищу по свету, ждет меня дома.

Бударова. Конечно, дома... вас давно со слезами зовет ваша мать... Вы воротились к ней... как это хорошо! Не покидайте, не покидайте ее!

Владимир. О нет, не покину никогда, никогда, пока вы здесь. Помогите мне исполнить долг мой!

Бударова. Невозможно.

Владимир. Вы хотите сказать, что я так испорчен, что мои проступки...

Бударова. Нет, не то. Какое же я имею право упрекать вас!

Владимир. Да, конечно, не имеете. Я веду себя дурно, не достойно ни моей матери, ни меня самого; везде говорят о моих шалостях, и все имеют право упрекать меня, все, кроме вас. Вы не имеете этого права, потому что во всем, что я делаю, виноваты вы.

Бударова. Я? Что вы хотите сказать этим?

Владимир. О, вы знаете, вы хорошо знаете, что я хочу сказать. Для вас будет не новость, если я скажу, что в Москве я встретил женщину, которой ум, прелесть, нежное сердце обворожили меня, что эта женщина, без ее ведома, совершенно овладела моей душой, что я в эту любовь положил все мои мечты, все мои надежды на счастие.

Бударова. Довольно! *(Хочет идти, Владимир ее удерживает.)*

В л а д и м и р. Что эта женщина несколько времени поощряла или по крайней мере терпела мою нежную преданную любовь... и вдруг не стала принимать, оттолкнула, выгнала... того, который отдал ей всю свою жизнь... Я ревновал...

Бударова делает движение.

Да, ревновал... потом с разбитой душой я бросился в общество, которое много ниже меня, безумным мотовством я думал оглушить себя,— я думал отомстить вам. Да, я думал, что моя дурная слава дойдет до вас, и вы меня хоть немного пожалеете... Я старался выжить, вырвать из сердца любовь к вам; но она всегда оставалась в моем сердце угрызением.

Б у д а р о в а. Но позвольте, это объяснение... это признание!.. Я его избегала... я его боялась... беру небо в свидетели, я делала все, чтобы не слыхать его... Эта любовь оскорбительна, она преступна... Вы не хотели видеть моего гнева, иначе бы вы замолчали.

В л а д и м и р. Боже, что я слышу от вас!

Б у д а р о в а. Успокойтесь, я вас прощаю. Будьте счастливы, оставайтесь у вашей матушки! Только с этим условием я извиняю вас.

В л а д и м и р *(целуя ее руку)*. Ах, благодарю вас!

Б у д а р о в а. Я прошу вас об этом на прощание.

В л а д и м и р *(пораженный)*. Вы... вы уезжаете?

Б у д а р о в а. Сегодня вечером.

В л а д и м и р. Вы бежите от меня?

Б у д а р о в а. Нет, отъезд мой был решен еще до нашей встречи, которой я и не желала вовсе; она не может ни ускорить, ни замедлить моего отъезда.

В л а д и м и р. Да, поезжайте! Конечно, может ли помешать вам встреча со мной, когда, может быть, другой, счастливец, ждет вас... я уж слышал.

Б у д а р о в а. Нет, вы ничего не слыхали, а если слышали, так вас обманули. Я имею обязанности и уважаю их, но если б, несмотря ни на что, я полюбила кого-нибудь,— это осталось бы моей тайной, и никогда и никто не узнал бы об этом.

Сафоев за сценой: «Владимир, Владимир!» Бударова отходит от Владимира, входит С а ф о е в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бударова, Владимир, Сафоев.

Сафоев. А, вот он! Ты занят разговором с мадам Бударовой?

Владимир. Ну, да.

Бударова. Да, я встретила...

Сафоев. Превосходно... Он молод, любезен, он, может быть, успеет в том, в чем нам, старикам, отказывают. *(Владимиру.)* Она хочет нас покинуть, уехать сегодня вечером. Ну, не убийственно это, скажи на милость.

Владимир. И я тоже говорю.

Сафоев. Еще бы! И, должно быть, ты горячо говорил, потому что не слыхал, что тебя ищут, зовут, кричат.

Владимир. Меня? Кто же?

Сафоев. Прислуга, я, ну и, наконец, все, что только есть народу в усадьбе.

Входит Дуняша.

Владимир. Хорошо! Я иду... бегу. *(Кланяясь Бударовой.)* До свидания! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бударова, Сафоев, Дуняша.

Дуняша. Ну, я так и знала. Вы уж не утерпели, сказали... Ах, Борис Борисыч, вот что вы сделали. Ах, право, какое несчастие!

Бударова *(подходя)*. Что такое?

Сафоев. Несчастие?

Дуняша. Ну да, конечно. Зачем приехал этот лакей, зачем он спрашивает Владимира Викторыча? Что ему так скоро нужно?

Сафоев. Ну!

Бударова. Он спрашивает Владимира Викторыча?

Дуняша. Да-с, большой такой лакей, в отличной ливрее.

Сафоев. Далее, далее.

Дуняша. Он знаком с нашим человеком, с Иваном, они прежде вместе жили в одном доме. Я слышала, как они разговаривали; он, этот большой лакей, говорил о своей барыне, что она красавица и что у ней

расстроились нервы, что она и еще какие-то молодые господа послали его сломя голову догнать и сейчас же воротить Владимира Викторыча.

Бударова. Ах, боже мой!

Сафоев. Он догонял Владимира. Вот так скачка!

Дуняша. Я думаю: не сказать ли княгине.

Бударова. Да. Не худо бы предупредить.

Сафоев. Какая глупость!.. Вот до чего дошло!.. Но погоди ж ты, мы еще посмотрим. Я сейчас пойду поговорю с княгиней; она, кажется, в беседке.

Бударова. Да, идите, идите,— я прошу вас, удержите этого молодого человека, не пускайте его. Это будет так тяжело, так горько... для матери.

Сафоев уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бударова, Дуняша.

Бударова. Какое неприятное, томительное чувство!.. Казалось бы, что мне... *(Задумывается.)*

Дуняша. Сударыня... Софья Васильевна, можно с вами поговорить?

Бударова. Что такое? Говори!

Дуняша. Я слышала, что вы сегодня уезжаете.

Бударова. Да, вечером.

Дуняша. Если вы едете в Москву и вам на зиму нужна будет горничная...

Бударова. Как, разве ты хочешь оставить княгиню?

Дуняша. Нет, как можно! Оне такие добрыя-с — только ведь оне здесь до осени, оне осенью уезжают в Москву или в Петербург и меня никогда не берут с собой. Ты, говорят, там избалуешься, ты должна зимой жить с родителями! А какая здесь жизнь зимой, помилуйте! Да притом же тятенька меня отпущает. Летом здесь по крайней мере господа, все-таки людей видишь... хоть редко, а все-таки молодой барин приезжает.

Бударова. Ты любишь его?

Дуняша. Кто ж его не любит? Разве есть такой человек на свете? А вот настанет октябрь, такая-то тоска нападет... и уж я непременно хочу уехать в Москву или Петербург. Что ж, я хоть и молода, а всему обучена и могу служить господам.

Бударова. Если б я ехала в Москву, я бы тебя непременно взяла, но я еду на зиму тоже в деревню.

Дуняша. А я так надеялась.

Входит Владимир.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Владимир, Бударова.

Владимир. Дуняша, поди! Тебя спрашивают.

Дуняша. Вспомните обо мне, Софья Васильевна, если будете в Москве или в Петербурге.

Бударова. Хорошо, Дуняша, уж если буду, так непременно.

Дуняша уходит.

Как вы расстроены.

Владимир. Я пришел к вам... Я хочу вверить вам мою судьбу... мою жизнь и, что всего дороже для меня, честь...

Бударова *(с испугом)*. Постойте! Я не знаю... могу ли... смею ли я вас слушать.

Владимир. О, выслушайте, выслушайте!.. Моя любовь не тайна для вас... вы знаете все: и мое поведение, и мою глупую последнюю историю, и мою надежду, мои мечты... Одно слово, одно слово ваше, и я спасен.

Бударова. Ах, зачем, зачем вы так говорите?

Владимир. Позвольте мне думать, мечтать, что вы меня любите... Несмотря на холодность ваших слов, в вашем взгляде, мне кажется... Взгляните на меня!

Бударова. Вы хотите погубить меня.

Владимир. Нет, нет! Но вы-то, вы-то хотите ли спасти меня? Я не знаю, вы уже слышали про ту историю, в которую я запутался... ну вот, меня опять зовут, меня ждут... Надо опять войти в это общество, надеть цепи. Могу ли я отказаться от его удовольствий, от его праздников, когда у меня нет никакого другого счастия? Говорите, ехать или оставаться?

Бударова. Вы меня спрашиваете?

Владимир. Да, спрашиваю. У меня мелькнула надежда оживить в моем сердце благородные наклонности, но все это может погаснуть от вашей холодности... О, пусть мое нравственное восстановление будет вашим делом. Одно слово... Ваши приказания

священны для меня. Скажите, что вы остаетесь, и я останусь.

Б у д а р о в а. Мне остаться! Мне поощрять вашу любовь! Уж я и то дурно делаю, что слушаю вас,— у меня свои обязанности, свои цепи... я не свободна.

В л а д и м и р. А если б были?

Б у д а р о в а *(живо)*. О, тогда, что и говорить, я, конечно, бы осталась.

В л а д и м и р. Боже мой, что я слышу!

Б у д а р о в а. Послушайте! Если хотите, чтоб вас уважали, чтоб вас любили, не возвращайтесь в это общество, вы в нем гибнете. Я прошу вас, умоляю... я умру.

В л а д и м и р. О, какое счастие, вы меня любите! Повторите, повторите! Нет, не надо... Ну останьтесь же, останьтесь здесь для меня одного, и сегодня же вечером я приду к вам, чтоб упасть к ногам вашим.

Б у д а р о в а. Ах, что вы!

В л а д и м и р. Не говорите, не продолжайте, я так счастлив, не делайте меня несчастным. Не запрещайте мне! Ваши слова, ваши приказания для меня священны.

Б у д а р о в а. Ах!

Входят Ч и н г и с о в а и С а ф о е в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ч и н г и с о в а, Б у д а р о в а, В л а д и м и р и С а ф о е в.

Ч и н г и с о в а *(сыну)*. Ах, ты здесь, мой друг, и с мадам Бударовой. *(Бударовой.)* Я думала, что вы дома, и хотела навестить вас. *(Сыну.)* Владимир, Борис Борисыч говорит, что ты хочешь уехать, покинуть меня.

С а ф о е в. Я не говорил наверно, я только предполагал.

В л а д и м и р. Оставить вас! Что за вздор! Возможно ли, maman! Ведь если бы и случилось, так разве на несколько дней... конечно, дела, не терпящие никакого отлагательства, призывают меня, я вернусь. *(Взглянув на Бударову.)* Мне, собственно, нужно только одно слово, и я могу остаться у вас надолго.

С а ф о е в. Дай-то бог!

Ч и н г и с о в а *(поймав взгляд Владимира)*. О, мы тебя постараемся удержать, мы тебя удержим. *(Улыба-*

ясь.) Ведь, уж коли на то пошло, я употреблю все средства, все обольщения — я попрошу и мадам Бударову помочь мне.

Владимир. Тогда уж мне, конечно, сопротивляться будет трудно.

Сафоев. Конечно, конечно... Вот мы об этом за обедом потолкуем *(подает руку Бударовой)*; потому что когда же теперь, мы сейчас садимся за стол.

Бударова *(скрывая волнение)*. Нет, извините, я не могу; у меня еще не все готово... уж скоро вечер, до отъезда времени осталось немного, нужно поторопиться... я должна идти сию минуту... Извините! *(Кланяется и уходит.)*

Чингисова *(про себя)*. До отъезда! Значит, она не получила еще моей записки.

Сафоев. Неумолима. Что ж делать! Это маленькое несчастие не должно мешать общему удовольствию. Мы постараемся найти утешение в своей семье. Обед ждет нас и теряет терпение, и мой желудок тоже. Шестой час, поспешимте!

Владимир. Благодарю, я не буду обедать. У меня в Москве серьезное, безотлагательное дело.

Чингисова. Володя, что ты говоришь, мой друг!

Владимир. Извините. Я сей час пойду узнаю, могу ли я промедлить несколько минут. Но поверьте, maman, я не желаю оставить вас, я уезжаю против воли. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Чингисова, Сафоев.

Сафоев. Я ничего не понимаю.

Чингисова. Ах, Борис Борисыч!

Сафоев. Что за каприз! Какой ветреный малый! Но вы не беспокойтесь, он еще пять раз переменит свое решение, пойдемте.

Чингисова. Послушайте, мне нужно удержать его, во что бы то ни стало. Что я ни делай, он не послушает,— он уедет, и тогда мечты мои и надежды должны рассыпаться; он своим безумным поведением расстроит свадьбу с Дулебовой. Борис Борисыч, вы наш друг, друг моего сына, я жду от вас новой услуги... Я вам сейчас говорила в кабинете... вам нужно ехать в Москву.

Сафоев. Наблюдать над ним... по-прежнему?

Ч и н г и с о в а. Нет, это не поможет, он ваших советов не послушает. Вы увидите его друзей... и, если он любит эту женщину...

С а ф о е в. Ну, я увижу эту красавицу, но что ж будет толку, что мне с ней делать?

Ч и н г и с о в а. Мне кажется, он ее не любит... но правда ли? Он поссорился с ней, уехал от нее... забыл. Но все равно... старайтесь убедить ее, подействовать на ее нравственность.

С а ф о е в. На нравственность? *(Смеется.)* Ха, ха, ха. Да что я, мудрец, что ли, греческий.

Ч и н г и с о в а. Ну, предложите ей денег, много денег.

С а ф о е в. Вот это другое дело.

Ч и н г и с о в а. Чтоб он не мог видеться с ней... попросите ее, чтоб она его не принимала! Тогда он с досады бросит ее и возвратится ко мне.

С а ф о е в. Поручение тонкое и деликатное, но как его исполнить? Владимир увидит ее прежде меня.

Ч и н г и с о в а. Нет. Я удержу его до завтра. Возьмите моих лошадей,— я написала мадам Бударовой, что не могу сегодня вечером дать ей своей кареты, что очень жалею.

С а ф о е в. О чем жалеть! И она тоже останется.

Ч и н г и с о в а. Поезжайте, уж пора.

С а ф о е в. Сейчас поеду.

Ч и н г и с о в а. Ну, я вас прошу.

С а ф о е в. Хорошо, хорошо! Но ведь надо же собраться. Послушайте — взамен этой столичной любви хорошо бы другую... *(Тихо.)* Ах, кабы здесь, поближе, в нашем обществе, конечно, скромную любовь... чтобы это в тайне, разумеется, и не очень страстную, а так, знаете... на время... пока.

Ч и н г и с о в а. Вы опять за свое.

С а ф о е в. Извините, виноват. А не лучше ли ехать после обеда?

Ч и н г и с о в а. Как можно! Вы опоздаете к поезду.

С а ф о е в. Ну, сейчас, сейчас. *(Уходит.)*

Входит Д у н я ш а и издали показывает что-то Чингисовой.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ч и н г и с о в а, Д у н я ш а.

Ч и н г и с о в а. Теперь бы мне поскорей видеть Владимира. Ах, успею ли я задержать его хоть на несколько часов!

Д у н я ш а *(тихо)*. Ваше сиятельство!

Ч и н г и с о в а. Дуняша, ты отдала мою записку Софье Васильевне?

Д у н я ш а. Да, ваше сиятельство,— когда оне шли отсюда, я им и подала.

Ч и н г и с о в а. Хорошо. *(Про себя.)* Вероятно, она сердится, но что же мне делать, ведь я мать.

Д у н я ш а *(таинственно)*. Ваше сиятельство!

Ч и н г и с о в а. Что тебе?

Д у н я ш а. Вы, ваше сиятельство, очень расстроены, что Владимир Викторыч уезжают, и все жалеют, и мне жалко-с...

Ч и н г и с о в а. Мне некогда слушать твою болтовню. Говори, что тебе нужно.

Д у н я ш а. Ничего-с... А вот письмо! Его нес садовник к Владимиру Викторычу — он не сказывает, от кого принял; а уж я знаю, что это из Москвы,— должно быть, с скорым поездом.

Ч и н г и с о в а *(берет письмо)*. Письмо к Владимиру? Да... женская рука.

Д у н я ш а. Я его никому, кроме вас, и отдавать не хотела.

Ч и н г и с о в а. И дурно делаешь,— это письмо не ко мне.

Д у н я ш а. Да, я очень хорошо знаю-с... а я было думала, так пожалуйте, я снесу-с.

Ч и н г и с о в а. Нет, я сама отдам... я не скажу, что получила от тебя.

Д у н я ш а. Сделайте одолжение, ваше сиятельство! А то мне...

Ч и н г и с о в а. Ну, хорошо! Позови ко мне Владимира Викторовича.

Д у н я ш а. Слушаю-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ч и н г и с о в а одна.

Ч и н г и с о в а. Письмо от нея! От нея... и сюда, в дом... ко мне! Какая дерзость! Распечатать... Ах, какое искушение! *(Немного подумав.)* Ну, да что тут, я мать, я тоже имею свои права... мне надо спасать его! *(С сердцем разрывает конверт, останавливается на мгновение и потом читает.)* «Я не поеду сегодня вечером,— ваша матушка отказала мне дать экипаж,

и я принуждена отложить поездку». *(Перерывая чтение)*. Что такое? От кого это? *(Смотрит подпись.)* «С. Б.» Софья Бударова. Бударова к моему сыну! Значит, я не ошиблась. *(Читает.)* «Не заблуждайтесь, не перетолковывайте в свою пользу ни моего замедления отъездом, ни моего молчания давеча в саду! Вы поклялись повиноваться мне и уважать мои приказания... Не уезжайте, я вам запрещаю; но свидание, которого вы осмелились просить у меня, невозможно. Вы знаете, что я люблю вас; защита мне от вас только ваша честность. Если ж это правда, что вас может спасти только любовь моя,— то есть мое бесчестие, то уезжайте. Бог с вами». *(Заметив издали Владимира, прячет письмо.)*

Входит В л а д и м и р.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Ч и н г и с о в а, В л а д и м и р, потом С а ф о е в, Д у н я ш а.

В л а д и м и р *(не видя Чингисовой, смотрит в сторону)*. Что это? Лошади готовы, карета у ворот,— она уезжает. Но пусть же она увидит, что я уеду прежде нее.

Ч и н г и с о в а. Володя, ты все-таки хочешь меня оставить? А, нет! Ну хоть на несколько дней, хоть до завтра.

В л а д и м и р. Не сердитесь на меня! Я очень несчастлив.

Ч и н г и с о в а. Несчастлив? Ох, милый мой, все-таки меньше, чем я.

С а ф о е в входит.

С а ф о е в. Ну прощайте! Все готово.

В л а д и м и р. Как, и ты едешь?

С а ф о е в. Еще бы! И у меня тоже дела.

Входит Д у н я ш а.

Д у н я ш а *(Сафоеву)*. Пожалуйте! Кучер говорит, что самое время; а то опоздаете на поезд.

В л а д и м и р. Как? Кучер? Разве эти лошади для тебя?

С а ф о е в. Не совсем для меня — это для Софии Васильевны, но она мне уступила, она не поедет.

В л а д и м и р *(едва сдерживаясь)*. Она остается?

С а ф о е в. Ну да! Что ж тут удивительного!

В л а д и м и р *(про себя)*. Для меня... О! как я счастлив!

Чингисова смотрит на него.

Д у н я ш а *(печально)*. И вашу тройку выкормили, и она тоже готова.

В л а д и м и р. Хорошо, хорошо... но я не поеду, я останусь. Так угодно маман. Дня два, три, неделю... ну сколько будет ей угодно.

С а ф о е в. Еще новости! *(Тихо, Чингисовой.)* Так не послать ли карету Софье Васильевне?

Ч и н г и с о в а *(с движением)*. Ах, нет! Что вы, что вы!

С а ф о е в. Так пойдемте за стол!.. Шесть часов, помилуйте.

Д у н я ш а *(Чингисовой)*. Вы, ваше сиятельство, не сказали, что я... *(Видя, что Чингисова бледнеет.)* Ваше сиятельство, что с вами? Вы так бледны! Вы нездоровы?

В л а д и м и р *(подбегает, поддерживает мать и усаживает ее на скамейку)*. Маман, маман, что с вами?

С а ф о е в. Ну вот, ну вот... это от радости... от волнения... Ох, женские нервы! А обедать-то мы, кажется, не будем.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

БУДАРОВА.

ВЛАДИМИР.

КНЯГИНЯ ЧИНГИСОВА.

САФОЕВ.

ДУНЯША.

В квартире г-жи Бударовой в Петербурге. Две двери по бокам, вход в глубине, налево в углу камин.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Б у д а р о в а сидит в задумчивости у камина. В л а д и м и р стоит с книгой в руке и в молчании смотрит на нее.

В л а д и м и р. Вы меня не слушаете, Софи?

Б у д а р о в а *(выходя из задумчивости)*. Извините, мой друг, продолжайте!

В л а д и м и р *(положив книгу)*. Нет, вы не будете меня слушать, книга не занимает вас; вы печальны, задумчивы... Два месяца мы в Петербурге... два месяца счастья, сегодня в первый раз, Софи, я замечаю, что прячете от меня слезы.

Б у д а р о в а. Вы дитя, вы не понимаете ничего... Что ж делать... угрызения совести.

В л а д и м и р. Что говорите вы! Угрызения; что за вздор! Разве ты меня разлюбила? Угрызения... откуда они... Ты свободна.

Б у д а р о в а. Да, свободна. Ох, но я хочу быть счастлива, хочу быть весела; а я не знаю, какая-то тягость гнетет меня, какое-то предчувствие несчастия.

В л а д и м и р. Ну еще что?

Б у д а р о в а. Мне кажется, что всякая вина должна быть искуплена, должна понести наказание... да, всякая... Но виновата ли я? Я не знаю, какой-то рок преследует меня, влечет меня — я хотела бежать...

В л а д и м и р. Однако, осталась.

Б у д а р о в а. Все было против меня: карету мне не дали, это письмо... оно не дошло до вас.

В л а д и м и р. Вечно у тебя это письмо! А если я не хочу верить этому письму? Я не хочу верить, чтобы ты запрещала мне любить тебя и надеяться.

Б у д а р о в а. Если б вы получили мое письмо, вы бы уважили мои просьбы, мои мольбы.

В л а д и м и р. Ну да, да, я согласен, если б я получил его, я бы уехал... с горечью, с отчаянием.

Б у д а р о в а. И я была бы спасена.

В л а д и м и р *(с сердцем)*. Ах, не говорите мне об этом письме. *(Нежно.)* Ты ведь его не писала?

Б у д а р о в а *(сквозь слезы)*. Он не верит.

В л а д и м и р. Ты жалеешь о том, что случилось. Это обидно.

Б у д а р о в а *(подходя и обнимая Владимира)*. Владимир!

В л а д и м и р. Нет, нет, люби меня, Софи... доверь себя моей любви, моей чести... я все исполнял, что тебе угодно было... Ты хотела бежать из деревни, там взгляды моей матери иногда заставляли тебя краснеть; и ты уехала, а я остался, остался на целую неделю без тебя,— целую неделю играл в вист с нелепым Борисом Борисычем. Неделя без тебя — это век. Кто же после этого может подозревать нас?

Б у д а р о в а. Никто.

В л а д и м и р. Кто знает, где ты? А обо мне все думают, что я в Италии. Здесь я брат твой; ну и кончено дело, все так и считают.

Б у д а р о в а *(закрывая ему рот рукою)*. Ах, молчи, молчи!

В л а д и м и р. Слез не надо, Софи, не надо.

Б у д а р о в а. Прости меня! Это беспокойство, эти страдания, с которыми я не могла совладеть,— все это ребячество, твой сладкий голос сейчас же все и рассеял.

В л а д и м и р. Вот это так, Софи, это так.

Б у д а р о в а. Владимир, я глупа, не правда ли?

Голос Сафоева: «Можно войти?»

Кто там?

В л а д и м и р. Кто еще?

Голос Сафоева: «Да это я, Сафоев»; кричит громко: «Сафоев».

Б у д а р о в а *(сквозь слезы)*. Ах, он здесь. Что я ему сделала? Что ему от меня нужно?

В л а д и м и р. Тише! Я ухожу... сюда! Смелее! *(Уходит в боковую дверь.)*

Б у д а р о в а. Войдите!

Входит С а ф о е в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б у д а р о в а, С а ф о е в, потом Д у н я ш а.

С а ф о е в. Старый друг, Софья Васильевна, старый друг. Тысячу извинений! Позвольте мне поцеловать эту прелестную ручку. *(Целует.)* Как она дрожит.

Б у д а р о в а *(отнимая руку)*. Что за вздор... Я никак не ожидала...

С а ф о е в. Моего визита? Верю. Вы уехали вдруг, не оставили нам вашего адреса... мы за это имеем право упрекнуть вас. Покинуть нас, покинуть нас!

Б у д а р о в а. Ах, пожалуйста.

С а ф о е в. Извольте, не будем говорить об этом... Я вас вижу и не имею сил сердиться. *(Смотрит вокруг себя.)* Где же она? *(Идет к двери.)* Цыпленок, где ты?

Входит Д у н я ш а.

Д у н я ш а. Здравствуйте, сударыня! Как я рада, что вижу вас. Вот и я в Петербурге. Как здесь хорошо!

С а ф о е в. Вообразите, она находит, что Петербург хорош! Да ты что видела-то, кроме своей деревни? Княгиня хотела, чтобы она осталась дома, а она говорит, что вы ее ждете.

Б у д а р о в а. Я?

Д у н я ш а *(подходя к ней)*. Да-с. *(Тихо.)* Скажите: «да», я вас прошу. *(Громко.)* Я ведь не забыла, что вы обещали взять меня к себе, если будете в Петербурге.

С а ф о е в. Она твердила это беспрестанно и со слезами. Евлалия Давыдовна говорила, что вас нет в Петербурге, она думала, что вы путешествуете, уж не знаю где, а я говорил, что вы в деревне у тетушки,— но Дуняша дала нам ваш адрес: улицу, номер, дом, все в точности.

Д у н я ш а. Вы, как приехали, взяли здесь горничную, а она из нашей вотчины, она и писала нам.

С а ф о е в. Ну, что ж с ней делать! Евлалия Давыдовна и взяла ее с собою.

Б у д а р о в а. Евлалия Давыдовна в Петербурге?

С а ф о е в. Вчера приехала... очень устала, очень страдает, вы ее не узнаете... у ней на сердце печаль. Она плачет, рыдает и говорит, что сын убьет ее. Вы еще не знаете... через несколько дней после вашего отъезда он вдруг нас оставил... Я понимаю, у нас не было талисмана, который бы мог его удержать. Он уехал, и мы его больше не видели. Знаете, он в Италии.

Д у н я ш а. Так я его и не увижу в Петербурге?

С а ф о е в. Ну, что ты подслушиваешь! Не твое дело. Поди.

Дуняша отходит и смотрит гравюры.

Да, в Италии... Кажется, он завел там маленькую интрижку. Тем лучше, такая любовь — просто вспышка и не может долго продолжаться. Бедному Владимиру нужно состояние... а у него, кроме гордости, ничего нет... Он скоро женится, Евлалия Давыдовна нашла ему партию.

Б у д а р о в а. Вы думаете?

С а ф о е в. Знаю наверное. Дулебова,— богатое семейство. Ему не уйти,— быть бычку на веревочке. Княгиня писала ему, чтоб он возвращался скорее.

Б у д а р о в а. Он отвечал?

С а ф о е в. Не знаю. Княгиня получила какое-то письмо

сегодня утром, но ничего не сказала мне, а велела только отвезти к вам Дуняшу.

Б у д а р о в а. Мне очень досадно, но я не могу взять эту девушку.

С а ф о е в. Вот видишь ли ты, болтушка! Очень жаль, что я не могу сейчас же избавить вас от нея, я еду в Военное Министерство хлопотать за племянника. Княгиня пришлет за Дуняшей вечером.

Д у н я ш а. Как же это так, Софья Васильевна? Позвольте мне остаться.

Б у д а р о в а. Нельзя, мой друг. Вы в Военное Министерство. Будьте так добры, наведите справки о моем муже, я так давно о нем не имею известия.

С а ф о е в. С особенным удовольствием. До свидания. *(Дуняше.)* Я скажу, чтоб за тобой прислали.

Д у н я ш а. Не беспокойтесь, пожалуйста.

С а ф о е в уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Б у д а р о в а, Д у н я ш а, потом В л а д и м и р.

Б у д а р о в а. Ах, какая пытка.

В л а д и м и р *(отворяя дверь и входя)*. Голоса его не слыхать больше. Он ушел, и я могу...

Д у н я ш а *(с радостью)*. Ах!

В л а д и м и р. Дуняша! *(Почтительно кланяясь Бударовой.)* Извините, я не хотел проехать мимо вас без того, чтоб не засвидетельствовать вам свое почтение... я не нашел никого в передней и зашел сюда.

Б у д а р о в а. Это не скромно с вашей стороны; но, к счастию, здесь нет никого, а то бы мог осудить вас и меня.

Д у н я ш а. Вы уж возвратились из Италии?

В л а д и м и р. Да, конечно... но каким образом ты здесь?

Б у д а р о в а. Она вчера приехала в Петербург с княгиней.

В л а д и м и р. А! Вот что.

Д у н я ш а. Так точно-с. Сделайте такое великое одолжение, Владимир Викторыч, попросите, чтобы Софья Васильевна взяла меня к себе.

В л а д и м и р. Хорошо, хорошо... Но вот на первый раз сослужи службу, поди скажи, чтоб мне привели карету.

Д у н я ш а. Слушаюсь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Владимир, Бударова.

Владимир *(провожая глазами Дуняшу)*. Ушла.

Бударова. Ни слова, ни слова! Уйдите! Вы меня губите.

Владимир. Что за тревога, Софи?

Бударова. Тревога... я ее скрывала.

Владимир. Успокойся.

Бударова. Мне успокоиться! Могу ли я? Смерть в моем сердце, в продолжение часу я терпела пытку, я была, как на огне, скрывала стыд и отчаяние, которые душили меня... О! Идите, идите... и чтоб не видали вас здесь больше... оставьте меня, пусть меня видят одну, всегда одну, а вы никогда.

Владимир. Дуняша меня видела, но ведь это был простой визит... Вы ее отпустите сегодня же.

Бударова. А Сафоев, а Евлалия Давыдовна?

Владимир. Они ничего не узнают, ничего,— мы уедем от них далеко. Сбирайся! Я побегу приготовиться к отъезду.

Бударова. Бежать, как преступникам! Да, мне надо бежать... я женщина, я слаба, я боюсь стыда.

Владимир. Софья!

Бударова. У меня муж... А вам зачем бежать? Вы свободны... вы будете счастливы... вам приготовили невесту — прекрасную партию.

Владимир. От этой прекрасной партии я отказываюсь.

Бударова *(пристально смотрит на него)*. А письмо, письмо, которое княгиня получила сегодня утром!

Владимир. Это отказ, самый решительный.

Бударова. Слышите, идут... Ради бога, скорей. Карета, вероятно, готова... скорей по лестнице, здесь, уходите поосторожнее.

Владимир. Не бойся. Прощай. *(Уходит.)*

Входит Дуняша.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бударова, Дуняша, потом Чингисова.

Дуняша. Ах, сударыня! *(Оглядываясь.)* А где же?

Бударова. Кто? Владимир Викторыч? Он уехал.

Дуняша. Ах, зачем же они... Если бы вы знали...

Бударова. Что такое?

Д у н я ш а. Карета княгини подъехала... Я сейчас узнала карету.

Б у д а р о в а. Говори яснее!

Д у н я ш а. Я выбежала на улицу. Княгиня были так добры, расстроены, и оне не хотели выходить, отдали карточку.

Б у д а р о в а. Она уехала?

Д у н я ш а. Оне хотели уехать, но когда узнали, что Владимир Викторыч здесь...

Б у д а р о в а *(с ужасом)*. Ты сказала?

Д у н я ш а. Как же не сказать-с? Княгиня думали, что они в Италии... А как только узнали, они вышли из кареты... насилу мы их вели.

Б у д а р о в а. Ввели... Евлалию Давыдовну?

Д у н я ш а. Вы пойдете их встретить-с?

Б у д а р о в а. О, нет, нет. *(Хочет уйти.)*

Д у н я ш а. Их сиятельство здесь.

Ч и н г и с о в а показывается в глубине, бледная и едва держась на ногах.

Б у д а р о в а *(останавливаясь)*. Ах! *(Дуняше.)* Поди!

Чингисова показывает знаком, чтобы Дуняша ушла.

Д у н я ш а *(Чингисовой)*. Владимир Викторыч уехал-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Б у д а р о в а и Ч и н г и с о в а.

Ч и н г и с о в а. Извините, что я так неожиданно явилась.

Б у д а р о в а. Что вы! Мне кажется, наше прежнее знакомство дает вам право.

Садятся.

Ч и н г и с о в а. Я боялась... Ваш внезапный отъезд из деревни, ваше молчание. Эта таинственность, которой вы окружили себя в Петербурге.

Б у д а р о в а. Таинственность!.. Мое положение обязывает меня скрываться... Бывают несчастия, которых гораздо лучше никому не показывать.

Ч и н г и с о в а. Да, вы правы. Я должна была уважать и ваше несчастие и сама не выставлять напоказ перед

вами своего горя и своей тоски... Я бы не взошла к вам, если б эта девушка не сказала, что мой сын у вас. Я думала, что он так далеко от меня.

Б у д а р о в а. Ах, в самом деле... да... Дуняша могла вам сказать... Сегодня утром Владимир Викторыч сделал мне визит.

Ч и н г и с о в а. Визит! А мне он не сделал визита, он забыл.

Б у д а р о в а. Но он не знал, что вы приехали, он сам только что возвратился из Италии.

Ч и н г и с о в а. А! Он был в Италии?

Б у д а р о в а. Мне кажется... он говорил... да, да, он говорил.

Ч и н г и с о в а. Очень может быть... Я верю, потому что вы так говорите... Но его молчание...

Б у д а р о в а. Разве вы не получили письма?

Ч и н г и с о в а *(с дрожью)*. Письма, вы сказали?

Б у д а р о в а. Да... Он говорил, что писал вам.

Ч и н г и с о в а. Ах да, я получила сегодня.

Б у д а р о в а. Я, впрочем, не знаю, о чем он писал... он заехал на одну минуту... он говорил.

Ч и н г и с о в а. Об чем он писал, я вам скажу. Я люблю сына, люблю, как только может любить мать... Мне осталось жить немного, я чувствую, и хотела бы, закрывая глаза, оставить его счастливым. Я долго искала для него хорошую партию и наконец нашла. Счастье в его руках, и он отказывается для какой-то безумной любви, слушает чьих-то советов.

Б у д а р о в а. Советов?

Ч и н г и с о в а *(поправляясь)*. Ах, если бы вы ему посоветовали, вы бы мне возвратили сына.

Б у д а р о в а. Я? По какому праву я могу советовать?

Ч и н г и с о в а. Если б в один из тех визитов, которые он имеет честь делать вам... Ах, кто знает! Ваш голос, может быть, возвратил бы его матери, которую он забыл. И если б случайно вы встретили в обществе женщину, которую он любит... и которая, кажется, его любит... Если вы ее знаете, вы ей можете сказать, что Владимир губит из-за нея блестящую будущность, которой она не может ему доставить. Вы скажите ей, что если счастие, честь моего сына для нее дороги... ей следует возвратить моего сына к исполнению его обязанностей, возвратить его в семейство, которого гордость так щекотлива.

Бударова встает, Чингисова берет ее за руку с умоляющим видом.

Сам Владимир после благословит ее, а я... ох, я буду исполнена уважения и благодарности к этому небесному ангелу... Вы ей скажете?

Бударова. Да, я скажу ей.

Чингисова. И вы думаете, что она простит меня?

Бударова. Она сама нуждается в прощении.

Чингисова. Ах, если б мой сын был свободен.

Бударова. Он будет свободен.

Чингисова. Вы думаете?

Бударова. Я вам ручаюсь.

Входит Сафоев.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бударова, Чингисова, Сафоев.

Сафоев *(Чингисовой)*. А, здравствуйте! Вы чувствуете себя лучше? Я увидал вашу карету и успокоился. *(Бударовой.)* Как вы бледны, в каком волнении... Разве вы уже знаете?

Бударова. Я? Что?

Чингисова *(живо)*. Мадам Бударова говорила со мной о своем грустном и безвыходном положении.

Сафоев. Ах, да... Бедная женщина, связанная с таким мужем! Но бог милостив, бог милостив.

Чингисова. Что за таинственность?

Сафоев *(Бударовой)*. Я из Военного Министерства... есть новость.

Бударова. Какая новость? Говорите!

Сафоев. Я передам ее с удовольствием, а вы примите без слабости.

Бударова *(глядя на него)*. Ах, вы меня пугаете.

Чингисова. Говорите же!

Сафоев. Дело касается вашего мужа.

Бударова. Ах!

Чингисова. Ну, ну!

Сафоев. Он наконец решился сделать кой-что для своей жены.

Чингисова *(с радостью)*. Он возвращается?

Бударова *(с ужасом)*. Муж мой?.. Неужели?

Сафоев. Он умер.

Чингисова *(с неудовольствием)*. Умер?

Бударова *(с радостью)*. Умер.

С а ф о е в. Он убит при осаде какой-то крепости, уж тому три месяца.

Б у д а р о в а. Ах, бог мой, боже мой.

Ч и н г и с о в а *(подходя к ней, вполголоса)*. Это новость...

Б у д а р о в а *(с сильным волнением)*. Не бойтесь, что я обещала, я исполню. *(Едва держится на ногах.)* Извините! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ч и н г и с о в а, С а ф о е в.

С а ф о е в. Что с ней? Я не понимаю... Это несчастие можно назвать счастием. Впрочем, в таких случаях, конечно, для вдовы приличнее скрывать радость, которую она чувствует, и показывать печаль, которой не чувствует.

Ч и н г и с о в а. Очень может быть... Это уж ее дело...

С а ф о е в. Еще новость... Дулебовы в большом ходу, им везет во всех отношениях. Вот как бы Владимир был здесь...

Ч и н г и с о в а. Он здесь.

С а ф о е в. Вот кстати.

Ч и н г и с о в а. Но Владимир влюблен, я вам говорила, влюблен, как сумасшедший... в одну женщину.

С а ф о е в. Вы ее знаете?

Ч и н г и с о в а. Нет, но я знаю, что цепь эта будет разорвана.

С а ф о е в. Не говорил ли я вам: скромная любовь возвратит его вам.

Ч и н г и с о в а. Молчите! Если я поверила вам на одну минуту, я этого не прощу себе во всю жизнь.

С а ф о е в. Однако вы видите.

Ч и н г и с о в а. Довольно. Я получила сегодня утром письмо от сына: оно растерзало мое сердце. Я не знала, где он; теперь знаю, и... скоро, я надеюсь, скоро он меня обрадует.

С а ф о е в. То есть будет ухаживать за невестой.

Ч и н г и с о в а. Поезжайте к Дулебовым, скажите им, что Владимир возвратился, что он сгорает нетерпением.

С а ф о е в. Понимаю, понимаю...

Ч и н г и с о в а. Мне нужно съездить недалеко, потом я заеду сюда за Дуняшей и домой. Я буду ждать вас. *(Уходит.)*

Из боковой двери выбегает ***В л а д и м и р.***

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Сафоев и Владимир.

Владимир. Борис Борисыч!

Сафоев. Ах, Владимир, твоя матушка. *(Хочет идти к двери.)*

Владимир *(останавливает его)*. Нет, нет, останься. Я увижусь с ней сейчас же у нея.

Сафоев. Здравствуй! Давно ли ты из Италии?

Владимир. Сейчас только.

Сафоев. Прекрасно. Сердце твое свободно, если не совсем? У тебя какая-то страстишка была, я слышал. Надо тебе, мой друг, остепениться, да поскорее.

Владимир. Хорошо, хорошо. *(Про себя)*. Уйдет ли он?

Сафоев. Нет, в самом деле. Ты мне потом расскажешь, я тебе дам несколько советов, я прошел все эти дела. Мы тут хлопочем о тебе, о твоей свадьбе.

Владимир *(про себя)*. С каким бы удовольствием я выкинул его в окно.

Сафоев. Мы ведем дело отлично.

Владимир. Благодарю.

Сафоев. Поедем со мной сейчас же к Дулебовым.

Владимир. Нет, мне нужно видеть Софью Васильевну, нужно говорить с ней.

Сафоев. Невозможно. Софья Васильевна погружена в глубокую горесть.

Владимир. Софья Васильевна?

Сафоев. Ах, да, мой друг... в горесть официальную.

Владимир. Я не понимаю.

Сафоев. В ея положении горе небольшое овдоветь.

Владимир. Она овдовела?

Сафоев. Ну да. Муж умер, и да успокоится жена его с миром.

Владимир *(с восторгом)*. Вдова! Может ли это быть! Софья Васильевна вдова! Ты не обманываешь?

Сафоев. Нет, да тебе-то какое до этого дело?

Владимир. Ах, это такая несчастная женщина... Ея друзья должны быть очень рады... и я тоже очень рад.

Сафоев. Конечно, и я очень рад, но все-таки не так, как ты. Одним мужем на свете больше или меньше, что нам за дело.

Владимир. Разумеется. Ты прав. Я ее не увижу,

ну так я напишу ей несколько слов. Прощай, мой друг!

С а ф о е в. Я еду к твоей невесте объявить о твоем приезде.

В л а д и м и р *(провожая его)*. Прощай, прощай!

Сафоев уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Владимир, потом Бударова.

В л а д и м и р. Она вдова, она вдова. О, я с ума сойду. *(Бежит к двери направо и отворяет ее.)* Софи, Софи!..

Б у д а р о в а *(показываясь в дверях)*. Что вам нужно от меня?

В л а д и м и р *(отступая)*. О боже! Какой прием! Какая холодность! Что это значит?

Б у д а р о в а. Не спрашивайте! Оставьте меня!

В л а д и м и р. Что я слышу! Я бегу к твоим ногам предложить свое имя, свою свободу, жизнь, а ты прячешь от меня слезы, слезы о том, кого нет более на свете.

Б у д а р о в а. Слезы о тебе, Владимир, о вас, о любви нашей...

В л а д и м и р. Ты свободна, ты можешь быть счастлива, и ты меня гонишь.

Б у д а р о в а. Сжальтесь над моей слабостью! Ваше сердце тверже моего, вам нужно бежать от меня, я поклялась.

В л а д и м и р. Кому? Ах, да... моя мать была здесь, она тебя видела, и все-таки нет, она не может знать.

Б у д а р о в а. Она все знает. Как, от кого узнала она эту тайну, я не могу понять, но она знает все. И если бы ее видели, когда она вошла, бледная, глаза ея впились в мои, как будто хотели прочитать в душе моей. Я хотела бежать от нее, но была не в силах. Она требовала у меня отчета, у меня, бедной женщины незначительного происхождения, требовала отчета в моей безумной любви к наследнику громкой фамилии, которого ждет блестящая партия и брак которого уж объявлен. В ее ласковых словах проглядывала гордость и раздирала мое сердце. Из ее слов я должна была понять: люби его, я не запрещаю, когда ему нечего делать, когда ему скучно, но как же ты смеешь любить, когда мы нашли ему богатую невесту хоро-

шей фамилии.— Я хотела спорить с ней, но не могла, не смела, мать в слезах требовала у меня сына.

В л а д и м и р. И меня не было здесь, чтобы поддержать, защитить тебя. Но я пойду к ней и скажу ей, что тебе она обязана спасением сына. Я скажу ей, что ты мое счастие, моя жизнь, моя жена.

Б у д а р о в а. Нет, Владимир, нет, я не жена ваша, я только женщина, которая любила вас и любит, женщина, которая умрет для вас и которая сейчас жертвует для вас более чем жизнью... Но это необходимо. Прощайте! Другая ждет вас, другая заплатит за ваше имя, за вашу любовь высоким положением; о, я... я не имею другого приданого, кроме горя и несчастия. Прощайте. *(Хочет идти.)*

В л а д и м и р *(останавливает ее)*. Нет, ты меня не оставишь, ты моя, ты принадлежишь мне.

Б у д а р о в а. Любовь вас сводит с ума, это горячка... Терять для меня положение, надежды.

В л а д и м и р. Ты сомневаешься в моей любви. Ах, ты меня не любишь.

Б у д а р о в а. Я-то не люблю тебя?

В л а д и м и р. Ты меня никогда не любила.

Б у д а р о в а. Боже мой!

В л а д и м и р. Нет, я это и прежде чувствовал, когда я был счастлив, когда бывал все у твоих ног,— у тебя были сомнения, угрызения.

Б у д а р о в а. Владимир!

В л а д и м и р. Ты меня не любишь... Это письмо, о котором ты твердила беспрестанно, ложь... Это изобретение потухающей любви.

Б у д а р о в а. Несчастный.

В л а д и м и р *(падая на колени)*. Ах, я сумасшедший... Прости, Софи, прости! Ты меня еще любишь, не правда ли?

Б у д а р о в а. Я никогда тебя столько не любила, как теперь.

В л а д и м и р. Ты опять моя? Мы поедем?

Б у д а р о в а. Не могу.

В л а д и м и р. Ты должна.

Б у д а р о в а. Я поклялась твоей матери.

В л а д и м и р. Это ваше последнее слово?

Б у д а р о в а. Да, и дай бог, чтоб это было последнее в моей жизни.

Владимир. Прощай! *(Идет к двери и встречает Дуняшу.)*

Дуняша. Скажите мне, Владимир Викторыч.

Владимир. Оставь меня! Поди прочь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Бударова и Дуняша.

Дуняша. Вы слышали? Барин сердится на меня. А за что? Что я ему сделала, я вас спрашиваю. Это, должно быть, за письмо.

Бударова *(садясь в кресло)*. Какое письмо?

Дуняша. Письмо было к ним, а я отдала княгине. Княгиня обещали не сказывать, а должно быть, и проговорились.

Бударова. Что, как, какое письмо?

Дуняша. Вы помните, когда барин приехал в деревню, вы тут были,— вы хотели уехать и остались.

Бударова. Ну, так что же?

Дуняша. Еще тогда приехал такой большой лакей и спрашивал Владимира Викторыча; княгиня очень беспокоилась... вдруг мне подали потихоньку письмо к барину.

Бударова. Садовник?

Дуняша. Да, садовник.

Бударова. Ну, говори, говори!

Дуняша. Я боялась, что в этом письме зовут барина поскорей ехать в Москву, и вот прямехонько отнесла его к княгине.

Бударова. А она его прочитала?

Дуняша. Да-с, потому что, когда им сделалось дурно, я видела, как оне крепко сжали его в руке и потом спрятали в карман...

Бударова *(горячо)*. Она его спрятала.

Дуняша. Я знаю только, что вечером, когда я раздевала княгиню, так письмо все еще было у них.

Бударова. Возможно ли это! Мать... сама мать! Ах, я задыхаюсь... голова кружится. *(Подходит к Дуняше и берет ее за руку.)*

Дуняша *(с испугом)*. Что с ней? Сударыня... Софья Васильевна!

Входит Чингисова.

Княгиня.

Бударова *(встает)*. Она?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Чингисова, Бударова, Дуняша.

Чингисова. Да, дитя мое, это я, я приехала за тобой, собирайся.

Дуняша. Сейчас, ваше сиятельство. *(Уходит.)*

Чингисова. Я очень счастлива, что вижу вас опять, чтобы выразить свою благодарность.

Бударова. За что?

Чингисова. Эта услуга, которую вы мне обещали, которую уж вы исполнили, может быть... я вам заплачу.

Бударова. Чем?

Чингисова *(удивленная)*. Ах, ну чем... ну, конечно, уважением.

Бударова. Вашим? Вы думаете, что я в нем нуждаюсь?

Чингисова. Что за разговор! Я не понимаю.

Бударова. О! Вы не можете понять, что женщина, которую вы с таким удовольствием заставляли краснеть, у которой вы раздирали сердце, может и сама заплатить вам тем же?

Чингисова. Что вы говорите? Подумайте!

Бударова. Вы не понимаете? Вы не можете понять, что между мной и вами еще может быть вопрос, кто из нас виноватее, вы или я?

Чингисова. Это уж слишком.

Бударова. Вы не можете понять, что письмо должно было спасти меня и что вы сами...

Чингисова *(закрывая лицо)*. Боже.

Бударова. Ах, вы понимаете? Теперь уж вы поняли? Вам стыдно глядеть на меня?

Чингисова. Оставьте меня... оставьте, я еду. *(Хочет идти.)*

Бударова *(останавливая ее)*. Нет. Вы имели дерзость войти ко мне, так останьтесь.

Чингисова. Это насилие.

Бударова. Вы останетесь... и зачем бежать от меня? Разве мне уж нечего сказать вам? Разве я тоже не могу потребовать от вас отчета? Вы мне говорили о чести вашего сына, о гордости вашего сына, о его благополучии... А моя гордость, мое благополучие? Не вы ли это разбили, растоптали? Вы... потому что вы сами... вы меня погубили.

Чингисова. Мадам Бударова!..

Бударова. Да, вы. Я слабая, беззащитная женщина, я не желала борьбы... я знала, что моя честь может пострадать. Я оттолкнула его любовь, она меня пугала... и я была бы чиста в его глазах и в глазах других... Но пошлая интрига вашего сына в Москве, публичный скандал оскорбляли вашу гордость, разрушили ваши надежды. Чтоб исправить все это, вы не пожалели чести бедной женщины... Вы удержали меня, не дали мне средства бежать от вас и от вашего сына... Вы скрыли мое письмо, вы поощрили дерзость, уверенность вашего сына, предательски подставили меня ему, как любовницу на один день, как минутное развлечение... Вы сказали ему: иди, иди, пусть эта женщина погибает.

Чингисова. Довольно, пощадите меня!

Бударова. Вы говорите о гордости и чести... что ж, я признаюсь, легко потерять и то и другое, когда такой молодой человек, как ваш сын... я не льщу ему... Но разве честнее, видя, что женщина борется, отнять у нее средства для защиты?

Чингисова. Ах, не мучьте меня, я так много плакала, так много страдала. Сегодня утром, здесь, я не могла выносить ваших взглядов. Если слабость в женщине извинительна, то еще извинительнее слабость в матери. И теперь я того и жду, что упаду к вашим ногам... просить у вас прощения и позволения назвать вас своею дочерью.

Бударова. Вы мне матерью?.. Вы меня так оскорбили. Это имя... я бы так гордилась им,— но теперь я отказываюсь от него. Все, что я хочу,— это чтоб Владимир не обвинял меня больше, я хочу, чтоб, расставаясь со мною, этот человек, которого я люблю больше жизни... чтоб он решил между нами, кто из нас заслуживает презрения.

Чингисова. Мой сын! Я все в жизни принесла ему в жертву, и вы хотите, чтоб он презирал меня. Нет, пусть он не знает, никогда. Это будет стыд и смерть вместе... Умоляю вас, Софья Васильевна... дочь моя.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Бударова, Чингисова, потом Сафоев и Владимир.

Сафоев *(за дверью)*. Я тебе говорю.
Владимир *(за дверью)*. А я тебе объявляю.
Бударова. Ах, это он.

Владимир входит.

Чингисова. Это мой сын. *(Становится между им и Бударовой.)*
Сафоев *(входя)*. Княгиня здесь, мы сейчас объяснимся. *(Чингисовой.)* Вот в чем дело... Я сейчас от Дулебовых, я был до того красноречив, что растрогал всех и сам расстроился: отец плакал, мать плакала, невеста плакала. Все забыто, все ему прощено: бегство за границу, молчание, его прежнее глупое волокитство.
Владимир. Борис Борисыч.
Сафоев. Все шалости. Вас ждут, княгиня, сегодня вечером, вас и его, чтобы кончить дело. А он, представьте себе... я его встретил сейчас на лестнице... он объявил мне, что не поедет к Дулебовым... Он назвал меня старым глупцом, что мне решительно все равно; он вашу волю называет деспотизмом.
Владимир. Нет, я только хочу уехать из России надолго... но прежде отъезда я вам торжественно объявляю, что пусть я буду беден, одинок, покинут всеми, кто любил меня, я никогда не женюсь на Дулебовой.
Сафоев. У тебя нет человеческого смысла. Что ты говоришь!
Чингисова. Он говорит дело. У нас с ним есть долг, которого богатство Дулебовых заплатить не в состоянии. Только рука и сердце моего сына могут поквитать нас... Вот самое дорогое, что я могу предложить... *(Бударовой.)* Откажетесь вы?
Бударова. Ах, что вы говорите!
Сафоев. Но позвольте, позвольте.
Владимир. Что за чудо.
Чингисова. Владимир, будь счастлив и прими как милость то, что Софья Васильевна позволит мне назвать ее своей дочерью.
Владимир *(подходя к Бударовой)*. Софи!.. Столько счастья!.. Это не сон?

С а ф о е в *(разводя руками)*. Ах ты, господи боже мой, что ж это такое? Дядя, что ль, приехал к ней из Америки?

Ч и н г и с о в а. Будьте счастливы и простите мать.

С а ф о е в *(Чингисовой, тихо)*. А та, другая-то? Ну вот я вам говорил... Эти романы всегда так кончаются... Страсть несерьезная... он любил пока... до времени, а вот теперь исполняет ваше желание без всякого противоречия.

Конец

Шутка
в одном
действии
А. ДЕЛИЛИА
и Ш. ЛЕ-СЕННА
«Une bonne à
Venture»
(Заимствовано)

ДОБРЫЙ БАРИН

ЛИЦА:

ИВАН ИВАНЫЧ ПЫРОВ,
богатый барин, вдовый, лет под 60.

ВАСИЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЫТАЕВ,
молодой человек.

ДУНЯША,
экономка у Пырова, молодая девушка.

Действие происходит в Москве.
Небольшая зала, в глубине дверь в переднюю; налево (от актеров) в углу дверь в комнату Дуняши; ближе к зрителям — в кабинет Пырова, направо дверь в столовую. На левой стороне круглый стол, на нем много книг и колокольчик; под столом ковер; на правой — кресло и маленький столик и на нем колокольчик. Вся мебель изящная и удобная.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дуняша одна рассматривает на столе книги.

Дуняша. Что тут такое? Опять новые книги, то и дело покупает; мало еще их у него! *(Садится и читает заглавия.)* «Вопросы о жизни и духе», «Мозг и мысль». Все глупости какие! Вот на что деньги-то бросает!

В кабинете звонок.

«Правда о мужчине и женщине».

Звонок.

Говорит: не суйся, где тебя не спрашивают, не шевели ничего на столе, не трогай книг! Хорошо ему разговаривать; а вот не посмотри я сама, ведь и не знала бы... *(открывая книгу)* что такое за правда о женщинах? Вздор, я думаю. Разве можно про нас всю правду в такую книжку уписать? Вот, у нас рядом одна мамзель живет, так про нее про одну две либо три большие книги напишешь. Да и откуда им знать всю правду про женщин? Вот про меня, например, что кто знает! *(Читает.)* «Мужчина есть существо вольное и деятельное, женщина, напротив, прикована к месту, жизнь ее домашняя и мечтательная». Именно прикована; живешь у места, со двора тебя не пускают; другие в праздники гуляют где хотят, а ты сиди да мечтай только. Вот она и выходит мечтательная. Это все как есть про меня. *(Читает.)* «Мужчина искатель выгод и славы; женщина вся создана для любви». Ах, это правда! «Создана для любви»; да, конечно, для любви, уж это дело известное. Только надо, чтоб любовь была настоящая; чтоб любить человека стоящего, богатого, а если какая нестоящая любовь, так уж лучше жить в услужении. Полюбить-то долго ли, это хоть сейчас; только было бы за что. Однако эта книжка интересная. *(Читает про себя. Громкий звонок.)* Ах, как надоел он мне своим звонком! Только усядешься... Ну, так вот, не подойду же... Уж отучу его трезвонить... На всех столах колокольчиков наставил, лень ему с места подняться. Пусть сам побеспокоится, коли что ему нужно. *(Погружается в чтение.)*

Пыров выходит из кабинета.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дуняша, Пыров.

Пыров. Прекрасно, прекрасно, очень хорошо! Ты не слышишь? Ты не слышишь, что я звоню, что я четверть часа мозолю себе руки об сонетку?

Дуняша *(сидя)*. Нет, извините, я слышала.

Пыров. Да, ты слышала? Ты слышала и не побеспокоилась войти ко мне? Что ж за дела у тебя такие важные, что тебе оторваться нельзя?

Дуняша. Да какие дела! Разве вы не видите: я читаю. *(Развертывает книгу.)*

Пыров. А! Ты уж тут разрыла все книги у меня, да и разрезываешь. Мне кажется, ты и подождать могла бы.

Дуняша. Только вас послушай, так вечно ждать придется всего.

Пыров. Прытка некстати!

Дуняша. Уж какая есть. А вы вот так не очень прытки, уж про вас этого сказать нельзя.

Пыров. «Не очень прытки». А если мне так следует; я думаю, что... мое дело. Нельзя же всем прыткими быть.

Дуняша *(встает)*. Ох, да, конечно! *(Со вздохом.)* Ох, где уж!

Пыров. Ох, да ох, да! Какой неприличный тон! Что ты хочешь сказать этим: ох, да?

Дуняша. Ничего... А вы что думали, что?

Пыров *(с сердцем)*. Ох, да ох, да! Желал бы я знать, что это значит.

Дуняша. А вы-то что думали? Ну, скажите! Вот не говорите, так я и уйду. *(Хочет идти.)*

Пыров. Останься! *(Сквозь зубы.)* Змееныш!

Дуняша. Вот уж вы как!

Пыров. Да, змееныш... которого я отогрел на груди своей.

Дуняша. Скажите пожалуйста!

Пыров. Да, да, я тебя отогрел! Ты еще спорить будешь? Ну, поспорь, поспорь! Нельзя тебе со мной спорить, да и не смеешь ты. Ну, довольно! Теперь я тебе задам вопрос.

Дуняша. Да что за задачи такие? С вами, право, никакого житья нет.

Пыров *(показывая письмо)*. Это что такое? Это что такое?

Дуняша *(не слушая)*. Задачи какие-то задавать придумали! *(Взглянув.)* Ну, что вы мне перед глазами-то вертите? «Что такое, да что такое?» Поглядите сами хорошенько, так увидите, что письмо.

Пыров *(быстро)*. Постой, постой, постой!

Дуняша. Эка редкость какая! Письмо, да и все тут.

Пыров. «Письмо». Знаю, что письмо... Да когда оно получено?

Дуняша. Когда? Вот еще... Разве упомнишь? Мало ли дела у меня! Либо вчера, либо нынче.

Пыров. Ты получила вчера. А когда ты отдала мне его?

Дуняша. А отдала-то сегодня. Ну, что ж?

Пыров. Десять минут назад.

Дуняша. А вы еще скажите спасибо, что я вспомнила; а то и теперь лежало бы оно у меня в кармане.

Пыров. Дерзости вот... у тебя уж чересчур.

Дуняша. У вас все «дерзости». Вы не любите, когда вам правду говорят.

Пыров. А! Скажите пожалуйста! Никакой правды, никакой, одни дерзости.

Дуняша. Ну, а дерзости, так дерзости. Что ж делать, коль я такая уродилась. *(Садится.)*

Пыров. Прекрасно, прекрасно! «Такая уродилась». Ты родилась гадкой, дрянной девчонкой и желаешь такой остаться, исправиться не хочешь? Поздравляю! Да скажи, сделай милость, что ты такое здесь, служанка или барыня?

Дуняша. Да вам что нужно-то от меня? Что вы привязываетесь ко всякому слову.

Пыров. А тоже... коли ты служанка, так кто должен служить: ты мне или я тебе?

Дуняша. Отчего ж бы... Нешто это не бывает? Очень часто случается.

Пыров. «Отчего ж бы». Но... как тебе сказать... бесит, с толку сбивает она меня своей дерзостью. Невозможно, наконец... Какие с ней разговоры! Что больше говорить, то хуже... Вот письмо от моего приятеля! Он пишет, что приедет сегодня в одиннадцать часов, а ты мне отдала его в десять с половиной. Хорошо это?

Дуняша. Разве я знала, что он там пишет?

Пыров. Только ведь этого и недостает, чтоб ты распечатывала да читала мои письма.

Дуняша. Коль вы мною недовольны...

Пыров. Ну, да, недоволен; ну, да... мне надоели твои глупости, они меня бесят.

Дуняша *(плача)*. Да уж и вы хороши тоже... что на людей-то!

Пыров. Нет, помолчать ты не можешь, а? не можешь?

Дуняша. Ну, что ж, за чем дело стало? И кончено... Разве после ваших таких слов я могу жить у вас?

Пыров. Каких слов, каких «таких слов»?

Дуняша. Да таких, чего хуже еще и представить себе даже никто не может. Разве можно всякими разными такими словами обижать девушку? Ну, и значит, пожалуйте мне паспорт.

Пыров. Ишь ведь, что выдумала! Отдать вам паспорт, скажите пожалуйста! Ну, а если я отдам?

Дуняша. Что, я на казню, что ль, к вам служить-то пошла? Совсем не того я от вас ожидала.

Пыров. Ну, извольте, ну, я отдам вам паспорт.

Дуняша. Я и уйду.

Пыров. Куда это? По Москве шляться без пристанища? Ты думаешь, что так сразу ты и найдешь себе место. Ну, хоть и найдешь, да такое ли?

Дуняша. Да хоть и не такое... Уж, конечно, где же!

Пыров. Ну, вот видишь!.. Ах, ты несчастная! Поступишь ты к какому-нибудь... Слушай, слушай! К какому-нибудь дураку... да еще женатому... как я был когда-то; он, из угождения жене, чтоб она не ревновала, будет обращаться с тобой грубо, будет обижать тебя. Придется тебе вставать рано, ложиться поздно.

Дуняша *(плача)*. Да, уж конечно, уж все совсем подругому.

Пыров. А здесь ты спишь, пока тебе самой не надоест, делаешь для меня очень мало, а для себя все, что тебе в голову придет. Пожалуй, возьмите паспорт, возьмите, только чтоб не плакать потом.

Дуняша. Я ведь оттого, сударь...

Пыров. «Сударь». Это что еще за новости! Иван Иванович меня зовут.

Дуняша *(смеется)*. Иван Иваныч. Вы сами... тоже ведь уж какие обидчики-то!

Пыров. Значит, вы меня прощаете?

Д у н я ш а. Да уж что ж делать, поневоле...

П ы р о в. Прощаете? Это очень мило с вашей стороны! Изволите видеть, какая она добрая, она меня прощает. Ну, хорошо; так вы хоть по крайней мере поцелуйте меня за это.

Д у н я ш а. Ну, нет, уж этого не будет... и никогда.

П ы р о в. Ты не желаешь меня поцеловать? ты, может быть, хочешь, чтоб я сам потрудился, поцеловал тебя? Что ж, я с удовольствием. *(Хочет обнять Дуняшу.)*

Д у н я ш а *(отходя)*. Это мы еще посмотрим.

П ы р о в. Так ты не прощаешь?

Д у н я ш а. Прощаю, да...

П ы р о в. Да не сейчас... Будь по-твоему! Подождем. Ну, не нынче, так завтра.

Д у н я ш а. Ни нынче, ни завтра и никогда! *(Бежит.)*

П ы р о в *(преследует, припевая)*. «Прочь, прочь отойди, какой беспокойный!» Ишь ты, жестокая какая!

Д у н я ш а уходит в переднюю.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П ы р о в, потом Д у н я ш а.

П ы р о в *(к публике, серьезно)*. Из того, что я хотел поцеловать эту девицу, никак не следует заключить... Ох, нет, нисколько... тут совсем не то; а так как я добрый барин, очень добрый, а она, в сущности, очень хорошая девушка, ну, иногда немножко и понежничаешь... Ну, вы понимаете одиночество... я человек вдовый, скука... А чтобы, например, дальше... ни, ни... Ни под каким видом... Изготовит она что-нибудь неожиданное к завтраку или любимое блюдо к обеду, какой-нибудь десерт... ну, одним словом, все, чем можно угодить приятному барину. Только, только... *(Со вздохом.)* Ах, да только и всего... За то, что она меня балует, и я ее балую, не всегда с нее взыскиваю. Ну, вот и избаловал на свою голову, и случается то, что вы сейчас видели. Я получил от нее сегодня в одиннадцатом часу письмо, которое пришло еще вчера и в котором мой приятель, Василий Николаевич, извещает меня, что приедет сегодня в одиннадцать. Мой приятель, он хоть и молод еще и немножко легкомыслен, а малый от-

личный, золотой человек. Надо бы распорядиться приготовить ему комнату, а теперь когда уж,— того гляди...

Д у н я ш а *(из передней)*. К вам гость. *(Проходит в свою комнату.)*

Входит Л ы т а е в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

П ы р о в, Л ы т а е в.

Л ы т а е в. Иван Иваныч! *(Подает руку.)* Дорогой Иван Иваныч!

П ы р о в. Ах, вот ты! Очень рад, спасибо! Ну, как ты там?

Л ы т а е в. Помаленьку. Как вы поживаете, Иван Иваныч? Об Наденьке не имеете ли известия?

П ы р о в. Я ничего, слава богу, благодарю тебя.

Л ы т а е в. А Наденька?

П ы р о в. Ты устал, я думаю, с дороги? Ты откуда теперь?

Л ы т а е в. Из Нижнего, Иван Иваныч, проездом в Петербург.

П ы р о в. А в Нижнем что делал?

Л ы т а е в. Ведь я хозяин, Иван Иваныч: в имении был, за работами смотрел, счеты в порядок приводил.

П ы р о в. Что-то не похоже на тебя как будто.

Л ы т а е в. Да ведь я переменился, уж я давно переменился.

П ы р о в. Правда ли?

Л ы т а е в. Так переменился, что меня даже совсем узнать нельзя.

П ы р о в. Ну, дай бог. Я очень рад. Не хочешь ли отдохнуть, закусить, выпить чего-нибудь?

Л ы т а е в. Как Наденька, Иван Иваныч?

П ы р о в. Да какая Наденька? Ты мне надоел, братец.

Л ы т а е в. Дочка ваша, Иван Иваныч, ваша дочка. Про кого же мне и спрашивать?

П ы р о в. Ну, так что ж! Тебе что за дело до нее? Она у тетки, в Петербурге.

Л ы т а е в. Все там же?

П ы р о в. Все там же. Ты не беспокойся. Там ей хорошо; там есть все решительно, что ей нужно...

Л ы т а е в. То есть, куклы, конфекты... Вы, кажется, воображаете, что ей все еще двенадцать лет.

П ы р о в. Да какое тебе дело до того, что я воображаю?

Лытаев. Есть маленькое дело, Иван Иваныч, есть. Ведь вы никак не догадаетесь, зачем я в Москву приехал.

Пыров. Не догадаюсь, да и догадываться не желаю.

Лытаев. Так я сам скажу. Ведь уж рано ли, поздно ли, надо будет сказать, так чем скорей, тем лучше; я приехал к вам за тем, чтобы иметь честь просить у вас руки Надежды Ивановны.

Пыров. Ты? А, вот что! Ты за этим только и приехал ко мне?

Лытаев. Единственно за этим, Иван Иваныч.

Пыров. Так я тебя не задержу; ты сегодня же можешь и уехать.

Лытаев. Значит, согласны?

Пыров. Значит, да не то. Это значит: я не согласен.

Лытаев. Ах, Иван Иваныч!

Пыров. Ах, Василий Николаевич!

Лытаев. Я думал, что это дело двух слов; мы такие приятели.

Пыров. Что ж, что приятели? Мы приятелями и останемся. Наденька тебя совсем не знает, ты видел ее раза два-три в жизни, когда она приезжала из пансиона.

Лытаев. Нет, Иван Иваныч, не два и не три, а много раз.

Пыров. Как «много»? Когда, каким образом?

Лытаев. Иван Иваныч, я должен вам признаться, мы виноваты перед вами: мы любим друг друга.

Пыров. Вы любите друг друга? Что за вздор такой! Этого не может быть.

Лытаев. Виноваты, Иван Иваныч, виноваты.

Пыров *(со вздохом)*. Впрочем, от тебя всего ожидать можно. Неприятно, очень неприятно. Не угодно ли тебе будет сейчас же объяснить мне, как могло это случиться?

Лытаев. С удовольствием. Очень просто, Иван Иваныч.

Пыров. Вот и не просто. Надя живет у моей сестры, а у нее дом неприступная крепость.

Лытаев. Да ведь и крепости берут.

Пыров. Но к ней доступа нет, она никого не принимает.

Лытаев. Никого, кроме...

Пыров. Кроме людей солидных, богомольных.

Лытаев. А разве я не могу быть солидным и богомольным?

П ы р о в. То есть притвориться на время.

Л ы т а е в. А хоть бы и притвориться, но если это с добрым намерением.

П ы р о в. Ну, потом?

Л ы т а е в. Потом ваша сестрица занимается столоверчением.

П ы р о в. К несчастью, правда; ну, что ж далее?

Л ы т а е в. А так как я в этом деле пользуюсь громкой известностью...

П ы р о в. Ты и втерся к ней в дом?

Л ы т а е в. И сделался необходимым человеком.

П ы р о в. Довольно, остальное знаю. Да, теперь я вижу, что нужно поскорей выдать Надю замуж.

Л ы т а е в. Да, поскорей, и за меня.

П ы р о в. Нет, не за тебя, а за кого-нибудь починовнее и подельнее. Уж у меня есть на примете.

Л ы т а е в. Ах, да, понимаю... Какой-нибудь ваш приятель и ровесник, школьный товарищ, друг детства... человек солидный, разумеется, потому что в шестьдесят лет пора перебеситься.

П ы р о в. Да какие шестьдесят, какие шестьдесят! Мне еще далеко.

Л ы т а е в. Ну, и в чинах, конечно; потому что, проживя мафусаиловы-то веки, до чего-нибудь доживешься.

П ы р о в. «Мафусаиловы веки». Скажите пожалуйста! Что ты болтаешь!

Л ы т а е в. Очень хорошо, бесподобно! Бедная девушка! Я вам не нравлюсь, я молод для вас?

П ы р о в. Не то беда, что ты молод, а то, что поведение твое...

Л ы т а е в. Уж не вам бы говорить о поведении! Мне простительно, я молодой человек. Ах, Иван Иваныч, лучше подурачиться смолоду, чем в ваши лета, например.

П ы р о в. Да что ты все про мои лета! Я всегда и во всякие лета веду себя безукоризненно.

Л ы т а е в. Ну да, как же! Знаем мы вас.

П ы р о в. Нечего знать-то, друг мой милый. Вот что: приятелем я твоим останусь всегда, но родственником... нет, Вася, невозможно.

Л ы т а е в. Ну, как хотите. Ах, да... Как прислуга у вас? Нынче все жалуются. Что это экономка, которую вы взяли недавно, вы ею довольны?

Пыров. Ты хочешь переменить разговор? Вот и прекрасно; на том и покончим, и, пожалуйста, больше не начинай. Ты про Дуняшу спрашиваешь? Ничего, я доволен, да... да, для экономки она так себе.

Лытаев. А я было хотел вам другую предложить.

Пыров. Благодарю, мой друг! Что ж, у тебя контора, что ли, для доставки прислуги?

Лытаев. Вы, Иван Иваныч, говорите со мной откровенно! Коли вам эта не нравится, так я вам сейчас другую. Сколько вы платите Дуняше?

Пыров. Она порядилась сначала за восемь... потом чайные...

Лытаев. Значит, около десяти рублей в месяц?

Пыров. Нет, больше, я ей прибавил недавно... с подарками-то, круглым счетом...

Лытаев. Неужели пятнадцать?

Пыров. Ну, положим, двадцать пять, и толковать об этом нечего... Довольно, довольно...

Лытаев. Вот так житье!

Пыров. Ну, там еще на прачку малость...

Лытаев. Ай, ай! Иван Иваныч, ведь это разоренье! Я вам доставлю подешевле. Вы не очень дорожите Дуняшей?

Пыров. Я совсем не дорожу, только отпускать я ее не желаю. Она очень хорошо знает свое дело... она преданна, учтива. *(Равнодушно.)* А твоя молодая, хорошенькая?

Лытаев. Собой нехороша, но зато здоровенная чухонка; она вам за семь рублей в месяц заменит всю прислугу.

Пыров. Чухонка? Нет, в них грациозности очень мало.

Лытаев. Ну, так я вам хохлушку.

Пыров. Да не надо, не надо! не беспокойся! Вот видишь ты: я привык к Дуняше, а привычка в мои лета важное дело. Положим, я плачу очень дорого, но уж так и быть, я с ней не расстанусь, чего бы мне это ни стоило.

Лытаев. С Дуняшей не расстанетесь? Ну, как хотите, это ваше дело. Так и запишем. *(Помолчав.)* Как же, Иван Иваныч... неужели, несмотря на все просьбы, вы останетесь непреклонны?

Пыров. Ну, да, боже мой! Хоть мне и жаль огорчать тебя, и извини ты меня, сделай милость; но я тебе отказываю решительно.

Лытаев. А я так надеялся.

Пыров. Ну, что делать, не могу. Чего нельзя, так нельзя. Но если ты хочешь погостить у меня несколько дней, сделай милость, располагайся, как дома. Вот тебе кабинет. *(Звонит.)* Я очень доволен, что поселился в Москве; тихо, покойно, от всего близко: Тверской бульвар под боком, Английский клуб рукой подать, книжная лавка тоже недалеко. *(Звонит.)* Если хочешь, завтра пообедаем в клубе. *(Звонит.)*

Лытаев. Не придет.

Пыров. А вот увидишь.

Лытаев. Да уж не придет.

Пыров. Так я же докажу тебе. Но надо же ей дать время. *(Звонит.)* Обыкновенно она сейчас же... она, вероятно, занята чем-нибудь... ну, конечно, если пойдет, так значит... *(Звонит.)*

Лытаев берет другой колокольчик и звонит. Входит Дуняша с салфеткой в руках.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пыров, Лытаев, Дуняша.

Дуняша. Звоните вы хоть целый день; уж если я нейду сразу, так значит...

Пыров, Лытаев останавливаются.

Лытаев. Не церемоньтесь, продолжайте, я свой человек.

Пыров. Молчи, пожалуйста, ты ее пристыдил. Мы, Дуняша, тебе помешали, ты ведь занята. Я так ему и говорил.

Дуняша. Я готовила завтрак да белье доставала к столу.

Пыров *(Лытаеву)*. Ну, вот, видишь, вот видишь! Она готовила завтрак... ну, а в кухне она госпожа.

Лытаев. Да, я полагаю, что в других комнатах тоже.

Пыров. Ты шутишь. Он шутник, Дуняша. Но ведь ты сам знаешь, что ты говоришь вздор; зачем же ты ее конфузишь? *(Дуняше.)* Как приготовишь завтрак, так вели подать нам лафиту получше.

Дуняша. Уж я знаю, какого.

Пыров *(Лытаеву)*. Я пойду погулять перед завтраком по бульвару. Ты меня извини. Я своих привычек

никогда и ни для кого не нарушаю. Располагайся тут, как тебе удобнее. Я вернусь через четверть часа.

Лытаев. Делайте, что хотите, и, пожалуйста, не заботьтесь обо мне. До свиданья!

Пыров уходит. Дуняша провожает его.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лытаев, потом Дуняша.

Лытаев. Ведь это он от жадности не хочет отдать Наденьку; он в самом деле дожидается, что какой-нибудь старик возьмет ее без приданого. Старый эгоист! Сам блаженствует, а об дочери и думать забыл. Погоди ж ты! Я твою слабость вызнал; ты у меня иначе заговоришь. Сейчас за дело, зевать некогда!

Входит Дуняша.

Дуняша!

Дуняша. Что вам угодно?

Лытаев *(бросаясь на колени)*. Дуняша, я тебя люблю, люблю, люблю!

Дуняша *(вскрикнув)*. Ай! Какие глупости! Как вы меня испугали!

Лытаев. Дуняша, я с ума схожу по тебе... я помешаюсь, если ты... Хочешь ты любить меня, говори! Говори скорей! сейчас, сию минуту!

Дуняша. Ишь вы какие проворные! Об этаком деле надо рассудить хорошенько... Да встаньте, вы протрете панталоны на коленках.

Лытаев. Панталоны! Ну, вот важность! Я пылаю, а она... о таких пустяках...

Дуняша. Пылаете! Как же это вы уж очень так вдруг.

Лытаев. Ах, Дуняша, да я всегда вдруг... я ведь на других людей не похож.

Дуняша. Только правду ли вы говорите! Ведь мужчины какие обманщики-то!

Лытаев. Да, это верно, Дуняша, все обмащики, все; только один я и не обманываю.

Дуняша. Что ж, ведь, пожалуй: вы и вправду... Нешто не бывает... Очень похоже, что вы в самом деле... Вы такой милый, добрый, обходительный...

Лытаев. Да, милый, добрый и обходительный, да и мало ль во мне хорошего! Узнай-ка меня покороче,

то ли увидишь. Значит, ты меня полюбила, это кончено дело.

Д у н я ш а *(задумчиво)*. Ах, право, я не знаю!

Л ы т а е в. Да тут и знать-то ничего не надо! Чего еще знать? Полюбила, да и все тут. Так ты полюбила меня? *(Целует Дуняшу.)* Уж я по глазам вижу, что полюбила.

Д у н я ш а. Да оно очень бы хорошо... уж чего лучше... ежели вы только на чести.

Л ы т а е в. А то как же... Она еще спрашивает! Разумеется, на чести. У меня все на чести.

Д у н я ш а. Ах! толкую я с вами, а про завтрак-то и забыла.

Л ы т а е в. Да, в самом деле. Ну, да вот мы оба примемся, так у нас мигом. *(Снимает жакетку.)* Дай-ка сюда. *(Берет у Дуняши салфетку и повязывает на голову в виде колпака.)*

Д у н я ш а. Что вы? Что вы делаете?

Л ы т а е в. Пойдем стряпать.

Д у н я ш а. Да не может быть! Как же это?

Л ы т а е в. А что ж такое! Коли любишь кого, так уж все пополам: и горе, и радость, и заботы, и труды. А то что ж это за любовь? ты будешь стряпать, трудиться, а я смотреть на тебя сложа руки. *(Целует Дуняшу.)*

Д у н я ш а. Вот, хорошего человека сейчас видно. Ни в вас этой гордости и ничего такого прочего.

Л ы т а е в. Гордости! Вот захотела. Да ее во мне с роду не бывало.

Д у н я ш а. Ну, что ж, давайте стряпать. Только ведь это, право, смешно. *(Уходит в свою комнату и оставляет дверь отворенную.)*

Л ы т а е в. Еще бы! Очень смешно! *(У двери.)* Ну, что там у тебя: капуста, морковь? Давай их сюда!

Д у н я ш а *(подает морковь на тарелке)*. Вот извольте!

Л ы т а е в. И называй ты меня Васей, это гораздо короче. *(Чистит морковь у стола.)*

Д у н я ш а. Ах, вы запачкаете ковер!

Л ы т а е в. Что за «вы»! Говори мне «ты»! Какие еще между нами церемонии! А ковер... послушай, ну что нам за дело до ковра! Ведь он не наш, так нечего нам и беспокоиться. *(С увлечением чистит морковь.)*

Д у н я ш а *(кладет руку на плечо Лытаеву)*. Какой ты чудной, Вася! Да ведь барин сердиться будет.

Л ы т а е в. И пусть его сердится, сколько ему угодно; это до нас не касается. Мы с тобой любим друг друга, так что ж нам до него! Пусть сердится на здоровье!

Д у н я ш а *(рассматривает рукав рубашки Лытаева)*. Ишь, как хорошо выглажено.

Л ы т а е в. Ну, морковь готова.

Д у н я ш а. Погоди, не вертись! Ведь вот не сделать мне так ни за что. Покажи запонки.

Л ы т а е в *(поднимает руку)*. Вот запонки! Куда морковь?

Д у н я ш а *(рассматривает запонки)*. Уж повар знает куда!

Л ы т а е в. Еще работы, Дуняша, еще работы! Что у тебя там еще есть?

Д у н я ш а. Мало ли что есть: репа, земляные груши.

Л ы т а е в. Репа, земляные груши, превосходно! Еще чего нет ли? Я для тебя на все. Видишь ты, видишь ты, как я люблю тебя! *(Уходит с тарелкой в комнату Дуняши.)*

Д у н я ш а. Кабы знал Иван Иваныч, как мы тут для него стараемся! Уж коли этим завтраком он будет недоволен, так я и не знаю... Кто-то пришел. *(Притворяет дверь в свою комнату.)*

Входит Пыров.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дуняша. Пыров.

П ы р о в. Как! ты одна? а Василий Николаевич?

Д у н я ш а. Какой Василий Николаевич?

П ы р о в. Василий Николаевич Лытаев.

Д у н я ш а. Ах, да! ваш гость. Он тоже ушел.

Слышен звук разбитой тарелки.

П ы р о в. Кто там у тебя, в комнате?

Д у н я ш а. Нет, это ничего, это кошка.

П ы р о в. Василий Николаевич не говорил тебе, куда пошел?

Д у н я ш а. Не говорил. Да где ж им быть... известно, гуляют. Подите на бульвар, там их и встретите.

П ы р о в. Нет, зачем же мне идти! Что мне за ним бегать, я не маленький! Я лучше его здесь подожду. Что ты нам готовишь хорошенького?

Д у н я ш а. Духовую говядину.

П ы р о в. С морковкой и разными разностями?

Д у н я ш а. Да, с морковкой и разными разностями. Пора мне знать, что вы любите.

П ы р о в. Пора тебе знать; а ты не знаешь. Ты думаешь, что я одну духовую говядину люблю; я и тебя тоже люблю.

Д у н я ш а. Сделайте одолжение, оставьте эти ваши комплименты.

П ы р о в. То-то я слышу, так обольстительно попахивает из кухни! Пойти поглядеть, что там за прелести готовятся. *(Хочет идти в комнату Дуняши.)*

Д у н я ш а *(загораживая дорогу)*. Куда вы?

П ы р о в. Хочу пройти в кухню через твою комнату.

Д у н я ш а. Через мою комнату мужчинам ходу нет!

П ы р о в. Ты от меня там прячешь что-то или кого-то.

Д у н я ш а. Как вы могли подумать! Вот уж бесстыдник, сейчас видно.

П ы р о в. Ну, хорошо, не буду думать; ну, так поцелуй.

Д у н я ш а. Ах, оставьте! что вы! вот еще придумываете от нечего-то делать. Я всегда в работе, всегда при занятии, так мне эти глупости не очень-то в голову приходят.

П ы р о в. Один только раз поцелую, один маленький разочек.

Д у н я ш а. Ну, уж нечего с вами делать, только поскорей и один только раз, никак не больше.

Пыров целует Дуняшу.
Входит Л ы т а е в.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

П ы р о в, Д у н я ш а, Л ы т а е в.

Л ы т а е в. Гром и молния! Он ее целует, ее, мою Дуняшу!

Д у н я ш а *(тихо)*. Ах, Вася!

Л ы т а е в. Позвольте вас спросить, Иван Иваныч, что это значит?

П ы р о в. Что значит? А тебе какое дело? Ничего это не значит... вот и все. Отеческий поцелуй.

Л ы т а е в. Но позвольте, Иван Иваныч, это не шутка, это дело серьезное. Я ее люблю, и она меня любит. *(Дуняше.)* Да скажи же ему, что ты меня любишь.

Д у н я ш а. Ах, Вася... молчи, пожалуйста!

П ы р о в. Как, что такое? «Ты... Вася»... Но, несчастные, что же у вас тут? Что за дикая безнравственность!

Д у н я ш а. Нет, Иван Иваныч, тут совсем никакой безнравственности и ничего такого нет; а вот что: как мы очень любим друг друга...

Л ы т а е в. Ну, да, конечно, она правду говорит.

П ы р о в *(Дуняше)*. Ты говоришь глупости; он не может тебя любить, он тебя обманывает.

Л ы т а е в. Не верь ему, Дуняша, не верь!

Д у н я ш а. Уж, конечно, я скорей ему поверю, ни чем вам.

П ы р о в. Да он сейчас просил у меня руки моей дочери Нади.

Д у н я ш а. Как же это так? На что ж это похоже?

Л ы т а е в. Не верь, Дуняша, не верь! Это он тебе глаза отводит; он хочет поссорить, разлучить нас с тобой. Нет, Иван Иваныч, это штука-то старая, играная.

П ы р о в. Не слушай ты его! Он влюблен в Надю; получасу не прошло, как он на этом самом месте мне клялся и просил руки ее. Но я отказал ему, разумеется, отказал. Дуняша! Ах, ты простота! Как легко обмануть тебя!

Д у н я ш а. Кому ж мне верить после этого?

П ы р о в. Мне верь: я не вертопрах, у меня седые волосы.

Д у н я ш а *(Лытаеву, сквозь слезы)*. Так что ж это такое? Насмешка, что ли, с вашей стороны?

П ы р о в. Тут все: и насмешка, и гнусный обман.

Л ы т а е в. Разговаривайте, разговаривайте, я помолчу пока.

П ы р о в *(Дуняше)*. Не прельщайся обещанием, не прельщайся, погибнешь; нашла место и живи, живи честно, будь довольна своим скромным жалованьем.

Л ы т а е в. На двадцати-то пяти рублях в месяц... а коли мало, он еще тебе прибавит.

П ы р о в. Не меняй верного на неверное. Не бросай хорошего места, не покидай своего доброго барина. Здесь тебя любят, ласкают...

Д у н я ш а *(в слезах)*. Какая я несчастная! Вот уж несчастная-то!

П ы р о в. Ну, что ж, и поплачь и поплачь! Это хорошо, это значит, что твое сердце еще не испорчено. Ты ведь от раскаяния плачешь; так ведь? Ну, и прекрасно; это послужит уроком тебе вперед. *(Лытаеву.)* На-

день пиджак-то, честь честью, и приходи в столовую, я с тобой поговорю, я тебе прочту нотацию. *(Уходит в столовую.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Лытаев, Дуняша.

Лытаев *(надевая пиджак)*. Дуняша!

Дуняша. Оставьте вы меня, я вас слушать не хочу!

Лытаев. Напрасно. Пожалеешь, Дуняша. Я тебя люблю и ни на кого на свете не променяю.

Дуняша. А Надежда Ивановна?

Лытаев. Да ведь это хитрость. Разве ты не понимаешь? Это я нарочно ему, чтоб отвлечь от подозрения. Я приехал в Москву для тебя; неужели так прямо и сказать ему! Ну, я и выдумал отвод.

Дуняша. Да правда ли?

Лытаев. Вот еще! Конечно, правда.

Дуняша. Поклянись.

Лытаев. Ну, клянусь тебе.

Дуняша. Да чем? Ты поклянись тем, что для тебя всего дороже.

Лытаев. Изволь! Клянусь тебе тем, что для меня всего дороже.

Дуняша. Ну, то-то же.

Лытаев. Отчего же не поклясться? Что для меня дороже-то всего? Для меня дороже всего мой портной.

Дуняша. Да, хорошо, хорошо, теперь уж я тебе верю.

Лытаев. Что клятвы! Я тебе какое хочешь доказательство! Да вот что... уж чего, кажется, лучше?

Дуняша. Ну, что, что? говори!

Лытаев. Хочешь в Петербург?

Дуняша. С тобой?

Лытаев. Со мной, сейчас.

Дуняша. Да не лжешь?

Лытаев. Не лгу.

Дуняша. Побожись!

Лытаев. Опять божиться! Уж я дал клятву, чего ж тебе еще?

Дуняша. Ну, хорошо; так поедем скорей!

Лытаев. Сейчас, сейчас, только тебе нужно одеться получше, побольше шику! Поедем в первом классе;

там публика хорошая. Нет ли тут у вас какого магазина? Тебе нужно тальму или ротонду, что ли.

Д у н я ш а. Да уж знаю, знаю!

Л ы т а е в. Шляпу, зонтик, перчатки, плед. Ну, а манеры?

Д у н я ш а. Нет, уж это оставьте! Уж, пожалуйста, об манерах-то ты не беспокойся! Я такую даму разыграть могу... А магазин у нас рядом, в нашем доме.

Л ы т а е в. Вот и прекрасно.

Д у н я ш а. Ботинки у меня новые.

Л ы т а е в. Покажи ботинки.

Дуняша показывает ботинки.

Ботинки — первый сорт.

Д у н я ш а. Так пойдем!

Л ы т а е в. Пойдем, купим все, что нужно,— и марш!

Д у н я ш а. Ах, как хорошо, как весело! Пойдем скорей!

Уходят. Входит П ы р о в.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

П ы р о в один.

П ы р о в. Дуняша, что ж ты не сбираешь завтракать? Да ее нет. Должно быть, у себя в комнате... плачет, бедная, оплакивает свое заблуждение. И с чего вздумал этот повеса кружить ей голову? А еще жениться сбирается! Хорош, нечего сказать; бегает за всякой горничной. Потому что Дуняша ведь, что ни говори, все-таки горничная... не простая горничная, конечно, не какая-нибудь девка-чернавка... это я лучше всех чувствую, потому что, между нами сказать, она получает у меня тридцать рублей в месяц, а все ж таки не барышня. Для него она все-таки горничная. Но для меня.... для меня... я должен наконец признаться... нанимал-то я ее как прислугу; но теперь оказывается, что она живет у меня больше, так сказать, для компании; получает очень большое жалованье, не то что другая прислуга... ну, оттого несколько презрительно и относится к труду. И это ей очень извинительно... и я, черт возьми, вовсе не желаю расставаться с ней для этого вертопраха. Но что ж это она сегодня так долго? Все еще плачет. Да, женщине стоит

только расплакаться, уж не скоро ее уймешь. *(Отворяя дверь в комнату Дуняши.)* Дуняша, ты не плачь, дитя мое! Ну, стоит ли! Поплакала, да и будет! Да ее нет здесь. *(Подбегает к выходной двери.)* Дуняша, Дуняша! Никакого ответа! Разве она... Да нет... *(Идет к дверям кабинета.)* Василий Николаевич, не видал ли ты Дуняшу? И тут молчание! *(Отворяет дверь.)* Да его нет... Ни его, ни ее... Что ж это значит? Дуняша! Василий Николаевич!

Входят Лытаев и Дуняша, разряженная.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Пыров, Лытаев, Дуняша.

Пыров. А, наконец-то! Что такое, что такое? Дуняша, ты к чему это так разоделась?

Дуняша. Ничего не разоделась, а как следует, чтобы прилично... как завсегда принято в хорошем обществе...

Пыров. Какое общество? Откуда у тебя взялось хорошее общество?

Лытаев. Иван Иваныч, я ее в Петербург везу с собой, так нельзя же!

Пыров. Ты везешь ее в Петербург? Но я на это не согласен. Дуняша должна остаться у меня. *(Дуняше.)* У тебя нет паспорта.

Дуняша. Коли вы чувствуете себя, что вы порядочный господин и добрый человек, вы сами должны отдать мне паспорт. А жалованье за этот месяц мне, пожалуй, не нужно, я могу теперь это все презреть.

Лытаев. Вот так, Дуняша, так!

Пыров. Но, Дуняша, ты только подумай, оставить меня, меня, такого доброго барина.

Дуняша. Ах, скажите! А вы зачем мне сейчас наговорили пустяков на Василия Николаевича? Человека любишь всей душой, а вы вдруг про него такие глупости сочиняете. Ведь вы ужасть как меня расстроили. Что вас слушать-то?

Лытаев. Мы, Иван Иваныч, зашли, чтоб иметь честь раскланяться с вами. Дня через два-три я вам вышлю ту хохлушку, о которой я вам говорил. Поварская часть у ней усовершенствована так...

Пыров. Погоди, шалопай! Ведь я не верю ни одному слову во всей этой истории. *(Тихо.)* Ну, говори, что тебе нужно?

Лытаев. Наденьку.

Пыров. Никогда!.. Ни за что!..

Лытаев. Идем, что ли, Дунечка! Присядь барину!

Дуняша *(приседая)*. Прощайте! Либо увидимся, либо нет, не поминайте лихом *(смеется)*, и добром нечем.

Пыров. Каково она поговаривает! *(Лытаеву.)* Ну, хочешь отступного?

Лытаев *(тихо)*. Или все, или ничего.

Пыров *(Дуняше, тихо)*. Ведь я тебе говорил, что он сейчас просил у меня руки моей дочери.

Дуняша *(громко)*. Нет, уж вы меня два раза на одну и ту же штуку не подденете. Нет, уж это дудки-с! Отваливайте!

Пыров. Что за слова! Что за тон! Стыдись! *(Лытаеву, тихо.)* Изволь, я согласен; оставь мне Дуняшу.

Лытаев. Честное слово? По рукам?

Пыров *(подавая руку)*. По рукам. Хоть и скрепя сердце, а уж нечего с тобой делать.

Лытаев *(обнимая Пырова)*. Отец вы мне, Иван Иваныч, отец. Чтобы вам сразу... а то заставили меня...

Пыров. Ну, да уж что толковать!

Дуняша. Ну, скоро ль ты там?

Лытаев. Ах, Дуняша! хоть мне и жаль тебя разочаровывать, а уж нечего делать... мы не поедем.

Дуняша. Это еще что такое?

Лытаев. Иван Иваныч согласен отдать за меня Наденьку.

Дуняша. Ну, а я-то как же? *(Хочет плакать.)*

Пыров. Ты у меня останешься, чего ж тебе еще! Я, пожалуй, прибавлю тебе жалованья; костюм этот, коли тебе нравится, можешь оставить.

Лытаев. А за беспокойство ваше пятьдесят рублей, если позволите.

Дуняша *(улыбаясь)*. Что ж! Это довольно благородно с вашей стороны.

Пыров *(Лытаеву)*. Ну, милый человек, теперь тебе надо будет глупости-то бросить и жить посолиднее.

Лытаев. Не с вас ли пример брать, Иван Иваныч? Вот уж теперь не вам меня учить! Я скоро буду женатый человек и таких экономок...

Д у н я ш а *(обидясь)*. Каких «таких»? Это что значит?

Л ы т а е в. Ты, Дуняша, не обижайся! Я хочу сказать: таких дорогих.

Д у н я ш а *(Пырову)*. Если вы считаете, что я дорога для вас, так вы можете взять другую подешевле.

П ы р о в. Потому-то я и не расстанусь с тобой, что ты дорога для меня во всех отношениях.

Д у н я ш а *(смеется)*. Туда же «во всех отношениях»! Уж говорил бы кто, да не вы.

Л ы т а е в. Вот теперь, сделавши дело, можно и позавтракагь.

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ЧА черновой автограф.
ПК писарская копия.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ЛГТБ Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ПД Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
ЦГАЛИ Центральный государственный архив литературы и искусства.

КНИГИ

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма, М.— Пг., ГИЗ, 1923.
ЛН — А. Н. Островский. Новые материалы и исследования.— В кн.: «Литературное наследство», т. 8, кн. 1, 2, М., «Наука», 1974.
ПСС — А. Н. Островский. Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953.

ОСТРОВСКИЙ-ПЕРЕВОДЧИК (1850—1886)

«Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, так же как и академии, университеты, музеи. Иметь свой родной театр и гордиться им желает всякий народ, всякое племя, всякий язык, значительный и незначительный, самостоятельный и несамостоятельный» — эти строки были написаны А. Н. Островским за пять лет до смерти; в них он обозначил свой «символ веры», свое гражданское кредо. «Все порядочные люди живут или идеями, или надеждами, или, пожалуй, мечтами; но у всякого есть какая-нибудь задача. Моя задача — служить русскому драматическому искусству» — так продолжал он определять свое земное предназначение в 1884 году, за два года до смерти.

Борьба за национальную драматургию и родной театр, которым имел бы право гордиться народ, борьба, принесшая славу писателю, признанному отцом русского театра и драматургии, оттеснила в сознании потомков не менее серьезные его заслуги перед отечественной культурой как переводчика-художника и поборника высокой зарубежной драматургии.

Однако причиной тому была не только слава создателя отечественной драматургии, слава, в лучах которой померкли все другие заслуги, но в какой-то степени незадавшаяся сценическая судьба его собственных переводов и, возможно, не в последнюю очередь резкость, с которой он в пылу борьбы за родной театр обрушивался на переводную драматургию. Все это, по всей видимости, позволило считать его переводческую деятельность чем-то для него третьестепенным.

А борьбу с иностранноманией в драматургии он вел почти всю свою жизнь, апеллируя то к актерам, то к театральному начальству, то к общественному мнению. В речи на обеде в честь А. Е. Мартынова 10 марта 1859 года Островский, уже сам к тому времени сделавший ряд переводов, не без укоризны наставляет друга, много игравшего в переводных пьесах: «Вы знаете, что переводы эфемерных французских произведений не обогатят нашей сцены, что они только удаляют артистов от действительной жизни и правды 〈...〉 Переводные пьесы нам нужны, без них нельзя обой-

тись; но не надо забывать также, что они для нас дело второстепенное, что они для нас роскошь...»

Спустя четыре года в газете «Северная пчела» от 1 февраля 1863 года в многозначительной по названию статье «Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России» он рассматривает чрезмерную распространенность переводного репертуара как одну из причин плачевного состояния отечественного театра.

Шли годы, десятилетия, но, несмотря на все усилия, положение не выправлялось. «Императорский Малый театр,— пишет он в 1881 году,— давно перестал быть русским; в центре земли русской он стал каким-то международным театром». По-прежнему «публике предлагают вместо исторической или бытовой пьесы какую-то «Сельскую школу», переведенную с итальянского, где идет речь о «трех днях в Милане», тогда как во всем театре едва ли найдется хоть один человек, который слыхал о каком-нибудь другом Милане, кроме трактира на Арбате». Не без смятения констатирует он, что развелось такое огромное количество переводчиков, что в «обществе русских драматических писателей числится их членами более двухсот». Никакая борьба, никакие доводы и аргументы не поколебали и того, что, пользуясь сегодняшней терминологией, мы назвали бы «системой благоприятствования» переводам в сравнении с оригинальными произведениями. Любопытен в связи с этим факт биографии Островского, о котором он пишет: «В прошедшем ⟨1881⟩ году ⟨...⟩ я получил с московского театра поспектакльных денег 83 рубля; а переводчики получают 600 рублей в месяц». Но тщетность усилий в защите отечественного репертуара не охладила Островского, наоборот, прибавила ему смелости. Не страшась, он называет главных виновников сложившегося в российском театре положения. «По распоряжению министерства двора,— пишет он,— высочайшая милость, миновав оригинальных писателей, осчастливила переводчика. Вследствие такой меры на русской сцене оплачивается и поощряется открытый плагиат, а оригинальное, родное искусство угнетено и оскорблено».

Чтобы не создалось одностороннего и соответственно ложного представления о борьбе Островского с переводной литературой, следует иметь в виду, что эта борьба отнюдь не была безоглядной и безразборной, в которой все средства хороши, любая хула не бесполезна. Островский, наделенный завидным литературным чутьем и вкусом, великолепно понимал, чтó хорошо, чтó плохо в зарубежной драматургии, чтó полезно, а чтó пагуба. Он руководствовался в делах литературных одной замечательной истиной, которую сформулировал в [«Автобиографической заметке»]: «Профанация же искусства, как и науки, мало того, что не приносит

пользы,— приносит вред, заводит нравственную порчу; потому, как скоро искусство опошляется, оно уж не заслуживает ⟨...⟩ поддержки». Поэтому не против всех переводчиков выступал он, не против переводов в принципе. «Не с серьезным приходится нам бороться,— свидетельствовал он сам,— а с канканами». «Канканами» на его языке звалась всякая литературная пошлятина, полупристойная бесхудожественность.

Для самого Островского перевод никогда не был делом третьестепенным, не был отхожим промыслом. Почти за сорок лет работы для театра им было создано сорок шесть оригинальных пьес, семь пьес в соавторстве и сорок с лишним переводов и переделок (включая незавершенные): с латинского (три названия), английского (четыре), французского (восемь), испанского (двенадцать), итальянского (двенадцать) и украинского (одно название). Перевод драматических произведений занимал в его творчестве весьма и весьма важное место.

Пьес, переведенных Островским, хватило бы на богатый репертуар нескольких театров. Тут и античная, и западноевропейская классика (Теренций, Макиавелли, Сервантес, Шекспир, Гольдони), и новая драматургия (итальянская драма и французский водевиль XIX в.), и украинская классика (Г. Ф. Квитко-Основьяненко), и даже тамильская драма Паришурамы «Дэвадасси» («Баядерка»).

Все переводческое наследие Островского можно поделить на две части: собственно переводы и переводы-переделки. Подразделение это, впрочем, достаточно условное. Как мы увидим дальше, некоторые переделки являются, в сущности, очень точным переводом. Мало того, в ряде случаев они художественно точнее собственно переводов. В переделках Островский, видимо, чувствовал себя не столь стесненно, не был скован чужим словом и, располагая большей свободой, достигал значительных удач. Кстати сказать, сам Островский отлично понимал значение подобной свободы от буквы оригинала. Так, в экземпляре французского перевода своей «Грозы» — L'Orage, traduit par A. Legrelle, Paris, 1885, p. XIV *(ПД)* — внизу, рукой Островского написано по-французски: « En effet c'est traduit, tout-a-fait mot à mot, mais par cela le sensnese fait perdre » [1].

Островский был замечательным работником, наделенным редчайшей профессиональной добросовестностью. Переводил он только с тех языков, которые знал изрядно (латинский, французский, английский, испанский и итальянский).

---

[1] «Хотя это и переведено слово в слово, но смысл от этого не теряется».

О знании иностранных языков Островским необходимо сказать несколько слов особо. В мемуарах и литературе об Островском встречаются всякого рода снисходительные оговорки, ставящие под сомнение хорошее знание им иностранных языков. Вполне возможно, что, не имея постоянной практики, Островский испытывал некоторые затруднения в разговорном языке. Но любой человек, обучавшийся языкам, знает, сколь велика разница между умением бегло изъясняться и знанием языка. Если для повседневного, обиходного общения надобно всего около полуторы тысяч слов, то для работы в художественном переводе их уже требуются тысячи. И это-то и свидетельствует об основательном знании.

Первое знакомство с языками началось у Островского, видимо, в гимназии. Известно, каким высоким уровнем отличалась в 30—40-х годах прошлого века языковая подготовка в столичных и даже в провинциальных гимназиях, сколь высокими были требования. На выпускных экзаменах в гимназии по-латинскому, немецкому, французскому Островский заслужил оценки «хорошо».

Не обладай Островский знанием латыни, вряд ли ему удалось хотя бы год проучиться в Московском университете, да еще на юридическом факультете, где без этого языка шагу ступить было невозможно. Университетские годы, можно предположить, только углубили его языковые познания.

Знание Островским латыни подтверждает и такой строгий и авторитетный латинист, как А. И. Малеин, подготовивший публикацию «Свекрови» («Гецыры») и тем самым как бы принявший посмертный экзамен у Островского по переводу и языку. Суровый экзаменатор, обнаружив ряд ошибок и «неумение справляться с трудностями архаической латыни», утверждает, что «перевод несомненно сделан с оригинального текста», и, отметив «изящество языка и заботу о чистоте русской речи», делает вывод, не допускающий никаких возражений: «Доказывать, что А. Н. Островский знал латынь, считаю излишним».

С немецкого Островский перевел лишь несколько стихотворений, поэтому судить о качественной стороне знания им языка затруднительно. Известно, что немецкий сгодился ему во время заграничной поездки; кроме того, он прибегал к нему во время работы над переводами в поисках комментария и прояснения «мутных мест». Так, например, было при переводе пьесы «Укрощение своенравной» (см. письмо Н. В. Гербелю — *ПСС*, *XIV*, *133*).

Знание французского языка, самого распространенного в России среди интеллигенции XIX века, Островский считал само собой разумеющимся. Высказывания, подобные «кто ж нынче из образованных людей этим знанием французского не обладает»

или «кто же из образованных людей, раскрыв французскую заурядную пьесу, не продиктует ее прямо переписчику — только бы тот успевал писать?», встречаются не раз у Островского; себя, разумеется, он не исключал из этого числа. Сам он не только читал, переводил, говорил, но и вел переписку по-французски.

Мы не располагаем сведениями, где и когда Островский овладел итальянским и испанским языками. Но известно, что знание латыни открывает довольно легкий путь к овладению языками романской группы, и, вполне вероятно, путь этот он прошел самостоятельно. От латыни до итальянского, как говорят, один шаг, до испанского — полтора.

«Я знаю итальянский язык хорошо,— писал он 1 января 1883 года П. И. Вейнбергу,— и умею переводить быстро размером подлинника и почти слово в слово» (*ПСС*, *XVI*, *65*). Сличение оригиналов с переводами, особенно рабочими черновыми переводами, которые делались, что называется, с ходу, без словаря или с редким его использованием, подтверждает его самооценку «хорошо», «быстро», «размером подлинника» и «слово в слово».

Что касается испанского языка, то обращение Островского к Сервантесу, Геваре, Кальдерону говорит само за себя. Без хорошего знания языка браться переводить этих авторов, даже обложившись словарями, затея пустая.

В связи с переводом «Интермедий» следует затронуть вопрос «двойного» перевода.

Высказывались предположения, что перевод «Интермедий» Сервантеса осуществлялся не с испанского, а с какого-то другого языка, то ли немецкого, то ли французского на манер тамильской «Дэвадасси» или по крайней мере с «подглядыванием» в иноязычные переводы. Эти предположения лишены серьезных оснований. Достаточно, во-первых, познакомиться с испанским оригиналом, с которого переводил Островский, увидеть его переводческие пометки на полях книги. Во-вторых, сличить черновой перевод (он же чуть ли и не окончательный) с оригиналом, чтобы убедиться, что перевод делался бесспорно с испанского оригинала, делался быстро, как мы говорили, что называется с ходу, почти без словаря. А это ли не свидетельство хорошего знания языка. В-третьих, мы познакомились с переводами «Интермедий» на немецкий и французский языки, которыми по времени мог бы воспользоваться Островский, хотя таковых в его личной библиотеке и не значится. Сличение их с оригиналом показывает, что, положи их Островский в основу своего перевода или доверься их помощи, ему вряд ли удалась бы стилистика Сервантеса и точность, которой он достиг, а ошибки и пропуски, имеющиеся в просмотренных переводах, были бы повторены по-русски. Но таких случаев не наблюдается.

Сейчас мы с уверенностью можем сказать, что перевод «Интермедий» Сервантеса, выполненный Островским, можно считать лучшим в сравнении с другими иноязычными его времени.

Мы уже указывали, что не располагаем сведениями, где и когда Островский овладел итальянским и испанским. То же самое относится к английскому. О степени знания английского языка мы можем судить только по высказываниям самого Островского и в первую очередь по его переводам и оценкам авторитетов.

Сам он писал М. Ф. Дамичу: «Я английский язык знаю порядочно и перевесть всякую пьесу могу легко» (*ПСС*, *XVI*, *184*). И это «порядочно», как показала сверка оригинала с переводами на всех стадиях работы, не является преувеличением.

Мастерство Островского как переводчика подверг всестороннему анализу замечательный советский шекспировед М. М. Морозов. Как и в случае с латынью и А. И. Малеиным, более строгого и компетентного экзаменатора в английском, чем М. М. Морозов, представить трудно. Блистательный знаток английского языка, Шекспира и его эпохи, он посвятил разбору перевода «Укрощение своенравной» обстоятельную специальную статью «А. Н. Островский — переводчик Шекспира» [1].

Отметив среди достоинств «эквилинеарность», «умение передать первоначальную доступность шекспировского текста», «мастерские переводы каламбуров», «бережное отношение к оригиналу», он приходит к заключению: «Усмирение своенравной» Островского, несомненно, занимает выдающееся место в истории переводов Шекспира». Более лестного отзыва представить себе трудно.

Некоторые переводы делались Островским в содружестве с другими лицами. Такой вид совместной работы имел место при переводах с французского пьесы Маллиона и Кормона «Бродяга»; с итальянского — пьесы «Честь» неустановленного автора, «Обманщика» Гольдони; с английского — феерии «Аленький цветочек» и «Антоний и Клеопатра» Шекспира (см. записи в «Дневнике» — 16, 25, 26 июня, 11 июля 1867 г.; письма А. Ф. Дамичу от 28 июля 1885 г., А. Д. Мысовской от 8 октября 1885 г.). Однако надо со всей определенностью сказать, что это содружество ни в коей мере не должно порождать сомнений ни в переводческом мастерстве Островского, ни в его языковых познаниях.

Собственно работе над переводом у Островского почти во всех случаях предшествовал период основательной подготовки, вчитывания в текст. Свидетельством тому являются не столько днев-

---

[1] Морозов М. М., Избранные статьи и переводы, М., Гослитиздат, 1954.

никовые записи и письма драматурга, сколько дошедшие до нас экземпляры оригиналов, испещренные пометками переводчика.

В свое время тщательно собранная библиотека Островского частично сохранилась и ныне находится в Пушкинском Доме. Существует подробный ее каталог. Общее впечатление от библиотеки, какой она была в последние годы жизни драматурга, нам оставил Н. Луженовский (Л. Новский). Описывая кабинет драматурга в его московской квартире, он замечает: «Две стены заняты ореховыми шкафами. За их стеклами можно разглядеть солидную драматическую библиотеку литератур отечественной и иностранных, образцы которых, в подлинниках и переводах, с любовью и знанием собирал покойный. Тут произведения всех западных сцен, всех веков и национальностей: греческие трагики в русском и Аристофан в латинском переводе; подлинные Плавт и Теренций, Кальдерон и Шекспир, Сервантес и Гоцци, Корнель и Метастазио, Расин и Гольдони, Скриб и Мольер, все псевдоклассики [1], драматурги романтической школы, все, или почти все, новые французские драматурги, как Ожье, Сарду, Фелье, и многое другое, худое и хорошее, посредственное и глубокое. Русская, переводная и оригинальная, драматургия представлена здесь как нельзя полнее, начиная с «действ» XVII века, продолжаясь «Российским феатром» и кончая последними новинками нашей сцены. Всего в библиотеке Александра Николаевича можно насчитать до трех тысяч названий. Отдельный шкаф ее занят критическими трудами, исследованиями по истории и экзегетике сцены и литературных ее корифеев; собрание русских летописей, песен, сказок, пословиц и т. п. пополняет эту коллекцию «источников» [2]. Л. Новский в своей суммарной и все же довольно полной характеристике библиотеки Островского говорит преимущественно об «источниках», не касаясь той части библиотеки, которую составляли всевозможные справочники, общие и специальные словари. Так, в библиотеке имелись такие редкие даже для крупных научных и университетских книгохранилищ словари, как, например, словари венецианского и неаполитанского диалектов. Не будет натяжкой предположить, что словарь венецианского диалекта («венецианско-итальянский») был приобретен Островским в связи с работой над переводами Гольдони и Карло Гоцци.

Не вызывающая сомнений филологическая и историческая оснащенность Островского, знание основных европейских языков позволяли ему решать самые сложные задачи как по отбору

---

[1] То есть в тогдашней терминологии — писатели-классицисты.
[2] «А. Н. Островский в воспоминаниях современников», М., «Художественная литература», 1966, стр. 286.

текстов для перевода, так и по практическому его осуществлению.

В выборе текстов Островский — за редкими исключениями — руководствовался нуждами отечественной драматургии, шире — нуждами отечественного театра. Потребности репертуара, актерские запросы улавливались им чутко. Не забывал он и о культурно-исторической миссии переводческого дела. Русский театр, зритель и читатель обязаны Островскому знакомством со многими выдающимися и значительными произведениями мировой сцены. Достаточно напомнить имена, к которым обращался писатель: Шекспир, Сервантес, Макиавелли, Гоцци, Гольдони. Даже в тех случаях, когда он поддавался уговорам друзей выполнить для них тот или иной перевод, и тогда его выбор был достойным, он не опускался до пошлых зарубежных поделок. «Руссофильские» симпатии Островского никогда не заслоняли от его умственного взора то лучшее, что он видел в чужеземной театральной культуре. Ему претило бездумное западничество некоторых литераторов и театральных деятелей, но, истинно любя все русское, он стремился обогатить его чужеземной культурой, какого бы национального происхождения она ни была. Эта черта роднит Островского с таким национальным гением, как Пушкин. Думается, что именно она позволила Островскому стать основоположником самой влиятельной драматической школы в России. Профессиональным заветом для отечественных драматургов звучат его слова: «Чтобы написать оригинальное драматическое произведение, нужны, во-первых, талант, во-вторых, прилежное изучение иностранных литератур».

Первый переводческий опыт Островского относится к 1850 году. Выбор пал на шекспировскую комедию «The Taming of the Shrew». Островский переводит ее прозой и озаглавливает «Укрощение злой жены». Попытка продвинуть этот перевод на сцену кончилась неудачей. По представлению цензора Нордстрема она была запрещена к исполнению шефом жандармов Дуббельтом. Вернулся к этой комедии Островский только через пятнадцать лет, переложив свой прозаический, близкий к оригиналу, перевод в стихи и назвав его теперь «Усмирение своенравной». Судя по письму Островского к Н. В. Гербелю от 17 октября 1865 года, можно предположить, что работу над новым стихотворным переводом он начал несколько ранее, вероятно, в связи с приближавшимся трехсотлетним юбилеем великого английского драматурга, который русская общественность готовилась отметить в 1864 году. Знаменательно, что точность первого перевода позволила Островскому без всяких изменений перенести в свой поэтический перевод прозаические реплики и монологи шекспировского текста.

Любовь к Шекспиру Островский пронес через всю жизнь. Смерть застала его за работой над переводом «Антония и Клеопатры». До нас дошли лишь несколько небольших отрывков из этого перевода.

В 1885—1886 годах Островский перевел еще две английские пьесы: «Аленький цветок» и «Синяя борода», окончательную обработку должна была провести поэтесса А. Д. Мысовская (см. *ПСС*, *XVI*, *204*, *236*).

Почти одновременно с работой над переводом Шекспира Островский обращается к творчеству драматурга совсем иной эпохи и совсем иной литературной традиции. В самом начале 50-х годов он переводит драму украинского классика Г. Ф. Квитко-Основьяненко «Щира любов». В переводе она получила название «Искренняя любовь, или Милый дороже счастья». Перевод не найден, и мы не можем ничего сказать ни о его достоинствах, ни о его недостатках; не знаем даже, перевод это или переделка. Первая постановка была осуществлена на сцене московского купеческого клуба 6 октября 1852 года, а затем, в бенефис Т. М. Домбровского, пьеса была представлена 27 октября того же года на московской казенной сцене. Состоялся только один спектакль.

К 1850 годам относится работа Островского и над переводами римских драматургов: Плавта, Сенеки и Теренция. Первой он перевел комедию Плавта «Азинария» («Ослы»). Он начал работу над переводом, по-видимому, в середине июля 1850 года. В письме М. П. Погодину во второй половине июля 1850 года он сообщает: «Я занимаюсь теперь Плавтом»; во второй половине августа того же года уведомляет: «Азинарию на днях кончу». Из письма тому же М. П. Погодину в начале сентября 1851 года мы узнаем: «Плавтова комедия готова, и печатайте ее хоть сейчас». Комедия эта Погодиным напечатана не была. Как видно из переписки, Островский считал перевод оконченным; в полном виде он не сохранился.

От перевода трагедии Сенеки «Ипполит» до нас дошел только маленький фрагмент, который не дает возможности сделать какие-либо выводы. Перевод комедии Теренция «Свекровь» («Гецыра») был начат 23 декабря 1858 года и при жизни Островского опубликован не был. Читатели смогли с ним познакомиться лишь в 1923 году в сборнике «Памяти А. Н. Островского». Это, в сущности, довольно точный подстрочник. Сведениями о какой-либо работе над ним мы не располагаем. Скорее всего, Островский не предполагал ни печатать этот перевод, ни продвигать его на сцену, а преследовал чисто «студийные» цели.

Работу над переводами римских драматургов Островский вел по имевшемуся в его библиотеке пятнадцатитомному изданию

латинского театра. В последующие годы следов практического интереса к античному театру в творческой биографии Островского мы больше не находим.

Совсем другой смысл имело для Островского обращение к опыту итальянского театра. В переводческой деятельности русского драматурга итальянская драматургия занимает в количественном отношении первое место. Впервые он обращается к ней в 1867 году, живя летом в Щелыкове. Вообще это лето можно смело назвать «итальянским». Островский завершает работу над переделкой комедии Теобальдо Чикони «Заблудшие овцы», переводит пьесу Итало Франки «Великий банкир», работает над переводом комедий Гольдони «Обманщик» и «Верный друг» и вчерне набрасывает «заимствованную из Гольдони комедию «Порознь скучно, а вместе тошно». Из всех этих начинаний до конца доведенными оказались лишь «Великий банкир» (представленный на сцене в том же году) и перевод-переделка «Заблудшие овцы», показанный на сцене в 1869 году.

Об остальных переводах мы имеем либо косвенные свидетельства, либо до нас дошли от них лишь отдельные черновые наброски.

Интерес к итальянской драматургии возник у Островского, скорее всего, под влиянием общего интереса в России 60-х годов к Италии, вызванного борьбой итальянского народа за национальную независимость и объединение страны. Что касается конкретного выбора тех или иных пьес для перевода, то тут, думается, совершенно прав К. Н. Державин (см. *ПСС*, *XI*, *369*), который связывал это с «успехом, сопутствовавшим исполнению некоторых из них» такими великими артистами, как Росси и Сальвини. Несомненно так случилось с «Великим банкиром» и пьесой «Семья преступника» Паоло Джакометти, которую Островский перевел в 1870 году.

Над итальянским репертуаром Островский продолжает работать и в 70-е годы. Любопытно, однако, что по мере углубления знакомства с итальянским театром Островский начинает уделять большее внимание классике. После «Семьи преступника» он переводит знаменитую комедию Гольдони «Кофейная», работает над переводом комедии Карло Гоцци «Женщина, истинно любящая» (перевод остался незавершенным). А затем, погружаясь в глубь веков, Островский обращается к итальянской комедии XVI века. Сперва он пробует перевести комедию Антонфранческо Граццини «Выдумщик» («Арцыгоголо»), а спустя несколько лет обращается к знаменитейшей итальянской комедии XVI века — «Мандрагоре» Макиавелли. Любопытно и то, что из современного итальянского

репертуара внимание Островского останавливают лишь две пьесы исторического содержания: поэтическая драма Рикардо Кастельвеккио «Фрина» и пьеса Пьетро Косса «Нерон». Из первой он успел перевести лишь пролог и часть первого действия (опубликовано в сборнике *«А. Н. Островский. Новые материалы», М.— П., 1924*), вторая же осталась нереализованным замыслом, до нас дошел лишь маленький фрагмент. Возможно, что такой поворот к прошлому был вызван тем, что национальная революция в Италии завершилась, страна была объединена, с иностранным владычеством покончено. А в пору успокоения умов художническая мысль естественно обращается к ценностям непреходящим. Вспомним, что в последние годы жизни переводческие устремления Островского сосредоточиваются на высочайшей классике: снова Шекспир, Сервантес, Макиавелли, несостоявшееся желание перевести в содружестве с А. Д. Мысовской всего Мольера, Кальдерон (сохранились черновые наброски перевода некоторых сцен комедии «Дом с двумя выходами трудно стеречь» и драмы «Вера в крест»).

Наиболее сильным увлечением Островского той поры был, конечно, Сервантес. Работу над переводом его интермедий драматург начал еще в конце 70-х годов. Работа была кропотливой. Ранней весной 1879 года Островским был завершен перевод всех восьми интермедий, изданных Сервантесом в 1615 году, а также интермедии «Два болтуна», приписываемой ему, и не без основания. Впоследствии Островский постоянно возвращается к интермедиям, как только заходит речь об их напечатании. Первоначально их хотел опубликовать А. С. Суворин, затем В. Ф. Корш в своем «Заграничном вестнике», после него П. И. Вейнберг в «Изящной литературе», наконец, Н. Г. Мартынов. Но Островского преследовало невезение. Сначала Суворин по каким-то причинам отказался от издания. Затем в марте 1883 года был закрыт журнал Корша, Вейнберг же взял только четыре интермедии, но и их публикация растянулась на два года. При жизни Островский так и не увидел напечатанными все интермедии. И лишь после его смерти Мартынов опубликовал восемь интермедий, девятая, «Вдовый мошенник», не была до конца отделана Островским.

Во всем переводческом наследии Островского нет другой работы, которая с такой наглядностью обнаружила бы его добросовестность, требовательность, тщательность и переводческое умение. При переводе «Интермедий» им была проделана немалая работа в поисках комментариев, пояснений слов и отдельных оборотов. Без этого многие и многие места Сервантеса понять и перевести было бы невозможно.

По этой работе можно судить об основных требованиях к себе Островского-переводчика: безыскусственность речи, подчинение

ее нормам, свойственным живому русскому языку, удобство для произношения (даже и в том случае, когда перевод не предназначался для сцены), посильная замена иностранных идиом допустимыми русскими эквивалентами, безусловное уважение к переводимому автору в смысле передачи оттенков его мысли и сохранения созданных им характеров речевыми средствами. Дошедшие до нас редакции (от черновых до окончательных) позволяют судить о методе работы Островского: сперва точный подстрочник, потом постепенное его «оживление». Идеальная задача писателя — превратить перевод в факт отечественной литературы. В этом смысле Островского можно рассматривать как одного из создателей школы реалистического перевода в современном нашем понимании.

Однако было бы ненужной и неуместной натяжкой рассматривать все переведенное Островским как сплошные победы.

Характерен метод работы Островского над переводом пьес, имевших сценическую судьбу. Для Островского как бы не существовало окончательной редакции или того, что в нынешней текстологии принято называть «последней авторской волей». Тексты его переводов находились всегда в развитии. Он шел не от худшего к лучшему, а от решения одной художественной задачи к другой, в зависимости от того, готовился ли перевод для печати, для театра или приспосабливался к индивидуальности того или иного актера. Это, к слову сказать, создает дополнительные трудности при решении текстологических задач в издании его переводов. Осложняется дело и тем, что, за редким исключением, Островский создавал свои переводы для живой сцены. Отсюда порой довольно большое количество рукописных вариантов и всякого рода копий: беловых, цензурных, театральных с авторскими режиссерскими поправками; и соответственно появлялось не мало оплошностей и даже произвольных искажений, которые всегда есть опасность принять за «последнюю авторскую волю». Достаточно у него и переводов «информационных», сделанных лишь в первом приближении. И вызвано это вовсе не спешкой, не желанием выйти из затруднительного материального положения, которое, к сожалению, сопутствовало ему на протяжении почти всей его жизни. Требовательность к себе, добросовестность в работе до крайней щепетильности не позволили бы ему проявить легкомыслие. Наличие таких переводов, как, например, «Свекровь» («Гецыра») Теренция или «Мандрагора» Макиавелли, объясняется тем, что ни один из них не был завершен. То, что дошло до нас,— это лишь первая предварительная стадия работы. Другое дело, что и они для нас драгоценны, как все, что вышло из-под пера крупнейшего нашего драматурга. Даже в черновых набросках можно без труда обнаружить блестки великого словесного таланта. Точные слова,

счастливые речения, идиоматические находки всякий раз указывают направление, в котором бы развивалась дальнейшая работа над переводом, дойди до нее руки.

В начале статьи мы говорили о борьбе Островского с засилием зарубежного репертуара. Нет ли тут противоречия: борьба — и сорок собственных попыток обращения к зарубежным произведениям? На одну сторону мы уже указывали: одно дело пьеса о «четырех днях в Милане», другое — Шекспир, Гоцци, Сервантес. Сейчас нам хотелось бы отметить другую сторону. Островскому, быть может самому «русскому» из наших драматургов, наставнику нескольких поколений русских актеров, руководителю «Дома Островского», виднее, чем кому-либо, были недостатки отечественной драматургии. Высоко ставя идейную устремленность русских драматических писателей, их душевную и гражданскую щедрость, Островский тем не менее считал, что профессиональной виртуозности им поучиться должно. В этом смысле представляет интерес его отношение к французскому театру.

Если английские его симпатии сосредоточиваются на Шекспире, испанские — на Сервантесе и Кальдероне, итальянские — на Гольдони, Гоцци и комедии XVI века (с некоторыми, впрочем, выходами в современность), то французские интересы — за исключением платонической тяги к Мольеру — целиком в современности. Все восемь засвидетельствованных обращений Островского к французам не выходят за пределы XIX века и касаются авторов и пьес весьма посредственных, но крепко «скроенных». К. Н. Державин, замечательный знаток европейского и русского театров, вряд ли целиком был прав, когда писал в своей статье о переводах Островского, что тот, переводя французов, «чаще всего удовлетворял бенефисным требованиям актеров» (*ПСС*, *XI*, *369*). Конечно, такие просьбы со стороны актеров стекались к Островскому постоянно, и частично он старался их удовлетворить. Но нельзя забывать и о том, о чем говорилось выше: Островский считал полезным более близкое знакомство публики с действительно умело построенными драматическими произведениями, пусть даже временными поделками. Он учитывал, понятно, и тот повышенный интерес, который проявляла к французскому репертуару тогдашняя петербургская и московская сцена. Любопытно, однако, обстоятельство: все три дошедших до нас перевода с французского являются не переводами в строгом смысле слова, а переводами-переделками, «приспособлениями». Таковы: «Рабство мужей» А. де Лери, «Пока» Баяра, Фуше и Арвера, «Добрый барин» А. Делилпа и Ш. Ле-Сенна. Кстати говоря, к ним можно прибавить и единственный у Островского перевод-переделку пьесы итальянца Теобальдо Чикони «Заблудшие овцы», написанной автором во «фран-

цузском ключе». Другие французские пьесы, к которым обращался Островский — «Бродяга» М. Маллпана и Э. Кормона, «Мнимые добряки» Баррьера и Капандю, «Деревня» О. Фелье,— частью до нас не дошли, частью были лишь начаты Островским. Интересно, что именно переводы-переделки пользовались при жизни переводчика наибольшим, хотя и не безусловным успехом. По данным, приводимым в статье Е. Г. Холодова «Островский на театральной афише его времени» (*ЛН, кн. 2, стр. 14*), из семи переводов Островского, поставленных на казенной сцене Москвы и Петербурга при жизни писателя, первое место держат переводы-переделки. «Добрый барин» был игран пятнадцать раз, «Рабство мужей» — девять, «Заблудшие овцы» — восемь, «Пока» — три. Всего — тридцать пять спектаклей. Что же касается остальных трех пьес, то «Семья преступника» прошла одиннадцать раз, «Великий банкир» — четыре, «Искренняя любовь» Квитко-Основьяненко — один раз. А всего — шестнадцать спектаклей. Другие переводы Островского вообще при жизни драматурга не ставились.

Переводы-переделки, которые Островский в раздражении окрестил «смешеньем французского с нижегородским» и «гермафродитами драматического искусства», как правило, являются довольно точными переводами, хотя действие и переносится в Россию и персонажи получают русские имена. Иногда, правда, Островский вводит в пьесу совсем новых действующих лиц. Так, например, в «Рабстве мужей» А. де Лери Островский ввел дядю главного героя Ивана Александровича Преснова — Фому Фомича. Но персонаж этот чисто эпизодический, лишь утяжеливший стремительное действие комедии. Можно предположить, что введен он не столько по художественной необходимости, сколько ради создания роли для определенного актера-просителя. В остальном же это очень точный и изящный перевод. Так же примерно обстоит дело и с другими переделками. Они смело могут рассматриваться в ряду собственно переводов Островского, хотя, конечно, внимательному читателю могут дать пищу для размышлений в связи с особенностями оригинального его творчества. Именно поэтому переделки и вынесены в самостоятельный раздел тома.

В том драматических переводов А. Н. Островского включены и стихотворные переводы (кроме перевода стихотворения Ф. Шиллера «Гимн искусству», который под названием «Артисту» (из Шиллера) был опубликован в седьмом томе настоящего издания). Они взяты из сборника «50 романсов и песен Баха, Бетховена, Генделя и др. с сохранением оригинальных текстов и прибавлением русских переводов». Переводы эти представляют несомненный интерес. Островский-поэт мало известен широкому читателю (если не считать его стихотворных драматических опытов). А между тем по-

этический талант у него был сильный и вполне самобытный. Переводная лирика Островского дополняет наше представление о его незаурядном переводческом искусстве.

В заключение — несколько слов о принципах публикации текстов в данном томе. Они соответствуют общей текстологической позиции, изложенной в редакционной заметке, которую читатель найдет в первом томе данного издания. Один случай, однако, следует оговорить. Касается он транскрипции имен некоторых персонажей переводных пьес. Как правило, сохраняется транскрипция переводчика. Но в отдельных и очень редких случаях редакция сочла возможным ее поправить. Так, в «Кофейной» Гольдони имеется персонаж, имя которого Эудженио. В транскрипции Островского он становится Евгенио. Имена остальных действующих лиц транскрибированы согласно фонетическому принципу. Учитывая, что имя это никакой смысловой нагрузки не несет, редакция взяла на себя смелость назвать данного персонажа Эудженио, подчинив это имя общему принципу, установленному для себя самим же Островским. В переводе комедии Макиавелли «Мандрагора» персонаж Ница транскрибировался Островским как Ницiа. Оставлять такое написание затруднительно хотя бы по техническим причинам. Заменять «i» на «и» было бы неверным. А потому, придерживаясь фонетического принципа, было решено дать это имя в написании «Ница».

Как и в оригинальных текстах Островского, деликатным моментом остается пунктуация, правила которой подверглись за минувшие сто лет значительным изменениям. Было решено отступать от принятых ныне норм лишь в случаях, когда пунктуация Островского имеет несомненное интонационное значение.

В печатном тексте сохранены все примечания переводчика, а также, без всяких оговорок в комментарии, ремарки, которые Островский в ряде случаев внес от себя или расширил по сравнению с иностранным оригиналом.

В данное Собрание сочинений впервые включены перевод пьесы Н. Макиавелли «Мандрагора», переделка пьесы Баяра, Фуше и Арвера «Пока» и переводы стихотворений.

В. Маликов, Н. Томашевский

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Впервые опубликовано в книге «Драматические переводы А. Н. Островского», Спб., изд. С. В. Звонарева, 1872, стр. III—IV.

Рукописные источники:

черновой автограф предисловия;

копия П. О. Морозова в составе его монографии об Островском (*ПД*).

Печатается по копии Морозова с исправлениями по черновому автографу и тексту первой публикации.

Т. Орнатская

ПЕРЕВОДЫ

УСМИРЕНИЕ СВОЕНРАВНОЙ (THE TAMING OF THE SHREW)

Впервые перевод опубликован в журнале «Современник», 1865, декабрь, № 11.

Печатается по тексту «Полного собрания сочинений Вильяма Шекспира в переводе русских писателей», изд. 4, т. I, Спб., Н. В. Гербель, 1887.

Первый полный прозаический перевод комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой» в России был сделан Н. Кетчером и вышел в свет в 1843 году. В 1849 году в журнале «Сын отечества» появился безымянный перевод этой же комедии, но под названием «Образумленная злая жена».

Мы не располагаем точными сведениями, когда А. Н. Островский приступил к переводу этой комедии, нам известна лишь дата представления готового перевода в драматическую цензуру. Это произошло 14 августа 1850 года. На заглавном листе перевода, представленного в цензуру, означено: «Укрощение злой жены (The Taming of the Shrew) Комедия Шекспира (в 5-ти действиях) Переведенная и приноровленная для сцены Александром Островским в 3-х действиях»; перевод комедии сделан в прозе, при этом опущен пролог, имеющийся в английском оригинале. Цензор И. А. Нордстрем, к которому поступил перевод, представил начальству следующее заключение: «Г-н Островский, известный уже своею грязною пьесою «Свои люди — сочтемся», запрещенной цензурой III Отделения и по Высочайшему повелению, сделал и в настоящем случае неудачный выбор». За сим последовало краткое решение Л. В. Дубельта: «Запрещается. 6 сентября 1850 г.» (*ЛГТБ*). Прозаический перевод так и не увидел света.

Вновь к Шекспиру Островский обратился спустя четырнадцать лет. В 1864 году культурная общественность России готовилась широко отметить трехсотлетний юбилей великого английского драматурга. Сам Островский был избран членом шекспировской комиссии Литературного фонда по устройству чествования памяти Шекспира. Это событие напомнило Островскому о когда-то сделанном им переводе комедии и вновь породило желание увидеть его на сцене. В письме Ф. А. Бурдину, написанному в первых числах октября юбилейного 1864 года, он обращается к другу: «Да нельзя ли выручить из III Отделения мой перевод «Укрощения строптивой»; я бы его пообделал, он может пойти» (*ПСС*, *XIV*, *118)*. Прозаический перевод из III Отделения был «выручен», но поставить его не удалось.

Видимо, в это же время А. Н. Островский получил приглашение принять участие в издании произведений Шекспира, которое собирались осуществить Н. А. Некрасов и Н. В. Гербель. Целью издания было познакомить русского читателя с переводами, поелику возможно, максимально приближенными к Шекспиру, передающими своеобразие стиха и стиля драматурга, а не со всякого рода прозаическими переложениями и переделками, которыми дотоле приходилось довольствоваться читателям и театрам. Первый прозаический перевод А. Н. Островского 1850 года, как показала сверка с английским оригиналом, был поразительно точным в передаче смысла шекспировского текста. Теперь же предстояло добиться в новом переводе поэтического стихотворного соответствия с подлинником. Проходит какое-то время, и уже в письме Н. В. Гербелю от 17 октября 1865 года А. Н. Островский сообщает ему: «Перевод «Укрощения строптивой» у меня давно готов, я его Вам вышлю на этой неделе. Так как это мой первый труд в этом роде, то мне хочется сделать его поотчетливее; я просмотрю его еще раз, и уж последний, и доставлю Вам» *(ПСС*, *XIV*, *132)*.

27 октября 1865 года, как мы узнаем из письма В. В. Самойлову (см. *ПСС*, *XIV*, *132*), перевод был отослан в Петербург издателю Н. В. Гербелю. В самом начале ноября 1865 года А. Н. Островский работает над корректурой, исправляет и уточняет некоторые места перевода (см. письма Н. В. Гербелю от 5 ноября 1865 г. и письмо без даты, которое относят к первой половине ноября 1865 г.— *ПСС*, *XIV*, *133)*.

Однако впервые стихотворный перевод А. Н. Островского, названный теперь «Усмирение своенравной», был опубликован в ноябре 1865 года журналом «Современник» *(№ 11)*. И лишь в следующем 1866 году этот же перевод вышел во втором томе «Полного собрания драматических произведений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей», которое издавали Н. А. Некрасов и Н. В. Гербель.

Заботясь о сценической судьбе своего перевода, А. Н. Островский писал Ф. А. Бурдину в начале второй половины сентября 1866 года: «Отчего бы не взять кому-нибудь в бенефис «Усмирение своенравной» в моем переводе» *(ПСС*, *XIV*, *137)*. Однако сценической судьбы у перевода так и не сложилось вплоть до наших дней.

Вновь к переводу комедии «Усмирение своенравной» А. Н. Островский обратился спустя двадцать лет, в 1886 году, при подготовке очередного, четвертого издания «Полного собрания сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей», которое после смерти Н. В. Гербеля осуществлял А. Ф. Дамич. В это же время Н. Г. Мартынов готовился издать «Собрание драматических пере-

водов А. Н. Островского». Работа над этими изданиями шла одновременно.

В письме А. Ф. Дамичу от 6 мая 1886 года Островский сообщает: «Усмирение своенравной» будет готово гораздо раньше августа; я думаю, что вышлю Вам перевод еще в мае» *(ПСС, XVI, 238)*. О характере своей работы А. Н. Островский писал Н. Г. Мартынову в тот же день 6 мая 1886 года: «Я не обещал Дамичу *совершенно* переделать свой перевод «Усмирение своенравной»; переделывать его нечего, он сделан верно и слово в слово. Я хотел только пересмотреть его по новому, исправленному изданию Шекспира, недавно вышедшему в Лондоне, в котором есть перемены в некоторых словах и знаках препинания. Я уж это почти кончил и на днях отправлю к Дамичу; другого экземпляра у меня нет. Если хотите, то попросите у Дамича, он ему нужен только к августу» *(ПСС, XVI, 238)*. Н. Г. Мартынов, получив принципиальное разрешение у Дамича на публикацию перевода комедии, не воспользовался советом А. Н. Островского и, как показало сличение печатных текстов, для своего издания взял текст предыдущих, идентичных изданий, осуществленных Н. В. Гербелем.

Текст перевода «Усмирение своенравной» с последней авторской волей вышел после смерти А. Н. Островского в первом томе четвертого издания «Полного собрания сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей» в 1887 году. В перечне всех имеющихся дотоле переводов комедии на русский язык издательство уведомляло читателей: «...мы помещаем в четвертом издании вновь просмотренный и значительно исправленный накануне смерти автором» [1].

Стр. 8

Старый педант, представляющий Винченцио.— У Шекспира просто «A Pedant», что в переводе соответствует слову «учитель».

Стр. 9

Сляй (Sly) — хитрец, ловкач, пройдоха.

Охотники — было бы точнее «псари» (huntsmen).

Ричард Завоеватель.— Сляй, уподобляясь кичливым английским феодалам, старается щегольнуть своей «родословной», но вместо исторического, нормандского герцога Вильгельма Завоевателя, покорившего Англию в 1066 году, упоминает выдуманного им Ричарда.

Ступай, ради святого Иеронима...— У Шекспира Сляй обращается к себе, сравнивая себя с аскетом, отшельником Св. Иеронимом («Go by, S. Jeronimy; go to the cold bed...»).

Десятский, сотский, тысятский — низшие должностные лица, выборные от крестьян, исполнявшие административные функции.

Доезжачий — старший псарь, распоряжавшийся собаками во время охоты.

Стр. 10

Ну, право, лорд, Звонок ничем не хуже...— В 5-м издании 1899 года в сравнении с 4-м изданием «Полного собрания сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей» 1887 года, с которого набран текст пьесы в нашем Собрании сочинений, дан иной вариант стихотворной строки: «Милорд, Звонок ничем его не хуже». Трудно

---

[1] «Полное собрание сочинений Виллиама Шекспира в переводе русских писателей», изд. 4-е, т. I, Спб., Н. В. Гербель, 1887, стр. 463.

предположить, что редакция в этом случае и в ряде других самочинно внесла изменения в текст Островского. Вполне допустимо, что это неучтенная или случайно пропущенная правка автора при наборе 4-го издания. Все случаи расхождения между 4-м и 5-м изданиями приводятся нами в дальнейшем комментарии.

Поверьте, лорд, он — лучшая собака.— В издании 1899 года: «Поверьте мне, он — лучшая собака».

Не беспокойтесь, лорд.— В издании 1899 года: «Не беспокойтесь, сударь».

А это что? — В издании 1899 года: «Это что?»

Мечтаньем, сном покажется ему.— У Шекспира мысль несколько иная: «Иль сладостным сном, иль недостойной шуткой» («Even as a flattering dream or worthless fancy»).

Берите ж — и ведите шутку тоньше;/Снесите тихо в лучший мой покой...— В издании 1899 года дан иной вариант этих двух стихотворных строк: «Проделайте же эту шутку тоньше; Его снесите тихо в лучший мой покой».

Стр. 12

Сото — персонаж пьесы, название которой до сих пор не установлено. В первом издании (1623) Шекспира 1-й актер, произносящий эту реплику, назван по имени Синкло: он был второстепенным актером в труппе Шекспира; намек на хорошее исполнение им роли Сото был данью уважения к собрату по искусству.

Но я боюсь, друзья,за вашу скромность...— У Шекспира речь идет не о скромности, а о выдержке, сдержанности, способности не сорваться в роли.

Зови «madame» и будь с ним поучтивей.— В издании 1899 года: «Зови его почтительно «madame».

Любовь мою, чтоб вел себя важнее...— В издании 1899 года: «Любовь мою, чтоб вел себя прилично».

Стр. 13

Два семилетия...— У Шекспира указывается срок семь лет. А. Н. Островский выправляет на «два семилетия» в соответствии с дальнейшей репликой 2-го слуги, который говорит о пятнадцатилетнем сроке болезни («These fifteen years you have been in a dream»).

...рукомойник и принадлежности.— В издании 1899 года: «рукомойник и прочие принадлежности».

Лорд, не угодно ль сладкого вина? — В издании 1899 года: «Милорд, угодно сладкого вина?»

Сладкое вино.— У Шекспира Sack — это вино типа хереса, импортировавшееся Англией из Испании или Канарских островов. Упоминая это вино, Шекспир подчеркивал довольно низкое положение своего персонажа, не дурака выпить. Сляй, конечно, пивал сладкого вина, но заморское было ему не по карману.

Стр. 14

Буртонская пустынь — Burton heath — деревня в графстве Уорикшир, где жили родственники Шекспира.

Целовальничиха — здесь: хозяйка кабачка.

Винкот — деревушка в четырех милях от Стретфорда.

Вот это и печалит вашу леди.— У Шекспира эту реплику произносит 3-й слуга.

...слуги ваши плачут.— Шекспир употребляет глагол «to droop» — «унывать, печалиться», а не «to drop» — «лить слезы».

Возьмите, лорд, ваш прежний образ мыслей...— то есть обретите

свой былой разум (у Шекспира буквально: «Верните ваши мысли из изгнанья»).— В издании 1899 года: «К себе верните прежний образ мыслей».

Взгляните, лорд...— В издании 1899 года: «Взгляните, вот».

Семирамида — мифологическая основательница Ниневии, славившаяся роскошью и изнеженностью. По преданию построила город Вавилон с его висячими садами — одним из семи чудес света.

Стр. 15

Поехать с соколом? — они готовы.— В издании 1899 года: «Поехать с соколами? Есть они».

Адонис — мифологический юноша, в которого была влюблена Афродита.

Цитера (Цитерея, Киферея) — одно из имен Афродиты.

Ио — мифологическая возлюбленная Зевса.

Дафна — нимфа, в которую был влюблен Аполлон. Преследуемая Аполлоном, взмолилась о помощи к богам и была превращена в лавр.

Стр. 16

...посуда без печатей...— то есть посуда, не подтвержденная печатью емкости.

Ни девка, ни кабак...— В английском оригинале эту реплику произносит 3-й слуга.

Стр. 17

Да, знаю. А как звать-то их? — В издании 1899 года: «Да, знаю. А как звать ее?»

Актеры, слыша, будто вам полегче.— В издании 1899 года: «Актеры, слыша, что вам легче стало».

Они советуют игру послушать / И праздному веселью отдаваться.— В издании 1899 года: «Совет их вам такой: игру послушать / Настроить ум на радость и веселье».

Стр. 18

Раз в жизни молоды. Пусть будет то, что будет.— В издании 1899 года: «Мы молоды раз в жизни. Будь, что будет».

Садятся.— В английском оригинале заключительная ремарка пролога имеет смысл: «Торжественная церемония» («Flourish»), означающая начало представления.

Гражда́нами почтенными, и там же / Живет отец, богач из первых в мире.— В издании 1899 года: «Гражда́нами почтенными, живет / / Отец мой там, купец из первых в мире».

Винченцьо сын, воспитанник Флоренцьи.— В издании 1899 года: «Винченцьо сын, Флоренции питомец».

Стр. 19

Который в глубь летит из мелководья...— В издании 1899 года: «Который в глубь плывет из мелководья».

...чтоб, Аристотелю вполне отдавшись,/Овидия проклятью не предать..:— то есть отдавшись серьезным занятиям, не забывать о любви.

Не угнетайте логикой друзей,/В простые разговоры не пускайте/ /Риторики прикрас.— Правка, сделанная Островским для 4-го издания, несколько исказила смысл английского оригинала. Перевод в «Современнике» и первых трех изданий Гербеля был ближе к под-

линнику: «О логике с друзьями рассуждайте,/Риторику пускайте в разговоры/Обыкновенные».
А метафизикой — без принужденья —/И математикой вы занимайтесь.— В издании 1899 года: «А метафизикой вы занимайтесь, И математикой без принужденья».

Стр. 20
Минерва — у древних римлян богиня мудрости.
Стр. 22
И вот, пока стоял я беззаботно,/Над беззаботностью всю силу страсти/Узнал.— В издании 1899 года: «И вот, пока стоял я, праздно глядя,/Узнал я, как из праздности родится/Любовь».
Как Анна королеве карфагенской. — *Анна* — сестра Дидоны, царицы карфагенской (см. Вергилий, «Энеида»).

Стр. 23
Redime te captum...— фраза из комедии Теренция «Евнух» (I д. 29).
Дочь Агенора — Европа, которую Зевс в облике быка похитил и доставил на остров Крит.

Стр. 24
Поворожу, так будет молчалив.— В предыдущих изданиях перевод более точно передавал смысл оригинала: «Но пусть язык свой держит за зубами». «I will charm», переведенные Островским «Поворожу», имеет смысл «клятвенно упрошу».

Стр. 26
Валяй-ка, Грумио, у двери.— В английском оригинале здесь и далее обыгрывается глагол «to knock» — «колотить, стучать, стукнуть». Английский оборот «knock me» здесь соответствует русскому: «поколоти-ка, стукни-ка мне (в значении для меня.— *В. М.*) [в дверь]».
Ну, как вы там в Вероне? — В издании 1899 года: «Ну, как вы все поживаете в Вероне?»

Стр. 28
Чей свадебный припев одно богатство, ∽ Женюсь — так, значит, я приехал к счастью.— В издании 1899 года:
«(Ведь мой припев для сватовства — богатство)
То будь она как рыцаря Флорентья
Любезная противна, как Сивилла
Стара, будь злей Сократовой Ксантиппы,
Как волны Адриатики сердита
Никто меня не оттолкнет от ней.
Я в Падую приехал — на богатой
Жениться: если это мне удастся,
То будет счастлив мой сюда приезд».
Рыцарь Флорентья — имеется в виду персонаж рассказа Джона Гоуера (1330—1408) «Confessio Amantis», который дает обязательство жениться на уродливой ведьме.
Сивилла — легендарная женщина-пророчица. Здесь имеется в виду Сивилла Кумская. Аполлон обещал ей исполнить любое ее желание. Сивилла попросила себе столько лет жизни, сколько окажется песчинок в полной ее пригоршне. К моменту, когда герой Троянской войны Эней прибыл в Италию, она уже прожила 700 лет.
Сократова Ксантиппа — имя жены Сократа стало синонимом злой, сварливой жены.

Стр. 30

Ах ты, кулик! — В английском оригинале: woodcock, то есть простак, простофиля.

Стр. 32

Мызник — владелец или арендатор мызы, загородного дома с отдельным хозяйством. В английском оригинале: farmer — крестьянин.

Стр. 33

Леды дочь — имеется в виду красавица Елена, жена Менелая и возлюбленная Париса.

Стр. 36

...*нянчить обезьян* — буквальный перевод английской поговорки, означающей «сидеть, остаться в старых девах».

Стр. 38

...*они получат цену*...— то есть ценность их возрастет, увеличится.

Он в Пизе сильный человек...— то есть человек влиятельный.

Господ учителей. Да ты скажи им...— В издании 1899 года: «Господ учителей. Скажи обеим».

Наследника богатства и владений...— В издании 1899 года: «Наследника его земель, имуществ».

Стр. 40

Гудочник — здесь: плохой музыкант.

Стр. 41

Верно. Сядь поди скорее.— В издании 1899 года: «Верю. Сядь же на меня».

Стр. 42

Геральдик — то есть человек, сведущий в истории и описании гербов.

Стр. 43

Клянусь Георгом.— Св. Георг считается покровителем Англии.

Стр. 44

Диана — богиня охоты в Древней Греции.

Стр. 45

Гризельда — героиня средневековой легенды, отличавшаяся красотой, кротостью, долготерпением и возвышенностью характера.

Лукреция — жена Тарквиния Коллатина (V в. до н.э.). Обесчещенная Секстом Тарквинием, лишила себя жизни, стала синонимом образцовой римской женщины.

Стр. 47

И больше этого иметь нельзя ей...— то есть большего он (Гремио) ей дать не в силах.

Я нравлюсь — так себя и все отдам.— В издании 1899 года: «Коль нравлюсь вам — с собой ей все отдам».

Стр. 50

Hac ibat Simois, hic est Sigeia tellus; Hic steterat Priami regia celsa senis — цитата из «Героид» (1,33) Овидия.

Панталоне — богатый, скупой и глупый старик, персонаж народной итальянской комедии масок.

Г о р т е н з и о. Синьора, у меня готова лютня.— В издании 1899 года: «Г о р т е н з и о. *(Выступая вперед.)* Синьора, у меня готова лютня».

Эакид все то же,/Что и Аякс...— Аякс Великий, или Большой, герой Троянской войны, был внуком Эака, основателя рода Эакидов.

Стр. 53
Ну, какие же там старые новости? — Эту реплику в английском оригинале произносит Транио.
...сапоги на нем прежде служили ящиками для свечей...— то есть были сделаны из кожаных сумок, в которых хранили свечи.
Лошадь же сопата...— В английском оригинале: «больна сапом».
Насос — воспалительная опухоль на нёбе у лошади.

Стр. 54
...красной покромкой...— В оригинале: list — красной тесемкой.

Стр. 55
Вот если б мог я подновить себя ∽ *как это платье...*— В английском оригинале: «Вот если б смог я обновить, как платье, все, что она во мне подносит (износит, истреплет)».

Стр. 57
Чтобы поднять ее, как сумасшедший / Такой пинок ему...— В издании 1899 года: «Чтобы поднять ее, жених безумный / Так пнул его...»
Кистер — в России церковный служитель, не причисляемый к духовенству и отправляющий обязанности по найму.

Стр. 58.
Он здесь останется — вы успокойтесь.— В издании 1899 года: «Отец, он не поедет, успокойся».

Стр. 61
Ну, Джек! ну, малый! — начало английской круговой песни.

Стр. 64
Я — эту реплику в английском оригинале произносит слуга Петр.
Как, вы ворчать еще! Так я же вас! — В издании 1899 года далее следует ремарка: «*(Слуги уходят.)*»

Стр. 65
Ты потерпи: мы утром наведем...— то есть утром с питанием будет исправлено.
Уйдем, уйдем, он сам идет сюда! — В издании 1899 года далее следует ремарка: «*(Слуги уходят.)*»

Стр. 67.
Одной любовью нежной, а не взглядом...— Было бы ближе к оригиналу: «Добротой, а не привлекательностью».

Стр. 70
Возьмите имя и кредит его.— Кредит (credit) здесь: честь, репутация.

Стр. 73
Или ракушка — гадость, мерзость, дрянь! — В издании 1899 года: «Иль ракушка; фи, гадость, мерзость, дрянь!»

Стр. 74
Так вон же, лóскут! Вон, тряпье, остаток...— В издании 1899 года: «Так вон, лоскут! Вон, ты, тряпье, остаток».

Стр. 77
Меня не бойтесь: я за все отвечу.— Смысл оригинала: «за меня не беспокойся».

Стр. 78
По уважению, что я имею.— В издании 1899 года: «Из уваженья, что я имею».
Да и она его... ∽ ...на дочери моей.— В издании 1899 года:
«Да и она его, или же оба
Они, притворствуя, в любовь играют.
И если вы поступите с ним так,
Как следует отцу — и укрепите
Приличный дар за дочерью моей,
Так брак решен, все слажено: ваш сын
Ее получит с моего согласья».
Угодно у меня? Гораздо лучше...— В издании 1899 года: «Так у меня; для вас удобно это».

Стр. 79
Молю богов, чтоб это так и было! — Эту реплику в английском оригинале произносит не Люченцио, а Бионделло.
Но мы поправим в Пизе.— В издании 1899 года: «Но в Пизе вас мы лучше угостим».

Стр. 84
Педант... Отец его приехал из Пизы...— В английском оригинале: «приехал из Падуи». А. Н. Островский выправляет с точки зрения логики «возможную» ошибку Шекспира, ибо само действие комедии происходит в Падуе; Педант же мантуанец и приехал в Падую из Флоренции.
Пеньковая мычка — пенька, из которой делается кудель для пряжи.

Стр. 85
Что он — лунатик, что ли? — В издании 1899 года: «Что он — помешанный, что ли?»
Я воспитал его с двух лет...— В английском оригинале: «с трех лет».

Стр. 88
Синьор Гортензио и вы... ∽ ...и кушать вместе.— В издании 1899 года:
«И ты, Гортензьо, с любящей супругой
Привет мой вам; пируйте, веселитесь,
Мой пир веселье наше завершит.
Прошу я вас садиться, господа:
Мы будем и болтать и кушать вместе».
Для нас бы хорошо, коль это правда.— В издании 1899 года: «Для нас двоих я этого желал бы».
Понятливы, а поняли не так.— В издании 1899 года: «Хоть вы умны, а поняли не так».
Кругло отвечено. ∽ Поправился его бы поцелуйте. — В издании 1899 года:
«Ответ прямой.
Катарина. Что значит ваша фраза?
Жена Гортензио. Она во мне родилась чрез него.
Петручио. Через меня! Гортензио что скажет?
Гортензио. Жена моя сказала, что она
Так слов своих значенье понимает.
Петручио. Поправил все. Целуйте же его!»

Стр. 89

Что, Гремьо, каково они болтают? — В издании 1899 года: «*(Гремио.)* Как нравятся вам эти остряки?»

Ну да, они бодаются отлично.— В издании 1899 года: «Синьор, они бодаются отлично».

Стр. 93

Чернит луга и затемняет славу...— В издании 1899 года: «Мрачит луга, твою он портит славу».

Стр. 94

Сурова, зла и непокорна воле.— В издании 1899 года: «Сурова, зла и непокорна мужу».

В. Маликов

ВЕЛИКИЙ БАНКИР (L'ORIGINE DI UN GRAN BANCHIERE O UN MILIONE PAGABILE A VISTA)

Перевод пьесы итальянского драматурга XIX века Итало Франки «Великий банкир, или Уплата миллиона по предъявлению» впервые опубликован в журнале «Отечественные записки», 1871, №7.

Позже с незначительными разночтениями был последовательно воспроизведен в собрании «Драматические переводы А. Н. Островского» (*Спб., изд. С. В. Звонарева, 1872)* и втором томе двухтомника А. Н. Островского «Собрание драматических переводов» *(Спб., изд. Н. Г. Мартынова, 1886)*.

В писарской копии, аутентичной печатному тексту, имеются карандашные пометки, касающиеся распределения ролей: например, «Натан Готшильд — Самойлов» и т. д. (*ПД*).

Печатается по тексту издания С.В. Звонарева с контрольной проверкой по печатным публикациям и писарской копии.

Работу над переводом Островский вел в 1867 году по изданию: «L'origine di un gran banchiere o un milione pagabile a vista», Commedia in 2 parti di Italo Franchi. Начат он был, вероятно, весной (имеется дневниковая запись Островского от 30 мая 1867 г.). Завершен летом и тогда же отправлен в Театрально-литературный комитет. Одобрение было получено 7 сентября 1867 года.

3 ноября 1867 года в бенефис Г. Н. Федотовой состоялась премьера в московском Большом театре. В том же году было дано еще три спектакля (6 и 7 ноября и 6 декабря). При жизни Островского на столичных сценах пьеса больше не шла.

Драма Итало Франки не могла не привлечь внимания Островского. Она имела шумный европейский успех. Отчасти благодаря замечательному исполнению заглавной роли великим итальянским артистом Эрнесто Росси. Сам автор в кратком предисловии к изданию пьесы отмечал: «... должен, как на духу, признаться, что почтеннейший Эрнесто Росси, игравший в этой пьесе полгода кряду... создал из роли Натана великое произведение; мне приятно засвидетельствовать это публично, а заодно и выразить ему свое восхищение и признательность».

Однако спектакль 1867 года был встречен театральной критикой враждебно. Так, С. Яковлев в «Современной летописи» *(1867, № 11)*, отметив мастерство Г. Федотовой и И. Самарина, о самой пьесе

отозвался резко отрицательно. А другой критик, скрытый за псевдонимом «К. А.», в статье «Драматическое легкомыслие» (*«Дешевая библиотека*, *1871*, *№ 1—10 и 1872*, *№ 2—3)* назвал пьесу «бессмысленным фарсом». Отрицательное отношение критики было вызвано, очевидно, назойливой мелодраматичностью самой пьесы, ее откровенной католической моралистичностью.

Стр. 99
Как Адонаи! — По смыслу следовало бы перевести: «Славят как Адоная». *Адонай* — по-древнееврейски господь.

Стр. 101
Клянусь Мишной! — то есть Талмудом.

Стр. 103
Кобленц — городок в Германии, в 1792 году центр французской контрреволюционной эмиграции.
Иегова — единый бог в иудаизме.

Стр. 104
Сошка — подставка с развилкой для ружья при стрельбе с упора.

Стр. 113
Мельхиседек — библейский царь Салимский.

Стр. 116
Лукреция — см. прим. к стр. 45.

Стр. 121
Натан, ты меня любишь? — не совсем точно. В итальянском оригинале это место подчеркнуто Островским. Вероятно, он сам усомнился в правильности своего перевода. Точнее было бы: «Ты в самом деле любишь меня?»

Стр. 126
...Веллингтоновского займа... — так назывался займ, который английское правительство вынуждено было сделать в связи с расходами на ведение заключительной кампании против наполеоновской Франции.

Стр. 127
Блюхер отступил от Жанвильера.— Речь идет об отступлении прусской армии фельдмаршала Блюхера.

Стр. 128
«Шварценберг отбил Труа».—Князь К. Ф. Шванценберг (1771—1820) — австрийский генерал, командовавший армиями в кампанию 1813—1814 годов против Наполеона.

Стр. 129
...отрезал войско Шварценберга от пруссаков при Сен-Дизье.— Действительно, в ходе кампании против союзных войск это был один из последних успехов французов, когда им удалось отрезать австрийский корпус Шварценберга от прусской армии Блюхера.
Синедрион — совет старейшин в Древней Иудее.

Стр. 131
...о моем Аустерлицком сражении.— В районе Аустерлиц 20 (2 декабря) ноября 1805 года Наполеон одержал победу над союзными войсками России и Австрии.

Стр. 135
Лаж — приплата к установленному курсу при продаже ценностей на бирже.

Стр. 137
...у меня будут кое-какие письма... — не совсем удачный перевод. Было бы точнее: «авось со временем и еще кто-нибудь напишет». Это место в оригинале, видимо, как не очень ясное подчеркнуто Островским.
Э! Берегись, моя Рита... — В оригинале это место подчеркнуто Островским. В данном случае местное диалектное выражение следовало бы перевести: «И в огромном количестве!» или «И будет у тебя много писем».

Н. Томашевский

СЕМЬЯ ПРЕСТУПНИКА
(LA MORTE CIVILE)

Впервые перевод трагедии Паоло Джакометти опубликован в собрании «Драматические переводы А. Н. Островского», Спб., изд. С. В. Звонарева, 1872.

В 1886 году перевод был переиздан с незначительными разночтениями во втором томе двухтомника А. Н. Островского «Собрание драматических переводов» *(Спб., изд. Н. Г. Мартынова)*.

Печатается по тексту собрания С. В. Звонарева с контрольной проверкой по изданию Н. Г. Мартынова, цензорской писарской копии (ЛГТБ) и учетом текстологической работы, проведенной К. Н. Державиным *(ПСС, XI, 185—235)*.

Над переводом пьесы популярного итальянского драматурга XIX века Паоло Джакометти (1816—1882) «Гражданская смерть» Островский начал работать весной 1870 года. Так по крайней мере можно заключить из переписки Островского с Ф. А. Бурдиным. В письме от 22 апреля 1870 года Бурдин пишет: «Сегодня же я посылаю тебе через Контору несколько брошюр, в особенности рекомендую Les faux bonshommes, если бы ты мог ее приладить на русские нравы, ты бы меня очень обязал — лучшей пьесы для моего бенефиса я и желать не могу. Да пересмотри «Гражданскую смерть» (Morte civile) — это тоже было бы недурно для осеннего сезона» *(Бурдин, стр. 108)*. Слово «пересмотри» в данном случае следует понимать как «перечти», то есть не в том смысле, что Островский должен был «пересмотреть» свой перевод, но именно еще раз перечитать пьесу. Это с достаточной очевидностью явствует из ответа Островского (письмо от 28 апреля 1870 г.): «Благодарю тебя, любезнейший друг, за известия. Книги я получил и просмотрел: «Les faux bonshommes» я знаю давно; переделать на русские нравы эту пьесу едва ли можно, в ней все парижское: нравы, характеры, биржевая игра, живописцы. Если хочешь, чтоб я перевел ее для тебя, я, пожалуй, переведу ⟨. . .⟩ «Гражданскую смерть» надо сильно переделать: из Corrado сделать не убийцу, а политического преступника, или по крайней мере, ради цензуры, только намекнуть и громить не уголовный кодекс, а монахов; пожалуй, что-нибудь и выйдет; а назвать «Дочь преступника»...» *(ПСС, XIV, 187)*. Думается, что письмо Островского не оставляет сомнений: пьесу Джакометти он к тому времени знал, о переводе, возможно, подумывал, но по-на-

стоящему он в нее даже еще и не вчитывался. Речь идет лишь о первом общем впечатлении. Намерение Джакометти «громить уголовный кодекс» Островский почерпнул не столько из действительного содержания оригинала, сколько из не очень удачного его названия — «Гражданская смерть». Больше всего в пьесе Джакометти достается как раз «монахам». Ведь именно откровенная ее антиклерикальность так привлекала к ней крупнейших итальянских актеров, начиная с Томмазо Сальвини и Эрнесто Росси, и обеспечила большой успех у итальянской публики эпохи борьбы за национальное освобождение. Очевидно, что, вживаясь в оригинал (а происходило это именно весной 1870 г.), Островский пересмотрел свой первоначальный взгляд на пьесу. От коренной переделки ее он отказался, изменив лишь название («Семья преступника» вместо «Гражданская смерть») да еще освободив отдельные реплики от излишних риторических фигур, свойственных драматургическому стилю Джакометти. Судя по пометкам в тексте, работу над переводом Островский вел по имевшемуся в его библиотеке изданию Paolo Giacometti «Teatro scelto», Milano, 1862, vol. III (*ПД*).

В сентябре 1870 года работа над переводом была в основном завершена. Во всяком случае, в письме от 3 октября 1870 года Бурдин торопит Островского с внесением в текст окончательных поправок и присылкой перевода для бенефиса А. М. Читау. А уже в ноябре сам Островский просит Бурдина похлопотать о скорейшем одобрении пьесы Литературно-театральным комитетом. Наконец, после ряда обычных цензурных проволочек 12 декабря 1870 года дозволение было получено.

21 января 1871 года в бенефис Н. Е. Вильде состоялась премьера в Малом театре. В том же году спектакль был повторен еще десять раз. Всего же (по данным, сообщаемым К. Н. Державиным) за период с 1871 по 1917 год «Семья преступника» была сыграна на разных сценах страны свыше 2200 раз, став наиболее репертуарным из всех переводов Островского.

Несмотря на столь завидную последующую сценическую судьбу, при жизни Островского «Семья преступника» особого успеха не имела. Премьера в Москве была встречена сдержанно. Так, в «Театральных заметках» П. Акилов (*«Развлечение», 1871, № 8, 20 февраля, стр. 121*) отмечал неудачу первой постановки. Через семь лет едва ли не тот же рецензент (подпись: «П. А.») в «Биржевых ведомостях» (*1878, 21 марта*) поместил отзыв об Эрнесто Росси в драме Джакометти «Гражданская смерть», в котором писал и об исполнении этой пьесы в переводе Островского русскими актерами. Писал без особого энтузиазма.

Стр. 162

...римская курия... Триентский собор.— В данном случае под «римской курией» следует понимать всю совокупность папской администрации. Триентский (или Тридентский) собор был собран в городе Триенто (Триденте) в XVI веке и заседал с перерывами восемнадцать лет. Главная его цель — борьба с протестантскими религиозными течениями.

Стр. 165

...одно распятие, и то потому только, что он считает его за произведение Бенвенуто Челлини.— Действительно, существует распятие работы Бенвенуто Челлини (хранящееся в Эскориале — Испа-

ния), знаменитейшего флорентийского скульптора и золотых дел мастера XVI века. Смысл, однако, этой реплики монсиньора заключается в том, что Бенвенуто Челлини в его глазах, как и в глазах католических властей, считался развратником и богохульником. Славу эту он снискал своей автобиографией («Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции»).

Чьи портреты в библиотеке? — и далее следует перечисление имен Сарпи, Арнальдо, Джордано Бруно, Кампанеллы, Филанджери, Франческо Конфорти, Доменико Чирилло, то есть виднейших мыслителей, правоведов и ученых XI—XVII веков, выступавших против устоев официальной католической церкви.

Стр. 172
«*Ave* Maria» — начальные слова вечерней католической молитвы, которая в переводе с латинского языка начинается так: «Богородица, дева, радуйся».

Н. Томашевский

КОФЕЙНАЯ
(LA BOTTEGA DEL CAFFÈ)

Перевод комедии Карло Гольдони впервые опубликован в собрании «Драматические переводы А. Н. Островского», Спб., изд. С. В. Звонарева, 1872.

В 1886 году был переиздан с незначительными разночтениями в первом томе двухтомника А. Н. Островского «Собрание драматических переводов» *(Спб., изд. Н. Г. Мартынова)*.

Печатается по тексту собрания С. В. Звонарева с контрольной проверкой по изданию Н.Г. Мартынова и учетом текстологической работы, проведенной К. Н. Державиным *(ПСС, XI, 115—184)*.

Работу над переводом А. Н. Островский вел по изданию: Goldoni, «Commedie scelte», Paris, Firmin Didot, 1855 *(ПД)*. Имеющиеся в этом экземпляре пометки писателя носят чисто рабочий характер: подчеркнуты слова и выражения, требовавшие, по всей вероятности, уточнения по словарям.

Работа над переводом комедии была завершена к 1872 году (во всяком случае, не позднее начала этого года). Перевод очень точный, хотя в ряде случаев Островский и пошел на некоторое «стяжение» реплик.

Перевод Островского, высоко оцененный критикой посмертно, при жизни писателя прошел более или менее незамеченным.

Стр. 210
...вставать так рано мне не по комплекции.— В оригинале: мне не по нутру.

Стр. 210
Роскошь такой порок...— В оригинале: чревоугодие.

Стр. 212
Фараон — азартная карточная игра, весьма распространенная во времена Гольдони.

Стр. 213
Входит дон Марцио.— Перед этой ремаркой опущены продолжение реплики Пандольфо и реплика Ридольфо.

Стр. 214
...из лучших, какие только делает Кваре.— Буквально транскрибируя итальянское написание, Островский превращает английскую фамилию Куэр в Кваре.

Стр. 218
Подай стакан Розолио! — Розолио — сильно ароматизированный ликер с малым содержанием спирта.

Стр. 219
У меня на Риальто...— Риальто — знаменитый мост в Венеции через Большой канал, обстроенный всевозможными лавочками.

Стр. 252
Настоящий табак есть rapé.— Rapé — тертый табак (в отличие от толченого) лучше сохранял запах.

Стр. 261
...велите отвезти вас в Фузину...— «Ближайшее место на твердой земле» *(прим. пер.)* Читатель должен помнить, что Венеция стоит в лагуне на островах.

Н. Томашевский

ИНТЕРМЕДИИ СЕРВАНТЕСА

Печатаются по тексту: А. Н. Островский «Собрание драматических переводов», т. I, Спб., изд. Н. Г. Мартынова, 1886, с некоторыми исправлениями по автографам и авторизованным копиям, хранящимся в Институте русской литературы АН СССР. Интермедия «Вдовый мошенник, именуемый Трампагос» печатается по рукописи.

Вступление «От переводчика» печатается по отдельному оттиску интермедий, сделанному в 1886 г. в количестве 100 экземпляров.

Перевод интермедий Сервантеса осуществлен А. Н. Островским по изданию «Los entremeses de Miguel de Cervantes Saavedra», Gaspar y Roig editores, Madrid, 1868. Испанский подлинник с карандашными пометками А. Н. Островского хранится в Пушкинском Доме.

Имеющиеся в распоряжении отечественной науки подлинные свидетельства дают возможность предположить, что намерение познакомить русского читателя с драматическим творчеством Сервантеса у Островского сложилось в 1877 году. В неоконченной рецензии на постановку драмы Лопе де Вега «Лучший алькальд — король» в Малом театре 10 апреля 1877 года Островский, характеризуя творческое своеобразие Сервантеса, указывает: «Он же написал *шутку*, которую мы поместим...» (курсив мой.— *В. М.*). Речь, по всей видимости, идет об одной из интермедий.

Если за основу взять даты, поставленные на автографах восьми интермедий, подготовленных для издания Н. Г. Мартынова, то работу над переводами можно датировать периодом с 11 февраля по 19 апреля 1879 года:

«Саламанкская пещера»	— 11 февраля
«Театр чудес»	— 20 февраля
«Два болтуна»	— 8 марта

«Ревнивый старик»	— 14 марта
«Судья по бракоразводным делам»	— 21 марта
«Бискаец-самозванец»	— 31 марта
«Избрание алькальдов в Дагансо»	— 12 апреля
«Бдительный страж»	— 19 апреля

Девятая интермедия, «Вдовый мошенник, именуемый Трампагос», не вошедшая в издание Н. Г. Мартынова, так как не была отделана окончательно, датирована 27 апреля 1879 года.

Какая-то работа над переводами продолжалась и далее, о чем свидетельствует письмо Н. Я. Соловьеву от 13 декабря 1879 года: «...у меня много переводов и других начатых трудов, теперь привожу все в порядок» *(ПСС, XV, 167)*. Через два года в письме от 23 января 1881 года тому же Соловьеву он пишет: «Если увидите Суворина, скажите, что я скоро стану высылать ему интермедии...» *(ПСС, XVI, 9)*.

Первоначально Островский предполагал опубликовать переводы у А. С. Суворина, о чем свидетельствует только что цитировавшееся письмо, но осуществить свои намерения ему не удалось, переводы в издании Суворина так и не появились.

Следующая попытка опубликовать переводы связана с «Заграничным вестником», издававшимся В. Ф. Коршем. В это же время, а точнее в октябре 1882 года, последовало приглашение Островскому со стороны П. И. Вейнберга сотрудничать в его журнале «Изящная литература» и вслед вероятно предложение опубликовать переводы интермедий. Однако связанный обещанием, данным Коршу, А. Н. Островский в письме от 1 января 1883 года, не называя истинной причины, отказывает Вейнбергу: «Переводы интермедий Сервантеса я Вам обещать не могу, да над ними еще и работы много» *(ПСС, XVI, 65)*.

Но и на этот раз намерениям Островского сбыться было не суждено: журнал «Заграничный вестник» Корша в марте 1883 года прекратил свое существование и интермедии опять оказались неопубликованными. В письме 7 мая 1883 года, теперь уже не связанный словом с Коршем, Островский сообщает П. И. Вейнбергу: «В последней книжке своего журнала Корш заявил, что издание его прекращается, теперь обещанные ему переводы пьес Сервантеса я могу отдать Вам. Они уже готовы, нужно только их проверить по другому хорошему оригиналу, который я жду из Испании» (*ПСС, XVI, 77*).

Готовя переводы для «Изящной литературы», Островский вновь отделывает переводы. 25 сентября 1883 года он пишет П. И. Вейнбергу: «... я обещаю *положительно*, что к концу года доставлю Вам несколько переводов пьес Сервантеса (настоящие перлы искусства) и пьесу Гоцци. Все это у меня готово, но я очень совестлив и боюсь показываться перед публикой, пока не уверен, что мой перевод совершенно близок к подлиннику, что мной перебраны все слова и фразы русского языка для выражения того или другого оттенка мысли Сервантеса и что уж больше ничего сделать нельзя» (*ПСС, XVI, 87—88*). Журнал «Изящная литература» опубликовал всего четыре переведенные интермедии:

«Судья по бракоразводным делам»	— 1883, XII
«Бдительный страж»	— 1884, I
«Театр чудес»	— 1884, VII
«Саламанкская пещера»	— 1885, IV

Это было первое и последнее прижизненное издание интермедий, переведенных Островским.

О прохождении переводов свидетельствуют письма (помимо только что цитировавшегося) Островского к Вейнбергу от 12 ноября, 7 декабря и 30 декабря 1883 года; А. С. Суворину — 23 марта 1884 года; тому же Вейнбергу — 11 апреля 1884 года, 31 января и 11 апреля 1885 года.

В последний раз к своим переводам интермедий Островский обратился в 1886 году, о чем свидетельствует дневник писателя. Это обращение было связано с подготовкой их к изданию Н. Г. Мартынова. Запись от 28 (9) марта гласит: «Сдал переводы Мартынову». В издании Мартынова в 1886 году, уже после смерти писателя, вышло восемь интермедий с предпосланным им предисловием переводчика.

Девятая интермедия, последняя из переведенных Островским, «Вдовий мошенник, именуемый Трампагос» впервые опубликована Б. А. Кржевским по отредактированной им рукописи лишь в 1923 году в сборнике «Памяти А. Н. Островского».

Первое полное издание всех девяти переведенных Островским интермедий вышло в свет в 1939 году. Оно было подготовлено А. В. Февральским и осуществлено издательством «Искусство».

В дальнейшем интермедии в 1952 году вышли в XI томе Полного собрания сочинений А. Н. Островского, изданного Государственным издательством художественной литературы. Подготовка текста и комментарий выполнены В. С. Узиным.

В настоящем издании интермедии печатаются в том порядке, в котором они были переведены Островским; этот порядок значительно отличается от того, который принят в Собраниях сочинений Сервантеса. При публикации нами сохранены все переводческие примечания к интермедиям, деления на сцены, перечни действующих лиц, дополнительные ремарки. Комментарий составлен с учетом вклада, внесенного при подготовке предшествующих изданий Б. А. Кржевским, А. В. Февральским, В. С. Узиным, а также работ зарубежных исследователей драматургического наследия великого испанского писателя.

Исправления, принятые по автографу:

Стр. 280, строка 34
«когда ворочусь» *вместо* «когда возвращусь»

Стр. 280, строка 40
«Мне-то веселиться?» *вместо* «Мне веселиться?»

Стр. 281, строка 18
«корзинищу» *вместо* «корзину»

Стр. 281, строка 21
«скорей» *вместо* «скорее»

Стр. 282, строка 39
«принимали предводительство» *вместо* «предводительствовали»

Стр. 285, строка 4
«сбирается» *вместо* «собирается»

Стр. 287, строка 2
«колочусь» *вместо* «колочу»

Стр. 287, строка 30
«все жилы дрожат» *вместо* «все жилы болят»

Стр. 288, строка 7
«Иду» *вместо* «Я иду»

Стр. 292, строка 19
«дьяволы ведь все знают» *вместо* «дьяволы все знают»

Стр. 295, строка 17
«мальчишек» *вместо* «мальчиков»

Стр. 298, строка 11
«заплачу ему сейчас» *вместо* «заплачу ему сейчас же»

Стр. 300, строка 8
«не забывай» *вместо* «не забудь»

Стр. 301, строка 20
«столь благородных» *вместо* «благородных»

Стр. 320, строка 34
«о чем мы уговорились» *вместо* «о чем уговорились»

Стр. 334, строка 34
«Запирайтесь вы» *вместо* «запирайтесь»

Стр. 339, строка 37
«выручки на штрафы за неполный вес» *вместо* «выручки за неполный вес»

Стр. 339, строка 42
«переносим» *вместо* «перенесем»

Стр. 388, строка 43
«Постов пятнадцать» *вместо* «Пятнадцать постов»

САЛАМАНКСКАЯ ПЕЩЕРА
(LA CUEVA DE SALAMANCA)

Стр. 279
Сакристан — ризничный, церковный сторож; частый комический персонаж в испанской литературе времен Сервантеса.
Студент — у Сервантеса: «Студент Карраолано».

Стр. 280
Образцовые супруги! — У Сервантеса более возвышенно: «О, зерцало супружества!» (Oh, espejo del matrimonio).
...так было бы для них лучше, другая бы музыка была.— Ближе к оригиналу было бы: «Им по-другому б пел петух», то есть им было б сладостным и пение петуха (que otro gallo les cantase).
Манто (*manto — исп.*) — плащ, накидка.

Стр. 281
...лазутчику ∾ *Выжига!* — Эпитеты внесены А. Н. Островским.
...и такого крепкого, что в нос так и бьет.— В испанском оригинале качество вина связывается не с крепостью, а с букетом, поэтому было бы ближе к оригиналу перевести: «С таким тонким букетом (ароматом)».
...сакристан моего существа — то есть хранитель, страж моей добродетели.

Фамильярные отношения...— Говоря в примечании о фамильярном отношении и равенстве обращения между людьми разных социальных групп, А. Н. Островский несколько преувеличивал общественную и социальную недифференцированность в Испании.

Стр. 282

...мешком из-под золы...— Раньше золу собирали и затем использовали как моющее средство.

...врывается в дом до самого последнего угла — то есть врывается в дом и обшаривает все углы и закоулки.

Испания по преимуществу страна разбойников.— Замечание А. Н. Островского ни в коей мере нельзя понимать буквально и считать выражением представлений писателя об Испании. Это, скорее всего, дань расхожим представлениям, сложившимся под влиянием книг, на все лады расписывавших «экзотику» этой страны.

Стр. 284

Антомедоны — то есть автомедонты. *Автомедонт* — легендарный возница Ахилла.

Кондукторы — в данном случае синоним «возничего».

...служат базами и колоннами любовной фабрики — то есть служат основой и опорой любовного здания.

...гладко, как подошвы у башмака...— Испанская обувь того времени в основном не имела каблуков, подошвы были гладкими, отсюда это сравнение.

...сактристаном-грамматиком и цирюльником-романсистом...— то есть ученым сакристаном и неучем врачевателем, не знающим латыни.

Реал — старая испанская серебряная монета стоимостью в тридцать четыре мараведи.

Ваша милость, доверьтесь каторжному человеку моего пошиба, который...— Было бы ближе к смыслу оригинала: «доверьтесь, ваша милость, такому человеку, как я, которому и надо-то лишь переспать хоть на соломе».

Стр. 285.

Турка — во времена Сервантеса «el Turco» имело смысл: «турецкий (константинопольский) султан».

Лукреция — см. прим. к стр. 45.

Порция — жена Марка Брута, убийцы Юлия Цезаря. После гибели Брута сама лишила себя жизни, ее имя стало синонимом мужества, самоотверженности и верности долгу.

Стр. 286

Все уходят...— Ремарка несколько изменена А. Н. Островским. У Сервантеса: «Все уходят. Леонарда высовывается из окна».

Стр. 287

Леонарда. Кристиночка, Кристиночка...— Эта реплика в первом издании напечатана с отдельной строки, но без указания имени Леонарды. В последующих изданиях этой интермедии имя Леонарды вставлено исходя из смысла диалога, основанием служит следующая реплика Кристины.

Стр. 289

Леонарда. Дьяволы в моем доме...— В первом испанском издании интермедии вторая фраза реплики («Боже, спаси меня от напасти...») напечатана с повторным указанием имени Леонарды, что

лишено смысла. Это дало основание считать, что первая фраза принадлежит Панкрасио, вторая — Леонарде. Эта поправка была принята во всех последующих изданиях.

Стр. 290
Это эскивейское...— вино, получившее название от маленького селения Esquivias в провинции Толедо, во времена Сервантеса славилось своими лечебными свойствами.

Стр. 291
Бакалавр Туданса — в испанском оригинале: «бакалавр Туданка».
Бакалавр — первая и младшая научная степень, присуждавшаяся в испанских университетах. *Туданка* — маленькое горное селение в Испании.
Паланка — так назывались земли, лежащие на западе Африки.

Стр. 292
Сарабанда, самбапало, эскарраман — народные испанские танцы.
...по четыре тура — то есть по четыре па, фигуры («con cuatro mudanzas»).

ТЕАТР ЧУДЕС (EL RETABLO DE LAS MARAVILLAS)

Стр. 294
Лисенсинат — ученая степень, следующая после бакалавра.
Репольо — фамилия происходит от испанского слова «реполло», означающего «капуста, качан».
Алькальд — см. прим. А. Н. Островского на стр. 357.
Кастрадо — от испанского слова «castrado», означающего «кастрат».
Капачо — от испанского слова «capacho», означающего «корзина».
Рехидор — см. прим. А. Н. Островского на стр. 357.
Фурьер — квартирмейстер.

Стр. 295
...не перетони — то есть наточи язык, но не чересчур.

Стр. 296
...сеньоры госпитального братства...— В эпоху Сервантеса многие маленькие театры и открытые сцены находились в ведении церковных благотворительных организаций, сборы с представлений шли на содержание больниц, домов призрения и страннопримных домов.

Стр. 297
Тереса Кастрадо, ваша дочь...— Ошибка, идущая от испанского оригинала; под именем Хуаны Кастрадо она фигурирует как в тексте, так и в перечне действующих лиц, составленном Островским; Тереса же — дочь Репольо.
...то мы с нашими фигурами останемся, как раки на мели.— Было бы ближе к смыслу оригинала: «...то видать вам фигуры, как своих ушей» («...así verán las figuras como por el cerro de Ubeda»).
Ante omnia — прежде всего, сначала. Эти слова далее Бенито Репольо воспринимает как имя «Антония».
Его знают здесь хорошо.— У Сервантеса: «Вы, конечно, хорошо знаете местечко» («Bien conocéis el lugar por cierto»).

Стр. 298
Арабские выверты — испанское выражение «algarabías» в разговорном языке означало: «заморская (иностранная) тарабарщина (галиматья)».
Дукат — золотая монета.

Стр. 299
Я сам чуть-чуть поэт и имею претензию на комизм и комическую маску — то есть и сам кое-что смыслю в комическом и в масках.
Я написал двадцать две комедии, все новые, и одна другой стоит.— Было бы ближе к оригиналу: «У меня самого двадцать две комедии, все новые и написаны без передыху» (буквально: «одна за другой»).
Наводнение в Севилье — имеется в виду наводнение 19 октября 1603 года.
Деньги в кармане?— У Сервантеса: «В самом надежном месте» («in corbona» — буквально: «в сокровищнице храма»).
Поэт! ∽ легковерны и простодушны.— Смысл оригинала передан не очень точно. Было бы точнее: «Поэт! Ну да! Тогда считайте его уже одураченным; все эти людишки (поэты) только для насмешек и созданы...»

Стр. 300
...от известного корня — то есть знатного рода.
Чтоб деревом — допускаю; но музыкантом — abrenuncio.— Ближе к оригиналу было бы: «Для знатного идальго может быть, для музыканта — abrenuncio».

Стр. 301
Ради добродетели ∽ заклинаю...— Было бы ближе к оригиналу: «Вследствие возможностей в нем заключающихся заклинаю...»
Самсон — библейский герой.

Стр. 302
Не была ты, дочка, на рогах и их не видела.— У Сервантеса: «No fueras tú mi hija, y no lo vieras» («Не будь ты моей дочерью, не видела бы этого»)
...выпрыгну в окошко...— Далее пропущено в переводе: «Мыши!»
...мышь влепилась...— вероятно: вцепилась; возможно, описка, допущенная А. Н. Островским.

Стр. 303
...на бороду...— в оригинале: los bigotes — усы.
Иродиада — по библейской легенде внучка царя Ирода. По ее настоянию был обезглавлен Иоанн Креститель.
...и пойдет у нас пир горой.— Было бы ближе к оригиналу: «...и пойдет у нас веселье». Далее в соответствии с этой репликой вместо «*Я здесь, дядя Бенито Репольо*» было бы точнее: «Это (то есть веселье) мне подходит (это как раз по мне), дядя Бенито».

ДВА БОЛТУНА
(LOS DOS HABLADORES)

Стр. 307
В испанском оригинале — «Los habladores» — болтуны.
Прокурадор — прокуратор, лицо, бравшее на себя ведение чужих дел.
Альгвасил — полицейский, судебный исполнитель.

Линия — старая мера длины, равная приблизительно 2,5 *мм*. У Сервантеса: «doce puntos» — двенадцать пунктов;один пункт равнялся $^1/_{12}$ линии.

Стр. 308

Так разве, не лучше иметь рану, чем физиономию анафемы? — У Сервантеса: «Так куда же и нанести рану, как не в лицо анафемы».

...от соединенного влияния Юпитера и Сатурна...— Рольдан хвастает своими познаниями в астрологии, в соответствии с которой планеты делились на благодетельные и вредные для человека. Благодетельными считались Солнце, Юпитер, Венера, Луна, а вредоносными — Марс и Сатурн; под влиянием планет, как полагали, складывалась судьба человека.

Стр. 308—309

...рану нанес Александр Великий со шпаги и Теренсий в заговоре Катилины...— Реплика Рольдана — это набор выдуманных фактов, событий, исторических смещений и т. п. *Потасилея* — Пентесилея (Пенфесилея) — царица амазонок, во время Троянской войны сражавшаяся на стороне троянцев, была убита Ахиллом. *Замора* — город в Испании. *Граф Педро Ансурес* — герой исторических романсов. *Карранса* — испанский писатель, его трактат назывался «Философия оружия». *Теренций* — римский комедиограф, ему приписана «Речь против Катилины» Цицерона.

...и если я пользуюсь преимуществом, потому что...—У Сервантеса: «...и если бы я дрался с преимуществом, то, как говорит Карранса...»

...в Франсисках четыре еф.— Скорее всего здесь обыгрывается выражение «tener las tres efes», то есть «ser fea, falsa y fisgona», что значит: «быть уродливой, лживой и обманщицей», четвертое же «ф» содержится в самом имени Франсиски.

Рейнальдос — Ринальдо (Рено) — один из паладинов Карла Великого, герой итальянских и французских рыцарских поэм.

Двенадцать пэров Франции — двенадцать паладинов Карла Великого в рыцарских романах.

Круглый стол — стол, за которым восседали двенадцать знатнейших рыцарей двора легендарного британского короля Артура.

Стр. 310

...и чтоб от вас ни слова, ни звука...— Было бы ближе к оригиналу: «...и не объясняйте мне, что оно (слово) значит».

...на гитаре пять струн...— Во времена Сервантеса еще существовали гитары с пятью струнами; современная испанская гитара имеет шесть струн.

...монашеских орденов четыре...— то есть бенедиктинцев, францисканцев, бернардинцев, доминиканцев.

Диего Ордоньес, Ариас Гонсало, король дон Санчо — герои старинных испанских романсов.

Стр. 311

...мы только прозу сочиняем.— Испанское выражение «hacer prosa» имеет смысл «болтать, заниматься болтовней» и «заниматься будничными делами, заниматься одним и тем же», поэтому ближе к оригиналу было бы: «...а то мы все одним и тем же занимаемся». Соответственно первая фраза следующей реплики будет: «А одно и то же в том и состоит, чтобы накрывать стол...»

Стр. 312

...зависит от расположения, комплекции, а комплекция...— Было бы

ближе к оригиналу: «...зависит от расположенности натуры (природы), а натура (природа)...»
...человек не попадает в раз... — то есть не понимает, когда надо.
...самое глупое — это злость... — Было бы ближе к оригиналу: «Самое низкое — это злость», ибо в оригинале противопоставляется «самое высокое» и «самое низкое».

Стр. 312—313
Fadrina, masara, gazpirria ∽ *daixa* — придуманные Рольданом и образованные им большей частью на «блатной» манер слова, означающие «развратная женщина» (daixa — проститутка).

Стр. 314
Гобернадор — см. прим. А. Н. Островского на стр. 294.
Ну, так пойдемте в добрый час. — У Сервантеса: «Ну, так пойдемте, а пока пусть накроют столы».
...подайте холоднее вина и грушевого киселя. — У Сервантеса: «...подайте флягу и той грушевой наливки».

РЕВНИВЫЙ СТАРИК
(EL VIEJO CELOSO)

Стр. 318
Всю-то ночь ∽ *меня камень давит.* — У Сервантеса: «Всю-то ночь: «Подай горшок, возьми горшок; вставай, Кристина, и погрей мне простыни; умираю грудь болит; подай зонд, а то камень замучил» («Daca el orinal, toma el orinal; levántate, Cristina, y caliéntame unos paños, que me muero de la ijada; dame aquellos juncos, que me fatiga la piedra»).

Стр. 319
Аргус — мифологический многоглазый великан, символ неусыпной бдительности.
Сагори — А. Н. Островский ошибочно принял слово «zahorí» за имя собственное; это слово же означает «ясновидящий» и употребляется по отношению к человеку, который определяет, где находятся подземные воды.
Гомес Ариас — персонаж известной во времена Сервантеса песенки, сложенной в эпоху Реконкисты. Согласно преданию, распутный дворянин Гомес Ариас продал любившую его девушку коменданту мавританской крепости.

Стр. 319—320
...он недавно продал очень дорогой ковер ∽ *купил другой* ∽ *хотя он хуже.* — У Сервантеса: «Скажу вам: ему на днях продавали за бесценок ковер, а он не захотел купить его, так как на нем были фигуры, и купил за большие деньги другой с пейзажем, хотя он был и не так красив».

Стр. 320
А что он захочет сделать, так делает скоро... — Было бы ближе к оригиналу: «То, что хотите сделать, делайте скорее».
Оттого, что старый. — Было бы ближе к оригиналу: «Разве из-за этого он перестает быть старым?» («Deja por eso de ser viejo»).
...приведите мне какого-нибудь школьника-мальчонка... — У Сервантеса: «...какого-нибудь монашка». А. Н. Островский отступил от подлинника, видимо, по цензурным соображениям. Уточнение сле-

дует учитывать в дальнейших репликах Кристины.
...рисованного доставлю... — то есть на картинке.

Стр. 321
...но упаси господи меня от такой подруги, какова она! — У Сервантеса: «...pero Dios lo remedie, por quien él es»: «...но пусть бог исправит все это, на то он и бог».

Стр. 322
Моя более других чувствует, что такое супружеская жизнь. — Было бы ближе к оригиналу: «Моя пользуется вдвойне (благами, плодами супружества)» («La mía los goza doblados»).

Стр. 323
Дайте хоть сиесту... — У Сервантеса: «Дайте хоть праздник («fiesta»). В соответствии с этим меняется и следующая реплика Кристины: «Да и в будни я не хотела бы воевать с ним».

Стр. 324
Родамонт, Мандрикардо, Рухеро и Градасо — герои поэм Баярдо и Ариосто, итальянских писателей XV—XVI веков.
...ранил цирюльника. — У Сервантеса: «ремесленника, подстригающего сукно» («tundidor»).

Стр. 325
Дублон — старинная монета стоимостью в два эскудо.
...Мордасуилу иерусалимскому... — испорченное от Мафусаил; по библии — дед Ноя, проживший 969 лет.

Стр. 326
...примешиваете какой-нибудь смертный грех. — Далее пропущена фраза: «Вы дали ей две дюжины реалов, а прибавили две дюжины ругательств, волчью пасть...»

Стр. 327
Ангельская вода — ароматическая вода.

СУДЬЯ ПО БРАКОРАЗВОДНЫМ ДЕЛАМ (EL JUEZ DE LOS DIVORCIOS)

Стр. 331
В примечании А. Н. Островский дает ошибочную этимологию слова «цирюльник». Это слово произошло от польского «cyrulik».

Стр. 332
...замужем за этой анатомией! — то есть за этим скелетом, этой мумией.
...так уж во что бы то ни стало... — Было бы ближе к оригиналу: «и за деньги» («y por dineros»).

Стр. 333
греть платки — то есть греть суконную шаль, нечто вроде пледа.
Ваша милость... — У Сервантеса Старик обращается к суду, ко всем: «Ваши милости».
...а кто ее знает-то ∽ *открещивается.* — Было бы ближе к оригиналу: «...а если бы вы знали ее, то обходили бы ее или открестились» (как при виде дьявола).

Стр. 334
...под начальство калабрийского капитана... — то есть под присмотр,

под надзор калабрийцев. На турецких галерах надсмотрщики из калабрийцев слыли за самых лютых и жестоких.
И муж умный человек; но уж больше ничего не спрашивай.— Было бы ближе к оригиналу: «И муж благоразумный человек, но он уже не может» (терпеть) («pero no puede más»).

Стр. 335
Тетуан — город в Марокко, был одним из центров торговли испанскими пленниками.

Стр. 337
...сами по себе честны.— У Сервантеса далее: «...хоть это для меня и много значит».
Неодеты — было бы точнее: «ленивы» («perezosos»).
Рассеянный человек — было бы точнее «ленивый человек».

Стр. 338
Пульсовый лекарь — то есть лекарь широкого профиля.

Стр. 339
Старый христианин — то есть исконный христианин, не какой-нибудь перекрещенец.
Человек на руку честный...— Было бы точнее: «во всех отношениях честный».

БИСКАЕЦ-САМОЗВАНЕЦ
(EL VIZCAÍNO FINGIDO)

Стр. 343
...потому что если они захотят иметь ∽ по рукам и по ногам.— Было бы ближе к оригиналу: «И когда хотят хоть немного самостоятельности, так или иначе приобретенной, как в самое неподходящее время ее урезывают или отнимают».
Ворота Гуадалахары — воздвигнуты в Мадриде в 1570 году, у них обычно объявлялись королевские указы.
Бирюч — глашатай.

Стр. 344
...кареты отменяются и чтобы женщины не закрывали лиц...— Имеется в виду правительственный указ от 1611 года, по которому запрещалось обзаводиться новыми каретами без особого разрешения главы королевского совета. Запрещение женщинам любых сословий появляться на улице с закрытыми лицами было впервые введено в 1586 году; в 1610 году этот приказ был подтвержден королем Филиппом III.
...у сатирика Гевары...— Имеется в виду Валес де Гевара (1579—1644). Его роман «Хромой бес» переводил А. Н. Островский, рукопись не найдена.

Стр. 345
Севильское манто — так называлась прозрачная ткань, наподобие шелкового газа, которую изготовляли в Севилье.
...и постоянно толочь пыль на улицах.— Эта фраза представляет собой две начальные строки цыганской песни. Ее исполняют цыгане в интермедии «Избрание алькальдов в Дагансо». См. прим. А. Н. Островского на стр. 369.
По пословице: плохо не клади, вора в грех не вводи.— Фраза введена самим А. Н. Островским.

Стр. 346

...отправил в Саламанку... — то есть в Саламанкский университет.

...придерживается вина, но так, что совсем теряет рассудок... — Было бы ближе к смыслу оригинала: «...но не до такой степени, что теряет рассудок...» («pero no de manera que de todo en todo pierda el juicio»).

Скуди — А. Н. Островский для обозначения испанской монеты эскудо избрал итальянское название «скуди».

Стр. 347

...Кристина, какое счастье тебе привалило ∾ трудов стоит. — Было бы ближе к смыслу оригинала: «Кристина, счастье на тебя обильным дождем пролилось. А я несчастная! Мне никогда, ни от кого без труда кувшина простой воды не перепадало».

Пирам и Тисба — герои древней легенды, имена которых стали синонимом верности в любви.

...обещал написать в честь мою еще. — У Сервантеса: «...предложил написать триста сонетов в мою честь». Поэтому в ответной реплике Кристины говорится о трехстах реалах.

...с каким-нибудь генуэзцем... — Генуэзцы в Испании были банкирами, ростовщиками, торговцами и считались выгодной партией для женщин.

Стр. 348

...скучны точно по указу. — Точнее «в связи с указом»; имеется в виду указ от 1611 года, по которому отсрочивались государственные платежи банкирам.

...половина генуэзца стоит больше, чем четыре целых поэта. — Было бы ближе к оригиналу: «...разорившийся (обанкротившийся) генуэзец стоит больше, чем четыре поэта».

...увести завтра мою жену в комедию, потому что мне нужно завтра после обеда быть свободным... — Следует иметь в виду, что театральные представления в ту пору давались в послеполуденные часы.

...знаю, что за жена у него. — У Сервантеса: «...знаю, что значат эти дела» («sé en qué caen estos negocios»).

Стр. 349

...нет ли у вас хоть какой-нибудь забочистки... — Зубочистки в то время были в большой моде; в пояс специально вделывался кармашек для их хранения.

...дыхание у нее не лучше ∾ она красится. — В ту пору считалось, что румяна, краски для лица разрушают зубы и поэтому, как следствие этого, пахнет изо рта.

Стр. 350

Амбра, мускус, цибет — ароматические вещества, применявшиеся в парфюмерии.

Стр. 351

Есть ли еще такой Александр в мире? — Имя Александра Великого вошло в поговорку как синоним щедрости.

...немножко конфект... — Точнее было бы: «немного сладостей», они изготовлялись из кусочков груши, айвы и других фруктов.

Поп-Иван Индейский — легендарный владыка, якобы царствовавший на границе Китая и исповедовавший христианство. Сказания о царстве «пресвитора Иоанна» встречаются в древнерусской литературе.

...вино святого Мартина...— вино, получившее название от селения Сан-Мартин (святой Мартин).

Стр. 353

Овидиевы превращения — имеются в виду превращения, описанные римским поэтом Овидием (43—17 гг. до н. э.) в «Метаморфозах».

Стр. 354

Коррехидор — представитель королевской власти в провинциях и некоторых городах; обладал исполнительной и судебной властью.
...я бешусь...— У Сервантеса: «удавлюсь» («ahorcar»). Соответственно далее: «не удавились».

Стр. 355

...она на манку идет...— то есть клюнула (на приманку), поддалась обману.
...читают/ и Лофраса и Диану /Или кавалера Феба/ И Лауру Оливанте...— *Антонио де Лафрасо* — автор романа «Счастье любви, в шести частях» (1573); *Диана* — героиня романа Хорхе Монтемайора «Диана, в шести частях» (1558—1559); *кавалер Феб* — герой рыцарского романа Диего Ортуньеса де Калаорра «Зерцало князей и рыцарей» (1562); *Оливанте де Лаура* — герой романа Антонио де Торкемада «Повесть о непобедимом рыцаре Оливанте де Лаура» (1564).

ИЗБРАНИЕ АЛЬКАЛЬДОВ В ДАГАНСО (LA ELECCIÓN DE LOS ALCALDES DE DAGANZO)

Стр. 357

Дагансо — селение в провинции Мадрид.
Слуга — далее в тексте А. Н. Островский дает «сторож». У Сервантеса «некто». См. прим. к стр. 367.
В согласии ∽ то угодно небу.— Некоторые испанские исследователи не без оснований считают, что эти стихи (2-й и 3-й) в реплике Альгарробы принадлежат Пандуро; 4-й стих — опять Альгорробе.

Стр. 359

...чтоб не могли в Толедо/Забраковать...— Вероятно, Дагансо находилось под юриспруденцией Толедо, а не Мадрида.
...в самом Риме ∽ У романцев.— Сервантес обыгрывает Roma (Рим) и Romanillos — название маленького селения в провинции Гвадалахара. По-видимому, в то время Романильос было синонимом захолустья.

Стр. 360

В любом из всех испанских городов.— У Сервантеса вместо этого названы три селения: Аланис, Казалья, Эскивиас, известные своими винами.
Так не было б в окрестности житья/ И воробьям.— У Сервантеса: «Во всей округе птиц бы не осталось».
...собаке Альвы...— имеются в виду шутливые стихи о евреях, предъявивших герцогу Альбе жалобу, которая постоянно гонялась за ними и кусала.

Стр. 361
Потро-медики; *потро-алькальды.*— У А. Н. Островского «потро», вероятно, от «потрошить», то есть «медики потрошители», «алькальды потрошители». У Сервантеса: «potra-medicos», «potra-alcaldes». Potra *(исп.)* — кобыла, грыжа, орудие пыток (кобыла); в зависимости от этих значений и складывается смысл составных слов с potra (коновал, мучитель, живодер). Правильная форма prota-medico — лейб-медик; prota-alcald — старший алькальд.
фискал — здесь: «обличитель».

Стр. 362
Муст виноградный — сладкое молодое, неперебродившее вино. У Сервантеса далее кроме вина Умильос предлагает в качестве взятки «молодых, молочных телят».

Стр. 363
...мужчин до угольков доводят...— то есть до сожжения на костре.
Вот на складках сижу...— то есть читаю по слогам.

Стр. 364
...стреляю, точно Туллий.— Имеется в виду римский император Марк Туллий Цицерон, здесь как синоним искусного и сведущего во всем человека.
Ликург — легендарный греческий законодатель.
...с Бартуло пересыпать.— У Сервантеса: «...и подтереться Бартуло» («limpiarme con Bártulo»). См. прим. к стр. 367.
Так выкину я ваш кабак в окошко.— А. Н. Островский слишком буквально переводит фразу Сервантеса, смысл которой: «разнесу все в клочья».

Стр. 364—365
...палку/Побольше приберу...— У Сервантеса имеется смысл: «жезл алькальда».

Стр. 365
Катон Цензорин — имеется в виду Катон Старший (234—149 до н. э.), прозванный строгим за ревностное исполнение обязанностей одного из римских цензоров, в круг деятельности которых входило производить имущественную перепись, сдавать государственное имущество в аренду, устанавливать бюджет, назначать в сенат.

Стр. 366
Вара — то есть жезл алькальда.
Вот славно! Палку дали/Да только левую.— В реплике Альгарробы и далее в репликах Умильоса и Письмоводителя идет труднопереводимая игра слов: zurdo — левый, не тот, ненастоящий, неподходящий, и derecho — правый, прямой, правильный, справедливый. Более всего смысл открывается в реплике Умильоса: «Даете палку левую» (то есть даете жезл ненастоящий, фальшивый, для кривды, для фальши), «хотите, чтоб судил я право» (то есть по-праведному, прямо, правильно, по-настоящему).
Входит сторож.— У Сервантеса: «Входит некто». См. прим. к стр. 357.

Стр. 367
На праздник Тела — имеется в виду католический праздник тела господнего.
...в вас Самсонов по наукам, / А по силе Бартулосов... — слова,

полные издевки. *Самсон* — библейский персонаж, отличавшийся огромной силой; *Бартуло* — юрист, слывший ученым мужем. См. прим. к стр. 364.

Стр. 369
Подсактристан — см. прим. Островского на стр. 372.

Стр. 370
«А вот посмотрим», — говорит Аграхес. — Испанская поговорка, выражающая в угрожающем тоне сомнение в том, в чем собеседник полностью уверен. *Аграхес* — персонаж рыцарского романа «Амадис Уэльский», которому и принадлежит фраза «А вот посмотрим!». У Сервантеса далее обыгрывается «Agrajes» и «grajos» (сойка). Островский обыгрывает, используя слова: «грах» и «грач».
Требник — богослужебная книга.

Стр. 371
Поет и ловко в уши напевает. — В испанском оригинале: «No solamente canta sino encanta» («Не только поет, но и очаровывает»).

БДИТЕЛЬНЫЙ СТРАЖ
(LA GUARDA CUIDADOSA)

Стр. 372
Входит солдат отважной походкой, в рваной перевязи и в очках... — У Сервантеса: «Входит солдат в лохмотьях, с рваной перевязью и жестяным футляром (un antojo)». Жестяной футляр, напоминавший видом подзорную трубу, служил для хранения приказов, документов и т. п.

Стр. 373
Ну, так я здесь останусь, мне и тут хорошо... — это ответная реплика на предыдущую: «Ну, так поди сюда...» — и было бы ближе к оригиналу ее перевести: «А мне туда лучше...»
Кислая пиковая дама. — Попытку А. Н. Островского (с помощью выражений: валет сатаны — кислая пиковая дама — туз) передать игру слов испанского оригинала нельзя считать удачной. У Сервантеса обыгрывается, с одной стороны, название карт: sota — валет; el caballo — карта следующего достоинства с изображением всадника, соответствующая нашей «даме»; el rey — король. С другой стороны — второй смысл: sota-sacristan del Diablo — помощник прислужника сатаны; el caballo de Ginebra — то есть женевский наемник, выкормыш, еретик (Женева во времена Сервантеса считалась рассадником ереси); el rey — король, высшая власть, вершитель правосудия.
...недостает туза, но ты скоро его получишь. — Было бы ближе к оригиналу перевести: «...недостает только короля для полного набора». В примечании к слову «sota-sacristan» Островский ошибочно указывает, что sota предлог. В испанском языке sota употребляется только как приставка, придающая значение «помощник, заместитель». В русском языке аналогичный случай: «хорунжий — подхорунжий», «дьяк — подьячий» и т. п.
...улитка в человечьем платье... — Сервантес строит свое сравнение с осьминогом; бесчисленные лохмотья солдата напоминают щупальцы осьминога.

Стр. 374
...на обороте мемориала... — то есть на обороте докладной записки, рапорта.
пароксизм — то есть острый приступ чувств.

Стр. 375
Слепой сказал: посмотрим! — У Сервантеса: «А вот посмотрим! — сказал Аграхес». См. прим. к стр. 370.

Стр. 376
...полотна...кембрейского... — правильнее «камбрейского»; имеется в виду очень тонкое и дорогое полотно, которое изготовляли в городе Камбре.
Есть вышитые воротнички для рубашек? — У Сервантеса: «Есть ли шнурок (тесьма) для рубашек?»

Стр. 377
Мануэль бежал... — В полной реплике Сервантес обыгрывает значение слова «vivo» — «живой» и «шнурок (тесьма)». Островскому не удалось в должной мере передать этой игры.
Она примеривать будет эти туфли? — Было бы ближе к оригиналу перевести: «И она прямо сейчас должна их надеть?»
Не нужно ∽ она их прямо наденет. — У Сервантеса: «Незачем; если бы они были мужские, какие она носит всегда, то надела бы».

Стр. 378
На длинной улице... — У Сервантеса: «На главной улице»; так называлась одна из улиц Мадрида.
...и эти очки... — не очки, а футляр. См. прим. к стр. 372.

Стр. 380
Неаполитанское королевство — во времена Сервантеса это королевство принадлежало Испании.

Стр. 381
...а все-таки я приложу ∽ на тот свет. — Было бы точнее перевести: «а то бы с большим старанием отправил его на тот свет».
Святая Урсула — святая католической церкви. По преданию дочь британского короля; с одиннадцатью тысячами девушек она отправилась в Рим; на обратном пути под Кёльном все они были изрублены гуннами.

Стр. 382
...танцевать ходила. — У Сервантеса: «когда ходила на рынок» («cuando fuí al Rastro»).

Стр. 383
...на монастыре церкви святого Андрея... — В оригинале: «на кладбище святого Андрея».

Стр. 384
Норов женский одинаков — этот куплет У Сервантеса поет солдат.
Как и следует солдату — этот куплет у Сервантеса поет сакристан.

ВДОВЫЙ МОШЕННИК, ИМЕНУЕМЫЙ ТРАМПАГОС (EL RUFIÁN VIUDO, LLAMADO TRAMPAGOS)

Стр. 386
Название при всей удачности перевода не передает полностью испанского подлинника. «El rufián viudo» — точнее был бы перевод «Овдовевший сутенер...». Соответственно Чикизнаке и Хуан — сутенеры, а не мошенники.

Стр. 387
Соображая жизнь твою, конечно, /Поверить можно, что себе и там ты /Найдешь местечко; но нельзя наверно /Определить твой стул в загробной жизни! — то есть, зная твой жизненный путь, можно представить, где ты, хотя и не отваживаюсь указать точно твое место в загробном мире (то есть ад или рай).

Стр. 387—388
...я иначе смотрю на дело, вы поймите это...— Было бы ближе к оригиналу: «...пока я устраиваю дела с загробным миром — возьмите-ка в руки шпагу и поговорим...»
Со Трампагос — Со — сокращенная форма от «сеньор», бытовавшая в обращении в Севилье в XVI—XVII веках.

Стр. 389
Дрок — испанское esparto — порода дрока, отличающаяся особой прочностью; служит синонимом твердости и крепости.
...Не потела: / Ошибка в том! — то есть «...Ошибка — потеть ее не заставляли».
Одиннадцать потов /Сошло с нее. — У Сервантеса просто: «Одиннадцать раз». Мануэль Эррера Гарсия указывает в своем комментарии к «Интермедиям», что больных сифилисом при лечении заставляли потеть; поэтому смысл фразы «Одиннадцать раз»— одиннадцать раз была на излечении в больнице. Далее реплика Чикизнаке соответственно будет: «Хоть раз-то с пользой?» — а Трампагоса: «Каждый раз с пользой».

Стр. 390
Свежа была, как дерево грудное...— то есть как совсем молодое деревце. У Сервантеса Перикона сравнивается с особым видом черешневого дерева, которое отличается от других деревьев особой свежестью и зеленью листвы.
Фонтанели — то есть раны, язвы, сочащиеся гноем.
Да, быть-то были ∽ облекало внутренности.— Реплика Трампагоса переведена не очень точно и не отделана окончательно, о чем позволяет судить рукопись. Смысл ее: «В этом отношении (то есть гнойных язв, «fuentes») она была просто Аранхуэц (парк, где было множество фонтанов, «fuentes») и тем не менее земля, которая поглотила ее, пожирает самое белое и красивое тело, какое только попадало в ее (земли) недра».
Сказать бы надо: флюс...— У Сервантеса Чикизнаке просто объясняет причину, почему стало портиться дыхание у Периконы: «Должно быть, карпез или флюс испортили перлы ее уст, хочу сказать передние и коренные».

Стр. 391

Моим глазам ∽ печальной мантии.— У Сервантеса смысл: «Как бы я хотела, чтобы с него стащили эту темную шкуру (то есть траурную хламиду)».

Полифем — циклоп, ослепленный Одиссеем.

Антропофаг — людоед.

Троглодит — дикарь, пещерный житель.

Зоил — греческий оратор, философ; имя его стало нарицательным в смысле завистливого, язвительного и мелочного критика.

Кайман — крокодил.

Чтоб мог иначе повести себя...— У Сервантеса смысл: «Чтоб мог иначе одеться (то есть в траур)».

...золотой рудник...— У Сервантеса: «рудник в Потоси». *Потоси* — город в Боливии со знаменитыми серебряными рудниками.

...шестьдесят/Серебряных кватринов...— У Сервантеса: «шестьдесят куарто»; *куарто* — медная монета стоимостью в $^1/_4$ мараведи.

Стр. 392

И фонари дистиллируют...— то есть глаза превратились в перегонные аппараты слез, которые текут по капле, как (спирт) из змеевика-конденсатора, охладителя.

Я четырем мостовым прачкам могу дать ∽ жажды.— У Сервантеса смысл: «Четырем мостовым прачкам (то есть прачкам, которые стирают на реке до седьмого пота) он (Трампагос) может дать вперед по тому, как льет из него».

Ценцурин Катон — то есть Катон Цензор. См. прим. к стр. 365.

Стр. 393

Что я ее...— то есть Репулиду.

Подкрашенный, румяный ангел...— У Сервантеса смысл: «чванливый, заносчивый».

...начнется драка...— то есть распри.

Стр. 395

С ее же хлебом съест ее Трампагос!— Эта реплика Хуана Карлоса обращена к Чикизнаке. В ней он утешает Чикизнаке, бывшего сутенера Репулиды. Смысл реплики: «Ну, Чикизнаке, пусть он (то есть Трампагос) ее себе со своим хлебом скушает» (то есть пусть берет ее себе на здоровье).

...поставь мне гвоздь и знаки...—У Сервантеса игра слов, основанная на значении двух слов: «clavo» — «гвоздь» и S [es] — испанская буква. При слитном произношении получается слово («esclavo») «раб». Смысл реплики: «поставь (запечатлей) на моих щеках знак — «рабыня».

Снеси к «отцу»...— то есть попечителю публичного дома.

Привесь к ногам и за плечами крылья!— А. Н. Островский объединил две реплики. У Сервантеса: «К ногам приделай крылья» — произносит Трампагос, а «Да и к спине» — слова Вадемекума.

Стр. 396

Потише вы ∽ и шляпники найдутся.— Было бы ближе к оригиналу перевести: «Будьте покойны (не волнуйтесь), рюмки (чашки) найдутся, а если нужно, шляпы (вместо чашек) в ход пойдут».

Стр. 397

Эскарраман — авантюрист и пройдоха, существовавший в действительности. Он был осужден на галеры; по его имени был назван один из танцев.

Стр. 397
Под именем Миллан де ля Коголля — правильнее: Мильян де ла Коголья. Это название обители, а не имя пустынника.

Стр. 398
О том, о сем ∽ *в моей судьбе?* — У Сервантеса смысл: «Пока мои несчастья и судьба водили меня по чужим краям».
Титиро Мантуанец — имеется в виду римский поэт Виргилий (70—19 гг. до н. э.) родом из Мантуи. Титиро — имя пастуха из первой эклоги Виргилия.
Тебя в реке перемывают прачки, /Извозчики тебя скребницей шерстят... / Тебя закройщик ножницами режет.— Во всех случаях смысл: тебе перемывают косточки, все о тебе только и говорят.
До Индии твои протекли лавры...— то есть до Америки прокатилась твоя слава.
И без числа надарили сапожек.— Имеются в виду сапожки для танцев.
...иль малый школьник.— Далее у Сервантеса идут еще четыре стихотворные строки. У Островского они остались недопереведенными.
Эфесский храм — храм Артемиды в Эфесе, который был сожжен Геростратом, вознамерившимся этим обессмертить себя на века.

Стр. 399
...прочь лохмотья! — Смысл: рубахи долой, то есть призыв трудиться изо всех сил, наддать что есть мочи.
Соберется танцевать...— У Сервантеса смысл: «прочистит горло, чтобы петь».

Стр. 400
Канарио, гамбета, сарабанда, самбапало — названия танцев. Следует иметь в виду: многие староиспанские танцы исполнялись под слова определенной песни, а не только музыку, поэтому танцы часто назывались по первой строке песни. Репертуар музыканта включает следующие танцы: «канарио», «гамбетас», «вильяно» («Вильяну несут луковицу...»), «сарабанда», «самбапало», «Горе душу мне томит», «Наш король Альфонсо добрый».

Стр. 401
Рольдан — Роланд, герой французского эпоса.

В. Маликов

МАНДРАГОРА
(LA MANDRAGOLA)

Перевод комедии Макиавелли впервые опубликован профессором Д. К. Петровым в сборнике «Памяти А. Н. Островского», Пг., 1923.

В основу публикации легли карандашный черновик и перебеленная авторская рукопись *(ПД)*.

Настоящий текст перевода в основном повторяет публикацию 1923 года с учетом правки А. Н. Островского.

В черновике к заголовку «Мандрагора» комедия Никколо Макиавелли Флорентинского. Перевел с итальянского А. Островский» Островский сделал такое примечание: «написана около 1504 года». Он ошибался. К 1504 году приурочено действие комедии, а на-

писана она между 1513 и 1520 годами (вероятнее всего, в 1518—1519 гг.). Первое представление ее на сцене в декорациях Андреа дель Сарто и Бастиано де Сан-Галло состоялось во Флоренции в 1520 году, а затем — в Риме и Венеции. Первое издание — в 1524 году.

Перевод «Мандрагоры» выполнен, по всей вероятности, по изданию: Machiavelli N., «Commedie», 1769 *(ПД)*.

Обращение А. Н. Островского к знаменитейшей итальянской комедии XVI века вряд ли можно считать случайным. Итальянская драматургия постоянно привлекала его внимание. Об этом свидетельствуют и многочисленные переводы Островского с итальянского, да и самый состав его личной библиотеки.

Работу над переводом «Мандрагоры» Островский завершил зимой 1883/84 года. Так, в письме к жене, М. В. Островской, от 15 марта 1884 года Островский пишет: «Феоктистов сделал распоряжение, чтобы пропустили мой перевод «Мандрагоры» — это отлично; я уж не надеялся и думать об этом перестал. Значит, труд не пропал, этот перевод принесет, по крайней мере, тысячу рублей. Вейнберг обещал принести деньги, да опять скрывается; но я его настигну» *(ЛН, кн. 1, стр. 174)*. Судя по словам «я и думать об этом перестал», можно предположить, что Островский уже давно отослал свой перевод в цензурный комитет, то есть где-нибудь в январе — начале февраля 1884 года. Однако тянула не только цензура, медлили издатели. Через шесть дней он снова пишет жене: «С Сувориным я так или иначе кончу относительно издания сочинений и относительно печатания «Мандрагоры» *(ЛН, кн. 1, стр. 177)*. А спустя два дня Суворину: «Мне обещают пропустить перевод «Мандрагоры», хочется напечатать ее поизящнее, как того заслуживает имя автора» *(ПСС, XVI, 106)*.

Перевод предполагался, видимо, для печати, а не для сцены. Во всяком случае, нам ничего неизвестно о переговорах с театрами. Но при жизни Островского ничего не вышло и с изданием перевода. Суворин тянул, дело расстроилось. Однако, как бы там ни было, самый выбор пьесы свидетельствует о сценической прозорливости Островского. Живой театральный интерес к пьесе Макиавелли (как и вообще к итальянской комедиографии XVI в.) возник повсеместно уже много лет спустя после смерти Островского. В России один за другим появляются новые переводы «Мандрагоры» (Амфитеатрова, Ракинта, Габричевского). Комедия все чаще и чаще появляется на подмостках мировой сцены.

Для характеристики работы над переводом приводим некоторые варианты, которые Островский внес в перебеленную им рукопись:

Стр. 404, строка 6
«в этом городе» *вместо* «в этой стране».

Стр. 404, строка 10
«ведет в дом» *вместо* «это вход в дом».

Стр. 404, строка 16
«аббат живет» *сверху надписано* «живущий».

Стр. 405, строка 9
«первым художеством» *сверху надписано* «занятием».

Стр. 406, строки 8—9
«удивился моему внезапному отъезду» *сверху надписано* «что я так внезапно уехал».

Стр. 406, строки 9—10
«а теперь удивляешься тому» *сверху* «пожалуй и» (видимо, вставка между «удивляешься» и «тому».— *Н. Т.*).

Стр. 406, строка 10
«Без всякого дела» *вместо* «и ничего ровно не делаю».

Стр. 406, строка 14
«не потому» *вместо* «не от того».

Стр. 407, строки 31—32
«и так расхвалил ее красоту» *вместо* «наговорил столько похвал ее красоте».

Стр. 407, строка 44
«облегчить душу» *сверху* «высказать свое горе».

Стр. 408, строка 10
«она не сближается ни с родственниками» *вместо* «у ней нет родственников».

Стр. 410, строка 39
«муж да жена, одна сатана» *вместо* «бог создал мужчин, а они подбирают себе под пару».

Стр. 411, строка 5
«что это за человек» *вместо* «какого роду этот человек».

Стр. 411, строки 37—38
«обуздывай свои бешеные порывы» *вместо* «охлаждай...».

Стр. 411, строки 38—39
«могу ли я обуздывать их» *вместо* «что я стараюсь охлаждать».

Остальные исправления и варианты (с отслоением того, что внесено не рукой Островского) носят аналогичный характер. Направление работы Островского очевидно: поиски более точного слова («обуздывать свои бешеные порывы» вместо «охлаждать свои бешеные порывы»), поиски большей разговорности («муж да жена, одна сатана» вместо калькированного «бог создал мужчин, а они подбирают себе под пару»), уточнение смысла («в этом городе» вместо «в этой стране» или «облегчить душу» вместо «высказать свое горе»).

Очевидно, впрочем, и то, что перевод этот никак нельзя считать завершенным. Д. К. Петров совершенно прав, когда говорит, что разница между карандашным черновиком и перебеленной рукописью «не слишком значительна» и что Островский, «переписывая свою работу, исправил ее и усовершенствовал». Однако он решительно не прав, утверждая, будто «...уже черновик дает нам удовлетворительный и изящный перевод». Островский не был бы Островским, приняв такой комплимент.

Воспроизводимая здесь перебеленная рукопись — всего лишь одна из стадий работы над переводом. Не подлежит сомнению, что, подготавливая его к печати (сдержи А. С. Суворин свое обещание!), Островский внес бы еще много уточнений и изменений. Об этом свидетельствуют именно варианты, привнесенные автором в перебеленную рукопись. Это лишь возможные исправления, «заметки для себя», дающие направление еще предстоящей, но далеко не завершенной работе.

Однако и в таком виде перевод А. Н. Островского для нас чрезвычайно поучителен. Внимательный читатель легко обнаружит в нем основные требования, которые великий знаток слова предъявлял к сценическому языку: построение реплик, словесный «подхват», забота о произносительном удобстве для актера.

Стр. 403

Канцона.— В черновике есть соответствующее примечание Островского: «Эта канцона и другие, которые после сцены в антрактах, Макиавелли написал после. Это видно из письма его к Гуиччиардини. Канцоны исполнялись нимфами и пастухами». Действительно, Макиавелли написал ее для спектакля, который Гвиччардини готовил для папы Климента VII к карнавалу в городе Фаэнца. Канцону и стихи Макиавелли отправил Гвиччардини в письме от 3 января 1526 года.

...имя того, кто здесь управляет...— то есть Гвиччардини, правителя Романьи.

...кто вам это дал.— Правил там Гвиччардини от имени папы Климента VII.

Стр. 404

...изучил под Боецием...— *Боэций Аниций* (480—525), римский писатель, философ и государственный деятель эпохи господства остготов в Италии. Переводил и комментировал сочинения Аристотеля. Особенной известностью пользовалось его сочинение «Об утешении философией», которое он написал в тюрьме, куда был заключен по приказу Теодориха Великого. Вплоть до XVI века сочинения Боэция изучались и комментировались. В подлиннике кроме указания на то, что «доктор» изучил по произведениям Боэция «много законов», есть еще и труднопереводимая игра слов: там сказано: «Buezio», то есть обыгрывается значение «bue» (вол, бык), законовед-воловед».

...не имеет никакого вознаграждения за труды свои...— намек на то, что автор (Макиавелли) не получил признания за предшествующие свои труды («Государь» и др.).

Стр. 405

...где звучит «si»...— то есть где говорят по-итальянски.

...что он проводит и того, кто носит плащ лучше его...— В переводе Островского несколько туманно. Смысл такой: «высмеивает того, кто становится слугой человека более состоятельного» («носит плащ более роскошный»). В черновике Островский сам отметил неясность для него данной фразы в подлиннике.

Стр. 406

...с вторжением короля Карла...— Речь идет о французском короле Карле VIII, который вторгся в 1494 году в Италию. Этим походом началась серия франко-испанских войн за господство на Апеннинском полуострове.

Стр. 410

Веррукола — гора возле Пизы, где находилась старинная крепость, реконструированная флорентийцами.

...удивляюсь: столько вы снегу подмочили...— Смысл этой грубоватой идиомы: «вы же столько путешествовали».

Стр. 411

...слишком развязавшись...— то есть привыкнув к ухажерам.

Стр. 413
...чтоб он заварил кашу, да и оставил меня как рака на мели.— Тут Островский, обычно очень строго следующий за текстом в первоначальных вариантах перевода, впадает в излишнюю руссификацию. В оригинале довольно нейтральная идиома: «завести в лес и бросить».

Стр. 416
...такой горб взвалишь на плечи...— В подлиннике гораздо грубее: «такое получишь в зад...»

Стр. 418
...ваша жена легко покрывается по ночам...— В подлиннике прозрачная двусмысленность: «ее плохо покрывает» (муж).

Стр. 419
...это дело касается «Восьми»...— Речь идет о трибунале Восьми, флорентийском судилище, в ведении которого находились уголовные дела.
...это будет около четырех часов ночи.— К этому месту в черновике примечание Островского: «По-итальянски считают часы заката солнца, а поэтому это будет 10 часов вечера».

Стр. 425
...если эти дукаты не бронзовые...— то есть если эти дукаты не фальшивые.
...не видать мне этой милостыни как ушей своих.— В оригинале язвительнее: «плакали мои денежки, достанутся они казне...»

Стр. 426
Как сказала жаба бороне.— Смысл этой идиомы: «как бы не так!» По поводу этой идиомы Гвиччардини, не понявший ее, запрашивал самого Макиавелли, ответившего ему подробным объяснением.
...что сделал Данезе...— *Уджьери иль Данезе*— персонаж рыцарских поэм.
...оставили меня здесь как кол торчать.— Итальянское выражение «...lome un zugo, a piuolo» — «стоять столбом в ожидании кого-либо или чего-либо» имеет несколько игривую семантику («делать лунку для посадки семян с помощью деревянного колышка»). В издании, которым пользовался Островский, эта идиома не разъяснялась.

Стр. 430
...еще нет двадцати трех часов... Нет, уж двадцать четыре.— См. прим. к стр. 419.

Стр. 432
...у скамьи Спини, в ложах Торнаквинчи...— места общественных сборищ во Флоренции.

Стр. 437
...коротенький кафтанчик...— В подлиннике: «кургузый плащик». После слов «*надо повесить самую умную женщину во Флоренции*» пропуск: «Я знаю, что Пасквина войдет в Ареццо, и прежде чем я выйду из игры, я смогу сказать, как мона Гинга: видел своими глазами». Действительно, туманный смысл этой фразы трудно передать по-русски. Но приблизительно он таков: «Я знаю, что дело будет сделано (между переодетым Каллимако и Лукрецией.— *Н. Т.*), но, прежде чем покинуть спальню, я должен во всем убедиться собственными глазами».

Стр. 438

О, как он подделал себя, ни за что не узнаешь.— В оригинале: «Его и сам Ва-ква-ту не узнал бы!» *Ва-ква-ту* — тюремщик, персонаж одной итальянской новеллы.

Это алоэ.— Вся эта сцена является приспособлением знаменитого эпизода из шестой новеллы восьмого дня «Декамерона» (шутка, которую сыграли с Каландрино).

...командует правым крылом, левым я, в середине между крыльями станет доктор ∽ Ну, во имя святой кукушки.— Островский не совсем понял смысл этой реплики. Буквальный перевод таков: «Правым рогом будет командовать Каллимако, левым я, а между двумя рогами — доктор... Паролем будет — Святой Рогач (итальянское san Cucú — искаженное французское Saint Cocú)». Тогда будет понятна и следующая реплика Нича и Лигурио.

Стр. 439

Пусть сам черт с тобой ложится,/А я к тебе уж не пойду».— Каллимако поет несколько другое: «Пусть сам черт с тобою ляжет, Раз уже мне прийти нельзя».

Стр. 440

Я буду читать правило.— *Правило* (ufficio) — требник.

Стр. 441

...и чтобы в чем-нибудь не промахнуться...— Эта фраза у Островского осталась без перевода. Здесь — в переводе Д. К. Петрова.

Стр. 442

...пробило тринадцать часов...— то есть пять часов утра. См. прим. к стр. 419.

Стр. 445

Гроес (гроссо) — средневековая золотая монета.

Н. Томашевский

СТИХОТВОРЕНИЯ

Впервые опубликованы в «Сборнике 50 романсов и песен Баха, Генделя, Глюка, Мендельсона, Моцарта и других», М., изд. П. И. Юргенсона, 1866.

Печатаются по указанному изданию.

Зимняя сказка (Winterlied) — перевод шведской песни.

Мы песнею крылатой (Auf Flügeln des gesanges) — перевод стихотворения Г. Гейне.

Путевая песня (Reiselied) — перевод стихотворения Г. Гейне.

Вечер (Abend-empfindung) — в сборнике автор стихов не указан.

Колыбельная песня (Wiegenlied) — стихи Гимера.

В. Маликов

ПЕРЕДЕЛКИ

ЗАБЛУДШИЕ ОВЦЫ (LE PECORELLE SMARRITE)

Пьеса, являющаяся переделкой комедии итальянского драматурга XIX века Теобальдо Чикони, впервые опубликована в собрании «Драматические переводы А. Н. Островского», Спб., изд. С. В. Звонарева, 1872.

В 1886 году была перепечатана в двухтомнике А. Н. Островского «Собрание драматических переводов» (Спб., изд. Н. Г. Мартынова).

Печатается по тексту издания С. В. Звонарева с некоторыми исправлениями по карандашному черновому автографу, датированному 1867 годом *(ПД)*.

Работу над этим переводом-переделкой Островский вел летом 1867 года в Щелыкове по изданию «Teatro italiano», t. 2, Milano, 1864.

«Заблудшие овцы» добротный перевод с некоторыми вольностями, небольшими неточностями и с сокращениями реплик. Оговаривать их не имеет смысла, так как формально перелицовка Островского не может рассматриваться на правах собственно перевода.

Первая постановка пьесы была осуществлена в Малом театре 24 февраля 1869 года и до конца года выдержала пять спектаклей.

9 мая 1869 года она была поставлена на сцене Александринского театра в бенефис московского актера С. В. Шумского. В Петербурге было сыграно три спектакля.

В дальнейшем пьеса ставилась уже не на казенной сцене. Так, в январе 1879 года она была показана в «Клубе приказчиков». На этот спектакль газета «Новости» *(1879, 23 января)* откликнулась отрицательным отзывом и о самой комедии и о ее постановке.

В год смерти Островского в «Правительственном вестнике» *(1886, № 228)* была напечатана статья за подписью «Библиограф», в которой положительно оценивались переводы Островского (Шекспира, Джакометти и Итало Франки), но о пьесах «приспособленных» («Заблудшие овцы», «Рабство мужей») автор отозвался весьма сдержанно.

Стр. 453
Лица.— Персонажи те же, что и в оригинале. Но все они получили русские имена. Некоторые из них схожи с итальянскими. Так, Витторио, муж героини, превращен в Виктора Аполлоновича, Томмазо Негрони, отец героини — в Ивана Фомича Чернова (Томмазо — Фомич, Негрони — Чернов), граф Помпео ди Кастельветро — в барона Помпея Богдановича Фон Баца, слуга Джованни — в Ивана. Приемом «перевода» имен и фамилий Островский пользовался и в других переводах-переделках.

Стр. 455
...вечер 24 июля 1865 года...— В оригинале это происходило 27 сентября 1854 года. А место действия перенесено с озера Лаго-Маджоре на Волгу.

Стр. 471
«La donna è mobile...» — ария Герцога из оперы Верди «Риголетто».

Стр. 478
Камена — муза поэзии.

Стр. 482
...рыцарей «Круглого стола».— См. прим. к стр. 308—309.

Стр. 485
Разве Петрарка мог отказать в чем-нибудь Лауре? — Петрарка Франческо (1304—1374) — итальянский поэт; его «Книга песен», в которой воспевалась любовь к Лауре, получила широкую известность.

Н. Томашевский

РАБСТВО МУЖЕЙ
(LES MARIS SONT ESCLAVES)

Переделка пьесы А. де Лерн «Рабство мужей» впервые напечатана в собрании «Драматические переводы А. Н. Островского», Спб., изд. С. В. Звонарва, 1872.

В 1886 году с незначительными разночтениями переиздана в двухтомнике А. Н. Островского «Собрание драматических переводов» *(Спб., изд. Н. Г. Мартынова)*.

Рукописные источники:

карандашный автограф (27 лл., *ПД*);

авторизованная писарская копия с многочисленными карандашными поправками, сделанными рукой Островского (14 лл., *ПД*);

театральная писарская копия, содержащая план сцены и перечень занятых актеров *(ЛГТБ)*.

Печатается по тексту издания Н. Г. Мартынова, совпадающему с авторизованной писарской копией.

Первое представление состоялось 29 апреля 1870 года на сцене Александринского театра в бенефис Н. П. Вороновой. Было дано три спектакля. Следующая премьера состоялась в Малом театре в бенефис дирижера М. М. Эрлангера 5 мая 1870 года. Прошло шесть спектаклей.

Отзывы театральной критики были единодушно отрицательные (четыре отзыва). Мягче других был отзыв «Незнакомца» (А. С. Суворина) в «Петербургских ведомостях» *(1870, 3 мая)*, который, воспользовавшись случаем, возбудил вопрос о скверном вознаграждении за авторский труд.

Стр. 498
Лица.— В этой переделке Островский переиначил почти все имена действующих лиц, оставив лишь Мари Машенькой, да ввел еще один новый персонаж — Фому Фомича, роль которого предназначалась Ф. Бурдину (указание в режиссерском экземпляре). В остальном же перевод по большей части безукоризненно точный.

Стр. 500
Ковы — злостные планы, умыслы.

Н. Томашевский

ПОКА

(EN ATTENDANT)

Переделка комедии французских драматургов Баяра, Фуше и Арвера «Пока» впервые опубликована А. С. Поляковым в «Ежегоднике петроградских государственных театров (сезон 1918/19)», Пг., 1922.

Рукописные источники:

писарская копия (переплетенная тетрадь in folio, 129 лл., *ЛГТБ*). На экземпляре цензурное дозволение от 21 декабря 1873 года: «К представлению дозволено безусловно». В экземпляре множество карандашных помарок, преимущественно направленных на сокращение реплик. Есть и незначительная стилистическая правка.

Перевод-переделка «Пока» печатается по публикации А. С. Полякова с той разницей, что печатается он по новой орфографии и с изъятием тех мест, которые исключены из текста писарской копии при карандашной правке. Есть серьезные основания полагать, что правка эта принадлежит самому Островскому. Во всяком случае, внесенная правка намного облегчает и улучшает текст. Трудно предположить, что делала ее посторонняя рука. Во избежание каких-либо недоразумений приводим ее полностью.

Стр. 537, строка 23
После слов «...простит, бог тебя простит!» *снято* «Ты опять со мной!.. Беги, спеши ко мне, на грудь мою, на ту грудь, мой милый, которая...».

Стр. 538, строка 27
После слов «Ах черт его возьми!» *снято* «Извольте видеть, он письма пишет... Хорошо ему, а я дожидайся по пяти часов на пыльном проселке под открытым небом, хоть бы тебе кустик! А солнце-то июльское! Вот бабы жнут так запросто, а я образованный человек, я в полном одеянии».

Стр. 538, строка 31
После реплики Сафоева «Ну да, конечно, как не догадаться...» *вымараны реплики Чингисовой* и *Сафоева*:

«Ч и н г и с о в а. Ах, Борис Борисович, как я вам благодарна.

С а ф о е в. Нет, что же! Я очень рад был сделаться его другом, его товарищем... Я хотел подавать ему благие советы. Наставления. Ну, да!

Ч и н г и с о в а. Ну, конечно, конечно».

Стр. 539, строки 4—5
После слов «Нет уж, покорнейший слуга... мне за ним не угоняться» *снято*: «Мочи моей не стало, я и бежать в деревню, надо отдохнуть, надо поправить желудок, который я расстроил, состоя ментором при вашем сыне».

Стр. 539, строки 32—34
Реплика Чингисовой первоначально звучала так: «Я имею средства и поправить его расстроенное состояние и возвратить прежний блеск его фамилии, я ему нашла партию...»

Стр. 540, строки 17—18
Вместо «...что всего хуже за какой-нибудь авантюристкой» *было* «...что всего хуже за какой-нибудь куртизанкой-авантюристкой».

Стр. 540, строки 27—29
После слов «Это любовь наивная, скромная, смирная, она занимает человека, но не компрометирует...» *снято* «Такой любовью не хвастаются, значит ее скрывают, и прекрасно; разговоров нет... Покуда... такая любовь очень хороша, она кончается, когда нужно, когда угодно... немножко слез... Ведь это бы счастие, если бы можно его как-нибудь... пусть бы он вздыхал и блаженствовал в маленькой скромной гостиной близ кустика жасмина или геранпума... И если вы не хотите потерять сына...».

Стр. 541, строка 36
«Нашего шалуна» *вместо* «этого шалуна».

Стр. 542, строка 4
После слов «...я потеряла сына» *снято* «Советы, просьбы, угрозы — ничто не помогло, еще больше оттолкнуло его. Всю жизнь трепещешь за свое дитя... сын это гордость, радость наша, наше счастье жить для него... А его радости, его счастье далеко от матери... Там где-то, вдали, он губит свое здоровье, здоровье, которое мы так берегли, за которое мы так трепетали у его кроватки... по ночам... в слезах! Первая кокетка может отвлечь его сердце от матери... и вот стараешься, и надо тебе умирать... одной... с отчаянием в душе. Ах, сын мой, сын мой! Володя!»

Стр. 546, строка 37
Первоначально реплика Сафоева «Сегодня утром...» *читалась так*: «Сегодня утром, после горячего объяснения, после жгучих упреков, после разрыва со всеми друзьями, он берет хлыст и тройку лошадей у Ечкина и стремится...»

Стр. 548, строка 14
После «Я этого не знала... я...» *снято* «Ах, если б я знала...».

Стр. 554, строка 36
После слов «...во что бы то ни стало» *снято* «нужно говорить с ним много, долго,— убеждать его... Но как удержать его? Я не знаю средств».

Стр. 561, строка 22
После слов «...у ней на сердце печаль» *снято* «которая ее пожирает,— характер ее сделался мрачен. Наконец, я могу вам сказать все, вы ее друг...».

Стр. 562, строка 13
После слов «...я так давно о нем не имею известия» *снято* «Вот какая-то бумага. (Подает бумагу Сафоеву.) Должно быть, о нем.

Сафоев. О муже?

Бударова. Да. Признаться, я ее не читала, мне не принесли сегодня.

Сафоев. Бедный муж.

Бударова. Справьтесь, пожалуйста, что там такое».

Стр. 562, строка 14
«С особенным удовольствием» *вместо* «Будьте покойны. Будьте покойны».

Стр. 565, строки 25—26
После слов «Я долго искала для него хорошую партию и наконец нашла» *снято* «Этот брак дает моему Владимиру богатство, которо-

го у него нет... Богатое семейство, сильное своими связями, предлагает ему союз, достойный его... Его ждут... девушка-красавица... одаренная. (Останавливается на несколько времени.)»

Стр. 570, строки 15—16

После слов «Нет, ты меня не оставишь...» *вымараны две реплики*:

«Б у д а р о в а. Мне войти в ваше семейство! С стыдом на лице, с смертию в сердце; отдать себя на ежедневное унижение, как сегодня здесь, когда она меня спрашивала — дорого ли мне ваше счастье. О, боже!

В л а д и м и р. О, да, нет... Ты говоришь правду. Надо нам бежать».

Стр. 570, строка 17

После реплики Бударовой «Любовь вас сводит с ума...» *вымараны реплики*:

«В л а д и м и р. Что за дело! Я люблю тебя.

Б у д а р о в а. Отказаться от своей семьи...

В л а д и м и р. Моя семья — это ты.

Б у д а р о в а. А потом, после нескольких дней счастья и забытья, ты, с отчаяния, проклянешь меня, и я, если не убью себя, я сойду с ума.

В л а д и м и р. О! Никогда!

Б у д а р о в а. Она мне сказала, что ты меня будешь проклинать».

Стр. 570, строка 19

После слов «Ты сомневаешься в моей любви...» *снято* «ты отказываешься уехать... ты придумываешь пустые отговорки».

Стр. 570, строки 42—43

После слов «Да, и дай бог, чтоб это было последнее в моей жизни» *сняты две реплики*:

«В л а д и м и р. Прощай.

Б у д а р о в а (прилегая к его плечу). Владимир. (Жмет его руку, не глядя на него.)»

Стр. 571, строки 35—37

После слов «Ах, я задыхаюсь... голова кружится. (Подходит к Дуняше и берет ее за руку.)» *снято* «Письмо... это было письмо к нему... его принес садовник и подал тебе... а ты отдала...

Д у н я ш а. Княгине, она прочла.

Б у д а р о в а. И спрятала... О, это бесчестно! (Падает на кресло.)»

Работа над пьесой велась, по всей вероятности, в течение 1872—1873 годов. Еще 3 сентября 1871 года Островский просит Ф. А. Бурдина: «Сделай для меня великую милость: поищи в книжных лавках «En attendant» комедия или водевиль Бояра и Фуше — 1836 года. Ищи и, если найдешь, храни посекретней до моего приезда» *(ПСС, XIV, 212)*. 26 августа 1872 года он уже сообщает ему: «Новую пьесу я кончу на днях ⟨. . .⟩ Вслед за этой пьесой будет окончена переделка «En attendant», она уже почти готова. Там есть тебе прекрасная роль» (*ПСС*, *XIV*, *236*).

Цензурное же дозволение на пьесу получено лишь 21 декабря 1873 года. Стало быть, на переговоры, всякие хлопоты и работу ушло больше года.

Премьера состоялась в Малом театре 18 января 1874 года в бене-

фис Е. Н. Васильевой. В этом же месяце было дано еще два спектакля.

Пресса откликнулась на спектакль статьями в «Голосе» *(1874, 22 января)* и в «Развлечении» *(1874, 8 и 22 февраля)*. По мнению рецензентов «Развлечения» П. Акилова и Мичмана Жевакина (Н. А. Вашкова), переделка не была удачной.

Очевидно, в 1878 году пьесой снова заинтересовался режиссер Александринского театра П. А. Лепин, во всяком случае, в письме к Ф. А. Бурдину от 3 февраля 1878 года Островский пишет: «...перевод пьесы «En attendant» называется «Пока». Если Лепин хочет взять эту пьесу, так я ее переделаю, оставлю только сюжет, выйдет вещь очень сценичная. Для меня это дело одной недели. Я сегодня же примусь за переделку, скажи ему это и попроси подержать в секрете. Одноактная пьеса моя не оригинальная и не перевод, а заимствованная» (*ПСС, XV, 108)*.

Но о дальнейшей судьбе переделки сведений не имеется.

Н. Томашевский

ДОБРЫЙ БАРИН
(UNE BONNE À VENTURE)

Переделка французского водевиля А. Делилпа и Ш. Ле-Сенна впервые опубликована в двухтомнике: А. Н. Островский «Собрание драматических переводов», т. 2, Спб., изд. Н. Г. Мартынова, 1886.

Рукописные источники:

автограф (18 л., помеченный 21 августа 1875, *ПД*),

автограф (17 л., помеченный 25 января 1878, *ПД*),

писарская копия ранней редакции (*ЛГТБ*),

цензурная писарская копия с цензорским дозволением от 30 декабря 1878 года соответствует позднему автографу *ПД (ЛГТБ)*,

театральная писарская копия (суфлерский экземпляр) с многочисленными карандашными вымарками и уточнениями и с надписью: «Представлен в первый раз в Александр. театре 17 января 1879 в бенефис г-жи Савиной». Идет 40 минут» *(ЛГТБ)*,

театральная писарская копия с карандашной правкой *(ЛГТБ)*,

театральная писарская копия, режиссерский экземпляр со множеством пометок и схематическими рисунками мизансцен *(ЛГТБ)*,

театральная писарская копия, суфлерский экземпляр *(ЛГТБ)*,

копии, хранящиеся в *ЛГТБ*, относятся к первой постановке в Александринском театре.

Печатается по изданию Н. Г. Мартынова с контрольной проверкой по указанным рукописным источникам.

Первая редакция перевода-переделки была создана в 1875 году. От окончательной она отличается не столь значительно. Правда, в первой редакции главный герой носит фамилию Эпикуров, а во второй *(ПД)*, начиная с оборота второго листа, он получает фамилию Пыров. Постепенно уточнялся и его возраст. Меняется фамилия и другого персонажа: Граев становится Лытаевым. Текстовые же разночтения весьма незначительные.

17 января 1879 года в бенефис М. Г. Савиной состоялась премьера в Александринском театре. Спектакль с большими перерывами

игрался там до апреля 1885 года. Всего дано было одиннадцать спектаклей.

В Москве премьера состоялась в Малом театре в бенефис Н. А. Никулиной 2 февраля 1879 года, а 8 февраля — в бенефис Г. Н. Федотовой. С Федотовой спектакль был игран три раза, с Никулиной — один.

На петербургский спектакль с Савиной пресса отозвалась дружно. Уже через день после премьеры, 19 января, откликнулось минимум восемь изданий («Петербургский листок», «Биржевые ведомости», «Голос», «Новости», «Петербургская газета», «Русский мир» и др.). Московский спектакль вызвал откликов меньше.

Стр. 578
Сонетка — звонок, колокольчик для вызова прислуги, обычно приводимый в действие шнурком.

Стр. 584
...мафусаиловы-то веки.— См. прим. к стр. 325.

Н. Томашевский

СПИСОК ПЕРЕВОДОВ И ПЕРЕДЕЛОК
А. Н. ОСТРОВСКОГО

Шекспир У.	«Укрощение злой жены» («The Taming of the Shrew»); прозаический перев. с англ. *(ПК, ЛГТБ)*	1850
Плавт Т.	«Азинария» («Ослы») («Asinaria»); перев. с латин. В полном виде не сохранился. *(ЧА, ЦГАЛИ)*	1850
Сенека Л.	«Ипполит» («Hippolitus»); перев. с латин. Не завершен. *(ЧА, ЦГАЛИ)*	б/д
Квитко-Основьяненко Г. Ф.	«Искренняя любовь, или Милый дороже счастья» («Щира любов»); перевод-переделка с укр. Перевод не найден.	1852
Теренций П.	«Гецыра» («Свекровь») («Hecyra»); перев. с латин. Не завершен. *(ЧА, ПД)*	1858
Шекспир У.	«Усмирение своенравной» («The Taming of the Shrew»); стихотворный перев. с англ.	1865
Стихотворения	Перевод четырех романсов для «Сборника 50 романсов и песен Баха, Бетховена, Генделя и др. с сохранением оригинальных текстов и прибавлением русских переводов»	1866
Чикони Т.	«Заблудшие овцы» («Женатые овечки») («Le pecorelle smarrite»); перевод-переделка с итал.	1867
Франки И.	«Великий банкир, или Уплата миллиона по предъявлению» («L'Origine di un Gran Banchiere o un Milione Pagabile a Vista»); перев. с итал.	1867
Маллиан М. и Кормон Э.	«Бродяга» («Le Vagabond»); перев. с франц. Перевод не найден.	1867
Автор не определен.	«Честь» («Onore»); перев. с итал. Перевод не найден.	1867

Гольдопи К.	«Обманщик» («Raggeratore»); перев. с итал. Перевод не найден.	1867
Гольдони К.	«Истинный друг» («Il vero amico»); перев. с итал. Перевод не найден.	1867
Гольдони К.	«Порознь скучно, а вместе тошно»; перев. с итал. Не завершен. *(ЧА — фрагмент, ЦГАЛИ).*	1867
Де Лери А.	«Рабство мужей» («Les maris sont esclaves»); перевод-переделка с франц.	1870
Джакометти П.	«Семья преступника» («Гражданская смерть») («La morte civile»); перев. с итал.	1870
Гольдони К.	«Кофейная» («La bottega del caffè»); перев. с итал.	б/д
Баррьер и Капандю	«Мнимые добряки» («Les faux bonshommes»); перев. с франц. Не завершен.	1870—1871?
Баяр, Фуше, Арвер	«Пока» («En attendant»); перевод-переделка с франц.	1872
Монтиньи	«Бал в провинции» («Un mariage en Province»); перев. с франц. Не окончен.	1873
Паришурама	«Дэвадасси» («Баядерка»); перев. с франц., который в свою очередь был сделан Л. Жакоми с тамильского. *(ЧА, ПД)*	1874—1875
Грацциии А.	«Выдумщик» («Арцигоголо») («Arzigogolo»); перев. с итал. Перевод не найден.	
Делилиа А. и Ле-Сенна Ш.	«Добрый барин» («Un bonne à Venture»); перевод-переделка с франц.	1875
Фелье О.	«Хорошо в гостях, а дома лучше» («Хорошо там, где нас нет»); «Славны бубны за горами»; «Деревня» («Le Village»); перев. с франц. Не окончен.	1877
Кастельвеккио Р.	«Фрина» («Frina»); перев. с итал. Перевод не завершен. *(ЧК, ПД)*	1878
Косса П.	«Нерон» («Nerone»); перев. с итал. Не завершен. *(ЧА — фрагмент, ЦГАЛИ)*	конец 70-х гг.

Гоцци К.	«Женщина, истинно любящая» («La donna innamorata da vero»); перев. с итал. Перевод не завершен.	конец 70-х гг.
Сервантес М.	«Интермедии» («Entremeses») Девять интермедий, перев. с исп.	1879
Гевара Л.	«Хромой бес» («El diablo cojuelo»); перев. с исп. Перевод не найден.	1883
Макиавелли Н.	«Мандрагора» («Mandragola»); перев. с итал.	1884
Шиллер Ф.	«Гимн искусству»; перев. с нем.	1884
феерия	«Аленький цветочек»; перев. с англ. Перевод не найден.	1885
Шекспир У.	«Антоний и Клеопатра» («Anthony and Cleopater»); перев. с англ. Перевод не окончен. *(ЧА, ПД)*	1885—1886
феерия	«Синяя борода» (Blue Beard); перев. с англ. Перевод не найден.	1886
Кальдерон П.	«Вера и крест» («La devoción de la Cruz»); перев. с испан. Перевод не окончен.	б/д
Кальдерон П.	«Дом с двумя входами» («Casa de dos puertas mala es de guardar»); перев. с исп. Перевод не окончен.	б/д
роман	Перев. с франц.; автор и название не установлено. (*ЧА* — фрагмент, *ЦГАЛИ*)	б/д
статья	«Ярмарочный театр во Франции»; перев. [с франц.]. Перевод не завершен (*ЧА*, *ЦГАЛИ*)	б/д
Мольер Ж.	перевести всего Мольера — замысел.	

СОДЕРЖАНИЕ

Островский А. Н.

О-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина [и др.]. Т. 9. Переводы и переделки. (1865—1886). Подг. текста и коммент. В. И. Маликова и Н. Б. Томашевского. М., «Искусство», 1978.

664 с.; 1 л. портр.

В настоящий том входят переводы пьес У. Шекспира, И. Франки, П. Джакометти, К. Гольдони, М. Сервантеса, Н. Макиавелли и переделки французских и итальянских комедий и водевилей.

О $\frac{70600\text{-}174}{025\ (01)\text{-}78}$ подписное Р1

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 9

Редактор З. М. Пекарская
Художественный редактор Л. И. Орлова
Технический редактор Н. С. Еремина
Корректор З. Д. Гинзбург

Сдано в набор 28/VI 1977 г. Подписано в печать 28/XI 1977 г. Формат издания $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типогр. № 1. Усл. печ. л. 34,966. Уч.-изд. л. 33,198. Изд. № 12977. Тираж 80 000 экз. Заказ № 1713. Цена 1 р. 60 к.
Издательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский переулок, д. 3. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54 Валовая, 28

1р. 60к.